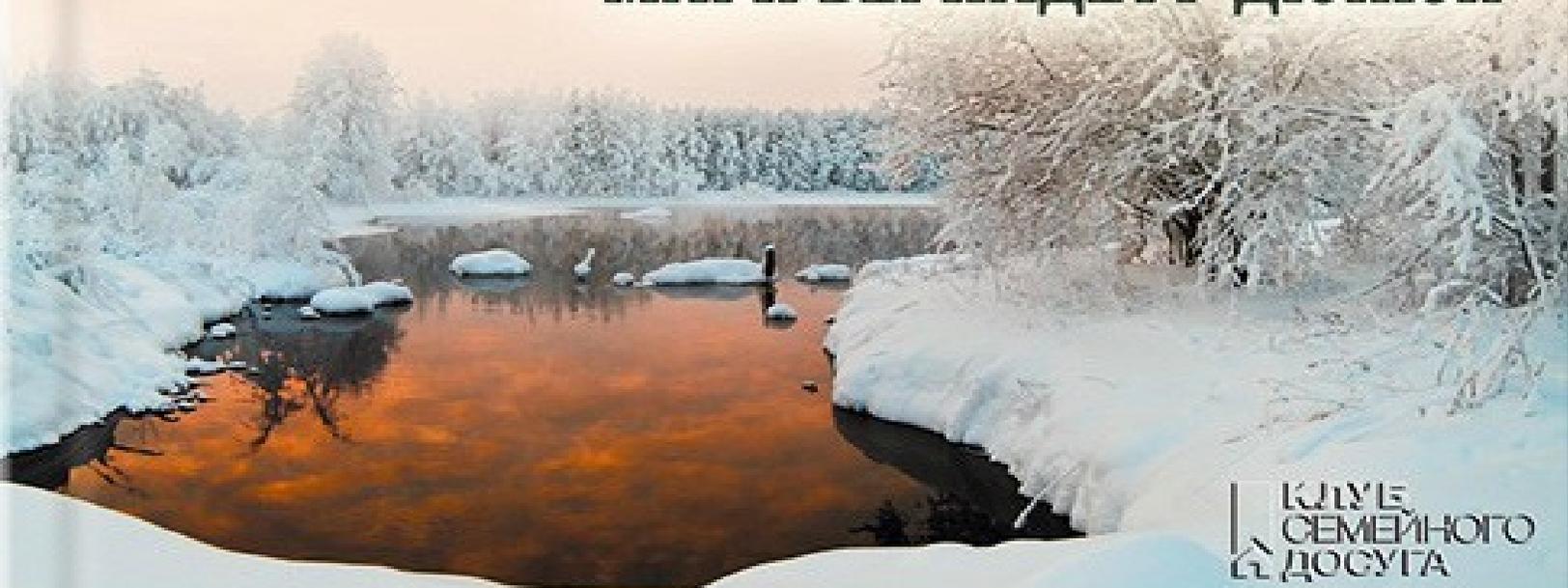

*Сиротка
Дыхание ветра*

МАРИ-БЕРНАДЕТТ ДЮПЮИ

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

Annotation

Конец 1939 года. Не успела Мари-Эрмин оправиться от потрясения после гибели своего младшего сына, как судьба отняла у нее еще и мужа. После того как ведомый чувством долга Тошан ушел в армию, их милый домик на берегу реки опустел: Мари-Эрмин с детьми нашла приют у своих родителей. Впереди их ждет суровая зима, а рядом нет мужчины и защитника... * * * Декабрь 1939 года. Даже в уютном домике на берегу реки, где Мари-Эрмин поселилась с мужем и детьми, не скрыться от чувства вины за смерть малыша, который родился слишком слабым. Выдержат ли ее хрупкие плечи новые испытания? Муж Мари-Эрмин, Тошан, уходит в армию. Семью, лишившуюся защитника, ждет суровая зима...

- [Мари-Бернадетт Дююои](#)
  - [От автора](#)
  - [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
  - [Глава 9](#)
  - [Глава 10](#)
  - [Глава 11](#)
  - [Глава 12](#)
  - [Глава 13](#)
  - [Глава 14](#)
  - [Глава 15](#)
  - [Глава 16](#)
  - [Глава 17](#)
  - [Глава 18](#)
  - [Глава 19](#)
  - [Глава 20](#)
  - [Глава 21](#)

- [Глава 22](#)

-

-

- [notes](#)

- [1](#)

- [2](#)

- [3](#)

- [4](#)

- [5](#)

- [6](#)

- [7](#)

- [8](#)

- [9](#)

- [10](#)

- [11](#)

- [12](#)

- [13](#)

- [14](#)

- [15](#)

- [16](#)

- [17](#)

- [18](#)

- [19](#)

- [20](#)

- [21](#)

- [22](#)

- [23](#)

- [24](#)

- [25](#)

- [26](#)

- [27](#)

- [28](#)

- [29](#)

- [30](#)

- [31](#)

- [32](#)

- [33](#)

- [34](#)

- [35](#)

- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)

- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)

Мари-Бернадетт Дюпюи

Сиротка

Дыхание ветра

Моему обожаемому внуку Луи-Гаспару Дюпюи, ребенку света и любви.

В этой истории, Луи-Гаспар, мне хотелось воскресить заброшенный поселок, далеко, очень далеко от нашей Франции, в дивной стране снегов, где поет водопад Уиатшуан, который так дорог моей героине, Мари-Эрмин.

От автора

На этих страницах, которые рождаются под моим пером, я храню верность своим героям и не хочу покидать их на половине пути.

Мне случалось гостить в Квебеке, и я неизменно заезжала в Валь-Жальбер. Это место, напоенное поэзией и историей, завладело моим сердцем. Я ощущаю там биение прошлого, все еще богатого преданиями и воспоминаниями. Выбранное мною время — зима 1939-го и лето 1940-го — было суровой порой. Весь мир постепенно втягивался в войну, еще полностью не осознавая многочисленных последствий этого бедствия.

Эта третья книга, наверное, самая интимная из всех, пахнущая свежесвыпавшим снегом, рисует беспокойную каждодневную человеческую жизнь.

Угрозы нарастают, любовь становится явью, а Эрмин, Соловей из Валь-Жальбера, силой обстоятельств превращается в решительную женщину, готовую бороться за тех, кого она любит.

От всей души я рассчитываю на поддержку тех, кто постоянно просит меня написать продолжение этой книги. Теперь я с радостью могу надеяться, что эта прекрасная история еще не закончена.

Спасибо вам, дорогие читатели.

М.-Б. Д.

Глава 1

Слезы Соловья

Берег Перибонки, суббота, 2 декабря 1939 г.

С самого рассвета крупными хлопьями падал снег. В старой хижине Талы, превращенной с годами в благоустроенный дом, от досок которого все еще исходил легкий смолистый аромат, царила глубокая тишина. Стоя у окна, Эрмин не узнавала знакомый сердцу зимний пейзаж: только белая, однообразно белая пелена.

Она стукнулась лбом о стену и застонала, словно раненый зверь. Она боролась с непреодолимым желанием изо всех сил удариться головой об оконное стекло, разбить его, ощутить боль, чтобы начало страдать тело и перестала страдать душа.

— Нет, нет! Только не это! — простонала она. — Дитя мое, радость моя, мой малыш...

Страшная картина, которая неотвязно терзала ее, вновь завладела ее сознанием. Снова и снова ей чудилась колыбелька, в которой покоился ее сыночек трех недель от роду, совсем еще крошечный, но неподвижный, спящий вечным сном.

— Мой маленький Виктор никому не причинил зла! — растерянно шептала она. — Ну за что Господь наказал моего ангелочка? Он же ничего дурного не сделал! Ну почему Он отнял его у меня? Это невозможно...

Ребенок умер 15 ноября, а Эрмин все никак не могла оправиться от потери, поскольку во всем винила только себя. Бледная, похудевшая, с разметавшейся по плечам копной светлых волос, она монотонно раскачивалась взад-вперед и снова билась лбом о деревянную перегородку.

«Все оттого, что мы были слишком счастливы, — думала она, терзаемая угрызениями совести. — Все из-за меня. Я впала в грех тщеславия, в погоне за славой пренебрегла материнским долгом. Никогда себе этого не прощу! Настоящая женщина бережет себя, когда носит ребенка, а я без конца разъезжала, соглашалась на любые контракты. Предупреждал же меня Тошан!»

При мысли о муже она горестно вскрикнула. Он все еще не вернулся, и его отсутствие становилось непереносимым.

Эрмин была нервная дрожь, и она погрузилась в воспоминания, которые бережно хранила в душе.

«Конечно, когда-то раньше были и мы счастливы на этой земле! — думала она. — Скоро минет пять лет с того дня, как я вернулась в Квебек и провела здесь с Тошаном несколько дней. Было это в январе тридцать пятого. Бог ты мой, как тогда все здорово получилось! Мне удалось выбраться к любимому, чтобы вместе отпраздновать Рождество^[1]. Дети были у мамы в Валь-Жальбере. Мы остались вдвоем, вдалеке от всех и вся, совсем одни, и от этого были счастливы. Какое это было райское блаженство, когда мы спали, укрывшись шкурами, как индейцы. До чего прекрасные ночи мы проводили! А потом я выступала в “Фаусте” в Капитолии^[2], я никогда еще так хорошо не пела, а все потому, что была безмерно счастлива».

Смех детей и наставления Мадлен, их кормилицы, внезапно вывели ее из задумчивости. Молодой индианке монтанье приходилось прилагать немало сил, чтобы воспитывать близнецов, Мари и Лоранс, которым скоро должно было исполниться шесть лет. По темпераменту девочки были очень разные. Спокойная, уравновешенная Лоранс могла часами рисовать карандашом и красками. Она была послушной и робкой. А вот неугомонной Мари все время нужно было двигаться. Потому, несмотря на тесные узы, связывающие ее с сестрой, раскрашиванию картинок она предпочитала игру в снежки. И хотя волосы у нее были светлые, в ее жилах текла неукротимая кровь индейцев.

Что касается Мукки^[3], это был славный семилетний мальчик, шаловливый и непослушный.

«Мадлен тоже пережила большое горе, — сказала себе Эрмин. — Но она такая набожная, что сумела смириться. Похоже, вера защищает ее и помогает любить моих детей не меньше, чем она любила собственную дочь».

Мадлен, которую на языке индейцев звали Соканон^[4], так и не постриглась в монахини, не ушла к сестрам в монастырь Нотр-Дам-дю-Бон-Консей в Шикутими. Готовясь стать послушницей, она вверила монахиням свою полуторогодовалую дочь. Однако встреча с Эрмин полностью изменила ее планы. Целых два года она была кормилицей и няней Лоранс и Мари, а потом так и не смогла расстаться с ними. Более того, ей казалось, будто наконец-то она обрела тихое семейное счастье, деля его поровну между особняком Лоры Шарден в Валь-Жальбере и домиком на берегу реки Перибонки. Она уже подумывала о том, чтобы

забрать к себе дочку, но малютка умерла от менингита.

— На то воля Божья! — говорила молодая кормилица сквозь слезы. — Мое дитя станет ангелом небесным, а я буду за нее молиться денно и ночью.

После смерти дочери Мадлен перенесла всю свою материнскую любовь на близнецов, и они любили ее так же пылко. Иногда это вызывало у Эрмин досаду, но из-за многочисленных ангажементов, которые навязывал ей импресарио Октав Дюплесси, выбора не оставалось.

«Я убила своего ребенка, я убила Виктора, — причитала она, бросая тоскливый взгляд на снежную завесу за окном, которая становилась все плотнее. — Врач в Монреале предупреждал меня, а я не послушалась. Он советовал мне отдохнуть, отказаться от выступлений».

Эрмин закрыла лицо руками. Теперь она проклинала и свою известность, и свой успех. А между тем Канада гордилась таким сокровищем, которому уже завидовала вся Европа. «Снежный Соловей» — стояло на сотнях афиш, и одно это обеспечивало аншлаги. В газетах и журналах на все лады превозносили чистоту и красоту ее голоса, ее прелестные золотистые волосы, ее огромные голубые глаза, ее белоснежную, словно излучающую сияние кожу, матовый цвет лица. Лора, испытывавшая законную материнскую гордость, собирала статьи, вырезки из газет и журналов, в которых признавалась красота молодой певицы и восхвалялся ее талант.

«Но раньше-то все это не мешало мне жить так, как хочется, — продолжала размышлять Эрмин. — Тошан все же позволил мне уехать, а ведь он изо всех сил старался убедить меня отказаться от карьеры. В конце концов он понял, что значит для меня искусство, смирился с тем, что я не могу не петь. А ведь раньше он грозился бросить меня, если я снова выйду на сцену! И иначе как чудом это не назовешь. Он хотел, чтобы я была счастлива, даже делал вид, что ему нравится меня ждать. А еще он говорил, что певчей птичке не пристало томиться в клетке, пусть даже в золотой!»

И действительно, последние четыре года Тошан, ее муж, ирландец по отцу и индеец по матери, всячески поддерживал свою молодую и очаровательную жену, чтобы она могла сделать блистательную оперную карьеру. Но поставил одно условие: зиму они будут проводить вместе с их тремя детьми здесь, в этом домике, который он с каким-то упоением расширял и обустроивал собственными руками. И Эрмин держала свое обещание. Она возвращалась в лоно семьи в середине октября в сопровождении своего жизнерадостного эскорта, состоявшего исключительно из женщин — Мадлен, близнецов, да еще Шарлотты, своей

неизменной гримерши и костюмерши. Этой девушке, двадцати лет от роду, нравилась такая бурная жизнь с переездами из одного роскошного отеля в другой, со сменой театров. Гораздо меньше ей хотелось проводить долгие холодные месяцы в затерянном в лесах домике.

От поселения на реке Перибонке, принадлежавшего Тошану, сюда надо было добираться несколько часов лесом по проселочной дороге. Он рассчитывал превратить дом в уютное имение для своей семьи. Эта земля досталась ему в наследство от Анри Дельбо, золотоискателя богатырского сложения, которого поглотила и унесла река. Тошан мечтал о том времени, когда его сын Мукки будет весенней порой играть здесь на поляне. Он научил его мастерить лук и стрелы, брал с собой в лес, чтобы показать, как читать следы животных. Когда Тошан ходил охотиться с ружьем, мальчуган шел вместе с ним, гордый тем, что сопровождает отца.

— Как же мы были счастливы тогда! — вздохнула все еще погруженная в свои мысли Эрмин.

Во время своих турне она вела «бортовой журнал» и в шутку сравнивала себя с капитаном судна.

— Все роли, о которых я мечтала, мною сыграны, — сказала она себе, отвлекаясь от грустных мыслей. — Мадам Баттерфляй в Метрополитен Опера в Нью-Йорке^[5]. Боже правый, там такой огромный зал, а все равно мест на всех не хватило, зрители даже стояли в проходах. Я испугалась, думала, упаду в обморок.

А совсем недавно, в апреле 1939-го, по случаю Всемирной выставки она снова выступала в этом огромном американском городе. Перед восторженной толпой она запела:

О, Канада,
Наших предков страна,
Много славных цветов увенчало тебя...

Эта песня лучше всего раскрывала дух ее родины, эта мелодия была дорога сердцу каждого ее соотечественника^[6].

— Мне ни за что не надо было подписывать этот контракт! — простонала она вслух. — И от Тошана я уехала раньше, чем намечалось, еще не зная, что беременна. А потом все время в разъездах. И вот, вот...

Эрмин с силой ударила ладонями по стеклу, но оно выдержало. Забывшись от боли, она вскрикнула громче прежнего. Прибежала Мадлен. Она была небольшого роста, довольно полная. Одета в серое платье с

белым воротничком и безукоризненной чистоты передник, черные косы уложены венчиком на голове.

— Прошу тебя, Канти^[7], не плачь! Ты напугаешь малышкой!

— Не называй меня так! — возразила Эрмин. — Слышишь? Никогда больше! Я уже никогда не буду петь. Я погубила своего ребенка! Тала и Одина^[8] столько раз говорили мне о том, что ребенок родился слишком слабеньким. Если бы я рожала в городе, а не здесь, как какая-то дикарка, может быть, мой маленький Виктор и остался бы жив. Мадлен, до чего же он был славный. Крохотный, но такой славный! Я его уже любила, ты понимаешь? Он до конца боролся за свою хрупкую жизнь. Он даже улыбался мне через силу. Вы мне все твердите, что его нельзя было спасти, но этого не дано знать и я никогда не узнаю. В довершение всего никто даже не пришел на его похороны, были только мы с Тошаном. Мои родители не соизволили приехать: Луи плохо себя чувствовал. Но ведь Мирей могла бы присмотреть за ним! Как по-твоему, Мадлен?

Кормилица обняла ее и тихонько покачала головой.

— Эрмин, мне больно на тебя смотреть! Умоляю, не вини себя, ты ни в чем не виновата. Бабушка Одина — а опыта ей не занимать — объяснила тебе, что все новорожденные хрупкие здоровьем. Никогда нельзя заранее быть уверенным в том, что ребенок выживет. Тебе повезло, что Мукки вырос крепким, да и близняшки здоровы. А Виктору не было суждено дальше оставаться с тобой. Теперь он на небесах, вместе с моей малышкой. Господь взял их в рай.

— Мадлен, это просто слова, слова и ничего больше. Я даже не знаю теперь, верю ли я в Бога. Он отнял у меня ребенка. Ты слышишь это? Он отнял у меня ребенка.

Бережно поддерживая Эрмин, Мадлен усадила ее на стоявшую около камина деревянную скамью с разложенными на ней подушками.

— Я сейчас приготовлю отвар, от него тебе станет легче. Бедная Эрмин, ты же совсем заледенела. Погрей руки!

— Меня уже ничто не согреет. С того дня, как Виктора похоронили на перибонкском кладбище, меня постоянно бьет озноб. Бедный мой мальчик! Сейчас уже земля на его могилке промерзла, снегом ее засыпало. Какая это боль, Мадлен! Мне всего двадцать четыре года, а я не смогла родить здорового ребенка.

Эрмин почувствовала, что кто-то гладит ее по плечу. Это был Мукки. Темноволосый, с золотистой кожей, мальчик серьезно смотрел на нее, и в его темных глазах она различила острую тревогу.

— Не надо больше плакать, мама, — с грустью сказал он. — Папа скоро вернется и утешит тебя.

Подошли Лоранс с Мари, милые крошки с ясными голубыми глазками, их светло-русые волосы были перехвачены розовыми лентами. Поверх серых шерстяных платьев на них были надеты передники в цветочек. Девочки тоже казались необычно взволнованными, но не так, как Мукки.

— Эрмин, приласкала бы ты детей! — посоветовала ей Мадлен. — Вот, пришли, хорошо себя ведут. Хотят видеть свою маму.

И молодая кормилица подкрепила свои слова легкой улыбкой, в которой сквозило сострадание. От нее просто веяло добротой.

— Эрмин, ты мне как сестра. Я хочу, чтобы ты успокоилась. Весной мы могли бы съездить вместе помолиться перед статуей Катери Текакуиты^[9] в базилике Сент-Энн-де-Бопре. Это недалеко от Квебека. Я там побывала до замужества, и со мной произошло что-то необыкновенное. Я и без того уже верила в Господа нашего Иисуса Христа, но там во мне проснулось желание посвятить свою жизнь Богу. Увы, моя семья решила по-иному. Я уверена, Эрмин, что как только ты посмотришь на лицо Катери, так сразу воспрянешь духом. Катери происходит из племени ирокезов, чуть было не лишилась жизни в том же возрасте, что и моя девочка, Шарлотта. Отцы-иезуиты посвятили ее в монахини. Было это почти триста лет назад, во времена правления Людовика XIV во Франции.

Воодушевление Мадлен тронуло Эрмин.

— Мы съездим туда, если тебе этого хочется, — вздохнула она.

— Дело не в том, что мне этого хочется, — возразила Мадлен, — нужно исцелить твою рану. Ведь у тебя, Эрмин, сердце кровью обливается.

Лоранс подалась вперед и принялась внимательно рассматривать платье матери, словно пытаясь найти следы крови. Мукки прижался лицом к ее груди. Мальчику было не по себе: отец не возвращался, а мать все плакала и плакала.

— Мам, надо позвать Киону, — заявил он наконец.

Само звучание этого имени заставило Эрмин вздрогнуть. Она тут же посмотрела в сторону двери, но передумала.

— Не надо, она может простудиться. Пусть сидит вместе с Талой в тепле, — сказала она. — На полдник Мадлен нажарит оладий.

«Киона! — улыбнувшись, подумала Эрмин. — Даже Мукки заметил, что эта пятилетняя девочка наделена особым даром. Помнится, когда я впервые ее увидела, ей было не больше полугода. Однако я сразу же почувствовала, что меня к ней неодолимо тянет, возникает необычное желание никогда не расставаться с нею. Я тогда и не знала, что она моя

сводная сестра, плод греховной любви моего отца и Талы, моей свекрови. Кому какое дело! Счастье, что Киона есть. Она дарит нам радость, излучает свет... Да, мне надо увидеть Киону! Она единственная, кто может меня спасти — я в этом уверена!»

Мукки с хмурым видом играл в мяч, однако ему хотелось побежать на поляну, постучаться в дверь бабушкиного дома, посадить Киону на закорки и принести сюда. Они бы играли в лошадки, а девочка заливалась бы смехом, от которого у него на душе становилось светло.

Вскоре к потрескиванию дров присоединился манящий запах жарившихся пирожков. Щебетали близнецы, распевая какую-то считалочку. Они двигали по столу подаренные Тошаном фигурки из крашеного дерева.

«Я не должна переносить свои страдания на детей, но у меня нет сил скрывать их, — подумала Эрмин. — Если бы только Шарлотта была здесь! Мне так ее не хватает, ее тоже! Зато у мамы этой зимой будет помощница. И потом, не такая уж я наивная: моя Лолотта надеется как можно скорее заполучить Симона».

Лолотта всегда питала нежные чувства к старшему сыну Маруа. Эта семья тоже участвовала в воспитании Эрмин в Валь-Жальбере. Симон в свои двадцать пять все еще не был женат, и это ободряло Шарлотту, уверенную в том, что она добьется своей цели, выйдет за него замуж.

«Как мы далеко от моего поселка! — взгрустнула Эрмин. — Что там сейчас делает мама? Она пишет мне нечасто, все ее мысли теперь только о Луи. Отец, похоже, без ума от него. А я так редко вижу своего братика».

Нечего слезы лить. К собственному горю прибавилась новая забота — подспудная, тревожащая. В Германии Гитлер разжигает гибельный пожар, который уже мало-помалу охватывает весь мир. Объявлена война. Судя по сообщениям в газетах, Канада тоже к ней готовится и вскоре направит в Европу свои войска.

— Мне надо выйти! — вдруг воскликнула она. — Мадлен, присмотри за детьми, я скоро вернусь. Мне что-то совсем нехорошо.

Эрмин надела меховые сапоги и теплую куртку. Сама не своя, она опрометью бросилась из дома. Двор стал выглядеть по-другому: появился построенный Тошаном загон с решетками для ездовых собак. Его мать, Тала, жила в маленьком домике метрах в шестидесяти от поляны. Туда и поспешила Эрмин.

— Киона, помоги мне! — прерывисто дыша, повторяла она, пробираясь по свежему — чуть не по колено — снегу. — Мне страшно, мне так страшно! Киона, сестра моя, помоги мне!

Она никогда не позволяла себе так называть девочку. Только

оказавшись в одиночестве на улице, где падал густой снег и дул ветер, она осмелилась произнести это слово — «сестра». Происхождение Кионы должно оставаться тайной — этого потребовала Лора Шарден. Девочка никогда не должна узнать, что она одной крови с Эрмин и что у нее есть сводный брат-ровесник Луи Шарден.

— Киона! Тала! — позвала Эрмин, стучась в дверь.

Свекровь открыла тотчас же. Ее слегка надменное красивое лицо, окаймленное седеющими прядями, дрогнуло при виде печального зрелища, которое являла собой гостья. Однако она встретила Эрмин улыбкой, взяла ее за руку.

— Тише, Эрмин, мы здесь! — успокоила ее Тала.

Эрмин бросила скорбный взгляд на комнату, которая показалась ей совершенно нежилой, хотя в сложенном из камней очаге ровно гудел огонь, а ее убранство было пестрым и разностильным, столь милым сердцу Талы.

— Где она? — встревоженно спросила Эрмин. — Где Киона?

— Посмотри там! — ответила Тала.

Занавеска отгораживала угол, где стояла кровать Кионы. Эрмин подошла к занавеске и слегка ее отодвинула.

Девочка была здесь, она сидела на пушистой медвежьей шкуре. От масляной лампы падал слабый золотистый свет. И в этом рассеянном свете Киона сияла, как живая статуя из чистого золота. Она играла с куклой, которую сшила ей Тала. В свои пять с половиной она была не по годам развитой и на редкость сообразительной. Говорила она намного лучше близнецов, которые были старше ее на три месяца. Малейшее колебание пламени тут же отражалось на ее смуглом личике и двух рыжеватых косичках. В первые месяцы после рождения волосы у нее были каштановые, но постепенно посветлели, что забавляло и удивляло Эрмин, Тошана и Талу.

Малышка, одетая в курточку из оленьих шкур, расшитую белыми бусинами, подняла на Эрмин свои добрые глаза, которые казались то зеленоватыми, то золотистыми.

— Мимин! — воскликнула она. — Сейчас я кончу играть и приду тебя поцеловать.

— Сиди там, дорогая моя, — ответила Эрмин. — Да у тебя тут жарко.

Киона долго смотрела на нее, потом встала, влезла на кровать, прошла по ней к Эрмин и бросилась ей на шею. От ее ручонок исходили ласка и покой.

— Ты все еще грустишь, Мимин!

— Да, и мне надо было увидеть тебя, дорогая.

Девочка отстранилась и пристально посмотрела на Мимин. Оглядев ее с головы до ног, она погладила ее по щекам и лбу, стряхнула снежинки с волос и снова прижалась к Эрмин.

— Киона ты моя, до чего же я тебя люблю! — с нежностью проговорила Эрмин. — Рядом с тобой я и чувствую себя лучше.

— Я тебя очень крепко люблю, — заверила ее девочка. — Ты не плачь!

С озабоченным видом прислушиваясь к их разговору, Тала налила себе кофе. Ее устраивала ее нынешняя жизнь, только немного беспокоило поведение невестки. После смерти Виктора Эрмин проявляла интерес только к Кионе, отдалившись даже от своих собственных детей. Тошан тоже с огорчением заметил это.

— Эрмин, — мягко спросила она, — хочешь выпить чего-нибудь горяченького? Иди к огню, мне надо с тобой поговорить.

Эрмин хотела было и Киону взять с собой к очагу, однако Тала запротестовала.

— Пусть она там поиграет — так будет лучше.

Они пристроились на камне у очага. Поднялся ветер, своими порывами теребя крытую дранкой крышу. Разговор вели вполголоса. Они не хотели, чтобы их слышала Киона, которая уже снова играла, что-то напевая.

— Эрмин, я знаю, что ты страдаешь, но тебе надо вновь обрести себя. Сегодня утром Мадлен мне рассказала, что ночью ты стонала, звала Виктора, а позавчера от этого проснулась Лоранс. Ты же человек уравновешенный, смелый! Не боишься предстать перед толпой, по полгода проводишь в разъездах, без мужа.

— Это невозможно сравнивать, Тала. Я потеряла ребенка.

— Ты не первая и не последняя, кому приходится плакать по такому поводу. Скольким матерям в этой стране довелось увидеть, как угасают их новорожденные, а потом хоронить их! Подумай о своих детях! Прошу тебя, не пытайся удерживать душу Виктора! Тебе надо быть стойкой, потому что мы не знаем, что нам готовит будущее. Тошан думает, что во всем мире разразится война. А если пустят в ход все эти машины, которые построили белые, может случиться что-то ужасное. Эти их самолеты, танки и корабли похожи на железные чудовища. Поверь мне, я очень рада, что живу в таком отдаленном уголке. Меня пугает прогресс. Но и твоя скорбь тоже.

При других обстоятельствах эта пылкая речь Талы растрогала бы Эрмин. Однако сейчас она оставалась напряженной и озабоченной.

— Тала, похоже, никто не понимает моего горя, — возразила она. — Тошан так хотел еще одного ребенка! Я ведь не подписала ни одного

контракта на следующий год! Я могла бы лелеять свое дитя, наблюдать, как оно растет. Ты же тоже мать и, конечно, понимаешь, что я испытываю.

— Уверяю тебя, мне понятны твои страдания. Просто мне хочется, чтобы ты закалилась, стала готовой к новым испытаниям. Жизнь — это тебе не длинная тихая река. Когда ты будешь далеко отсюда, ты не сможешь получить успокоение от Кионы.

Эрмин нетерпеливо махнула рукой. Ей не совсем ясно было, к чему клонит Тала.

— Но я люблю Киону. Что в этом плохого? — возмутилась она. — Она мне...

— Молчи! — прервала ее индианка.

«Она мне сестра! — мысленно закончила Эрмин. — И никто не разлучит меня с ней! Никто и никогда!»

Немного помолчав, она робко спросила:

— Можно Киона пообедает у нас? Оладьи, должно быть, остались. Мукки и девочки поиграли бы с ней.

— Нет! — возразила Тала. — Не сегодня, не так часто. Незачем Кионе привыкать к обществу твоих детей, ведь вы всё равно уедете потом больше чем на полгода. Когда вы в прошлый раз уехали, она очень скучала. Ты видела когда-нибудь, как облако закрывает солнце? Мир сразу же становится серым и блеклым. Я не хочу, чтобы моя малышка переживала из-за вашего отсутствия!

— Но мы не собираемся уезжать раньше апреля! — возмутилась Эрмин. — Надеюсь, ты придешь к нам на рождественский ужин? У меня нет никакого желания веселиться, но я пересилю себя ради детей.

Тала молча помешала кочергой угли в очаге.

— Да, мы придем, — вздохнула она. — Хотя, по правде говоря, мне там не по себе. Тошан постарался привести ваше жилье в порядок, да вот только теперь там все иначе. Добавилось две новых комнаты, кладовка с припасами.

Эрмин махнула рукой. Тале не нравилось, когда что-либо менялось. Однако все, что они сделали, было необходимо, чтобы пережить зиму в этой заснеженной глуши.

— Надо же было как следует устроиться! — возразила она, в упор глядя на свекровь. — Летом я зарабатываю деньги, чтобы жить с комфортом. Мне хотелось, чтобы у меня был теплый дом, чтобы было чем кормить семью в течение нескольких месяцев. И не моя вина в том, что ты упорно продолжаешь жить здесь, в этом малюсеньком домике, а не с нами.

Тала слегка улыбнулась на это. Она умышленно спровоцировала

Эрмин, чтобы вывести ее из меланхолии.

— Наконец-то ты повеселела, — заявила она. — Эрмин, как бы тебя еще разозлить? Сердиться полезно для здоровья. Ты правильно делаешь, когда идешь наперекор выпавшим тебе испытаниям, но нельзя падать духом. А сейчас возвращайся домой. Тошан скоро будет.

Киона вышла из своего убежища за занавеской и прижалась к Эрмин.

— Ты споешь мне песенку? — радостно спросила девочка.

— Нет, не сегодня, ты уж прости меня, дорогая! — ответила Эрмин. — Мне сегодня совсем не хочется петь. Но скоро, обещаю тебе, мы продолжим наши занятия. После Нового года.

— Ну вот, очень хорошая новость! — одобрительно сказала Тала. — Из тебя получилась бы превосходная школьная учительница.

Индианка задумчиво покачала головой. Прошлой зимой, когда вся семья жила здесь, невестка каждый день по два часа занималась с детьми. Осваивала алфавит с близнецами, учила Мукки счету, а также основам истории и географии. Мысль об этом пришла ей в голову после разговора с учительницей из Валь-Жальбера, дорогого ей поселка, откуда пришлось уехать. Эрмин загорелась желанием учить своих детей и Киону, когда та подрастет. Она закупила грифельные доски, мелки для рисования и раскрашивания, а также детские книжки с картинками. Частенько она пела для малышей — «У чистого ручья» или даже «О Канада» — и они, кто во что горазд, подхватывали эти песни своими неокрепшими голосами.

Прошлой весной и Киона с охотой стала ходить к ней на занятия. Тала была весьма польщена, узнав, что ее дочка выказала недюжинные способности, что она назубок выучила все буквы, да и цифры тоже.

— Возможно, в следующем году я буду петь! — ласково сказала Эрмин Кионе, целуя ее. — Иди, играй, дорогая, а я снова приду завтра. Каждый раз, когда я тебя вижу, мне становится легче на душе.

Киона погладила ее по щеке.

— Ты не плачь, Мимин! Твой ребенок стал ангелом, мне Мадлен сказала об этом. Я так люблю ангелов. И я тоже такая же!

Эти слова, столь необычные в устах маленького ребенка, тронули Эрмин. Было в них что-то властное, хотя и полное нежности к ней. Словно Киона осознавала, что способна противостоять душевным терзаниям Эрмин.

— Конечно, такая же! — подтвердила та. — Помнится мне, ты заболела и Тала повезла тебя в Роберваль в больницу. Тебе было только девять месяцев, но ты вернула мне силу и надежду. Ты мое сокровище, Киона!

С этими словами, избегая взгляда свекрови, которой не слишком-то нравились такие разговоры, Эрмин встала, чтобы уйти.

— Ну что ж, до завтра! — сказала она.

С улицы донесся лай. Мужской голос перекрыл его, криком останавливая собак.

— Это Тошан! — воскликнула Тала. — Иди скорее встречать мужа!

Однако, выйдя из дома свекрови, Эрмин не поспешила к сараю, в котором муж держал сани. Она знала, что ему еще надо выпрячь собак, закрыть их в зарешеченном загоне, где они жили. Но не только поэтому. Она полагала, что Тошан считает ее виновной в смерти Виктора. Он уверял ее в обратном, но переубедить не мог. Перед ним она держалась скованно, даже не осмеливалась проявить свои чувства к нему. Ко всему прочему, она решила встретить его дома, а не выходить ему навстречу, как делала это раньше, до смерти сына.

— Папа вернулся, — сообщила она Мукки, игравшему в шарики перед камином, в котором гудела раскаленная чугунная плита.

— Он, наверное, привез мне мячик! — обрадовался ребенок. — Он обещал!

— Сейчас увидим! — ответила она, тронутая искренностью его реакции.

Хотя она и побаивалась встречи с Тошаном, ей стало легче. Кионе удалось приглушить ее боль. Чтобы убедиться в том, что муж окажется в уютной обстановке, она обвела их главную комнату взглядом. Все вполне приемлемо. Вдоль стен — стеллажи с полками оттенка слоновой кости, украшенными лентой с вышитым на ней орнаментом из зеленых и красных листьев. Сосновый буфет с горкой посуды, напротив него — два окна с кружевными занавесками. Тщательно отциклеванный пол частично прикрыт большим разноцветным ковром. Приятный аромат исходит от стоящей на краю плиты кастрюли. Мадлен сварила любимый суп по хорошо известному квебекским хозяйкам рецепту: картошка, лук, огурцы, кукуруза и окорок. От одного только запаха сытым будешь.

«Как мы были счастливы до этой беды! — снова вернулась к ней скорбная мысль. — Мы бы чувствовали себя как в раю, если бы Виктор спал в своей колыбельке — живой!»

Она сложила салфетку на столе, поправила ветку остролиста с яркими глянцевыми ягодами, которую принесла ей Тала из лесу. Ее свекровь умела определить, насколько ценна та или иная находка, а остролист был редкостью в этих местах.

С минуты на минуту должен был войти Тошан, и Эрмин все больше и

больше нервничала. Подбежали Мари и Лоранс с куклами в руках. Тала сшила эти милые игрушки из кусочков оленьего меха, шерсти и разноцветных бусин.

— Это папа? — спросила Лоранс. — Я слышала лай собак.

— Да, это папа, — как можно спокойнее ответила Эрмин.

И словно в подтверждение ее слов, в коридоре раздался топот сапог, которые сначала отряхнули от снега о ступеньки. Когда дверь распахнулась, дети, все трое, бросились к ней.

— Папа! — радостно закричала Мари, более дерзкая из близнецов.

Отойдя к плите, Эрмин наблюдала за своим милым Тошаном. Годы шли, а при виде его она испытывала все то же волнение, с которым не в силах была справиться. Ей вспомнилось, как они познакомились. Это произошло десятью годами ранее возле здания универсального магазина в Валь-Жальбере, в котором также располагалась контора ресторана и гостиницы.

«Я возвращалась от Мелани Дунэ, этой очаровательной дамы, которую все называли “вдова Дунэ”. Я шла по улице Сен-Жорж и услышала свист. Подошла к катку за гостиницей и увидела мужчину, выделявавшего замысловатые пируэты на льду. Он насвистывал мелодию “У чистого ручья”. Он заметил меня, и мы разговорились. Он принял меня за ребенка, но я сказала, что мне уже четырнадцать, скоро будет пятнадцать! Он показался мне очень красивым. Сердце мое билось изо всех сил — так же, как сегодня вечером!»

Дети со смехом вцепились в тяжелую меховую куртку отца. Тошан по очереди поцеловал каждого.

— Дайте мне хоть куртку снять! — отбивался он. — Чем это так вкусно пахнет? Держу пари, сегодня на ужин у нас вкусный суп!

В свои тридцать это был очень красивый крепко сбитый мужчина, но при этом худощавый и мускулистый. Смещение рас подарило ему смуглый цвет кожи и правильные черты лица. Верный своему индейскому происхождению, он носил волосы, доходившие ему до плеч. Но его сложение и высокий рост выдавали в нем ирландскую породу отца — Анри Дельбо.

— Добрый вечер, дорогая! — улыбаясь, бросил он Эрмин. — Ты сегодня хорошо выглядишь. Отлично!

Он подошел, обнял ее за талию и коснулся поцелуем лба.

— Извини, что задержался, но мне надо было получить важные сведения в Перибонке. И я голоден, как волк! Кстати, о волке. Мукки, ты знаешь, я видел стаю волков, они шли вдоль тропы. Вожак стаи

совершенно черный, а глаза у него желтые!

Мальчик, казалось, был просто в восторге. Он принялся теревить отца за рукав.

— Вот это да! Я тоже хочу увидеть этого черного волка, очень! — умолял он. — Мам, а ты бы хотела?

Эрмин слабо кивнула. Она осторожно высвободилась из рук мужа.

— И какие сведения ты там собирал? — любопытно спросила она.

— Поговорим об этом позже, после ужина, — отрезал он. — Мари, Лоранс, накрывайте на стол! Вы уже большие, надо помогать Мадлен и маме.

Тошан казался как никогда нежным и внимательным к Эрмин — а ведь он нередко бывал строгим к детям, его часто раздражало их непослушание. Ей это было приятно.

«Вообще-то, может, он и не зол на меня, — размышляла она. — Тала и Мадлен правы: он переживает, так же как и я, но не показывает свое горе. Ведь на свете так много женщин, у которых умирают новорожденные. Кстати, с мамой такое было. Она мне рассказывала, какая это мука. У нее был мальчик, Жорж, от Фрэнка Шарлебуа. Он умер при родах. Должно быть, у нее все было по-другому: не было времени привязаться. А Виктор мне улыбался, бедный мой ангелочек!»

С превеликим трудом ей удалось сдержать слезы. Весь ужин Тошан казался ей озабоченным, даже тогда, когда он откликнулся на болтовню Мукки и близнецов. Мадлен приготовила рагу по собственному рецепту — горох, бобы и соленый шпик, с добавлением картошки.

— Я была у Талы, когда ты приехал, — сказала Эрмин, с трудом проглотив кусочек. — Мне нужно было увидеть, как улыбается Киона. Сам Мукки посоветовал мне это.

— Да, мама была такая грустная, она плакала, даже немного стонала! — вставил свое слово мальчик. — Я и сказал ей, чтобы она сходила повидалась с Кионой.

— И правильно сделал, мой мальчик, — без всякого выражения проговорил Тошан.

Он очень любил эту девочку, свою сводную сестру, но не проявлял к ней особого интереса. В ее присутствии ему никогда не удавалось забыть о том, что мать родила ее от Жослина Шардена, его тестя. И хотя Киона связывала его с Эрмин, он мог бы превосходно обойтись без этих родственных уз.

Всё началось с того, что внезапно объявился Жослин, которого все давно считали умершим. Он был болен чахоткой и поэтому не осмелился

дать знать о себе Лоре, своей законной жене, а тем более подойти к Эрмин после ее выступления в санатории на озере Лак-Эдуар. В отчаянии от того, что ему приходится отказаться от своей семьи во имя ее же блага, Шарден снова вернулся к бродяжьей жизни и таким образом встретился с Талой. Красивая индианка, давно овдовевшая, решила спасти этого человека, которому, как она чувствовала, грозила смерть. Киона родилась от их кратковременной связи.

В дальнейшем все, казалось, вернулось к привычному порядку вещей. Лора и Жослин растили своего сына Луи, того же возраста, что и девочка, и тайну тщательно оберегали. Тошан очень страдал от сложившегося положения, но потом смирился. Однако все-таки не захотел поселиться в Валь-Жальбере и почти пять лет избегал встреч с тестем и тещей.

— Дети, пора спать! — объявил он после десерта. — Мадлен, прошу, уведи их.

Эрмин осталась наедине с Тошаном. Он тотчас же повел ее в спальню.

— Нам надо серьезно поговорить, моя перламутровая женушка, — начал он.

Так он ее называл только в самые интимные минуты. От удивления Эрмин вздрогнула.

— Что с тобой, Тошан? — спросила она. — Мне очень плохо, я не могу прогнать свои навязчивые мысли, но все же заметила, что весь вечер ты чем-то озабочен. У тебя неприятности?

— Вовсе нет, я узнал все, что хотел узнать. Эрмин, дорогая, к сожалению, я должен сказать тебе, без всяких вступлений, что послезавтра я отбываю в Цитадель, в Квебек. Я записался добровольцем в армию, в двадцать второй Королевский полк. В лагере мы пройдем военную подготовку. Канадские войска уже направляются в Европу, я тоже собираюсь сражаться. Все идет к мировой войне, и я не намерен прятаться здесь, словно трус. Это обдуманное решение, я много размышлял, прежде чем принять его.

Эрмин не могла осознать услышанное. Все это было похоже на какой-то кошмар, было как-то нелепо. Она чувствовала, что у нее подкашиваются ноги, и присела на край кровати. Сердце билось бешено, а тихий внутренний голос твердил, что все это ей не снится. Тошан повернулся к ней спиной и закурил сигарету.

— Зачем ты несешь какой-то вздор? — сказала она в ответ. — Ты записался добровольцем? И оставишь нас одних? Детей, меня? А как же твоя мать? Нет, Тошан, это невозможно! Ты должен жить здесь, рядом с нами!

— Я говорю совершенно серьезно, и свой выбор я сделал не просто так! Позавчера я даже съездил в Роберваль и смог поговорить со своими старыми друзьями по ривербендской фабрике^[10]. Они читают «Ля Пресс», так что в курсе дела. Мы уже жили здесь, когда в конце лета Англия и Франция ввели военное положение. Эрмин, очнись же! Ты забыла, что третьего сентября германская подводная лодка потопила британское судно «Атения», шедшее в Монреаль, на борту находились тысяча пассажиров и триста членов экипажа. Погибло сто двадцать восемь человек, среди них четверо канадцев. Это будет жестокая война. Гитлер вызвал взрыв всеобщего негодования. Я узнал, что его политическая программа включает и преследование евреев. Так вот, моим сомнениям пришел конец. Нас, индейцев, обирали, унижали, и я не потерплю, чтобы преследовали какой-либо народ, какую-либо религию под предлогом того, что она не такая, как у большинства. Короче, я уезжаю! Я распорядился насчет тебя и детей. Вы уедете в Валь-Жальбер, к Лоре. Я ей звонил, она будет вам рада. Через три-четыре дня за вами приедет Пьер. Он купил по случаю автомобиль на гусеничном ходу у Рюделя, этого славного малого из Перибонки. Тала поступит так, как захочет. Полагаю, отсюда она не уедет. И теперь она больше не одна — есть Киона.

Эрмин, которую и так уже тяжело травмировала смерть ребенка, впала в паническое настроение. Она вскочила и подбежала к мужу. С перекошенным от жуткого страха лицом она вцепилась в воротник рубашки Тошана и принялась трясти его.

— Нет, Тошан! Ты не имеешь права, не сейчас! Я знаю, что вела себя неправильно, выступала на сцене во время беременности, убила нашего сына тем, что часто отпраивлялась на гастроли, но не убегай, не бросай меня! Будь сострадателен! Если бы Виктор был жив, если бы я кормила его грудью, ты бы и не подумал об отъезде. Ты бросаешь меня, потому что ненавидишь. Ну, признайся же!

Эрмин рыдала, уткнувшись в грудь Тошана. Сбитый с толку ее реакцией, он крепко обнял ее.

— Дорогая, как ты можешь так думать? Я должен защищать то, что считаю справедливым, я против угнетения народов, а ты думаешь, что я сбегаяю от тебя. Да нет же, нет, Эрмин! Если бы Виктор был жив и ты бы не страдала так сильно, я бы все равно поехал, только уезжал бы, не так переживая за тебя. Извини за прямоту и прошу тебя, перестань думать, что наш ребенок умер по твоей вине. Я доверяю словам бабушки Одины, она сказала, что этот малыш, едва родившись, уже был обречен на смерть. У нас будет другой ребенок, когда я вернусь!

— А если не вернешься? — возразила она. — Европа так далеко, а войны я боюсь. Мне страшно жить без тебя! Тошан, никому не понять, как я страдаю. Все вы говорите, что мне надо забыть Виктора, что такова его судьба. Но как я была горда и счастлива тем, что смогла родить тебе еще одного ребенка после всех этих лет, когда мы не хотели заводить детей. Я успела полюбить его. Мне не терпелось кормить его грудью, целовать, а теперь у меня в руках пустота. Ты же мой муж, говоришь, что любишь меня, а сам идешь на войну!

Она отстранилась от него и, сотрясаемая рыданиями, бросилась ничком на кровать. Тошан жалел о том, что высказал все напрямую. Он прилег рядом с женой и погладил ее по волосам.

— Мне жаль, я неправильно сделал, что объявил тебе об этом сразу, без подготовки, но я не знал, как лучше! Ты же меня знаешь, мне проще выложить все сразу, начистоту. И мне заранее было не по себе, я представлял, какую боль я могу причинить. Тебе и без того плохо.

— Да, плохо, ужасно плохо! — ответила она, приподнимаясь на локте. — А ты, ты все сам решил, даже не посоветовался со мной. Позвонил матери, с которой словом не перекинулся за много лет. Она, наверное, была счастлива до небес! Но у меня нет желания ехать в Валь-Жальбер, я хочу встречать Рождество здесь — с детьми и с тобой. Ты предал меня, Тошан! На следующей неделе ты должен был бы срубить в лесу елку, а мысль о том, что мы будем вместе с детьми украшать ее, успокаивала меня. Умоляю тебя: не уезжай! Ты мне так нужен! Мы потеряли сына, а тебе, можно подумать, на все плевать! Пожалей меня, не бросай!

Она смотрела на него в упор с видом обиженного ребенка. Слезы застилали ее голубые глаза, четко очерченные пухлые губы дрожали, как у испуганной девочки. Надо было иметь каменное сердце, чтобы не растрогаться.

— Эрмин, дорогая, — вздохнул он, — я ведь тоже очень страдаю из-за Виктора, но пытаюсь преодолеть это страдание и доказать свою любовь Мукки, Мари и Лоранс. Они здесь, с нами, они беспокоятся, видя, как ты изменилась, стала ранимой. Я пошел в армию ради их будущего, ради того, чтобы участвовать в борьбе, которую я считаю справедливой. Иди ко мне, нам осталось побыть вместе только две ночи. Не будем их тратить на слезы и пререкания. Любовь моя, мне тебя так не хватало!

Тошан искал ее губы, гладил рукой изгиб бедер. В конце беременности и в последовавшие после родов недели она отказывала ему в близости. Он знал, что теперь-то Эрмин может ответить на его желание, однако она

решительно воспротивилась. Более того, она вырвалась из его объятий.

— Нет, я не могу! — воскликнула она. — Тошан, скажи мне, что все это неправда, что ты не уедешь! У меня не хватит сил жить без тебя. Мы столько месяцев спали вместе на этой кровати, и, просыпаясь, я всегда смотрела на тебя, чтобы убедиться в том, что ты рядом. И вдруг ты исчезнешь! Мы и так часто с тобой расставались... Когда ты работал на фабрике и в Вальдоре. Я не подписала ни одного контракта на сороковой год, чтобы быть вместе с тобой и нашим ребенком, а ты уезжаешь на край света.

Новый приступ рыданий мешал ей говорить. Тошан обнял ее и прижал к себе. Он чувствовал себя бессильным перед лицом такого огромного отчаяния.

— Дорогая, я уже не могу отступать, — прошептал он ей на ухо. — Тебе не нужен бесчестный мужчина! Ко всему прочему, ты и так меня содержишь. Ты зарабатываешь столько, сколько мне вовек не заработать. Я смирился с этим, потому что люблю тебя. И если я расширил родительский домик, сделал из него настоящий большой дом, так только для того, чтобы показать тебе, что и я на что-то способен.

— Я знаю, — согласилась она, — и все же мы были счастливы. Тошан, если я тебя потеряю, я этого не выдержу. Господи, если тебя не станет, я не смогу больше жить, я же чувствую это.

Эрмин смотрела на него, не сводя глаз, словно в горячечном бреду. Она дотронулась до его лба, губ, шеи.

— Если бы ты знал, как я тебя люблю! — воскликнула она наконец, целуя его.

Ее толкнуло к нему желание забыться. Ей хотелось стереть из памяти пройденное испытание, изгнать призрак войны. Тошан тотчас же загорелся, в свою очередь осознав, что может случиться и так, что он больше никогда ее не увидит. Однако он сдерживал себя, чтобы не отпугнуть Эрмин. Она слегка отодвинулась, когда он расстегивал рубашку, чтобы затем склониться над ее прекрасными округлыми грудями и ласкать их дерзкой рукой. У Эрмин промелькнула мысль, что, не распорядись судьба иначе, она кормила бы этой грудью ребенка, но, когда ощутила тепло тела Тошана, волна удовольствия захлестнула ее. Он стягивал с себя одежду. Смеясь и плача, она скинула с себя юбку и прижалась к нему.

— Любовь моя! — простонала она. — Милый мой! Обними меня крепко-крепко, мне так хорошо в твоих объятиях. Как хорошо! Никого на свете, кроме тебя! Я так тебя люблю!

Опьяневший после долгого поста, он только сдавленно вскрикнул в

ответ. Его пальцы нащупали подвязки ее шелковых чулок, затем задержались на нижней части ее живота, все еще мягкого после родов.

— Эрмин, я тоже тебя люблю, если бы ты знала, как я тебя люблю! — тихо проговорил он. — Ты — моя жена, мое самое ценное сокровище.

Не в состоянии больше сдерживать себя, стремясь наконец-то овладеть ею, Тошан медленно вошел в нее, и она застонала от восторга. Она не помнила себя от страсти. Она царапала и кусала Тошана, а он, желая добиться как можно большего наслаждения для них обоих, делал свои ласки все изощреннее, стараясь припомнить все свои познания в науке любви. И вскоре они стали единым целым, им не хватало воздуха, их молодая плоть испытывала исступленный восторг. Нагота возбуждала Эрмин, которая забыла стыдливость и глухо вскрикивала. Когда муж решил выйти из нее, чтобы она снова не забеременела, она удержала его.

— Нет, оставайся, я хочу от тебя ребенка, который будет таким крепким, что смерть не сможет его у меня отнять! — шептала она.

Он, все более возбуждаясь, уступил ее желанию. Несколько минут спустя они лежали в розовато-золотистом полумраке. Большое смуглое тело Тошана контрастировало с очаровательной бледностью мягких форм Эрмин. Она прижималась истомленным телом к мужу, закинув ногу ему на бедро. Взгляд ее голубых глаз, еще затуманенный наслаждением, был прикован к одной точке на потолке, обшитом досками канадской лиственницы.

— Милый, — нежно сказала она, — мне так хорошо здесь с тобой. Умоляю тебя, не уезжай. Или подожди еще немного. Долго эта война не продлится. Мне мало что известно, но, думаю, ты не обязан идти в армию. Кроме того, ты — отец семейства. Мы с мамой разговаривали на эту тему, когда я навещала ее в Валь-Жальбере. Мы замечательно проведем эту зиму вместе с детьми. А в наступающем году я отсюда — ни на шаг. Вот возьмем, к примеру, Пьера Тибо. Готова поспорить, что он в армию не пойдет, так как у него четверо детей. И доказательство тому — что ты попросил его заняться нашим переездом в Валь-Жальбер. Тошан, уверяю тебя, я с тобой не расстанусь. Пусть белые люди воюют между собой. А ты-то принадлежишь этой земле, этим лесам, нашей заснеженной стране. Ты меня слышишь, милый?

Не получив ответа, Эрмин приподнялась. Ее муж спал крепким сном.

«Он совсем измотался, — подумала она. — Мне даже трудно представить, сколько километров он проехал на собаках. А в гостинице толком не отдохнешь — ведь меня с ним рядом нет. Он мне сам так говорил».

Она смотрела на мужа, пережитые страстные эмоции отвлекли ее от мучительных воспоминаний о Викторе. Мысль о том, что ей не доведется больше проводить ночи с Тошаном, разрывала ей сердце.

— Я сделаю все, чтобы уберечь тебя, милый! — пробормотала она. — Может быть, мое материнское горе гонит тебя прочь, однако сейчас я хочу только одного — удержать тебя с нами. Я сделаю все, чтобы ты не смог уехать.

С этими произнесенными шепотом словами она натянула на себя одеяло и закрыла глаза.

«Война! — подумала она. — Мне она представляется безжалостным чудовищем, похищающим мужей у жен, диким зверем, алчущим крови и страданий. Когда я была маленькая, в Европе, да и во всем мире тоже, шла война. И была эпидемия испанского гриппа — его принесли солдаты, возвращавшиеся домой. От него умерла монахиня, моя дорогая сестра Мария Магдалина. Как я горевала! Она была просто ангелом, ниспосланным мне на пути — она хотела меня удочерить. Много лет ее фотография стояла у меня на прикроватном столике, и я ей рассказывала обо всем, что со мной происходило, называла ее мамой. Эта вторая война не должна забрать у меня моего мужа, моего любимого!»

И, преисполненная решимости, она тоже заснула, положив руку на гладкую и горячую грудь Тошана. А среди ночи он проснулся. Увидев ее голой, размякшей ото сна, он не смог удержаться и не приласкать ее. От его легких поцелуев в плечи и губы она проснулась. Еще в полусне она ответила на его желание. В голове у нее проносились какие-то смутные мысли.

«На улице снег идет, а нам вдвоем очень тепло в постели. Со мною мой любимый, мой муж. До чего он добрый и нежный! Главное — настоящее, что будет потом, не важно».

Тошан накрыл ее своим телом — крепким и мускулистым. Она обхватила его за талию. Они скользили к наслаждению между сном и явью, слившись в поцелуе. Длилось это недолго, но у них осталось ощущение полного духовного и физического слияния. Утомленная Эрмин снова заснула, однако все ее тело трепетало от блаженства. Чуть позже Тошан встал и подбросил дров в печку. Его, как никогда раньше жадного до любви, терзали сомнения.

«А что, если я поступаю неправильно? — задавался он вопросом, сидя перед камином в большой комнате. — Я горжусь своим выбором, требую, чтобы уважали мою решительность, но ведь меня очень будет не хватать Эрмин и детям, еще как будет не хватать! У меня нежная, страстная жена.

Если останусь с ней, я смогу исцелить ее печаль».

Он закурил сигарету и налил себе вина. Рассвет застал его закутанным в одеяло и погруженным в свои мысли. Кто-то постучал в дверь. Он открыл, вошла Тала с Кионой на руках. Обе были усыпаны крупными пушистыми хлопьями снега.

— Что-то ты сегодня спозаранку, мама! — удивился он.

Тошан пошел одеваться. Одеваясь, разбудил Эрмин. Несколько секунд ей хватило, чтобы вспомнить то, что произошло накануне, их бурный разговор, свои слезы и вновь обретенное удовольствие.

— Ты куда? — встревоженно спросила она.

— Моя мать пришла. Пойду сварю ей кофе. Не в ее привычках приходить так рано, должно быть, есть на то веская причина.

Не менее его удивленная, она согласно кивнула головой.

— Я сейчас приду! — воскликнула она. — Киона будет рада меня видеть.

Ей потребовалось немного времени, чтобы одеться. Все чаще, даже когда она не выходила из дома, ее выбор падал на очень теплые трикотажные брюки, шерстяной пуловер и меховые сапоги. Ее русые волосы, ставшие еще более светлыми, чем в юности, были уложены на затылке и словно притягивали к себе свет. Она поспешила вслед за мужем.

— Добрый день, Эрмин! — серьезно произнесла Тала. — Я тут уже сказала Тошану, что мне надо с ним поговорить. Сегодня ночью мне приснился сон, очень плохой сон!

Киона бросилась в объятия Эрмин, которая приподняла ее и нежно приласкала. Девочка, похоже, была рада тому, что пришла к ним в дом.

— Мимин, можно мне какао? — широко улыбаясь, спросила она.

— Да, и с печеньем! — ответила Эрмин. — Только немного подождем — скоро Мукки проснется. И девочки тоже. Вместе и позавтракаете.

Тала с трудом сдержала раздражение.

— Тошан, — резко сказала она, — ты мне должен пообещать! Не ходи на войну, эту ужасную войну, которую развязали бледнолицые. Я во сне видела ужасные картины. Настоящий хаос, мерзость — хуже не придумаешь. Мне стало страшно, и я поспешила к вам. Обещай мне, что ты не покинешь землю своих предков. Молю тебя!

От слов Талы Эрмин оцепенела. И снова ей пришло на ум, что у ее свекрови, должно быть, есть своего рода таинственный дар или она получает предзнаменования во сне.

От волнения Тошан чуть не ошпарился кипятком, который наливал в чашки с насыпанным туда порошком какао.

— Нет, мама, этого я тебе обещать не могу! — признался он. — Позавчера я записался в армию. Завтра уезжаю в Квебек. Я уже сказал Эрмин об этом вчера вечером.

Протяжный стон вырвался из груди индианки. Киона встревожилась и забралась матери на колени.

— Сынок, — снова заговорила Тала, — какое тебе дело до войн, которые так любят затевать бледнолицые? Ты — индеец монтанье из рода Дикобраза, который уже много веков живет по берегам реки Метабетчуан. Чего ради тебе рисковать своей драгоценной жизнью из-за тех, кто отнял у нас почти все?

Эрмин одобрительно кивнула. Тала была на ее стороне, и это было очень важно.

— Я умоляла его остаться дома, — вставила она, — а он отказывается!

Молодой метис сел за стол. Он уже сожалел о принятом решении, но было бы постыдно капитулировать под нажимом двух женщин, пусть даже столь много значащих для него.

— Мама, в моих жилах течет и ирландская кровь! — сухо заявил он. — Я не просто индеец, мои предки жили в Европе. Неужели ты думаешь, что я забыл своего отца, Анри Дельбо? Он был хорошим отцом, ты это знаешь. Все мое детство он учил меня тому, что умел делать сам: охотиться, запрягать собак, работать по дереву. Я обязан отдать ему должное, быть верным его памяти! И ты, в отличие от меня, плохо представляешь себе, что происходит в Европе. Нельзя допустить, чтобы Гитлер победил! Это страшный человек, своего рода дьявол. Он преследует целый народ. В Германии у евреев отбирают имущество, их магазины громят, реквизируют товар. У них больше нет права работать по специальности, да и вообще нет никаких гражданских прав. Некоторые уже нашли убежище в Соединенных Штатах. Я хочу сражаться вместе с теми, кто воюет против Гитлера! Здесь все ясно! И ни ты, ни Эрмин не помешаете мне сделать это! Но все равно я вас люблю.

— А как же твои дети? — прервала его Тала с невозмутимым выражением лица.

— Мои дети? И ради них я должен сражаться. Они имеют право на мирное будущее в той стране, в которой растут. Когда Мукки станет мужчиной, я хочу — если не повезет и я погибну — чтобы ему говорили обо мне добрые слова, а не называли трусом.

Этого перенести Эрмин уже не могла и расплакалась. Он повернулся к ней, и она обняла его, словно могла удержать в плену своих объятий, своей любви.

— Тошан, останься со мной, не уезжай!

Киона в смятении молча смотрела на происходящее. Девочка поняла суть: Тошан уезжает куда-то далеко, а Эрмин несчастна. Сдерживая слезы, она не отрывала глаз от молодой женщины, которую сотрясали рыдания. Тут их внимание отвлекло появление Мадлен — в сером платье, накинутой на плечи бежевой шали и в белом берете на темных волосах. Следом за кормилицей появился растрепанный Мукки в пижаме.

— Бабушка! — с ликованием закричал он. — Ура! Привет, Киона!

Тала казалась совсем расстроенной. Она обняла мальчугана, а потом приказала:

— Дети, идите в комнату, поздоровайтесь с Мари и Лоранс! Мы вас позовем пить какао. А пока немного поиграйте.

Они послушались. Мукки смеялся и скакал, держа Киону за руку. Девочка выглядела озабоченной, но это длилось недолго: близнецы встретили ее радостными криками.

— Боже мой! — вздохнула Мадлен. — Вы только послушайте, как дети умеют радоваться! Их незамысловатое ребячье счастье утешает и бодрит. Я слышала ваш разговор и просто удручена. Тошан, дорогой мой кузен, я всей душой буду молиться за тебя, чтобы ты вернулся живым и невредимым. Я буду молиться Иисусу и Деве Марии, а также Катери Текакуите, «той, которая колеблется, но идет вперед», индианке, как и мы сами. Только верь!

— Спасибо, кузина! — ласково сказал он. — Хорошенько заботься о моей семье. Дети проведут зиму в Валь-Жальбере. Пьер Тибо отвезет их туда, а то у меня будет беспокойно на душе, если здесь останутся только женщины и дети. Мама, а что ты намерена делать?

— Останусь здесь с малышкой, — ворчливо заявила Тала.

— Тогда устраивайся в нашем доме. Здесь удобнее. Припасов вам с Кионной хватит.

Эрмин всхлипнула, понимая, что ее муж не передумает. И Тала тоже это поняла.

Сердитая на сына, она пронзила его мрачным взглядом.

— Я перезиму в своем домике, — резко сказала она. — Одиночество меня не пугает, холод и голод тоже. А вот что наводит на меня ужас — это то, как ты, Тошан Клеман Дельбо, упрямо стремишься навстречу своей смерти.

Ее голос дрожал. С большим достоинством она отпила кофе. Тишина стала невыносимой.

— Если на то воля моего мужа, — заявила Эрмин, — я уеду в Валь-

Жальбер. Но я умоляю тебя, Тала, позволь мне взять с собой Киону, по крайней мере, пусть хоть Рождество она отпразднует там. Мне кажется, что будет не так тяжело, если она поедет с нами. Тала, я понимаю, что требую от тебя большой жертвы, но согласись, прошу тебя! Ей будет хорошо вместе с моими детьми.

— Ни за что! — возразила индианка. — Это совершенно невозможно, и ты знаешь почему. И потом, я не разлучусь со своей дочерью. И не настаивай! Несмотря на всю мою любовь к тебе — нет и нет! Ноги Кионы не будет в Валь-Жальбере! Никогда!

Решение было бесповоротным. Эрмин встала и ушла к себе в комнату. Никогда в жизни она не была столь несчастна.

Глава 2

Улыбка Кионы

На берегу реки Перибонки, воскресенье, 3 декабря 1939 г.

Эрмин не выходила из своей комнаты, ей нужно было подумать, но она пребывала в таком отчаянии, что даже размышления требовали от нее мучительных усилий. Стены дома были достаточно тонкими, чтобы не мешать теплу распространяться из одной комнаты в другую, и ей был слышен голос Тошана. Ее муж продолжал упрямо спорить с матерью.

«Они могут ссориться так часами, это ничего не изменит, — молча сетовала Эрмин. — Слишком поздно, наша судьба predetermined. Сколько канадских женщин пребывает сейчас в таком же состоянии, как и я, оплакивая отъезд мужа, сыновей или братьев? Господи, я ведь не одна-единственная такая! Не понимаю! Во имя чего наши мужчины не сегодня-завтра должны покинуть свои дома? Война! Проклинаю эту войну! А если Тошан погибнет? Нет, нет, это невозможно...»

В дверь тихонько поскреблись, как кошка коготками. Молодая женщина поднялась с кровати и пошла открывать. На пороге стояла Киона.

— Заходи быстрее, — сказала Эрмин.

Ее заплаканное лицо и покрасневшие веки красноречиво свидетельствовали о пролитых слезах.

— Я знала, что ты плачешь! — пробормотала девочка.

— И ты пришла ко мне! До чего ты милая! Да, мне очень грустно, потому что Тошан уедет далеко-далеко, в другую страну, где идет война, — объяснила она.

Киона встала возле печки, словно ей было холодно.

— Скажи, Мимин, почему я не могу приезжать в Валь-Жальбер? — спросила она задумчиво. — Ведь это твой поселок, правда? Я слышала, как мама это говорила, пока ты играла с Мукки.

Растерявшись от такого вопроса, Эрмин привлекла девочку к себе.

— Твоя мама не любит ни города, ни мой поселок, — объяснила она шепотом. — Я знаю Талу с рождения Мукки и могу точно тебе сказать: она предпочитает жить в лесной глуши. Кроме того, ты этого не знаешь, но, наверное, в Валь-Жальбере почти никого не осталось. Когда мне было

столько лет, сколько тебе, это был крупный промышленный поселок с большим населением. А сегодня там так уныло!.. Не горюй! Нет ничего красивее нашего леса, нашей поляны и нашей реки. Здесь мы у себя дома.

— Но ты хотела отвезти меня туда, — настаивала малышка. — Мне бы там точно понравилось! Мукки сказал мне, что его бабушка Лора наряжает огромную елку, вешает на ветки фонарики и блестящие стеклянные шары.

Молодая женщина не знала, как ей выйти из этой неловкой ситуации. Она была осведомлена о пакте, заключенном между ее матерью Лорой и индианкой Талой. Незаконная дочь Жослина Шардена не должна была приближаться к Валь-Жальберу. Она внезапно пожалела, что подлила масла в огонь, сообщив Тале свое нелепое требование.

«Господи, ну до чего же я глупая! — подумала она. — Теперь Киона больше не улыбается своей лучезарной улыбкой. И все из-за меня! Она ни разу не видела рождественской елки. Каждый раз на новогодние праздники Тала отправляет ее к Одине».

— Не грусти, дорогая! — произнесла она успокаивающе. — Может быть, ты все-таки увидишь рождественскую елку в будущем году? Я хотела поставить ее дома, и тогда ты могла бы тоже радоваться ей. Но увы, нас здесь не будет.

— Я знаю, Мукки сказал мне, — вздохнула Киона. — Пойду играть. Слышишь?.. Мари и Лоранс зовут меня.

Эрмин с грустью смотрела на изящную фигурку своей сводной сестры, бесшумно направлявшейся к двери. Ее короткие рыже-золотистые косички гармонировали с туникой из оленьей кожи и брюками, расшитыми красным и синим бисером. Молодая женщина пошла за ней следом. Она испытала почти детское облегчение, оказавшись в большой комнате, отведенной кормилице и троим ребятишкам. Это был яркий, радостный мир. На полу лежал толстый шерстяной ковер, на котором было разбросано множество игрушек. Вокруг скромной кровати Мадлен стояли детские кроватки, к которым летом была приделана сетка от комаров, а зимой — хлопчатобумажный полог. Юная индианка повесила на стену распятие и религиозную картинку.

Мукки крутился вокруг Эрмин.

— Мама, это правда, что мы поедем к бабушке Лоре? Я слышал, что папа только что это сказал. Я не подслушивал, он говорил громко.

— Да, правда, нам нужно переехать в Валь-Жальбер из-за войны, — подтвердила она. — Поиграйте еще немного вчетвером, а я приду за вами, когда будет готов завтрак.

Она присоединилась к мужу, Тале и Мадлен, сидевшим за столом в

гостиной. Тошан объяснял им, почему должен сначала поехать в Цитадель.

— Я еще не знаю ни когда, ни каким образом я отправлюсь в Европу. Либо на самолете, либо на корабле. Как только я буду в Канаде, постараюсь дать о себе знать.

— Если от тебя ничего не будет, — перебила его молодая женщина, обнимая его, — я тоже поеду в Европу искать тебя... По крайней мере, если я буду в Валь-Жальбере, ты сможешь позвонить мне. Я пришлю тебе деньги; займись этим в Робервале.

— Ты наконец поняла, почему я принял это решение? Я так счастлив, Эрмин. Нам осталось только одно — воспользоваться этим последним днем, когда мы вместе. Мне хочется увезти с собой хорошие воспоминания!

Тошан подкрепил эти слова выразительным взглядом. Тала одобритительно кивнула головой; Мадлен перекрестилась и встала взять с полки миски. Все было сказано. Теперь она беспокоилась о том, что дети, должно быть, проголодались.

Прижавшись к мужу, Эрмин почувствовала дрожь в его теле. Он был взволнован, встревожен, и это потрясло ее.

«Я должна поддержать его! — подумала она. — Я жаловалась, протестовала, но я-то буду в безопасности, в кругу семьи. А он будет один, вдали от любимых людей. Он приносит огромную жертву: по-настоящему счастливым он чувствует себя только здесь, на своей земле, в лесу. Тошан исполняет долг чести, во имя справедливости и свободы».

— Я горжусь тобой! — подтвердила она, глядя на него со скрытой страстью. — Прости, что я огорчала тебя упреками. Нам, женщинам, хорошо, нам не нужно идти воевать...

— Это неправда! — возразил он с горечью. — Вот, например, Грацианна добровольно записалась в армию. Она, наверное, уже в Европе.

— Грацианна? — удивилась Эрмин. — Господи, вот бедняжка!

Она представила себе услужливую девушку, которая помогала ей четыре года назад. Грацианна работала официанткой в кафе, находившемся на набережной Перибонки.

«Я приехала в канун Рождества тридцать четвертого года с неотвязно мучившей меня мыслью разыскать Тошана, — вспоминала она. — Грацианна представила мне своего брата Рюделя, у которого был автомобиль на гусеничном ходу. И как раз перед тем, как ночью уехать, я пела в церкви для сирот, которых опекали монахи-францисканцы. Она была в восторге от моего пения, и я пообещала ей, что вернусь, и так и сделала. Мы подружились...»

— Но почему? — спросила она громко.

— Я сам ее не видел, — уточнил Тошан, — мне об этом рассказал ее хозяин. Ее брат Рюдель тоже записался, отдав своего сына на попечение монахам. Пьер перекупил у него гусеничный автомобиль. У Грацианны нет ни жениха, ни возлюбленного, и она решила, что это ее долг.

Как только он замолчал, Эрмин позвала детей, поскольку какао было уже готово. Тала вышла, хлопнув дверью. Индианку обуял бессильный гнев, она обошла дом, не обращая внимания на снег, который падал ей на волосы и на пальто. Она чувствовала себя потерянной, словно оказалась на краю жуткой бездны. Эта нескончаемая зима, которую ей предстояло провести в одиночестве в лесной глуши без поддержки сына, без криков и шалостей ее внуков, не предвещала ничего доброго. Больше всего ее беспокоила безопасность малышки. Хватит ли у нее сил защитить ее от случайных бродяг и промышляющих в лесу злоумышленников? И что ей делать, если Киона заболит, а они будут отрезаны от всех?

«Но что со мной? — встревожилась она. — Я всегда так любила одиночество... Но теперь мне страшно, страшно! А если Тошан не вернется? Когда он уезжал на работу, даже на другой конец страны, я была уверена, что скоро увижу его, но сейчас... Он пересечет океан, окажется на чужой земле!»

Тала представила себе океан как озеро Сен-Жан, только в тысячи раз больше, и в общем-то не слишком ошибалась. Но она прекрасно знала окрестности озера, берег, деревни. Франция, Англия, Германия, откуда пошел этот разрушительный пожар, именуемый войной, ей о них ничего не было известно, да и не хотелось ничего знать. На ее ресницах блестели слезы, увлажняя глаза.

«Почему нас постигло это несчастье? — думала она, укрывшись в дровяном сарае. Как бы я хотела, чтобы Анри был жив, чтобы я могла положиться на его силу, спать с ним рядом! А тот, другой, неблагодарный! Жослин Шарден... Как я его любила, как любила! Была с ним счастлива несколько дней, когда наши пути пересеклись. Никто не сможет больше меня защитить!»

Сердце у нее сжалось, и она закрыла глаза. Ей вспомнились жаркие ночи в объятиях Жослина. Он сумел возбудить в ней новые ощущения, отличные от удовольствия, которое доставлял ей муж.

«Теперь у меня есть Киона, моя светлая дочурка! Он сделал мне прекрасный подарок, но она никогда не узнает, кто ее отец».

— Тала, что с тобой? — спросила Эрмин, которая тоже зашла в сарай.

— Стараюсь успокоиться — меня охватил страх при мысли, что мой

сын окажется по ту сторону океана, — ответила она. — Тошан — плоть от плоти моей! Что с ним будет в такой дали от нас?

Тронутая этими словами, молодая женщина подошла к свекрови. Она с радостью утешила бы ее, но между ними было принято оставаться сдержанными и не проявлять своих чувств.

— Тала, я тоже места себе не нахожу! Но мы не можем помешать ему действовать так, как велит его совесть. Умоляю, выслушай меня! Я пошла вслед за тобой, чтобы кое-что тебе предложить.

Эрмин боялась, что Тала тут же оборвет ее. Но этого не случилось.

— Продолжай... — вздохнула индианка.

— С моей стороны было глупо предлагать отвезти Киону в Валь-Жальбер, хочу извиниться за это перед тобой. Но я могу снять в Робервале дом сына Мелани Дунэ. Бедняжка умерла год назад в больнице. Дети переехали. Они обосновались в Дебьене в нескольких километрах от Шамбора. В начале осени они искали надежного жильца, а ключи оставили в мэрии. Представь себе, Тала, как вам с Кионией там будет удобно, а мне — спокойно. Я буду часто к вам приезжать. Прошу тебя, подумай! Я оплачу все твои расходы. Мой музыкальный дар делает счастливыми тех, кого я люблю.

Молодая женщина не сводила с Талы своих нежных голубых глаз, с нетерпением и надеждой ожидая ответа.

— Никто в Валь-Жальбере не будет знать, что вы зимой живете в Робервале. И даже если узнают, какая разница! Мама не всевластна! Ты можешь жить там, где захочешь!

— Я согласна! — ответила Тала, молча поразмыслив несколько минут. — Твое предложение разрешает то, что меня мучило. Я боялась этого долгого уединенного существования, не столько из-за себя, сколько из-за Кионы. Она обрадуется. Ради своей дочери, ради ее улыбки я подчинюсь законам бледнолицых. Я украшу для нее елочку. Я не верю в вашего Бога Иисуса Христа, но Анри часто рассказывал мне про чудеса, о которых говорится в Новом Завете. Эти прекрасные сказки вскружили голову Мадлен. Нужно быть осторожной! Я не хочу, чтобы Киона стала такой же набожной, как белые люди. Довольно того, что ее крестили в таком возрасте, когда она была еще не способна выбирать себе веру. Мне это не по сердцу!

— Не важно, главное, что боги твоих предков и мой милосердный Бог защитили Киону. Ее благословили, я чувствую это в душе. О, Тала, какое облегчение! Я позабочусь о вас, а как только будут новости от Тошана, я приеду к вам.

Осунувшаяся индианка одобрительно и устало кивнула Эрмин.

— В таком случае нам есть чем заняться сегодня. Нужно уложить ваш багаж, провизию и накрепко запереть все двери. Я уеду завтра на санях вместе с сыном. Там будет место для меня и Кионы. Он высадит нас в Робервале. Но где нам остановиться до твоего приезда?

— Сними комнату на постоялом дворе. У меня есть при себе деньги, я дам тебе, — объяснила ей молодая женщина.

Она дрожала от волнения и возбуждения. Внутренний голос подсказывал, что ей будет спокойно в Валь-Жальбере, в прекрасном материнском доме. Она снова увидит Бетти Маруа, их соседку, которая практически воспитала ее, а также Симона, Армана, Эдмона, младшую Мари — всех ее детей и, конечно же, Шарлотту.

«А мои родители, мой братик Луи, который, как и Киона, называет меня Мимин! — подумала она. — Утром и вечером достаточно будет прислушаться, чтобы услышать пение водопада, жалобу моей реки Уиатшуан! Даже если морозы заставят ее замолчать, я все равно смогу любоваться ее красотой в снежноледовом одеянии!»

Еще молодая женщина сказала себе, что все-таки ничто не заставит ее забыть об отсутствии мужа. Как бы в подтверждение Тала похлопала ее по плечу:

— Мы должны верить в Тошана, Эрмин! Он вернется.

— Ну конечно, он вернется, я уверена в этом! Всего одна зима. Весной мы снова соберемся здесь все вместе. Я люблю это место, и дети тоже. Идем, Тала, ты права, у нас много работы.

Тошан с трудом мог скрыть раздражение, когда узнал о решении матери.

— Ты так изменилась, мама! — пошутил он. — Как ты сможешь выносить городской шум? Я-то считал, что ты захочешь перезимовать в хижине, чтобы стеречь наше добро! А ты подумала о том, какой прием тебе окажут в Робервале? Индианка с дочерью-полукровкой от белого отца.

— Замолчи, сын, — запротестовала она. — Почему ты кричишь? Хочешь, чтобы Киона услышала и стала мне снова задавать вопросы о своей семье? Она соображает не хуже семилетнего ребенка. Не надо делать ей больно, прошу тебя.

Молодой человек горько улыбнулся и возразил:

— Я знаю, отчего ей будет больно! От насмешек над ее одеждой или цветом волос, подтверждающих, что она метиска. Я сам прошел через это всюду, где бы ни жил, правда, я мог защитить себя! Но что может пятилетняя девчушка? Она будет страдать и не посмеет ответить тем, кто

будет смотреть на нее как на диковинную зверушку.

— Ты ошибаешься, Тошан, — тихо сказала Эрмин. — Никто не сможет устоять перед улыбкой Кионы.

— До чего ты наивна, бедняжка! — вздохнул он.

Разговор на этом закончился, поскольку в комнату вбежали дети. Тала усадила дочь к себе на колени.

— Будь умницей, Киона, послушай меня! Мы проведем зиму в Робервале, в настоящем доме. Эрмин сможет часто нас там навещать. Ты довольна?

— Да, мамочка! — заверила ее малышка. — А ты не будешь грустить оттого, что рядом нет ни реки, ни леса? Мимин говорит, что ты не любишь город.

Тала нежно провела рукой по ее лбу, тронутая заботой.

— Я не буду грустить. Обещаю. А теперь пойдем домой.

Эрмин проводила их до двери. Мадлен уже действовала — собирала игрушки, складывала белье в чемодан.

— Какое счастье, что ты здесь! — воскликнула молодая женщина. — Сейчас я буду тебе помогать, мне просто хотелось бы уделить как можно больше времени Тошану.

— Правильно. Мой кузен точно нуждается в тебе, — одобрила кормилица. — Иди к нему быстрее.

— Спасибо, Мадлен.

Тошан заперся в своей комнате. Он сидел на полу возле печки и курил сигарету.

— Нет, только не это! — закричала она.

Он постригся. Это настолько изменило его, что Эрмин заплакала.

— Я почти не узнаю тебя, — пожаловалась она. — Я так любила твои прекрасные волосы! Что на тебя нашло?

— У солдат не может быть такой гривы, как у дикарей, — ответил он ироничным тоном. — Я собираюсь вступить в двадцать второй Королевский полк и не хочу отличаться от остальных.

Эрмин чувствовала, что он сам потрясен этим своим поступком. Тошан расстался со своими длинными волосами, которые указывали на его принадлежность к индейцам. Впрочем, не впервые. В один прекрасный июльский день 1930 года она вновь увидела его в каньоне реки Уиатшуан. Он, по своему обыкновению, вышел из леса, когда она гуляла с Шарлоттой, в то время почти слепой.

«Я уже отчаялась, думала, что никогда его не увижу, и тут он возник передо мной еще красивее, чем в воспоминаниях. Но с короткой стрижкой!

Поскольку я ему об этом сказала, он ответил, что пока носил длинные волосы, никак не мог найти работу, и тогда постригся на манер дровосеков. Потом он переключился на Шарлотту, выказав при этом такую заботливость, что я влюбилась еще сильнее, хотя почти не знала его».

— Я тебе больше не нравлюсь? — спросил он с улыбкой.

Улыбка была робкой, почти испуганной. Эрмин кинулась в его объятия.

— Ты будешь мне нравиться даже лысым! — горячо возразила она. — Я вовсе не спешила увидеть, как ты расстанешься со своими роскошными волосами. Любимый мой, любимый, не могу представить свою жизнь без тебя. Умоляю, будь осторожен, не рискуй жизнью!

— У солдата нет выбора, Эрмин. Думай обо мне изо всех сил, я почувствую это и ничего не буду бояться!

Забыв обо всем от страсти, они успокаивали друг друга какими-то фантазиями. Она подталкивала его к кровати. Он не сопротивлялся, и, как только они оказались рядом, принялся раздевать ее.

— Хочу увидеть тебя полностью обнаженной, чтобы запечатлеть каждую твою клеточку в своей памяти, в своем сердце. Твои прекрасные ноги, живот, груди... Твои дивные груди! И круглые колени, такие нежные, щиколотки... шею, волосы!

Он подкреплял каждое слово жгучим поцелуем, словно голодный, оказавшийся на пиру. Эрмин позволяла любоваться собой и ласкать, но не закрывала глаз, чтобы тоже запечатлеть в памяти тело Тошана.

«Он так прекрасен! — думала она. — Настоящий атлет, великолепная статуя, отлитая из меди, но живая, теплая, мускулистая. Любимый мой, мой возлюбленный супруг...»

Изнемогая от желания и предвкушения блаженства, она застонала, но стон этот тут же приглушили горячие губы Тошана.

— Для меня будет пыткой представить тебя с другим мужчиной! — внезапно произнес он. — Я не говорю об измене, ты на такое не способна, но ты так прекрасна, что возбуждаешь вождление. Если ты поедешь петь в Квебек, твой импресарио Дюплесси сможет воспользоваться ситуацией.

— Да нет же! Октав только друг! — заверила она.

Этот самый друг как-то вечером перед выходом на сцену сорвал с ее губ поцелуй; однако молодая женщина не придавала этому больше никакого значения. В разгар спектакля можно было позволить некоторые вольности, которые, разумеется, могли бы шокировать людей из хорошего общества и с прочными моральными устоями, как, например, Маруа, их соседей по Валь-Жальберу.

Словно читая ее мысли, Тошан добавил:

— Я также опасаюсь Симона! Ты в его вкусе, он всегда так считал. А девушки у него сейчас нет.

— Ты просто насмехаешься, — стала отчитывать его Эрмин, — я всегда относилась к Симону как к брату. Мы росли вместе. А малышка Шарлотта влюблена в него по уши. Если он будет крутиться возле меня, я сумею поставить его на место. В любом случае, поскольку он не женат, то, наверное, уже обручился.

— Насколько я его знаю, вряд ли, — заметил Тошан.

— Ты решил расстаться со мной, — снова сказала она жалобно, — а теперь начинаешь ревновать, когда я здесь и умираю от любви к тебе.

Кончиками пальцев она погладила его тело, а потом начала обводить контур его лица. Он вздохнул и с грустью неотрывно смотрел на нее.

— Моя женушка, моя драгоценная перламутровая женушка, поклянись, что ты мне не изменишь! Иначе, когда вернусь, я убью своего соперника и закончу свои дни в тюрьме.

— Обещаю вести себя разумно, — ответила она. — Я буду так занята в Валь-Жальбере, разрываясь между Бетти, мамой, детьми и поездками в Роберваль, чтобы удостовериться, что твоя мать и Киона ни в чем не нуждаются! У меня столько дел, которые отвлекут меня, но я буду ужасно скучать по тебе. Как-то ты сказал, что по земле пролегают незримые пути, которые ведут туда, где нам предначертано оказаться. Прошу тебя, постарайся не потеряться и вернуться ко мне, любовь моя!

Он поцеловал ее в лоб и нежно погладил роскошную белокурую копну волос.

— Как это возможно — не вернуться к тебе? — сказал он. — Пиши мне, родная, и посылай фотографии детей. Присматривай как следует за Мукки. Он шаловливый, непослушный, с ним нужно быть твердой. Жослин наверняка сумеет с ним справиться. Когда я согласился, что тебе будет лучше в Валь-Жальбере у родителей, я смирил гордыню. Но мысль о том, что мой сын должен будет подчиняться твоему отцу, мне не по нраву.

— Не волнуйся! — ответила Эрмин успокаивающим тоном.

Она не осмелилась сказать ему, что этой ситуации можно было бы избежать, останься они всей семьей здесь, на его земле.

— Дай мне слово, что будешь верной и терпеливой! Дай мне слово, что ты не выйдешь замуж, если я пропаду без вести! — добавил он веско. — Пропасть без вести — не значит умереть. Жди меня долго! Сила моей любви приведет меня к тебе.

Она заставила его замолчать и бросилась ему на шею. Они стали

целоваться снова и снова, потрясенные глубиной охватившего их счастья, едва они коснулись друг друга. Та же ненасытная жажда наслаждений перенесла их в волшебный мир любви, где не существует ни печали, ни войн, а есть только один-единственный человек, которого любишь, его кожа, его тело и восторг, разделенный до изнеможения.

В этот день они без усталости обменивались признаниями и страстными клятвами. Никогда еще Тошан и Эрмин не были так откровенны и близки по духу. Их это потрясло, они поняли, что ничто не способно разрушить родство их душ.

В пять часов вечера, осторожно постучав в дверь, объявилась Мадлен.

— Эрмин, Тошан, дети зовут вас! — произнесла она достаточно громко, чтобы ее услышали.

Кормилица не посмела добавить, что Тала и Киона уже были здесь со своим немногочисленным багажом; девочка настояла на том, что хочет провести ночь со своим братом. Эрмин с синяками под глазами, с опухшими от поцелуев губами вышла первой, кое-как в спешке собрав свои пышные волосы на затылке. Поверх платья она натянула толстую шерстяную безрукавку.

— Мне очень неловко, Мадлен, что я оставила тебе всю работу! — сразу же сказала она.

Смущенная Мадлен старалась не смотреть на нее. Юная индианка не ушла в монастырь, но оставалась набожной и полной решимости всю свою жизнь сохранять целомудрие.

— Это не страшно, — ответила она. — Чемоданы собраны. Пришлось урезонивать детей, они хотели взять с собой все свои игрушки.

— А где они? — удивилась Эрмин. — В доме так тихо!

— Я отправила их играть на улице. Не очень холодно, и снег больше не идет. Они резвятся на поляне. Из-за всех этих перемен они сами не свои!

— Конечно, но они еще маленькие и плохо понимают, насколько все серьезно. По крайней мере, очень хочется на это надеяться.

Эрмин тут же упрекнула себя за эти слова. Мадлен была права: Мукки выказывал удивительную для семилетнего мальчика проникательность, а Киона точно чувствовала, когда страдают взрослые. Близнецы казались более отрешенными, но это ни о чем не говорило. Иногда они делали удивительные замечания, свидетельствовавшие об их наблюдательности.

Стоя у камина в гостиной, Тала в упор рассматривала невестку. Она даже сделала осуждающее лицо, но на самом деле это было проявлением мгновенной ревности.

«Возможно, я согласилась переехать в Роберваль в надежде хоть раз

столкнуться с Жослином! Я убеждала Лору Шарден, что не испытываю никаких чувств к ее мужу, но это не так!» — думала она, злясь на себя и на эту нелепую любовь, от которой, как ей казалось, она освободилась.

— Надеюсь, я не мешаю, Эрмин, — сказала она громко. — Я заперла хижину, потушила огонь. Как грустно покидать места, которые принадлежат нам! Там я буду всего лишь индианкой на твоём попечении.

— Вовсе нет, Тала! Не говори так, — возразила молодая женщина. — Ты моя свекровь, член моей семьи. Мне кажется совершенно естественным помогать тебе, если твой сын ушел на войну. Прошу тебя, не задавай ненужных вопросов и ни о чем не сожалей! Ты правильно сделала, что пришла к нам. Мы поужинаем вместе и будем бережно хранить воспоминание о нашем последнем проведенном здесь вечере. Я так горевала о своем младенце, что забыла обо всем на свете. Теперь у меня нет выбора. Я должна быть храброй, иначе Тошан уедет и будет страдать, моя слабость делает слабым его.

С помощью Мадлен Эрмин постаралась создать праздничную атмосферу для вечерней трапезы. Она тщательно накрыла на стол, откупорила бутылку отменного вина, одну из нескольких, купленных ею в ожидании радостных событий во время последней поездки в Квебек. Разбираться в винах своей страны научил ее импресарио Октав Дюплесси.

Настроение Талы улучшилось, и она стала жарить на углях сосиски. Фасоль с копченым салом томилась на огне. Дети, проведя много времени на воздухе, зевали от усталости.

«Господи, — удивлялась молодая женщина, наблюдая за ними, — ведь подумать только, что с завтрашнего вечера все переменится!»

Тошан вышел покормить собак и быстро вернулся с озабоченным видом.

— Не очень-то разумно оставлять малышей на дворе, — заявил он. — За забором бродят волки. И ветер поднялся. Боюсь, что будет буря, первая буря!

Он едва успел закончить фразу. На дом обрушились порывы ветра неслыханной силы. По крыше забарабанил дождь вперемешку с градом.

— Вы только послушайте! — вскричал Тошан. — Я не ошибся, страшная буря. Не знаю, сможем ли мы завтра уехать, мама?

Киона смотрела на брата с необычным выражением, в ее улыбке сквозила жалость. Эрмин заметила этот детский пронизывающий взгляд, полный решимости и нежности. Ей пришла в голову безумная мысль.

«Это Киона вызвала бурю, чтобы удержать Тошана здесь, возле меня! Она сжалась над моими слезами!»

Она тут же укорила себя, что наивно поверила в эти безумные догадки.

«До чего я глупа! С каких это пор девочка пяти с половиной лет может управлять силами природы, поднимать бури? Я схожу с ума! Это такое время года, суровая квебекская зима громко вступает в свои права».

Лоранс, более пугливая из близнецов, заплакала и бросилась в объятия кормилицы. Тала покачала головой.

— Ничто не предвещало такой бури! — заметила она. — Бесспорно, природа протестует против глупости белых людей, которые только и пытаются погубить себя смертоносными орудиями!

— Прощу тебя, Тала, — прервала ее Эрмин, — не нужно еще больше запугивать детей! Лучше уложить их спать пораньше. Ведь правда, дорогие мои, вы будете в безопасности в ваших теплых кроватках?

Мукки спрятался на коленях отца. Глухие удары сотрясали дом, целиком построенный из дерева.

— Папа, — спросил он, — а ты думаешь, что волки поджидали нас, когда мы играли в снежки?

— Вовсе нет, собаки залаяли бы тогда! — уверил его Тошан. — Волки не злые, сынок! Давай, иди есть. Мама права, вам лучше поскорее лечь в кроватки.

Несмотря на толстые шторы и двойные стены, по полу гулял ледяной ветер. Эрмин охватила дрожь, она просто оцепенела от холода. Она подошла к камину, представляя себе огромное окружающее их пространство, отдающее их на волю безумства стихии. Она почувствовала себя совсем крошечной, уязвимой и снова стала горевать об отъезде мужа.

Они поужинали в молчании. Буря так грохотала, что почти невозможно было говорить. Как только дети поели, Мадлен заторопилась увести их и уложить спать. Тала задержала Киону на несколько минут, чтобы сказать ей что-то на ушко и подбодрить.

— Ты будешь спать с Лоранс и Мари, а я буду рядом.

— Мамочка, я не боюсь! — тихо ответила малышка. — Совсем не боюсь.

Киона высвободилась из объятий матери и потянулась к Эрмин, чтобы та ее поцеловала. Растроганная Эрмин взяла ее на руки.

— Я отнесу тебя в кроватку, миленькая моя! — нежно сказала она.

Прижимая девочку к себе, она всегда испытывала тихую радость. Но по дороге в комнату Киона прошептала:

— Ты довольна, Мимин?

— Да, конечно, довольна, что я с тобой, — ответила она, несколько растерявшись.

— Завтра будут печь оладьи! — добавила эта необычная девочка.

Молодая женщина нахмурилась. Кажется, эти слова означали, что завтрашний отъезд не состоится. Разумеется, никто, кроме нее, не придавал бы значения этим словам ребенка.

— Возможно, ты права, — рискнула заметить Эрмин с легкой улыбкой.

Вторник, 5 декабря 1939 г.

Киона не ошиблась. Тошану пришлось отложить поездку, поскольку буря разбушевалась еще сильнее. Мадлен напекла оладий, и все с радостью воспользовались передышкой, которую устроила им разыгравшаяся стихия. Но это изменило планы будущего солдата. Он объяснял это во вторник утром Тале:

— Мама, я уеду сегодня один на санях. Уже не опасно, метель почти прекратилась. А ты отправишься в путь с Эрмин и детьми. Пьер Тибо сумеет разместить всех вас в своем автомобиле на гусеничном ходу. Я возьму с собой самый большой чемодан жены. Оставлю его на постоялом дворе, где ты будешь жить. Ты по-прежнему хочешь провести зиму в Робервале?

— Да, сынок, — отрезала индианка.

Наконец настал момент прощания, которого так боялась молодая чета. Тошан увлек Эрмин в их спальню для последнего разговора наедине. Она была настолько взволнована, что не смогла сдержать рыданий. Полный жалости, он притянул ее к себе.

— Дорогая моя, я обрекаю тебя на такую жертву! Мама права, ничто не заставляло меня идти добровольцем. У меня жена и трое детей. Лучшее объяснение моего поступка — мое собственное решение. Я должен защищать то, что мне дорого. Ты помнишь, как презрительно твой опекун, Жозеф Маруа, относился ко мне десять лет назад? Это было в сахароварне на холмах Валь-Жальбера. Для него я был всего лишь мерзким индейцем, подозрительным типом, который замышляет что-то исподтишка, даже несмотря на то, что я был крещен и носил имя своего отца.

— Но он изменил отношение к тебе с тех пор, — перебила его Эрмин. — Люди поначалу не доверяют, а потом, когда лучше узнают человека, отдают ему должное.

— Отдают должное! — внезапно взорвался он. — Как твой отец! Его не мучили моральные принципы, когда он спал с моей матерью. Она ведь

всего лишь индианка. Хочу доказать всем, что у метиса не меньше мужества, чем у белого, что он не боится сражаться.

Она покорно кивнула, хотя в глубине души считала, что он преувеличивает. Никто в округе не сомневался в моральных качествах Тошана Клемана Дельбо.

— Действуй, как подсказывает тебе совесть, — наконец сказала она. — Я буду ждать тебя. И не волнуйся о нас. В Робервале Тала будет в безопасности. Я смогу навещать ее очень часто, я обещала ей. Она ни в чем не будет нуждаться.

Тошан горячо поцеловал ее.

— Будь стойкой, родная! Я каждый день, каждый вечер буду думать о тебе.

Эрмин согласно кивнула, силясь улыбнуться. Она ополоснула лицо в ванной, потом вышла проводить мужа на крыльцо. Там она проявила невиданное мужество, стараясь не пугать детей слезами и причитаниями.

— Возвращайся скорее, — шепнула она на ухо Тошану, пока тот надевал варежки.

— Ничто не сможет помешать мне приехать к вам, — ответил он, целуя ее в лоб. — Передай от меня привет моему другу Пьеру, когда он будет забирать вас отсюда.

Собаки скулили в нетерпении. Красавец метис по очереди обнял Мукки, Мари и Лоранс, а потом потрепал Киону по щеке. Казалось, Мадлен молча молится.

— До свидания, кузина! — произнес он. — Вверяю тебе самое ценное, что у меня есть, мою семью.

— Господь будет к нам милостив, — уверила его та.

Сани скрылись из виду. Три женщины взглянули друг на друга. Они остались одни с четырьмя детьми в этой белой пустыне.

— Надеюсь, Пьер не заставит себя ждать! — вздохнула Эрмин, закрывая дверь. — Из-за метели будет трудно проехать по снегу.

Прошло два дня, два бесконечных дня. В доме царила особая атмосфера, привычный распорядок был нарушен из-за приближавшегося отъезда. На второй день ночью во входную дверь так сильно постучали, что она затряслась.

— Это наверняка месье Тибо! — вскричала Мадлен, месившая тесто для хлеба.

— Да, это может быть только он, — подтвердила Эрмин, вставая с места. Она отложила книгу, которую держала в руках, и спокойно направилась к тамбуру, который соорудил ее муж для защиты от холода.

«Общество Пьера доставит нам радость, — думала она. — Может быть, он пересекся с Тошаном! Узнаю какие-то новости...»

Она раскрыл тяжелую створку, уверенная, что увидит сейчас их друга. Но на пороге никого не было. Ей в лицо ударили снежные хлопья, а ледяной холод пронизал тело.

— Там никого нет! — объявила она громко. — Я с ума не сошла, я слышала, как три раза постучали. Вы тоже?

Она обращалась к Тале и Мадлен, которые подтвердили, выразив удивление.

— В таком случае быстрее запирай дверь! — крикнула ей свекровь. — Мне это совсем не нравится!

Эрмин сделала шаг вперед, чтобы посмотреть, что творится перед домом.

— Странно! — сказала молодая женщина. — Мне кажется, это следы. Но если это Пьер, он не мог уйти далеко.

Она окликнула его несколько раз, потом повернулась, раздосадованная, и тогда заметила листок бумаги, прикрепленный снаружи к двери воткнутым в нее ножом. В недоумении она открепила его, потом закрыла дверь на засов. Тамбур освещался керосиновой лампой. Эрмин смогла прочесть текст на клочке бумаги.

— «Месть!» — произнесла она испуганно. — Но почему?

Буквы, написанные черными чернилами, заплясали у нее перед глазами. Она повторила шепотом:

— «Месть!»

Подошла Тала. Она услышала слова невестки и резко отпрянула, словно железная рука сжала ей сердце. У нее перехватило дыхание, она повернулась и села за стол, потому что у нее закружилась голова.

«Опять это слово», — подумала индианка.

Неделю назад ей под дверь подсунули такое же письмо. После этой зловещей находки все внутри у нее замирало от безотчетного страха, она стала угрюмой, нервы были напряжены до предела. Она ничего не сказала Тошану: это заставило бы ее выдать секрет, который, как она полагала, знали только Лора и Жослин Шарден.

— Что это значит? — воскликнула Эрмин. — Кто пришел так далеко, чтобы прикрепить эту бумажку к нашей двери? Какое-то безумие! Ничего не понимаю. Нужно подумать: кого мы могли случайно обидеть? Месть! Но почему?

Тала резко поднялась, делая ей знак замолчать. Она оцепенела, напряглась, черты ее лица заострились.

— Там на улице странный шум, — прошептала Мадлен и перекрестилась. — Как будто какой-то треск или вой.

Все трое прислушались, затаив дыхание. Раздался гул, который нарастал, усиливался, напоминая начало грозы.

Эрмин решила отодвинуть краешек занавески. Этого хватило. Перед ней предстало невиданное зрелище. Оранжевые всполохи освещали занесенный снегом пейзаж, и к вою ветра примешивалось устрашающее потрескивание огромного пламени. Отсветы пожара рассеяли сумерки. Горела хижина, которую Тошан построил для Талы и Кионы.

— Милостивый Боже! — прошептала она.

Тала тут же поняла, что происходит что-то страшное. Она прижалась лбом к стеклу.

— Ее подожгли! — сказала индианка. — Наверняка тот, кто требовал мести. И эта месть свершилась бы, останься мы там с Кионой.

— Но это невозможно! — запротестовала молодая женщина. — Это просто случайность. У нас нет врагов. Нелепо даже подумать, что это преступление!

— Печку не топили уже три дня, а золу я выгребла, — заверила Тала.

— Ты могла забыть про керосиновую лампу, — настаивала Эрмин, не желавшая признавать очевидное.

— Что ты сделала с этим клочком бумаги? — продолжила ее свекровь. — Он был оставлен как предупреждение, чтобы мы не пропустили это зрелище.

— Господи Боже мой! — простонала Мадлен, которая слышала, как они спорят, и поторопилась вмешаться. — Тетушка, что происходит?

— Нас с Кионой хотели убить! — ответила Тала тихим голосом, боясь, что ее услышат дети. — Хижина горит! Какой веселый фейерверк в такую грустную ночь!

Кормилица снова перекрестилась. В наступившей тишине Эрмин с ужасом поняла, что, не предложи она Тале переехать с Кионой в Роберваль, обе они стали бы жертвами огня. «Мы ужинаем позже, чем они, а свекровь укладывает Киону раньше, чем ложатся мои малыши. Боже, кто мог сделать такое? А вдруг они все-таки успели бы выбежать? Мы никогда этого не узнаем. Киона и Тала — заживо сожженные... Нет, Господь не допустил бы подобного злодеяния. Моя Киона, такая чистая, такая красивая».

Дрожа от волнения, она бросилась к Мадлен, которая нежно обняла ее.

— Мне так страшно! — призналась она. — Мы здесь одни с детьми. Тошан должен был оставить нам одну из собак, старого Дюка! А если они

подождут и наш дом? Мы даже на помощь позвать не сможем!

Тала превратилась в собственную тень. Сидящая на табурете, сгорбленная, она выглядела старухой. Углы ее чувственных губ, обычно озорно приподнятые вверх, теперь опустились в горькой складке.

— Думаю, что вы ничем не рискуете, ни ты, ни Мадлен, ни малыши! — сказала она таким тоном, словно убеждала саму себя.

Должно быть, индианка лгала. Но она не могла иначе, потому что не была еще в силах обнародовать трагический эпизод своей юности.

— Это мне хотят причинить зло! — продолжила она. — Этим летом я отказала одному моему соплеменнику, который хотел жениться на мне. Я оскорбила его, потому что он вел себя со мной недостаточно уважительно. Он поклялся отомстить. Но он не убийца. И должен был знать, что я гощу у вас, чтобы поджечь хижину. К счастью, я забрала оттуда самое ценное! Только индеец способен действовать так быстро и осторожно. К тому же индейцам монтанье не страшны ни снег, ни сильный ветер.

Эрмин нахмурилась. Версия свекрови показалась ей маловероятной. Тала была еще красивой женщиной, но вряд ли могла разжечь подобные страсти. Не желая задеть ее, Эрмин запротестовала:

— Но это же глупо! Неужели мужчина настолько зол на тебя, что готов сжечь твой дом? Этот тип пьет?

— Разумеется, — подтвердила Тала. — Горький пьяница. Но для такого дела он должен был заручиться помощью друзей. В Робервале мне будет спокойнее.

— Нужно будет заявить в полицию, когда приедем туда, — с горячностью сказала Эрмин. — Этот негодяй должен закончить свои дни в тюрьме. Если ты говоришь правду...

Никто не слышал, как подошла Киона. Она не отрывала от матери своих глаз цвета темного золота, а потом бросилась ей на шею.

— Не грусти, мамочка! — сказала она. — Я здесь, с тобой.

Эрмин растрогалась, глядя, как босоногая девочка в розовой льняной рубашке изо всех сил обнимает мать.

— Доченька, — ответила ей индианка, — как правильно я поступила, что поддалась на твои уговоры! Ты так хотела ночевать в этом доме с Мукки и близнецами! Возможно, ты спасла нам жизнь. Наша хижина сгорела.

Эти слова, произнесенные тихо и проникновенно, дошли до сознания Эрмин. Ей в голову пришла новая, немного странная мысль. Киона предчувствовала опасность и заставила Талу уйти из хижины.

Мадлен объявила, что идет варить кофе.

— Нам придется всю ночь не смыкать глаз, — добавила она. — Тетушка, хотите что-нибудь выпить? Я приготовила карибу^[11].

— Нет, я ничего не хочу! — ответила Тала. — А ты, Киона, иди спать. Не волнуйся, завтра вечером в это же время мы будем уже далеко. Пьер Тибо в конце концов приедет за нами...

Киона ушла, но в дверях обернулась и взглянула на Эрмин. Молодая женщина подошла к ней.

— Я посижу с тобой, моя дорогая девочка, — сказала она. — Только тихонько. Мари и Лоранс уже заснули.

— А я нет! — раздался тонкий голосок Мукки. — Мама, я боюсь волков! Я так рад, что мы будем жить у бабушки Лоры. В Валь-Жальбере волков нет.

Эрмин, улыбаясь, наклонилась к сыну.

— Не бойся, Мукки! Мадлен зажгла ночник, здесь не будет темно. И поверь мне, волки никогда не сделают тебе ничего плохого, если ты будешь слушаться и не будешь без разрешения гулять в лесу. Но ты ошибаешься, в Валь-Жальбере иногда встречаются волки.

Киона, которая спала на раскладной кровати рядом с мальчиком, натянула одеяло до самого подбородка.

— Расскажи, Мимин, — попросила она, широко улыбаясь.

Эрмин решила уделить время ребятишкам. Это поможет ей самой ненадолго забыть все тревоги.

— Так вот, когда я была маленькой, волки часто подходили прямо к поселку. Симон Маруа, с которым я часто играла, как-то вечером даже повел меня послушать, как они воют на луну. Нам не разрешали выходить, но мы не послушались. Мне очень понравился хор волков... В другой раз, зимой, в канун Рождества, волки вечером бродили вокруг дома моей мамы. Они были голодные и, честное слово, мне стало их жалко, такие они были худые. Мы быстро вернулись в дом, потому что экономка Мирей очень испугалась.

— Мирей такая милая! — произнес Мукки, зевая. — Она готовит нам карамель и большущие пироги!

— А я увижу Мирей? — спросила Киона заинтересованно. — Скажи, Мимин!

— Потом поговорим! — отрезала молодая женщина. — Уже поздно. А теперь спать, мои дорогие!

Она поцеловала сына, потом Киону, потрепав ее по шелковистым волосам. Девчушка схватила ее за руку:

— Мимин! Хочу сказать тебе секрет!

— Слушаю!

— Я знала, что наша хижина сгорит. Я видела сон, а мама говорит, что сны очень важны.

Сердце Эрмин быстро забилося. Она уже угадала в девочке особый дар, дар утешения, успокоения. Но Киона также владела даром предвидения, как и Тала, которая не скрывала его.

— А буря? Ты знала, что вчера вечером должна быть буря?

— Я просила Великого Духа, чтобы он наслал ее, — заявила девочка. — Я прошу его каждый день. Чтобы ты не плакала, чтобы Тошан еще немного побыл с тобой.

Эрмин выпрямилась, она была ошеломлена. У нее возникло странное чувство, как будто ее увлекают в параллельный мир, где крылось то, о чем она с детства догадывалась. Мир, вселяющий веру, мир, где невинная душа могла обрести желаемое.

«Я и вправду слишком доверчива! — упрекала она себя. — Это безумие. Я должна перестать видеть в Кионе волшебницу, смотреть на нее как на сверхъестественное существо. Это пятилетняя девочка, восхитительная, забавная, обаятельная — только и всего».

— Спасибо тебе, родная! — сказала она нежно, избегая новых вопросов. — Спи сладко, ты устала, глазки закрываются.

Она затворила за собой дверь и пошла в гостиную. Мадлен и Тала шепотом спорили на языке монтанье. Они замолчали, увидев Эрмин. Из металлического кофейника доносился аромат кофе.

Молодая женщина села возле печки, все еще потрясенная признаниями Кионы. Обе индианки молча смотрели на нее.

— Хочешь кофе? — предложила наконец Мадлен. — Ты такая бледная!

— Да-да, мне нужно выпить кофе! — согласилась Эрмин. — Я потрясена событиями, которые произошли с нами. Этот листок, на котором написано слово «мечь», сгоревшая хижина! Тошан столько сил потратил на ее строительство прошлым летом! От нее остался лишь пепел. Тала, скажи честно, ты знала о том, что снится твоей дочери? Киона призналась, что ей снился пожар в хижине.

Тала казалась заинтригованной.

— Это правда? — спросила она задумчиво. — В таком случае почему она мне ничего не сказала? Великий Дух через сон передает нам сообщения, но она еще слишком мала! Боюсь, это только выдумки. Киона часто слышит, как я пересказываю свои сны, и ей просто захотелось подражать мне.

— Тала, Киона никогда не обманывает! — возразила Эрмин. — Она также утверждает, что сама просит Великого Духа о помощи.

— Великий Дух создал деревья, реки и лесных зверей, все живое, все, что рождается и умирает на земле, чтобы вновь возродиться, — ответила индианка, преисполненная уважения.

Мадлен утвердительно кивнула. Несмотря на христианскую веру, она свято хранила воспоминания о том, что рассказывали ей в детстве родители. Эрмин заметила, что у них обеих, и у нее, и у Талы, таинственный вид.

— Но вы погасили лампу. Здесь так темно!

— Хватит и свечки, — отрезала свекровь.

Молодая женщина почувствовала внезапное раздражение. При таких обстоятельствах в сумерках ей было не по себе. А несколько слов, сказанных Талой о Великом Духе, не давали никакого ответа, никакого объяснения тайне, какую являла собой Киона.

«Я уверена, что это дитя наделено особым даром, — говорила она себе. — Но во имя какого небесного закона? Почему именно она, эта девочка, рожденная от случайной связи и к тому же в нарушение моральных законов? Кто бы ни посылал ей вдохновенье, Великий Дух или Господь, факт остается фактом. Мне не следовало даже сомневаться. Кионе приснился пожар, и она вызвала бурю, чтобы я могла пробыть с мужем лишней день... Нет, я слишком увлеклась... Она могла солгать про пожар, а бури в начале зимы случаются часто».

В полном смятении она посмотрела на Талу, которая с загадочным выражением лица созерцала языки пламени в камине. Индианка была погружена в мрачные воспоминания. Когда она была совсем юной, она подверглась насилию белого человека. Это был золотоискатель, как и ее муж, Анри Дельбо. Он не мог простить ирландцу, что тот купил земли. Она подавила в себе стыд, отвращение, унижение. Даже когда была отомщена, много месяцев потребовалось на то, чтобы оправиться от воспоминаний об обидчике. Ее брат Магикан^[12] убил насильника и закопал тело возле старого барака, где прятались Жослин и Лора Шарден.

«Эрмин и Тошан в то время были еще совсем маленькими, — думала она, дрожа от бессильной ярости. — Даже объятья Анри не доставляли мне больше счастья. Только Жослин смог заставить меня заново почувствовать опьянение плоти. А встретила я его благодаря могиле этого мерзавца. Эта могила должна была исчезнуть. Жослин считал, что это могила Лоры, а Лора думала, что там покоится ее муж. Да, мой брат Магикан отомстил за меня, но кто сегодня требует мести? Кто? Я уверена, что меня хотят

заставить заплатить за смерть этого негодяя!»

Тала боялась, а страх делает слабыми даже самых храбрых. Ни разу еще ей не было ведомо это чувство, близкое к панике, поскольку ее собственная судьба вовсе не волновала ее. Теперь все стало иначе. Могли сделать что-то дурное Кионе. Если улыбка ее дочери угаснет, не будет украшать ее, от этого станет хуже индейцам монтанье. И не только им.

«Когда я перееду в Роберваль, я не буду выходить из дома, останусь в безопасности с Кионей, — поклялась она. — Я стану невидимой, тенью среди бледнолицых. Никто не причинит зла моему дорогому ребенку!»

Три женщины долго молчали, думая о своем. Но это не мешало им прислушиваться к каждому доносившемуся снаружи подозрительному шуму, не заглушаемому потрескиванием огня.

— К счастью, Тошан оставил свое охотничье ружье, — наконец объявила Эрмин. — Если потребуется, я не премину им воспользоваться. Боже, это ужасно! Кажется, я слышу шаги на крыльце! Тала, если и впрямь твой соплеменник требует мести, он легко сможет войти сюда и расправиться и с тобой, и с нами. Нужно быть хладнокровными. Тот или те, кто поджег твою хижину, точно знают, что Тошан уехал.

Ее голос прерывался. Она представляла себе окружавшие их лесные пространства, занесенную снегом дорогу, страшную оторванность от остального мира. А в соседней комнате находилось четверо ни в чем не повинных детей, которых она должна была защищать. Ее спутницы увидели, как она поднялась, сняла висевшее на стене ружье и стала изучать его.

— Ружье заряжено! — возвестила она. — Тошан научил меня стрелять.

Она подошла к окну с оружием в руках и слегка отодвинула занавеску. Несмотря на густой снег, она различила на земле груды красноватых деревянных обломков. Это было все, что осталось от хижины.

— Не показывайся! — закричала Тала; в ее голосе сквозил страх.

Закрыв занавеску, молодая женщина с изумлением посмотрела на свекровь.

— Минуту назад ты утверждала, что я ничем не рискую, — сказала она.

— Я уже ничего больше не понимаю, доченька, — вздохнула индианка, — ничего не понимаю.

Мадлен все-таки решила проверить, что заперт ли дом. Одна из комнат, в ней раньше жила Тала, находилась рядом с кладовой, где хранились запасы еды. Кормилица быстро вернулась.

— Никто не сможет сюда войти, — заявила она, — разве что взломают дверь.

Эрмин поблагодарила ее, горько усмехнувшись. Мысли ее путались. Теперь, когда она столкнулась с реальной опасностью, грусть и слабость уступили место новой для нее решимости. Да, она потеряла трехмесячного ребенка, но в отсутствие Тошана ей надлежало смотреть за Мукки, Лоранс, Мари и Кионой. Эти дети были бесконечно дороги ей, и ни одно несчастье не должно было их коснуться. Даже ее страхи отступили.

— Мадлен, пойди передохни немного, — сказала она, устраиваясь в кресле-качалке и положив на колени ружье. — Я не сомкну глаз всю ночь.

— Я тоже! — заверила ее Тала.

Оставшись вдвоем, они не проронили ни слова. Индианка терзала себя мыслями, ее душил страх, что она подвергает опасности своих близких.

«А если я скажу всю правду о моем прошлом Эрмин? Она лучше поняла бы то, что я чувствую... Но тогда рано или поздно это станет известно моему сыну. А я не хочу этого. Нет, мне было бы очень стыдно, слишком стыдно!»

Молодая женщина терялась в догадках. Теперь ей казалось, что кто-то желает зла ее мужу, ведь благодаря ее певческой карьере он получил полную финансовую независимость, что у многих вызывало зависть.

«А может быть, Тошан стал играть в карты, когда поселился в гостинице на Перибонке? И наделал долгов? Нет, это на него не похоже».

Другого шума, кроме порывов ветра, слышно не было. Тала тоже вслушивалась в темноту. Наконец она спросила проникновенным голосом:

— Ты сердишься на меня, дорогая? Ты ни слова мне не сказала...

— Ни на кого я не сержусь! — отрезала Эрмин. — Стоило Тошану уехать, как какой-то таинственный незнакомец немедленно жаждет мщения. Но мне трудно поверить в то, что отвергнутый дыхатель способен поджечь хижину. Такой дикий поступок! Когда кого-то любят, вовсе не стараются убить этого человека. Наоборот, ему хотят понравиться.

— Ты еще мало прожила, моя милая, и не знаешь всей низости человеческой души! — возразила свекровь. — Ты слишком молода!

Они обе молчали, разделенные невидимой стеной лжи и недоверия.

* * *

А в это же время Тошан сидел в вагоне поезда, направлявшегося в Квебек. Он натянул на лоб шерстяную шапочку, не открывал глаз, стараясь

избежать знакомства с соседями по купе. Иногда ощупывал волосы на затылке, не мог еще привыкнуть к короткой стрижке. Всякий раз, когда ему случалось жертвовать своими длинными черными волосами, он делал это ради того, чтобы добиться доброжелательного отношения бледнолицых — так Тала называла всех, у кого в жилах не текла кровь индейцев. Но это ничего не меняло. Он подумал о том, как встретят его другие солдаты, а потом пожал плечами.

«Я забиваю себе голову ерундой! — подумал он. — Да это и не важно. Я иду сражаться во имя справедливости, хочу защитить свою землю, свою семью».

Его охватила душераздирающая тоска. Он был один. Ночь обволакивала пейзаж за окном, поезд увозил его далеко от тех, кто был ему дорог. Тошан вынул бумажник, достал одну из любимых фотографий. На ней была запечатлена Эрмин в летнем платье, сидящая на скамейке на террасе Дюфрен. Все жители Квебека любили это место, где возвышался замок Фронтенак. Мукки обнимает мать за шею, справа стоят Мари и Лоранс.

«Мой сын мог бы сойти за чистокровного монтанье, а дочери унаследовали от своих северных предков светлые глаза и молочно-белую кожу... А как бы выглядел Виктор? — подумал он снова, глубоко переживая смерть своего последнего ребенка. — Дети мои, это ради вас я пошел в армию, и еще чтобы доказать моей Эрмин, что я никогда не откажусь от своих ирландских корней».

Тошан считал, что в разлуке сумеет держать себя в руках, но он дорого дал бы, чтобы прижать к себе Эрмин, поцеловать, услышать ее голос.

Война выхватила его из привычной жизни, как и многих мужчин во всех странах, повлекла куда-то в неведомое, может быть, прямо к смерти.

Глава 3

Возвращение в Валь-Жальбер

Перибонка, четверг, 7 декабря 1939 г.

Эрмин задремала в кресле-качалке, не выпуская из рук ружья. Внезапно ее разбудил сильный стук в дверь. Сквозь занавески пробивался дневной свет.

— Ау! Дамы, подъем! Это я, Пьер!

Тала, тоже дремавшая на скамейке, стоящей вдоль одной из стен, вскрикнула и поднялась.

— Пьер! Слава Богу, Пьер здесь! — воскликнула молодая женщина. — Узнаю его голос!

Она бросилась открывать дверь, по-прежнему не выпуская ружья. Их давний друг, жизнерадостный блондин плотного сложения, взволнованно смотрел на нее во все глаза.

— Хорошо же ты меня встречаешь, Мимин! — заметил он. — Положи ружье, неровен час, еще выстрелит!

Она почувствовала такое облегчение, что от волнения в горле застрял комок. Прерывающимся голосом она рассказала ему о том, что произошло.

— Прости меня, Пьер! Если бы ты знал, какую мы провели ночь! Входи, сейчас сварю кофе.

Молодой человек, стоя на крыльце, снял свою ушанку с козырьком и начал стряхивать снег с огромных башмаков.

— Здравствуйте, мадам Дельбо! — воскликнул он, приветствуя Талу. — Я видел, что осталось от вашей хижины... Что произошло? Она загорелась... Да, наши пожары — это плата за комфорт. Чем холоднее, тем больше мы топим, и довольно искры, чтобы все вспыхнуло!

— Нет, тут совсем другое дело, Пьер! — отрезала Эрмин. — Сядь, я расскажу.

Когда Пьер Тибо выслушал молодую женщину, он от всей души выругался сквозь зубы.

— Я вот столкнулся во вторник с Тошаном в Перибонке, — сказал он, состроив гримасу, — ему даже в голову не приходило, что у вас могут быть такие неприятности. Кажется, Мимин, что за ним черт гонится по пятам.

Лед еще непрочный, и идти по нему опасно. А он тем не менее отважился, потому что в таких случаях утверждает, что знает самый надежный маршрут.

— Только бы с ним ничего не случилось! — сказала она, вздохнув.

— Не волнуйся, у Тошана не очень тяжелая упряжка, — успокоил ее Пьер Тибо. — Я не рискну поехать на своем автомобиле на гусеничном ходу, но твой муж знает, что надо делать. Мне трудно двигаться по тропе, хотя ее и расширили летом. Наверняка негодяй, который спалил хижину, пришел на снегоступах. Жаль, что ночью мело, иначе я мог бы осмотреть все вокруг и найти следы... Когда приедете в Валь-Жальбер, нужно поговорить с начальником полиции. Не слишком разумно было оставить тут^[13] трех беззащитных женщин и четверых малышек!

Пьер скорчил недовольную мину. Красивый белокурый парень, который подарил свой первый поцелуй Соловью из Валь-Жальбера, превратился в крепкого тридцатилетнего мужчину с бородой и усами. И хотя роста он был среднего, считалось, что обладает недюжинной физической силой. Тошан думал, что он развивает ее благодаря своей разносторонней деятельности. Пьер Тибо, мастер на все руки, бережливый и хозяйственный, купил лодку, на которой летом перевозил пассажиров с одного берега озера Сен-Жан на другой. Зимой он предлагал другие услуги, у него была лошадь и большие сани, а недавно он купил у Рюделя автомобиль на гусеничном ходу. Вырученные деньги служили дополнением к его заработку на ривербендской мельнице. Он старался побольше заработать, поскольку имел на иждивении уже четверых детей.

— У Тошана не было выбора, — заявила Эрмин не слишком убежденно. — Ему нужно было успеть на поезд в Квебек.

— А я вот не пошел в добровольцы! — сказал Пьер. — У меня дом, семью надо кормить. Мне нет никакого дела до их войны в Европе. Я, правда, намекнул на это Тошану, когда говорил о вас, но он сказал, что обеспечил вам полную безопасность. И вот результат... Стоило ему отлучиться, вам уже угрожают.

Тала нахмурила брови, но не стала вступать в разговор и вышла из комнаты. Эрмин уже жалела, что доверилась своему другу.

— Самое главное — уехать отсюда! — резко ответила она. — Мне не терпится оказаться в Робервале. Моя свекровь будет там жить зимой. Я очень довольна, что смогу чаще видеться с Кионой! Она тоже пойдет в школу. Если бы ты знал, как она интересуется буквами и цифрами!

— Скажи, Эрмин, мне кажется, ты очень привязана к этой девочке, это чувствуется по твоему тону, по тому, как ты о ней говоришь. Но подумай,

какое будущее ждет ее? — ворчливо заметил он. — Полукровка, да к тому же безотцовщина!

Это замечание неприятно поразило Эрмин, которая терпеть не могла, когда о Кионе говорили что-то обидное. Она поставила кофейник на стол.

— Налей себе, — сказала она. — Пойду будить детей. Мадлен уже запаковала чемоданы. Мы скоро будем готовы.

— Я не спешу, — заметил он, — но и не копайтесь... Будет маловато места вместе с багажом. Не предполагалось, что я повезу мадам Дельбо и малышку. Тошан должен был меня предупредить.

— Ничего, мы потеснимся, — заверила его Эрмин с некоторым раздражением в голосе.

Она боялась, что сорвется, если Пьер будет по всеуслышанию критиковать Тошана.

Через час все уже высыпали во двор, Мукки с интересом рассматривал автомобиль на гусеничном ходу. Мадлен стояла рядом, поправляя шерстяную шапочку Лоранс. Нос и щеки девочки покраснелись на морозе, она нетерпеливо вырывалась.

— Хочу к бабушке Лоре, — повторяла она.

— И я, — подхватила Мари. — А почему мы не едем?

— Очень остроумно! — воскликнул Пьер. — Я загружаю ваш багаж, а это дело непростое. Ну давай, мамзель, залезай первой. К полудню мы должны уже быть в Перибонке.

Эрмин грустно смотрела на головешки, оставшиеся от хижины Талы. Потом взглянула на запертый на все замки дом.

«Когда я сюда вернусь? — спросила она себя. — Мне кажется, я оставляю здесь свои самые прекрасные воспоминания, лучшие часы своей жизни! Тошан, почему ты нас бросил? Мне уже тебя не хватает! Иисусе милосердный, сделай так, чтобы эта война долго не продлилась! У нас все было так замечательно! Теперь я действительно чувствую себя дома, здесь, на берегу реки. Это место так много значит для нас! Мои родители прожили тут несколько недель, сразу после того, как оставили меня на крыльце приходской школы. Тут родились Мукки и мой маленький Виктор».

Ее страдания слегка утихли, но навеки запечатлелись в материнском сердце. В разлуке с мужем Эрмин чувствовала себя гораздо более уязвимой, чем ей до этого представлялось.

— В путь! — воскликнула она, словно торопясь перевернуть страницу истории своей жизни.

Пьер посадил ее рядом с собой. Он тут же начал разговор, хотя его

голос заглушался шумом мотора.

— Мы даже не успели посудачить утром! — с сожалением произнес он. — А я хотел рассказать тебе новости о моем семействе.

— Отличная мысль! — согласилась она.

Она просила его не упоминать при детях ни о пожаре в хижине, ни об устрашающей записке, прикрепленной к двери. Он не нарушил договор.

— Не могу пожаловаться, что я несчастлив в семейной жизни, но моя супруга недовольна тем, что меня никогда не бывает дома. Правда, когда я приношу домой толстую пачку долларов, тон у нее меняется. Дети для меня — главное! Хочу, чтобы они были прилично одеты, чтобы получили хорошее образование. Старшая, Алина, уже пошла в школу, буквы все на зубок знает. По крайней мере, когда четверо детей, нет опасности, что призовут на военную службу. Это Тошан пошел наперекор всем правилам! Твоему мужу не сидится на месте! Зачем он тебя оставил? Потом пожалеет, уж поверь мне. Большую часть войск отправляют в Европу. Но речь-то идет о солдатах уже подготовленных. А тех, кого набрали в начале зимы, будут несколько месяцев держать в Цитадели. В худшем случае они пройдут серьезную подготовку, военные учения. Но выпало столько снега, что, бьюсь об заклад, новобранцы будут все свободное время играть в карты...

Пьер покачал головой. Эрмин, потрясенная его словами, обернулась. Мадлен загадывала детям загадки. Они были очень возбуждены путешествием. Тала разглядывала мелькавшие перед глазами огромные ели, запорошенные снегом.

— Ты утверждаешь, что мой муж мог бы подождать до весны? — прошептала она. — Не очень-то тактично. Мне и так ужасно грустно, Пьер.

— Извини, — сказал он виновато. — Мне следовало бы помолчать.

Он смотрел на нее несколько мгновений со странным выражением лица. Повисла гнетущая тишина. Когда они наконец доехали до Перибонки, Эрмин почувствовала облегчение. Прежде чем войти на постоялый двор, она полюбовалась величественными очертаниями замерзшего озера Сен-Жан, похожего на бесконечную белую равнину. Она посмотрела в даль и представила себе дорогой ее сердцу поселок-призрак Валь-Жальбер.

«Надеюсь, мы доберемся туда к вечеру! — подумала она. — Я не видела родителей с конца прошлого лета».

Они разместились вокруг обеденного стола. Огромная печь поддерживала приятную температуру. В воздухе плыли ароматы горячего кофе, жареного сала и томившихся на огне овощей. Посетителей было много, в основном мужчины. Почти все разговоры шли о войне. Тревожные известия передавались из уст в уста. До Эрмин несколько раз донеслось

имя Гитлера. Она рассеянно наблюдала, как двигается официантка, сменившая милую Грацианну, потом помогла Лоранс справиться с теплым молоком. Ей казалось странным, что она находится здесь, в этой комнате на постоялом дворе, после того как останавливалась в самых роскошных гостиницах Квебека и Соединенных Штатов.

«Кто из нас настоящая Эрмин? — вопрошала она себя. — Певица в вечернем платье, которую подобострастно приветствуют, носятся, как с принцессой, или та, что может управлять собачьей упряжкой, стоя на полозьях, любит носить брюки, сапоги на меху и анорак?»

Пьер снова внимательно смотрел на нее. Он говорил себе, что Тошан все-таки немного сумасшедший или настолько неразумен, что уезжает на неопределенный срок, оставляя такую ослепительно красивую юную женщину. Он наблюдал, как многие мужчины откровенно и бесстыдно любят ее.

— И в самом деле, — воскликнул он в конце обеда, — знаешь ли ты, что твой муж просил меня забрать его собак и сани? По приезде в Роберваль он должен был поручить их Гамелену, а тот мне, чтобы я переправил их в Валь-Жальбер. Тошан думает, что они могут тебе понадобиться.

Эрмин ответила, что ничего об этом не знает. Наверное, Тошан поразмыслил и принял это решение в последнюю минуту. Она встала, торопясь выйти на воздух.

— Давайте поспешим, — взмолилась она, — здесь так накурено!

— Ты права, не стоит задерживаться. В дорогу!

Но автомобиль проехал всего десяток метров и заглох. Это привлекло нескольких любопытных, причем каждый давал какие-то технические советы.

— Рюдель тебя облапошил, Пьер, — усмехнулся старичок с трубкой в зубах. — Продай тебе металлолом...

Услышав новости, явился хозяин постоялого двора. Мукки воспользовался задержкой, чтобы побегать по набережной, где было гораздо меньше гуляющих, чем летом. Через час пришлось отказаться от попыток починить забастовавшую машину.

— Будем спать тут, в Перибонке! — заявил Пьер Тибо, видя, как быстро темнеет. — Если эта проклятая таратайка приказала долго жить, я разыщу другой вид транспорта. Не ждите меня, я ненадолго отлучусь.

Он удалился медленно и степенно по длинной главной улице. Все дети, кроме Кионы, были расстроены. Она прижалась к матери, но не капризничала. Тала вела себя сдержанно, но с трудом скрывала досаду. Она

постоянно вглядывалась в лица бродивших поблизости прохожих.

— Ты чего-то боишься? — спросила Эрмин еле слышно.

— Не чувствую себя в безопасности! — ответила индианка. — Если бы я нашла кого-то, кто мог бы отвезти меня в Роберваль до наступления ночи, мне стало бы спокойнее. Ой, кажется, мне повезло...

Тала бросилась к мужчине в красной вязаной шапочке и толстой драповой куртке. Они быстро о чем-то поговорили.

— Кто это? — спросила молодая женщина у Мадлен.

— Мне кажется, это Овид Лафлер, учитель. Его хорошо знает моя тетья; все каникулы он занимается с детьми монтанье. Давай подойдем, поздороваемся. Он такой же робкий, как и я.

Но подойти не успели. Тала уже возвращалась в сопровождении знаменитого Овида Лафлера. В щели между низко надвинутой шапкой и закрывающим нос шарфом Эрмин увидела глаза редкого зеленого цвета, какие бывают у девушек, когда в них отражается солнце.

— Это моя невестка, певица! — сообщила индианка с ноткой гордости. — Эрмин, Овид может посадить меня к себе в сани. Он едет в Роберваль. Наконец-то я успокоилась.

— Добрый вечер, мадам! — произнес молодой человек, не осмеливаясь смотреть ей прямо в лицо. — Счастлив познакомиться с вами. Рад снова увидеть тебя, Мадлен.

Эрмин не могла не улыбнуться, заметив, как зарделось бледное лицо молодого человека.

— Благодарю вас за любезность, которую вы оказываете моей свекрови, — сказала она вежливо. — Мы попали в затруднительное положение из-за этого заупрямившегося автомобиля.

Овид опустил голову и быстро поднял плетеный чемоданчик Талы. Киона взяла сумку из оленьей кожи, в которой лежало ее бельишко и кукла.

— До свиданья, Мимин! — радостно крикнула девочка. — Мы приедем в город раньше вас!

— Конечно, дорогая! — ответила Эрмин, целуя ее. — Но завтра мы с тобой пойдем по магазинам на бульваре Сен-Жозеф.

Через несколько минут сани Овида Лафлера уже скользили по поверхности озера.

— Нужно вернуться на постоянный двор и попросить, чтобы нам дали комнаты, как советовал Пьер, — жалобно сказала Мадлен, вся дрожа.

— Ты права, — согласилась Эрмин. — В самом деле, все идет не по плану. По крайней мере, Тала в хороших руках. Этот мальчик выглядит серьезным и хорошо воспитанным.

— «Этот мальчик», ну конечно... — прыснула кормилица. — Он на пять лет старше тебя! Ты это так сказала, будто сама — почтенная пожилая дама.

Мадлен редко бывала веселой, поэтому ее шутка сняла напряжение у Эрмин, которая подталкивала свой маленький выводок к дверям постоянного двора. Официантка предложила им довольно комфортабельную комнату с двумя кроватями. Эрмин заказала горячий ужин.

Сперва она накормила детей, и они тут же заснули.

— У меня остались чудесные воспоминания об этом месте, — призналась она подруге, уплетая овощной суп с фасолью. — Когда мы с Тошаном поженились, мы, можно сказать, спасались бегством, я тайком покинула Валь-Жальбер, чтобы освободиться от надзора моего опекуна Жозефа Маруа. После церемонии в пустыни Святого Антуана, недалеко от озера Лак-Бушет, мы поехали на санях по берегу озера, и на этом постоялом дворе нас ждала первая удобная кровать. А утром я посмотрела в окно и увидела, как мой муж беседует с двумя хорошенькими девушками. Господи, я места себе не могла найти от ревности!

— Я не знаю, что такое ревность, — призналась Мадлен серьезно. — Я не любила ни своего мужа, ни то, что он по ночам заставлял меня делать.

Молодая индианка редко говорила об этом периоде своей жизни. Тронутая таким доверием Эрмин взяла ее за руку.

— Я отговорила тебя постричься в монахини, Мадлен. И иногда мне за это бывает стыдно. Я знаю, как ты набожна и что блюдешь обет целомудрия. Но с тех пор, как ты работаешь у нас, разве тебе никогда не приходила в голову мысль, что когда-нибудь ты можешь влюбиться?

— Всем сердцем я люблю Бога! — ответила кормилица. — Это супруг, которого я принимаю. Но есть мужчины, с которыми приятно общаться. Например, Пьер Тибо — очень милый и забавный.

— Да, он честный, трудолюбивый и услужливый! Тошан очень его уважает.

Когда она произнесла имя мужа, ее голос дрогнул. Она вздохнула. Теперь настала очередь Мадлен взять ее за руку.

— Мужайся, Эрмин, мой кузен силен, как медведь, хитер, как лис, и умен, как волк! Он вернется к нам!

— Я в это верю, — ответила молодая женщина. — Но не могу заставить себя не думать о том, что он мог бы остаться со мной и детьми. Пьер прав на этот счет. Тошан мог дожидаться весны и провести с нами зиму. В глубине души я очень обижена и расстроена.

— Тебе станет лучше в Валь-Жальбере рядом с родителями и

друзьями. Шарлотта будет прыгать от радости, когда увидит тебя.

Она легли в одну кровать и еще долго болтали. Но Эрмин не могла заснуть. Она думала о Тошане, который в эту холодную ночь был вдали от нее, в Квебеке. Она думала о Кионе. Столь дорогая ей девочка теперь должна уже находиться в Робервале, по ту сторону озера.

«Как мне ее не хватает! — призналась она себе. — Ее улыбки, ее взгляда, ее нежности... Мне так хотелось бы крикнуть на весь мир, что она мне сестра, драгоценная моя сестричка!»

Перед ее глазами предстало круглое смуглое личико Кионы, такое обворожительное, словно сияющее изнутри. Это мелькнувшее видение рассеяло темноту комнаты, сняло нервное напряжение, которое терзало Эрмин последнюю неделю.

«Для тебя, Киона, я спую на Рождество в какой-нибудь церкви или где-то еще, не важно, где именно! Только для тебя, моя Киона!» — пообещала она себе.

* * *

На следующее утро Пьер Тибо усадил Эрмин, Мадлен и ребятишек в прочные сани, в которые была впряжена большая серая лошадь. Они считались самыми удобными в городе.

— Мне очень жаль, — сказал он молодой женщине, — но я должен остаться здесь и ремонтировать машину. Вас отвезет мой друг. Он сказал мне, что уже познакомился с вами. Его зовут Овид.

— Овид Лафлер! — удивилась Эрмин. — Пьер, но этого быть не может! Вчера вечером он доставил Талу и Киону в Роберваль.

— И что с того? — воскликнул он, смеясь. — Неужели ты забыла, что в нашей стране настоящие мужчины не ленятся! И собаки тоже! Мимин, я бы с радостью поехал с тобой, но так я сэкономлю время. Овид — мой хороший кореш, да и я в долгу не остался.

Пьер неотрывно смотрел на нее. Настолько осмелел, что взял ее за руку. Она расценила это как дружеский жест.

— Береги себя и малышей, — сказал он. — И заяви в полицию. Эта история с мстью мне очень не нравится.

— Мне тоже, — заверила она его. — Спасибо, Пьер, и до встречи! Ты всегда будешь дорогим гостем в Валь-Жальбере.

Подошел Овид Лафлер. Погода прояснилась. Молодой учитель был уже без шарфа. Ветер трепал его слегка вьющиеся каштановые волосы,

обрамлявшие миловидное лицо.

— Добрый день, дамы! — произнес он, улыбаясь. — Здравствуйте, дети!

Пьер дал несколько инструкций своему другу, устроившемуся на переднем сиденье саней, и они двинулись в путь.

Сидя рядом с Овидом Лафлером, Эрмин, тоже слегка смущенная, погрузилась в созерцание зимнего пейзажа, который никогда не мог ей наскучить. Было очень холодно, но вскоре солнце позолотило застывшие, заснеженные просторы. На горных склонах сверкали сосны и лиственницы, словно сойдя с усыпанных блестками рождественских открыток. Это был потрясающий, завораживающий пейзаж.

— Придется обогнуть озеро, — неожиданно объявил молодой человек. — Зимой это самый надежный способ добраться до Роберваля на таком виде транспорта. Но, увы, он не самый скоростной. Мне очень жаль, мадам!

— Я вам полностью доверяю! — мягко ответила Эрмин. — Дети в полном восторге от этого приключения. Главное — добраться в Валь-Жальбер до Рождества.

Это была шутка, и Овид ее оценил. Он осмелился взглянуть на Эрмин, но тут же отвел глаза. Ни разу в жизни он не встречал такой красивой женщины. Понадобилось несколько секунд, чтобы в памяти запечатлелись ее огромные глаза цвета лазури, белокурые волосы, нежно-розовые губы.

— Зато я удостоен чести находиться рядом со знаменитой певицей! — громко заявил он. — Я слышал, как о вас говорили, но не мог предположить, что окажусь в санях вместе с Эрмин Дельбо! Да, жизнь преподносит нам сюрпризы!

— Я самый обычный человек, — возразила она. — Господу Богу было угодно наделить меня красивым голосом, и было бы нечестно с моей стороны не радовать им других. Положа руку на сердце, я чувствую себя гораздо лучше возле озера Сен-Жан, в дорогом мне краю. Я выступала в Нью-Йорке, и этот город страшит меня. Слишком много народу, а от высотных зданий кружится голова!

— И все-таки должно быть очень интересно путешествовать в такие далекие страны! Я наматываю тысячи и тысячи километров вокруг озера или по его поверхности.

— Я это заметила, — весело парировала она. — Я не предполагала увидеть вас этим утром. Но это было приятной неожиданностью.

Эрмин почувствовала, что ей стало неловко от собственных слов. Она должна была признаться, что в обществе Овида отдыхает от давящего

присутствия Пьера Тибо. Боясь, что ее неверно поймут, она поторопилась добавить:

— Пьер прекрасный друг, но он такой разговорчивый, а если бы мы поехали на его машине, там просто оглушительный мотор... В общем, я хотела сказать, что больше люблю лошадей, хотя это медленнее...

Она смешалась. Удивленный ее растерянностью Овид решил сменить тему разговора.

— Вы собираетесь провести всю зиму в Валь-Жальбере? — спросил он.

— Да, там живут мои родители. Мой муж записался добровольцем в армию и побоялся оставить меня среди глухого леса с малышами и кормилицей. Разумное решение, как вы считаете? Во время войны не только мужчины, но даже женщины идут в армию.

Это было сильнее ее. Эрмин чувствовала необходимость оправдать отъезд Тошана, ей казалось необъяснимым, почему он все-таки ее покинул. Если Овид Лафлер будет приводить ей те же доводы, что и Пьер, это только вызовет в ней обиду, поднимающуюся всякий раз, когда она вспоминала о решении своего любимого.

— Каждый человек свободен в своем выборе, — ответил тот. — Я считаю, что то, что я делаю здесь, не менее важно, чем приобретение навыков владения оружием. Лично я — пацифист. Отсюда идет мое желание обучать детей монтанье и открывать перед ними лучшее будущее. У грамотных людей больше возможностей. Это мое, пусть и скромное, поле боя. Слишком много индейских ребятишек оторвано от родителей и заперто в закрытых школах. Они жестоко страдают в этих заведениях.

Эрмин была поражена. Она заметила изысканную манеру речи Овида, практически полное отсутствие местного акцента. Ее потрясли его убеждения.

— Я восхищаюсь вами, — призналась она.

— Я редко излагаю вслух свои мысли. Но вы — не такая, как все. Мне кажется, вы способны понять, поскольку вышли замуж за метиса и проявляете такую искреннюю привязанность к незаконной дочери Талы. А впрочем, кто сможет устоять перед очарованием Кионы?

Если Овид Лафлер хотел бы добиться расположения молодой женщины, он не мог бы сказать лучше. Сияющая Эрмин одарила его ослепительной улыбкой.

— По правде говоря, вы знаете обо мне немало! — произнесла она шепотом. — Да, я люблю Киону, как могла бы любить только собственную

дочь. Она выросла с моими детьми. И должна заметить, мне тоже пришлось повоевать, чтобы выйти замуж за того, кого я любила.

Мадлен, сидящая сзади с Мукки и близнецами, решила, что им нужно спеть хором. Тонкие голоса затянули «Яблоко ранет, яблоко дичок». Затем последовало:

Больше не пойдём в леса,
Больше не пойдём в леса,
Время лавры обрезать,
Наша девица-краса
Будет листья собирать.
Встаньте в круг, встаньте в круг...

Овид осмелился посмотреть прямо в лицо Эрмин. Потом в его зеленых глазах мелькнула хитринка и он изрек:

— Можно подумать, ангелы поют.

Эти незамысловатые слова были для молодой женщины как бальзам на измученную страданиями душу. Ей пришла в голову неуместная мысль, от которой ей стало стыдно.

«Возможно, я была бы гораздо счастливее с таким человеком, как Овид! Он выглядит таким спокойным, поэтичным и терпеливым».

В действительности Овид был полной противоположностью Тошану. Эрмин тут же начала укорять себя.

«Господи, мой любимый только уехал, а я уже сравниваю его с другим! А он так боялся, что я буду ему неверна. Но правильно оценить хорошего человека не значит изменять. С ума сойти, до чего глупой я иногда становлюсь!»

Однако она дала себе слово стараться в будущем быть более сдержанной. Когда дети замолчали, Мадлен вступила в разговор.

— Эрмин, ты тоже могла бы спеть, — попросила она. — Соловей возвращается в гнездо, как сказал Мукки! Мы бы с радостью послушали тебя.

— Соловей? — удивился Овид.

— Меня так прозвали в начале моей карьеры. Соловей из Валь-Жальбера! — объяснила она смущенно. — Но мне не хочется петь, Мадлен.

После недолгого молчания Овид осмелился заметить:

— Это могло бы вас утешить. Говорят, что артисты, даже когда грустят, должны петь или изображать веселье, чтобы забыть о том, что их тяготит.

— Ничто не заставит меня забыть о смерти моего новорожденного сына месяц назад, — ответила она. — К тому же сейчас сильный ветер. Нужно беречь горло, я зарабатываю на жизнь голосом. Простите...

— Мы обязаны черпать силу в посланных нам испытаниях и идти дальше по жизни с высоко поднятой головой! — убежденно произнес молодой человек. — Моя жена в апреле 1938 года родила недоношенных близнецов. Они не выжили. С тех пор моя бедная Катрин почти инвалид. К счастью, моя мать ухаживает за ней в мое отсутствие. И других детей у меня не будет. Именно поэтому я решил посвятить себя тем, кто живет на этом свете.

— Ой, простите меня ради Бога, — пробормотала Эрмин.

Весь остаток пути, стараясь не выходить за рамки банальных тем, они вяло обсуждали погоду и местные школы. За несколько километров до Роберваля молодая женщина решила перечислить оперы, в которых хотела бы выступить.

— Роль Маргариты в Фаусте — мое самое приятное воспоминание, — заключила она. — Лиззи, помощник режиссера, без конца повторяла, что я была первым сопрано, которая отказалась надеть парик для этой роли, и на этот раз Маргарита появилась на сцене с настоящими белокурыми косами.

Овид Лафлер от души смеялся.

Роберваль, пятница, 8 декабря 1939 г.

— Наконец-то Роберваль! — выдохнула Эрмин, продрогшая до костей, несмотря на тяжелую меховую куртку, шапку, варежки и шарф. Ей казалось, что лицо у нее застыло от ледяного северного ветра. Пристань, ровные ряды крыш, трубы, откуда выходили клубы серого дыма, подействовали на нее успокаивающе. Сани двигались по бульвару Сен-Жозеф. Их перегнала собачья упряжка, которой управлял огромный детина в бобровой шапке. Две девушки болтали у витрины магазина. Фонари празднично блестели, отражаясь в обледеневшем снеге, покрывающем землю.

— Остановите, пожалуйста, здесь! Мы выйдем у пансиона, — воскликнула Эрмин.

Овид осадил лошадь. Он спрыгнул с саней и стал разгружать багаж. Потом по очереди потрепал по щеке Мукки, Лоранс и Мари.

— Мне кажется, самое малое, что мы можем для вас сделать, — это предложить комнату, чтобы вы здесь переночевали, — сказала молодая

женщина.

— Нет-нет, не стоит беспокоиться! — запротестовал Овид. — Пьер дал мне адрес места, где я смогу остановиться и поставить лошадь в конюшню. Я вернусь к Перибонке завтра утром.

Внезапно он забеспокоился:

— А как вы попадете в Валь-Жальбер?

— Мой отец приедет за нами. До свидания и еще раз спасибо!

— Мне тоже было очень приятно, — уверил он Эрмин.

Она добавила с горячностью:

— Желаю вам счастливого обратного пути!

Минут через двадцать обе путешественницы уже располагались в просторной комнате с большой чугунной печкой. Мадлен умыла и передела детей. Эрмин поспешила в комнату Талы, разместившейся на том же этаже. Хозяйка подтвердила, что свекровь и девочка были в пансионе.

«Не могу привыкнуть к этим изменениям в жизни, — подумала она, прислушиваясь к шуму по ту сторону двери. — Надеюсь, что Тала и Киона будут нормально себя чувствовать после всех перемещений. У них нет привычки жить в городе, даже если городок небольшой и тихий...»

Тала открыла дверь. Она выглядела успокоенной, еще немного — и бросилась бы в объятия невестки.

— Живее входи, Эрмин! Мне не терпелось увидеть тебя. Мне не очень по душе этот пансион.

Индианка выглядела чужеродной в этой уютной безликой обстановке. Она переделась в серое строгое платье, довольно старомодное, доходившее ей до щиколоток.

— Не смотри на меня так! — сказала она сухо. — Тошан велел мне носить такую одежду. А я слушаюсь своего сына.

Киона стояла у окна. Она обернулась и с серьезным видом посмотрела на Эрмин. Та уловила какую-то грусть в ее обычно жизнерадостном взгляде.

— Вам обеим будет лучше в обычном доме. Я вернусь на следующей неделе и сниму дом семейства Дунэ. Киона, ты не хочешь меня поцеловать?

Девочка неторопливо подошла. Она схватила Эрмин за руку и потерлась о нее щекой.

— Здесь все для тебя в новинку, родная, — сказала ей Эрмин. — Ты привыкнешь. Тала, ты не жалеешь, что последовала моему совету?

— Нет, девочка, я ни о чем не жалею, особенно после всего

происшедшего. Только вот думаю, чем бы занять себя зимой. Сегодня я не решилась выйти из дома. Киона хотела погулять, но я отказалась.

Эрмин молчала. Ей хотелось одного: выпить бульона и лечь спать, но она должна была поддержать Талу.

— Ты привыкнешь к такой жизни, — сказала она, сама в это плохо веря. — Сегодня вечером поужинаем вместе в моей комнате. Я выйду в город, куплю колбасы и пирожных. Если позволишь, могу взять с собой Киону. Мукки и девочки, наверное, уже в пижамах, они продрогли в дороге. Мне казалось, мы никогда не доедем!

Молодая женщина вкратце рассказала об их путешествии. Индианка сидела у печки и задумчиво качала головой.

— У Овида Лафлера золотое сердце. Это сегодня редкость.

— Мимин, я хочу на улицу, — заявила девочка.

— Возьми ее с собой, — вздохнула Тала. — Ей нужно размяться. Но...

— Что — но?

— Не могла бы ты одолжить ей одежду, по крайней мере, пальто одной из девочек? У них одинаковый размер. Так было бы лучше. Догадываешься почему?

Черные зрачки Талы поблескивали. В этом неподвижном, полном энергии взгляде отчетливо читался страх. Пока Киона побежала за куклой, Эрмин подошла к свекрови и тихо произнесла:

— Ты боишься тех, кто требовал мести? Тех, кто сжег хижину?

— Они могли следить за мной, — ответила Тала вполголоса. — А если, неровен час, они переключатся на моего ребенка... Пока я сидела здесь взаперти, у меня было время подумать. В Робервале я защищена ничуть не больше, чем в Перибонке! Нужно было укрыться среди своих, в горах.

— Мне кажется, в этом городе ты не подвергаешься никакой опасности, — успокоила ее Эрмин. — Но я сделаю все возможное, чтобы защитить Киону. Отдохни, Тала. Когда мы вернемся, я дам тебе знать.

Молодая женщина вышла из комнаты вместе с девочкой. Она бы дорого дала, чтобы восстановить гармонию на земле одним мановением волшебной палочки.

«Если бы все не было так сложно! — думала она. — Эта война, отнявшая у меня Тошана, эта угроза мести, превратившая Талу в загнанное животное... И Киона, мой лучик света, которую я никогда не смогу назвать сестрой на людях, моя чудная сестричка!» Оставался лишь один выход — смириться.

Мадлен постаралась, как могла, чтобы переодеть девочку, не обращая

внимания на Мукки и близнецов. Хотя они устали, но умоляли мать тоже взять их с собой.

— Нет, нет и нет! — бушевала Эрмин. — Вам никуда не нужно идти. А Киона еще никогда не была в городе. Она сидела взаперти со вчерашнего вечера. Ведите себя хорошо, если хотите, чтобы Санта-Клаус или Рождественский Дед принесли вам подарки в Валь-Жальбер.

— Кто это — Санта-Клаус? — спросила заинтригованная Киона.

— Я расскажу тебе потом, обещаю, а сейчас нужно торопиться! — прервала ее молодая женщина.

Она внимательно оглядела девочку. В синем драповом пальтишке Мари, кожаных ботиночках Лоранс, розовой шапочке, скрывающей кудри медного оттенка, она походила бы на типичную девочку из Квебека, не будь у нее такого золотистого оттенка кожи. Эрмин повязала ей на шею шарфик в тон шапочке.

— Прекрасно! — объявила она. — Идем скорее, милая. — Она испытывала тихую радость, когда шла по бульвару Сен-Жозеф, крепко сжимая ручку Кионы в варежке. Ее внимание привлекла колокольня церкви Сен-Жан-де-Бребёф^[14], четко выделяющаяся на фоне изумительного красноватого неба.

— Хочешь посмотреть церковь? — предложила она малышке. — Я в ней когда-то пела, еще до того, как родился Мукки.

— Да, Мимин, очень хочу.

Казалось, девочку восхищало все увиденное. Но внушительное здание церкви, похоже, вызвало у нее недоумение.

— Какой огромный дом! — воскликнула она. — Это там живет Бог?

— Не совсем там, но люди приходят сюда молиться ему. Мы тоже придем и зажжем свечу. Такую большую свечку, от нее исходит чудный мягкий свет.

Мясной магазин еще больше воодушевил Киону, которая никогда не видела столько продуктов, разложенных на ярко освещенной электричеством витрине. Эрмин купила копченой ветчины и паштет из кролика. Затем они направились в кондитерскую, неподалеку от «*Château Roberval*», величественный фасад которого вызвал у Кионы новый восторженный возглас.

— Я пела для клиентов этого отеля, когда мне было пятнадцать лет! — рассказывала молодая женщина. — Я дрожала от страха при мысли, что забуду слова песен.

— Ты везде-везде пела? — спросила Киона.

— Нет, пока еще не везде! — ответила Эрмин, смеясь. Ее волнение

рассеялось, тоска не так сильно сжимала сердце.

Продавцы в магазинах обслуживали ее со слегка недоверчивым выражением лица. В кондитерской ее даже осмелились спросить, действительно ли она Эрмин Дельбо, певица с золотым голосом, их землячка. В глубине души было лестно, что ее узнают, уважительно приветствуют.

«Если я представлю Талу и Киону всем, кто радуется моему возвращению сюда, к ним будут лучше относиться. По крайней мере, пока никто еще пристально не разглядывал мою маленькую спутницу. А мясник даже сказал, что моя дочка — ну просто вылитая я».

Углубившись в свои мысли, молодая женщина чуть не налетела на высокого человека довольно привлекательной внешности. Она пробормотала какие-то извинения, а тот радостно воскликнул:

— Эрмин! Могла хотя бы позвонить маме. Я уже два дня тебя ожидаю.

Это был Жослин Шарден, высокий, худощавый, но крепкого сложения. Он по-прежнему носил бороду и аккуратно подстриженные усы, а его темные глаза блестели от радости. Он звучно расцеловал дочь в обе щеки, что выдавало наплыв его чувств.

— Папа! Как я счастлива! Я не знала, что ты будешь в Робервале сегодня вечером, — воскликнула она.

— Лоре так не терпелось увидеть тебя, что она заставила меня остановиться в гостинице, чтобы не пропустить твой приезд. Мне вменялось в обязанность не спускать глаз с озера и близлежащих дорог.

Молодая женщина едва сдерживала слезы, настолько была взволнована встречей с отцом, его торжественным и полным любви голосом. Он не отрываясь смотрел на нее, охваченный счастьем, смягчившим резкие складки на его лице, оставленные долгими годами скитаний. Это был мужчина пятидесяти семи лет, еще весьма привлекательный. Он редко, но заразительно смеялся.

— Ты прекрасно выглядишь, — заметила она.

— Твоя мать очень заботится обо мне, а Мирей откармливает прямо как на убой, — весело ответил он.

Засмущавшись, Киона спряталась за спину Эрмин. Жослин наклонился к ней.

— Ну-ка, — произнес он нарочито строгим голосом, — кто это у нас испугался своего дедушки? Это Лоранс или Мари? Держу пари, что Лоранс! Мари вела бы себя смелее.

Сердце Эрмин бешено колотилось. Она не ждала этой встречи и

теперь была застигнута врасплох.

— Ни та и ни другая, папа! Мои дочки остались с кормилицей. Это Киона!

— Киона! — повторил растерянный Жослин. — Она уже такая большая?

Не слишком удачная реплика выдавала его смятение. Он видел девочку совсем крошечной, когда ей было всего девять месяцев. Эрмин подтолкнула ее вперед.

— Киона, это мой отец, — просто сказала она.

— Добрый вечер, месье! — произнесла девочка звонким голосом.

Свет фонаря подчеркивал золотистый оттенок ее кожи и выбившуюся прядку медовых волос. Она внимательно оглядела Жослина и улыбнулась ему радостно и доверчиво, но в ее глазах блеснул странный огонек.

— Боже мой! — воскликнул он, не в состоянии ответить на приветствие ребенка. Несколько долгих минут он оставался полностью замороженным Кионой, потом выпрямился, повернул голову, словно искал поддержки оттуда, с этой пустынной вечерней улицы. Эрмин прекрасно представляла себе волнение, которое должен был испытывать ее отец, столкнувшись со своей незаконной дочерью, зачатой в одну из тех теплых июньских ночей, когда он разделял ложе с Талой.

— Что она здесь делает? — спросил он наконец очень тихо, взволнованным голосом. — Эрмин, я полагаю, что ты действовала обдуманно?

— Я все тебе объясню, — сказала она вполголоса. — У моей свекрови были неприятности, и она проведет зиму в Робервале. Мы сняли комнаты в пансионе, но в понедельник я приеду, чтобы подыскать им более подходящее жилье.

— Только этого не хватало! — вспыхнул Жослин. — Полная катастрофа! Как будто мало того, что война перевернула все вверх дном... Давай пройдемся немного.

Киона взяла Эрмин за руку и старалась не отставать от взрослых. Она с любопытством поглядывала на этого человека, казавшегося ей огромным, но при этом ощущала его смятение.

— Папа, мы поговорим об этом завтра, в Валь-Жальбере, — прервала его молодая женщина. — Сегодня вечером я ужинаю с Талой, Мадлен и малышами.

— Я бы с удовольствием пригласил тебя в ресторан «*Château Roberval*», где я остановился. Лора настояла на этом, несмотря на расходы. Она непременно хотела, чтобы я жил в этом отеле. Знаешь почему? Она

слышала, как ты пела там в обеденном зале в самом начале твоей карьеры.

— Да, когда я называла ее «дама в черном», не зная, что речь идет о моей матери, — вздохнула Эрмин. — Боже мой, мне кажется, что все это было сто лет назад! Я была такой робкой, до смерти боялась выступать. Да и теперь я не избавилась от страха перед сценой. В этом я не изменилась.

Киона никогда еще не слышала этого выражения. Она сильнее сжала руку молодой женщины и спросила:

— Мимин, а что такое «страх перед сценой»?

— Ой, дорогая моя, как бы тебе объяснить... Это похоже на обычный страх, но не такой, когда боишься волков или грозы либо когда боишься, что тебя будут ругать за то, что ты сделала что-то ужасно глупое. Это необычный страх, который я чувствую перед тем, как должна выступать на сцене перед зрителями. Один раз я даже думала, что упаду в обморок, но Шарлотта дала мне стакан ледяной воды и я выдержала. Сосет под ложечкой, и сердце бьется быстро-быстро.

Жослин воспользовался тем, что они были заняты разговором, и внимательно вглядывался в лицо Кионы, в рисунок ее бровей, очертания губ.

«Какая она красивая! — думал он. — Моя дочь, это моя дочь, и только сегодня вечером я услышал звук ее голоса, увидел ее милый взгляд. От кого у нее такие глаза? Они кажутся светлыми, может быть зелеными или серыми. Какое умное лицо!»

Он испытал нечто вроде тайной гордости одновременно с ощущением потери. То ли судьба, то ли дьявол дергали за ниточки, чтобы завлечь его в эту необъяснимо запутанную ситуацию.

«Я обещал Лоре не видеть этого ни в чем не повинного ребенка, а если встречу, не выказывать никаких чувств — ни интереса, ни нежности, — думал он с горечью. — Но уже сейчас мне хочется обнять ее, приласкать! Я не видел, как росла Эрмин; теперь я должен лишиться себя второй дочери. Нельзя постоянно жить с закрытыми глазами. Киона — плоть от плоти моей, мне так хочется любить ее».

Он слегка утешился, думая о своем маленьком Луи, почти ровеснике Кионы с разницей в четыре месяца. Мальчуган был очень к нему привязан и наполнял гордостью его отцовское сердце. Но он с радостью воспитывал бы и дочь, врожденному очарованию которой он, сам того не понимая, уже поддавался. Очарованию и чему-то другому, неуловимому, какой-то силе, еще робкой, но обещающей проявиться в будущем.

— Я провожу вас, — предложил он наигранно веселым тоном. — Не хочу нарушить ваши планы — ужинайте в чисто женском обществе! А я

позвоню Лоре, сообщу, что ты цела и невредима и добралась до Роберваля.

— Поцелуй маму за меня, — сказала Эрмин. — Папа, мне так нужна сейчас поддержка. Меня совершенно подкосил отъезд Тошана, я не говорю уже о потере моего маленького Виктора.

— Я знаю, дорогая моя, — ласково ответил Жослин. — Поверь мне, мы всем сердцем были с тобой. Как мы написали в письме, нам было трудно приехать на похороны; у Луи поднялась высокая температура, и Лора не хотела оставлять его одного. А из дома его нельзя было увозить. Я мог бы добраться до вас, но из телеграммы стало ясно: твой муж не имел ни малейшего желания видеть меня на похоронах.

Эрмин сделала ему знак замолчать, указывая на Киону. Малышка наблюдала за маневрами грузовика на другом конце улицы, его колеса были обмотаны специальными цепями. Когда они оказались перед дверьми пансиона, Эрмин попрощалась с отцом, но он обиженно смотрел на нее.

— Ты так быстро уходишь! Мы даже толком не поговорили, — жалобно произнес он.

— У нас на это будет вся зима, папа. Можешь поцеловать Киону, завтра утром ты ее не увидишь.

Он отпрянул.

— Да нет, к чему это? — недовольно произнес он. — Пусть она идет в дом, а ты задержишься на минутку. Прощу тебя, Эрмин! А тебе, малышка, я говорю до свиданья, — добавил он громко, — а главное, будь умницей.

— Странно ты ведешь себя, папа, — сказала молодая женщина еле слышно. — Киона, милая, заходи внутрь и подожди меня в коридоре у печки. Я недолго. Твой крестный очень спешит сегодня.

— Мой крестный? — повторила девочка с удивлением. — А что это такое?

— Когда ты была совсем малышкой, ты тяжело заболела и священник из церкви пришел окрестить тебя. Для этого нужен был крестный, тот, кто хотел бы заботиться о тебе, о твоём христианском образовании, любить тебя, интересоваться твоей жизнью. Мой отец сидел возле твоей кровати, и он согласился взять на себя эту роль. Это и есть крестный.

— Эрмин, замолчи, — взмолился Жослин.

Киона колебалась, ее смущало напряжение, которое она чувствовала между Мимин и этим большим человеком с бледным лицом.

Наконец ей удалось открыть тяжелую дверь пансиона, бросив перед тем вопросительный взгляд на своего так называемого крестного. Тот, казалось, колебался, потом подошел к ребенку. Он бережно положил руку ей на плечо, а потом расцеловал в обе щеки. Губы его дрожали.

— Заходи быстрее! Мы еще увидимся, — сказал он ей нежно.

Киона сделала утвердительное движение подбородком и быстро проскользнула в дверь. Жослин принялся ходить взад-вперед перед Эрмин в каком-то неожиданном возбуждении.

— Ты застала меня врасплох, когда объявила, что это она, — принялся он оправдываться. — Хорошо, что ты меня встряхнула, дорогая! Вначале, когда я узнал, что Тала с малышкой останутся в Робервале до зимы, я испугался. Ты же знаешь свою мать. Если ей станет об этом известно, она устроит настоящую драму!

— Это глупо, папа! Я сама предупрежу маму. Она не распоряжается этой страной. Киона и Тала имеют право жить в Робервале. А тебе самому не стыдно? Такой милый, прелестный ребенок! А ты считаешь ее присутствие здесь катастрофой. В Европе война, мой муж пошел в армию, и, может статься, я никогда больше его не увижу! Я считала, что вы пришли к соглашению и ты можешь видеть Киону и заботиться о ней, как должен поступать хороший крестный. Поздравляю! Сегодня ты вел себя как никудышный крестный. И вовсе не обязательно награждать ее этими робкими слезливыми поцелуями, которые усугубляют твою вину. Папа, ты ужасно, ужасно разочаровал меня!

Выплеснув свой гнев, Эрмин освободилась от напряжения, скопившегося за несколько дней. Жослин стоял, не шевелясь, испытывая угрызения совести.

— Прости меня, я сошел с ума, — произнес он, хватаясь за голову, — я испугался. Прости меня! Я был потрясен, когда увидел девочку. Она такая красивая, правда?

— И не только красивая, — уточнила молодая женщина. — Без Кионы мир был бы тусклым и мрачным, по крайней мере, для меня. Папа, я наивно полагала, что ты будешь рад, когда сможешь поцеловать ее, узнать поближе. Но я ошибалась...

— Ты неправа, Эрмин, — возразил Жослин. — Я по глупости считал, что Тала никогда не уедет из леса, и смирился с тем, что буду разлучен с ребенком. Понимаешь? Я пять лет ее не видел! Есть отчего растеряться! В глубине души это меня устраивало, поскольку я мог соблюдать данное Лоре обещание, не прикладывая никаких усилий. Но я завтра же с ней поговорю! Верь мне, я твердо намереваюсь проводить время с Кионой. Я приду к вам завтра утром.

— Спокойной ночи, папа! — воскликнула она с облегчением.

Жослин посмотрел на нее взглядом, полным решимости. Он удалился широкими шагами. Теперь Эрмин начала бить нервная дрожь. Она нашла

Киону послушно сидящей на стуле возле печки. Девочка сняла шапку и шарфик. Казалось, она что-то напевала вполголоса.

— А вот и я, моя милая, — сказала молодая женщина наигранно бодрым тоном. — Давай отнесем все эти вкусности в нашу комнату.

— Да, Мимин, — ответила Киона, вставая. — Скажи мне, почему у твоего отца такой же страх, как у тебя перед сценой?

Ошеломленная Эрмин не знала, что ответить. Наконец она улыбнулась.

— У моего отца страх? — переспросила она. — Нет, не думаю.

— Ты сказала, что это необычный страх. Так вот, у этого человека был страх... Он боялся меня...

— Ну, моя дорогая девочка, ты все путаешь! — сказала Эрмин, широко улыбаясь. — Просто мой отец не умеет обращаться с детьми. Он очень добрый, но любит немного поворчать. Ведь под конец он тебя поцеловал, и спорим, что уколол тебе нос своей бородой?

«Нужно все перевести в шутку, — подумала она. — Киона ни о чем не должна догадываться, ничего не должна знать, иначе она будет страдать. У нее так развита интуиция, конечно же, она почувствовала, в каком смятении отец».

Киона не настаивала. Она с сосредоточенным видом поднималась по лестнице следом за Эрмин, о чем-то размышляя. Мукки ей часто рассказывал, что его дедушка из Валь-Жальбера сажал его на колени и подбрасывал, изображая, как лошадь скачет галопом; что он часто играл с девочками, мастерил для них деревянные игрушки. Именно этот человек и был тем самым дедушкой. Значит, тот, кого она мысленно назвала «большой черный человек», умел обращаться с детьми. Из этого девочка заключила, что Эрмин говорит неправду.

«Но почему?» — спросила она себя.

Только после ужина Тала узнала о том, что Жослин Шарден увидел Киону. Все четверо ребяташек спали, Мадлен тоже. Эрмин не стала описывать в деталях поведение своего отца.

— Не волнуйся, Тала, — заключила она. — Папа наконец решился познакомиться с Кионией. Она знает только, что это ее крестный, хотя совсем не понимает, что это значит. Зимой будет больше возможностей встретиться.

Но, к ее большому удивлению, Тала запротестовала.

— Нет, Эрмин, не делай этого! Еще рано, слишком рано. Прошу тебя. Я передумала. Мне кажется, что моей дочери не нужен такой отец. И крестный тоже, потому что это крещение, которое мне навязали, для меня

значит не больше, чем мое собственное. Я согласилась причаститься, чтобы сделать приятное Анри. Он настаивал на этом, хотел обвенчаться со мной перед алтарем.

Казалось, Тала переживает, и это удивило Эрмин. Она посмотрела на нее с состраданием.

— А что ты ответишь Кионе, когда она спросит тебя, кто ее отец? — спросила молодая женщина. — Эта девочка так проницательна в своих суждениях! Иногда кажется, что она просто читает мысли.

Скривив губы в улыбке, индианка тихо произнесла:

— Я уже объяснила ей, что ее отец умер и она никогда не увидит его. Я подробно описала ей своего брата Магикана, его душа неусыпно охраняет нас обеих.

— Скоро она перестанет верить в эту историю.

— Не приписывай ей дара пророчества, — отрезала Тала. — Она всего лишь ребенок и любит играть и резвиться.

— Возможно...

Обе знали, что это не так, но после этих слов разговор прекратился.

Валь-Жальбер, суббота, 9 декабря 1939 г.

Эрмин посмотрела на свои часы-браслет. Было три часа дня, но уже стемнело. Низкое, хмурое небо предвещало новый снегопад. Молодая женщина увидела колоколенку приходской школы. Как и всякий раз при возвращении в Валь-Жальбер, ее охватило сильное волнение.

«Я возвращаюсь домой, в свой поселок, — подумала она. — Все здесь по-прежнему, ничего не меняется... Завтра я поведу детей полюбоваться водопадом, моим чудесным водопадом. Пусть они послушают свирепое пение Уиатшуана».

Однако старинный индустриальный городок, образец промышленного развития в момент своего создания, больше, чем когда-либо, напоминал безлюдное, забытое Богом место. Дома выстроились в ряд вдоль улицы Сен-Жорж, такой же пустынной, как улицы Сент-Анн и Сен-Жозеф. Только из одной трубы поднимался густой дым — это была труба дома Маруа.

«В самом деле, я очень рада, что проведу здесь зиму! — подумала она. — Бетти писала мне такие милые письма! Я уделяла ей мало внимания во время моих последних очень коротких приездов».

Ее отец медленно ехал по улице Сен-Жорж. Снег поскрипывал под колесами, оснащенными толстыми цепями. Несмотря на этот негромкий

шум, Эрмин казалось, что в ее ушах звучит музыка.

— Наверное, это играют в приходской школе, — сказала она себе шепотом. — Да нет же, ее ведь закрыли уже шесть лет назад.

Затем она услышала неясный гул, словно неподалеку собралась толпа. Жослин с невозмутимым видом посмеивался себе в усы.

— Наверное, тебе померещилось, — сказал он. — Посмотри туда! Держу пари, они кого-то поджидают, но интересно кого?

Около десяти тепло одетых людей топтались на заснеженной аллее, ведущей к прекрасному дому Лоры Шарден. Над головами они держали транспарант, который развевался на ветру. Эрмин разобрала слова: «Добро пожаловать, Соловей из Валь-Жальбера!» Слезы навернулись ей на глаза. Под широким навесом материнского дома блестели разноцветные лампочки. В ту же минуту она узнала музыку. Это была увертюра из оперы «Богема» Пуччини.

— Ты наше блудное дитя, — пояснил ей отец. — Всем хотелось оказать тебе сердечный прием.

Ей аплодировали, ее приветствовали. Затуманенный слезами взор Эрмин различил лицо экономки Мирей, ее седые волосы, неизменно уложенные в высокую прическу. Потом она увидела милые черты Элизабет Маруа, которую покровительственно обнимал за плечи ее супруг Жозеф. Рядом стояли трое их сыновей: старший Симон, средний Арман и младший Эдмон. Их дочь Мари, ровесница Мукки, гордо размахивала букетом ярких цветов.

— Ой, ну зачем это? — воскликнула Эрмин. — Не нужно было...

Лора рыдала, привлекая сострадательные взгляды мэра Валь-Жальбера и рыжеволосого великана Онезима Лапуанта, которого сопровождала жена Иветта. Мукки подпрыгивал, вне себя от радости, что приехал сюда, ошеломленный музыкой, огнями, смехом и криками.

Засмуцавшись, Мадлен не осмеливалась подойти к ним. Она издали смотрела на Эрмин, шедшую навстречу родителям и друзьям. Учительница в окружении учеников подталкивала перед собой мальчика лет десяти, который держал в руках исписанный листок бумаги. Он тут же произнес приветствие, которое выучил наизусть, но боялся забыть:

— Дорогой наш Соловей, мы очень рады видеть вас в Валь-Жальбере, где вы выросли. Именно здесь впервые услышали ваш золотой голос, который отныне... завораживает многочисленных слушателей в Канаде и Америке. Мы надеемся, что в это тревожное... время вы обретете здесь... надежное и мирное убежище.

Мальчик несколько раз запинаясь, но ему горячо зааплодировали,

особенно старалась его мать, жена соседа-фермера.

— Спасибо, спасибо вам от всего сердца! — воскликнула Эрмин. — Я очень вам благодарна, это так трогательно...

Лора бросилась к ней и крепко обняла. На ее платиновых волосах красовалась очень элегантная шляпка. Она была в шубе, благоухала изысканными духами, на лице — умело нанесенный макияж.

— Моя обожаемая доченька, я просто преклоняюсь пред тобой, — сказала она на ухо молодой женщине, — какое счастье, что можно прижать тебя к сердцу! Ты не ожидала такой встречи, это видно по твоему лицу. Это я все придумала. А твой отец не проговорился! Я так боялась, что он выдаст мой секрет.

— Мама, не стоило так беспокоиться! — ответила Эрмин. Теперь, когда схлынули первые эмоции, она уже сожалела об этом бравурном появлении, считая, что при таких обстоятельствах оно выглядело неуместным. Мужчины шли воевать, а она носила траур по Виктору. Но Лора, верная себе, ликовала.

— Я приготовила вкусный полдник! — сказала Мирей, деликатно похлопав по плечу Эрмин. — Оладьи, пирог с засахаренными фруктами, чай, кофе. Вам нужно зайти согреться.

Эрмин горячо расцеловала экономку, к которой относилась как к родной бабушке. Все еще вытирая слезы, она старалась разглядеть в толпе знакомые лица.

— Мама, а где Шарлотта? Я чувствую, что кого-то не хватает! — воскликнула она.

— Не волнуйся, Шарлотта скоро появится, — успокоила ее Лора. — Она получила работу в Шамбор-Жонксон, возле вокзала. Коллега подвозит ее на машине. Она очень огорчалась, что не сможет встретить тебя вместе со всеми.

— Работа в воскресенье? — удивилась Эрмин.

— Официанткой в ресторане, — уточнила Мирей.

В этот момент Лору уже осаждали близнецы. Раздавались новые радостные крики.

— Как они выросли с лета! Боже мой! Какие лапочки!

Жослин с деловым видом старался подвести Эрмин к входной двери.

— Твои дочки непременно расскажут Лоре, что Киона в Робервале. Ты их предупредила, по крайней мере? Твоя мать так рада, не стоит портить ей праздник! Я обещал, что поговорю с ней, но не сейчас, а когда наступит удобный момент.

— Папа, я не собираюсь учить своих детей лгать, — возразила она. —

Дети будут играть и полдничать. В любом случае, вечером после ужина я поставлю маму в известность, если ты сам не сделаешь этого раньше.

Жослин повторил серьезным тоном, что он непременно это сделает. Но пока что он нарушал планы Эрмин. Правда, когда она вошла в просторную гостиную, где возвышалась изумительная елка, ее плохое настроение улетучилось. Здесь царила такая пышность, такая гармония, которые дополнялись мерцающими елочными украшениями, что всё вместе просто завораживало.

«Боже милосердный! — подумала она. — Мама так хотела вызвать у меня восхищение, и ей это удалось... Какая красота! Мои малыши попали в настоящий рай!»

Лора тратила, не считая. Эрмин заметила, что появились новые шторы на подкладке из великолепной ткани насыщенного красного цвета. Хрустальные подвески люстры переливались, отражая разноцветные огоньки на елке.

«Вряд ли есть второй такой ослепительно украшенный к Рождеству дом в районе озера Сен-Жан», — снова сказала себе Эрмин.

Она увидела, что Мукки сел на ковер возле елки. Мальчуган сосредоточенно рассматривал изящные позолоченные стеклянные игрушки, висящие на ветках: птичек, звезды, гирлянды, сверкающие шары, припорошенные блестками.

«Как бы мне хотелось, чтобы Киона была здесь, подле меня, и радовалась всему этому!» — с грустью прозвучало в душе Эрмин.

На огромном столе, накрытом белой скатертью, были расставлены серебряные блюда с грудой пирожных и печенья. Сняв свой белоснежный передник, Мирей принялась обносить гостей шампанским. Несмотря на мольбы Жослина, Лора выписала из Франции этот изысканный напиток, поскольку не могла устоять перед его бесчисленными пузырьками и фруктовым послевкусием. Эрмин еще раз поразила ее безумной расточительности.

«Мама пристрастилась к роскоши со времен своего брака с Фрэнком Шарлебуа. Не знаю, какое было у него состояние, но мне оно кажется неисчерпаемым. Кстати, монреальский завод, несмотря на финансовый кризис, продолжает приносить доход», — подумала она.

— Мимин! До чего же ты стала серьезная, красавица моя! — прозвучал знакомый негромкий голос.

Элизабет Маруа стояла возле нее, как всегда, смешливая и пухленькая. Ее светло-русые волосы по-прежнему вились, но были короче, чем раньше.

В свои сорок два она выглядела восхитительно. Эрмин с нежностью посмотрела на нее. Многие годы эта женщина заменяла ей мать.

— Бетти, дорогая! — воскликнула она. — Как я счастлива, что вижу тебя! Время проходит, но как только я рядом с тобой, то чувствую себя в безопасности, как раньше, когда была маленькой, а ты всегда умела приласкать и утешить меня. Я проведу зиму в Валь-Жальбере, и на этот раз, даю слово, у нас будет время посудачить у камелька. Я буду приходить так часто, что тебе это скоро надоест.

— Вот уж тут ты ничем не рискуешь! — запротестовала Бетти, смеясь. — Мимин, я разделяю твою горе. Потерять ребенка — что может быть страшнее? Я так плакала, когда Лора сообщила мне эту ужасную новость! А теперь еще твой муж ушел в армию... Всем сердцем жалею тебя.

Эрмин утешило сострадание ее бывшей опекуниши. По крайней мере, Бетти не боялась говорить то, что думает и чувствует.

— Спасибо! Мне так сейчас нужна поддержка!

Они бы еще долго болтали, но к ним подошел Симон с бокалом шампанского в руке. За ним появился его отец, Жозеф. Двое мужчин одной крови были очень похожи между собой. Оба брюнеты с темными глазами на загорелых лицах. Но младший Маруа унаследовал от своей матери более мягкие черты и обольстительную улыбку.

— Ну, Мимин, — воскликнул он, — ты выбралась из своей хижины в глухой чаще, чтобы вернуться сюда к нам? Как здорово, что ты здесь!

— Моя хижина превратилась в дом со всеми удобствами! — возразила она, как можно более весело. — Тошан просто сотворил чудо.

— Не считая безумной затеи пойти в армию, имея троих детей, — отрезал Симон. — Если бы у меня на руках была семья, никто не заставил бы меня отправиться на войну. Женюсь на первой попавшейся блондинке, чтобы избежать этого.

— Замолчи! Как тебе не стыдно, Симон! — закричал на него Жозеф Маруа. — Слышишь, Мимин? Мой сын не желает воевать! Будь я моложе, я бы не вел такие речи, пошел бы в армию, как Тошан, — вот человек, достойный этого звания!

Симон скорчил недовольную мину и отошел. Испуганная до смерти Бетти вздохнула.

— Я бы предпочла, чтобы мой муж рассуждал, как Симон, — заметила Эрмин. — Но мне приятно, Жозеф, что теперь вы оцениваете Тошана по заслугам, хотя раньше относились к нему неодобрительно.

Рабочий почесал свою седеющую бороду, бросив смущенный взгляд

на молодую женщину. Девять лет назад он был категорически против их начинавшегося романа. Он считал, что индеец монтанье, метис, не может быть порядочным человеком.

— Это дело прошлого, Эрмин, — произнес он извиняющимся тоном. — Каждый может ошибиться, я не исключение. У меня мерзкий характер, сам это знаю. Но я изменился.

Лора встала между ними и обняла Эрмин за плечи. Она прислушивалась к разговору и хотела положить ему конец.

— Друзья мои, — сказала она миролюбиво, — отведайте угощение, которое приготовила Мирей. Это нельзя пропустить. Я забираю у вас свою дочь, ведь я с июня ее не видела.

Молодая женщина позволила матери увлечь себя и подвести к Луи, ее маленькому братику. Он был почти ровесником Кионы, всего на четыре месяца младше. Красивый, крупный, хорошо сложенный для своих пяти лет мальчик. Волнистые каштановые волосы обрамляли его миловидное, с правильными чертами лицо, которое озаряли большие карие глаза.

Как ни странно, в присутствии сестры он робел, потому что слышал, как за столом о ней говорили в восторженных выражениях.

— Луи, ты узнал Эрмин? — спросила Лора.

— Здравствуй, Луи! — сказала молодая женщина вполголоса, чтобы не смутить его окончательно. — Теперь ты можешь играть с Мукки, Мари и Лоранс.

Мальчик закивал и тут же побежал к Мукки, которого по-детски обожал.

— Дорогая моя, — вздохнул подошедший к ним Жослин, — как радостно, что ты проведешь с нами всю зиму! Но я чувствую, что ты грустишь, и это очень меня огорчает. Не волнуйся. Если потребуется, поедем в Квебек, ты сможешь повидаться с Тошаном. Наши солдаты отправятся в Европу не раньше весны.

— Конечно! — ответила она мечтательно.

Большая гостиная гудела, как улей. Эрмин поддавалась общему ликованию, которое по очереди возбуждали то мэр, то учительница, то школьники, то ее собственные родственники. Она поцеловала Эдмона Маруа, рослого четырнадцатилетнего подростка.

— Как ты вырос, Эд! — удивилась она.

— Да, Мимин, — пробормотал он, краснея. — А ты все такая же красивая!

— Как галантно! А ты, Арман? Ты, наверное, уже перерос Симона?

— Конечно, перерос! — похвастался молодой человек. — И по

хитрости тоже дам ему фору! Но ты это и сама знаешь.

У Армана были светлые усики, а короткие вьющиеся волосы он унаследовал от матери. С тринадцати лет он работал у Лоры, следил за садом и домом. Сегодня с высоты своих двадцати с небольшим лет он бросал на Эрмин призывные взгляды, что ее немного раздражало. Она устала и пошла погреться возле чугунной печки. Лора поспешила составить ей компанию.

— Ты довольна, дорогая моя? — спросила она заговорщическим тоном. — Мне так хотелось, чтобы ты поняла, как много значишь для всех нас, жителей Валь-Жальбера.

— Мама, это очень трогательно! — ответила молодая женщина. — Замечательный сюрприз! Но я так устала.

Лора тотчас же встревожилась.

— Тебе не понравился мой маленький праздник? Но ведь ты, Эрмин, местная знаменитость, звезда на нашем небосклоне. Я думала, это умалит твою грусть от разлуки с мужем, поубавит печали и скорби. Везде только и разговоров, что о войне. А я сказала себе: нужно славить искусство, музыку и твой талант.

Эрмин взглядела в ясные, такие же голубые, как у нее самой, глаза матери. Она угадала в них неподдельную грусть и бесконечное сострадание. Лоре нравилось изображать добрую фею, по мановению волшебной палочки которой вспыхивают искорки света или начинается пир.

— Мамочка, дорогая, прости меня, я стала ужасно нервной. Я приготовилась жить по правилам Тошана, поскольку собиралась зимовать там. Но успокойся, я испытываю огромное облегчение, что я здесь, среди вас.

Голос Соловья дрожал, слезы наворачивались на глаза. Если бы Эрмин была наедине с матерью, она тут же бросилась бы к ней в объятия, чтобы вволю наплакаться. Но она привыкла бороться со своими чувствами, поэтому сдержалась и только слегка погладила Лору по запястью.

— Это еще не все, мама. Мы остались одни: моя свекровь, Мадлен и я с малышами. Тошан уехал раньше. И однажды вечером кто-то воткнул нож в дверь нашего дома, прикрепив записку со словом «Мечь». Пять минут спустя загорелась только что построенная хижина Талы. Это было ужасно. Слава Богу, что там никого не было. Ты понимаешь теперь, почему я привезла их сюда, перезимовать в Робервале? Я собираюсь снять дом Дунэ.

Сначала Лора не могла произнести ни слова. Наконец воскликнула:

— Но это же чудовищно!

На мгновение Эрмин задалась вопросом: что именно имеет в виду ее мать? И тут же упрекнула себя, что плохо подумала о ней.

— Ты права, моя бедняжка! — подтвердила Лора доверительным тоном. — Бывает так, что обстоятельства становятся сильнее нас. А твой отец в курсе происходящего?

— Он видел Киону вчера вечером возле пансиона, — призналась молодая женщина. — Но не знает о том, что с нами произошло. Я просто сказала, что у Талы неприятности. Он сам должен был поговорить с тобой, но я взяла это на себя. Ты приложила столько усилий, а мне не хотелось выглядеть перед тобой неблагодарной из-за того, что у меня нервы не в порядке.

— Мы поговорим об этом позже! — отрезала Лора. — Наши гости уходят.

Гостиная понемногу пустела. Эрмин, испытывая облегчение оттого, что доверилась матери, наблюдала, как четверо детей хохочут, гоняясь друг за другом вокруг елки. Мирей безуспешно отчитывала их, но ей тоже было радостно видеть всю семью в сборе, в доме своей хозяйки.

— Мы уложим их пораньше, — вздохнула экономка. — Мадам и месье с удовольствием спокойно поужинают.

Не успела она закончить фразу, как в комнату вошла хрупкая девушка в красном вязаном пальто с капюшоном. Брюнетка невысокого роста с волосами до плеч и светло-карими глазами отличалась изысканной красотой.

— Мимин! — закричала она. — Боже мой! Как я счастлива!

— Шарлотта! Моя Лолотта! Господи, до чего же ты хороша!

Эрмин встала, чтобы обнять свою протеже, свою лучшую подругу, самую близкую ей по духу, почти сестру.

— Мне уже казалось, что ты никогда не придешь! — пожаловалась она. — Мне так тебя не хватало!

— Ничего, наверстаем упущенное, — заверила ее Шарлотта, крепко прижимая к себе. — У меня целых два выходных. Когда я сообщила патрону, что лично знаю Соловья из Валь-Жальбера, знаменитую певицу Эрмин Дельбо, он был потрясен.

На этот раз Эрмин перестала сдерживаться и беззвучно заплакала. Несмотря на всю свою боль, все свои тревоги, она вернулась в Валь-Жальбер, поселок-призрак, который убаюкивал рокот вод Уиатшуана. Ее охватило безумное счастье. Она знала, что будет биться до конца тем хрупким оружием, которым владеют женщины, когда защищают тех, кого любят.

Глава 4

Закон молчания

Валь-Жальбер, суббота, 9 декабря 1939 г.

Мирей сияла, излучая энергию. Ужин, который она готовила, должен был стать первым в длинной череде трапез в этом большом доме, засыпанном снегом и обдуваемом зимними ветрами. Прекрасное жилище, приютившее суперинтенданта^[15] Жозефа-Адольфа Лапуанта^[16] и его семью в золотое для Валь-Жальбера время, вступало в новый период жизни, подписав договор с пышущими печками, тяжелыми гардинами на окнах и радостным детским смехом. Ничто другое на свете не могло бы так согреть душу жизнерадостной экономки, готовой творить кулинарные чудеса, особенно во время рождественских праздников.

Пока никого не было в кухне, она пританцовывала на месте: несколько мелких прыжков, за которыми следовало покачивание бедрами — почтенные дамы Роберваля были бы просто шокированы!

— Наша Миминочка вернулась! — распевала она, помешивая соус. — А у Шарлоточки два выходных дня!

Из гостиной доносился гул голосов. Наверху слышались чьи-то шаги: наверное, Мадлен вступала во владение детской.

— До чего я люблю, когда что-то происходит, когда весело! — снова сообщила Мирей своим кастрюлькам.

Возможно, там, в Европе, шла война, но здесь, в Валь-Жальбере, царил мир.

Эрмин и Шарлотта, держась за руки, вместе вошли в кухню. Обе они, одна — белокурая, изящная, в синем домашнем платье, другая — сияющая от радости, в серой юбке и белой блузке, с темными волосами, затынутыми в узел на затылке и заколотом гребнями, являли собой очаровательное зрелище.

— Ой, у меня гости! — обрадовалась экономка. — Мадам что-то нужно на кухне?

— Нет, Мирей, — ответила Эрмин, — просто мы хотели побыть с тобой. Мне очень нравится смотреть, как ты стряпаешь. Ты по-прежнему

слушаешь пластинки Ла Болдюк^[17]?

— Ну конечно! — с воодушевлением ответила Мирей. В прошлом году в Шикутими Симон купил мне две новые пластинки, она записала их в 1936 году. Полный восторг! Песню «Канадские переселенцы» я знаю наизусть... *«По Онтариио я ехал и куплеты сочинял, чтоб быстрее сердце билось и мотор не отставал...»*

Прижав руку к груди, бравая немолодая дама вкладывала всю душу в исполнение песни, а ее акцент ни в чем не уступал знаменитой Болдюк. Каждое словцо звучало весьма пикантно.

Шарлотта разразилась нервным смехом, она не ожидала, что сможет присутствовать на премьере такого представления. Мирей отложила деревянную ложку, которой помешивала соус, и отдышалась.

— Мне очень нравится, как там дальше! *«У канадки порох есть — песню публике пропеть».*

— Что именно пропеть? — спросила Эрмин.

— *«Всем совет хочу я дать! Детям — старших уважать! Дюжину я родила, мной гордится вся страна».*

Эрмин силилась улыбнуться, но эти многочисленные детишки из песни снова навеяли на нее грусть. Она подумала о своем ребенке, который лежал в земле по ту сторону озера Сен-Жан.

— Наверное, я никогда не стану доброй канадкой! — вздохнула она. — А я и не знала этой песни.

Шарлотта, чтобы успокоить, погладила ее по спине. Мирей внезапно поняла, что допустила оплошность, и горестно вскрикнула:

— Моя золотая, ну какая же я дура! Господи Боже мой, да мне надо просто язык отрезать, честное слово! Ты и так грустишь, а я тебе еще добавила огорчения! Иди сядь сюда, Эрмин! Выпей стаканчик карibu, я сама его готовлю по вкусу хозяина и с хорошим виски. Карibu — первый класс! Тутa все первый класс, но веселее от этого не делается.

Толстухка Мирей подталкивала Эрмин к стулу. Нежно коснулась ее лба.

— Ну как можно быть такой беспамятной! — причитала экономка. — Я столько молилась за маленького Виктора, когда мне сказали о нем...

— Да перестань, это не страшно, — запротестовала Эрмин. — У нас такая жизнь, что из-за расстояний и нерасторопности почты все события теряют свою остроту.

— Это правда, — заметила Шарлотта. — Обычно я провожу зиму с тобой, Мимин. Я тоже, когда узнала об этом, ужасно жалела, что осталась в Валь-Жальбере. Была вдали от тебя и деток и не могла поддержать вас.

Эрмин кивнула. Она ощущала себя совершенно подавленной. Стемнело. Вдруг железные тиски сжали ее сердце — ей стало больно и из-за ребенка, и из-за мужа. В такие минуты на берегу Перибонки она могла бы побежать к Тале, набраться сил в улыбке Кионы. Она уже тосковала по девочке.

«Никто не знает, кто такая Киона на самом деле, кроме моих родителей... — размышляла она. — Даже Шарлотта, которая жила с нами бок-о-бок, думает, что она сиротка, которую пригрела Тала. Мирей этой легенды не знает. Никого также не удивляет поведение Тошана. Он ведь близко не подошел к Валь-Жальберу после рождения Кионы; я одна провожу здесь лето. Однако никто никогда меня об этом не спрашивал. Ни Бетти, ни Мирей, ни даже Симон. Мама, наверное, придумала какое-то объяснение, которое ее устраивает».

Словно прочитав ее мысли, экономка осмелилась задать вопрос:

— А твой муж? Он, говорят, пошел в армию? Он в Квебеке? В Цитадели?

— Увы, да, — ответила Эрмин, осторожно потягивая карibu и с подозрением поглядывая на напиток, поскольку пила его впервые. — Я все устроила так, чтобы нам не расставаться, предвкушала долгие месяцы с семьей, а тут сначала смерть Виктора, а потом эта война! Никогда не знаешь, что готовит нам будущее... Я была слишком доверчива...

Шарлотта и Мирей обменялись взглядами, в которых сквозила жалость. Именно сейчас обе они почувствовали, насколько хрупка молодая женщина, хотя даже не подозревали о том, что больше всего она страдала от запрета говорить правду, навязанного ей Лорой.

— Ужасно обидно, что между твоим мужем и родителями как будто кошка пробежала, — продолжала экономка, — мне мадам об этом сказала между делом. Неужели они собираются месяцами дуться друг на друга? Из месяцев складываются годы... Тошан слишком уж гордый. Должен был о тебе подумать, малышка моя. Хотя самое важное — что он позволил тебе выступать, делать карьеру.

— Мне теперь совсем не хочется выступать! — сказала Эрмин с горечью. — И карibu больше не хочу, слишком крепкий для меня.

— Я совершенно уверена, что ты вернешься на сцену, — сказала Шарлотта убежденно. — Иначе я, твоя гримерша, останусь без работы.

Появление Лоры положило конец дискуссии. Хозяйка дома с удивлением посмотрела на пустой стакан и на бледное лицо дочери.

— Тебе звонили, дорогая! Телефонистка дала мне номер, по которому можно вызвать Тошана.

— Боже мой! Спасибо! — воскликнула молодая женщина, резко вскочив со стула и бросаясь к кабинету, где стоял телефон.

— Да, у них любовь! — прокомментировала Мирей, смущенная грозным выражением лица хозяйки.

Сложив руки на груди, Шарлотта погрузилась в свои мысли. Она опоздала и не застала Симона, но, вся трепеща от сдерживаемой страсти, на мгновение закрыла глаза. Она считала, что готова к замужеству. Однако молодой человек был готов лишь к братской дружбе. Он часто делал комплименты ее прическе и нарядам, болтал с ней, если представлялся случай, но дальше этого дело не шло. Девушка опасалась только одного: старший сын Маруа мог отказаться от своего целибата ради внезапно вспыхнувшей любви к какой-нибудь прекрасной незнакомке. Суховатый голос Лоры вывел ее из задумчивости:

— Скажи мне, Шарлотта, ты сможешь Эрмин искупать близнецов? Они сегодня просто невозможно до чего расшалились. А ты, Мирей, поторапливайся! Месье проголодался. Он почти ничего не ел на полдник.

С этими словами она вышла из кухни и почти столкнулась в дверях с Эрмин.

— Мама, я не смогла дозвониться до Тошана, попробую чуть позже.

Светло-голубые глаза Лоры потеплели. Она прижала дочь к себе.

— Не волнуйся, скоро ты его увидишь, своего любимого! Господи! И зачем нам все эти потрясения! А ты знаешь, что Ханс Цале тоже пошел в армию? На войне как на войне. Кажется, на севере Европы, особенно в Финляндии, положение очень напряженное.

— Ты с ним встречалась? — шепотом спросила дочь.

— Нет, он мне написал. Очень трогательное письмо, желает мне счастья, очень нежно говорит о тебе. Он следит за твоей карьерой и восхищается тобой.

— Бедный Ганс, — прошептала Эрмин, — не могу представить его в солдатской форме. Это же артист, потрясающий пианист!

Образ музыканта предстал у нее перед глазами. Он сопровождал Эрмин во время ее дебюта в «*Château Roberval*». Робкий и застенчивый взгляд светлых голубых глаз за стеклами очков. Датчанин по происхождению, он любил свою новую родину — Квебек.

— Я чуть было не вышла за него замуж, — добавила она, — и ты мама, тоже! Надеюсь, Господь будет хранить его. Я так многим ему обязана.

— Главное, ничего не говори отцу, — поторопилась предупредить Лора. — Он такой ревнивый...

«Не говори это, не говори то... Сплошные секреты!» — подумала Эрмин.

Она добавила вслух:

— Все-таки папа способен это понять. Ганс имел основания сообщить тебе о своем отъезде. Есть ситуации, когда ревность необоснованна. Просто какой-то абсурд! Вы квиты, ведь у него самого был роман с Талой.

— Тише, — в гневе прикрикнула на нее мать. — Что на тебя нашло? Говорить об этом здесь, у нас дома! Дорогая моя, не нужно подливать масла в огонь! Я очень счастлива с Жослином и нашим маленьким Луи. Я даже не предполагала, что заслужила такую безмятежную семейную жизнь. Поэтому стараюсь избегать конфликтных ситуаций.

— Вы с папой ошибаетесь! — отрезала выведенная из себя Эрмин. — Откровенность часто вознаграждается. Я тут только что вспоминала, что за последние четыре года никто не спросил меня, почему Тошан перестал бывать в Валь-Жальбере у родителей жены. Можно подумать, что в этом нет ничего необычного. А ведь люди должны были бы удивляться этому.

— Даже речи не может быть, чтобы друзья и соседи узнали о том, что произошло на самом деле, — возмутилась мать.

— А как ты им это все объяснила, мама? Хочу напомнить тебе, что папа является крестным своей незаконной дочери! И надеюсь, что теперь у него будет право видеться с ней, когда ему захочется.

— Замолчи! Я сама это улажу с твоим отцом!

В эту минуту вошел Жослин с газетой в руке, очки на кончике носа.

— Моя обожаемая супруга, моя бесценная дочь! — воскликнул он. — Какие интриги вы тут плетете?

— Мы говорили об ужине, — поторопилась ответить Лора. — Мирей хотела подавать его слишком рано, потому что мы устали. Ну и денек! Уверяю тебя, Эрмин, чтобы организовать этот небольшой праздник в твою честь, от нас потребовалось немало усилий. Самым сложным оказалось транслировать музыку. Мэр с помощью Симона соорудил нечто наподобие громкоговорителя. Но как удачно все получилось!

Молодая женщина пришла в растерянность, видя, как ее родители делают вид, что ничего не происходит. Она представляла себе, как они проводят вечера в этом прекрасном доме, окруженные заботой Мирей, не зная никаких финансовых проблем и к тому же радуясь проделкам сына, появившегося на свет от их возрожденной любви.

«На самом деле, мне не в чем их упрекнуть, — думала она. — Они многое пережили в годы разлуки и дорожат своим счастьем, которое далось им с таким трудом».

Шарлотта поднялась к Мадлен, и оттуда послышались радостные крики. Словно вторя им, раздался резкий телефонный звонок.

— Может быть, это Тошан! — воскликнула Эрмин.

Несколько минут спустя благодаря хитроумию изобретателей телефонной связи ее муж уже шептал ей нежные слова. Эрмин с удивлением заметила, что, слушая любимый голос, прерываемый треском и помехами, она ласково поглаживает аппарат из черного бакелита.

— Моя перламутровая женушка, как мне не терпелось поговорить с тобой! Я в Цитадели, недалеко от театра Капитолий. Встретил здесь одного парня из Альма, мы работали на мельнице в Ривербенде. А еще тут Гамелен, мой соперник в гонке на санях, он в одном со мной полку. Мы радовались как дети, что оказались вместе.

Эрмин только всхлипнула в ответ. Она рыдала, подавленная неизбежной разлукой. Тошан стал солдатом и очень не скоро сможет снова обнять ее.

— Как я по тебе уже соскучилась! — жаловалась она.

— Я тоже скучал, когда ты уезжала выступать на другой конец Канады или в Нью-Йорк, — сказал он. — Я отвлекался, стараясь думать о тебе. Ты должна быть сильной, Эрмин, ради нас, ради наших детей. Как они?

— Очень хорошо. Шалят немного, но просто перевозбудились от переезда. Не волнуйся, я присматриваю за ними. Будь осторожен. Я очень тебя люблю!

— Я тоже, дорогая моя, но должен заканчивать разговор.

Тошан быстро продиктовал ей адрес, куда она могла писать ему, а она второпях нацарапала его на каком-то листке бумаги. Ее пальцы дрожали, а слезы струились по щекам. Громкий щелчок положил конец их диалогу.

«Он даже не спросил о своей матери и о Кионе! — горевала она. — А я не могу рассказать ему о том, что случилось после его отъезда. Он так быстро повесил трубку... Наверное, лучше написать ему письмо. А когда он окажется в Европе, будет еще хуже».

Молодая женщина вышла из кабинета, ее пошатывало. Она не стала заходить в гостиную, где сидели ее родители, а незаметно поднялась к себе в комнату. Там она бросилась на кровать и зарыдала, поскольку не могла смириться с реальностью происходящего.

— Только бы эта война поскорее закончилась! — молила она. — Не хочу, чтобы была война, хочу, чтобы Тошан вернулся. Господи! Сжался! Верни мне его!

Несколько дней назад она даже произнесла такую же молитву, упрасывая небесные силы вернуть ей Виктора. Она прекрасно знала, что

это бессмысленно.

— Киона, — просила она, — светлая моя сестричка! Как мне тебя не хватает! Сейчас! Сию минуту!

В полном отчаянии Эрмин зарылась лицом в подушку. Она впилась в нее зубами, чтобы подавить горестные крики. Тьма сгущалась, и за сомкнутыми веками стояла чернота, небытие. Ничего больше не имело значения. Несчастье, которому не было названия, навалилось на нее.

— Киона, иди сюда, помоги мне! — умоляла она.

Внезапно девочка возникла перед ней в ореоле света. Это видение рассеяло окружающий мрак. Киона улыбалась, она была такой же, как обычно: пухлые щечки, удивительные светло-рыжие волосы с отблесками закатного солнца и необыкновенные золотистые глаза.

«Мимин! Не плачь! Я здесь, Мимин!»

Голосок зазвучал в ушах Эрмин, такой близкий, такой нежный, что она села на постели, в полной уверенности, что девочка находится где-то рядом. Но в комнатке никого не было.

— Что это значит? — спрашивала она себя. — Мне показалось, что Киона здесь. Ее голос звучал совсем близко, как будто она шептала мне на ухо. Неужели мне это приснилось? Да нет же, я не спала...

Сердце перестало биться учащенно, и боль утихла. Милое видение оставило ощущение покоя и нежности. Эрмин не стала искать объяснение случившемуся, ей казалось, что на нее снизошла благодать. Почти тотчас же в дверь постучала Мадлен и озабоченно окликнула Эрмин.

— Заходи! — ответила та.

— Ты плакала! — заметила кормилица с глубоким сочувствием. — Мне так хотелось бы помочь тебе выдержать это испытание, дорогая моя Канти.

На сей раз Эрмин не протестовала против прозвища, которое так любила Мадлен.

— А может быть, мне нужно спеть? — предположила она, слегка оторопев от этой мысли. — Кто знает? Я отказываюсь от единственного занятия, которое идет мне на благо.

— Так спой тогда! — ответила молодая индианка. — Вставай, дай руку. И пой, если тебе хочется.

Не переставая дрожать всем телом, Эрмин подчинилась и с помощью Мадлен дошла до окна и раздвинула розовые бархатные шторы. За окном шел снег. Хлопья кружились в свете фонаря, стоящего посреди аллеи. Вдали виднелась приходская школа с белым шпилем колокольни.

— Я вернулась в Валь-Жальбер, — произнесла она, как заклинание. —

Ведь правда, Мадлен? Но здесь действует закон умолчания, и я задыхаюсь. Боже, как я хотела бы нарушить это молчание!

— Ну так пой! — настаивала кормилица. — У тебя такой прекрасный, такой чистый голос, он разорвет эту тишину, это молчание, которое убивает тебя. — Спой, Канти!

Эрмин сжала пальцами спинку стула и сделала глубокий вдох. Не отрывая взгляда от какой-то видимой ей одной точки, она запела:

В ясный день желанный
Пройдет и наше горе.
Мы увидим в дали туманной
Дымок вот там, на море.
Вот корабль, весь белый,
В порт входит плавно...

Как будто помимо ее воли зазвучало начало знаменитой арии Чио-Чио-Сан. Сперва это была мольба, произносимая вполголоса, но потом звуки потекли плавно, стали подниматься ввысь, чистые, словно хрустальные.

Мадлен закрыла глаза. Ее тоже била дрожь. От дивного мелодичного голоса Соловья из Валь-Жальбера, поднимавшегося все выше и выше, заполнявшего все пространство, казалось, колыхался теплый воздух. В соседней комнате Шарлотта слушала, затаив дыхание, потрясенные дети молчали. Мадлен у себя в кухне тоже услышала арию, застыла как вкопанная, перестав напевать «Странствующего канадца». Как и ее многочисленные соотечественники, экономка обожала Ла Болдюк, но Эрмин заставила ее полюбить оперу. Лора и Жослин подбежали к лестнице и остановились, сначала в недоумении, потом в полном восторге.

А сердце рвется,
не выдержит оно такого счастья.
А он меня с тревогой все зовет, все зовет...
«Цветок мой ароматный, малютка дорогая!» —
так прежде называл он меня, лаская.

Молодая певица не думала о публике. Она была Чио-Чио-Сан, нежной японкой, и каждое утро ждала корабль, на котором должен был вернуться ее любимый. Он уехал в дальние края, почти как Тошан, и последний

куплет арии звучал предельно искренне.

Это все будет так, как ожидаю.
Верь мне, моя Сузуки,
пройдут и наши муки.
Я знаю!

Исполнение требовало подлинного вокального мастерства, на слове «знаю» сопрано достигало головокружительно высоких нот. Эрмин без труда с этим справилась, хотя уже несколько недель не занималась вокалом. Восхищенная Мадлен с трудом удержалась, чтобы не захлопать в ладоши.

— Господи, как это великолепно! — прошептала она. — Какой чудесный дар ты получила! Посмотри-ка, теперь я плачу!

— Мне гораздо лучше! — просто сказала Эрмин. — Хотя не стоит петь, предварительно не распевшись, но не важно, у меня от сердца отлегло. Завтра поеду в Роберваль. Нужно найти хороший дом для Талы и Кионы. Спускаемся вниз, Мадлен.

На площадке она столкнулась с Шарлоттой, окруженной детьми. Мукки бросился к матери и обнял ее изо всех своих силенок. Луи улыбался каким-то своим мыслям, Мари и Лоранс лучились радостью.

— Bravo, мама! — воскликнула Мари. — Спой еще, ну пожалуйста!

— Родные мои, — нежно сказала Эрмин, — пойдете, нужно ужинать. Будете себя хорошо вести — тогда я спою завтра.

Валь-Жальбер, воскресенье, 10 декабря 1939 г.

После раннего обеда Лоре удалось затащить Жослина в их спальню. Они часто позволяли себе отдохнуть днем, но сегодня не тот случай.

— Жослин, — начала она сладким голосом, — со вчерашнего дня ты играешь роль патриарха многочисленного семейства, и мне это очень даже по душе. Но все-таки я полагала, что ты потрудишься сообщить мне нечто важное, по крайней мере важное для меня.

— Ну да, — сказал он, — я собирался, но думал, что Эрмин уже сказала тебе. И мне нечего добавить. Да, Тала и Киона в Робервале. Но ведь это не имеет государственной важности, я полагаю.

— Меня больше волнует, почему им пришлось укрыться в городе! — сообщила Лора, гордая тем, что знает больше мужа. — Вчера из-за этого

наша дочь была очень огорчена, и я не стала на нее давить. А потом она запела. Боже, какое счастье слушать ее!

Жослин с недоверчивым видом уселся в кресло, оценивая взглядом своего противника. Она быстро изложила ему все факты, сложив руки на груди.

— Сгоревшая хижина, записка с угрозой, — перечислял Жослин, — Эрмин должна была рассказать мне об этом в пятницу вечером, когда мы встретились на бульваре Сен-Жозеф. Мы могли бы вместе пойти в полицию. Какая дикая история!

— И в самом деле! — добавила Лора. — Однако теперь Тала и ее девочка в безопасности. Хочу напомнить тебе о нашем уговоре. Отныне я запрещаю тебе приближаться к Робервалю даже на пушечный выстрел. Если ты будешь часто общаться с ребенком, ты к нему привяжешься. А я этого не выдержу, слышишь? У нас есть Луи, вот его и будем любить! Ничего не могу с собой поделать, я ужасно ревную тебя к Тале и Кионе!

Она не могла сдерживаться и была готова вот-вот разрыдаться. Жослин встал и обнял ее.

— Лора, моя любимая, мне очень жаль, но на этот раз я не пойду на уступки. На улице в Робервале я чувствовал себя полным ничтожеством. Киона разглядывала меня, не девочка, а настоящий ангелок! Так радовалась, что гуляет с Эрмин, а я сначала даже отказывался ее поцеловать! И при этом все время тискаю Ламбера, сына Онезима. Я достаточно часто шел на попятную в своей жизни! Оставил нашу дочь на крыльце приходской школы, много лет скрывался, думая, что виновен в твоей смерти. Официально я считаюсь крестным Кионы и должен следовать своим обязательствам.

В полном изумлении Лора отрицательно покачала головой.

— Жослин, об этом не может быть и речи! — выкрикнула она.

— А тебя устраивает, что твой муж — трус? — процедил он сквозь зубы. — Киона не просила, чтобы ее рожали. Почему это невинное дитя должно страдать из-за чьих-то капризов? Она не обязана расплачиваться за мои ошибки.

Его просто трясло от возмущения, и это озадачило Лору. Она никогда не видела его в таком состоянии. Но она тут же вспыхнула, не желая ни в чем с ним соглашаться.

— Значит, ты объявляешь мне войну? Отлично! В этом случае ты до меня больше не дотронешься. Даже в постели! Если будешь встречаться с Кионой или Талой, обо мне забудь! Ты понял? И будь любезен, не пересказывай никому наш разговор, это никого, кроме нас, не касается.

Постарайся держать язык за зубами. Я не шучу. Люди любят сплетничать даже по пустякам и здесь, и в Робервале. И пусть всю оставшуюся жизнь они думают, что эта девочка — твоя крестница!

С этими словами Лора вышла, даже не хлопнув дверью.

«Бедный я, бедный!» — подумал Жослин. Но в глубине души он был очень доволен собой.

* * *

Большую часть дня Эрмин отдыхала, но перед ужином, верная своему слову, ко всеобщему ликованию, исполнила две арии из опер. Мирей не спускала с нее восхищенных глаз.

— Спасибо тебе, моя дорогая Эрмин, — произнесла она взволнованно. — Твое пение — настоящий подарок! Ты тоже должна записать пластинки, как Болдюк. Буду слушать их, перед тем как заснуть.

— Вот мысль, достойная воплощения, — засмеялся Жослин, — дорогая, к тебе не обращались с аналогичными просьбами?

— Нет, — ответила она без всякого энтузиазма.

Правда, Октав Дюплесси собирался представить ее в начале лета директору граммофонной компании, но Эрмин отклонила это предложение, поскольку была беременна.

«Мне следовало бы отказаться и от многих других! — подумала она. — Я пожертвовала ребенком, которого носила. Он родился очень слабеньким».

Экономка подала аппетитный фасолевый суп, потом невероятных размеров омлет с картофелем. А на десерт — превосходный ореховый торт в кленовом сиропе.

— Мне в школе больше всего удавались пироги, — стала вспоминать Эрмин, которая до этого молчала. — Сестра Викторианна делилась со мной рецептами. Однажды он сгорел у меня дотла, потому что я замечталась.

— И о чем же ты мечтала? — спросила Лора наигранно весело.

— Перед этим я увидела Тошана на катке за универмагом. Он катался и насвистывал песенку «У светлого ручья», а я глаз не могла отвести от этого силуэта — такого подвижного и пластичного одновременно. Я просто застыла в восхищении, и он наконец заметил меня. Подошел ко мне, и я увидела, что он очень красивый. Я не могла сдвинуться с места. Потом мы поспорили. Я была смущена тем, что разговариваю с незнакомцем. Я не послушалась матушку-настоятельницу и Бетти, но это было так

потрясающе! Прошло почти десять лет, и вот теперь я — мать его детей, а он далеко от нас. Тошан редко находился рядом, я должна была к этому привыкнуть.

После этих слов повисло тяжелое молчание. Жослин взял руку дочери и легонько пожал.

— Мужайся, дорогая! — сказал он. — Тошан вернется. Я читаю газеты. Война долго не продлится.

— Первая мировая шла больше четырех лет! — возразила молодая женщина. — А с тех пор многое изменилось: оружие, средства связи, техника боя...

— Никогда нельзя отчаиваться! — отрезала Лора. — Мадлен, отведи детей в кровать. Мирей, мы будем пить чай в гостиной. Эрмин, ты выглядишь очень усталой, приляг на диван. Мы поболтаем.

— Я лучше пойду к себе, мама, — ответила та. — Я загляну поцеловать вас перед сном.

Как только родители вышли из столовой, Эрмин отвела Шарлотту в сторону.

— Можешь оказать мне услугу? — спросила она.

— Конечно!

— Зайди к Маруа. Завтра утром мне понадобится Шинук и сани. Мне нужно поехать в Роберваль. Шинук по-прежнему у них? Надеюсь, эта лошадь доживет до того времени, когда Мукки сможет ездить на ней верхом.

— Конечно! Он в отличной форме, месье Маруа регулярно его запрягает. Бегу, Мимин! Но твой отец может отвезти тебя на машине... или Симон, а ты взяла бы меня с собой!

Очаровательное личико Шарлотты осветилось надеждой. Растрогавшись, Эрмин потрепала ее по щеке.

— Увы, на этот раз ты не сможешь поехать со мной. У меня много дел.

Девушка не стала спорить. Она надела пальто, меховые сапожки, а на голову натянула белую шерстяную шапочку. Она наверняка увидит сейчас Симона Маруа, а это самое главное. Ей улыбалась удача. Подойдя к дому соседей, она увидела, что в конюшне горит свет. Кто-то внутри насвистывал. Шарлотта подошла ближе.

— Добрый вечер, Симон, — мягко сказала она.

— Мисс Шарлотта, — весело ответил молодой человек. — Да ты вся в снегу! Метет без остановки. Завтра утром тоже будет сильный снегопад. Что ты делаешь на улице так поздно?

— Я с поручением, — пошутила она. — Эрмин хочет одолжить у вас

завтра утром лошадь и сани.

— Соловей не успел прилететь и уже жаждет упорхнуть из золотой клетки? — сострил он. — Нужно спросить у отца, тута хозяин не я.

— Тогда я подожду.

Шарлотта села на какой-то ящик и стала наблюдать за каждым движением молодого человека. Он накладывал сено в кормушки лошадям и коровам.

— Скажешь Мимин, что пора ей попрощаться со старушкой Эжени. Папа распорядился продать бедное животное мяснику следующей весной, после двадцати лет безупречной службы.

Симон с печальным видом почесал корову за ушами. Девушка смотрела на него влюбленными глазами. Она не находила в нем никаких недостатков, даже теперь — в резиновых сапогах и выдавших виды брюках, в фуражке, надвинутой на самые глаза.

— Какой ты милый! — вырвалось у нее.

— Ишь ты! Милый с коровами и лошадьми, это да! Но стоит увидеть девушку, становлюсь неотесанным деревенщиной, и она тут же спасается бегством... Хотя, по правде сказать, мне бы следовало жениться, на всякий случай, а вдруг правительство введет обязательную воинскую повинность из-за войны.

Симон присел на корточки возле Шарлотты. Свернул себе самокрутку, закурил.

«И тогда ты женишься на мне? — подумала она. — Прошу тебя, раскрой глаза, мне двадцать лет, и я умираю по тебе».

— Не такой уж я завидный жених! — продолжал молодой человек. — Мои так называемые невесты это быстро понимают. У меня нет своего жилья, а жене не очень-то понравится обитать под одной крышей с моими родителями, братьями и сестричкой. К тому же я еще и деньгами сорю. Зарабатываю немного и все спускаю.

— Когда по-настоящему любишь, ко всему приспосабливаешься! — возразила Шарлотта.

Симон был так близко от нее. Она увидела, как у него на виске бьется жилка, и ей захотелось прижаться к ней губами. Сердце у нее колотилось. И она бросилась как в омут с головой, покраснев от смущения.

— Если тебе так хочется жениться, женись на мне, — предложила она еле слышно.

Это предложение звучало необычно в устах столь серьезной девушки. Симон резко поднялся в полной растерянности.

— Ишь ты! — воскликнул он снова. — Слушай, Шарлотта, а может,

ты выпила слишком много карибу?

Он рассматривал ее в упор. Она выдержала экзамен, повернувшись к нему лицом. И он прочел во взгляде ее карих глаз, горящих от эмоций, то, что она скрывала долгие годы. Он отступил в смятении.

— Ну, мисс, в какие игры мы играем?

— Я вовсе не играю, Симон! Когда я была еще маленькой, я влюбилась в тебя, и с тех пор ничего не изменилось.

— Нет, нет и нет! — отрезал он. — Это невозможно, Шарлотта! Не хочу делать тебе больно, но я никогда не смогу жениться на тебе. Я знал тебя, когда ты была совсем крошечной, почти слепой. Ты выросла у нас в доме. Я отношусь к тебе как к сестре. Очень к тебе привязан, и это все. Знаешь, любовь ведь не приходит по заказу. Ты красивая, это так, и ученая, работающая к тому же, но...

Все мечты девушки разбились вдребезги. Кроме того, ей было ужасно стыдно, что она выдала свои чувства. Нужно было спасти положение. На глаза ей наворачивались слезы, но она расхохоталась.

— Здорово я тебя провела, Симон? — сказала она. — А ты и вправду поверил? Хотела показать тебе, что из меня выйдет неплохая актриса. Это естественно. Когда присутствуешь на всех выступлениях Эрмин, то можно и самой научиться. Смотрел бы ты побольше фильмов! Я в Квебеке часто хожу в кино. В Капитолии бывает дневной сеанс. Больше шутить над тобой не буду. До скорого! Поговорю с твоим отцом насчет лошади.

Теперь она, в свою очередь, быстро поднялась и повернулась к нему спиной. Она уходила — униженная в своих чувствах, задетая в своей гордости. Но Симон бегом догнал ее и остановил, тронув за плечо.

— Я запрягу Шинука завтра утром, на заре. Передай Эрмин! — произнес он. — Папа не будет возражать, пусть только она немного заплатит. А я хочу дать тебе совет. Присмотрись-ка внимательнее к Арману. Мой брат неравнодушен к тебе, но потерял всякую надежду, ведь ты даже не глядишь в его сторону. Он твой ровесник и парень хоть куда!

Девушка не удостоила его ответом. Она быстро поднялась по ступенькам крыльца, заваленным снегом, и уже стучала в дверь Маруа. Элизабет крикнула, чтобы она входила. Она сидела в кресле-качалке и вязала, укрыв ноги шерстяным пледом.

— Добрый вечер, Шарлотта! У Лоры ничего не случилось?

— Нет, меня послала Эрмин. Жозеф дома?

— Уже спит. Все легли, кроме Симона, он в конюшне.

Шарлотта с рассеянным видом повторила свою просьбу. Когда-то она

время от времени жила в этом доме и теперь мечтательно разглядывала знакомые ей стены.

— Жо не станет возражать, — ответила Бетти. — Даю гарантию. Конечно, он будет рассчитывать, что получит купюру-другую. Покрыть расходы. Мой муж с годами не меняется. Деньги счет любят. Выпьешь со мной какао, Шарлотта?

— Нет, спасибо, Бетти. Лучше пойду. Мимин, наверное, ждет ответа. Я забегу завтра, я выходная.

Едва девушка вышла, Симон вошел в дом через заднюю дверь, которая вела во двор к служебным постройкам. Мать окинула его нежным взглядом.

— Ты разминулся с Шарлоттой, — сказала она ему. — Я предложила ей какао, но она убежала.

— Сейчас приготовлю для нас. Люблю, когда мы сидим вдвоем, мама.

Бетти внимательно посмотрела на старшего сына, ей показалось, что он чем-то озабочен. Она отложила вязание.

— Что с тобой? — спросила она.

— Ничего серьезного, мама. Я беспокоюсь из-за войны. Не хочу становиться солдатом. Папа считает меня трусом, но я имею право на собственное мнение. Когда я вижу, что все земли в округе заброшены, я дико злюсь. Мне хотелось бы обосноваться окончательно, перестать искать случайные заработки.

— Главное тебе поскорее жениться! — перебила его мать. — Почему бы не на Шарлотте? Я же вижу, она по уши в тебя влюблена, Симон. Я давно это заметила. Она пользуется любым предлогом, чтобы увидеться и поговорить с тобой.

Молодой человек пожал плечами. Он не сказал Бетти, что Шарлотта заходила в конюшню. Это он решил оставить при себе.

— Мама, это не то, что мне нужно! — резко ответил он. — Если я женюсь, то это будет красивая девушка, крепко стоящая на ногах, она должна что-то внести в семью. Землю или дом. Я живу с вами и даже не представляю себе, что смогу завести семью в таких условиях.

Бетти покачала головой. Она не могла понять, почему Симон, красивый парень, крепкий и работающий, до сих пор ходит в женихах.

— Шарлотта серьезная девушка, образованная и умная, — добавила она. — Будет заботиться о тебе. И потом, разве ты не в курсе? Ее брат Онезим должен оставить ей дом Лапуантов, на обочине региональной дороги. Иветта ждет ребенка, они переезжают в дом старого каретника, который умер год назад. Кажется, там просторнее. Но к их старому дому

примыкают два луга и большая лесная делянка.

Это сообщение заставило Симона задуматься. Он принес матери какао и налил себе.

— Шарлотта мне как младшая сестренка, — произнес он. — И к тому же Арман от нее без ума. Он мне этого не простит!

Красотка Элизабет, вышедшая замуж шестнадцатилетней, нежно посмотрела на сына.

— Самое главное в семейной жизни — это когда муж с женой друзья. Уважают друг друга. Из Шарлотты выйдет хорошая жена — преданная, разумная и любящая. Великой любви в жизни не бывает, разве что в романах.

Симон растерялся и, чтобы скрыть это, стал внимательно разглядывать настенные часы. Он знал, что его мать не всегда была счастлива в семейной жизни, потому что Жозеф Маруа отличался вспыльчивостью и прижимистостью, а когда выпивал лишнее, мог даже распустить руки. Потом он представил себе, как в постели приобщает Шарлотту к плотским радостям, и ему стало не по себе. Наконец парень произнес:

— Посмотрим, что сулит нам будущее. В общем-то ты права, а почему бы и не Шарлотта? Ты и вправду думаешь, что она меня любит?

— Убеждена! Она ждет именно тебя, иначе уже давно вышла бы за другого.

Продолжая размышлять, Симон закурил. Он начал свыкаться с мыслью, что можно жениться на Шарлотте — ему льстила ее любовь, а дом и луга делали этот брак заманчивым. В этом не было ничего злонамеренного с его стороны, просто ему хотелось жить только в Валь-Жальбере и он искал способ остаться там на долгие годы.

Валь-Жальбер, понедельник, 11 декабря 1939 г.

Эрмин встала на рассвете. Она надеялась, что сможет уехать, не привлекая внимания матери. Мирей подала ей кофе и сдобную булочку.

— Куда ты спешишь в такую рань? Мадам будет недовольна, ты приехать-то еще толком не успела... — сказала экономка.

— Мне нужно кое-что уладить в Робервале. В субботу я не смогла этим заняться, было уже поздно.

— Ты что, собираешься идти туда пешком? Боже праведный, одиннадцать километров по свежему снегу, да это займет не меньше трех часов!

— Мирей, я же не полная дура! Я одолжу лошадь и сани у Маруа. Шарлотта договорилась с ними вечером. Такая прогулка в одиночестве поднимет мне настроение. Объяснишь все маме.

Стоя у плиты, экономка недовольно пробурчала:

— Всегда втягиваешь меня в свои глупые затеи, Эрмин! Вот, например, в Рождество 1934 года, когда ты решила одна ехать к мужу в хижину в глухом лесу. Мне пришлось готовить тебе еду, термос, а потом мадам сорвала свою злость на мне, потому что я тебя не остановила. И теперь все упреки посыплются на мою голову. А почему ты не попросишь отца, чтобы он отвез тебя на автомобиле?

— Нет, я предпочитаю прокатиться на славном Шинукке, как раньше. А в санях Маруа я буду немного похожа на Санта-Клауса.

— А, поняла! Ты хочешь купить подарки детям.

Эрмин услышала какой-то шум наверху. Она испугалась, что отец или мать сейчас спустятся сюда, поспешила допить свой кофе и побежала в переднюю надевать сапоги и куртку. Но Лора в домашних тапочках все-таки настигла ее в тот момент, когда она открывала дверь.

— Дорогая моя! Куда это ты? А я так хотела, чтобы мы вместе позавтракали. Отец еще спит, мы могли бы поболтать!

— Очень обидно, мама, я еще с субботы планировала поехать сегодня в Роберваль. Мне нужно зайти в банк. Прошу тебя, не задерживай меня. Я договорилась с Жозефом, беру у них лошадь. Я все объяснила Мирей. Мне нужно побыть одной. Посмотри, на небе ни облачка. Будет отличная прогулка! Солнце и снег, синее небо, все великолепно! Я могу порепетировать по дороге и устрою вам вечером небольшой концерт.

— Тогда возьми меня с собой, — запротестовала Лора, — я через минуту буду готова. Пообедаем в ресторане, будет здорово!

— Увы, не получится... Шарлотта тоже хотела поехать со мной, но я ей отказала. Мне нужна тишина.

Молодая женщина поцеловала мать и вышла.

Пораженная Лора никак не смогла ее удержать.

«Думаю, она едет навещать Киону, — размышляла она. — По крайней мере, хорошо хоть, что Жослин туда не мчится...»

Пейзаж был удивительной красоты. Дорога, на которой еще не отпечатались никаких следов, проходила через заросли кустарника, запорошенного свежим снегом, легким и пушистым. Все сверкало в лучах яркого утреннего солнца. Эрмин испытывала детскую радость, держа в руках длинные вожжи. По обеим сторонам саней, переделанных Жозефом Маруа из кузова старой кареты, висели медные колокольчики, которые

позвякивали в морозном воздухе.

Закутанный в попону Шинук бодро гарцевал по дороге.

Когда Эрмин зашла в конюшню, он приветствовал ее тихим ржанием.

— Он тебя не забыл! — уверил ее Симон.

Молодая женщина испытывала огромное облегчение, когда гладила прекрасного коня рыжей масти и чувствовала, что он доверяет ей.

— Вперед, мой Шинук, — подгоняла его она, — быстрее! Как нам с тобой хорошо!

Она наслаждалась этими минутами полной свободы и предвкушала встречу с Кионей.

— Живее, живее, Шинук! Я тороплюсь!

Было на редкость тихо. Ни одной живой души в этот утренний час. Ум Эрмин заполнили разные мысли. Она решила не грустить больше, раз Тошан дал о себе знать, и стараться уделять больше времени детям и Шарлотте. Но тут же подумала о Кионе, и это напомнило ей о том, что произошло субботним вечером.

«Мне было так плохо, и я ясно увидела ее. Она казалась настоящей, я наяву слышала ее голос. Это странно, необъяснимо! Кто оно, это дитя? Фея? Ангел, спустившийся на землю, чтобы утешить нас?»

В двух километрах от Роберваля дорогу быстро перебежал олень. На его большой голове красовались тяжелые рога. Удивленный Шинук зафыркал и отпрыгнул в сторону. Он не был пугливым, но инстинктивно соблюдал осторожность.

— Не бойся, Шинук, он уже далеко, — успокаивала его Эрмин. — Давай, давай! Быстрее, моя лошадка!

Чуть позже она въехала в Роберваль. Лошадь привыкла находиться на привязи и спокойно наблюдала за тем, как Эрмин скрылась в величественно-элегантном здании мэрии из красного кирпича.

Обменявшись репликами с секретаршей и закончив бесконечно долгий разговор по телефону с сыном покойной Мелани Дунэ, Эрмин вышла оттуда с ключом от дома, расположенного на улице Сент-Анжель, куда собиралась перевезти свекровь и Киону. Тала встретила ее с нескрываемым облегчением. Она выглядела подавленной и не находила себе места.

— Эрмин, я очень жалею, что приехала в Роберваль, — почти в дверях заявила она. — Мне неуютно в этом городе. Если бы я могла выходить из дома! Но я боюсь.

— Почему же? Не нужно бояться! Тала, будь смелее! Ты ничем не рискуешь.

Но внимание молодой женщины было приковано только к Кионе,

которая играла со своей куклой, сидя на широкой кровати. Девочка улыбалась ей, но обнять не спешила.

— Я просила, чтобы она дала нам поговорить, — пояснила Тала. — У нее вошло в привычку прыгать тебе на шею, а ты уже тогда меня не слушаешь.

Эрмин раздраженно отмахнулась и сама подошла к девочке, поцеловала ее в лобик и пухлые щеки, золотистые, как имбирный пряник.

— Тебе было не очень скучно, моя Киона? — нежно спросила она.

— Нет, мама рассказывала мне легенды нашего народа, — ответила девчушка.

— Ну-ка смотри, это ключ от вашего дома. Мы там пообедаем втроем, а потом я возьму тебя с собой. Пойдем покупать хлеб в булочную Косет и все, что нужно для вышивания, в галантерейный магазин «Времена года». Я знаю, что твоя мама любит шить.

Тала пошла в ванную вымыть лицо и руки. Эрмин тоже зашла вслед за ней.

— Тала, у меня к тебе вопрос, — сказала она шепотом. — Что делала Киона позавчера, в субботу в семь вечера?

— Спала! — ответила свекровь. — Ты же знаешь, я укладываю ее рано.

— Произошло что-то странное, — начала Эрмин, — на меня опять напал приступ отчаяния, я лежала на своей кровати и рыдала. Клянусь тебе, я позвала Киону на помощь, и неожиданно она предстала предо мной, как живая. Она говорила со мной, велела не плакать, потому что она рядом. Это напоминало галлюцинацию, но мне стало легче.

Индианка с серьезным видом покачала головой, не сводя глаз со своего отражения в зеркале, висящем над раковиной.

— В этом нет ничего удивительного, — сказала она вполголоса. — Мой дед был могущественным шаманом, он владел этим даром — являться тем, кто молил его о помощи. Как-то раз, когда я страдала физически и морально, я обратилась к нему мысленно и увидела, как он возник в деревянном сарае возле дома. Он мне сказал: «Тала, ты будешь отомщена!» И это меня утешило.

Потрясенная Эрмин не находила слов. Она не заметила, что свекровь доверила ей часть своей страшной тайны. То, о чем рассказала Тала, она пережила после того, как подверглась насилию.

— Значит, тебя это не удивляет? — пробормотала Эрмин. — Тала, но это же необъяснимо!

— К чему всегда искать разгадки? Наше сознание обладает

таинственной силой. И мы, индейцы, с доверием принимаем ее проявления. Должно быть, Киона не понимала, что происходит, но в будущем, Эрмин, не призывай ее больше на помощь. Умоляю тебя! Она всего лишь дитя. Сжался над ней! Грусть в твоём голосе может ранить ее, нанести ей вред.

Молодая женщина была удручена, испугана мыслью, что могла психологически травмировать ребенка.

— Мне ужасно жаль, Тала! Обещаю тебе, что буду следить за собой и постараюсь взять себя в руки! Киона так дорога мне, я вовсе не хочу выводить ее из равновесия.

— В таком случае будь сильной и обращайся к твоим близким, чтобы они тебя утешали.

Тала посмотрела на нее как-то не по-доброму, даже сурово.

Эрмин попятилась, словно получила пощечину. Индианка сложила свои пожитки в меховые мешки и обвязала их кожаными ремнями. Киона безмятежно наблюдала за обеими женщинами. Девочке было спокойно и радостно на душе. Она вспоминала дивный сон, когда летала по звездному небу, а потом попала в большой красивый дом. Там она смогла утешить плачущую Эрмин. И от этого сна у нее осталось чудесное ощущение.

Плохое настроение Талы улетучилось, как только она переступила порог нового дома. Супруга третьего сына покойной Мелани Дунэ была отменной хозяйкой. Несмотря на то что дом опустел еще летом, он выглядел уютно, там царил чистота. Мебели не было, кроме деревянной плиты, стола и двуспальной кровати в одной из комнат.

— Мы купим все, чего недостает, — сказала Эрмин как можно более приподнятым тоном. — Тут в стенном шкафу на площадке есть постельное белье, от которого пахнет свежестью. Кионе нужна детская кроватка, стулья, в общем, много всего. Сейчас разожгу камин. Ты осмотрела двор, Тала? Там в сарае запасено много дров.

— Это недешево обойдется! — заметила индианка.

— Об этом не беспокойся, — оборвала ее молодая женщина. — Я уже пять лет откладываю деньги. Не думай, я вовсе не собака на сене. Я жертвую разным организациям. Тошан тоже думает, что несправедливо много зарабатывать во время экономического кризиса. Он рассказывал, что в 1935 году в Шикутими многие выжили только благодаря помощи, которую оказывало им правительство. Я часто пела бесплатно в приютах и больницах. Ладно, поговорим о другом! Не беспокойся по поводу моих расходов! Я спать не смогу, если вы не устроитесь как следует.

Киона бегала из кухни в гостиную по коридору, который также вел во

двор. Девочка, казалось, очень радовалась тому, что у нее в распоряжении будет целый дом.

— Мимин! Ты привезешь сюда Мукки и близняшек? Мама напечет оладий. Скажи, они сюда приедут? — умоляла она с лучезарной улыбкой. — Интересно, а лампы работают?

Девочка указала на электрические лампочки.

Эрмин нажала один из выключателей из коричневого бакелита, чтобы проверить, все ли действует.

— Да, моя хорошая, но лучше с ними не балуйся, как вчера в пансионе! Лампочки очень капризные.

— Ладно, Мимин!

Тала бросала вокруг одобрительные взгляды. От камина уже шел особый запах, напоминающий о гостеприимном очаге, о блюдах, которым предстоит здесь готовиться...

— В угловом шкафу есть несколько тарелок и приборы, — сообщила она Эрмин.

— Мне понадобится кастрюля.

— Я принесу все необходимое! — пообещала молодая женщина. — Пойдем с нами, Тала. Тогда торговцы в Робервале узнают, что ты моя свекровь, и будут почтительно с тобой обращаться. Я ведь местная знаменитость, и нужно этим пользоваться! Все знают, что я вышла замуж за метиса, многие из них знакомы с Тошаном. Я считаю, что тебе не надо бояться выходить из дома. А я очень часто буду наезжать, обещаю тебе.

У Эрмин было очень решительное выражение лица. Ее красивые голубые глаза сверкали, она невольно улыбалась. Тала испытывала облегчение.

— Если тебе нравится опекать меня и моего ребенка, тогда не прислушивайся к моим жалобам! Я просто дикарка! — сказала она. — Я привыкну к городской жизни.

— Так это даже не город, а всего-навсего городок! — заметила Эрмин. — Если бы ты видела Квебек или Монреаль — трамвай, Шато-Фронтенак^[18] и все остальные здания...

— Роберваля мне хватит за глаза! — пошутила Тала.

Они заперли дом и отправились в поход по магазинам. Киона снова надела свои индейские наряды, которые, по мнению молодой женщины, шли ей гораздо больше. Окраска оленьего меха прекрасно гармонировала с ее медовым цветом лица и с рыжеватыми с золотистым отливом волосами. Тала же была в пальто из коричневого драпа поверх туники, расшитой жемчугом. Косы, затянутые узлом на затылке, она повязала платком.

— Еще не очень холодно! — заявила Эрмин, когда они вышли на улицу. Киона подошла к Шинуку. Казалось, она вовсе не боится огромной лошади. Она уже гладила ее возле пансиона, но теперь, продолжая ласкать животное, заливалась смехом. Тала так внимательно разглядывала лошадь, что Эрмин это насторожило. Тогда она заметила, что Шинук прикрыл глаза и, похоже, спит, прижавшись носом к груди девочки.

— Киона, — воскликнула она, — давай, забирайся в сани! Неужели тебе не хочется поехать в магазин?

Девчушка последний раз погладила лошадиную морду и подбежала к саням.

— Мне кажется, Шинук очень полюбил тебя! — отметила молодая женщина.

— Он грустит, — ответила ей Киона.

Эрмин любила животных — собак Тошана, особенно старого Дюка, которого знала много лет, но никогда не думала, что к ним можно применять такие категории.

— Думаю, ты ошибаешься, моя милая! — сказала она. — За Шинуком хорошо ухаживают, у него удобная конюшня, вода и корм. Его хозяйева прекрасно с ним обращаются.

— Он грустит, Мимин! — заупрямилась малышка. — А почему — я не понимаю...

Киона пристроилась на заднем сиденье рядом с матерью, которая не проронила ни слова. У Эрмин зародилось сомнение.

«А вдруг она слышала, как мы обсуждаем ее дар, ее необыкновенные способности? — внушала она себе. — И если теперь она пытается утешить лошадь, то это просто игра. Мы сами забили ей голову этой ерундой. И я первая. После смерти Виктора я без конца ласкаю Киону, говорю ей, что ее улыбка и нежность приносят мне облегчение. Но может ли бедняжка в самом деле творить чудеса? Тала права, я должна изменить поведение, относиться к ней как к обычному ребенку. В конце концов, это только моя сестренка, моя прелестная очень красивая сестричка, мое солнышко, но не больше...»

Твердо решив не потакать своему безумному воображению, Эрмин направляла свой экипаж к бульвару Сен-Жозеф, где находились главные торговые заведения. Эрмин про себя перечисляла все, что нужно купить.

«Тряпки, кастрюлю, запас еды, не забыть муку, сахар, соль, консервы тоже, занавески, минимум на восемь окон. Кажется, остаются карнизы».

Ее появление привлекло интерес прохожих. Звенели колокольчики, все взоры устремлялись на девушку, белокурые волосы которой выбивались из-

под белой шапочки. Пожилая дама, болтавшая с соседями, узнала ее.

— Смотрите, смотрите, это же певица! Соловей из Валь-Жальбера. У нее муж метис. Держу пари, она прогуливает свою свекровь. Видите, сзади в санях сидит индианка! Ведь правда, я еще кое-что соображаю?

Это была Берта, тетка Гамелена. Эрмин вместе с ней смотрела соревнования собачьих упряжек, в которых шесть лет назад, в январе 1933 года, участвовал Тошан.

— Да, она сделала себе карьеру, Эрмин Дельбо, — продолжала старая Берта, — но по виду не скажешь, что зазналась. Другие вот разъезжают в шикарных автомобилях с шоферами.

Эрмин чувствовала на себе взгляды прохожих. Она остановила сани возле магазина «Времена года». Прежде чем заплатить за многочисленные покупки, она представила Талу хозяйке заведения.

— Это моя свекровь, Роланда Дельбо. Она проведет зиму в Робервале вместе с дочкой.

Хозяйка, которая тоже узнала Эрмин, держалась очень почтительно. То же произошло в булочной Ганьона.

— До чего эти люди становятся любезными, когда ты меня им представляешь! — вздохнула Тала. — Ты, доченька моя, с хитрецей! Спасибо тебе, теперь, думаю, я смогу делать покупки самостоятельно.

— Пора обедать! — заметила молодая женщина. — Вернемся к вам домой, на улицу Сент-Анжель. Я дам Шинуку овса. После обеда схожу в банк и на почту. Ею управляют две сестры. Их прозвали сестры Гарант! В другой раз пойдем вместе, Тала.

Они съели холодные закуски, потом обновили медный чайник, вскипятив в нем воду. В другом сарае Эрмин обнаружила две скамейки, с которых от сырости слезла краска.

— Все-таки лучше, чем ничего. Мы заказали столяру шесть стульев. Будут готовы к концу недели.

Индианка только поддакивала, голова у нее слегка кружилась из-за всех этих хождений туда и обратно, знакомств с чужими людьми, к которым она бы и близко не подошла при других обстоятельствах. Но Киона с аппетитом поела и, казалось, получала удовольствие от этой суеты.

В час дня Эрмин ушла в банк. Станным образом она почувствовала, что освободилась от страшной тоски, в которой пребывала уже несколько недель.

«Мне на пользу двигаться, видеть новые или знакомые лица, — думала она, — я должна быть сильной, все мне это твердят. Когда я об этом думаю, то вспоминаю, что даже Овид Лафлер призывал меня быть мужественной!

Честно говоря, мне это больше по душе, чем лицемерное сострадание... Я постараюсь быть полезной людям этой долгой одинокой зимой без Тошана. Каждый вечер будут писать для него отчет о прошедшем дне, мне это поможет. Мне будет казаться, что я рядом с ним».

Управляющий банком, месье Клутье, принял ее предельно радушно. Лора открыла у него счет, и теперь он мог поздравить себя с тем, что приобрел двух клиенток с внушительными доходами. Молодая женщина уладила кое-какие мелочи, продемонстрировав известную легкость в общении, которая и требовалась. Потом сняла деньги со счета. Хотя она беседовала, светски улыбаясь, в памяти у нее то и дело возникал образ маленькой сиротки, пригретой монахинями. Благодаря чудесному, дарованному небесами таланту девочка, подобранная зимней ночью, стала знаменитостью. Сегодня молодая женщина владела пусть скромным, но состоянием.

Углубившись в свои мысли, она вышла из банка, говоря себе, что при желании могла бы теперь остановиться в замке Роберваль и, сидя за огромным столом в ресторане, слушать выступление артистов, которое проходит там в конце сезона.

«Нет, — подумала она, — я бы не смогла! Так странно, сперва я была робким подростком, переодевалась рядом с кухней, а повар предлагал мне кашу и смеялся над моим прозвищем — Снежный Соловей! А теперь оказалась по другую сторону, где грумы и официантки смотрят на меня как на богатую туристку, нет, я так не смогу! Я принадлежу своему поселку-призраку, моему дому, притаившемуся в лесной чаще, на берегу реки Перибонки...»

Глава 5

Время тайн

Роберваль, в тот же день, понедельник, 11 декабря 1939 г.

Занятая своими мыслями, Эрмин направлялась к Шинуку, который спокойно ждал ее на обочине заснеженной дороги. Навстречу ей шли две монахини в длинных черных платьях, их головы покрывали белые накидки. Одна из них явно была уже преклонного возраста, потому что опиралась на палку. Ее худое, изборожденное морщинами лицо показалось Эрмин знакомым. Да, она была в этом уверена. Но тут другая монахиня резко повернула голову и тихо воскликнула:

— Господи, благослови! Это же наша Эрмин!

— Сестра Викторианна! Какой сюрприз! — ахнула Эрмин.

Бывшая послушница, взяв ее за руки, восторженно смотрела на нее полными слез глазами.

— Дитя мое, если бы ты знала, как я молилась за тебя после нашей встречи в санатории на озере Лак-Эдуар. Я ведь не баловала тебя в то время.

Потрясенная Эрмин чуть было не расплакалась. Доброе лицо монахини пробуждало столько воспоминаний! Вторая сестра внимательно смотрела на Эрмин через бифокальные стекла очков.

— Видишь, Мари-Эрмин, Господь наш Иисус Христос даровал мне еще одну встречу с тобой на этой земле, — сказала она твердым голосом.

Эрмин молча кивнула, а сестра Викторианна продолжила:

— Ты узнаешь сестру Аполлонию? Она была настоятельницей приходской школы в ту пору, когда мы нашли тебя на крыльце, закутанную в меха.

— Сестра Аполлония! — повторила Эрмин. — Конечно же. Боже, мне было семь лет, когда вы покинули Валь-Жальбер и вас сменила сестра Бенедиктина. Я так рада, так рада!

Эрмин была среднего роста, и все же выше обеих монахинь. Она бы их охотно расцеловала, до того была счастлива от этой встречи, но удержалась, зная, что у монахинь не принято бурно проявлять свои чувства.

— Я много раз рассказывала сестре Аполлонии, при каких

обстоятельствах я встретила тебя в санатории, когда поезд, идущий в Квебек, сошел с рельс. Она была невероятно рада, когда узнала, что ты нашла свою мать. Я ей также рассказала, что у тебя есть сын.

— С тех пор моя семья выросла, у меня родились близнецы, Мари и Лоранс. Им скоро исполнится шесть лет.

— Отличные новости! — воскликнула сестра Викторианна. — К тому же ты стала знаменитой. Ты не последовала моему совету и не отказалась от оперной карьеры. Надо думать, так было угодно Богу.

— Ты еще в школе хорошо пела, — признала бывшая мать-настоятельница. — Помнится, сначала я сдержанно отнеслась к тому, чтобы направить тебя по этому пути, но потом стала поощрять тебя.

— Я очень хорошо это помню, — ответила Эрмин, пытаясь определить возраст сестры Аполлонии.

Несмотря на явные признаки старости, она казалась еще бодрой. Эрмин любопытно смотрела:

— А что вы здесь делаете, сестры мои? Возможно, мы могли бы встретиться еще, этой зимой я живу в Валь-Жальбере. Мой муж ушел в армию... Война...

— Мы работаем в санатории Роберваля, дочь моя, — ответила сестра Аполлония. — Мне поручено вести бухгалтерские книги, мой кабинет на первом этаже, там, где администрация. В мои восемьдесят четыре, увы, мне трудно браться за другую работу. Словом, пока Господь не призвал меня к себе, стараюсь быть полезной. Мари-Эрмин, я, как сейчас, вижу тебя совсем крошечной той ночью, когда мы боялись, что потеряем тебя. У тебя был жар, и я дежурила у твоей постели. Мы думали, что у тебя оспа. Слава тебе, Господи, оказалось — просто корь. Ты довольно быстро выздоровела, и какое же счастье, что сейчас ты с нами! И если поначалу я хотела отдать тебя в сиротский приют в Шикутими, то потом передумала. О да, нам есть о чем вспомнить! Однако сейчас нет времени. Мы навещали жену одного из наших больных на улице Ожер. Вчера бедняжка совсем слегла, и похоже, что за ней тоже придется ухаживать... А сейчас нам нужно вернуться в санаторий.

— В таком случае я могу, по крайней мере, вас проводить, — предложила полная благих намерений Эрмин. — А вот и мое средство передвижения: лошадь с санями. Так что мы могли бы еще немного посудачить по дороге.

— Посудачить! — повторила с улыбкой Викторианна. — Ты не забыла манер дам Валь-Жальбера. Разумеется, они судачили вволю, пока их мужья работали на целлюлозно-бумажной фабрике. Что до меня, то мне ходить не

трудно, а вот вы, сестра Аполлония, могли бы дать ногам немного отдыха.

— Врач советует мне заниматься физическими упражнениями, если я не хочу стать немогущей, — отрезала монахиня. — Однако можно сделать и исключение.

Эрмин поняла, что годы берут свое. Когда она была еще маленькой, жила в приходской школе, сестра Аполлония казалась совсем старой, хотя, по ее подсчетам, в то время ей было не больше шестидесяти. Эрмин от всего сердца восхищалась этими жертвенными женщинами, посвятившими свою жизнь самым обездоленным, самым несчастным. Продолжая вести разговор, она помогла им устроиться на заднем сиденье.

— Моя мать мне много рассказывала о том, как строили санаторий. Он ведь открылся только в прошлом году? Я его видела издали — внушительное сооружение. Я знаю, что было нелегко осуществить этот проект. Слава Богу, все позади.

— Да, — подтвердила Викторианна, — пришлось преодолеть много трудностей, много бумажной волокиты, но монахиням-августинкам из ордена Божьего Милосердия удалось довести дело до конца. Туберкулез по-прежнему удел самых обездоленных. Здесь, в Робервале, санаторий в основном предназначен для бедных, ну а воздух здесь просто отменный.

С этими словами монахиня достала из кожаной сумки записную книжку, раскрыла ее и протянула Эрмин газетную вырезку.

— Прочти вот это. Это статья из газеты «Ле Колон»^[19] примерно двухлетней давности. В свое время я ее вырезала, а сегодня взяла, чтобы дать прочитать той женщине, о которой мы тебе говорили, хотела убедить ее в том, что лучшего лечения ее муж нигде не получит. Она еще не сумела навестить его.

Эрмин взяла газетную вырезку и прочла ее с неподдельным интересом. Она подумала о своем отце, который почти чудом излечился от страшной болезни.

«Это затейливое архитектурное сооружение с каменными пролетами и кирпичными стенами, при этом современное и функциональное, выглядит достаточно величественно. И действительно, многочисленные галереи, разноуровневые балконы, окна с округлыми витражами позволят в погожие дни с восхода и до заката наслаждаться солнечным светом. Новое здание поднимется на южной окраине города Роберваль, достаточно близко от центра, — туда можно будет легко добраться пешком, но при этом оно будет находиться в довольно уединенном месте. Идеальное расположение, если хотите наслаждаться долгожданным

отдыхом.

С северной стороны откроется вид на жилые дома и общественные здания Роберваля; с западной — на полого спускающиеся прямоугольники полей, окаймленные зелеными рощами, которые навевают мысли об отдыхе и душевном покое. К югу раскинулись живописные горы Валь-Жальбер, а на востоке распростерлось озеро.

Умиротворяющее зрелище этой синей глади в минуты штиля, неизменная притягательность ее вод в штормовые дни и, как молитва, обращенная к Предвечному, протяжный ропот волн, доносящийся с водного простора в тихие послегрозовые ночи...»

— Слишком уж высокопарные слова, — заключила она, прочитав статью. — Хотя очень поэтично. Полагаю, что на самом деле все выглядит не столь благостно.

— Все очень хорошо организовано, — заявила сестра Аполлония. — Монахини работают там лаборантками, диетологами и медсестрами. К пациентам — индивидуальный подход, в соответствии с тяжестью их болезни. Также санаторий получает доход от работы радиостанции, «Радио Канада» ведет передачи уже три года. Администрация, в состав которой вхожу и я, хочет сделать жизнь пансионеров как можно более разнообразной. Мы собираемся устраивать сборные концерты и сольные выступления.

— Я могла бы дать у вас концерт, — предложила она. — Бесплатно, конечно. Буду просто счастлива, если буду вам полезной.

Она вспомнила о своем импровизированном выступлении на озере Лак-Эдуар, и ей не терпелось рассказать, что один из пациентов санатория, Эльзеар Ноле, оказался на самом деле ее отцом, Жослином Шарденом, что он снова встретился с ее матерью и они зажили семейной жизнью в Валь-Жальбере. Но ей показалось, что слишком долго и слишком сложно будет все это объяснять.

— Полезной! Не то слово, Эрмин, — обрадовалась монахиня. — Замечательная идея! Мы осуществим ее как можно скорее. Очень мило с твоей стороны.

Шинук забеспокоился. Эрмин вернулась на свое место и пустила лошадь мелкой рысью. Обе сестры молчали.

«Да, — думала Эрмин, — шесть лет назад отец был пациентом санатория на озере Лак-Эдуар. Затем провидение направило его к Тале, и она его вылечила. Так появилась на свет Киона». Ее мысли неумолимо возвращались к сводной сестре.

Встреча с монахинями, свидетельницами ее детства, взволновала Эрмин. Она вновь подумала о своем утреннем прозрении, о том, что Киона не обычная девочка, совсем не такая, как другие дети: в ее неподражаемой улыбке кроется что-то божественное.

Доехав до ворот санатория, архитектурная гармония и облик которого подтверждали восторженную оценку только что прочитанной статьи, Эрмин помогла сестрам выбраться из саней и внезапно почувствовала потребность довериться.

— Я приеду навестить вас, — сказала она. — Мы так и не поговорили о прошлом, о нашем общем прошлом. И я вам не сказала еще вот о чем: я потеряла ребенка в ноябре, и это было для меня страшным испытанием. Его звали Виктор.

— Да, это тяжкое страдание! — посочувствовала сестра Аполлония. — Господь призвал ангелочка к себе. Мы помолимся за него.

— Я очень вам благодарна. Но другой ангел сумел утешить меня — маленькая девочка, которую моя свекровь, индианка монтанье, взяла под свое крыло.

Она не могла открыть правду происхождения Кионы. Огорченная тем, что приходится лгать, она продолжила:

— Киона просто светится радостью, от нее исходит глубокая безмятежность, необычайная мягкость. Я ее нежно люблю, не меньше, чем своих детей.

Сестра Аполлония поморщилась, взгляд ее серых глаз встретился со взглядом Эрмин.

— Я полагаю, что девочка — индианка, — рискнула заметить монахиня. — Скажи мне, а она крещеная?

— Ее крестили пять лет тому назад здесь же, в робервальской больнице. В младенческом возрасте она чуть не умерла от очаговой пневмонии.

— Возможно, это будущая послушница нашего Господа, какой была Катери Текакуита, — вздохнула старая монахиня.

— А, Катери Текакуита! — воскликнула Эрмин. — Мадлен, кормилица моих детей — тоже крещеная и очень набожная, — часто говорит мне о ней. Кто знает, что будущее готовит моей маленькой Кионе... Дорогие мои сестры, сегодня выдался отличный день, но солнце уже садится, становится холоднее. Я не хочу, чтобы вы заболели из-за моей болтовни. Скорее возвращайтесь в тепло. Мы с вами еще увидимся, я очень рада, что вы в Робервале.

Сестра Викторианна, недовольная тем, что ей не удалось вставить ни

слова, похлопала свою бывшую воспитанницу по руке.

— Я тоже очень рада, дорогое мое дитя! Спасибо, что проводила нас. И до скорой встречи!

— Да, до скорой встречи! — повторила Эрмин, уважительно раскланявшись с сестрой Аполлонией.

Монахини шли по заснеженной аллее, а вокруг их белых накидок, как нимб, сияли лучи заходящего солнца. Эрмин смотрела им вслед, и сердце у нее сжималось: они казались такими маленькими на фоне огромного белоснежного пейзажа.

«Да храни вас Бог! — молилась она в душе. — Когда я была ребенком, вы были моей семьей».

Эрмин чуть не расплакалась, однако ей надо было торопиться, иначе она могла оказаться в Валь-Жальбере только глубокой ночью.

Тала, стоя у окна, ждала ее возвращения на улицу Сент-Анжель. Эрмин поспешила войти. В доме было уютно: на плите варился суп, а Киона, сидя на толстой медвежьей шкуре, играла со своей любимой куклой.

— Прости, что задержалась, — извинилась Эрмин прямо с порога. — Я встретила двух монахинь, которых когда-то знала. Ну, Тала, как ты себя чувствуешь в новом доме?

Индианка немного помолчала, обвела своими темными глазами дощатые стены, выкрашенные в желтый и белый цвета, а потом посмотрела на Киону.

— Привыкну, — сказала она наконец. — Что еще остается?

И, не добавив ничего больше, задернула тяжелую занавеску, которую повесила на окно в отсутствие Эрмин, после чего повернула выключатель. В мягком свете комната выглядела еще уютнее.

— Мне пора идти, — сказала Эрмин. — Родители будут беспокоиться, если я задержусь. До свидания, Киона!

Она нагнулась, чтобы поцеловать девочку, и Киона воспользовалась этим и шепнула ей на ухо:

— Мимин, ты больше не плачь. Мне приснилось, что ты плакала, а я во сне быстро тебя успокоила. Но ты далеко, в Валь-Жальбере.

Подошла Тала, подозрительно глядя на них.

— Что ты там говоришь, Киона? — с беспокойством спросила она. — Почему ты думаешь о Валь-Жальбере?

— Она пожаловалась, что я живу далеко от вас, только и всего, — заверила Эрмин, взбудораженная словами ребенка.

«Неужели нам приснился один и тот же сон?» — спрашивала она себя.

Эрмин отправилась в свой поселок-призрак, испытывая сильное волнение. В сумраке голубоватые тени от деревьев ложились вдоль дороги, полностью занесенной снегом. Как и по пути сюда, не было видно ни души, и вечерняя приглушенная тишина немного пугала Эрмин. Позвякивание бубенчиков, почти бесшумный цокот копыт Шинука успокаивали ее. Конь фыркал, когда она заговаривала с ним, и казалось, они ведут что-то вроде диалога.

— Надеюсь, мы доедем без приключений, — сказала она. — Слышишь, Шинук, ветер крепчает, завывает, как волк. Боже мой, в следующий раз, когда я буду в Робервале, обратно поеду засветло.

На душе у Эрмин было удивительно легко. Она не думала ни о Тошане, ни о маленьком Викторе. В голове у нее звучали песни, то знаменитые оперные арии, то незамысловатые французские баллады: она была уверена, что ангел спустился на землю в светоносном образе ее сводной сестрички Кионы.

— Вдвоем мы победим невзгоды! — воскликнула она.

Конь ответил ей пронзительным ржанием. Забавы ради Эрмин запела.

Говорите мне про любовь,
Эти речи — моя услада,
Все бы слушала вновь и вновь,
Мое сердце всегда им радо^[20].

Это была одна из первых песен, которые она разучила, нежная кантилена, каждое слово которой воскрешало картины ее юности.

— Какая прекрасная вода в реке Уиатшуан, ключевая, прозрачная! Увидев однажды, как Тошан плавает там, я тоже пошла купаться. Как давно я люблю его, моего Тошана!

Она собралась снова запеть, но тут сгущавшуюся темноту прорезал свет автомобильных фар, словно пара желтых глаз громающего чудовища. Ослепленная Эрмин тут же решила, что это родители едут ей навстречу или же послали Симона Маруа удостовериться в том, что с нею все в порядке. Но ей показалось, что машина по размерам больше Лориной. Конь резко остановился, и она чуть не потеряла равновесие. Она уперлась ногами и сжала в руках вожжи.

— Не бойся, Шинук, всем места хватит! — крикнула она коню, который нервно перебирал ногами.

Наконец она различила очертания грузовичка, выкрашенного зеленой

краской. Колеса, обмотанные цепями, скрежетали по утрамбованному снегу.

— Должно быть, это Онезим, — со смутной тревогой решила она. — Да нет, я никогда не видела этот грузовик в наших местах.

Она попыталась отвести коня вправо, чтобы освободить проезд. Но тут произошло нечто странное. Водитель затормозил и развернул грузовик поперек дороги. Мотор продолжал работать, но фары погасли. Путь Эрмин был отрезан.

«Что все это значит? — уже с явным беспокойством подумала она. — Наверное, водитель потерял управление».

Но она засомневалась в этом и ее охватило недоброе предчувствие. Почему она оказалась так поздно, почти ночью, одна в таком безлюдном месте? Ей захотелось перенестись в Валь-Жальбер, в роскошную гостиную, погреться у печки, в свете переливающейся разноцветными огоньками рождественской елки.

Из грузовика вышел незнакомый мужчина. Она догадалась, что второй остался в кабине. Мужчина медленно приближался. Он был коренастый, крепкого сложения, двигался медленно — его движения сковывала теплая куртка, а лицо было наполовину скрыто шапкой и шарфом. Но главное — она поймала его взгляд, и взгляд этот нельзя было назвать дружелюбным.

— Это вы Эрмин Дельбо? — жестко спросил он.

— Да. Если у вас проблемы с машиной, я ничем не могу вам помочь, месье. Меня ждут, мне надо ехать.

Сердце так сильно стучало в груди, что ее голос дрожал. Она чувствовала себя слабой и беззащитной перед незнакомцем.

— Надо нам поговорить, красотка! Я ищу твоего мужа, Тошана, и его мамашу. В Перибонке мне сказали, что все оттуда уехали и перебрались за озеро.

Эрмин не нашлась что ответить.

— Кто вы? — чтобы выиграть время, спросила она. — Вы работали с моим мужем?

— Мое имя тебе ничего не скажет, — резко ответил он. — Я просто хочу знать, где мать и сын Дельбо. Ты наверняка в курсе.

Эрмин быстро соображала.

«Он врет. Если бы он расспрашивал людей в Перибонке, знал бы, что Тошан ушел в армию. И откуда он едет? Из Валь-Жальбера? Тогда ему известно, где я живу».

Внезапно она подумала о записке на двери со словом «Месть» и о подожженной хижине, и у нее по спине побежали мурашки. А тут еще надо

было сдерживать встревоженного Шинука, который так и норовил сдать назад.

— Сожалею, месье, — заявила она твердо. — Мой муж нашел себе работу в Вальдоре и вернется только на Рождество. Что до моей свекрови, то она собиралась перезимовать у кого-то из родственников. Мы с ней не в ладах, так что я не могу вам сказать, у кого именно она сейчас гостит.

Мужчина, без сомнения, знал, что Тала индианка, так что мог предположить, что она находится в одной из резерваций индейцев монтанье.

— Не держи меня за дурака! — прорычал он. — Предупреждаю, дамочка, что начнутся большие неприятности, если будешь нести вздор. Сам-то я не злой, но знаю человека, который будет очень недоволен таким ответом. А еще я советую тебе, такой красивой, не шататься в одиночку по вечерам. Обидно будет, если с тобой случится что-то нехорошее.

Эрмин постаралась скрыть нахлынувший на нее страх, откашлялась и добавила:

— Я правду вам говорю. И потом, становится холодно, я бы хотела вернуться домой. Вы меня задерживаете!

Из кабины грузовика вылез второй мужчина. В руках он сжимал охотничье ружье. На этот раз Эрмин поддалась панике. Она решила отпустить вожжи, надеясь, что Шинук бросится направо, в лес. Это было рискованно, но лучше сломать сани Маруа, чем оставаться лицом к лицу с этими незнакомцами бандитского вида. Однако ни она сама, ни конь не успели отреагировать. Незнакомец поднял свое ружье и заорал:

— Это предупреждение всем Дельбо!

Эрмин не сразу поняла, что он целится в коня. Раздался выстрел — оглушительный, ошеломляющий.

— Нет! — завопила она в ужасе. — Нет! Шинук!

Конь, инстинктивно бывший настороже, встал на дыбы. Пуля оцарапала ему грудь. Грохот и боль испугали его. Он рванулся вперед, прыгнул, обогнув грузовик, но сани с силой ударило о ствол дерева, а Эрмин выбросило на землю. Она увидела, как конь вместе с санями галопом мчится прочь.

«Слава тебе, Господи! — подумала она. — Шинук жив».

Все произошло так быстро, что она даже опомниться не успела. Кто мог так ненавидеть Талу и Тошана, чтобы стрелять в ни в чем не повинное животное?

«Что они со мной сделают?» — стучало у нее в голове, но она не могла встать на ноги.

Эрмин лежала на снегу, а двое мужчин тяжелым шагом шли к ней. Они напомнили ей медведей — такие же грузные и толстые. Но медведи испугали бы ее меньше. Внезапно ее осенило: она закрыла глаза, притворяясь, что с трудом дышит.

— Может, она себе голову проломилась? — чертыхнулся тот, кто с ней разговаривал. — В хороший переплет мы попадем, если она коньки отбросила.

— Лучше всего смотаться отсюда поживее! Завтра утром нам надо быть у Альмы. Да ну ее, должно быть, просто валяется в обмороке.

Лежащая совершенно неподвижно Эрмин заметила, что у них четко выраженный сагенийский выговор. Они определенно были из тех мест. Свет фар снова рассек тьму. Мужчины выругались и повернули назад.

В морозном воздухе раздался звук клаксона. Эрмин подняла голову и увидела, как резко тронулся с места грузовик и в то же время приближается машина, направляющаяся в Валь-Жальбер. Эрмин не могла ошибиться, это был старый грузовичок Онезима Лапуанта, латаный-перелатаный, с приделанными впереди полозьями. Почувствовав огромное облегчение, она вскочила и побежала, размахивая руками.

— Онезим, стой! Онезим! — во все горло кричала она, захлебываясь рыданиями.

Через мгновение этот верзила, которого она когда-то так боялась, уже прижимал ее к себе.

— Бедняжка Эрмин, что ты здесь делаешь? Что случилось?

— Мужчины, на грузовике, они мне угрожали. Они стреляли в Шинук. Прошу тебя, увези меня отсюда. Мне было так страшно!

Хотя Онезим и не пристрастился к алкоголю, как его покойный отец, но никогда не отправлялся в путь без бутылочки карibu. Он заставил Эрмин сделать глоток. Ее колотило, и она с трудом держалась на ногах.

— Господи Иисусе! — пробормотал Онезим. — Надо вернуться в Роберваль и заявить в полицию.

— Только не сегодня! — выдохнула она. — Я хочу домой, к детям. И я уверена, что Шинук ранен — надо его найти.

Сбитый с толку Онезим не стал спорить. Все произошло в шести километрах от Валь-Жальбера, так что уже через полчаса они ехали по улице Сен-Жорж. У Эрмин было время подумать об этом ужасном происшествии. Она изложила факты своему спасителю, правда, кое-что утаив, например, не рассказала о расспросах, касающихся ее мужа и свекрови.

Она сразу же увидела, что возле дома Маруа толпятся люди. Там были

и Лора с Жослином, которые стояли рядом с яростно жестикулировавшим Жозефом. Эрмин открыла дверцу кабины и спрыгнула на землю.

— Эрмин, дорогая, слава Богу, что с тобой ничего не случилось! — воскликнула мать и побежала ей навстречу. — Мы уже все извелись от тревоги. Симон увидел, как Шинук несется галопом по улице. Он тут же прибежал к нам и предупредил. Такой ужас! Шинук ранен в грудь, а сани сломаны.

— Дорогая моя девочка, — воскликнул Жослин, обнимая ее, — ты попала в аварию? Что случилось?

— Это дорого тебе обойдется, Мимин! — завопил известный своей жадностью Жозеф Маруа. — Тебе придется возместить мне ущерб!

Подошел Онезим, не зная, как себя держать. Посчитав, что ему надо вмешаться, он почесал свою рыжую бороду.

— Не сердитесь, месье Маруа! Я свидетель того, что случилось. Преступники напали на Эрмин. Один из них даже выстрелил в вашего коня. Он испугался и понесся во весь опор, только это его и спасло.

— Что? — вскричала Лора. — Быть того не может! Ты больше не должна выходить из дома одна. Слышишь, Эрмин? Боже мой, Жослин, иди и немедленно позвони в полицейский участок Роберваля.

Эрмин высвободилась из объятий отца и направилась к конюшне, оттуда вышел Симон и, улыбнувшись, чтобы подбодрить ее, сказал:

— Шинук оправился от испуга, а рана, хоть и глубокая, скоро заживет. Я дал ему сена и теплой воды, и он притих. К счастью, лошади всегда находят дорогу к своей конюшне. А что произошло? Где он поранился? Ты бледна как полотно!

Элизабет Маруа только обреченно кивала головой, грубая выходка мужа буквально лишила ее сил.

— Бедняжка Мимин, Жо наговорил тебе всяких глупостей, — сказала она. — Но если на тебя напали, то твоей вины тут нет. Симон, ты знаешь, что один из них стрелял?

— Что? Как это? — рявкнул Симон.

Под пристальным взглядом Лоры Эрмин вкратце изложила ход событий. Видя, что подругу трясет и ей трудно говорить, потому что во рту у нее пересохло, Шарлотта бросилась в дом Маруа, чтобы принести стакан воды.

— Попей, Мимин, тебе станет лучше, — тихо сказала она.

Жослин поговорил с Онезимом и хотел дать ему два доллара в благодарность за то, что тот привез его дочь домой.

— Соседи, месье Шарден, должны помогать друг другу, и мне не

нравится, когда нападают на женщин. Но от денег я не отказываюсь, Иветта будет довольна.

С этими словами он откланялся. Лора пригласила всех к себе в дом.

— Полиция должна провести расследование, — заявила она. — Эрмин, ты нам растолкуешь, что произошло, но только когда мы будем в тепле. Идемте, Жозеф, вы тоже, и Бетти.

— Нет, благодарю вас, — сказала Бетти. — Мне надо готовить обед. И никакого толка от меня там не будет.

Тем не менее, прежде чем уйти, она нежно, как мать, переволновавшаяся за своего ребенка, поцеловала Эрмин, что вызвало раздражение у Лоры. Что касается Эрмин, то у нее было только одно желание: оказаться в своей уютной комнате, забраться в кровать вместе со всеми детьми. Поскольку мать запретила ей обсуждать некоторые личные темы, она бы с удовольствием уклонилась от разговора, обещавшего быть весьма оживленным.

Едва она оказалась в гостиной, как к ней бросился Мукки.

— Мамочка, как тебя долго не было! В следующий раз возьми меня с собой.

С озабоченным видом из кухни вышла Мирей с тряпкой в руке.

— А, вот и ты! — пробормотала она. — Объясни, что происходит. Когда пришел Симон и сказал, что с тобой, похоже, что-то случилось, я думала, у меня сердце разорвется. А мне от плиты не отойти.

— Успокойтесь! — приказала раскрасневшаяся от волнения Лора.

Ее глаза сверкали, лицо похорошело. В черном платье и великолепной кашемировой шали она выглядела королевой. Теперь, когда она отказывалась от близости с мужем, то стала еще больше заботиться о своей внешности, надеясь, что заставит его сильнее страдать.

— Мирей, принеси нам глинтвейна, и не жалея корицы и цукатов. Жозеф, садитесь, и ты, Симон, тоже. Шарлотта, сделай милость, отведи Мукки наверх, там Мадлен с Луи и близнецами. Мальчику нечего делать внизу.

— Но, бабушка! — возразил было ребенок.

— Не спорь! — отрезала Лора. — Тебе незачем слушать разговоры взрослых.

Жослин, не отрывая глаз от Эрмин, ходил взад-вперед у рождественской елки. Он без труда читал на ее лице следы пережитого ужаса.

— А теперь, дорогая моя, расскажи нам, ничего не опуская, эту неприятную историю, — сказал он. — Я хочу, чтобы эти негодяи понесли

наказание.

— Я вам рассказала самое главное, — вздохнула Эрмин. — Я выехала из Роберваля на закате солнца. На полпути я увидела, что навстречу мне идет грузовик. Водитель так резко затормозил, что машину развернуло поперек дороги. Сначала мне показалось, что ее просто занесло, но тут из кабины вышел мужчина и стал приставать ко мне с вопросами. Словом, все понятно.

Она слабым голосом повторила услышанные двусмысленности о ее красоте и об опасности, которая ей грозит, если она будет ездить в одиночку.

— Я повысила тон, — продолжила она, — и из машины выскочил второй мужчина с ружьем в руке. Он, похоже, был очень зол и почти сразу же выстрелил в Шинука. Бедный конь испугался и бросился галопом прочь, а я выпала из саней. Слава Богу, очень кстати подъехал Онезим Лапуант.

Жозеф Маруа, продолжая потягивать глинтвейн, наставительно произнес:

— Эти парни были пьяны. Тебе повезло, Эрмин, что они набросились на лошадь, а не на тебя! Ты свечку должна поставить за Онезима.

— Знаю, — согласилась Эрмин.

Нервы у нее были на пределе. Лора, готовая хоть из-под земли достать двух негодяев и задушить их голыми руками, если придется, произнесла пламенную речь. Жозеф и Симон строили предположения, кто это такие, изнуряя Эрмин вопросами о грузовике, его цвете, форме фар. На помощь ей пришла Шарлотта.

— Эрмин надо отдохнуть! — возмутилась она. — Вы можете вести разговоры всю ночь — это ничего не изменит. Идем, Мимин, я помогу тебе лечь и принесу ужин в постель.

— Да, спасибо, Шарлотта, я об этом только и мечтаю, — заявила обессиленная Эрмин. — Мне кажется, будто я в Квебеке, где ты так заботилась обо мне, следила, чтобы я отдыхала после репетиций и спектаклей. Мама, отец, простите, но я поднимусь к себе. Жозеф, я очень огорчена, что сани сломаны, но я возьму вам ущерб.

— Не думай об этом, Мимин, — отрезал Симон. — Я их почию.

Она поблагодарила, и оживленный разговор возобновился. А на втором этаже было тихо. Эрмин тут же нырнула в постель под теплые одеяла. Ее охватило ощущение безопасности, детской радости. Шарлотта расчесала ей волосы, которые разметались по подушке, словно лучики солнца.

— До чего же здесь хорошо! — заметила Эрмин. — Лолотта, позовешь

детей и Мадлен?

— Если ты еще раз назовешь меня этим нелепым именем, я сбегу и ты ляжешь спать на голодный желудок, — пошутила Шарлотта. — Ну, хорошо, я пришлю к тебе детей, а сама спущусь вниз, узнаю насчет ужина.

Через несколько минут на цыпочках вошли Мукки и близнецы: им было велено не шуметь.

— Ты очень устала, мамочка? — спросила Лоранс, уже в пижаме, ее распущенные волосы были перехвачены розовой ленточкой.

— Можно к тебе в кроватку? — воскликнула Мари, которая тоже была в пижаме. — Мамочка, ну скажи «да».

— Забирайтесь все трое, — разрешила Эрмин. — Дорогие вы мои.

Дети, конечно же, ничего не знали о случившемся. Мукки прижался к ней, свернувшись в клубочек, счастливый от неожиданного везения, а близнецы ссорились, так как вдвоем не могли поместиться рядом с матерью. Эрмин их помирила.

— Главное, что все мы вместе, в тепле. На улице ужасно холодно, ветер, а здесь мы в безопасности.

От этих слов они приумолкли. Мадлен наблюдала за этой трогательной сценой, и ее темные глаза увлажнились от нежности. Кормилица, примостившаяся на краешке большой кровати, трое озорничавших детей — такие минуты излечивают страх, сомнения и огорчения. Эрмин, столкнувшись с насилием и злобой и все еще не придя в себя после пережитого, не могла не оценить эти мгновения счастья.

Появилась Шарлотта с тяжелым подносом из лакированного дерева и радостно огласила меню:

— Гороховый суп, яичница с салом, хлеб с маслом и яблочный торт с меренгами. Малыши, бабушка ждет вас к столу. Шагом марш!

Она повела их вниз. Мадлен осталась в спальне.

— Ты тоже ступай ужинать, — сказала ей Эрмин.

Облокотившись на подушки, она разглядывала роскошный ужин, приготовленный Мирей. Кормилица покачала головой.

— Расскажи, что с тобой произошло на самом деле, — попросила она тихо. — Шарлотта говорила, что какие-то двое мужчин стреляли из ружья.

— Мадлен, я думаю, что это они подожгли хижину Талы, — ответила Эрмин. — Они хотели знать, где находятся Тошан и Тала. И теперь мне страшно. Надо ее предупредить. Эти мерзавцы сейчас, наверное, уже в Робервале. У меня не хватит смелости снова поехать туда завтра. Нам надо быстрее что-то решать. И обо всем рассказать Шарлотте.

Через час Эрмин, разъяря Шарлотте весь ужас сложившейся

ситуации, поведала и о том, как и от кого появилась на свет Киона, а также изложила свою версию возможных причин совершенного на нее нападения. Шарлотта выслушала, не прерывая, с невозмутимым видом примерной ученицы.

Уложив детей спать, Мадлен снова присела на край кровати. На кормилице было серое платье с белым воротничком, черные косы обрамляли миловидное лицо с высокими скулами. Шарлотта сидела рядом, на ней была красная шерстяная жилетка, в волосы воткнуты гребни. Они казались полной противоположностью друг другу: одна старомодная, степенная и скромная, другая — более экспансивная, одетая по последней моде, с макияжем.

— Ну вот, теперь ты знаешь все, — заключила Эрмин.

— И ты скрывала это от меня столько лет! — упрекнула ее Шарлотта. — Мне бы самой догадаться, а то я никак не могла понять, почему Тошан не ездит к твоим родителям. Он прав, история какая-то неприличная.

— Не обижайся, у меня не было выбора, — оправдывалась Эрмин. — А сейчас самое главное — уберечь Талу и Киону от этих мерзавцев, которые жаждут мщенья. Они ни перед чем не остановятся! Сожженная хижина, попытка убить Шинука... Вы с Мадлен — мои подруги, сестры, мне нужна ваша помощь и поддержка. У меня совершенно нет сил, после того, что я сегодня пережила, я совсем выдохлась. Нет ни энергии, ни смелости снова поехать в Роберваль завтра утром. Шарлотта, миленькая, а может, съездишь туда вместо меня? Тала тебя хорошо знает, она тебе поверит.

— Съезжу, Мимин. Только на чем? — всполошилась она. — Ты же знаешь, для тебя я готова на все.

Эрмин глубоко вздохнула. Ее голубые глаза излучали волю, а щеки слегка порозовели. Несмотря на усталость и нервное возбуждение, она выглядела ослепительно в ореоле своих светло-русых волос.

— Надо попросить Симона отвезти тебя в Роберваль на машине. Мы придумаем какой-нибудь повод. А когда окажешься там, иди по улице Сен-Жорж до Сент-Анжель, дом 28. Расскажи Тале обо всем, что произошло, и посоветуй ей, по крайней мере, неделю не выходить из дома. Если ей что-то надо, сходи и купи.

— Договорились, Мимин, я все сделаю, — согласилась Шарлотта.

— И хорошо бы, чтобы Симон срубил по дороге елочку Кионе на Рождество, — добавила Эрмин. — Тогда нужно захватить с собой какие-нибудь елочные украшения. У мамы остались лишние. Кажется, они лежат

в картонной коробке под лестницей. Там должны быть электрические гирлянды, они так замечательно смотрятся! Но ничего не говори Симону. Обещаешь?

— А он ведь непременно станет расспрашивать, — заметила Мадлен.

— Что-нибудь придумаю, — заверила Шарлотта, будучи в восторге от того, что окажется наедине с Симоном.

Хотя он и твердил, что считает ее сестрой, она надеялась, что ей представится возможность переубедить его.

— Мне так страшно за Талу и Киону, — посетовала Эрмин. — Если бы можно было предупредить мою свекровь еще сегодня!.. Мне чудится самое страшное: что эти типы обнаружат, где она скрывается. И Тошана нет с нами.

Эрмин глубоко вздохнула — она не имеет права быть слабой.

— Я снова поеду в Роберваль, как только приду в себя, — добавила она. — Скажи об этом Тале и Кионе. А пока мне просто нужно отдохнуть, провести денек-другой с детьми здесь, в безопасности.

— Ты такое пережила! — тихо сказала Мадлен. — Конечно, тебе надо побережись.

— Вот ты жаловалась, что нет Тошана, — заявила неожиданно Шарлотта, — но ведь есть мужчина, который должен защищать Талу и Киону. Я говорю о твоём отце, Мимин. Поставь его в известность, это будет честно.

— Да, — согласилась Эрмин, забыв, что он уже все знает. — Завтра, не сейчас.

Они втроем еще немного поболтали, но к полуночи Эрмин осталась одна, ее безудержно клонило в сон. Она свернулась клубочком под одеялами, словно заболевшая и напуганная девочка. По ту сторону огромного океана гроыхала война, однако казалось, что другая война, скрытая, коварная, замешанная на тайнах и умолчаниях, грозила землям у озера Сен-Жан. На улице мороз покрывал ледяной коркой снег, пронзал своими невидимыми когтями даже самые крошечные капельки воды на отвесных скалах водопада, чтобы потом разукрасить серебряными кристаллами стебли трав и камни. Далеко в холмах завыл одинокий волк, но в Валь-Жальбере никто его не слышал, даже Эрмин, которая наконец уснула.

Цитадель, Квебек, на следующий день

Для Тошана начинался еще один день солдатской жизни. Для него это был совершенно новый мир, абсолютно отличный от всего того, что он знал прежде. Цитадель, расположенная к востоку от города, сначала поразила его своей внушительностью и великолепным видом, открывавшимся на реку Святого Лаврентия. Затем он представил себе, что это обширное индейское стойбище, где индейцы, одетые в военную форму, построили огромные вигвамы. Эта мысль вызвала у него горькую улыбку, ведь он отказался от этой части своего происхождения.

Двадцать второй королевский пехотный полк был одним из трех больших полков Канады и отличался тем, что все в нем говорили по-французски.

— Ну что, Дельбо, задумался о своей блондинке? — подмигнув, спросил его Гамелен.

— Очень даже может быть, — ответил Тошан, прикуривая сигарету. — Разве можно не думать о блондинке, если она так прекрасна, как моя? А ты не жалеешь о своем решении?

— Я уехал по собственной воле, поэтому у меня еще не было времени грустить о своей судьбе, — ответил Гамелен.

Оба улыбнулись. Когда-то они были соперниками, а симпатия между ними родилась благодаря их общим воспоминаниям и их близости к озеру Сен-Жан. Они замолчали, и каждый из них задумался об огромных изменениях, которые произошли в их жизни.

«Эрмин, дорогая моя, — говорил себе Тошан, — какой грустный голос был у тебя вчера вечером по телефону. Я почувствовал, как трудно дается тебе наша разлука. Но я не мог поступить иначе».

С легким вздохом солдат Дельбо поднял глаза к серому небу. Он представил себя там, наверху, на борту самолета. Если будет возможно, то после всех этих недель подготовки Тошан хотел бы попасть в парашютную роту. Он продолжал наблюдать, как плывут облака, когда неожиданно кто-то сильно толкнул его локтем в спину.

— Эй ты, чернявый, не время зевать по сторонам, — заорал какой-то мужчина в такой же форме, как и он сам, без офицерских знаков отличия. — В армию идут не для того, чтобы жрать вволю да объегоривать других в покер. Ты же индеец?

— Сочувствую, если тебя это расстраивает, — язвительно ответил Тошан. — Индеец я или нет, но всегда ем столько, сколько мне требуется.

Гамелен следил за развитием ссоры, готовый прийти на помощь своему новому другу. Зная, что Тошан — человек гордый и разозлится, если лезть за него заступаться, он решил вмешаться только в самом

крайнем случае.

— Валил бы ты отсюда, придурок. Я жил около Пуэнт-Блэ^[21], так что знаю, что такое монтанье. Вечно пьяные и думают только о том, как бы заграбастать чужое.

Не раздумывая, Тошан ударил его, он больше не мог терпеть пренебрежительную усмешку, с которой обидчик выглядел еще омерзительнее.

— Послушай, хочу тебе напомнить, что эта земля принадлежала моим предкам! — воскликнул он. — И никогда не стой у меня на пути.

У того из носа текла кровь. Он сплюнул Тошану под ноги и ушел под насмешливое насвистывание Гамелена.

— Вот, Дельбо, ты и нажил себе врага, — процедил он сквозь зубы.

— Знаю!

Валь-Жальбер, в тот же день

В прекрасном особняке Шарденов с утра все было подчинено одному: сделать день приятным для Эрмин. Мирей принялась месить тесто для оладий, а тем временем Лора искала журналы, которые могли бы развлечь дочь. Мадлен решила почитать детям вслух, чтобы они вели себя потише. А Жослин, запершись с раннего утра в кабинете, позвонил по телефону в отделение полиции в Робервале и подробно рассказал о случившемся накануне. Естественно, после этого он поднялся наверх, чтобы пересказать разговор Эрмин.

— Доброе утро, дорогая! Как ты себя чувствуешь?

Он сразу же убедился в том, что она уже позавтракала, и успокоился, видя, что она удобно устроилась у себя на кровати в теплой комнате.

— Я хорошо себя чувствую, папа, — улыбаясь, ответила она. — Присаживайся, я рада компании, особенно твоей.

— Приятно слышать! — сказал Жослин.

Он пододвинул стул к ночному столику и убрал мешавший Эрмин поднос.

— Полиция обещала провести расследование в отношении этих двоих, — начал он, — но необходимо подать заявление. Я им объяснил, что ты еще не в состоянии передвигаться. А кстати, ты не знаешь, зачем Шарлотте понадобилась наша машина? Они с Симоном отправились в путь на рассвете. Эту парочку мы в конце концов поженим. Лора надумала принести тебе целую кипу журналов и газет. Она подписана на половину

всех существующих женских изданий на французском, да и на другие журналы. Сейчас она их подбирает. У тебя не будет времени встать, даже если ты решишь прочитать только десятую долю всего этого. Да это и к лучшему, мы хотим сегодня поухаживать за тобой.

Эрмин охотно уступила бы соблазну побездельничать и позволить другим позаботиться о ней.

«Хорошо было бы прожить хоть денек без всяких проблем, не опасаясь за тех, кого я люблю, — подумала она. — Однако это невозможно».

— Что с тобой? — спросил Жослин. — У тебя такой озабоченный вид.

— Отец, — сказала она совсем тихо, — у меня с субботы не было времени поговорить с тобой, а между тем это просто необходимо. Когда я встретила тебя в Робервале, я упоминала, что у Талы неприятности.

— Не утруждайся, дорогая, Лора мне объяснила, что произошло. Ты сочла нужным поговорить с ней, а я рассчитывал выполнить свое обещание. Но это не важно. Я намерен присматривать за Кионой и Талой.

— И мама не закатила тебе скандал? — удивилась Эрмин.

— Нет, она смирилась перед лицом обстоятельств, — солгал Жослин.

— В таком случае должна тебе сказать, что я послала Шарлотту предупредить Талу, — уточнила она, — и посоветовала ей не говорить правду об истинной цели их поездки.

Отец молчал и только приглаживал дрожащей рукой свои седеющие волосы. Ей это показалось странным. Жослин должен был взволноваться, выдвигать различные предположения, расспрашивать ее, а вместо этого она видела перед собой его напряженное лицо.

— Ты боишься за Киону? — спросила она.

— Конечно, — согласился он. — Даже больше, чем ты думаешь.

Этот ответ озадачил Эрмин, и она быстро сообразила, что ее отцу что-то известно.

— Папа, в чем дело? Ты знаешь этих людей?

— Нет, нет! Боже упаси! Я обещал Тале сохранить секрет, но уже нарушил обещание, я вынужден был все рассказать твоей матери, когда узнал о рождении Кионы. Послушай, всей этой истории, я думаю, лет двадцать пять. Может быть, кто-то другой посчитает иначе, я-то все же мыслю логически, потому думаю, что прав.

— Папа, давай скорее, — попросила его Эрмин. — Ты много говоришь, но при этом ничего еще не сказал! Как это получается, что мама в курсе, а от меня всё скрывают или лгут мне? Видишь, к чему это привело? Я чуть было не погибла вчера вечером.

— Ты права, дорогая. Выслушай меня.

Настала очередь Жослина изложить историю, и он рассказал дочери о несчастье, которое задело Талу физически и душевно.

— Некий золотоискатель, заклятый враг ее мужа Анри Дельбо, угрожая ножом, изнасиловал ее. Это случилось незадолго до того, как мы с Лорой приехали к ним. В то время мне не было никакого дела до этой индианки с суровым и недружелюбным лицом. Твоя мать, которую изнуряла лихорадка, казалось, была на пороге смерти, и мы оставили тебя на крыльце приходской школы. А этот человек продолжал преследовать Талу, и она попросила своего брата Магикана отомстить за ее поруганную честь. Преступник поплатился за свое злодеяние: его убили и похоронили. Это на его могилу, ты, бедная моя девочка, принесла цветы на следующее лето после своего замужества, полагая, что там покоится твой отец. Я уверен, что у этого золотоискателя были родственники — скажем, сын или брат. Вот они-то и жаждут отмщения.

Эрмин словно спустилась с небес на землю. Она чувствовала глубокое сострадание к своей свекрови, понимая теперь причину ее ненависти к белым.

«Но это не помешало ей полюбить папу!» — подумала она.

— Почему же эти люди ждали столько лет, прежде чем решили отомстить? — произнесла она вслух.

— Может быть, они узнали правду только недавно. Я не знаю ни что там случилось, ни почему они столько времени выжидали, — сказал Жослин. — В любом случае нам надо быть предельно осторожными, особенно это касается тебя. Больше не выходи из дома одна, я буду сопровождать тебя. Ты сделала все правильно, чтобы уберечь Киону и Талу, и я тебе за это благодарен.

Эрмин заметила, что на первое место он поставил имя дочери.

— С Кионой ничего не должно случиться! — ответила она. — Отец, она моя сестра и твоя дочь. Никогда не забывай об этом!

В эту минуту без стука вошла Лора и окинула их подозрительным взглядом.

— О чем это вы здесь говорите? Конечно же о Кионе!

Эрмин приготовилась к бою. Какой-то священный огонь придавал ей силы, и на этот раз она решила не подчиняться закону молчания. Она любила мать, но ей было трудно переносить ее неискренность и приступы властолюбия.

— Мама, моя сестра в опасности, — сказала она холодно. — В такой же опасности, какой вчера подвергалась я. Об этом я и говорила сейчас с папой. И если бы ты немножко подумала, то пришла бы точно к такому же

выводу, ведь тебе известно все о прошлом Талы. Но как бы то ни было, Киона за эти пять лет никуда не делась. Я три зимы провела с Тошаном на реке Перибонка, где мой муж работал, не покладая рук, чтобы построить для нас удобный и просторный дом. Он также построил чудесную хижину для своей матери и Кионы. Этот ребенок рос бок-о-бок с нами. И знаешь, что мне разбивает сердце? Я вынуждена учить Мукки и близнецов врать из-за тебя, из-за твоей непреклонности. Трое моих детей ни за что не должны произносить имя Кионы в твоём присутствии. Мне очень жаль, мама, но так больше не может продолжаться!

У Эрмин перехватило дыхание, она едва сдерживала слезы ярости. Лора это заметила и тут же сменила тактику.

— Дорогая моя, да тебе давным-давно надо было решить этот вопрос, — сказала она тихо. — Я просто всего этого не осознавала. Я полагала, что Тале есть где остановиться, например, у своих родных.

— Так и скажи — в резервации индейцев, — разбушевалась Эрмин. — Ладно, не будем! Самое важное сейчас — это те двое, которые бродят поблизости. Полиция должна арестовать их и посадить в тюрьму. А нам нужно действовать сообща и постоянно быть начеку.

Лора содрогнулась и схватилась за сердце. Она не разыгрывала спектакль. Столкнувшись в прошлом с жуткой социальной средой, с проституцией, она умела правильно оценить опасность.

— Имя негодьям — легион, — заявила она наконец. — Когда порок или порча оскверняют душу, нужно опасаться худшего. Ведь один из мерзавцев, не колеблясь, выстрелил в лошадь, при этом мог ранить тебя. Выпили они перед этим или нет, но вели себя просто гнусно. Боже мой, это не дает мне покоя. Мне в жизни всякое довелось испытать! Меня считают грубой, эгоистичной, взбалмошной, но я всегда доверяю своей интуиции. Я не хочу больше страдать, не хочу снова стать бедной, несчастной, зависеть от желаний других. Я так счастлива, что живу в этой заброшенной деревне, в нашем прекрасном особняке вместе с Луи. У меня не отнимешь того, что я приобрела. Мы будем биться! Дорогая моя, ради тебя я готова на все. Вчера вечером мы могли тебя потерять. Ради тебя я смогу покончить со своей ревностью и безрассудностью. Иди, я тебя обниму.

Эрмин прижалась к матери и погладила ее по голове.

— Ты права: сейчас не время терзать или обманывать друг друга, — согласилась Лора. — Похоже, безумие охватило весь мир. Мирей приготовит оладьи, и ты будешь читать журналы, которые я отобрала. Думаю, тебе лучше устроиться в гостиной на диване. В этом году у нас очень красивая елка с новыми игрушками, которые я купила. Ты сможешь

слушать пластинки и смотреть, как играют детишки. Луи, мои внуки и ты — вы для меня самое ценное, что есть на земле. Сокровища, которых никому у меня не отнять. Кстати, хорошо, что я сохранила револьвер Фрэнка Шарлебуа и пули к нему.

— Как? — воскликнул Жослин. — У тебя есть оружие?

— Да, — резко встав, ответила она. — И я, если потребуется, сумею им воспользоваться.

Виду Лоры, такой хрупкой, с очень светлыми волосами, собранными на затылке, в домашнем платье из красного бархата, был отчаянный. Жослин, любуясь ею, подумал, что она из породы первопроходцев, и за это он любил ее еще больше.

Глава 6

Видения

Роберваль, в тот же день вторник 12 декабря 1939 г.

Симон высадил Шарлотту на перекрестке улиц Сен-Жорж и Сент-Анжель. Молодой человек ехал очень медленно, потому что ночью на заснеженной дороге образовался гололед.

— Я подъеду за тобой в полдень к церкви, хорошо? — спросил он, широко улыбаясь. — Пожалуйста, не опаздывай. Ты даже не объяснила мне, почему тебе так срочно понадобилось ехать в Роберваль...

— Мы говорили на другие темы! — ответила она, смеясь. — Я должна оказать услугу Эрмин, не могу же я отказать ей. Она очень подавлена тем, что произошло. Я все закончу до полудня.

Не заглушая мотора, Симон вышел из машины и достал из багажника маленькую елочку, которую срубил, когда они выехали из деревни.

— Ты правда не хочешь мне сказать, для кого она?

— Я помогаю Эрмин в ее добрых делах, Симон. Расскажу тебе на обратном пути. Будет тема для разговора, по крайней мере!

Он не настаивал, на самом деле ему было совершенно все равно. Но он осмотрел девушку с ног до головы. На ней было красное драповое пальто, расширявшееся книзу и перетянутое в талии поясом. Ее красивые вьющиеся темные волосы выбивались из-под белой шапочки.

— Ты ужасно хорошенькая! — воскликнул он. — Одно удовольствие быть твоим шофером. Я погуляю по бульвару Сен-Жозеф, наверное, встречу кого-то из своих корешей!

Шарлотта поправила свои варежки и взяла елку. В другую руку — кожаный саквояж с елочными украшениями, которые ей дала Лора.

— До скорого, Симон! — звонко воскликнула она. — Передавай привет твоим знаменитым корешам, если встретишь их по такому холоду!

Она ушла, тоже улыбаясь ему и открывая в улыбке все свои жемчужные зубки.

«Да, я и впрямь женюсь на ней! — подумал молодой человек. — Вполне возможно, что рядом с ней все станет намного проще».

Он сам удивился ходу своих мыслей.

Тала не сразу открыла Шарлотте. Посетительница не стала называть своего имени, а только сказала шепотом:

— Тала, я от Эрмин, ничего не бойтесь, я все вам объясню.

Из этого индианка заключила, что возникло какое-то затруднение, хотя не могла понять, насколько серьезное. Она приоткрыла створку деревянной крашеной двери, но, увидев елку, сразу успокоилась.

— Заходи, Шарлотта, — произнесла она вполголоса. — Киона еще спит. Очень рано. Хочешь кофе? Только что сварила. Значит, Эрмин тебе сказала, где мы здесь живем?

— Да, и она послала меня к тебе по важному делу.

Девушка рассказала все, стараясь быть как можно деликатнее. Даже несмотря на смуглую кожу, стало видно, как индианка побледнела. Она с тревогой посмотрела в окно, потом взглянула на Шарлотту.

— Мне очень все это неприятно, — вздохнула она. — Хорошо еще, что Эрмин не пострадала. Передай ей, что я все время о ней думаю и восхищаюсь ее смелостью. Ты ведь знаешь, кто отец Кионы. Это ужасно, у меня такое ощущение, что меня просто измазали грязью. А чего теперь нам ждать от этих подонков, которые жаждут мести?

— Увы, это нам неизвестно, — ответила Шарлотта. — Поэтому Эрмин просит вас еще неделю не выходить из дома, не показываться на людях. Она пережила сильное потрясение, но очень скоро придет в себя и придет к вам. А пока я буду исполнять роль посредника, если вам понадобятся продукты. Но если нужно сходить за покупками, то сначала я бы хотела поставить елку, это будет сюрпризом для Кионы.

В излишне веселом тоне девушки Тала уловила некоторое безразличие, смешанное с нетерпением.

— Я тебе помогу, — сказала она. — Очень мило с твоей стороны. Киона будет в восторге.

Шарлотта разыскала на чердаке железное ведро. Она набила его старыми газетами, которые скомкала, чтобы они плотнее охватывали ствол. После короткой дискуссии елку установили в кухне, где всегда было тепло.

— Предпочитаю находиться здесь, — сказала индианка. — В гостиной есть печка, но не хочу ее разжигать, расходовать дрова. К тому же здесь веселее!

Развешивая на ветках стеклянные шары и блестящие гирлянды, они не услышали, как сзади на цыпочках подошла Киона. Девочка закричала от радости, узнав Шарлотту, которая проводила с ними долгие зимние месяцы на берегу Перибонки. Для Мукки, близнецов и Кионы Шарлотта была кем-

то вроде старшей сестры — преданной, любящей и незаменимой.

— Здравствуй, Шарлотта! Ой, мама, это моя елка! Эрмин мне обещала! Ласковая и привязчивая по природе, девочка зажмурилась от восторга.

— Здравствуй, моя маленькая! — воскликнула Шарлотта. — Я не успела еще все повесить, поможешь мне?

Киона подбежала к девушке и обхватила ее за талию.

— Да, да! — воскликнула она.

Наконец наступил волшебный миг — пришел черед электрической гирлянды с разноцветными лампочками. Лора выписала ее по почте в одной американской фирме. Ей казалось, что это более современно, а главное, не так опасно, как свечи в подсвечничках на защипках, которыми украшали елки в большинстве домов.

— Как красиво! — не могла успокоиться Киона. — Мамуля, можно мне сесть рядом с моей елочкой?

Тала расстелила на полу медвежью шкуру.

— Сейчас принесу тебе чашку какао и ломтик хлеба с маслом, — нежно сказала она.

Индианка бережно укутала дочь одеялом.

— Ты даже еще не оделась, баловница! — заметила она ласково.

Шарлотта оставила их вдвоем, ее поразило, как сильно любит Тала свое дитя. Она вышла из дома и осмотрелась. Поблизости не было ни одного грузовика, никаких подозрительных личностей. Земля, покрытая снегом, превратилась в настоящий каток, и нужно было идти осторожно, чтобы не упасть. Но благодаря Симону у нее словно выросли крылья. Молодой человек явно переменялся к ней.

«Он делает мне комплименты, часто улыбается и смотрит прямо в глаза. А вдруг он влюбился, вот так, ни с того ни с сего! Господи, благодарю тебя!»

Покупая все необходимое на улице Сен-Жорж, Шарлотта надеялась встретить там Симона, который должен был слоняться неподалеку, однако его там не было. Тогда она заторопилась назад, потому что было уже почти двенадцать. Индианка тотчас же открыла ей дверь.

— За тобой никто не шел? — спросила она тихо.

— Да нет же! Не волнуйся! Эти мерзавцы меня не знают, угрозы нет.

Девушка выгрузила на стол два килограммовых пакета муки, бутылку молока и большой кусок соленого сала. Киона по-прежнему сидела на медвежьей шкуре возле елки, но уже в индейской одежде.

— Вам правда больше ничего не нужно? — забеспокоилась она. — Эрмин настаивала, чтобы вы не выходили из дома, а вечером плотно

задергивали шторы.

— Этого вполне достаточно. У меня еще есть макароны, рис и сыр. Знаешь, Шарлотта, чего мне больше всего не хватает? Собак, да, собак моего сына! Они рычат, даже если мимо пролетит ворона, лают, когда поблизости бродит какой-то дикий зверь. В этом городе я не чувствую себя в безопасности, но только не говори Эрмин. Она старалась изо всех сил.

— Конечно, не скажу. Она нашла для вас опрятный и уютный дом. Ваша улица хорошо освещена, неподалеку находится полицейский участок на бульваре Сен-Жозеф. Если вы будете вести себя благоразумно, то те, кто желает вам зла, просто не найдут вас здесь. Тала, мне пора! Что передать Эрмин?

— Передай ей мою благодарность и скажи, что я очень переживаю за нее. Представляю, как она испугалась, когда оказалась один на один с этими злобными негодьями. И еще скажи, что я сделаю всё, как она советует. Спасибо и тебе, Шарлотта, что ты так рано приехала в такой холод. Ночью был сильный мороз. Но моя девочка счастлива и в тепле. Я могу готовить ей еду. Мне ничего не нужно, лишь бы Кионе было хорошо.

— Ну конечно, мне очень хорошо, мамочка! — воскликнула девочка.

— Ты и выглядишь так! — излишне восторженно подтвердила Шарлотта. — Ну чистый ангелочек, погруженный в созерцание!

Киона даже головы не повернула.

Она не могла отвести глаз от своей елки, переливающейся тысячей золотых огоньков, которые отражались в стеклянных шарах; цветные лампочки освещали мягким светом иголки на елке, и пахло лесом. Пораженная волшебным зрелищем девочка прижимала к себе куклу, словно хотела, чтобы насладилась и она.

Тала отнесла сало и молоко в гостиную, где было намного прохладнее, в ту самую гостиную, которую большинство канадцев использует только для приема гостей по случаю праздников, семейных торжеств или когда кюре приходит навестить своих прихожан. Сын Мелани Дунэ оставил здесь старый буфет, старое кресло, с которого сняли кружевную накидку, прикрывавшую его потертости, а также печку.

Шарлотта склонилась и нежно поцеловала Киону.

— До свидания, я ухожу! Я расскажу Мимин, как ты довольна. Она очень скоро приедет полюбоваться твоей елкой.

Девочка прикрыла веки, словно от усталости, потом тихо произнесла:

— Я тебя видела, пока ты ходила в город. На тебе было прекрасное белое платье и фата на голове. Думаю, скоро ты выйдешь замуж, Шарлотта! За мальчика, который срубил для меня елочку в лесу.

— Что ты сказала? — переспросила девушка. — Киона, неужели это возможно? Откуда ты знаешь, что утром я была с мальчиком? Где ты меня видела? Во сне?

— Да нет же, я просто тебя видела, и все!

Киона склонила голову и принялась укачивать свою куклу. Она не должна была говорить с Шарлоттой.

— Мне хотелось сделать тебе приятное, — добавила она еле слышно. — А ты теперь сердишься. Только, пожалуйста, не говори ничего маме.

Шарлотта не поняла смысла слов Кионы.

— Ты все это придумала, чтобы меня порадовать? Но я вовсе не сержусь.

Однако она была смущена. Она гладила золотистые волосы девочки и ласково приговаривала:

— Эрмин утверждает, что ты умеешь утешать людей. Посмотрим, выйду ли я замуж за этого мальчика. Если так случится, я буду безумно рада.

Вернулась Тала. Шарлотта помахала ей и вышла в полном смятении. В глубине души ей очень хотелось верить Кионе.

Не успела она повернуть на бульвар Сен-Жозеф, как увидела Симона. Он курил сигарету, облокотившись на машину Шарденов.

— Ну, красотка, — воскликнул он, — не очень-то вы точны! Я почти превратился в ледяную статую. Ладно, хватит шутить, Шарлотта. Могу я пригласить тебя в ресторан? Я голоден и с удовольствием поболтаю там с тобой.

— Да с тобой хоть на Луну! — ответила она. — Я тоже голодна, как волк, поэтому согласна на ресторан. Можно я возьму тебя под руку? Иначе упаду!

Девушка была на седьмом небе. И хотя она разыгрывала непринужденные дружеские отношения, прикоснувшись рукой в перчатке к рукаву Симона, она почувствовала, что испытывает к нему сильное физическое влечение.

— Пусть все завидуют! — прошептал он ей на ухо.

— Ну ты и льстец! — ответила она.

Она покраснела от гордости и надежды. Кажется, ее молитвы услышаны...

«А если малышка Киона действительно видела нашу свадьбу, это было бы грандиозно, — сказала она себе с ликованием в душе. — Я так его люблю, моего Симона!»

Валь-Жальбер, в тот же день

Четыре часа дня. Сумерки вот-вот должны затемнить окна. Лежа на диване, Эрмин просматривала статьи, которые мать положила рядом на этажерке. Мирей собиралась подавать полдник, об этом можно было догадаться по аппетитному запаху пекущихся оладий. На этом закончится драгоценный покой, которым наслаждалась молодая женщина. Мадлен держала всех четырех ребятишек наверху в детской; Лора и Жослин поднялись в свою спальню. Огонь потрескивал в огромной чугунной печке, благоухала елка.

«Как я была бы счастлива, если бы у меня в голове не было всех этих забот! — с грустью подумала Эрмин. — И Шарлотты все нет! Я рассчитывала, что она приедет к обеду».

Она волновалась, что девушка задерживается. Представляла себе, что Шарлотта попала в руки тех самых негодяев, которые накануне так напугали ее саму.

— Я с ума сошла! — сказала она себе вполголоса. — Они никогда ее не видели, и в любом случае она не одна, а с Симоном.

Но чем больше она размышляла, тем больше начинала паниковать. Ей показалось, что те двое возвращались из Валь-Жальбера, поскольку ехали по региональной дороге.

«Они могли оставить машину возле деревни и бродить по округе, могли, например, следить за домом. Они знали, что я там. Значит, они собирали обо мне сведения. Тогда они видели и Шарлотту, и Маруа. Здесь так мало жителей».

Тщетно Эрмин старалась отогнать от себя все эти тревожные мысли. Она по очереди выглянула из всех окон.

— Если бы здесь за загородкой были собаки Тошана, они предупреждали бы о появлении чужих... А что делает Пьер? Он должен был уже привезти их сюда.

Она вздрогнула, похолодев. Перед глазами предстал образ ее мужа в день расставания, на крыльце их дома. Какой он был красивый и горделивый, взволнованный мыслью о разлуке.

«Тошан, любимый, как мне тебя недостает!»

В эту минуту вошла экономка. Она несла большой поднос. Возле зажженной елки был накрыт стол. Лора захотела завтракать и полдничать в гостиной.

— Мирей, будь любезна, не могла бы ты задернуть шторы? —

попросила Эрмин. — Не думай, что я такая лентяйка, но у меня после вчерашнего падения болит спина... Я не говорила маме, иначе она тут же позовет врача.

— И будет права, — отрезала экономка, — у тебя может быть трещина в костях. Эх, попались бы мне эти бандиты! И эти господа полицейские! Они не спешат прийти и начать расследование.

— Папа завтра поедет в Роберваль, я, наверное, с ним.

Продолжая ворчать, Мирей стала расставлять на столе чашки, тарелочки, чайник и молочник.

— Сейчас задерну шторы, потом принесу горячие оладушки. Отдыхай, Эрмин!

— Шарлотта уже должна была приехать! — беспокоилась молодая женщина. — Могла бы, по крайней мере, позвонить.

— Посылаешь ее незнамо куда, да еще с ее ненаглядным, и думаешь, что она будет мчаться обратно на всех парах? — воскликнула экономка с заговорщическим видом. — Тоже мне! Придумала! Вот глупышка!

С этими словами Мирей энергичной походкой направилась в кухню. Эрмин слабо улыбнулась. Увы, жизнь все меньше и меньше позволяла ей быть глупой, поскольку посылала всевозможные испытания. Она испуганно подскочила от грохота на лестнице. В гостиную влетел Мукки. Мальчик — крупный и крепкий для своих семи лет — буквально бросился к матери. Он выглядел страшно возбужденным.

— Мама, иди скорее! Там Киона! В детской! Сказала, что хочет поиграть с нами, но что бабушка рассердится, если ее увидит. Ты нам говорила, что бабушке нельзя рассказывать про Киону, помнишь?

— Как это? Киона в детской? — пробормотала она в полном недоумении. — Но это же нелепо, Мукки! Я бы увидела, как она вошла в дом и прошла по коридору. Я не вставала с дивана.

За несколько секунд молодая женщина нашла разумное объяснение: Шарлотта могла привезти девочку с собой и провести в дом через дровяной сарай, который соединялся с кухней и служил огромной кладовой для продуктов. Но двери гостиной были застеклены и через них была видна лестница.

— Что ты такое рассказываешь? Если ты надо мной смеешься, это некрасиво.

Однако она тут же вскочила с дивана. Мукки настаивал на своем:

— Мы с близнецами видели Киону! Иди, мама, скорее!

— А Мадлен, что сказала Мадлен?

— Она уходила с Луи в уборную.

Сердце Эрмин готово было выскочить из груди. Она взбежала по ступенькам, чуть не падая в обморок от волнения. В детской находились только Мари и Лоранс, они играли со своими тряпичными куклами. Молодая женщина огляделась, но ее любимой индианки нигде видно не было. Мукки выглядел растерянным. Он бросился к шкафу и начал открывать все дверцы.

— Киона уже ушла? — спросил он у сестер.

— Ну вот что! Хватит! — сухо произнесла Эрмин. — Глупая игра — врать и сочинять такие небылицы. Киона не могла прийти сюда одна и в дом попасть не могла. Мукки, ты хочешь, чтобы тебя наказали?

Ее мучило странное предчувствие, и она никак не могла совладать с собой.

— Но, мамочка, я говорю правду! Я вообще никогда не вру! Лоранс и Мари тоже видели Киону.

— Да! — подтвердила Мари. — Киона хотела с нами поиграть, она так сказала.

— Правда, мамочка, дорогая! — добавила Лоранс, самая спокойная из всей троицы. — Но потом она исчезла.

Молодая женщина услышала, как ее мать разговаривает с Мадлен на лестничной площадке. Времени почти не было, и она начала лихорадочно думать. А может быть, ее дети, как и она, стали жертвами галлюцинации? Ведь в тот вечер Киона тоже пришла к ней, чтобы утешить. Очень тихо, но требовательно Эрмин спросила:

— Кто-то из вас плакал или был грустным? Прошу вас, расскажите мне, что произошло на самом деле. Быстрее, а то бабушка может войти. Не хочу, чтобы она знала про ваши проделки, ей это не понравится.

Мукки покачал головой и насупился. Мари и Лоранс переглядывались, явно не решаясь что-то сказать. Эрмин заметила, что мальчик угрожающе поглядывает на сестер.

— Предупреждаю вас, — сказала она тихо, — если вы скрываете от меня что-то плохое, я напишу об этом папе и он расстроится, потому что просил вас хорошо себя вести и слушаться, пока его нет.

Тогда Лоранс встала из плетеного креслица, в котором сидела. Прелестная девочка в бархатном ярко-голубом платье, со светло-каштановыми локонами, разметавшимися по плечам, направилась к кровати брата и откинула покрывало. Эрмин подавила испуганный крик. На белом шерстяном одеяле лежал черный револьвер.

— Боже мой, откуда это оружие? — в панике спросила она.

— Мукки взял его в бабушкином шкафу! — сообщила Лоранс. — Он

хотел поиграть в полицейских...

Молодая женщина очень осторожно забрала револьвер, не зная, заряжен ли он.

Теперь задним числом она испытывала такой страх, такую ярость, что схватила сына за ухо и встряхнула.

— Мукки, ты что, сошел с ума? Ты что, не знаешь, что это не игрушка? Ты мог убить или ранить кого-то из девочек! Здесь плохо за вами следят.

Она не могла сдержаться и перешла на крик. Вошла Лора, держа за руку Луи, за ними Мадлен.

— Эрмин, зачем ты поднялась сюда? — удивилась она. — Тебе нужно отдыхать, а ты устраиваешь шум! Что происходит? Господи помилуй, это же мой револьвер!

Побледнев от волнения, Лора с ужасом осматривала комнату, словно здесь спряталась целая банда, готовая напасть на них.

— Мама, Мукки украл это у тебя в спальне! Я услышала, как одна из девочек закричала и быстро прибежала посмотреть, что случилось, — солгала она. — А тебя, Мадлен, я поздравляю! Мы чудом избежали трагедии. Господи, если бы мой сын убил свою сестру или Луи, как бы я могла простить тебе это?

Кормилица в ужасе перекрестилась. Никогда в жизни Эрмин не говорила с ней так резко. Лора тоже вышла из себя.

— Будь осторожна, моя дорогая, — посоветовала она, — револьвер заряжен. Я не смогла бы спать этой ночью, если бы не было оружия под рукой. А ты, Мукки, заслужил серьезное наказание.

Лора прижимала к себе Луи. Мадлен на цыпочках подошла к близнецам. Мари тихо плакала, а Лоранс пока сдерживалась.

— Здесь не один Мукки виноват, — отрезала Эрмин. — Нужно быть совершенно безрассудным, чтобы оставить в доме, полном детей, заряженное оружие. Случайно или чудом ничего страшного не произошло.

Она остановилась в полном смятении. Слово «чудо» прозвучало очень кстати.

«Почему дети увидели Киону, а главное, когда они ее увидели? — спрашивала она себя. — А что, если она показалась в момент опасности, чтобы заставить Мукки положить револьвер на одеяло? Нет, я схожу с ума. Это невозможно!»

Лора осторожно забрала оружие из ее рук. Точными движениями она вынула из него пули, сложив их горкой на ладони.

— Я кладу все сюда, — пояснила она. — Дети, я запрещаю вам прикасаться к револьверу. Тот из вас, кто войдет в мою спальню, не

получит подарка под елку. Вы уже большие и не верите в Санта-Клауса, вы прекрасно знаете, откуда берутся игрушки, которые вы у него просите. Ты понял, Мукки?

— Да, бабушка! Я не знал, честное слово, что он настоящий!

Мадлен шепотом молилась. Она наверняка обвиняла себя, каясь перед высшим исповедником, этим Богом бледнолицых, которому горячо поклонялась.

— Я хочу остаться наедине с детьми, — сказала Эрмин. — Полдник подан. Мама, уведи Луи, и ты, Мадлен, тоже спускайся в гостиную.

Все беспрекословно подчинились. Как только дверь закрылась, молодая женщина обняла сына.

— Я очень сержусь, Мукки, но все равно ты хороший мальчик. Надеюсь, ты больше не будешь брать чужие вещи, особенно если не знаешь, для чего они. В этом револьвере были пули, а они могут ранить и даже убить того, в кого попадут. Ведь папа часто брал тебя на охоту. Ты должен был сравнить револьвер с папиным ружьем и понять, что это опасно. Звери или птицы, которых вы приносите с охоты, истекают кровью, не двигаются, они мертвые. Мари или Лоранс могли бы тоже стать такими!

Мальчуган зарыдал от ужаса и стыда. Он бросился на шею матери, обнял ее.

— Извини меня, мамочка, прошу тебя! Я соврал, я знал, что он настоящий. Но я хотел защищать тебя, потому что на тебя напали вчера и чуть не убили Шинука! Дедушка и месье Маруа говорили об этом днем на крыльце. Я играл в шарики в коридоре и все слышал.

Эрмин прижала Мукки к сердцу. Она провела этот день в одиночестве — не общаясь ни с детьми, ни с родителями, но, по-видимому, в поселке все немногочисленные соседи активно обсуждали новости.

— Мукки, мальчик мой, я на тебя не сержусь, — проговорила она мягко. — Но можешь ты мне сказать, когда именно ты увидел Киону? На этот раз, прошу тебя, не лги! Для меня это очень важно.

— Когда притворился, что стреляю, мамочка! — ответил он. — Я целился в шкаф, а потом Лоранс начала хохотать. Киона стояла возле меня, там, у окна. Я быстро спрятал револьвер. Я так обрадовался, когда увидел ее. Мне захотелось целиться...

Рассказ сына глубоко потряс молодую женщину, и она погрузилась в раздумья. У нее пересохло во рту, пульсировало в висках, и она не стала задавать вопросы близнецам.

«Боже мой, — подумала она, — если бы я услышала выстрел из гостиной, если бы одна из моих девочек была бы ранена или погибла, вся

моя жизнь была бы разбита. Тошан отрекся бы от меня, попросту возненавидел бы. Нет никаких сомнений — Киона почувствовала опасность и появилась в детской. Но каким чудом? Тала утверждает, что индейские шаманы могут являться тем, кто молит их о помощи... Значит, эта девочка уже наделена сверхъестественным даром? Но Мукки не звал Киону, девочки тем более. Они, должно быть, очень удивились, сначала увидев, как она возникла, а потом — как исчезла».

Ее поразила одна подробность. Казалось, дети не были удивлены тем, что девочка как бы улетучилась.

— Мари, Лоранс, — осторожно спросила она, — а где сейчас Киона? Вы видели, как она уходила, как вышла из детской?

— Да, — ответила Лоранс, — она пошла за Мукки, когда он побежал предупредить тебя. Через эту дверь.

— Ну хорошо, об этом мы поговорим позже, — вздохнула Эрмин в еще большей растерянности. — Пойдемте-ка, а то оладьи остынут. И ни слова бабушке и дедушке. Я сама расскажу им про Киону после полдника.

Вся семья собралась за столом, накрытым возле елки. Но, узнав о случившемся, Жослин нахмурился. Он пронзил испепеляющим взглядом несчастного Мукки.

— А вот и Шарлотта! — объявила Лора. — Если тебе не терпится поговорить с ней, идите в кухню. Я просила ее принести кленовый сироп. Мирей снова забыла его подать. Я займусь детьми, они как будто не настроены шалить.

Эрмин поняла намек и широкой улыбкой поблагодарила мать. По крайней мере, Лора прилагала усилия. Она, видимо, догадывалась, что Эрмин хочется поскорее узнать новости о Тале и Кионе. Впрочем, Шарлотта тоже поджидала подругу.

— Ну ты и копуша! — начала с порога упрекать ее Эрмин. — Уезжаешь ни свет ни заря, а заставляешь ждать себя и волноваться до самого вечера. Уже темно, Шарлотта! В самом деле, это слишком...

— Прости меня, Мимин! — сказала девушка смущенно. — Симон пригласил меня в ресторан, потом мы немного погуляли вокруг церкви Сен-Жан-де-Бребёф. Было очень холодно, но небо совсем светлое. Все равно часам к трем я совершенно заоченела, и мы выпили кофе в городе. Я была так счастлива! Как давно я мечтала о таком!

Сияющее лицо Шарлотты свидетельствовало об обретенном ею счастье.

— Мимин, — выдохнула она, — Симон хочет обручиться со мной, весной или еще раньше!

— Ну надо же! — пробурчала Мирей. — По крайней мере, нашелся один, кто не боится признаться в любви.

Но Эрмин была не в состоянии радоваться.

— Поздравляю тебя! Ведь ты всегда этого хотела! Но я не за этим посылала тебя в Роберваль. Мне нужно было узнать другое. Как там Тала и Киона?

— Я выполнила все, что ты просила, Мимин. У девочки есть украшенная елка, а у Талы — все необходимое для жизни. Я купила муки, сала и молока.

— Ты могла бы позвонить с почты! В следующий раз не забудь об этом! — грозно приказала молодая женщина.

— Тогда в следующий раз поедешь туда сама, — парировала обиженная до глубины души Шарлотта. — Все время мне выговаривают, будто я несмышленьш... Мне обидно это терпеть...

Экономка схватила эмалированную поварешку и стала колотить ею по железной крышке кастрюли. Звук напоминал удары в гонг.

— Милые девицы, прочь из моей кухни, у меня от вас голова гудит, — закричала она, — будете выяснять отношения на сытый желудок. Горячие оладьи Мирей требуют, чтобы их уважали!

Эрмин вышла первой, Шарлотта за ней. Через час они уже помирились. Для этого потребовалось несколько дружелюбных реплик, которыми они обменялись после полдника, взаимных извинений при мерцающем свете елки.

— Прости, что я говорила с тобой в таком тоне, — признала Эрмин, — я была на нервах. Вечером в моей комнате я объясню тебе почему. Как я за тебя рада! Симон будет хорошим мужем и, думаю, сможет сделать тебя счастливой.

Шарлотта начала доверительно:

— Мне ужасно стыдно, Мимин! Я должна была позвонить тебе, ты совершенно права. Но это были самые лучшие часы моей жизни. У меня просто крылья выросли, я чувствовала себя красавицей и забыла обо всем на свете... Мы с Симоном никогда еще не были по-настоящему вдвоем. Он такой внимательный, смешливый, милый! Я люблю его еще больше!

Жослин так и не остыл. Он прочитал суровый выговор Мукки, угрожая наказанием. Маленький Луи бросился на выручку своему племяннику, который был старше его на два года. Это уже служило поводом для шуток, поскольку не часто случается, чтобы дядя был моложе своего племянника.

— Папа, — неожиданно заявил мальчуган, — тогда меня тоже надо

наказать. Это я показал Мукки, где мама прячет револьвер. Это нечестно!

Жослин очень баловал своего сына.

— Ты ни в чем не виноват, Луи, не вмешивайся.

— А вот тут ты дал маху, Жослин, — возмутилась Лора. — Если Луи показал Мукки место, где я прячу оружие, он поступил плохо. Прежде всего это говорит о том, что он роется в наших вещах и подглядывает за нами. Это очень гадкие качества — любопытство и болтливость! Добавим еще и глупость, поскольку эти два хулигана должны были понимать, насколько все это опасно. Предлагаю отобрать у них шарики или отправить их спать без ужина.

Мадлен тихо вскрикнула. Она собиралась броситься на защиту детей, но Эрмин знаком велела ей молчать.

— Я полностью согласна с мамой, — заявила она. — И пусть идут в кровать немедленно. Полдник был такой сытный, что от голода они не умрут. И чтобы никаких больше глупостей. Я приду поцеловать вас перед сном. Мадлен, уведи их и не спускай с них глаз.

По-прежнему в полной растерянности, молодая индианка шепотом согласилась. Она повела Мукки и Луи в коридор. Лоранс и Мари совсем съезжились от страха, что их тоже уложат в кровать. Но поскольку взрослые не обращали на них внимания, они успокоились.

Шарлотта пошла в свою комнату переодеться, напевая припев песенки «У светлого ручья»: «Говорите мне про любовь, эти речи — моя услада...»

— Наша мадемуазель на редкость весела! — заметила Лора.

— Симон объяснился ей в любви, — сообщила Эрмин. — Она ждала этого Бог знает сколько времени. Надеюсь, война им не помешает.

— Если бы я хотел быть адвокатом дьявола^[22], — перебил Жослин, — я бы возразил, что как раз наоборот. Шарлотта очень скоро пойдет под венец, потому что Симон Маруа не намерен идти в армию.

— Ну, папа, ты очень трезво обо всем судишь, — возразила дочь. — В тебе нет никакой романтики!

Он пожал плечами, уверенный в своей правоте. Лора села к роялю и неуверенно сыграла пьесу для начинающих. Эрмин вернулась на свой диван и закуталась в шаль. Она испытывала странное возбуждение; мысли о Кионе не отпускали ее.

«Дети не лгут, когда говорят, что видели ее. Конечно, речь может идти о коллективной галлюцинации, но я убеждена, что она появилась в нужную минуту. А если пятилетний ребенок обладает способностью перемещаться из одного места в другое, это только доказывает, что вселенная еще загадочнее, чем мы себе представляем, что случаются чудеса,

необъяснимое».

Не переставая восхищаться случившимся, она почувствовала головокружение. Для нее дар Кионы заключался в ее умении являться тем, кого она любила, чтобы утешить или защитить их, а в этом крылось нечто божественное.

«Сошедший к нам ангел! — снова сказала себе она. — Ангел в одежде из оленьих шкур, украшенной бахромой. Золотая фея».

Ее успокаивало, что можно смотреть на все эти события под таким углом зрения. Но она отметила одно удивительное явление.

«Когда эти двое напали на меня, Киона не бросилась мне на помощь! Возможно, я не подвергалась тогда никакой опасности».

Ей не терпелось увидеть свою сестру, чтобы дотронуться до нее, приласкать, удостовериться, что она настоящая.

— Завтра, — обещала она себе шепотом. — Завтра я снова поеду в Роберваль. Я достаточно отдохнула.

Но судьба распорядилась иначе. За арктическим холодом последовала страшная метель. За ночь Валь-Жальбер полностью занесло снегом.

Жослин не смог завести машину, призванные на помощь Симон и Жозеф тоже оказались бессильны. На санях проехать было невозможно, а Онезим Лапуант наотрез отказался выступить в роли шофера, когда Шарлотта обратилась к нему за помощью.

— Трогаться с места в такую погоду абсолютно бессмысленно. Могу сказать, что вечером тута еще будет сильный снегопад. К тому же Иветта заболела, мне нужно присматривать за малышом.

— Я могу приглядеть за ним, — предложила девушка. — Месье Шарден и Мимин должны поехать в полицейский участок давать показания.

— Если я сказал нет, значит нет! Хватит с меня этих историй! Я не нанимался к Шарденам шофером.

Эрмин была вынуждена отказаться от своего плана. Она все время читала, не выходя из гостиной. Снег валил, не переставая ни днем, ни вечером. Дети в конце концов заскучали.

— Поиграй с ними в школу, — предложила Мадлен, — как тогда зимой, дома... — Кормилица произнесла два последних слова с оттенком ностальгии. Конечно, ей больше нравилось жить в лесу, подальше от строгих взглядов Лоры и окриков Мирей, которая не любила, чтобы индианка заходила к ней в кухню. Однако перед Рождеством все старались избегать ссор.

— Ты права, — ответила молодая женщина, — днем буду повторять с

ними счет, разучим песенку. Прекрасная мысль!

Под напускным весельем она скрывала непреходящие душевные страдания от разлуки с мужем. Тошан не писал ей и не звонил. Она представляла его в форме, коротко подстриженным, в сотнях километров отсюда, в Цитадели, в Квебеке.

Она начала писать письмо, но так и не смогла закончить. Предложение Мадлен показалось ей лучшим средством борьбы с меланхолией. Детская, которую Лора по-прежнему так называла, хотя в доме уже не было маленьких детей, служила классной комнатой. Эрмин велела четырем ученикам сесть на ковре. Она собрала волосы в узел и надела шерстяное темно-синее платье.

— Здорово, мама, что ты нас учишь! — заявил Мукки.

— Я, дорогой, тоже очень рада, — призналась она. — И расскажу вам, что я придумала. После урока арифметики я научу вас песне, которую вы споете в сочельник. Это всем доставит удовольствие.

Близнецы захлопали в ладоши и засмеялись. Мадлен проявляла такое же нетерпение, как и девочки. Эрмин села на стул. Еще раз она пожалела об отсутствии Кионы.

«А я ведь хотела записать ее в начальную школу в Робервале! — подумала она. — Учítывая, что где-то бродят эти жуткие типы, страшно так рисковать! Если полиция арестует их, все станет иначе. Тала сможет зажить нормальной жизнью».

— Сегодня повторим цифры и счет до 20, — уточнила она. — А потом я научу вас важному действию — сложению. Ты, Мукки, слушай внимательно. После праздников ты пойдешь в школу, здесь, в Валь-Жальбере.

У Эрмин не было в распоряжении грифельной доски, но она взяла большой лист бумаги и пуговицы. Показывая и рассказывая, она пользовалась ими, как того требовали арифметические операции. Скоро в комнате раздавались детские голоса, которые произносили: «Два плюс два — четыре, три плюс три — шесть». Дети слегка расшалились, Мукки уронил несколько пуговиц.

— Если хотите выучить песню, ведите себя хорошо! — приговаривала Эрмин недовольным тоном. — А сейчас будем рисовать. Нарисуйте мне ангела, как вы его себе представляете.

Луи, который часто ходил с родителями в церковь, задрожал от радости. Он хорошо помнил статую ангела в алтаре церкви Сен-Жан-де-Бребёф. Эрмин с нежностью смотрела на своего братика, который принялся рисовать какой-то бесформенный силуэт. Он старался изо всех сил,

высунув язык, даже пыхтел от усердия. Мари и Лоранс переговаривались, прыская со смеху. Они по полгода проводили в лесной глуши, среди дикой природы, где почти не было мест для богослужения. Однако они уже видели изображения ангелов. Мадлен тоже взяла бумагу и карандаш и с детской радостью принялась за дело. Эрмин пристроилась у окна, внезапно задумавшись. Снег падал огромными ватными хлопьями. Ветер почти утих, но время от времени дул резкими порывами.

«А Шарлотта все-таки уехала на работу в Шамбор, — сказала она себе, — к счастью, Онезим в конце концов завел свой грузовичок, чтобы сестра не потеряла работу. Подумать только, моя Лолотта выйдет замуж! Нужно поговорить с Симоном. Интересно, почему он так быстро решился на этот шаг?»

Ее охватили воспоминания: вот она — совсем юная, полная романтических надежд. Уже восемь лет прошло с ее замужества, а ей это казалось вечностью. Захотелось вернуться назад, вновь прочувствовать первые порывы девичьего сердца, удовольствие, смешанное с робостью, потом восхищение...

— Мама, я закончил! — громко возвестил Мукки. Он прибежал, показывая ей какие-то каракули, в которых можно было угадать крылья.

— Ты не очень старался, дорогой мой! — прокомментировала она. — Луи, покажи мне свой рисунок.

Он был ненамного выразительнее, но, по крайней мере, ангел имел какие-то очертания, сходные с человеческими, волнистые линии вместо шевелюры и тоже какое-то подобие крыльев. Мари достигла примерно того же уровня. Что касается Лоранс, у которой было настоящее пристрастие к рисованию, ее ангел выглядел достаточно красиво.

— Ничего, в следующий раз получится лучше, — сказала Эрмин благожелательно, — будете рисовать каждый день. Завтра нарисуем лошадь.

— Нет, автомобиль! — запротестовал Луи.

— А теперь давай учить песенку! — стала просить Мари.

— Да-да, всем можно встать! — подтвердила Эрмин, рассматривая рисунок Мадлен.

Довольно простое решение не было лишено изящества.

— Ты моя лучшая ученица по этому предмету! — признала она. — Ты и Лоранс!

— Да нет, я не в счет, — сказала кормилица смущенно, — но мне это нравится.

— Тогда рисуй, сколько хочешь, Мадлен!

С этими словами Эрмин построила детей в ряд. Она почувствовала, что ей самой не терпится петь, и это взволновало ее.

«Иногда мне очень хочется быстрее подняться на сцену, испытать страх перед публикой, целиком отдаться исполнению. Это не жажда успеха, это естественная потребность».

— Мама, спой! — стала умолять ее Лоранс, улыбаясь.

— Хорошо! Слушайте внимательно, потом будете повторять за мной.

Она запела один из своих любимых рождественских гимнов. Ее прозрачный голос редкой чистоты, казалось, заполнил собой все пространство детской. Сначала она сдерживалась, не давая ему зазвучать в полную силу, затем, на втором куплете, он достиг края своего диапазона. Слово «Рождество» трепетало, как хрустальные льдинки. При этом молодая женщина не отрывала глаз от висящего над дверной притолокой распятия.

Три ангела передо мною
Предстали с первою звездою,
И каждый мне подарок нес:
Один — кадило золотое,
Другой — венок душистых роз,
А третий нес в перстах наряды дорогие,
В жасминах, в жемчугах, как у самой Марии...
— Сегодня Рождество! Пришли мы для того,
Чтоб выполнить твои желанья,
Скорбит наш добрый Бог,
Коль твой услышит вздох
В глубинах синих мирозданья^[23].

В ту минуту, когда Эрмин произнесла «веноч душистых роз», она опустила глаза и отчетливо увидела Киону, которая стояла позади шеренги детей. На ней была ее туника из оленьих шкур, расшитая красным и голубым бисером, с бахромой на рукавах. Рыжеватые волосы были заплетены в аккуратные косички. Лицо выражало глубокое восхищение, а глаза сияли от счастья.

Это так потрясло Эрмин, что она на несколько секунд замолчала, не зная, что ей делать. Но потом решила, что девочка слушает ее, переборков замешательство, сделала над собой усилие и продолжала петь:

Кадило ли желаешь ты,
Или корону роз душистых,
Иль платье дивной красоты,
Иль нитку жемчугов лучистых?
Иль хочешь райского плода,
Усладу неземного вкуса?
Или, как пастухи тогда,
Узреть в пеленках Иисуса?^[24]

Она так хорошо знала этот гимн, что, автоматически продолжая петь, спрашивала себя, действительно ли здесь находится Киона — красивая, излучающая радость.

«Я должна подойти к ней, заговорить, дотронуться до нее! Может быть, это только видение? Галлюцинация? Я так тосковала по ней».

Эрмин повторила куплет, на несколько мгновений прикрыв глаза, ее нервы с трудом выдерживали это испытание. Когда она открыла их, Киона уже исчезла.

— Нет, только не это, — простонала она.

Мадлен бросилась к ней, заботливо обняла и тихо сказала на ухо:

— Ты тоже ее видела? Она была здесь, Киона... Я что, грезила наяву?

— Ты ее видела? — пробормотала Эрмин. — Значит, это не галлюцинация. Мы не могли видеть ее одновременно — и ты, и я.

Мукки дрался с Луи, который посмеялся над его рисунком. Близнецы начали напевать «Три ангела...» и при этом радостно хохотали.

— На сегодня хватит! — постановила их мать. — Спускайтесь все четверо, выучим песню завтра. Я устала.

Она смотрела на них, пока они наперегонки спускались с лестницы. Лора и Жослин уже сидели в гостиной. Они встретили ребяташек и стали делать им замечания. Эрмин не сводила глаз с Мадлен.

— Боже правый, ты тоже ее видела! Могу рассказать тебе, что произошло вчера, когда Мукки нашел револьвер. Я не хотела никому говорить, боялась, что меня сочтут сумасшедшей. Я видела ее еще раньше, в тот вечер, когда сильно плакала.

Услышав о трех появлениях Кионы, кормилица замолчала, словно ее обуял священный ужас. Она боялась даже взглянуть на Эрмин.

— Скажи мне, что все это означает, Мадлен? Тала не слишком удивилась. Она объяснила мне, что ваши шаманы умеют вот так перемещаться. Но это же невозможно, согласишься!

— Дух могущественнее тела! — возразила наконец молодая индианка. — А Киона — необычная девочка, это уж точно! Дважды она приходила, чтобы защитить, утешить, но сегодня... Думаю, ей просто хотелось развлечься.

Эрмин покачала головой. Она больше не могла ни усомниться, ни поверить в проявление божественной сути.

— Я часто сравниваю ее с ангелом, — добавила она. — Однако я никак не могу понять, что мы испытываем перед неведомым, перед высшей тайной — неслыханную радость или священный ужас? На сей раз еще было светло, я не плакала навзрыд, не мечтала о ее появлении. Но как это все происходит? К тому же на улице такой снегопад!

Мадлен сочувственно улыбнулась и взяла руки подруги в свои.

— Я больше, чем ты, склонна верить в подобное, даже если не видела этого своими глазами. Для индейцев мир сам по себе огромная тайна, и его секреты для нас непостижимы. Всеми нашими поступками управляет Великий Дух. Возможно, Киона подчиняется каким-то законам, которые выше ее собственного понимания. И на мой взгляд, снег вовсе не препятствие... Не плачь, нужно радоваться, что она наделена такими способностями.

— Пока не могу, — отрезала молодая женщина, вытирая слезы. — Я хотела предупредить Талу. Но она просила меня больше не призывать Киону, оставить ее в покое. В тот вечер, когда я так грустила, это правда, я произнесла ее имя, звала ее на помощь. Но с тех пор я делаю над собой усилия, стараюсь отогнать мрачные мысли, чтобы проявить уважение к желанию ее матери. Но от этого ничего не меняется. Завтра я пойду в Роберваль на снегоступах, если потребуется!

Кормилица не успела ответить. Снаружи раздался нестройный лай. Сердце Эрмин сжалось. Раньше она подумала бы, что на упряжке вернулся Тошан, но ее муж был далеко.

— Это Пьер Тибо! — воскликнула кормилица, взглянув в окно. — Он привез собак и сани Тошана! Но там две упряжки. Кто-то приехал вместе с ним... Кажется, узнаю! Это Овид Лафлер!

— Пойдем, Мадлен, поздороваемся с ними. Они приехали вовремя. Завтра, если никто не сможет отвезти меня в город, я поеду на собаках.

Молодая женщина почувствовала некоторое удовлетворение при мысли, что снова увидит учителя, который так ей понравился. Она испытала огромное облегчение, увидев собак, принадлежащих ее мужу. Погладить старого Дюка или красавчика Кьюта, эскимосскую лайку с голубыми глазами, означало стать ближе к Тошану.

Она закуталась в шаль, накинув ее на голову, обула меховые сапоги. Мадлен тоже оделась. В ту минуту, когда они открывали дверь, ведущую на крыльцо, их буквально сбил с ног Мукки. В домашних тапочках, с непокрытой головой он бросился к первой упряжке, чтобы обнять Дюка, — так он любил этого огромного зверя с волчьими повадками!

— Дюк, мой Дюк! — повторял он.

— Боже милостивый! — воскликнула Эрмин, растрогавшись. — Мукки, разве можно выходить на улицу в таком виде? Ты простудишься! Иди оденься и возвращайся! Предупреди дедушку.

Никогда еще ребенок не был таким послушным.

— Здравствуйте, дамы! — произнес Пьер, приподнимая фуражку. — До вас не так-то просто добраться! Столько снега навалило. Но я обещал привезти собак, сказано — сделано!

Эрмин поблагодарила Пьера без особой теплоты.

У нее до сих пор кошки скребли на душе от его критических замечаний в адрес Тошана. Но она широко улыбнулась Овиду, стоявшему в стороне.

— Нужно запереть собак и накормить их, — сказала она. — Когда все будет закончено, господа, я напою вас хорошим кофе. А у Мирей наверняка еще найдется печенье.

Молодая женщина погладила сначала Дюка, а потом Кьюта. Остальные собаки узнали ее и радостно залаяли. За несколько минут всю ее запылило снегом. Мадлен стояла рядом, устремив на Пьера взгляд своих черных глаз.

— Мой кореш Овид приехал со мной. Он потом отвезет меня домой, — объяснил Пьер. — А если начистоту, я уверен, что он надеялся увидеть Соловья из Валь-Жальбера. Это потому, что ты настоящая звезда. Этот парень еще не пришел в себя после того, как трепался с тобой по дороге с Перибонки в Роберваль. — Пьер грубовато захохотал, но Овид внезапно смутился, став совсем пунцовым.

— Да вы не слушайте его! — воскликнула Эрмин. — Пьер, как всегда, дразнится.

Она проводила гостей до псарни. Жослин присоединился к ним вместе с Мукки, который бежал впереди. Освободившись от упряжи, Дюк кинулся к конуре, построенной посреди зарешеченного загона.

— А у старины Дюка хорошая память! — заметил Пьер.

— Да, прошло уже пять лет, а он ни секунды не колебался, — добавил Жослин. — Мирей готовит корм для собак, а я принесу им воды.

Поговорили еще о ненастье последних дней, предвещавшем новые

непогоды, и, конечно же, о войне. Эрмин хотела вернуться в дом, помочь экономке. Но Мадлен задержалась под предлогом того, что нужно присмотреть за Мукки.

— Не хочу, чтобы он опять что-нибудь натворил, — стала оправдываться она.

Через четверть часа Пьер и Овид вошли в гостиную, чувствуя себя неловко в своих грубых сапогах. Лора, все такая же изысканная и грациозная, приняла их весьма любезно. Молодой учитель потрясенно разглядывал роскошную обстановку, в которой очутился. Он никогда еще не видел, чтобы в одном помещении было собрано столько прекрасных вещей.

— Можно подумать, что ты в кино, — сказал он, не зная, куда девать перчатки и ушанку, которые снял, войдя в дом.

Польщенная Лора рассмеялась, а потом доброжелательно осмотрела Овида. С шапкой каштановых волос, гармонирующих по цвету с бородой, он показался ей чересчур худым. Растерянный взгляд его зеленых глаз выдавал сдержанную натуру. Она ни на секунду не заподозрила, что он терялся в присутствии Эрмин.

«В молодости я вела бы себя точно так же, как он, если бы очутилась в богатом доме, — подумала она. — Моя семья в Бельгии так нуждалась! Вот они, прихоти судьбы! Я вышла замуж за Фрэнка Шарлебуа, когда страдала амнезией, а после его смерти унаследовала все его состояние».

От этой мысли Лора еще больше смягчилась. Она указала молодому человеку на стул.

— Садитесь, поужинаем все вместе в хорошей компании, — предложила она. — Вы знаете, Овид, что в ваши годы я работала официанткой в трактире в Труа-Ривьер^[25] и спала на циновке? Но время идет вперед. Может быть, через двадцать лет вы станете знаменитым актером или известным промышленником!

— Лора, этого парня такие вещи не интересуют, — перебил ее Жослин. — Вы откуда родом, Овид?

— Я вырос неподалеку от Дебьена, — ответил молодой человек. — Мой отец работал на лесопилке на берегу реки Метабетчуан. Мне там нравилось. Мы жили неподалеку от Приюта Фей^[26].

Дети, находившиеся тут же в комнате, широко открыли глаза, когда услышали последние слова.

— Приют Фей? — повторила Эрмин. — А что это?

— Такая пещера, моя дорогая, — пояснил Жослин. — Я бывал там, это

рядом с Дебьеном. Изумительное место, еще более нетронутая природа, чем в Валь-Жальбере. А пещера довольно глубокая. И попасть в нее непросто. Я лично не отважился.

Конец разговору положило появление Мирей с двумя блюдами блинчиков, политых кленовым сиропом.

Эрмин порадовалась этой паузе. И хотя не могла забыть о таинственном появлении Кионы, по крайней мере, слегка отвлеклась. Но ей было не по душе молчание Овида. Он проявил свое красноречие, только когда они были наедине, во время поездки на санях, теперь же довольствовался тем, что слушал то одних, то других, но не уделял ей особого внимания. Как ни странно, это ее задело.

«Я не должна принимать это всерьез, — укоряла она себя, — можно подумать, что я стремлюсь понравиться всем без исключения... Нет уж, во всяком случае, не всем... Compliments Пьера приводят меня в замешательство, а когда он в упор разглядывает меня, это и того хуже... Но Овид Лафлер совсем другой. Я редко встречала мужчин, похожих на него. Мне кажется, мы думаем одинаково».

Погруженная в свои мысли, она не заметила, что учитель смотрит на нее не отрываясь. Он явно любовался ее тонким профилем, ее длинными светлыми ресницами. Интересно, заметила ли это Лора?

— А где вы сейчас живете, Овид? — спросила она властно.

— Когда моя мать овдовела, она переехала в Сент-Хэввидж. Мы с супругой живем у нее.

— А, так вы женаты? — спросила Лора многозначительно. — Ну что ж, в вашем возрасте это неизбежно.

Уязвленная Эрмин вздохнула. Чтобы прекратить материнский допрос, она резко поднялась.

— Овид, когда вы любезно вызвались отвезти нас в Роберваль, моя подруга Мадлен попросила меня спеть, а я отказалась. Но я хочу исполнить несколько вещей сегодня, в знак благодарности. А также для тебя, Пьер.

Она добавила это, чтобы отвлечь внимание. На самом деле ей хотелось петь для одного Овида. Так она могла показать ему свой талант, стремление забыть все горести ради искусства.

— Что-то оперное? — воскликнул Жослин. — Лакме...

Эрмин замешкалась, но тут Овид высказал свое пожелание.

— Мадам, вы не знаете песню «Голубка»?^[27] Она меня всегда трогала до глубины души.

— Прекрасный выбор! — согласилась Эрмин.

О, голубка моя,
Будь со мною, молю,
В этом синем и пенном просторе,
В дальнем родном краю.
О, голубка моя,
Как тебя я люблю,
Как ловлю я за рокотом моря
Дальнюю песнь твою.

Удивительно чистый голос молодой женщины поднимался все выше. Каждое слово сопровождалось душераздирающей нотой, передающей отчаяние, выраженное в словах песни. Но, как ни странно, образ Тошана не возникал перед ее мысленным взором, хотя слезы застилали глаза. Она думала обо всех несчастьях, которые происходят на земле, и замолчала после второго куплета.

Мирей не могла сдержаться и зааплодировала, к ней присоединился Жослин. Дети тоже захлопали в ладоши.

— Спасибо, — просто сказал Овид.

Но его зеленые глаза говорили больше, Эрмин это поняла.

Она вернулась на свое место в смятении, заметив, что Мадлен села возле Пьера и то и дело посматривает на него.

— Ну что ж, пора в дорогу, — сказал тот. — Мадам Лора, месье Жослин, до скорого!

Овид Лафлер так сильно пожал руку Эрмин, что ее бросило в краску. Как только молодые люди вышли, она отвела Мадлен в сторону, к окну. Кормилица казалась помрачневшей, а это подтверждало опасения Эрмин.

— Мадлен, у тебя есть от меня секреты? — спросила она шепотом.

— Вовсе нет! Почему ты так говоришь?

— Ты только что выглядела не такой, как обычно. Я, конечно, могу ошибаться, но, по-моему, ты равнодушна к Пьеру.

— Какая чушь! — живо возразила Мадлен и быстро ушла.

Реакция женщины подсказала Эрмин, что ее наблюдения не лишены оснований. Она поднялась наверх вслед за подругой и заставила ее зайти в свою спальню.

— Мадлен, ты мой друг. И не должна стесняться, если тебе понравился мужчина. Кроме того, я чувствую себя ответственной за твою жизнь. Из-за меня ты отказалась от религиозного поприща. В моем доме

тебе поневоле приходится вести обычную мирскую жизнь. И если ты захочешь выйти замуж, это не преступление. Но только не Пьер, у него жена и уже четверо детей!

Молодая индианка сидела, сложив руки на груди, но при этом согнулась, словно под бременем какого-то невидимого груза. На нее жалко было смотреть.

— Я верую только в нашего Господа Иисуса Христа! — убежденно произнесла она. — Ни один мужчина не сможет меня соблазнить. И я прекрасно знаю, что у Пьера жена и дети.

По ее щекам текли крупные слезы. Растроганная Эрмин притянула ее к себе.

— Ты немного влюблена в него, не стыдись признаться в этом! — сказала она ей на ухо. — Бедная моя подружка, мы часто влюбляемся вопреки своей воле.

— Отвези меня в церковь! Мне нужно исповедаться. Земная любовь — это только иллюзия! А Пьер смотрит только на тебя, слушает каждое твое слово. И Овид Лафлер тоже. А ведь и он женат. О, Эрмин, прости, что я это говорю. Теперь ты будешь меня презирать. Прости!

Она высвободилась из объятий подружки, чтобы как следует выплакаться.

— Пьер? — удивилась та. — Ты заблуждаешься, Мадлен. Он друг Тошана. И Овида, кстати. Если бы я тебе поверила, то меня распирало бы от гордости.

Несмотря на это заявление, она должна была признать, что иногда Пьер действительно ведет себя двусмысленно. Он был первым мальчиком, с которым она поцеловалась лет десять назад. Она также не могла отрицать того, что Овид достаточно выразительно смотрит на нее, не говоря уже о его дерзком пожатии ее руки.

— Мы больше не увидим их зимой, — сказала она громко, словно желая уверить саму себя. — Прошу тебя, Мадлен, не терзайся. Ты пойдешь на исповедь, а я буду держать Пьера на расстоянии, даже если он придет в Валь-Жальбер. Это женатый человек, и ты должна образумиться. Одно я знаю точно: ко мне он испытывает только дружеские чувства. Ничего больше. Не грусти, ты не отступила от своей веры!

— Еще как! — запричитала кормилица. — Мне так стыдно! Я вошла во вкус этой роскошной жизни, которую ты мне обеспечила: прекрасные гостиницы, вкусная еда, выезды в город. Если бы я не была так привязана к тебе и твоим детям, я скоро ушла бы в монастырь.

— И это было бы нечестно с твоей стороны, потому что ты просто

старалась бы убежать от своих проблем. Мадлен, дорогая, ты мне как сестра, без тебя я бы совсем пропала. Я рассталась с Тошаном, даже не знаю, как надолго. Пожалуйста, не покидай меня и ты! Если хочешь, мы завтра поедем вместе в Роберваль и ты сможешь исповедаться в церкви Нотр-Дам, недалеко от улицы Сент-Анжель.

Молодая индианка грустно покачала головой:

— Нет, ты не можешь взять меня с собой. Люди, которые разыскивают Талу, возможно, знают меня. Если они увидят нас вдвоем, и нам, и Тале с Кионой будет грозить опасность.

Эрмин пожалала плечами. Ей надоело дрожать и бояться. Внезапно развеселившись, она обняла Мадлен за плечи.

— Рискнем! — предложила она. — Я достаточно переодевалась на сцене и смогу изменить твою внешность. Чуть-чуть воображения, и ты себя не узнаешь! Ну-ка, вытри слезы...

Возбуждение и энтузиазм Эрмин передались Мадлен. Словно два подростка, они начали со смехом обсуждать свою дерзкую затею. Вечером Жослин пытался отговорить их от этого плана:

— Завтра я отвезу тебя в Роберваль на машине, дочка. Начальник полиции уже торопит меня. Он ждет наших показаний. Пробудем там, сколько потребуется. Дорога наверняка будет труднопроходимой после этих снегопадов, но мы все равно поедем. А я воспользуюсь случаем и навещу свою крестницу. Как ты думаешь, Кионе понравится книжка с картинками?

Он явно провоцировал Лору, которая состроила недовольную мину. То, чего она больше всего боялась, должно было произойти. Но она знала, как наказать мужа.

— Мне очень жаль, но это невозможно, — возразила Эрмин. — Мы на рассвете поедем с Мадлен на собачьей упряжке. Ты не нужен начальнику полиции. И не волнуйтесь, у меня есть свой ангел-хранитель...

Это было сказано твердым и не допускающим возражений тоном. Жослин сдался, но, казалось, он искренне огорчен. Лора не удержалась от торжествующей улыбки. Ни тот, ни другая не задали вопроса об ангеле, который охранял их дочь.

Глава 7

В сторону Роберваля

Валь-Жальбер, дом Шарденов, в тот же вечер

Эрмин решила поехать в Роберваль вдвоем с Мадлен. Но они забыли о Мирей, у которой вошло в привычку прислушиваться к чужим разговорам во время своих перемещений из кухни в столовую. Раздраженная быстрой капитуляцией хозяев, она выросла перед ними, руки в боки.

— Знаю, что вмешиваюсь не в свое дело, — начала она, — но очень хотелось бы понять, почему, мадам, вы разрешаете вашей дочери пускаться в такую опасную поездку! Всего неделя прошла, как эти бандиты напали на нее на дороге, и уже все забыто! Я вот считаю, что это дико, даже несмотря на то, что уважаю вас.

— Но, в конце концов, Мирей, это вас совсем не касается! — вскричала Лора.

— Ах вот как! — парировала экономка. — Хорошо! Раз это меня не касается... Я знаю Эрмин с пятнадцати лет, такая славная была барышня, старательная, милая-премилая, и с тех пор я полюбила ее как родную. Можете меня выгнать, если хотите, но говорю вам, что одни, без мужчин, они не должны ехать так далеко, пусть с ними поедет месье или кто-то из сыновей Маруа.

Жослин одобрительно закивал головой. Эрмин не ожидала, что Мирей вмешается в разговор.

— Мирей, нельзя же постоянно всего бояться! Будет светло, и собаки при мне.

— Собаки в упряжке, привязанные к саням, не смогут тебя защитить, моя милая! — взвилась экономка. — Чувствую, что это не по-людски. Все теперь идет наперекосяк. Эти мерзавцы пытались убить Шинука, Мукки баловался с заряженным револьвером, и никогда еще не выпадало столько снега, как этой зимой. Тут без черта не обошлось, вот что я вам доложу!

Мадлен перекрестилась в ужасе от таких слов. Дети стали встревоженно оглядываться.

— Не рассказывай сказок! — отрезала Лора жестко. — Допускаю, что в одном ты права, Мирей. Эрмин не должна ехать без защиты. У меня

возникла хорошая мысль! Мы с Жослином поедem за ними на машине. Онезим ездил вчера на грузовичке с полозьями. Не знаю, как еще эта машина не развалилась, но мы можем поехать по ее колее. А потом сядем на поезд до Шикутими. Я сделаю там кое-какие покупки...

— Лора, послушай, — запротестовал Жослин, — во-первых, откуда тебе так точно известно о перемещениях Онезима? Во-вторых, зачем нам ехать в Шикутими? В Робервале тоже есть магазины.

— Я часто не могу найти там то, что мне нужно, — ответила она. — Возьмем с собой Луи. Правда, мой маленький, тебе хочется поехать на поезде с папой и мамой?

Эрмин растерялась. Это окончательно разрушало ее планы.

— Но, мама, а кто тогда будет присматривать за моими детьми? Кто защитит нас на обратном пути?

— Мадлен займется ими, в общем-то, это ее обязанность. Не понимаю, с какой стати ей отправляться на прогулку в город? На обратный путь я организую тебе эскорт. Если потребуется, заплачу.

Разозлившись, молодая женщина выскочила из-за стола, бросив салфетку в тарелку, отошла на несколько шагов назад и смерила мать презрительным взглядом.

— Мадлен сестра моего мужа, а не прислуга. И имеет право выходить за порог этого дома. Делайте, как вы с папой считаете нужным, а я поступлю так, как я решила.

Она выскочила в коридор, схватила с вешалки пальто и надела сапоги. Несколько секунд спустя хлопнула дверью и спустилась по ступенькам крыльца. Оставшись одна, она почувствовала облегчение.

«Война, не война, нужно было оставаться у себя в лесу, — говорила она себе. — Я уже вышла из того возраста, когда со мной обращались как с ребенком. Мама становится невыносимой!»

Небо было чистым, ни облачка, кое-где блестели серебристые звезды. Только что выпавший, ослепительно белый снег поскрипывал под ногами. Было очень холодно, но это не смущало Эрмин. Она испытывала какое-то странное удовлетворение, приближаясь к приходской школе, не отрывая взгляда от струйки дыма, поднимавшегося из трубы дома Маруа.

«Я должна была показать мою школу Овиду, — подумала она. — Такое величественное здание, а сестры так прекрасно преподавали! Жозеф Маруа был прав, когда советовал мне стать учительницей. Замечательное занятие!»

Молодая женщина остановилась на несколько мгновений, словно оцепенев. Она снова вообразила себя наедине с Овидом, представила, как

она говорит с ним.

«Что со мной происходит? — испугалась она. — Да, он мне нравится, только и всего! Нет, конечно, он мог мне понравиться раньше или если бы я не была замужем за человеком, которого обожаю... Если, если... Наверное, меня очаровывает его деликатность. Он попросил, чтобы я спела «Голубку», такую нежную, такую грустную песню... На самом деле, ничего дурного я не сделала. Имею же я право восхищаться кем-то!»

Она снова зашагала вперед энергичной походкой, отгоняя от себя смутное чувство вины.

«Бетти не должна еще спать, она часто засиживается допоздна по вечерам. Дорогая моя Бетти! Я обязана держать свое слово и уделять ей больше времени! Уверена, что она не откажется присмотреть за Мукки и девочками».

За занавесками горел свет и вырисовывался женский силуэт. Элизабет сразу же открыла дверь.

— Входи скорее, Мимин! Я видела, как ты идешь сюда. Я уже собиралась спать, но ты меня знаешь, последний раз решила посмотреть, что там делается на улице. Старая привычка! С тех пор как поджидала, когда вернется Жо. Что ты бродишь одна так поздно? Тута уже все легли.

— Кроме тебя, моя дорогая Бетти.

— Я вязала возле печки, я всегда вяжу и обдумываю дела на завтра!

У Маруа ничего не менялось. Эрмин казалось, что она вернулась в детство, когда жила здесь, в гостиной, которую для нее переделали в спальню. Календарь на стене, часы, кресло-качалка находились там же, где и раньше.

— Хочу попросить тебя об одной услуге, Бетти, — сказала она тихо. — Не могла бы ты взять к себе завтра Мукки и близнецов? Мирей привела бы их после завтрака.

— Да с радостью! Мне даже приятно будет! И Мари все ныла, что хочет пойти в гости к твоему сыну... Уверяю тебя, мне твои дети ничуть не в тягость. Смогут в снежки поиграть, если ночью не подморозит.

Эрмин вкратце объяснила причину своей просьбы и нашла в Бетти понимание и отклик.

— Я согласна с Мирей, — добавила та. — Я готова держать ребятишек у себя хоть два дня, но при условии, что одна ты в Роберваль не поедешь. Мы так за тебя испугались, Мимин! Хочешь чаю? Я только что заварила, еще горячий! Можно немного посудачить...

— Да, конечно, спасибо!

Как в доброе старое время, они сели друг против друга и стали

шепотом разговаривать.

— Я не всегда чувствую себя свободно у мамы, — заявила молодая женщина. — Я ее люблю, но она слишком меня опекает. Она очень властная. Этой зимой я рассчитываю много ездить. Дам концерт в санатории в Робервале. Ты знаешь, кого я встретила? Бывшую настоятельную приходской школы сестру Аполлонию! А еще сестру Викторианну, послушницу монастыря. Я была так взволнована, почувствовала себя с ними маленькой девочкой!

Бетти мечтательно слушала, охваченная ностальгическими чувствами.

— Мне так повезло, что я стала твоей опекуной, Мимин! Ты никогда не жаловалась, даже когда работала из последних сил... Да, кстати! Шарлотта, наверное, уже сообщила тебе радостную новость. Она скоро обручится с Симоном. Потребовалось немало времени, чтобы наш старший сын решился на это. Помнишь, сколько блондинок у него перебивало? И всегда все заканчивалось одинаково: утверждал, что с девушкой что-то не так. Думаю, с Шарлоттой он будет счастлив. Я-то сама очень ее люблю, эту красотку! Серьезная девушка, образованная. Это я открыла на нее глаза моему Симону.

— Как это? — удивилась Эрмин.

— Описала ему хорошие качества Шарлотты, сказала, что она любит его всем сердцем. И что к тому же ее брат оставляет ей дом Лапуантов. Онезим и Иветта переезжают в дом ее отца, каретника. Я это рассказала Симону. А он ведь спит и видит, как бы обосноваться в Валь-Жальбере. Теперь у него будет два прекрасных участка земли в придачу.

— Я этого не знала, — заметила молодая женщина.

Она вспомнила счастливое лицо Шарлотты, когда та говорила ей о своей скорой помолвке.

«А я-то, всецело занятая Талой и Киной, резко ее одернула, — подумала она со стыдом. — Мы поговорили об этом чуть позже, но я даже вопросов не задала, ни где, ни на что они будут жить».

— Скажи мне, Мимин, — продолжала Бетти, — когда Шарлотта выйдет замуж, она ведь не будет больше ездить с тобой ни в Квебек, ни в другие города? Я знаю, что она работает у тебя гримершей, но тогда это уже будет невозможно. Надеюсь, я скоро стану бабушкой.

— Посмотрим, они еще не поженились, — ответила Эрмин. — А теперь, когда идет война, вообще трудно загадывать на будущее. Мой импресарио Октав Дюплесси больше не объявляется. Должно быть, вернулся во Францию.

— Ты права, посмотрим! Но я подумала, раз ты поедешь завтра в

Роберваль, ты не смогла бы привезти мне оттуда красную ленту? Зайди в галантерейный магазин «Времена года» к мадам Терезе. Она такая славная! Когда мне удастся вырваться в город, она всегда находит время поговорить со мной и с другими клиентками.

— Я привезу ленты тебе в подарок, в возмещение причиненных детьми убытков, хотя надеюсь, что они все-таки будут хорошо себя вести. Пожалуйста, не стесняйся и как следует отчитай их, если они не будут тебя слушаться.

Они тихо рассмеялись. Эрмин ушла, еще раз поблагодарив Бетти и нежно поцеловав ее.

Но, опять оказавшись одна на улице Сен-Жорж, она сбросила с себя эту наигранную веселость, и ее лицо приняло озабоченное выражение. Ее охватило какое-то необъяснимое беспокойство, касающееся Шарлотты.

«Я хорошо знаю Симона. Это очень на него похоже — поступиться чувствами ради материальных интересов. И все-таки это было бы очень нечестно! Я заставлю его сказать мне правду. Если моя Лолотта начнет страдать из-за него, он будет иметь дело со мной».

Молодая женщина неожиданно поняла, что у нее совсем не остается времени оплакивать собственную судьбу. Мадлен, казалось, влюблена в Пьера, Шарлотту, возможно, ожидает весьма сомнительное счастье. Да и сама она с изумлением обнаружила, что предается мечтам о малознакомом человеке с зелеными глазами. Удрученная этой мыслью, она шла по аллее, ведущей к дому. Услышав звук ее шагов, в загоне залаяли собаки.

— Тихо, Дюк, это я! — прикрикнула она. — Я одна-одинешенька!

Цитадель, понедельник, 18 декабря 1939 г.

Шел снег. Тошан вытянул руку и поймал на лету несколько снежинок, которые растаяли у него на ладони. Прикрыв глаза, красавец метис курил сигарету, представляя себе глухой лес в эти зимние дни, когда он отправлялся на снегоступах в самую чашу. Военная жизнь еще не вытравила в нем потребность в свободе, огромных пространствах, тишине и одиночестве. Самым неприятным для него было тесное соседство с другими солдатами. За исключением времени, отведенного на довольно сложные тренировки, что оказалось совсем не простым делом в такую холодную погоду, он плохо переносил этот почти не прекращавшийся гул, производимый десятками мужчин, собранных вместе — они кричали, смеялись, кашляли и спорили далеко за полночь.

Не желая нарушать своих обязательств, Тошан попытался отогнать от себя тоску. Он еще не написал Эрмин, но постоянно думал о ней.

«Что она сейчас делает? — спрашивал он себя в тишине. — Я так доволен, что она теперь в Валь-Жальбере с родителями, рядом с Бетти и Шарлоттой. Насколько я ее знаю, она должна просыпаться в слезах, а потом упрекать себя за слабость».

Разлука делала его сентиментальным. Из мужской гордости он тщательно скрывал свою грусть, но случившееся накануне событие заставило его частично приоткрыть завесу над своей личной жизнью, что страшно огорчало его. Гамелен, неисправимый болтун, рассказал всем, что солдат Дельбо — муж знаменитой певицы, прозванной в их краях у озера Сен-Жан Снежным Соловьем.

Один из офицеров спросил, кто эта певица.

— Это Эрмин Дельбо, — вынужден был признаться Тошан.

— Вы и вправду ее муж? Я имел счастье слышать ее в «Травиате» два года назад в театре Капитолий. Какой замечательный голос! Я был с матерью и женой, и они тоже были сражены наповал. А можно получить фото с автографом?

Донельзя смущенный, он ответил, что попросит об этом Эрмин в письме. Офицер, казалось, был на седьмом небе от радости, хотя с некоторым изумлением поглядывал на красивого молодого человека, происхождение которого не вызывало сомнений. В глубине души он решил, что звезды, видимо, ведут не такую жизнь, как простые смертные, а иную, исполненную страстей. Он попрощался и удалился с довольным видом. Но Гамелен и двое других солдат, присутствовавших при разговоре, не могли отказать себе в удовольствии подразнить Тошана.

— Пиши это письмо как можно быстрее, Дельбо! — приказал Гамелен, с важным видом выпучив глаза. — Господин офицер во что бы то ни стало желает получить автограф! Эй, парни, если бы вы видели его блондинку, настоящая красавица! Будем надеяться, что без тебя она не запоет от удовольствия, пока ты по своей глупости трубишь в казарме.

— Послушай, заткнись, — проворчал Тошан. — Тебе просто нейдет от зависти, потому что с твоей рожей тебе никогда не заполучить блондинку, это всем известно...

Реплика солдата Дельбо вызвала взрыв язвительного смеха. В тот вечер Тошан заработал восхищение и уважение всего гарнизона. Но Шарль Лафлеш, уроженец Труа-Ривьер, нашел новый повод поиздеваться над молодым метисом, от которого уже однажды получил в награду здоровый синяк на носу, а также незатянувшуюся рану на верхней губе. В это утро, за

четверть часа до тренировки он с радостью увидел, что Тошан в одиночестве курит перед дверью здания, где разместились новобранцы.

— Ну что, чернявый, думаешь, теперь все пойдет как по маслу? И все потому, что женат на пустышке! Скажу тебе, Дельбо, женщины, которые играют комедию и распевают песенки — все оторвы! Все размалеваны, сиськи наружу и...

Тошан схватил противника за воротник. Они были одного роста и смотрели друг на друга с неистребимой ненавистью.

— А ну, сволочь, повтори, что ты сейчас проблеял! — угрожающе произнес Тошан. — Можешь оскорблять меня, если больше делать нечего, но не советую говорить пакости про мою жену, иначе...

— Иначе что? — спросил тот. — Пожалуйся на меня господину офицеру?

— Иначе я придушу тебя ночью и скажу, что ты повесился. Я не шучу. Ты должен был бы знать, что дикарь из Монтанье способен на все. — С этими словами он изо всех сил ударил Лафлеша головой в лоб, так, что тот заорал от боли. Он с испуганным видом смотрел на Тошана, потому что бешеный взгляд Метиса подтверждал высказанные угрозы.

— Я пожалуюсь капралу! — пролепетал тот.

— Главное, не беспокойся, — продолжал солдат Дельбо с сардонической усмешкой. — Никто не удивится, что человек покончил жизнь самоубийством, если ему в тягость военная служба.

Шарль Лафлеш в ужасе попятился. Он всегда думал, что индейцы — отродья дьявола. Теперь он получил доказательство. Но после этого сведения счетов Тошан с ним дела не имел.

Роберваль, в тот же день, понедельник, 18 декабря 1939 г.

Когда Эрмин остановила сани возле дома на улице Сент-Анжель, где жила ее свекровь, по легкому колыханию занавески на окне она поняла, что ее приезд не остался незамеченным. Кроме того, Дюк лаял во всю мочь.

— Дюк, молчать! — прикрикнула она. — А я ведь не хотела привлекать к себе внимание!

— Незачем волноваться, — сказала Мадлен очень тихо. — Упряжка из шести собак — эка невидаль в этих краях!

Женщины обменялись заговорщическими взглядами. Их трудно было узнать. На обеих были куртки с большим капюшоном, накинутым на голову, на волосы натянута шерстяная шапочка. Пол-лица закрыто шарфом.

Из-за фасона брюк обеих можно было принять за подростков.

— Сейчас отведу собак на задний двор, — сказала Эрмин. — Тала тебе откроет, входи скорее, я сейчас приду.

Мадлен не заставила себя просить. В ту минуту, когда она скрылась внутри дома, на улице, затянутой ледяной коркой, показался большой черный автомобиль. Это был автомобиль Шардена.

Лора и Жослин эскортировали упряжку до Роберваля. Успокоенные, что с Эрмин все в порядке — она утвердительно махнула им рукой — они теперь медленно ехали по направлению к улице Сен-Жорж, к вокзалу. Луи чинно восседал на заднем сиденье. Мальчик, который был очень весел в течение всей поездки, внезапно растерялся, увидев за занавеской силуэт девочки. Он хотел сказать об этом родителям, но они спорили, обсуждая расписание поездов на Шикутими. Луи молчал, охваченный ощущением счастья. Он спрашивал себя, не предстал ли пред ним ангел, потому что казалось, что эта девочка излучала сияние. У нее были золотистые волосы и кожа, и он не мог забыть ее улыбку. На минуту ему показалось, что эта замечательная девочка и есть та самая Киона, о которой рассказывали Мукки и близнецы.

— Я видел ангела, — прошептал он.

Ни Лора, ни Жослин не обратили внимания на его слова, Луи часто бормотал какие-то фразы или считалки.

А Эрмин тем временем приказала собакам остановиться. Собаки, знавшие эту команду, тут же улеглись на толстый, освещенный солнцем слой снега на заднем дворе.

— Отлично! — сказала она, улыбаясь от радости. — До чего вы славные звери!

Молодая женщина пошла в дом через дровяной сарай, дверь в который была приоткрыта. Тала ждала ее в полутьме среди поленьев, поднимавшихся до потолка.

— Эрмин! Как я хотела увидеть тебя! — вскричала индианка взволнованно. — Я хотела поговорить с тобой с глазу на глаз. Мне очень жаль, что я причинила тебе столько беспокойства, поверь мне. Мадлен сейчас с Кионой, у нас есть несколько минут.

— Тала, мне кажется, я догадываюсь, о чем ты хочешь со мной говорить. Отец рассказал мне правду. Я знаю, что ты испытала, когда была совсем юной и беззащитной, и теперь я гораздо лучше понимаю тебя. Ты иногда казалась мне жесткой, отстраненной, несправедливой по отношению к нам, белым, но это понятно. Ты, должно быть, столько перестрадала... Насилие — это ужасное испытание. Когда эти типы

наступали на меня, мне стало очень страшно. Они называли меня красавицей, но меня пугало выражение их глаз. Я от всего сердца жалею тебя. И понимаю, что тебе хотелось мстить!

Индианка неотрывно смотрела в одну точку глазами, полными слез.

— Это не было желание, скорее необходимость, иначе я не смогла бы жить дальше. Я должна была подавить в себе стыд и ярость. Мне удалось многое забыть с годами, но страшный огонь вспыхивает вновь, желание мстить целиком завладело мной. Круг! Замкнутый круг^[28]! Я отомщена, но сейчас другие жаждут мести. Девочка, мне стало намного легче оттого, что ты знаешь теперь мою тайну. Прошу тебя, ничего не говори Тошану! Он до сих пор не простил меня за твоего отца, я это чувствую. Мой сын стал совсем другим, не таким, каким был со мной раньше. Если он узнает о том, что перевернуло мою жизнь и до сих пор мешает мне, станет еще хуже.

— А если он, как и я, ошеломлен, полон сострадания? А если он простил тебе все ошибки? Он должен знать о том, что нам грозит. Но пока не знает. Я написала ему письмо, все рассказала, однако не отослала, потому что не хочу его волновать. Не хочу, чтобы он чувствовал себя виноватым из-за того, что уехал. Я обеспокоена другим. Как эти двое узнали меня? Как они обнаружили, что ты замешана в смерти искателя золота, этого подонка, который изнасиловал тебя? Видно, они хорошо осведомлены, раз подожгли твою хижину и подстерегли меня на дороге в Валь-Жальбер! Сегодня утром я пойду в полицию, дам их описание, по крайней мере, расскажу то, что я заметила.

Индианка грустно покачала головой. Она взяла невестку за руку.

— Не упоминай ни меня, ни Тошана. Шарлотта сказала, что эти двое ищут меня. Магикан застрелил того, кто обесчестил меня, но мой брат мертв и теперь я одна отвечаю за это убийство. Уверяю тебя, Эрмин, в глазах бледнолицых я всего лишь преступница, мне место в тюрьме. Не называй моего имени, не говори об истинной причине нападения на тебя. Заранее прости меня за то, что скажу, но я не верю в правосудие белых по отношению к индейцам, ведь существует столько предрассудков!

— Обещаю тебе сделать все от меня зависящее!

— А что может полиция? — встревожилась Тала. — Да им в жизни не поймать этих двоих! Они-то уж умеют прятаться в лесах! А если все-таки поймают, эти твари донесут на меня.

— Ты права, увы, — согласилась Эрмин. Это ей и в голову не приходило. — Теперь я вообще не знаю, что делать.

— Иди в дом, дорогая моя, в сарае холодно. Я сварю тебе кофе.

— Подожди, — тихо сказала молодая женщина. — Я тоже хочу задать

тебе один вопрос, с глазу на глаз. Что делала Киона в среду днем, когда был снегопад? Около трех? Ты помнишь? И вчера — около четырех. Мне это очень важно!

— Киона спала! — ответила Тала удивленно. — Поскольку здесь, в городе, она не ходит гулять, то играет на медвежьей шкуре возле елки. Часто я захожу и вижу, что она заснула. Здесь очень тепло, Киона сказала мне, что чувствует себя как в гнездышке. А почему это важно?

— Она спала... — повторила Эрмин. — Тала, я должна сказать тебе о том, что происходит. Киона или что-то в ней... Словом, перемещается. Вчера я отчетливо видела ее в детской, когда пела. Она слушала, стоя позади детей. Мадлен тоже ее видела. А в среду Киона вмешалась и не дала Мукки совершить что-то ужасное. Он нашел револьвер моей мамы и мог ранить или даже убить девочек. Мукки спрятал оружие, чтобы прибежать и сказать мне, что пришла Киона и хочет поиграть с ними. Я никому это не рассказывала, только Мадлен. Иначе меня сочтут сумасшедшей!

— А! — только и сказала индианка.

— У тебя есть этому объяснение? — настаивала Эрмин, сбитая с толку этим коротким восклицанием.

— А разве возможно объяснить, почему светит солнце, почему вода в озере замерзает каждую зиму, почему поют птицы? — сказала Тала спокойно. — Ученые произносят речи, пишут книги, чтобы мы поняли, как устроен мир, но на самом деле они этого не знают. Вот, например, нам сейчас кажется, что дерево мертвое, но в мае оно покроется свежими листочками и цветами. Это тоже невозможно объяснить. Киона умеет перемещаться неведомым для нас образом. Когда это делает пожилой, умудренный опытом шаман, я допускаю такое чудо, но мой ребенок еще так мал, это мне не по душе...

Эрмин вздрогнула. Во время их первых встреч Тошан часто говорил о духах, населяющих окружающий мир, небо и землю. Ее муж перенял верования предков — индейцев монтанье и не усматривал ничего необычного в явлениях, которые могли бы вызывать удивление белых людей.

— Но это же чудо из чудес! — согласилась она. — Тала, представь себе то, что чувствую я в такие моменты! Мне кажется, я вижу сон. Ты уверена, что в этом нет ничего для нее опасного?

— Думаю, что нет, — сказала свекровь. — Идем живее, у тебя зуб на зуб не попадает! Киона, наверное, ждет не дождется.

«Вот и все, — подумала раздосадованная Эрмин, — дальше этого разговор не пойдет. Нельзя проявлять излишнее любопытство, когда речь

идет о чуде...»

Через минуту она увидела елку, а Киона бросилась ей на шею.

— Мимин! Как ты смешно выглядишь в этой одежде! И Мадлен тоже! Но ей стало жарко и я помогла ей раздеться.

Кормилица подтвердила это мягкой улыбкой. Ее длинные черные косы были связаны вместе на спине. Но в брюках она стала как-то иначе двигаться, у нее изменилась походка, а довольно большая грудь была стиснута шерстяным жилетом.

— Давай твой шарф, Мимин, — звонко сказала Киона. — Посмотри на мою елку! Шарлотта так замечательно ее украсила!

Перед Эрмин была девчушка пяти с половиной лет, радостная, шумливая, она размахивала руками и прыгала вокруг елки. Прелестный ребенок, одетый в индейский наряд, чуть-чуть отличался от Кионы-видения, сдержанной и молчаливой.

«Или Кионы из моих галлюцинаций! — сказала себе молодая женщина. — Нет, сомнений не остается! Это не галлюцинации, раз Мукки, Мари, Лоранс и Мадлен тоже видели ее».

Мадлен достала два куска фруктового торта, которые Мирей завернула ей в дорогу.

Сняв свой маскарадный костюм, Эрмин уселась на медвежью шкуру. Кончиками пальцев пригладила свою роскошную белокурую гриву, освобожденную от шерстяной шапочки.

— Какая ты красивая, Мимин! — проговорила нараспев Киона. — Мне можно пойти во двор погладить собак?

— Пока нет, — ответила та с сожалением. — Лучше оставаться здесь, в безопасности.

Тала вздохнула. Ей тяжело давалась эта жизнь взаперти, ведь девочка привыкла к полной свободе.

— Потерпи, Киона, — сказала она. — Лучше принеси чашки нашим гостям.

Девочка подбежала к шкафу и достала оттуда посуду. Эрмин осматривалась, чтобы увидеть, как устроилась здесь ее свекровь. Семейство Дунэ, наверное, пришло бы в ужас: их кухня теперь напоминала охотничью хижину. Тала перенесла сюда матрас, который накрыла пестрым покрывалом и волчьими шкурами, и положила возле печки. На окно она повесила «ловца снов» — круги, сплетенные из тростника, между которыми были натянуты нити наподобие паутины. Все это было украшено перьями совы. Тошан утверждал, что ловушки притягивают к себе кошмары и дети лучше спят.

— В общем, Тала, ты пользуешься только одной комнатой, — констатировала Эрмин.

— Да, мне вполне достаточно. Я никогда не могла понять, для чего бледнолицые строят такие большие дома. Одну комнату легче нагреть. Мы с Кионой очень хорошо здесь себя чувствуем.

— Делай, как тебе удобнее. Ты дома.

Мадлен тоже пришла и уселась на шкуру. Они выпили кофе возле елки. Это ужасно понравилось Кионе, которая принялась играть с мячом, набитым опилками.

— Надеюсь, вы будете часто к нам навещать, — сказала Тала, присоединившись к ним. — Ты знаешь, Эрмин, что это подсвеченное дерево стало и моим другом? По вечерам я выключаю верхний свет, остаются только эти маленькие разноцветные лампочки и горит огонь за заслонкой в печке, это так красиво! Странный обычай, но мне он по сердцу.

— Он пришел к нам из стран Северной Европы, — объяснила молодая женщина. — Должна тебе сказать, Тала, что я поставила свою мать в известность о том, что вы с Кионой проведете зиму в Робервале. Я также добилась того, что мой отец будет исполнять свои обязанности крестного и позаботится о вас в случае необходимости. В нашей ситуации необходимо находить правильные решения, забыв о прошлом. Сегодня утром мои родители сопровождали меня сюда на машине.

Эрмин говорила очень тихо, чтобы девочка не слышала, хотя она, казалось, была полностью увлечена игрой. Потом добавила отстраненно:

— Они поехали на поезде в Шикутими. Маме нужно сделать покупки, наверняка это рождественские подарки. Они проведут там два дня.

— Какая глупость! — процедила индианка сквозь зубы. — А кто будет защищать вас сегодня вечером? С кем остались твои дети?

— Не волнуйся, мама все предусмотрела и организовала за несколько минут. Бетти, наша соседка, присматривает за детьми. Ее старший сын, Симон Маруа, уже месяц работает на сыроварне на улице Ганье. Он часто ночует в пансионе, но сегодня заберет автомобиль моих родителей и поедет за нами следом. Кроме того, он и его брат Арман будут ночевать в нашем доме. Знаю, кто этому страшно обрадуется! Шарлотта! Они с Симоном обручились или вот-вот обручатся.

— Ну что ж, твоя мать приняла разумное решение, — вздохнула Тала. — Лора — сильная и гордая женщина. Ну а ты, Мадлен, для чего ты приехала с Эрмин?

— Хотела сходить в церковь исповедаться, — застенчиво прошептала кормилица.

Тала пожала плечами с презрительным выражением лица, но никак не прокомментировала реплику. Услышав эти слова, Эрмин встала, вспомнив о своих обязанностях.

— Я отвезу тебя в церковь Нотр-Дам! — сказала она подруге. — Вернемся в полдень, Тала. Я куплю мяса и сладкого.

— А я могу с вами пойти? — взмолилась Киона, отложив мяч в сторону. — Мимин, возьми меня с собой!

— Не могу, родная! — с сожалением ответила молодая женщина. — В другой раз... Верь мне, девочка.

Киона покачала головой. Она взяла свою куклу и с грустью положила ее на шкуру. Это зрелище разжалобило Эрмин, но у нее не было другого выхода.

Однако чуть позже, когда она высадила закутанную и неузнаваемую Мадлен перед церковью, ее вдруг осенило.

— Гениально! — воскликнула она, направляя упряжку в сторону санатория в Робервале.

Сестра Аполлония приняла Эрмин в большом кабинете, два окна которого, выходящие на озеро, были покрыты изморозью. Старая монахиня, сидя перед большой канцелярской книгой, смущенно улыбнулась гостье.

— Здравствуй, Мари-Эрмин. Очень мило с твоей стороны навестить меня, но нужно было предупредить заранее. У меня совершенно нет сейчас времени.

— Я на минутку, сестра. Я просто воспользовалась тем, что была в городе, и заехала к вам. Я осмотрела часть здания. Этот санаторий — что-то потрясающее, современный и расположен прекрасно.

Взгляд серых глаз сестры Аполлонии за стеклами очков выражал живое одобрение.

— По правде говоря, я просто хотела назначить день концерта, о котором мы говорили в прошлый понедельник. Предлагаю либо тридцатое декабря, либо второе января, если у вас на эти числа ничего не запланировано.

— Тридцатое подходит лучше, дитя мое. Благодарю тебя за готовность посвятить часть своего времени нашим больным. Я буду просто счастлива послушать тебя. Наверное, ты сделала огромные успехи.

Это слово вызвало улыбку Эрмин. Она нашла стул и села, что, казалось, удивило монахиню.

— Тебе нужна дополнительная информация? — спросила она. — Тогда обратись к секретарю.

— Нет, сестра, я хотела поделиться с вами тем, что очень меня волнует.

— Слушаю тебя.

— Так вот. Речь идет о девочке пяти с половиной лет, о которой я говорила вам во время нашей первой встречи. Она мне по-настоящему дорога. Этот ребенок проводит зиму здесь, в Робервале, но она трижды являлась мне в Валь-Жальбере. — Молодая женщина предпочла умолчать о своих родственных связях с Кионой. Это было слишком запутано и наверняка неприятно поразило бы сестру Аполлонию.

— Эти видения были удивительно отчетливы и приходили ко мне, когда я бодрствовала. Мои дети и кормилица тоже ее видели. Это бывает, когда я грущу из-за разлуки с мужем или оплакиваю своего ребенка... или когда возникает какая-то опасность.

— То, что ты описываешь, похоже на билокацию, или двутелесность, — подтвердила сестра Аполлония с недоверчивым видом. — Наша церковь допускает существование этого феномена, но просит нас быть крайне осторожными, поскольку так может проявляться как добро, так и зло.

— Билокация! — повторила Эрмин. — Я никогда не слышала этот термин.

— Это означает «находиться одновременно в двух разных местах». В истории известны примеры билокации, например, случай монахини Агнессы^[29] в XVII веке, которая посетила французского священника Жан-Жака Олье^[30]. Молодая женщина выглядела мертвой или погруженной в глубокий сон, но он отчетливо видел ее живой во время своего отшельничества в Сен-Лазаре; могу также назвать тебе случай Альфонса Лигурийского^[31], который утверждал, что был в Риме у смертного одра папы Климента XIV, тогда как находился в это время во дворце епископа, беседуя с его главным наместником. Это происходило в 1774 году. «Вы думали, я сплю, — сказал он позднее, — но нет, я был возле только что почившего в бозе папы». Через несколько дней стало известно, что и в самом деле, папа умер в тот самый день и в тот самый час.

Сестра Аполлония перекрестилась. Эрмин похолодела. Разве можно сравнить лучезарную маленькую Киону с этими взрослыми и к тому же воцерковленными людьми?

— Кстати, Киона очень умная девочка, — добавила молодая женщина, стараясь доказать свою правоту.

— Дьявол бесконечно хитер, — ответила сестра Аполлония холодным

тоном. — Я не правомочна просвещать тебя, Мари-Эрмин, хотя досконально изучала священную историю. Но пятилетняя девочка — легкая добыча дьявола, впрочем, как и ты сама. Ты живешь в искусственном мире, мире театра. Ты обогащаешься, изображая разные персонажи — более или менее достойные. Я советую тебе обрести прочную веру и посещать службы. Всем известно, что там, где ты живешь, ты в церковь не ходишь.

— Не всегда просто ходить на службу из лесной чащи, но я храню верность слову Божьему! — запротестовала молодая женщина. — А если бы вы увидели Киону, то поняли бы, что она похожа на ангела небесного.

— Ты должна поделиться своими наблюдениями с кюре из церкви Нотр-Дам. Может быть, у него найдутся ответы на твои вопросы. Однако я бы тебе посоветовала как можно скорее отдать это дитя в церковную школу. Киона — не христианское имя!

Эрмин поднялась, испытывая раздражение и озабоченность одновременно.

— Сестра моя, какое значение имеет ее имя? Киона чахнет вдали от близких, вдали от леса. Я сейчас вся на нервах и крайне утомлена. Возможно, у меня просто были галлюцинации. Простите, вы, наверное, сочли меня чересчур доверчивой.

Молодая женщина запуталась в извинениях, так ей не терпелось выйти на свежий воздух, скрыться от пронизательных глаз старой монахини.

«Я ни за что не должна была говорить ей о моей Кионе! Ни за что! — укоряла она себя, выходя из санатория. — Сестра Аполлония не способна понять, кто Киона на самом деле. Как будто дьявол может иметь к этому какое-то отношение! Киона — ангел... Мой ангел!»

Она покинула здание санатория в крайнем раздражении, забыв даже намотать шарф. По аллее шел какой-то человек в коричневом драповом пальто и фетровой шляпе, скрывавшей его лицо. Эрмин не обратила на него никакого внимания, но он помахал ей рукой и она с удивлением узнала Овида Лафлера. Поравнявшись с ней, он слегка кивнул головой.

— Здравствуйте, мадам, — сказал он серьезно.

— Здравствуйте. Как вы элегантны! Если бы вы не помахали мне, я бы прошла мимо, думая, что идет какой-то доктор.

— Вы шутите, я полагаю! — ответил он. — Пальто и шляпа изношены до неприличия. Но я должен солидно выглядеть, одна богатая дама в городе попросила меня давать уроки ее сыну, который здесь лечится. Бедный четырнадцатилетний мальчик страдает чахоткой. А вы тоже навещали больного?

Эрмин ответила не сразу, удивляясь тому, что так радуется этой встрече.

«Мы ведь мало знакомы, а мне хочется ему довериться, — думала она. — Все в его присутствии кажется простым. У него вправду удивительные глаза.

— Я не собиралась заходить в санаторий сегодня, — услышала она свой голос, — но никогда не знаешь, как получится. В тот день, когда вы с Пьером приехали в Валь-Жальбер, я из рук вон плохо исполняла свои обязанности хозяйки дома. Я должна была показать вам приходскую школу, где училась у сестер из Нотр-Дам-дю-Бон-Консей.

— Вы очаровательны! — сказал он очень тихо и покраснел.

Молодая женщина была растрогана. Конечно, Тошан, с его матово-золотистой кожей, никогда не проявил бы так открыто свои эмоции.

— Спасибо! Я немного сомневаюсь на этот счет, учитывая свое одеяние. Сегодня утром я тоже приехала на санях. Мой муж научил меня управлять упряжкой из шести собак.

Овид подумал, что она будет хороша в любом наряде. Он взглянул на часы и вздохнул.

— Должен оставить вас, мадам, — произнес он. — Кланяйтесь своим родителям.

— В следующий раз называйте меня Эрмин! — прошептала она, улыбнувшись. — Мы почти ровесники, а я ведь не называю вас «месье».

Он вспыхнул от радости. Молодой учитель не был красивым, однако излучал необъяснимую привлекательность.

— Прежде чем мы попрощаемся, могу я задать вам вопрос? — спросила она.

— Разумеется.

— Вам известен феномен двутелесности, билокации? — осмелилась спросить она. — Меня научила этому слову одна монахиня, которая здесь работает.

Овид Лафлер растерянно смотрел на нее. Пожал плечами.

— Пребывание одновременно в двух местах, — ответил он. — У индейцев наибольшим уважением пользуются те, кто наделен этим необычайным даром. Сам я никогда этого не видел, но, кажется, такое случается. А почему вы этим интересуетесь?

— Потом поговорим. Не хочу вас задерживать, — сказала она извиняющимся тоном. — Меня тоже уже ждут.

Он не настаивал и не спеша удалился, унося как подарок обещание, что они еще встретятся.

— До свидания, Эрмин, — все-таки бросил он.

— До свидания, Овид!

Молодая женщина побежала по аллее к выходу. Теперь она чувствовала себя легко и радостно. Но настроение изменилось, как только она встретила с Мадлен в церкви Нотр-Дам. Кормилица ждала ее возле кропильницы. У нее были красные глаза.

— Ты плакала? Дорогая моя, ну скажи, что случилось?

— Мне грустно, вот и все! — призналась Мадлен с улыбкой. — Кюре посоветовал мне выйти замуж. Он считает, что я совершу смертный грех, если останусь без мужа. Мне кажется, можно любить человека, не желая при этом оказаться в его постели. Пойдем отсюда, прошу тебя. Нужно еще купить мясо и пироги.

Они заторопились сделать нужные покупки.

Торговцы узнавали Эрмин, несмотря на ее наряд, оправданный холодом и ее средством передвижения, но на улице Сен-Жорж никто не обращал на них внимания.

— Я всегда теперь буду так одеваться, — заключила Эрмин. — Капюшон, шапочка, шарф по самые уши. По крайней мере, никто не станет вступать со мной в разговор.

Кормилица сильно сжала ее запястье.

— Мы с тобой все-таки идиотки! А собаки? Те, кто напал на тебя, могут прекрасно знать собак Тошана, если они уже давно за нами следят. Старый Дюк очень заметный, настоящий волк! Кьют очень красивый, это дорогая собака, породистая хаски.

— Да, ты права! Отец подарил ее Тошану шесть лет назад. Хозяин одного постоянного двора в Перибонке нам даже как-то сказал, что в округе редко встречаются собаки с голубыми глазами.

Внезапно им стало страшно. Эрмин чуть было не забыла купить ленты, которые просила Бетти. Она заставила себя сделать последнюю остановку возле галантерейного магазина мадам Терезы.

— Не выходи из саней, Мадлен, я очень быстро...

— Как следует закрой лицо, — посоветовала ей кормилица.

Хозяйка, изящная женщина с темными волосами и голубыми глазами, широко улыбнулась ей. Затем заговорщицки обратилась к своей клиентке:

— А вы — знаменитый Соловей из Валь-Жальбера? Я слышала ваш дебют в «*Château Roberval*». Невозможно забыть ваши прекрасные глаза и тембр вашего голоса!

— Да, это я. Как видите, изо всех сил стараюсь защитить горло. Спасибо, мадам!

Она также подметила, что у мадам Терезы совсем небольшой срок беременности, но заторопилась заплатить и буквально сбежала из магазина. Она отдышалась, только когда входила к Тале. Свекровь встретила ее ласковой улыбкой, но при виде озабоченного лица молодой женщины улыбка тут же исчезла.

— Что с тобой, моя маленькая? — поспешила она спросить чуть слышно.

— Тала, теперь мне кажется, что нас везде подстерегает опасность. Я решила не обращаться в полицию, но думаю, что допустила ошибку. Не могу больше жить в постоянной тревоге.

Три женщины совсем забыли о сидевшей возле елки Кионе. Девочка поднялась и схватила Эрмин за руку.

— Мимин, нет никакой опасности! — убежденно произнесла она.

— Почему ты так говоришь? — перебила ее мать. — Иди играй, доченька моя любимая, не забивай свою юную голову нашими проблемами.

Лишний раз Эрмин оценила огромную разницу, существовавшую между методами воспитания у индейцев и белых, в частности, тех, кто жил в этом краю. Она сделала вывод, что при таком подходе, возможно, дети индейцев вырастают более свободными, более умными, чем при суровом отношении требовательных родителей.

— Но Мимин боится, Мадлен боится! — воскликнула обычно спокойная Киона. — А я говорю, что им нечего бояться. Никакой опасности нет.

Киона бегло говорила по-французски, но иногда спотыкалась на каких-то труднопроизносимых словах. Контраст между тонким детским голоском и богатством ее словарного запаса был разительным.

— Я тебе верю, — сказала Эрмин. — Если ты так говоришь, мне теперь ничего не страшно.

— Мне тоже, — вздохнула Мадлен. — Возможно, то, чего мы боимся, далеко, очень далеко.

Кормилица не хотела упоминать о мужчинах, напавших на Эрмин и лошадь. Однако она не сомневалась в том, что из обрывков разговора Киона уловила главное.

— В таком случае давайте немного посидим вместе! — предложила Тала. — Думаю, что к нам еще не скоро заглянут гости. Не будем портить обед, коль мы все тут собрались.

Индианка выглядела спокойной. Она подкинула дров в печь и стала жарить говядину на горячей, смазанной жиром сковородке.

«Она тоже считает, что Киона говорит правду, иначе не выглядела бы

такой умиротворенной, — подумала Эрмин. — Возможно, я тревожусь напрасно, эти гнусные типы не вернуться раньше весны. Но все-таки один из них выстрелил в Шинука. Они не отступятся, нельзя игнорировать их угрозы... Если я не пойду в полицию, мне в любом случае понадобится помощь. Тем хуже, расскажу все Симону, заставлю поклясться, что он никому не скажет про Талу. Будет у меня хороший советчик».

Молодая женщина углубилась в свои мысли и невольно возвращалась к воспоминаниям о своей недавней встрече с Овидом. Киона внимательно и зорко смотрела на нее своими золотистыми глазами. Наконец Эрмин повернулась к девочке:

— Дорогая моя, почему ты так на меня смотришь?

— Мне хочется веселиться, — ответила Киона, хотя тон у нее был серьезный.

В качестве гарнира к кускам хорошо прожаренного мяса Тала приготовила жареную в масле картошку. Все четверо с аппетитом поели. Но девочка продолжала почти неотрывно смотреть на Эрмин. Тогда молодая женщина неожиданно вспомнила о том, что пришло ей в голову, когда она уходила из санатория. Но она не знала, как подступиться к Тале.

— Знаешь, Тала, я хотела тебя о чем-то попросить, — начала она. — Скорее всего, ты категорически откажешься. Но это доставило бы мне огромное удовольствие. Ты бы сделала мне самый лучший в жизни рождественский подарок.

— Неужели я владею чем-то настолько ценным? — спросила заинтригованная индианка.

— Да, и тебе будет очень трудно с этим расстаться, — уточнила Эрмин в замешательстве.

Киона затаила дыхание. Мадлен заметила это и покачала головой, понимая, к чему клонит подруга.

— Тала, позволь мне взять с собой Киону в Валь-Жальбер, — произнесла наконец молодая женщина, решившись. — С этим не будет никаких сложностей. Мои родители и Луи приедут только через два дня. А мы вернемся сюда в тот же день утром. Я обещала ей показать мой поселок. Она сможет поиграть с Мукки и близнецами! Я знаю, это нехорошо с моей стороны, потому что ты останешься одна, но, может быть, другой случай не представится. Я подумала об этом утром, когда Киона умоляла нас разрешить ей выйти посмотреть на собак.

Индианка жестом остановила Эрмин. Ее красивое лицо оставалось бесстрастным, на губах мелькнула улыбка.

— Не трать силы на уговоры, моя милая, я согласна, — сказала она

наконец. — Я никак не нарушу данное Лоре обещание, а Кионе нужен свежий воздух и простор.

«Обещание, данное маме! — подумала Эрмин. — Главным образом оно касается Луи, который не должен встречаться со своей сводной сестрой. На самом деле Тале будет приятно сознавать, что ее дочь находится под кровом Шарденов...»

Она была совершенно права. Ее свекровь испытывала горькое торжество при мысли, что они сыграют этот трюк с Лорой и Жослином.

— Но я не стану хранить секрет, — добавила тогда молодая женщина. — Хватит с меня недомолвок и лжи. Мои родители согласились со мной. А ты, Киона, довольна? Ты слышала, что поедешь со мной в Валь-Жальбер, в мой поселок?

Девочка была в таком восторге, что не смогла вымолвить ни слова. Ее личико цвета дикого меда озарилось такой необычной улыбкой, что Мадлен со слезами на глазах перекрестилась.

— Спасибо, Тала, я безумно счастлива! — вскричала Эрмин. Она впервые расцеловала свекровь в обе щеки, изо всех сил прижав ее к себе. Удивленная индианка радостно принимала эти проявления чувств.

— Ты сама ребенок, — бросила она, — большой ребенок, который нуждается в утешении. Но будьте осторожны! Я бы хотела, чтобы вы уехали засветло. В котором часу заканчивает работу этот Симон, который должен сопровождать вас на машине?

— Уже скоро, Тала! Он получил инструкцию медленно проехать по улице Сент-Анжель. Но, мне кажется, он не сможет сдержаться и посигналит нам. И мы тогда объявимся.

Киона обрела дар речи и бросилась на шею Эрмин.

— Спасибо, Мимин! Ты такая добрая! А ты, мамочка, не будешь грустить? Я скоро вернусь. Могу я взять с собой куклу и мячик?

— Конечно, — ответила Тала, — но нужно тепло одеться.

— Мимин, а я увижу женщину, которая готовит еду? А совсем замерзший водопад?

Девочка так часто слышала рассказы Эрмин о Мирей, о поселке, о водопаде на реке Уиатшуан, что просто дрожала от нетерпения.

«Если бы сестра Аполлония видела ее сейчас, она бы не поминала дьявола, — подумала молодая женщина. — Это всего-навсего маленькая девочка, которая счастлива, что поедет со мной, что увидит своих друзей!»

Киона принялась скакать по комнате, Тала убрала со стола, а Мадлен помыла посуду. Три женщины болтали, не касаясь темы, которая больше всего их тревожила. Затронули войну в Европе и капризную погоду — то

снегопады, то пригожие деньки, солнечные, но морозные. Около трех часов дня Эрмин, уже готовая к поездке, вышла покормить собак. Она все еще не могла поверить в то, что свекровь так быстро согласилась на ее предложение. Вернувшись в кухню, она спросила у нее шепотом:

— Обещаешь мне, что не будешь грустить без дочки и чувствовать себя одинокой? Я даже не предложила тебе поехать с нами. Я подумала, что ты сама не захочешь.

— Правда, — подтвердила индианка. — У меня нет никакого желания вновь оказаться в твоём поселке, где я страдала и телом, и духом.

Она имела в виду Рождество 1933 года, когда она, беременная, побывала у Лоры Шарден вместе с Мадлен. Только что родились близнецы. Тала хотела увидеть человека, которого любила, но Эрмин, ничего не зная об этой истории, сообщила ей, что мать ждет ребенка. Это разом положило конец всем надеждам Талы. Раздавленная, униженная, раздосадованная, она исчезла, в этом ей помог Тошан. С этого дня начались проблемы, и молодой метис дал слово никогда больше не бывать ни у родителей жены, ни в Валь-Жальбере.

— Что ты будешь делать вечером? — настойчиво спрашивала Эрмин, охваченная угрызениями совести.

— Буду отдыхать, — ответила индианка. — Буду спать в тепле и читать — благодаря тебе. Ты помнишь то прекрасное лето, когда ты научила меня читать буквы? Мне это нелегко дается, но я читаю. На это уходит много времени. Я взяла для себя роман, «Мари Шапделен»^[32]. Мне эта книга очень нравится. Потом я буду смотреть на елку Кионы.

Испытывая волнение, молодая женщина одобрительно кивнула.

— Я читала эту книгу дважды. Замечательно, что она тебе нравится.

— Так важно уметь читать, — подтвердила свекровь.

Эрмин захотелось похвалить работу Овида с индейскими детьми в резервации. Казалось, Тала ценит молодого учителя, поэтому завести разговор на эту тему было совершенно естественно. Но она сдержалась, и причина ее сдержанности поразила ее саму.

«Господи, мне хочется говорить о нем! Что со мной? Недавно при встрече в санатории я проявила излишнюю фамильярность. Не прошло и двух недель с тех пор, как уехал Тошан, а я обещаю другому мужчине снова увидеться с ним. Что я делаю!»

Она стала пунцовой и поспешила стащить с себя меховую куртку.

— Тала, у тебя так жарко!

Стоя у окна, готовая к отъезду, Киона внезапно объявила, что мимо дома медленно проехал черный автомобиль. Эрмин слегка отодвинула

занавеску и внимательно всмотрелась в лицо молодого человека, сидящего за рулем.

— Вот и Симон! — объявила она. — Тала, нам пора. Еще раз спасибо! Оставайся здесь, в безопасности. Ты ничем не рискуешь.

— Я и не собираюсь выходить, моя дорогая. Присматривай как следует за Кионой.

— До свидания, мама, — прошептала девочка, прижимаясь к Тале.

Она не заподозрила, что необычный ребенок делает усилия, чтобы не произнести вслух те слова, которые рвались наружу. Она делала это не специально. Перед ее то открытыми, то закрытыми глазами проносились какие-то образы — радостные или печальные, какие-то сцены — мимолетные и загадочные.

Тщетно старалась Киона не видеть их. Для этого она специально играла с куклой или старалась думать о конкретных вещах: о своей замечательной рождественской елке, о прекрасной лошади по имени Шинук, о нежном лице Мимин. Но это не всегда помогало.

— Идем! — крикнула Эрмин. — В путь, моя дорогая! Надвинь капюшон как можно глубже и надень варежки. Собаки будут мчаться во весь опор, ветер заморозит тебе щеки и лоб.

Небо над крышами Роберваля заволкло тучами грязнобелого цвета. Мадлен устроилась в санях и посадила девочку себе на колени. Тала наблюдала за приготовлениями к отъезду через полуоткрытую дверь сарая.

— Давай, Дюк, живее!

Старый вожак не заставил себя ждать. Стоя на краю полозьев с поводьями в руках, молодая женщина чувствовала, что готова преодолеть любые трудности. Она решила наслаждаться движением.

«Тошан, мой любимый, — призывала она в глубине души, — ты бы гордился мною, если бы видел. Теперь, благодаря тебе, я умею управлять упряжкой и сохранять равновесие. Несмотря на все препятствия...»

Сани с трудом преодолели огромный сугроб, и это подтвердило мысль Эрмин. Киона хохотала. Мадлен вскрикнула от ужаса.

— Все в порядке, — возвестила Эрмин. — Смотрите, Симон нас ждет. Это региональная дорога. Дюк, вперед! К Валь-Жальберу!

Молодой человек сперва отстал, потом постепенно приблизился. Ему нравилось это ремесло. Помимо заработка на сыроварне, он получал у Лоры еще десять долларов — она платила ему, чтобы быть уверенной в его преданности и исполнительности.

— Жизнь прекрасна! — возвестил он. — Не сойти мне с этого места, Мимин умеет справляться с этими тварями! Можно сказать, сам черт

натягивает ей поводья...

На полпути Эрмин сделала остановку, чтобы собаки перевели дух. Киона выпрыгнула из саней и побежала по снегу, покрывавшему подлесок. Девочка ласково касалась растущих там елок.

— Это рождественские елки, — кричала она, — но на них нет лампочек и украшений! Какие они хорошие!

Симон тоже остановился. Он не заглушил мотор, но вышел из машины и зажег сигарету. Небрежной походкой подошел к молодой женщине.

— Откуда этот странный ребенок? — спросил он вполголоса. — Она индианка, нет, метиска. Из краснокожих. Я еще никогда не видел таких рыжих волос.

— Киона не рыжая, — поправила его Эрмин, — у нее потрясающие светлые волосы, очень редкого золотистого оттенка, уверяю тебя. Вечером я расскажу все подробнее, но пока могу представить тебе сводную сестру Тошана.

Она понимала, что, если Симон будет введен в курс дела, он проявит больше интереса и уважения к девочке, поскольку считает Тошана своим лучшим другом.

— Сводная сестра? — удивился молодой человек. — Но его мать овдовела и больше замуж не выходила, если я правильно помню!

— Прекрасно! Мне кажется, я слышу голос твоего отца, блюстителя нравственности и морали! Симон, можно родить ребенка, не будучи замужем.

Он бросил на нее растерянный взгляд. Киона возвращалась со снежком в руках.

— Добрый вечер, месье, — сказала она весело.

— Добрый вечер, мамзель, — пошутил Симон. — А я кореш твоего брата Тошана. Значит, тебя пригласили погостить в Валь-Жальбер?

— Да, — ответила девочка, внезапно понурившись.

Она узнала этого человека, она видела его во сне вместе с Шарлоттой. Растерявшись, Киона села в сани и спряталась в объездах Мадлен.

«Что с ней? — спросила себя Эрмин. — Киона подошла к Симону, радостно улыбаясь, а потом внезапно помрачнела... Может быть, она смутилась?»

— Пора в дорогу! — объявила она. — Спасибо, Симон, что ты приехал. Мне намного спокойнее.

— Рад, что могу помочь! — ответил он. — И я вооружен.

— Что? — спросила она взволнованно.

— Твоя мать одолжила мне свой револьвер, он спрятан в автомобиле, в

бардачке. Так что можешь играть в musher^[33], Мимин! Я начеку... Этому слову ты меня научила.

— А меня — мой импресарио Октав Дюплесси, который, увы, куда-то исчез, — с грустью заметила молодая женщина. — Но мама совсем с ума сошла, честное слово! Что бы ни случилось, прошу тебя, не прибегай к этому оружию! Это не кино, не вестерн!

Эрмин заняла свое место — на полозьях за санями. Ее радостное настроение почти улетучилось.

«Может быть, я поступаю неправильно, что беру с собой Киону? — подумала она. — Теперь я должна буду представить ее всем и не смогу скрыть, что она имеет отношение к Тале и Тошану. Хватит продолжать врать! Только нельзя упоминать о ее отце, который одновременно является и моим отцом...»

Больше, чем когда-либо, Киона казалась ей живой загадкой, даже не принимая пока в расчет проявления особого дара, которым девочка полностью еще не владела.

Остальной путь они проделали в молчании. Эрмин въехала в свой дорогой поселок-призрак до наступления темноты. На улице Сен-Жорж их ожидало прелестное зрелище. Мари, младшая дочь Маруа, Мукки и близнецы играли в снежки. Дети было тепло одеты и отдавались этому занятию со всем пылом под присмотром тоже закутанной до ушей Бетти. Летали снаряды, поражая случайные цели.

Молодая женщина увидела, как ее сын, спрятавшись за угол дома, метил в Мари Маруа и Лоранс, но только попал во вторую Мари — свою сестру.

— Стоять, Дюк! — крикнула Эрмин. Но в тот же самый момент ей в плечо ударил большой снежный ком, ловко брошенный из-за полуразвалившейся ограды. Затем появилось лицо виновника — Эдмона Маруа.

— Попал, Мимин! — хвастливо возвестил он.

Четырнадцатилетний подросток смеялся от радости. Он больше всех остальных детей был похож на Бетти. Он унаследовал от матери тонкие черты лица, белокурые кудри и приятные манеры.

— погоди! Сейчас увидишь, Эд! — закричала она в ответ. — Как тебе не стыдно! Будущий семинарист — и так себя ведет! Напасть на такое слабое создание, как я!

К вящей радости родителей, Эдмона готовили к духовному сану. Он прекрасно учился в коллеже Нотр-Дам, и, казалось, духовная карьера была

ему по душе. Директор заведения, отец Филемон Трюдо^[34], не переставая хвалил его. Эрмин узнала об этом от Мирей. А сейчас подросток пытался догнать Лоранс, которая убегала, испуская пронзительные крики.

Киона сдержанно наблюдала за этой суматохой. Девочка узнала колоколенку приходской школы, которую так часто описывала ей Эрмин, и милovidную Бетти Маруа.

— Это Киона, — закричал внезапно во все горло Мукки, заметив девочку. — Мари, Лоранс, Киона приехала! Она в санях!

Молодая женщина решила не ввязываться в снежный бой. А дети, в восторге от того, что она вернулась, сами бросили играть. Подошла Бетти.

— Какой чудесный мы провели день! — сообщила она Эрмин. — Такое солнце! Сугробы слегка подтаяли, и наши озорники воспользовались этим и бесились, как могли.

Продолжая говорить, она с любопытством разглядывала Киону. На крыльцо дома вышел Жозеф Маруа.

— Добрый вечер, Мимин! — бросил он. — Смотри-ка, Симон вел машину твоих родителей? А они где?

— Уехали в Шикутими, — ответила она, приветствуя его дружеским жестом. — Бетти, вот твои ленты. Ты была права, хозяйка галантерейного магазина, мадам Тереза, очень любезная дама. Узнала меня, даже несмотря на шарф и шапку. Холодает, я отведу детей домой. Жо, Бетти, это Киона, сестренка моего мужа.

— А я-то и не знала, что твоя свекровь вышла замуж! — удивилась Бетти. — Сколько лет малышке?

— Пять, скоро шесть. Она мечтала приехать в Валь-Жальбер. Еще раз спасибо, что присмотрела за моими. Приходите к нам на обед, мне это будет очень приятно. Мирей испечет оладьи.

Во время этого разговора Киона прижималась к Мадлен, которая сидела в санях. Кормилица чувствовала, что девочке не по себе, что она напугана. Но к ней подбежал Мукки, а за ним близнецы.

— Киона, как здорово, что ты приехала! — выпалил мальчик. — Будешь жить у нас. Увидишь автомобиль с цепями на колесах и загон для собак, который построил дедушка. Мама нас отведет туда.

— Да, конечно, — пробормотала она.

— А я дам тебе поиграть с моей фарфоровой куклой, — добавила Лоранс. — Мне ее бабушка подарила на день рождения.

Эрмин доехала на упряжке до прекрасного особняка, перешедшего во владение Лоры Шарден, ставшего ее убежищем. Киона увидела большое двухэтажное здание из камня и дерева с двускатной крышей. Под большим

навесом качались на ветру зажженные фонарики. Балконные перила были украшены еловыми ветками с прикрепленными к ним красными бантами. Приходская школа показалась ей огромной и величественной.

— Как красиво! — сказала она Мадлен.

Из-за дома вышел Арман Маруа в ушанке с козырьком, в пальто из толстого драпа. Коренастый молодой человек, которому исполнился двадцать один год, продолжал помогать Шарденам по хозяйству, несмотря на то что начал работать на полставки неподалеку от Шамбора. Зимой, например, он следил за отоплением, расчищал снег на аллее и выполнял многие другие обязанности. Безработица еще свирепствовала, и любой доход имел значение в семейном бюджете.

— Привет честной компании! — завопил он, перекатывая за щекой жевательную резинку. — Мимин, я могу распрячь собак и накормить их. Я налил им теплой воды в кормушки.

— Отлично! — сказала она. — Спасибо тебе, Арман.

Молодая женщина не могла по-настоящему не оценить его предупредительность, ведь обычно он вел себя иначе — насмешливо и отстраненно. И это несмотря на то, что он рос на ее глазах и она часто присматривала за ним, чтобы помочь Бетти, которая с трудом справлялась со своим хозяйством.

Маруа оставались верны образу жизни, вошедшему в привычку в золотые времена Валь-Жальбера. Жозеф сумел выкупить свой дом и намеревался в нем же и умереть. Но он должен был полностью содержать семью. Каждый год откармливал поросенка, разводил птицу и заботился о том, чтобы старая корова Эжени телилась каждую весну. Огород в изобилии снабжал овощами, так что семья потребляла их свежими, а избыток консервировали. Старый рабочий очень этим гордился.

— Иди сюда, Киона! — ласково сказала Эрмин, беря девочку за руку. — Ты совсем замерзла, моя милая. И как будто не радуешься, что приехала сюда.

— Да нет, почему же, Мимин? — возразила девочка, послушно следуя за ней.

Эрмин подумала, что Тала и Киона расстались впервые.

— Скучаешь по маме? — спросила она.

— Нет, Мимин!

Мукки оттолкнул их, забежал вперед и открыл дверь. Он закричал во все горло, призывая Мирей. Та выбежала в большой коридор, украшенный зеркалами и картинами.

— Боже мой, — воскликнула она, — кто эта красивая барышня?

Здравствуй, моя милая!

Экономка оглядела наряд гостыи, сшитый из оленьих шкур, и куртку, подбитую мехом бобра. Туника с бахромой и сапожки с узкими ремешками были украшены цветным бисером. Она провела пальцем по длинным золотисто-рыжим косичкам.

— Держу пари, что тебя зовут Киона, — произнесла она наконец. — А я Мирей!

Ее серебристые волосы блестели в свете лампы, а круглое доброжелательное лицо могло бы внушить доверие любому ребенку.

— Мимин все время о вас говорит, — подтвердила Киона. Эти слова сопровождалась прелестной улыбкой. Мирей сначала растерялась, а потом почувствовала, что просто потрясена. Она наклонилась и поцеловала маленькую гостью.

— А ты мне нравишься! Думаю, что угощу тебя очень вкусным полдником, вам тоже достанется, ребятишки! Ну-ка, бегом в гостиную!

Казалось, к Кионе вернулось ее предотъездное радостное состояние. Мукки потащил ее к огромной сверкающей огнями елке. Близнецы тоже присоединились к ним. Раздались взрывы хохота. А Мирей посмотрела на Эрмин уккоризненным взглядом.

— Ты притащила сюда дочь своего отца! — прошептала она. — Меня-то не проведешь.

— Я в этом не сомневалась, — призналась молодая женщина. — Тебе этого не понять, Мирей... Сегодня у нас праздник! Иди к своей плите, к ужину придут гости.

Эрмин нежно погладила экономку по щеке. Мирей воздела руки к небу. Но в глубине души она торжествовала.

Глава 8

Слезы ангела

Валь-Жальбер, в тот же вечер, понедельник, 18 декабря 1939 г.

Хотя день был переполнен событиями, Эрмин так и кипела энергией. После полдника она решила помочь Мадлен в ее обязанностях кормилицы. Конечно, слово «кормилица» ей больше не подходило, потому что дети уже выросли, но оно как-то прижилось за все эти годы. Молодая индианка большую часть времени занималась близнецами. Полтора года она кормила их грудью, вставала по ночам, если они начинали плакать, а теперь учила их шить, вышивать и многому другому. Мадлен была бесконечно привязана к Мари и Лоранс. И девочки питали к ней такую огромную любовь, что это часто огорчало их мать. Возможно, это взаимное чувство между Мадлен и близнецами и послужило причиной той глубокой нежности, которую Эрмин питала к Кионе.

— А сейчас пора привести себя в порядок и переодеться, — объявила Эрмин. — Все наверх! Я помогу Мадлен переодеть вас к ужину. У нас сегодня гости — Симон и Арман. И Шарлотта должна скоро вернуться.

Мукки и девочки, обрадованные перспективой оживленного веселого ужина, тотчас послушно ушли. Только Киона продолжала сидеть на месте, не сводя глаз со сверкающей рождественской елки, установленной в углу гостиной.

— Пойдем, дорогая, — ласково позвала ее Эрмин. — Я покажу тебе мою комнату. Ты будешь спать со мной.

— Я знаю, какая у тебя комната, — звонким голоском ответила девочка.

Эрмин убедилась в том, что Мадлен и дети действительно ушли, а затем спокойно и пристально посмотрела на сводную сестру.

— Ты в этом уверена? — спросила она у девочки. — Какого цвета у меня шторы на окнах? А что за подушка у меня на кровати?

— Я это сказала понарошку, — ответила Киона. — Не знаю, ведь я же никогда раньше не бывала в твоём поселке. Но я не хочу мыться — я не грязная.

— Я это прекрасно вижу! Я говорила о том, что тебе надо причесаться

и переодеться в сухое. У тебя брюки внизу совсем намокли от снега, поэтому я хотела дать тебе какое-нибудь платье Лоранс и красивые туфельки.

Это предложение, похоже, прельстило Киону, и она встала, слабо улыбнувшись. Неожиданно ее лицо снова посерьезнело, и она чуть слышно сказала:

— Как-то во сне я видела, что ты плачешь. Твоя подушка была обшита кружевом, у тебя была похожая... в другом доме... в лесном.

Эрмин внимательно слушала девочку. Взяв с собой Киону в Валь-Жальбер, она не собиралась расспрашивать ее о необъяснимых появлениях, происшедших в этом доме, но теперь представился удобный случай.

— Если хочешь, мы можем поговорить об этом в моей комнате. Пойдем скорее, дорогая.

Девочка шла за ней следом, ступая медленно, очень медленно. Провела пальцем по салфетке на круглом столике, погладила спинку кресла.

— Что с тобой, Киона? — удивилась Эрмин. — Только что ты играла с Мукки в шарики на ковре и казалась такой веселой. Перед ужином мы поставим пластинку с рождественскими гимнами. А я так надеялась, что тебе здесь будет хорошо! Можно подумать, что ты чем-то недовольна!

— Мимин, мне немножко грустно, — задумчиво ответила Киона. — Я не могу тебе сказать почему.

Эрмин с изумлением увидела, что по щекам ребенка текут крупные слезы. Она подняла Киону и прижала ее к своей груди.

— Бедняжка моя, я никогда не видела, чтобы ты плакала. Ну, что с тобой?

И, не выпуская Киону из рук, Эрмин поднялась с ней наверх. Растерянная Киона шмыгала носом. Заплаканная, она казалась маленькой и уязвимой.

— А вот и моя комната, — объявила Эрмин. — Никто не услышит, как ты будешь мне рассказывать, почему тебе грустно.

Девочка, восхищенная розовым сиянием лампы в изголовье кровати, обилием цветастых тканей и атласных подушечек, осмотрелась. Резная мебель нежного бледно-розового цвета показалась ей восхитительной. Эрмин посадила ее на кровать, на пышную перину.

— Тебе здесь нравится? — спросила она Киону.

— Да, Мимин. Все так красиво!

Эрмин тоже присела на кровать. Она старательно продолжала улыбаться, хотя чувствовала собственное бессилие перед лицом этой

детской грусти, причины которой она страшилась узнать.

— Киона, девочка моя, я хотела доставить тебе радость, а ты плачешь, — вздохнула она. — Скажи мне, что тебя заботит.

— Мимин, ты здесь ни при чем. Просто, когда я что-то вижу, мне от этого грустно.

— А твоя мама знает об этом? — осторожно спросила Эрмин.

— Нет, об этом никто не знает!

— И что же ты видишь? Ты видишь это во сне? Когда спишь?

Чтобы снять напряжение, она расплела девочке косы и принялась расчесывать ее волосы цвета червонного золота.

— Мимин, а если я буду молиться, как Мадлен, как ты думаешь, это прекратится?

— Возможно, дорогая моя, только ты не ответила на мой вопрос. Что тебя огорчает из того, что ты видишь? Что-нибудь страшное?

Какое-то необъяснимое благоразумие удержало Эрмин, и она не стала рассказывать Кионе о том, что произошло в этом доме.

«А если в ее памяти ничего не сохранилось? — думала она. — Я могу встревожить ее, если скажу, что дважды видела ее здесь. И не только я... Мадлен, Мукки и близнецы тоже ее видели. Никаких резких движений, ни в коем случае».

Она продолжала нежно приглаживать густые шелковистые волосы Кионы, которая чуть слышно бормотала:

— Мне как-то не по себе... Мимин, я часто чувствую себя очень усталой, потом засыпаю и приходят сны. Я тебе уже говорила, что видела, как ты плачешь у себя на кровати, и мне хотелось тебя утешить. А в другой раз Мукки баловался, и я его окликнула. Знала бы ты, как я испугалась!

— Я согласна, что все это невесело. А тебе не снилось, что ты слушаешь, как я пою какую-то рождественскую песню?

— Снилось, — подтвердила девочка.

Потрясенная Эрмин взяла девочку на руки и стала укачивать ее. Ей так хотелось успокоить Киону, а для этого надо было уяснить причину этого поистине ошеломляющего явления. По-видимому, когда Киона спит, ей что-то снится, и сама она, точнее, ее образ перемещается в пространстве. Эрмин участливо сказала девочке:

— Киона, я уверена, что тебе снится не только плохое, но и хорошее. Постарайся вспомнить.

— Да, снилась Шарлотта в белом платье в каком-то саду. Там очень зеленая трава и много цветов. Она выходит замуж за того большого мальчика, который вел машину, — пробормотала Киона.

— Дорогая моя, твоя мама думает, что у тебя много разных способностей, а способности — это то, чем Господь, будь то Бог индейцев или Бог белых, одаривает нас при рождении. Но ты у нас еще очень маленькая, и я думаю, что тебе совсем не хочется видеть такие сны. Ну а в том, что ты мне рассказала, вовсе нет ничего печального, не из-за чего плакать.

— Но бывает, я что-то вижу, и когда не сплю, — призналась Киона. — Вот этот дом я видела мрачным, покинутым, с обвалившимися стенами. Я даже заплакала.

На этот раз Эрмин посмотрела на сестру с бесконечным состраданием. Ей было жалко Киону, но она даже не пыталась найти какое-либо объяснение ее словам.

«Если бы у Мукки или близнецов появилась склонность к таким проявлениям сверхъестественного, я бы места себе не находила, — подумала она. — Кионе вовсе незачем отдавать себе отчет в том, что у нее бывают видения».

— Дорогая моя, — начала Эрмин, — не беспокойся. Я полагаю, что есть и другие люди, которые, как и ты, способны видеть картинки из будущего. Завтра мы с тобой прогуляемся по Валь-Жальберу, и я тебе покажу дома, которые горели при пожаре, или другие, где крыши провалились под тяжестью снега. В нашем поселке почти никого не осталось, а зимние бури, дожди и морозы мало-помалу разрушают здания. Мои родители, наверное, тоже останутся здесь недолго. Однако сегодня, несмотря ни на что, будем веселиться!

Через час Эрмин и Мадлен спустились в гостиную в сопровождении четырех безукоризненно одетых, тщательно причесанных детей, чьи мордашки буквально светились от чистоты. На Мари и Лоранс были бархатные платья с белым воротничком, одинакового покроя, но разных цветов: у одной — голубое, у другой — розовое. Мукки красовался в белой рубашке, жилете и новых твидовых брюках. Сияющая Киона держала его за руку, и золотистые волосы струились по ее худеньким плечам. После нескольких примерок Эрмин выбрала для сводной сестры зеленое шерстяное платье, украшенное красной вышивкой на манжетах и на груди. В таком наряде девочка походила на лесную фею, облаченную в наряд из листьев и мха. В туфельках ей было неудобно, поэтому она надела свои сапожки.

— А теперь, дорогие мои, ведите себя хорошо! — обратилась к ним Эрмин. — Не возиться, не шуметь! Сейчас вы послушаете пластинку, которую бабушка купила к Рождеству.

Еще в детской Эрмин наблюдала за Кионой. В компании Лоранс и Мари, которые выбрали для нее самые красивые свои игрушки, девочка быстро поддавалась общему веселью. Мукки, очень привязавшийся к Кионе, искал любой случай, чтобы доставить ей удовольствие, и принес свою любимую книжку с картинками. К великому облегчению подруг, в комнате воцарилось спокойствие.

Мадлен села на диван, рядом с ней примостилась и Эрмин.

— Похоже, они довольны, что снова все вместе, — заметила кормилица.

— Да, какие же они милые! Я им пообещала, что сегодня они лягут спать позже. Знала бы мама, что я нарушаю установленные правила! Она скоро позвонит. Наверное, я лучше дождусь ее возвращения и тогда сообщу, что пригласила Киону сюда, под ее кров.

Патефон заиграл знаменитую песню «Царица ель»^[35] в исполнении детского хора.

Царица ель, краса лесов,
Люблю наряд твой изумрудный!
Когда зимой, среди снегов,
Стоят деревья без листов,
Царица ель, краса лесов.
Лишь ты одета в бархат чудный.

Тебя приводит Рождество
В наш дом на праздник, всеми чтимый,
Царица ель, милей всего
Твоих подарков волшебство,
Тебя приводит Рождество
Руками матушки любимой^[36].

Склонившаяся над книжкой с картинками Киона выпрямилась и прислушалась, широко улыбаясь. Потом вскочила и подбежала к Эрмин.

— Мимин, а что такое «святое торжество»? — спросила она. — Как мне нравится эта песня!

— Святое торжество — это Рождество, рождение Иисуса Христа. Он для нас мессия, наш Спаситель. Как бы тебе это объяснить? Твоя мама молится Великому Духу, который вселяет жизнь в деревья, в воду в реках, в земных тварей, а многие люди молятся Иисусу Христу.

Мадлен принялась с благоговением рассказывать Кионе о рождении Сына Божьего в Вифлееме. И почти сразу же зазвучали с пластинки первые аккорды песни «Родился он, божественный ребенок»^[37].

— Понятно, но не совсем, — серьезно сказала Киона. — Если Иисус пришел, чтобы спасти всех, значит, и меня тоже?

— И тебя тоже, дорогая, — подтвердила Эрмин, думая о том, как была бы рада сестра Аполлония, что Киона проявляет такой интерес к христианской вере.

Внезапный крик нарушил благодатную атмосферу, царившую в гостиной — истошно закричала Мирей:

— Боже мой, как больно!

Эрмин бросилась в кухню, а следом за ней — дети и Мадлен. Экономка стояла, согнувшись пополам, ее левая рука была обмотана тряпкой.

— Зря вас всполошила, — простонала она. — Ничего серьезного.

— Что случилось, Мирей? — встревоженно спросил Мукки. — Тут вода кругом разлита.

— Не вода, а прекрасный куриный суп, — жалобно сказала экономка. — Не знаю, как я умудрилась опрокинуть кастрюлю.

— Ты ошпарилась! — воскликнула Эрмин. — Дай посмотреть.

— Да нет, ничего серьезного. Если бы кто-нибудь набрал снега в тазик, я бы подержала руку в снегу. Так моя бабушка лечила ожоги.

Мадлен бросилась за снегом, но тут из двери, ведущей в дровяной сарай, вышел Арман Маруа. Молодой человек приветствовал всех, приподняв одним пальцем свою ушанку.

— Арман, ты не мог бы вернуться на улицу и принести тазик снега? — спросила Эрмин. — Мирей ошпарилась.

— Будет сделано!

Он тут же принес снега, и уже через несколько минут Мирей заявила, что ей легче. Ей было неловко, словно ее уличили в том, что она не в состоянии справиться со своими обязанностями по кухне и дому.

— Марш все отсюда, мне надо дело делать, — заворчала она. — У меня больше ничего не болит. Суп пропал, значит, сварю другой.

— Я накрою на стол, — вызвалась Мадлен. — Все вам помогут.

Зная особую крестьянскую гордость Мирей, Эрмин без лишних слов повиновалась. Она шла по коридору в окружении детей, когда во входную дверь, ведущую на крыльцо, постучались Шарлотта и Симон. Мадлен, отодвинув щеколду, открыла дверь.

— Лолотта! — возликовал Мукки.

Шарлотта быстро расцеловала малышей и увидела Киону.

— Какая ты нарядная! — сказала она девочке. — Я знала, что встречу тебя здесь, ведь за мной в Шамбор приехал мой жених, он и рассказал о тебе.

— А вот и моя гостя, — сказала Эрмин. — Добрый вечер, Симон. Виновата, мне надо было сказать: «Добрый вечер, жених и невеста!» Теперь все законно.

Шарлотта рассмеялась. Она сияла, хмельная от долгожданного счастья. С тех пор как Симон совершенно определенно заявил о своем намерении жениться на ней, она парила в облаках.

— Поскольку мои родители вместе с Луи находятся в Шикутими, этим вечером в доме я хозяйка, — уточнила Эрмин.

— Симон мне и об этом рассказал, — заметила Шарлотта. — Я так рада, что вокруг одна молодежь.

К ним присоединился Арман, завязался оживленный разговор, а музыкальным фоном служили напеваемые близнецами вполголоса песенки-считалки. Никто не видел, как Киона тихонько отошла от всех и проскользнула в кухню. Она застала Мирей в ту минуту, когда та сморкалась в платок, а ее глаза были полны слез.

— Тебя Эрмин прислала? — довольно резко спросила экономка, недовольная тем, что ее беспокоят.

— Нет, я хотела вас утешить.

— А откуда ты узнала, что я плачу, как последняя старая дура? Нехорошо подсматривать.

На Киону эти слова не произвели никакого впечатления. Она подошла к Мирей, молча и пристально глядя на нее, и взгляд ее золотистых глаз был полон безмерной доброты.

— Не доставляй мне лишних хлопот, — сказала женщина, садясь на табурет. — Когда страдает тело, то частенько и сердце болит заодно с ним. Обожженная рука еще побаливает, а у меня, даже не пойму отчего, грустно на душе. Родом я из Тадуссака^[38], и в твои годы боялась только одного: покинуть свой поселок. Я его любила. Летом ходила на реку смотреть на большие пароходы, которые шли до Сагеня или еще дальше, до Квебека. Но где оно теперь, мое детство... Мои родители лежат на кладбище, а я большую часть жизни провела в Монреале. Частенько мне хочется вернуться назад в Тадуссак, все это всплывает в памяти, и тогда я лью слезы.

— Мирей, я тебя очень люблю! — убежденно заявила Киона.

— Не говори глупостей! Ведь я тебе совсем чужая. Нельзя любить

человека, которого не знаешь, — отрезала экономка, однако признание девочки умилило ее.

— Мимин все время говорит, что ты очень добрая, что ты ей немножко бабушка.

Растроганная Мирей слегка качнула головой и пригляделась к девочке. Киона улыбалась так очаровательно и так ласково, что экономка ощутила какое-то странное спокойствие. Она подыскивала, что бы такое сказать, чтобы рассеять эти чары, но отшутиться язык не поворачивался.

— Может быть, ты и вернешься туда, в Тадуссак, — совсем тихо проговорила наконец Киона.

— Кто знает, может, и вернусь, — ответила Мирей. — Чудачка ты и красивая, как солнышко.

Киона вышла из кухни, и экономка пожалела о том, что не поцеловала ее.

«Приготовлю-ка я завтра карамель из кленового сиропа, — подумала она. — И оладий напеку».

Мирей доказывала свою преданность ближним, с еще большим старанием вкладывая свое умение и силы в кулинарные изыски. Приободрившись, она стала насвистывать что-то из своей любимой Болдюк. Грусть улетучилась.

Мадлен, раскладывая приборы на столе, болтала с Арманом. Дети играли в шарики на роскошном ковре возле рождественской елки. Шарлотта заявила, что поднимается наверх привести себя в порядок. Тут же близнецы бросили своего брата и вызвались пойти вместе с ней. Шарлотта стала большой кокеткой, она накопила впечатляющий арсенал разных видов помады, дешевых духов и побрякушек. Мари и Лоранс обожали копаться в этих радующих душу запасах бижутерии и косметики.

— Пойдем с нами, Киона, — сказала Шарлотта. — Я уверена, ты еще не все в этом доме видела, например, мою комнату. Идем!

С выражением восторга на лице девочка тут же согласилась. Эрмин воспользовалась этим, чтобы увести Симона в кабинет матери.

— Симон, ты мне очень нужен! — начала она. — Поскольку росли мы вместе, я считаю тебя своим старшим братом. Сначала обещай мне хранить в секрете то, что ты сейчас узнаешь. Твои родители и Арман ничего не должны заподозрить, но Шарлотта посвящена в эту тайну.

— Мимин, ты меня пугаешь. Неужели это так серьезно?

Прежде чем ответить, она посмотрела на него, словно оценивая возможности своего вероятного партнера.

— Да, это очень серьезно, а на Тошана — увы! — я рассчитывать не

могу. Чтобы он не беспокоился, я даже не стала отправлять ему письмо и вводить в курс дела. Помнишь, что в прошлый понедельник на меня напали?

— Разве я могу такое забыть? — возмутился он. — Я так тогда перепугался за двух милых зверушек, которых ужасно люблю — за Шинуку и за тебя, Мимин.

Симон пошутил, чтобы разрядить атмосферу. Эрмин ткнула его локтем в бок, как делала в детстве, желая постоять за себя.

— Вот дурачок! Интересный парень, жениться надумал, а называешь меня зверушкой! — резко сказала она. — С тобой, Симон, всерьез и не поговоришь.

— Ты находишь меня интересным? — в притворном восторге воскликнул он.

Она громко рассмеялась. Трудно было не заметить неординарную внешность этого атлета с темно-каштановыми, слегка выющимися волосами и правильными чертами лица.

— Твой отец, должно быть, тоже был красивым в молодости, — добавила она. — Но лицо у тебя добрее и глаза большие. Ну, поболтали и хватит. Симон, эти двое не случайно пристали ко мне. У них зуб на Тошана и мою свекровь из-за одной старой истории.

Тихим, доверительным голосом Эрмин вкратце изложила ему сложившиеся обстоятельства.

— Табарнуш^[39]! — ругнулся он сквозь зубы, когда она закончила свой рассказ. — Да я ничего подобного и представить себе не мог! Понятно, что ты не можешь рассказать все это начальнику полиции, иначе у твоей свекрови могут быть неприятности.

— Не просто неприятности, Симон. Индианка, заказавшая убийство, пусть и двадцать пять лет назад, — да они засадят ее в тюрьму!

— Это еще как сказать, — возразил Симон. — Эти парни тоже порядком постарались: подожгли хижину, рискуя сжечь заживо ее обитателей, целились в тебя, ранили лошадь. Они явно не пойдут жаловаться в полицию. Да и истек срок давности дела о смерти того золотоискателя. Мимин, чем я могу тебе помочь?

Симон больше не шутил и не ругался; он уже понял, что ситуация непростая.

— У меня еще порядочно денег на счету в банке, — ответила Эрмин. — Более чем достаточно, чтобы дотянуть до следующего лета. Я не подписала контрактов, не взяла ангажементов, но приму любые предложения. Как любит повторять мой импресарио, за любую работу надо

платить. Я хотела бы дать тебе денег, чтобы ты провел расследование в отношении этих двоих. Я могу описать тебе, как выглядят они и их грузовик, правда, приблизительно. У них очень характерный выговор: они явно из этих мест. Прошу, сделай это ради меня. Ради Тошана. Ты часто говоришь, что он твой друг.

Она затронула болезненное место. Симон задумался и закурил сигарету. Он прокручивал у себя в голове все, что раскрыла ему Эрмин, а это меняло все его восприятие семейства Шарден. Лора теперь представлялась ему героической женщиной, вынужденной терпеть присутствие Жослина, который сильно упал в его глазах. Эрмин была вынуждена раскрыть также и эту тайну.

— Я как-то не могу прийти в себя от всего этого, — резко сказал ошеломленный услышанным Симон. — Киона и тебе, и Тошану сводная сестра. Когда я срубал для нее елочку, даже не подозревал об этом, Шарлотта не проболталась. Но хорошо, что Тала живет в Робервале. Все-таки там она в большей безопасности, чем в лесу с ребенком. Мимин, я согласен. Будет нелегко это сделать, я ведь устроился на работу на сыроваренный завод, но, если я договорюсь с кем-то из напарников насчет замены, у меня появится немного свободного времени. Мне понадобится какое-то средство передвижения, вездеход, чтобы я мог достаточно быстро перемещаться. Автомобиль на гусеничном ходу или машина вроде машины Онезима, с полозьями спереди.

— Онезим нуждается в деньгах; он даст нам машину напрокат. Благодарю тебя, Симон! Если тебе удастся установить личности этих людей, у нас появится отправная точка, чтобы пойти по следу.

— Я сделаю все, что от меня зависит, но не знаю, смогу ли действительно тебе помочь.

— Мне нужны, по крайней мере, их имена, — настаивала Эрмин.

— На Перибонке у меня будет возможность выведать хоть что-то. Начну оттуда. А затем, двигаясь по западному берегу озера от одного поселка к другому, мне, может быть, удастся увидеть и грузовик. Потом съезжу в Шамбор и Дебьен.

Успокоенная Эрмин план одобрила. Она описала грузовик и обоим незнакомцев во всех подробностях. Раздались два коротких стука в дверь, и в кабинет, не дожидаясь ответа, вошла Шарлотта.

Девушка, одетая в длинное красное платье, украшенное стразами, просто сияла. Шелковистая ткань плотно облегла ее грудь, слегка великоватую для худенькой фигуры, стройные ноги обтянуты шелковыми чулками, а вьющиеся волосы перехвачены лентой, отделанной жемчугом.

— Что это вы здесь вдвоем затеваете? — спросила она.

— Я прошу Симона помочь мне. Мне пришло в голову, что ему, возможно, удастся выяснить, кто напал на меня, — объяснила Эрмин. — Теперь он знает всю правду. Чтобы не навредить Тале, я бы не хотела сообщать всю предысторию полиции.

— Конечно, я понимаю, — перебила Шарлотта с явно расстроенным видом. — Мне так хочется, чтобы все это поскорее осталось позади, но я боюсь, что Симон подвергнется риску.

— Вот еще одна, которая жаждет, чтобы я жил припеваючи и как сыр в масле катался, — заметил Симон с легким раздражением.

Эрмин предвидела, что Шарлотта будет недовольна, но у нее не было выбора.

— Ладно, давайте сменим тему, — предложила она. — Скажи мне, Лолотта, Киона там играет? Она тебе не показалась грустной или озабоченной?

— Отнюдь, — возразила девушка. — Мои баночки с румянами и губная помада ее заинтересовали. Ты бы видела, что там творилось! Лоранс захотела накрасить Мари и всю ее обсыпала пудрой. Но, ради Бога, прошу, больше не называй меня Лолоттой!

— Виновата, буду следить за собой, — пообещала Эрмин.

И все трое, болтая на ходу, вернулись в гостиную. Мирей с забинтованной рукой проверяла, правильно ли накрыт стол. Мадлен усадила детей, наказав им быть послушными и вежливыми.

— Вы должны очень хорошо себя вести до самого Рождества, — приговаривала кормилица.

Каждый вечер она требовала, чтобы перед едой дети читали короткую молитву. Киона с любопытством слушала, как Мукки и близнецы произносят непонятные слова, и пыталась повторить то, что сумела запомнить.

— Киона, я могу научить тебя этой молитве, — предложила Мадлен. — Думаю, моей тете это не очень понравится, но ты можешь читать молитву и про себя.

— Да, пожалуйста, научи меня этой молитве, — воскликнула Киона.

— Несомненно, — с насмешливым видом вставил Арман, — индейцев в этом доме так и тянет к религии.

— Будь любезнее, — строго приказала Эрмин. — Мне бы хотелось, чтобы этот вечер был приятным, так что постарайся.

— Уж и пошутить нельзя! — обиженно ответил Арман. — Вот доем свой суп и пойду спать!

Арман вырос подозрительным и завистливым, наверняка унаследовав эти качества от своего отца, Жозефа Маруа, человека, известного своими внезапными переменами настроения. И хотя это явно умаляло его привлекательность, по этому красивому парню сохли многие девушки Роберваля.

Шарлотта сказала что-то чуть слышно на ухо Симону, и оба прыснули со смеху, что вывело Армана из себя.

— Эй вы, двое, сами научились бы сначала вести себя в присутствии детей, — пробурчал он. — Жених и невеста — это не то же самое, что муж и жена. Не все дозволено!

— Какой ревнивый! — пошутила Шарлотта, которая на дух не переносила своего будущего деверя.

Эрмин преувеличенно громко закашляла, чтобы восстановить спокойствие. Она сидела за столом, светло-русые волосы, как ореол, озаряли ее лицо, а молочно-белую кожу оттеняла черная шерстяная кофта с откровенным декольте. Колье из жемчуга подчеркивало ее изящную шею. Каждый из собравшихся восхищался ею по-своему.

«Я помню, как отец хотел нас с ней поженить, — думал Симон. — Я отказался, но теперь вот думаю: а может, я был бы счастлив с нею? У Мимин почти нет недостатков».

Мирей принесла фарфоровую супницу с сымпровизированным на ходу супом из бульонных кубиков и вермишели.

«До чего же мамочка красивая! — думал Мукки. — Когда я стану большим и сильным, как Симон, я буду ее защищать».

«Эта Мимин, по сути, просто дамочка с претензиями, — злился Арман. — Я работаю у ее матери, но когда она девочкой жила у нас, то стирала мое белье. Она еще пожалеет, если и дальше будет говорить со мной в таком тоне».

Шарлотта тоже смотрела на свою подругу, самого близкого ей человека. Она никогда не забудет, как они познакомились.

«Мне было девять с половиной лет, я почти ничего на свете не видела, кроме этой приходской школы, и как-то совсем выпала из жизни. Я даже нарочно разбила рамку с фотографией, которая стояла у меня на прикроватном столике. Я сама себе не верила. А потом услышала мелодичный голос, голос Соловья из Валь-Жальбера. Она взяла меня за руку и несколько месяцев подряд пеклась обо мне. Дорогая моя Эрмин! Она никогда не красится, разве что для сцены, но, когда у тебя такие красивые голубые глаза, это и не обязательно».

Что касается Кионы, то, внимательно изучив лица окружавших ее

людей, она с аппетитом ела суп. Девочке дышалось свободно, никакие видения ее больше не беспокоили.

«Это все благодаря Иисусу! Я очень рада, что я здесь, рядом с моей милой Мимин! Сегодня ночью я буду спать в ее кровати. Она обещала спеть мне колыбельную. Как мне везет».

Второе блюдо было встречено на ура. Мирей подала пышный мясной пирог туртьер, в меру поджаристый и распространяющий вокруг дивный аромат. Начинка состояла из нарезанной мелкими кубиками картошки, лука, говядины, свинины и сала. Дождавшись, пока экономка вернется из кухни, Киона сказала ей, что никогда не ела ничего вкуснее.

— Я в твою честь приготовила десерт, просто пальчики оближешь, — ответила ей польщенная Мирей. — Пирог с ферлушей^[40]. Не пирог, а объедение! Ты в первый раз в этом доме — надо это отпраздновать.

— Нет, не в первый! — во весь голос опровергла ее Лоранс. — На днях Киона приходила в детскую. Так ведь, Мари?

— Так, но она сразу же ушла, — добавила ее сестра.

В замешательстве Эрмин опустила голову. Она не рассказывала о загадочных появлениях своей сводной сестры ни Симону, ни даже Шарлотте, а уж тем более Мирей, которая выкрикнула в негодовании:

— И не стыдно тебе городить всякие глупости? Если бы я в твои годы соврала за столом, мой отец меня бы крепко наказал. Эрмин, ты слышала, что говорят твои дети? Отругай их! Да и Мукки заслуживает наказания за то, что трогал револьвер мадам.

И она удалилась, ворча:

— Не детишки, а чистые озорники!

Однако Шарлотту разобрало любопытство. Она внимательно оглядела всю троицу и остановила свой выбор на Лоранс:

— Зачем ты это выдумала? Ты же прекрасно знаешь, что Киона никогда раньше не бывала у нас в доме.

— Нет, бывала! — стояла на своем девочка.

— Ладно, незачем делать из этого драму, — сказала Эрмин. — Такое ощущение, будто все сговорились, чтобы не дать нам спокойно и весело провести вечер. Дети радуются наступающему празднику, им хочется быть в центре внимания. И Лоранс, может быть, поверила, что видела Киону, потому что ей очень хотелось поиграть с ней.

— Ты думаешь, что речь идет о галлюцинации? — резко спросил Симон. — А вот Мари утверждает, что все так и было. Или она просто боится признаться, что ее сестра врушка.

— Но существуют же так называемые коллективные галлюцинации, —

высказалась Шарлотта. — Я читала в каком-то журнале. Но хватит об этом. Мимин права, мы портим ей вечер.

Киона уткнулась носом в тарелку, как будто этот разговор ее вовсе не касался. А между тем она была удивлена больше всех, но, будучи весьма проникательной и необыкновенно сообразительной, предпочла промолчать. Охваченная каким-то неясным беспокойством, чуть ли не страхом, она думала: «Значит, это не во сне я приходила в детскую к Мари с Лоранс. Я и вправду уже видела и рисунок на обоях, и их цвет, и даже стенной шкаф. А у Мукки в руках был револьвер».

Эрмин заметила, что Киону что-то мучает. Она изо всех сил старалась не напоминать ей о видениях, но на сей раз вмешались другие и обнародовали тайну, а она никак не могла этому помешать. Быстро приняв решение, она встала.

— Пока мы ждем десерт, послушайте музыку. Этим летом мама приезжала ко мне в Нью-Йорк и купила новые пластинки. Вы слышали о знаменитом Дюке Эллингтоне? Это джазовый композитор, замечательный музыкант. Несмотря на кризис, пластинки с его записями хорошо продаются, его песни без конца передают по радио, и он сыграл во многих фильмах.

— Конечно, я о нем слышал, — сказал Симон. — Мимин, а ты встречалась с ним в Нью-Йорке?

— Увы, нет! Но я пристрастилась к джазу и свингу, это очень танцевальная музыка.

Через несколько секунд оркестр Дюка Эллингтона исполнял «Караван». Снова появилась Мирей с круглым подносом в руках, на котором лежал пышущий жаром пирог с ферлушей. Любимое лакомство Эрмин: сдобный пирог из песочного теста, украшенный кремом и посыпанный сахаром.

— Ой, Мирей, спасибо! — воскликнула она. — К такому десерту нам придется выпить по рюмке черничной наливки, но никакого карибу сегодня вечером — слишком уж примитивный напиток!

— Внимание! — насмешливо сказал Арман. — Подайте певице французского шампанского!

— Имеет на то полное право! — заверила Шарлотта. — А шампанское мы в Квебеке часто пьем. Господин Дюплесси привозит его из Франции. Очень вкусное.

Мадлен разрежала пирог на десять частей, чтобы и экономке достался кусочек.

— Мирей, посиди с нами, — любезно пригласила она. — Съешь

пирога, выпей наливки.

— Под эту дикарскую музыку, от которой у меня лопаются барабанные перепонки? Нет, спасибо, — возмутилась Мирей. — И потом, меня ждет работа. Вот если бы Эрмин спела что-нибудь оперное, тогда я, возможно, и посидела бы с вами, однако ей больше нравится крутить пластинки.

— Это уж слишком! — воскликнула Эрмин. — Кто это у нас слушает Ла Болдюк с утра до ночи? А петь мне очень хочется. Я теперь пою даже на английском. Я разучила песню «Over the Rainbow», которую Джуди Гарленд^[41] записала в прошлом году. Это из кинофильма «Волшебник страны Оз», который шел в Капитолии. Я уверена, что она вам понравится.

Эрмин остановила пластинку с Дюком Эллингтоном и, стоя возле сверкающей рождественской елки, тихим голосом запела:

Где-то за радугой,
Там, в вышине,
Первые сны,
Что привиделись мне
Под колыбельный напев.

Песня подействовала на ее слушателей завораживающе. Чистый, прозрачный тембр голоса Соловья из Валь-Жальбера придавал мелодичной балладе почти небесное звучание. Мирей сидела, не шелохнувшись, преисполненная восторга. Киона, открыв рот от восхищения, покачивалась на стуле. Девочка никогда не забудет эти мгновения: зажженная елка, тающий во рту сахарный пирог и загадочные слова песни с чарующим ритмом. Но вот Эрмин, с мечтательным выражением лица, замолчала, и волшебство исчезло.

— Мамочка, какая красивая песня, — сказал Мукки, — только слова непонятные.

— Могу рассказать тебе главное, мой дорогой. Героиня «Волшебника страны Оз» уже большая девочка, и она мечтает перенестись в другой, радостный мир, подальше от дождя, в страну, полную красок, а отсюда и название песни, которое означает «Где-то за радугой».

— Я чуть не расплакалась, — сказала Шарлотта. — А давайте поставим пластинку с чарльстоном? У Лоры есть такая. Потанцуем? Симон, ты будешь?

— Я с трудом осилил вальс, а чарльстон мне вовек не освоить, — вздохнул Симон.

Выражение лица Кионы, когда она слушала песню, произвело сильное впечатление на Эрмин. Но она отвлеклась и поспешила исполнить желание подруги. Сияющая Шарлотта встала и продемонстрировала свои таланты. Слегка развернув ноги носками внутрь и согнув их в коленях, она переносила центр тяжести тела с одной ноги на другую. Близнецы тут же стали ей подражать, а все остальные, превратившись в зрителей, прихлопывали в ладоши.

— Видела бы это мадам! — с сожалением сказала Мирей. — Что ж, как говорится, молодо-зелено — погулять велено.

Несмотря на свое язвительное замечание, она не тронулась с места, но веселые аккорды очень быстро захватили и ее. Арман присоединился к Шарлотте, и, танцуя вдвоем, лицом к лицу, оба старались изо всех сил. Эрмин втихую посмеивалась, ее очень забавляло то, как старательно вертели задами молодые люди.

— Мимин, вальс! — потребовал Симон. — Мой брат бросает мне вызов? Сейчас я ему покажу, на что я способен.

Арман тут же пригласил на танец Эрмин, а Шарлотта закружилась в объятиях жениха. Мукки упрашивал Мирей потанцевать с ним. Сияющая экономка согласилась сделать несколько па со своим маленьким кавалером. Довольная Киона улыбалась. Ее захватило царящее вокруг веселье и гармония.

«Прости нас, Господи! — молча возвала Эрмин. — Как хорошо забыть о морозах, страхе и одиночестве. Завтра я буду думать о моем муже, ставшем солдатом, о войне, об этих людях, жаждущих мести, но только не в этот вечер, нет, не сегодня».

Снова, вопреки ее желанию, ей явился образ Овида Лафлера, восторг на его лице, когда она позволила ему называть себя по имени.

Мадлен, сидя рядом с Кионой, наблюдала за танцующими. Кормилицу веселило происходящее, однако, когда Симон пригласил ее на танец, она с испугом отказалась.

— Нет, нет! — заявила она. — Я воздержусь.

Он не стал настаивать, хотя и состроил обиженную физиономию. Молодая индианка понимала, что Симон только притворяется, но все равно стала рассыпаться перед ним в извинениях.

— Думаю, пора нам спеть гимн, — заявила Эрмин. — Всем вместе. Дети, присоединяйтесь!

Она подняла руки и, словно капельмейстер, стала размахивать ими в такт мелодии. Раздался ее хрустальный голос:

Gloria in excelsis Deo!
Ангелы наших селений
Вступили в ликующий хор,
На мелодии песнопений
Откликается эхо гор.
Gloria, gloria!^[42]

Мукки и близнецы петь не решились, а вот Симон, Арман и Шарлотта, которые знали слова, стали подпевать Эрмин. К ним присоединилась Мирей, и ее низкого тембра голос прекрасно вписался в этот импровизированный хор. Мадлен тоже решила пропеть «Глорию» едва слышным голосом.

Киона вышла из-за стола и села на диван. Она чувствовала себя крайне утомленной, у нее слипались глаза. Она мужественно боролась с желанием лечь и уснуть. Вдруг перед ней предстало чудовищное видение, до того страшное, что у нее сжалось сердце: какой-то мужчина целился из ружья в ее кузена Шогана, лицо которого было все в крови. Дело происходило безлунной ночью при свете костра.

«Нет, нет! — взмолилась Киона. — Не надо!»

А на стойбище, примерно в пятидесяти километрах от Валь-Жальбера, в эту минуту некий Закария Бушар хотел было нажать на курок своего ружья и увидел, как прямо перед ним размахивает руками какая-то девочка. В отблесках пламени казалось, что она отлита из чистого золота, ветер трепал ее волнистые волосы. На ней было зеленое платье, глаза испуганные, и она кричала: «Нет! Нет!»

— Торрье^[43], ничего не понимаю, — пробормотал он. Он вовсе не собирался стрелять в ребенка. Сбитый с толку, он опустил ружье. Шоган этим воспользовался и изо всех сил ударил его кулаком в лицо, а затем поволчьи, быстро и бесшумно, растворился в ночи.

— Киона, — заметалась Эрмин. — Боже мой, Киона! Она, кажется, потеряла сознание.

Эрмин бросилась к девочке, а за ней — Шарлотта и Мадлен. Перепуганные близнецы не осмеливались подойти к дивану, а Мукки испуганно прижался к Мирей.

— Не бойся, мой мальчик, — успокоила его экономка, — и дай-ка мне заняться малышкой.

Эрмин, вся в слезах, гладила Киону по лбу и целовала в щеки. Девочка лежала, не подавая признаков жизни, похолодевшая.

— Да что ж это с ней! — воскликнула Эрмин. — Симон, ради бога, позвони врачу в Роберваль.

— Может, Киона не привыкла есть так много и такую необычную для себя пищу, — заметила Шарлотта. — У меня как-то было несварение желудка — чувствуешь себя действительно скверно.

— Дорогу, дорогу! — гремела Мирей, которая уже успела достать бутылку водки из буфета. — Эрмин, не теряй головы, помоги мне напоить ее. Вот черничная наливка, разбавленная водой.

Экономка растерла шею и виски девочки смоченной в водке салфеткой, а потом похлопала ее по щекам.

— Милочка моя, очнись! По-моему, ее что-то напугало.

— Да что могло ее напугать? — удивилась Эрмин. — Мы все вместе пели гимн, нам было весело.

— Если бы какой-нибудь кюре увидел это, он бы сказал, что с ней случился обморок, потому что она терпеть не может церковных песнопений, — не без иронии предположил Арман.

— Ты бы помолчал, тупица чертова, — взорвался Симон. — Тебя веселит, что малышке стало плохо? Так ступай домой, к родителям. Я и без тебя смогу защитить этих женщин.

К счастью, Киона пришла в себя. Она с ужасом посмотрела на окружавших ее людей.

— Мимин, — пробормотала она, — мой кузен Шоган чуть не умер.

Эрмин прижала девочку к себе и сделала знак другим уйти. Она поняла, что Киона видела что-то ужасное.

— Она вас боится, — сказала Эрмин твердо. — Мне надо ее успокоить. Когда ей стало плохо, ей привиделся кошмар. Я поднимусь к себе и уложу ее в кровать.

Шарлотта и оба брата Маруа послушно ушли и увели с собой близнецов. Мирей нагнулась и звонко поцеловала Киону в лоб.

— Бедный ангелочек! — вздохнула экономка. — Однако не такая уж она и хрупкая! Я приготовлю ей грелку, это поможет.

Эрмин взяла сестру на руки и в сопровождении Мадлен, которая выглядела потрясенной, отнесла ее на второй этаж.

— Мой брат Шоган чуть не умер? Почему? Что с ним? — в ужасе еле слышно начала спрашивать ее кормилица. — Киона, прошу тебя, скажи мне, что ты видела?

— Она совсем без сил. Дай ей прийти в себя, — посоветовала

Эрмин. — Может быть и так, что она переместилась в пространстве, непонятно куда.

— Какой-то человек собирался выстрелить в моего кузена Шогана, — испуганно сказала Киона. — Я не хотела, чтобы он стрелял, и помешала ему.

— Так же, как ты помешала Мукки выстрелить в близнецов? — спросила Эрмин. — Дорогая моя, ты ведь знаешь, что это не сон?

Девочка утвердительно кивнула и добавила:

— Мимин, я не знаю, что происходит. Мне очень захотелось спать, а потом я увидела человека с ружьем и Шогана. Думаю, что я была там.

— Киона, ложись и отдыхай! — тихо приказала Эрмин, снимая с нее сапожки и укладывая в постель. — Здесь тебе ничто не грозит.

В дверь постучали — пришла Мирей с грелкой и дымящейся чашкой какао.

— Будет чем ее утешить, — сказала экономка. — Ты хорошо устроилась, красавица моя! Мадлен, Шарлотта велела тебе передать, что она уложит детей спать.

Кормилица, полностью занятая тревожными мыслями о своем брате, поблагодарила. Когда родители решили выдать ее замуж за человека, который ей не нравился, один только брат встал на ее защиту. Этот брак породил в ней глубокую неприязнь к любовным утехам и нерушимую преданность Шогану.

— Я спущусь, надо убрать со стола, — пробормотала Мирей, почувствовавшая, что мешает обеим женщинам, особенно Мадлен, которая явно была сильно встревожена.

— Эрмин, мне надо немедленно ехать туда, — сказала кормилица после ухода Мирей. — То, что только что видела Киона, может случиться сегодня вечером, с минуты на минуту. Мой брат в опасности, я чувствую это. Наверняка его хочет убить тот же самый человек, который стрелял в Шинука.

Эрмин была в растерянности. Уже столько лет Мадлен никуда не отлучалась, что просто невозможно было представить, как она собирается преодолеть десятки километров одна, без всякой защиты.

— Ты не можешь уехать прямо сейчас, на ночь глядя, совершенно одна, — возразила она. — И куда ты поедешь? Нам же ничего не известно о том, где может находиться Шоган.

Киона хотела подняться, но в кровати было так уютно, а ногам так тепло от грелки...

— Там был костер из больших деревьев, — все-таки вымолвила она.

— Костер, деревья! Можно прочесать весь Квебек и увидеть сотни, тысячи костров.

Мадлен покачала головой. Ее лицо выражало отчаянную решимость и гнев: то была уже не прежняя Мадлен.

— Эрмин, у Кионы редкостный и ценный дар. Она из рода шаманов, и я ей полностью доверяю. Я думаю, что Шоган, должно быть, столкнулся с этим человеком неподалеку от барачного лагеря, где он живет с семьей. Дорогу я знаю. Лишь бы добраться до Перибонки, а дальше пойду пешком, сколько надо, столько и пройду. Я хочу удостовериться в том, что с Шоганом все в порядке, что он не ранен. И я ему объясню, что происходит. Вполне может быть, что он знает, кто враги Талы, а значит, и твои враги.

Весело начавшийся вечер, полный радости и музыки, превратился для Эрмин в кошмар. Она обняла Мадлен за плечи и притянула ее к себе.

— Будь благоразумной, подожди хотя бы до утра. Симон может довести тебя до Роберваля, стало быть, ты сумеешь предупредить Талу. Сегодня ночь очень морозная, будет безумием пускаться в путь. Да если бы просто шел снег, я посоветовала бы тебе то же самое.

— Одолжи мне упряжку Тошана. Собаки послушные, я справлюсь. Светит полная луна, и я окажусь на другом берегу озера на рассвете. Эрмин, благодаря тебе я не страдала от голода и холода, у меня есть родной кров, и я люблю вас — тебя и твоих детей. Мне не страшны ни ночь, ни мороз — ведь я индианка. А вот смерть брата страшит — это все равно что навсегда потерять часть самой себя.

Эрмин готова была плакать от бессилия, но согласиться никак не могла.

— Если ты уедешь вот так и с тобой что-нибудь случится, я буду упрекать себя всю свою жизнь за то, что не сумела отговорить тебя от безумного поступка, — заявила она.

Эрмин не сомневалась в истинности слов Кионы, но, чтобы удержать подругу, стала настаивать на обратном:

— Киона вполне могла задремать и увидеть кошмарный сон.

— Мимин, это был не сон, — сказала Киона. — Когда я увидела своего кузена, который должен был умереть, я была там. Я почувствовала запах костра, а тот мужчина сказал: «Торрье, ничего не понимаю».

Киона, воспитанная Талой в лесной глуши на берегу реки Перибонки, не могла выдумать такую подробность. Даже если ей и довелось случайно услышать ругательство, принятое в этих местах, неужели она намеренно воспроизвела его, чтобы ей поверили?

— Хорошо, Мадлен, поезжай! — уступила Эрмин. — Но на собачьей

упряжке, тепло одетая, с запасом еды и с сопровождающим. И на рассвете, не раньше!

— Ладно, — согласилась кормилица. — Благодарю тебя.

— А ты, Киона, лежи и грейся, — вздохнула Эрмин. — Я скоро вернусь и спою тебе колыбельную.

— Ту, про радугу, — попросила девочка.

— Непременно. Мадлен, присмотри за ней.

Эрмин сбежала вниз по лестнице: она торопилась умолять Симона сделать ей огромное одолжение. Сидя за столом в гостиной, Симон смаковал вино.

— А где Арман? — обеспокоилась она.

— Сбежал домой. Я его больше не могу выносить. Шарлотта укладывает детей.

— Симон, ты скоро получишь первую зарплату, — добавила она. — Не мог бы ты завтра утром отвезти Мадлен к родственникам, которые живут в лесу, к северу от Перибонки? На упряжке. На обратном пути сможешь остановиться и переночевать в нашем доме. Трасса проходит неподалеку. Ты мне окажешь огромную услугу. Объясню все потом, а то у нас на это уйдет вся ночь.

— Это связано с обмороком малышки? — осторожно спросил он. — Она говорила о Шогане. Кто это такой?

— Брат Мадлен. Симон, индейцы придают большое значение снам. Правда это или нет, но Киона утверждает, что Шоган в опасности, и Мадлен настаивает на том, чтобы поехать к нему. Если я ей не помогу, она способна пройти пешком много миль. Так можно и погибнуть.

— Что? Ты хочешь, чтобы я отправился в путь завтра утром? — закричал он. — И только потому, что какой-то девчонке что-то почудилось? Ты это серьезно, Мимин?

— Прошу тебя, Симон! У тебя будет прекрасная возможность заехать в Перибонку. Одним выстрелом двух зайцев убьешь.

— А что подумает мой хозяин? — снова выкрикнул он. — Завтра с утра я должен быть на работе, а остаток дня собирался провести с Шарлоттой.

— Я ему позвоню. Моя мать — одна из лучших его клиенток, и если я объясню ему, что мы, Шардены, попали в затруднительное положение, а ты оказываешь нам огромную услугу, он поймет.

— Или выставит меня за дверь. Безработных хватает, и на мое место быстро найдут желающего.

— Симон, я все устрою так, что ты не потеряешь свое место. А насчет

невесты не беспокойся, это я беру на себя. Еще одно. Деньги я дам сразу же, они могут тебе понадобиться. Считай, что это прибавка к той сумме, которую я заплачу потом.

Эрмин снова поднялась наверх. Мукки и близнецы уже спали под бдительным оком Шарлотты.

— Ну что, Кионе лучше? — спросила она.

— Да, она меня ждет. Шарлотта, у меня для тебя плохие новости.

В нескольких словах она сообщила о том, что на рассвете Симон уезжает.

— Ты шутишь? — оборвала ее Шарлотта. — Я была так счастлива, что сегодня весь день мы провели вместе! Бетти пригласила меня завтра на обед. К тому же мне не нравится, что он будет наедине с Мадлен. Мимин, ты только представь себе, что Тошан проводит несколько часов с другой девушкой. Тебе бы это понравилось?

— Прости меня, но это очень важно. Не будь слишком ревнивой. Мадлен думает только о том, чтобы увидеть своего брата живым. И мужчины ее не интересуют, ты сама это прекрасно знаешь, прожив столько лет бок о бок с ней. Так что иди скорей к Симону в гостиную — никто не будет вам мешать.

И не дав больше Шарлотте возможности роптать, Эрмин вернулась к Кионе. Мадлен уступила ей место и, еще раз поблагодарив, вышла из комнаты.

— Мимин, так ты споешь? Меня в сон клонит.

Эрмин легла, обняла Киону и, испытывая какой-то священный трепет перед этим ангельским существом, которое судьба ей послала, вполголоса стала напевать песню про радугу.

«Конечно, я так никогда и не узнаю, каким волшебным образом ты перемещаешься в пространстве, чтобы спасти тех, кого любишь, но для тебя я всегда буду здесь, милая моя Киона. Спи, спи спокойно».

Глава 9

Перед Рождеством

Валь-Жальбер, вторник, 19 декабря 1939 г.

— Вот и уехали, — сказала Эрмин. — Боже мой, надеюсь, Мадлен приняла верное решение. Как мне будет ее не хватать!

Она стояла на крыльце дома в шубе и сапогах на меху. Ее роскошные, еще не уложенные в прическу белокурые волосы развевались на ветру. Она все смотрела, не отводя взгляда, в том направлении, куда уехали Мадлен и Симон. Лай собак затихал вдали.

— Я побуду с тобой, — заверила ее Шарлотта. — И сегодня, и завтра утром. Помогу тебе с детьми.

— Ну, они-то будут себя хорошо вести, чтобы не остаться без подарка под елкой. Мне очень жаль, что я лишила тебя ненадолго жениха, но я люблю Мадлен, как сестру, а она просто места себе не находила, так тревожилась за своего брата.

— Идем в дом! Что мерзнуть попусту, они все равно не вернуться! Им повезло, небо прояснилось.

Снова оказавшись в гостиной, где веяло покоем и уютом, Эрмин разрыдалась: ей стало невыносимо грустно, когда она вспомнила радостную атмосферу вчерашней вечеринки.

— Извини меня, Шарлотта, — сказала она вполголоса. — Плачу как дура, а ведь не мне ехать в такую даль, да еще по такому холоду. Мы-то в безопасности, в прекрасном доме, а я еще смею роптать на судьбу. Где дети? Без Мадлен, скажу тебе, я как без рук. Она уже столько лет смотрит за ними.

— Они завтракают на кухне. Мирей сварила им кашу. Я же тебе только что говорила об этом.

— Должно быть, я прослушала, — пожав плечами, вздохнула Эрмин.

Ей пришлось самой запрягать собак, то и дело лаская Дюка, к которому она была очень привязана. Она усадила Мадлен в сани, убедилась в том, что у подруги есть все необходимое в дороге: пледы, еда и термос с горячим чаем — весь ее багаж. Симон, проникнувшись серьезностью происходящего, взял с собой полное охотничье снаряжение. Молодой

человек был одет в толстую шотландскую куртку и шапку-ушанку, скрывавшую его каштановые волосы, на виду оставались только усы и борода.

— Надеюсь, доберутся они без приключений, — добавила Эрмин, садясь перед огромной чугунной печью.

Потрескивание дров успокаивало ее. Шарлотта, в трикотажных брюках и шерстяной кофте, слонялась по комнате.

— Эрмин, можно тебе кое-что рассказать? — спросила она наконец.

— Разумеется, Лолотта... Извини, Шарлотта.

Шарлотта с озабоченным видом опустила на ковер. Некоторое время она не могла собраться с духом и заговорить.

— Сегодня ночью я совершила глупость, — призналась она. — Я пришла к Симону в спальню, и там, там...

— Ты хочешь сказать, что... — возмутилась Эрмин. — Быть того не может, ты ведь у нас такая серьезная, такая благоразумная!

— Мы собираемся пожениться, и я подумала, что ничего страшного в этом нет. Днем раньше или днем позже, какая разница? Но успокойся, ничего не произошло. Симон меня отчитал, он был чуть ли не в бешенстве!

— Хорошо, что он порядочный человек, — заметила Эрмин. — Да, ты своей выходкой, наверное, шокировала его. Напомню тебе, что вы всего лишь помолвлены, а свадьба намечена на весну. Только представь, а вдруг бы ты забеременела! То-то было бы пересудов!

— Да кто узнает? — усмехнулась Шарлотта. — Мы могли бы сыграть свадьбу пораньше, и все дела.

— Именно этого ты и добивалась?

— Конечно! Я так боюсь, что он передумает. Всякий раз, когда я сталкиваюсь с Арманом, он прямо в глаза мне заявляет, что у Симона была целая куча всяких блондинок, но ни на одной из них он так и не женился. Иногда я тоже начинаю сомневаться в его чувствах ко мне. А как вел себя Тошан, когда вы обручились?

— Ты прекрасно знаешь, что мы не были обручены. Я тебе рассказывала, как бежала из Валь-Жальбера, чтобы венчаться с ним в пустыни.

Эрмин на мгновение закрыла глаза и вновь увидела себя такой, какой она была девять лет назад: совсем юной, едва вышедшей из подросткового возраста и безумно влюбленной в красивого метиса, мысли о котором не давали ей покоя. В разгар зимы они мчались на собачьей упряжке, и головным был Дюк. «Я была так рада, что стану свободной, — вспомнила она, — но ужасно боялась первой брачной ночи. Она прошла под

лиственницами при свете костра».

— Тошан вел себя как настоящий влюбленный, — сказала она тихо. — От каждого его поцелуя я пьянела, но все равно ни за что не отдалась бы до свадьбы.

— А он тебя целовал в губы? — спросила Шарлотта. — Симон меня только в щечку чмокает. Он боится, что если позволит себе лишнее, то это заведет нас слишком далеко.

Эрмин взяла руки Шарлотты в свои и ласково посмотрела на нее.

— Значит, тому есть причина. Симона воспитали в семье Маруа, а что это за семья, тебе хорошо известно, ведь ты несколько месяцев жила у них в доме. Они очень набожные, ведут благопристойный образ жизни и истово соблюдают приличия. А у Тошана другие ценности. Я думаю, что и в церкви он со мной обвенчался только для того, чтобы доставить мне удовольствие, иначе отпраздновал бы нашу свадьбу или в какой-нибудь реке, или на мху в лесной чаще, взывая к природе, матери-кормилице людей и зверей.

Такое объяснение, похоже, успокоило Шарлотту, лицо которой осветила мечтательная улыбка.

— На самом деле не такой уж он и бабник, каким его представляет Бетти. Я просто дура! Симон относится ко мне с уважением, а я могу все испортить, если буду его подстрекать. Впредь буду осторожнее и дождусь, когда он наденет мне кольцо.

— Глупышка, мужчине не всегда легко устоять, если женщина, которую он любит, ночью приходит к нему в спальню, — заметила Эрмин. — Симону, должно быть, потребовалось сделать над собой огромное усилие, чтобы не поддаться соблазну. После этого я стану уважать его еще больше.

Они редко вели такого рода разговоры, и обе охотно продолжили бы, но в комнату ворвались дети. Киона держала за руку Лоранс и заливалась смехом. Сейчас она ничем не отличалась от любой девочки ее возраста.

— Мамочка, — воскликнул Мукки, — Мирей сказала, что сегодня днем будет солнце! Мы могли бы погулять.

— Да, дорогой мой, я обещала, что вы пойдете на длинную прогулку. Мы покажем Кионе Валь-Жальбер.

— Мамочка, а почему Мадлен уехала? — спросила Мари. — Она поцеловала нас в кроватках на прощание, а я хочу, чтобы она вернулась.

Эрмин нахмурила брови, и ее лицо приняло строгое выражение, что случалось с ней редко.

— Что за тон, Мари! Во-первых, говорят «мне бы хотелось», а не «я

хочу». Во-вторых, прошу тебя не топтать ногой. Мадлен необходимо срочно увидаться со своим родственником, и Симон повез ее на санях.

— Мамочка, а когда она вернется? — с удрученным выражением лица не отставала от нее Лоранс.

— Я не знаю, — решительно отрезала Эрмин.

Близнецы больше не осмелились задавать вопросы. Эрмин подумала о том, что в отсутствие кормилицы она, быть может, получит возможность сблизиться с дочерьми. «Они привыкли к моим отъездам, — с грустью говорила она себе, — но никогда еще не расставались с Мадлен, ни на один день. Я уверена, что ее они любят намного больше, чем меня».

Киона дотронулась до запястья ее руки кончиком указательного пальца, стараясь привлечь внимание.

— Мимин, а ты мне покажешь водопад? — спросила она тоненьким голоском. — На прекрасной речке Уиатшуан, которая поет даже зимой? И большую фабрику, которая закрылась?

— Ты увидишь все, о чем я тебе рассказывала, дорогая, — заверила ее Эрмин. — Мы отправимся гулять после обеда, а вернемся к полднику. Хорошо?

Киона согласилась с радостным криком. День обещал быть интересным.

«Я расскажу им, какой здесь была жизнь раньше, — думала Эрмин, — в те времена, когда прекрасный рабочий поселок Валь-Жальбер деловито гудел, как пчелиный улей. Для них я воскрешу в своей памяти тех, кто с тяжелым сердцем вынужден был его покинуть».

Несколько минут спустя раздался резкий телефонный звонок. Эрмин бросилась к аппарату и сняла трубку со смутной надеждой, что звонит Тошан. Это действительно был он. Она затрепетала от радости.

— Любовь моя, наконец-то! — воскликнула она. — Господи, до чего я рада тебя слышать! Как ты там? Очень холодно в Квебеке? У нас сегодня прекрасный солнечный денек.

У нее перехватило дыхание, она не могла говорить, но Тошан, не замечая этого, быстро ответил:

— Да нет, я не чувствую холода. Мне ужасно не хватает тебя и детей, моя дорогая. Я здесь, выкладываюсь изо всех сил, а ночью валюсь в койку, как подкошенный, и тут же засыпаю. Подготовка проходит намного тяжелее, чем я думал. Ты можешь гордиться своим мужем, я здесь считаюсь одним из самых выносливых. Мы должны уметь действовать в любой обстановке, ползать с грузом, вести рукопашный бой, владеть ножом и уметь применять различное огнестрельное оружие. Стоило пойти в

армию только ради того, чтобы увидеть, какой прогресс произошел в этой области. А самолеты, Эрмин, видела бы ты эти самолеты!

Она слушала, качая головой, со странным ощущением, что ее муж находится на какой-то другой планете, в совсем другом мире.

— Ну а я, — сказала она, когда он замолчал, — сижу с детьми, разучиваю с ними рождественские песни, а сейчас вот собираемся совершить большую прогулку по поселку...

— Крепко поцелуй их за меня, — прервал ее Тошан. — Я уверен, что ты отлично справишься с этим. Извини, хочу кое о чем тебя попросить, это довольно срочно! Не могла бы ты прислать мне какую-нибудь свою фотографию в сценическом костюме и подписать ее Жанне и Амели. Эти дамы — жена и мать одного из офицеров пехотной роты, то бишь моей роты. Они видели тебя в какой-то опере в Капитолии. Благодаря тебе я быстро продвинулся по службе. Как только я сказал, что ты моя жена, мне начали расточать улыбки и комплименты. — И пошутил: — Снимешься в каком-нибудь фильме — и я сразу стану полковником! А еще мне пришлось проучить одного типа, Шарля Лафлеша, которому, во-первых, не понравился цвет моей кожи, а во-вторых, то, что я пользуюсь здесь авторитетом.

Польщенная Эрмин пообещала как можно скорее отправить письмо. Только она хотела сообщить ему, что ее родители в отъезде, а в Валь-Жальбере гостит Киона, как услышала:

— Извини, дорогая, но я должен вешать трубку. Позвоню тебе при первой же возможности.

Она различила какие-то восклицания и смех. Тошан, вероятно, был не один, поэтому был скуп на слова любви.

— До свидания, — пробормотала она. — Я тебя люблю, до чего я тебя люблю!

В ответ раздался щелчок. Чуть не плача от обиды, но все-таки довольная, Эрмин вернулась к детям в гостиную. «Надо было рассказать ему о том, что со мной случилось. Да нет, лучше пусть остается, как есть. В любом случае Тошан не сможет прийти мне на помощь. Я буду бороться без него и за него!»

Валь-Жальбер, в тот же день, сразу после полудня

Эрмин оделась практично и удобно: анорак с капюшоном, теплые брюки и меховые сапоги — и теперь проверяла, тепло ли одеты дети.

— Надо взять снегоступы, — с улыбкой сказала она им. — Снега не так уж много, но улицы больше не расчищают, а в некоторых местах вообще не пройти. Мукки, надень шапку, ветер холодный. Лоранс, вот твои варежки, давайте живее!

Киона ждала, смиренно сидя на стуле в детской. На девочке был костюм, который носят маленькие индианки. Она настояла на том, чтобы надеть именно его.

— Мимин, мамочка вшила в него амулеты, — объяснила она. — Они меня защищают, и я не должна выходить без них.

— Понимаю, дорогая, — сказала ей Эрмин. — Не волнуйся, тебе очень идет этот костюм.

Чувствовалось отсутствие Мадлен. Кормилица умела быть властной и непреклонной, когда речь шла о мытье или одевании. Но Эрмин не собиралась добиваться совершенства. Она еще раз осмотрела детей и осталась довольна.

— В путь, малышня! — воскликнула она.

— Мамочка, я уже совсем большой, — возразил Мукки.

— Согласна, месье Жослин Дельбо! — пошутила она. — Ты еще не забыл, что тебя тоже зовут Жослин, как твоего дедушку?

Мукки выслушал это сообщение с гордым видом. Прибежала озабоченная, раскрасневшаяся Мирей.

— Будьте осторожны! Не заходите в дома на плато, — наставляла экономка. — Снежные бури повредили кровлю, так что там теперь очень опасно. Вот если бы Шарлотта пошла с вами! Но она уже уехала в Шамбор.

— Мирей, на прогулке мне Шарлотта не нужна, и я не настолько безрассудна, чтобы подвергать детей риску, — отрезала Эрмин. — Мы пройдем по улицам до целлюлозной фабрики, и речи нет о том, чтобы заходить в эти старые дома. Приготовь нам вкусный полдник, а я тебе обещаю, что мы вернемся целыми и невредимыми.

Веселый маленький отряд наконец оказался на крыльце. Яркое солнце освещало заснеженный пейзаж, усеивая его множеством серебристых блесток. Стоял сухой мороз, и в сочетании с чудесным зимним светом создавалось впечатление удивительной кристальной чистоты.

— Сначала мы пойдем поздороваться с приходской школой, — объявила Эрмин. — Это очень красивое здание.

Она еще не поведала детям горестную историю первых лет своей жизни. Когда она вспоминала те времена, то, главным образом, рассказывала о приятных событиях. Они подошли к широкому крыльцу с балконом, который поддерживали четыре внушительные колонны, и тогда

она решила приоткрыть детям завесу над тайной.

— Когда мне исполнился всего годик, у бабушки с дедушкой случились большие неприятности, — начала она. — И меня отдали монахиням, которые руководили этой школой. Ко всему прочему я была больна, но сестры меня выходили. Можно сказать, что приходская школа — это семья, в которой я выросла. Уже с шести лет я иногда пела на переменах, но была такой маленькой, что приходилось влезать на табуретку.

— Мимин, а что ты пела? — спросила Киона.

— Простые песенки, вроде «У светлого ручья», «У меня в табакерке отличный табак» или «Жаворонок, мой милый жаворонок». Подружки были в восторге и хлопали мне. Но мать-настоятельница отчитывала нас, если заставляла за этим. А немного позже я выучила «Аве Мария».

— А где была твоя комната? — спросила Мари.

— Я жила на втором этаже, но своей комнаты у меня не было, а была только маленькая кроватка, которая стояла рядом с кроватью сестры Викторианны, послушницы. Послушница занимается приготовлением пищи и уборкой. Смотрите, вон из того окна, слева, зимой и летом я смотрела на этот пейзаж. И представьте себе, что внутри, на втором этаже, располагалась часовня. Я любила ходить туда и тайком молиться в одиночестве, а в мае сестры поручали мне собирать букеты цветов для украшения алтаря. Я могу похвастаться тем, что была одной из немногих воспитанниц школы, которые знали в ней каждый уголок. Я даже как-то утром поднялась на колоколенку, чтобы оттуда полюбоваться на поселок. Идемте дальше, по улице Сен-Жорж.

Эрмин держала за руки близнецов, а Мукки взял за руку Киону. Так они оказались под окнами дома Маруа. Тут же выскочила Бетти, явно надеясь немного посудачить.

— Вышли погулять! — воскликнула она. — И правильно сделали, погода прекрасная. Но, как утверждал Жозеф поутру, долго это не продлится.

— Мы можем взять с собой Мари, — предложила Эрмин.

— К сожалению, моя малышка уехала с Жо и Арманом в Шамбор, навестить знакомых. Я одна в доме, вот и воспользовалась этим, чтобы навести порядок. Ну, не буду вас больше задерживать.

Эрмин сердечно улыбнулась ей на прощание. И все же, снова пускаясь в путь, она поймала себя на странном ощущении, будто Бетти не совсем в своей тарелке и словно боится, что ей помешают. Пройдя несколько метров, она и думать об этом забыла — Мукки отвлек ее, спросив, почему у

улиц такие названия.

— Чтобы проще было ориентироваться, — ответила она. — Почтальоны и приезжие должны быстро находить тот или иной адрес. Даже в Робервале. Улица Сен-Жорж была так названа в честь Жозефа-Жоржа Паради, первого кюре Валь-Жальбера, а улица Лабрек — в честь монсеньора Мишеля-Тома Лабрека, епископа Шикутими.

— Можно подумать, ты с нами урок проводишь, — заметила Лоранс.

— И он еще не закончился, — смеясь, воскликнула Эрмин. — Сейчас я вам прочитаю лекцию по истории Валь-Жальбера. Итак, мы с вами на улице Сен-Жорж, которая была одной из самых оживленных в поселке, здесь находилось много магазинов. Смотрите, это почтовое отделение, и оно по-прежнему работает. Прямо перед вами универсальный магазин. А в соседнем доме помещалась мясная лавка, принадлежавшая Леонидасу Паради^[44]. Каждую субботу Бетти посылала меня к нему купить мяса, которое она готовила по воскресеньям.

Киона с интересом рассматривала внушительный фасад универсального магазина с плотно заколоченными окнами и дверями.

— На первом этаже располагалась бакалейная лавка, в которой можно было купить все необходимое, — продолжала Эрмин. — А на втором владельцы здания оборудовали казино, там играли в карты. На третьем была гостиница на два десятка номеров. Я любила приходить сюда за покупками для Бетти и сестер-монахинь. Разглядывала подвешенную к полкам железную утварь, новую и сверкающую, и стеклянные банки со сладостями. Я не отваживалась что-нибудь здесь купить, даже если у меня оставалась какая-то мелочь.

В тот момент, когда Эрмин вспоминала эти подробности из своего детства, маленькие пальчики в шерстяной варежке сжали ее пальцы. Это была Киона.

— А потом ты заработала много денег и теперь можешь покупать любые конфеты, какие захочешь, — с хитрой улыбкой заключила девочка.

— Да, ты права, — согласилась Эрмин. — Позади магазина заливали каток, где я впервые увидела Тошана.

— Вот было бы здорово, если бы папа гулял сейчас с нами, — вздохнул Мукки.

— Да, дорогой, — согласилась Эрмин. — Возможно, когда-нибудь так и будет.

Заброшенные дома, занесенные по самую крышу снегом, из труб которых никогда уже не поднимется дымок, вдруг навеяли на Эрмин тоску. Она поспешила дальше. Снегоступы легким шуршанием отмечали их шаги.

— Здесь жила Мелани Дунэ, — продолжила свой рассказ Эрмин, останавливаясь перед домиком, похожим на все остальные на этой улице. — Я приносила ей настойки из трав, которые готовила для нее одна из монахинь, и бедняжка всегда просила меня спеть ей песню «Странствующий канадец»^[45].

— Ой, мамочка, спой эту песню, прошу тебя! — взмолилась Лоранс.

— Хорошо, — согласилась Эрмин.

Раздался ее нежный, поразительно чистый голос, который сначала звучал тихо, но постепенно становился все громче.

Милой Канады сын
Прочь от родимых мест
Брел меж чужих долин,
Горько кляня свой крест.

Выйдя к большой реке,
Сел отдохнуть бедняк,
И о своей тоске
Он говорил ей так:

«К милым спешу брегам,
В землю отцов моих,
И передай друзьям —
Я не забуду их»^[46].

— Как красиво, мамочка, ты ее поешь! — пришел в восторг Мукки, его черные глаза сияли от радости.

— Я обожаю эту песню, — мечтательно заявила Мари.

Эрмин не стала петь все куплеты. Она внимательно прислушалась, стараясь различить глухой шум падающей воды. Морозы были еще не настолько сильными, чтобы сковать Уиатшуан ледяным панцирем, и водопад продолжал обрушиваться в озеро Сен-Жан. Но чтобы попасть к нему, сначала надо было пройти мимо целлюлозно-бумажной фабрики.

— Посмотрите, мои дорогие, наверх. Это место называется «плато», или Верхний город. Дома здесь были построены тогда, когда фабрика работала на полную мощность, а население Валь-Жальбера росло.

Мукки споткнулся и, чтобы не упасть, схватился за какое-то торчащее из снега железное сооружение.

— А это что? — спросила Киона.

— Водозаборная колонка, — объяснила Эрмин. — Люди приходили сюда за водой. Если бы вы видели этот поселок прежде! Великолепные сады с вьющимися растениями, цветы, ухоженные огороды. В каждой семье откармливали поросенка и держали птицу, а кое у кого была корова или лошадь. В сочельник все приходили в церковь на мессу.

— Но, мамочка, церкви больше нет, — удрученно сказала Лоранс.

— Увы, нет. Ее снесли семь лет назад, — ответила Эрмин.

Дети приумолкли под впечатлением от увиденного. Они смотрели на опустевшие здания, похожие на игрушечные домики, брошенные посреди гигантского безукоризненно чистого ландшафта.

Эрмин ничего больше не сказала, она испытывала какое-то странное волнение. Прогулка принесла ей больше грусти, чем радости. На нее нахлынула череда образов, напомнив о жизни в Валь-Жальбере в кипучие времена, о теплой атмосфере процветающего рабочего городка, на редкость современного по тогдашним меркам.

— А вот улица Сент-Анн, — сказала она, когда они прошли немного вперед. — Названа так в честь блаженной Анны. Некий месть Станислас Ганьон открыл здесь бакалейную лавку, но вскоре она закрылась. А вот в этом красивом доме жил старший мастер фабрики и мог наблюдать, что на ней творится, прямо из окна своей спальни. На этой ярко освещенной по вечерам большой площадке играли в крикет и теннис.

Мукки бегом бросился к развалинам пакгауза, в котором когда-то размещались вокзал и товарная станция. Зачарованным взглядом смотрел он на здания бывшей электростанции, возведенные у подножия скалистого утеса. А Киона не видела ничего, она не могла дождаться, когда они окажутся около водопада Уиатшуан.

— Мимин, вот она, поющая река! — воскликнула она.

— Да, Киона! Имей терпение, мы подойдем поближе полюбоваться ею, — ласково сказала ей Эрмин.

Вне себя от счастья, девочка затаила дыхание. Несмотря на расстояние, она уже различала тысячи брызг, радужно переливающихся на солнце, в лучах которого искрились фантастические кружева из инея, окаймлявшие водопад.

Близнецы уже бывали на водопаде, и он их ничуть не заинтересовал; они бросились вслед за братом исследовать окрестности электростанции. Эрмин поспешила их остановить.

— Не разбегайтесь! — крикнула она. — Под снегом могут валяться куски железа или ветки. И ничего не трогайте, здесь вам не детская

площадка. Если не будете меня слушаться, мы сейчас же вернемся домой. Жозеф Маруа еще здесь работает, обслуживает электростанцию, которая почти превратилась в музей.

Все трое, смеясь, вернулись к Эрмин.

— Десятки рабочих, сменяя друг друга, трудились днем и ночью на целлюлозной фабрике, — продолжила она. — А там, Мукки, куда ты хотел залезть, грузили в вагоны или складывали штабелями тюки целлюлозы, которые потом отправляли во все концы страны и даже в Европу. Кроме того, надо было обслуживать динамо-машину, вырабатывавшую электрический ток, она до сих пор нам служит, и у каждого служащего была своя задача: кто-то чистил механизмы, кто-то смазывал гидравлические прессы. Только что мы прошли мимо дома семьи Тибо, да-да, родителей нашего друга Пьера Тибо. Если бы вы видели, как его отец не хотел покидать Валь-Жальбер!

Взволнованная Эрмин на какое-то время умолкла. Стоит ли рассказывать своим жизнерадостным детям, что Селин Тибо, мать Пьера, умерла от испанки? В 1918 году смертельная эпидемия охватила район, прилегающий к озеру Сен-Жан, унесла также и Жанну, дочь супругов Тибо. «Мне было всего четыре года, но воспоминания о том времени до сих пор свежи в памяти, — подумала она. — Моя дорогая сестра Мария Магдалина, которая хотела меня удочерить, тоже умерла».

Тут Киона схватила ее за рукав. Она была мертвенно-бледной, глаза широко раскрыты.

— Что с тобой, дорогая? — забеспокоилась Эрмин.

— Ничего, ничего, — удивленно улыбаясь, бормотала Киона.

— Да нет же, что-то случилось. Скажи мне!

Эрмин наклонилась, неотрывно глядя на девочку, словно боясь, что та снова упадет в обморок или расплачется.

— Не такой он и грустный, этот твой поселок, — бормотала Киона. — Я видела людей.

Эрмин умоляющим взглядом просила ее продолжать. Мукки и сестры воспользовались моментом, чтобы, толкая друг друга, снять снегоступы.

— Я видела людей, — снова заговорила Киона вполголоса. — Лето. Деревья и трава зеленые-зеленые. Дамы в длинных черных платьях и белых накидках на голове, с крестами на груди, кресты такие, как над кроватью Мадлен. На других дамах тоже красивые наряды: очень длинные юбки и соломенные шляпы. И универсальный магазин открыт. Мимин, это так радостно, так красиво.

— Боже мой! — мягко ответила Эрмин. — Возможно, ты видела

какую-то сцену из прошлого, из той поры, когда фабрика еще работала. А ты не сочинила все это, чтобы сделать мне приятное?

Конечно, ее мучили сомнения... Девочка, несомненно, обладала таинственными способностями, но все же была только ребенком, способным что-то выдумать шутки ради или из желания приукрасить действительность.

— Мимин, ну почему ты мне не веришь? Я видела людей, дома с занавесками на окнах, все то, о чем я тебе рассказала.

— Я готова тебе поверить, дорогая моя, — вздохнула Эрмин. — Но то, что ты рассказываешь, просто поразительно!

Киона покачала головой и повернулась к водопаду с выражением священного трепета на лице.

— Уиатшуан никогда не исчезнет! — заявила девочка. — Даже в очень далеком будущем.

— Безусловно! — ответила Эрмин. — Киона, мне тебя жаль. Если видения часто посещают тебя, наверное, тебе бывает страшно?

— Да нет, не очень, — уверила ее Киона.

Мукки со смехом окликнул мать. Он увел девочек с собой на берег реки.

— Стойте! — прикрикнула на них Эрмин. — Ведь вы даже без снегоступов. Поскользнетесь и упадете в воду!

Обеспокоенная Эрмин бросилась к ним, а за ней и Киона, не проявляя при этом никакого волнения, ведь ее друзьям ничего на самом деле не угрожало. А вот зрелище им открылось великолепное. Прозрачный поток с грохотом прорывался меж скалистых круч, поросших обледеневшими хрупкими елочками и кустарником. Уиатшуан напоминал могучее животное, во весь опор мчавшееся вниз с холмов, словно стремясь вырваться из тисков мороза.

От ледяного дыхания реки Эрмин содрогнулась.

— Солнце скоро сядет, и будет очень холодно! — крикнула она. — Дети, отойдите от обрыва! Мукки, ты будешь наказан.

— Нет, Мимин, не надо его наказывать, — вступилась за мальчика Киона. — Он хотел поздороваться с водопадом. Я так рада, что увидела его. Мимин, я хотела бы забраться на самый верх.

— Не сегодня, Киона, — возразила Эрмин. — Проще и приятнее это сделать летом. Я тебя обязательно свожу туда.

Она кинула взгляд в северном направлении. Горизонт застилала гряда больших хмурых туч. Сильный порыв ветра встревожил ее.

— Лучше нам вернуться домой, — решила она. — Мари, Лоранс,

надевайте снегоступы. И ты, Мукки, тоже. Мы пройдем по улице Дюбюк, названной так в честь месье Дюбюка, управляющего целлюлозной фабрикой.

Слова замерли у нее на губах. Безмятежность этого прекрасного дня быстро исчезала.

— Дети, поспешим, мне кажется, что скоро начнется снегопад. Киона? Где Киона?

Девочка исчезла. Эрмин показалось, что она наяву видит какой-то кошмар. Сердце учащенно забилось. Она огляделась, все больше и больше впадая в панику.

— Киона! — закричала она. — Наваждение какое-то. Ведь она только что была здесь!

— Мамочка, вот она, вон там, — откликнулся на ее слова Мукки, указывая пальцем.

Странная девочка в снегоступах замечательно ловко проскользнула между грудой камней и спустилась к реке. Вытянув вверх руки, Киона то склонялась, то выпрямлялась, то снова склонялась, будто воздавала почести величественному водопаду. Сильный ветер поднял на реке волны, и одежда и волосы девочки были уже забрызганы водой.

Испуганной и выведенной из себя Эрмин пришлось набраться смелости и спуститься к Кионе, которая, должно быть, не слышала ее из-за рева водопада.

— Да что же ты делаешь? — крикнула она, встряхивая Киону за плечо. — В каком ты виде! Киона, хватит!

— Мимин, не надо сердиться! — воскликнула Киона. — Я набралась силы от Уиатшуана, я попросила его защитить всех нас: мамочку, тебя, Тошана, Мадлен, Мукки и близняшек.

— А я тебе скажу, что к вечеру у тебя поднимется температура и начнется насморк, — оборвала ее Эрмин. — С водой, как и с огнем, шутки плохи.

Киона смирилась и отступила на камни. Все еще сердясь, Эрмин выбрала самый короткий маршрут к родительскому дому, казавшемуся ей сейчас обителью тепла и безопасности. «Как я испугалась, когда Киона исчезла! — думала она. — Боже мой, какой ужас! Но могло быть еще страшнее, если бы вдруг она случайно поскользнулась. Да и Мукки, Мари и Лоранс тоже не слушались меня. Мне надо быть с ними все время начеку и вести себя строже».

Когда они увидели вдали крышу дома Шарденов, в воздухе уже начали кружиться первые хлопья снега. Эрмин прибавила шагу.

— Бегом домой! — приказала она детям. — Мирей, должно быть, уже заждалась. Я зайду на минутку к Бетти, приглашу ее пополдничать с нами, а то она совсем одна.

Быстро темнело. В доме Маруа не горела ни одна лампа. Эрмин обогнула основное здание и вошла во двор, полагая, что соседка в конюшне или в хлеву. Шинук приветствовал ее звонким ржанием.

— Привет, мой храбрый конь! Ну как, оправился от треволнений? А я еще нет, все дрожу по поводу и без повода.

Она погладила его по груди и холке, стараясь не задеть уже затянувшуюся рану. Ее внимание привлек донесшийся снаружи шум, и она отчетливо увидела, как через заднюю дверь из кухни выходит мужчина. Он был в шляпе и обмотан шарфом, так что лица ей разглядеть не удалось. Эрмин увидела только его глаза — мрачные и пронзительные. Он спустился по заснеженным ступенькам крыльца, тревожно поглядывая по сторонам, как вор. Казалось, что он старается остаться незамеченным. Он бесшумно и быстро удалился.

«Что бы это значило? — раздумывала Эрмин. — Боже мой, неужели это грабитель или какой-нибудь бродяга, который напал на Бетти?»

Однако необъяснимое ощущение неловкости помешало ей броситься на помощь. Светская жизнь в артистической среде Квебека приучила ее к двусмысленным и даже фривольным ситуациям. Ей в голову пришло самое невероятное.

«Неужели к Бетти ходит какой-то мужчина? — подумала она. — Жозеф не слишком нежный муж, да и жить с ним — дело нелегкое. Нет, бред какой-то! Это не похоже на Бетти! Она женщина набожная, серьезная, верная и преданная. Право же, мысли у меня какие-то нелепые».

И почти тотчас же достопочтенная супруга Жозефа Маруа вышла из той же двери собственной персоной. Румяная, закутанная в пеструю шерстяную шаль, она направилась к хлеву, напевая:

Говорите мне про любовь,
Эти речи — моя услада,
Все бы слушала вновь и вновь,
Мое сердце всегда им радо.

Эрмин узнала припев одной из французских песен. Она так и стояла, будто оглушенная, краснея от смущения, поскольку уже не могла сбежать незамеченной. Бетти вошла в конюшню и заметила Эрмин. Мечтательное

выражение на ее лице сменилось испугом.

— Мимин! Боже милосердный! — воскликнула она. — Что ты тут затаилась? До чего ты меня напугала!

Голос красавицы Элизабет Маруа звучал не так, как обычно — ласково и спокойно, — а слегка дрожал. Вьющиеся светлые волосы обрамляли ее похорошевшее от необычного возбуждения лицо.

— Да вот, проходила мимо и зашла посмотреть, как себя чувствует Шинук, — ответила Эрмин, сгорая от смущения. — Я не хотела тебе мешать, Бетти, ну, я пойду.

— Да ты мне не мешаешь. Я закончила готовить ужин и собиралась задать корм скоту. Ну что ты так на меня смотришь? А, держу пари, ты видела, как кто-то вышел через заднюю дверь!

— Ну да, — пробормотала Эрмин. — Я забеспокоилась, не случилось ли чего с тобой. После того как на меня напали, я, чуть что, сразу теряюсь.

Бетти дала напиться корове и лошади. Хотя она и старалась держать себя в руках, ее движения выдавали сильную нервозность.

— Мимин, это один из моих кузенов. Он живет в Сен-Фелисьене, заехал поздравить меня с праздником. Видишь ли, Жозеф терпеть не может мою родню и меня заставляет сторониться их. Вчера я предупредила кузена, что сегодня буду одна и что он может меня навестить.

— Жозеф слишком далеко заходит, — сказала в ответ Эрмин, которая с трудом поверила в это неуклюжее объяснение. — А ты мне никогда не говорила о своем кузене.

— Да он недавно обосновался в Сен-Фелисьене. Что-то нам с тобой редко удается посудачить, не то, что раньше. Нечасто ты ко мне заходишь, Эрмин.

— Ты права, Бетти. Я как раз хотела пригласить тебя к нам на полдник. Был бы случай потрепаться, как говорит Мирей.

— Как-нибудь в другой раз. Скоро должен подъехать Жозеф с Мари. Главное, не очень распространяйся о моем кузене.

— Хорошо, — пробормотала Эрмин и поспешила уйти, абсолютно уверенная в том, что Бетти обманула ее.

Ей стало грустно, и возникло досадное ощущение, что привычный мир вот-вот обратится в хаос. Увидев, что дети чинно сидят за столом под присмотром экономки, она почувствовала облегчение. В воздухе распространился восхитительный запах растопленного сахара, смешанный с ароматом чая с лимоном.

— Мамочка, Мирей напекла оладий и сдобных булочек, — обратился к ней Мукки, — а я есть хочу.

— Эрмин, звонила мадам, — сказала Мирей. — Ты чуть-чуть не поспела, это было с полчаса назад. Конечно же, я сняла трубку. Твоя мать, похоже, в восторге от Шикутими. Я ей сказала только, что ты ушла с детьми на прогулку.

— Спасибо, Мирей. А больше ей ничего знать и не надо.

Тут Киона посмотрела на нее своими пронизательными золотистыми глазами. Эрмин была грустна без какой-либо видимой причины. Киона удержалась от желания подбежать и обнять ее. Она с аппетитом ела теплые оладьи, которые положила ей экономка.

— Mamочка, скажи, ты прямо завтра отвезешь Киону в Роберваль? — стал расспрашивать ее Мукки. — Почему она уезжает? Было бы хорошо, если бы и бабушка с дедушкой с нею познакомились.

— Тала будет скучать без дочки, — ответила Эрмин. — Хорошо, что ты спросил об этом. Мне надо договориться с Онезимом, чтобы он нас довез, а то Симон забрал упряжку.

С этими словами, даже не притронувшись к содержимому своей тарелки, она перенеслась в мир своих невеселых мыслей. Необычное поведение Бетти и ее фальшиво звучащие объяснения неотступно преследовали и тревожили ее. «Боже мой, не могла же Бетти опуститься до того, что завести любовника. Я все это просто-напросто придумала! Учитывая скверный характер Жозефа, ее рассказу можно поверить: конечно же, речь идет о кузене. Но надо будет ее спросить, почему он вышел через заднюю дверь кухни».

Она представила себе непристойную сцену — полумрак спальни и слившаяся в объятиях полуголая пара, причем у женщины черты лица Бетти, а мужчина — тот самый кузен с подозрительным взглядом. Эрмин стало стыдно, она ощутила возбуждение, которое медленно растекалось по телу горячей волной и достигло низа живота. Из этого она заключила, что в ее возрасте вредно жить в разлуке с мужем.

Еще пять лет назад, в Квебеке, явные знаки внимания со стороны импресарио настолько вскружили ей голову, что она позволила себя поцеловать.

«Тошан, мне тебя не хватает, — сказала она себе, на мгновение прикрыв глаза. — Любимый мой, как я хотела бы оказаться рядом с тобой, ощутить на губах твой поцелуй. Ты боялся, что я не буду тебе верна. Такого не случится, но как же мне тебя не хватает!»

Мирей, озадаченная странным выражением лица Эрмин, громко кашлянула. Эрмин вздрогнула.

— Послушай, Эрмин, если есть не хочешь, хоть чаю попила бы, —

пожурила ее экономка.

— Да-да! — смутившись, пробормотала она.

Наступило молчание, прерванное стуком во входную дверь. Ворча, Мирей пошла открывать. Она быстро вернулась в сопровождении Пьера Тибо. Молодой человек, держа в руках шапку, в смущении остановился на пороге кухни.

— Извините за беспокойство! — сказал он со своей всегдашней доброй улыбкой. — Эрмин, мне надо с тобой переговорить.

Эрмин поспешно поднялась и провела его в гостиную.

— Что случилось, Пьер? — спросила она. — Надеюсь, ничего плохого?

— И да и нет, — отрезал он. — Я привез сообщение от твоей свекрови. Сегодня утром, спозаранку, я был в Робервале и встретил там вашего соседа Симона Маруа. Они вместе с Мадлен собирались переехать через озеро на собачьей упряжке.

— Это мне известно, — сказала она. — Мадлен надо съездить к своим.

Пьер утвердительно кивнул, а затем добавил:

— Но и твоя свекровь, Тала, уехала с ними. Она просит тебя, пока ее не будет, присмотреть за Кионой.

— Что? Чепуха какая-то. Тала совсем ума лишилась?

Она кусала губы, чтобы не выразить вслух то, что ее тревожило и приводило в полное замешательство. «Завтра возвращаются родители и Луи, — думала она. — Если мама обнаружит здесь Киону, будут ужасные неприятности».

— Можно подумать, что для тебя это проблема, — удивился Пьер. — Еще один ребенок на Рождество — больше радости в доме.

— Конечно! — не стала спорить она. — Не беспокойся, просто я немного удивилась, только и всего. Я благодарна за то, что ты взял на себя труд предупредить меня. Ведь тебе пришлось сделать для этого крюк.

— Я готов на все, чтобы увидеть тебя, Эрмин, — сказал Пьер, не сводя с нее глаз.

Она смутилась, сначала даже не зная, что сказать в ответ, а потом решила свести все к шутке.

— Если бы тебя слышала твоя жена, она бы показала, где раки зимуют, подхалим ты несчастный! Пойдем, выпьешь чая, он еще горячий.

— Нет, лучше я поеду, — ответил он. — А что, Тошан написал тебе?

— Пока нет, но утром звонил по телефону. Счастливо добратья до дома, Пьер! — сказала она твердо. — Я тебя провожу.

Движением руки он остановил ее. Он выглядел очень взволнованным.

Эрмин даже не успела повернуться, как Пьер схватил ее за руку.

— Я говорю серьезно, — сказал он глухим голосом. — Ты знаешь, как ты мне когда-то нравилась, и это у меня так и не прошло. Помнишь, как десять лет назад, когда мы уезжали из Валь-Жальбера, я тебя поцеловал? Уже тогда это было серьезно. Эрмин, я думаю о тебе ночью и днем, и, поверь мне, я не преувеличиваю, тот давний поцелуй не дает мне уснуть.

Кроме случая с известным соблазнителем, Октавом Дюплесси, молодой певице никогда не доводилось попадать в такого рода ситуации. Только Тошан признавался ей в своих чувствах, и он стал ее мужем, отцом ее детей. Однако она была достаточно проницательной, чтобы понять, что Пьер говорит искренне. И поэтому у нее не было намерения откликнуться на его признание.

— Ты ставишь меня в неловкое положение! — сказала она. — Будь благодарен. А кроме того, Тошан — твой друг. Как ты можешь вот так его предавать?

— Я его не предаю, мы пока ничего плохого не сделали, — возразил Пьер. — В любом случае, он меня разочаровал. Ему выпало счастье жить с тобой, так зачем он тогда отправился в армию? Признайся, Эрмин, что он тебя бросил! Такая идет молва в Перибонке. Место твоего мужа — рядом с тобой. Он же оставил тебя, и тебе приходится одной растить троих малышей, а ведь ты только что потеряла грудного ребенка. Согласись, это некрасиво с его стороны. Не я один так думаю.

Эти слова разбредили едва затянувшуюся рану. Вся дрожь от волнения, Эрмин старалась не выйти из себя.

— Пьер, тебя это не касается! Если даже Тошан и поступил неправильно, не тебе обсуждать его решение, ты просто пытаешься опорочить его. Если хочешь знать, я восхищаюсь тем, что у Тошана хватило мужества пойти в армию. Он будет сражаться за то, что ему дорого: за равенство людей и за справедливость. Индейцы в этой стране многое пережили в прошлом, да их и сейчас презирают, обращаются как с париями. Так что не трать попусту силы, не старайся увлечь меня красивыми речами — я обожаю своего мужа. А теперь тебе лучше уйти.

— Эрмин, многие женщины слепы от любви, как и ты. Да, я уйду, но подумай о том, что я тебе сказал.

— А ты, Пьер, не забудь про обручальное кольцо, которое носишь на пальце, и о своих четверых детях.

Пьер постоял в нерешительности, потом бросился к ней и обнял. Словно голодный, он зарылся лицом в ее волосы, а затем слегка укусил за шею.

— Да ты совсем рехнулся! — воскликнула она и оттолкнула его. — И чтобы впредь такого не было!

— Брезгуешь! Наверное, с другими ты не столь сурова. Ты думаешь, я слепой? В последний раз, когда я был здесь, ты с дрожью в голосе пела для Лафлера. Он, конечно, славный малый, да только у него мозги вместо мускулов.

— Бедный мой Пьер, мускулы — это не самое главное. И я запрещаю тебе нести всякий вздор. Уходи! Тебе должно быть стыдно!

Не сказав ни слова, он вышел с застывшим лицом. Эрмин не могла вернуться в кухню и опустилась на диван. Сердце громко стучало. Она с жаром защищала Тошана, однако во многом была согласна с Пьером.

«Боже мой! Дай мне силы отрешиться от сомнений, — взмолилась она. — Не знаю почему, но я все чаще и чаще думаю об Овиде. Прошлой ночью он мне даже приснился. Пьер не ошибся, мне действительно хотелось петь для него. Если, по воле случая, я снова встречу его, то постараюсь вообще не общаться или держаться с ним холодно и на расстоянии. Но разве я во всем этом виновата? Испытания следуют одно за другим, у меня нет времени ни передохнуть, ни вновь поверить в свое будущее. Неожиданно Тала решает следовать за Мадлен, неизвестно куда. Я послала Симона на другой берег озера Сен-Жан, завтра вечером он должен привезти моих родителей из Роберваля. А Киона? Как объяснить матери ее присутствие здесь? Конечно, Бетти могла бы взять ее к себе. Нет, я не хочу с ней расставаться».

Она сидела, охваченная мрачными мыслями, как вдруг дом буквально задрожал от мощного порыва ветра. Эрмин пришла в себя, встала и подошла к окну. Снег валил крупными хлопьями.

— Мимин? — раздался тихий голосок.

— Да, Киона.

Киона взяла ее руку в свои, погладила ее пальцы. Эрмин нагнулась и поцеловала девочку в лоб.

— Мимин, тебе грустно? Мне тоже. Я думаю, что моей рождественской елочке одиноко в Робервале, потому что мамочки там нет.

— Скажи-ка, ты что, подслушивала наш с Пьером разговор?

— Нет, я полдничала, вдруг все потемнело, и я увидела, что моя мама сидит в санях вместе с Мадлен. Мимин, я не нарочно это делаю!

Эрмин взяла Киону на руки и прижалась щекой к ее щечке. Так они и застыли, не произнося ни слова, умиротворенные.

«Сестра ты моя дорогая, мой чудесный ангелочек, — думала Эрмин, — пока ты рядом со мной, у меня достанет силы духа».

Наступала ночь. Эрмин, сидя в кресле между большой чугунной печкой и зажженной елкой, листала какой-то журнал. Дети играли на ковре с огромным количеством деревянных кубиков, которые по воле их воображения превращались в очередные шаткие сооружения. Из патефона звучали рождественские песнопения. Вкусный запах тушеных овощей разносился по хорошо протопленному дому. За окном, не переставая со вчерашнего дня, продолжал валить снег.

«Как здесь спокойно!» — подумала Эрмин.

Галдеж на крыльце нарушил гармонию, которой она наслаждалась. Тут же из коридора раздался топот, сопровождаемый громкими криками, и в гостиной появился Луи с красными от мороза щеками и в припорошенной снегом одежде.

— Вот и мы! — с ликованием воскликнул мальчуган. — А грузовик Онезима застрял и дальше проехать не может. Онезим ужасно ругается. «Эта чертова телега дала дуба!»

Забавно было слышать ругательства, расхожие в районе озера Сен-Жан, из уст ребенка, однако Эрмин сделала ему страшные глаза. И в тот же миг ее охватило чувство, близкое к панике, поскольку появление Луи предвещало другое появление. Оно не заставило себя ждать: в меховой шляпе и шубе в комнату вошла Лора.

— Эрмин, я жду от тебя объяснений! — не медля, воскликнула она. — Что за глупость — посылать за нами Онезима Лапуанта в роли шофера! Его жуткая машина заглохла, и нам не меньше десяти минут пришлось пробираться пешком, а снега — выше щиколотки. Твой бедный отец нагружен, как верблюды. Где Симон? Я ему заплатила вперед за обратную дорогу.

— Добрый вечер, мама! — отвечала Эрмин, обнимая ее. — Я сделала все, что могла. Главное, что вы добрались до дома.

Лора еще не увидела Киону, а вот Луи смотрел на нее с изумлением. Он узнал в ней ту самую девочку, чье красивое, озаренное светом лицо он разглядел в окне дома в Робервале.

— Ты случайно не ангел? — пробормотал он, прикасаясь к ее волосам.

Она тоже смотрела на него словно зачарованная. Лора, разгневанная донельзя, не обратила никакого внимания на группу детишек, она вглядывалась в лицо Эрмин, словно желая удостовериться, что та действовала злонамеренно.

— Мама, я расскажу тебе обо всем, что здесь произошло, — примирительным тоном сказала Эрмин. — Не распаляйся! Выпало много снега, и Симон не смог проехать по региональному шоссе. Снимай шубу и, прошу тебя, успокойся.

Тут вошел Жослин, собираясь отнести в кабинет пакеты, которые он не без труда донес до дверей.

— Какое это облегчение — оказаться наконец-то дома, — проворчал он. — Эта поездка в Шикутими — большая глупость.

— Не можем же мы круглый год сидеть в Валь-Жальбере, как в тюрьме, — возразила Лора; глаза ее при этом метали молнии.

— Несомненно, но в таком случае тебе надо делать все покупки летом, а не в декабре, — с укором ответил ее муж.

— Добрый вечер, папа, — сказала Эрмин, обнимая отца.

Жослин нежно прижал ее к себе. Ему хотелось только одного: влезть в свои домашние тапочки и отдохнуть. Он раньше жены заметил присутствие Кионы.

— Но что это... — воскликнул он.

Лора с любопытством проследила за его взглядом и увидела золотистую головку и расшитую бисером одежду из оленьих шкур. В изумлении она решила поначалу, что у нее нечто вроде галлюцинации, потом произнесла очень тихо голосом, в котором сквозил ужас:

— Эрмин, как ты посмела так поступить со мной?

Молодая женщина подметила два утешительных момента. Во-первых, ее мать ни на секунду не усомнилась в том, что эта девочка — Киона; а во-вторых, она понизила тон, явно стараясь удержаться от скандала.

— Отец и ты, мама, проходите в кабинет, — шепотом сказала она. — Мне надо с вами поговорить. Держитесь естественно — другого выхода нет. Дети не должны расплачиваться за ваши ошибки.

Эти слова в корне пресекли малейшие возражения. Лора и Жослин не стали спорить и прошли вслед за дочерью в кабинет. Здесь Эрмин в нескольких словах энергичным тоном обрисовала им создавшуюся ситуацию, хотя ей пришлось солгать только в одном. Не желая пока посвящать их в тайну необычного дара Кионы, она сказала, что Мадлен получила по почте, так сказать, с запозданием, сообщение о том, что ее брат серьезно болен.

— Допустим, — с яростью в глазах сквозь зубы процедила Лора. — Тале пришлось сопровождать свою племянницу, и так далее, и тому подобное, но прежде ты, Эрмин, воспользовавшись моим отсутствием, пригласила этого ребенка в мой дом. И при этом ты прекрасно знала, что

твоя свекровь когда-то обещала мне, что Луи и Киона никогда не встретятся.

— Мама, ты все переворачиваешь с ног на голову, как тебе выгодно, — отрезала Эрмин. — Условие было только одно — они не должны узнать о родственных связях между собой. Согласись, что, если ты будешь вести себя нормально, никакого риска нет.

Жослину не хотелось вмешиваться в разговор. Лора ткнула указательным пальцем в грудь дочери:

— Эрмин, ты не можешь себе представить, какому испытанию ты меня подвергаешь. Я должна терпеть под своей крышей плод прелюбодеяния, ребенка той женщины, которую я с полным правом могу считать своей соперницей. Да, пять лет назад я навестила Талу в больнице в Робервале и мы расстались достаточно мирно, но ясно одно: я не стану терпеть в доме эту рыжую.

На этот раз возмутился Жослин. Он смерил жену с ног до головы возмущенным взглядом.

— Киона не рыжая, у нее великолепные золотистые волосы, скорее даже белокурые, такого оттенка, который называется венецианским. Лора, Эрмин права. Если ты будешь относиться к этому просто, не возникнет никаких досадных неприятностей. Я, например, очень рад, что малышка живет у нас дома.

— А я прошу у тебя прощения, мама, за то, что без спроса пригласила девочку сюда, — добавила Эрмин. — Просто представился удобный случай. Я сказала ей, что она увидит Валь-Жальбер и водопад Уиатшуан.

— Подумать только! Пятилетний ребенок жаждет увидеть этот опустевший поселок и какой-то там водопад, который уже почти замерз? Эрмин, от этого получаешь удовольствие только ты сама. Тебе совершенно наплевать на то, что мне это не нравится. Я бы все равно об этом узнала — Мирей проболталась бы. Я так полагаю, что все уже видели ее, твою Киону! Маруа, Лапуанты...

— Я представила ее как дочку Талы и сестру моего мужа. Один Симон знает правду. У меня не было выбора, потому что я должна узнать, кто напал на меня.

— Bravo! — разбушевалась Лора. — А он все расскажет своим родителям.

— Симон умеет держать язык за зубами. И потом, мама, перестань кричать, не то дети быстро окажутся в курсе дела. Не устраивай из этого трагедии. Киона вернется к матери, как только это станет возможно. Сделай над собой усилие, постарайся обращаться с ней ласково, чтобы у нее не

возникло лишних вопросов. Кроме того, отец сказал тебе: он доволен, что она здесь. Если ты его любишь, дай ему порадоваться вместо того, чтобы донимать его своими упреками.

Жослин счел необходимым подтвердить слова дочери и с горячностью произнес:

— Это правда!

— Что ж, радуйся! — со злостью выпалила его жена. — Ты думаешь о том, что сможешь теперь вволю налюбоваться плодом своей связи с индианкой, а я полагаю, что тебе это удастся сделать лучше, если ты будешь спать на диване в гостиной.

— Лора, дорогая, — возмутился он, — ты не можешь выгнать меня из супружеской постели. Я и так весьма обижен тем, что в отеле в Шикутими мы жили в разных номерах.

Эрмин пользовалась репутацией человека снисходительного, спокойного, уравновешенного. Однако такая несправедливость возмутила ее. Она в упор посмотрела на мать:

— Ты меня огорчаешь, мама. Как ты смеешь так обращаться с отцом? Для чего ты строишь из себя оскорбленную светскую даму — чтобы забыли о твоём прошлом? Сколько раз мне напоминать тебе об этом, просить вести себя естественно и проявлять сострадание? И я предупреждаю: если Киона услышит двусмысленное замечание, если она почувствует, что ее считают в доме лишней, то я вместе с детьми уеду встречать Рождество в «*Château Roberval*», не жалея своих сбережений.

Лора побледнела и опустилась на стул. В ее глазах стояли слезы.

— Ты не сделаешь этого, — запротестовала она. — Я проделала такой путь до Шикутими, чтобы купить тебе подарок, да, именно тебе! Утомительная дорога, долгий путь в поезде. Я утешала себя тем, что встречу Рождество без посторонних, по-семейному.

— Что ж, все зависит только от тебя, мама! И последнее: даже с Кионой мы все равно соберемся по-семейному. Она мне сводная сестра, сводная сестра Луи и Тошана, тетя Мукки и девочек.

Лора заткнула себе уши, только чтобы не слышать этого перечня. Но тут, без стука, вбежала перепуганная Мирей.

— Эрмин, быстрее, Киона лежит без сознания, как мертвая. Господи Иисусе, помоги нам! Месье, позвоните в Роберваль врачу!

Эрмин бросилась в гостиную. Мукки, Мари, Лоранс и Луи с ужасом смотрели на Киону, безжизненно лежащую возле елки.

— Дорогая, ангелочек ты мой! — став на колени и приподняв голову девочки, простонала Эрмин. — Мукки, принеси воды и сбегай скажи

дедушке, что не нужно звонить врачу. Киона сейчас очнется.

Лора, словно окаменев, безмолвно стояла в нескольких шагах от них, и только странный ритмичный звук вывел ее из оцепенения: у Луи от ужаса стучали зубы. Он в самом деле подумал, что Киона умерла прямо у него на глазах.

— Будет, будет, сокровище мое! — успокаивала его мать, прижимая к себе. — Не надо бояться, ничего страшного, ей просто стало дурно. Мимин и Мукки ухаживают за ней.

Киона очнулась и открыла глаза, когда Эрмин смочила ей виски и шею холодной водой. Она полностью пришла в сознание и заплакала.

— Мимин, Мимин! — позвала она.

— Я здесь, дорогая моя девочка, сейчас перенесу тебя к себе в комнату.

Мертвенно-бледный Жослин в полной растерянности бессмысленно размахивал руками. Экономка, которая давно уже все поняла, успокаивала его, похлопывая по плечу.

«Бедный месье! Он еще сдерживается, — подумала она. — Лучше бы ему в открытую играть свою роль отца».

— Боже мой, мне кажется, этот ребенок страдает от нервного заболевания, — сказала Лора, стаскивая кожаные перчатки. — Дети мои, не делайте таких скорбных лиц, ваша подружка скоро поправится.

Близнецы схватили Луи за руки, чтобы увести его играть, а Мукки в задумчивости остался стоять на месте. Наконец, он пристально посмотрел на Лору, а затем спросил:

— Бабушка, ты сердисься? Мапочка нам запретила говорить с тобой о Кионе, теперь она здесь и ты рассердилась?

— Вовсе нет, мой мальчик, — сказал ему в ответ Жослин. Он сел на диван, держась рукой за сердце, которое разрывалось от боли. — Бабушка устала и немного удивилась. Лучше расскажи нам, чем вы сегодня занимались.

Все еще озабоченный Мукки нехотя начал рассказывать о большой прогулке по Валь-Жальберу. Лора уселась подальше от мужа. Ей дышалось легче, так как Кионы больше не было в ее поле зрения. Мирей предложила подать чай. Это походило на затишье среди бури.

На втором этаже Эрмин все никак не удавалось успокоить Киону. Девочка в панике всхлипывала, глаза ее были широко раскрыты, она хрипло дышала.

— Дорогая моя, прошу тебя, скажи мне, ну что такого ужасного ты увидела? — умоляла Эрмин. — Для тебя нет никакой угрозы, ты на моей кровати, в нашем доме. Сегодня вечером я ни на минуту не оставлю тебя

одну. Мирей принесет нам поесть. Ну скажи же, Киона!

Девочка изо всех сил старалась унять дрожь. Задышавшись, она пробормотала жалобным голосом:

— Они убили Дюка! Мимин, я любила Дюка, и ты тоже любила его. Бедный Дюк!

— Собаку Тошана? Нашего Дюка? — спросила Эрмин, которая уже не сомневалась в том, каким будет ответ. Раз Киона так бурно отреагировала, значит, она видела эту жуткую сцену. Она обняла малышку и стала осыпать ее ласками, сама содрогаясь от плача.

— Дорогая, больше никто не погиб? — волнуясь, спросила она. — А кто убил Дюка?

— Злой мужчина. Он выстрелил в него. Дюк завыл и упал на снег.

Больше говорить Киона не могла. Она громко рыдала. «Боже мой, защити нас, — молилась Эрмин. — Это была всего лишь собака, но Тошан так привязан к Дюку. В конце концов, чего хотят от нас эти люди?» Она вдруг почувствовала себя безнадежно одинокой, лишенной защиты мужа, ласки Мадлен и веселости Шарлотты.

— Хочу к маме, — захныкала Киона.

— Она очень скоро приедет, дорогая, — успокоила ее Эрмин, стараясь, насколько могла, придать уверенность голосу. — Раз ты видела это печальное событие, смерть нашего бедного Дюка, может быть, и Тала заметила тебя.

— Может быть, — неуверенно сказала Киона.

Совершенно убитая Эрмин раздела девочку плохо слушающимися руками и уложила в постель. Неожиданно ей в голову пришла мысль.

— В Квебеке я купила тебе подарок на Рождество, — объявила она, роясь в нижнем ящике шкафа, — но лучше я вручу тебе его сейчас.

Она положила перед Кионой довольно толстый пакет в розовой бумаге, перевязанный золотистой лентой. Все еще шмыгая носом, Киона открыла его и достала великолепного плюшевого медведя.

— Ой, какой красивый! — восхитилась малышка. — И такой мягкий!

— У него шерстка из мохера, такой особой, шелковистой шерсти. Посмотри, какие у него глаза и нос, они стеклянные. Он будет с тобой и днем, и ночью. Он тебе нравится?

— Да, нравится!

Киона прижала к себе плюшевого медведя и потерлась щекой о бежевую шерстку.

— А какое имя ты выберешь для него?

— Дюки! И он всегда будет со мной, Мимин. Спасибо, спасибо!

— Я рада, что тебе нравится мой подарок. Я купила еще четырех мишек, немного поменьше: коричневого для Мукки, серого и бежевого для близняшек, а для Луи смогла найти белого. Так что здесь, в Валь-Жальбере, обоснуется большая семья плюшевых медведей.

— Луи сказал мне, что ты его старшая сестра, — сообщила ей Киона. — Он такой милый, он гладил меня по волосам. Как я хотела бы, чтобы ты была и моей сестрой!

Эрмин боролась с собой изо всех сил, чтобы не сказать девочке правду. Она чувствовала, что для этого еще не наступил подходящий момент.

— Но я жена твоего брата, поэтому и твоя сестра, — заявила она, смеясь и плача одновременно. — Моя малышка, как я испугалась за тебя! Я так хотела бы освободить тебя от видений. Увы, я не знаю, как это сделать! Послушай, я спущусь на несколько минут сказать всем, что тебе стало лучше, и пожелать спокойной ночи родителям. Моя мама позаботится о Мукки и близнецах. Я сразу же вернусь, обещаю!

Киона с улыбкой кивнула и закуталась в одеяло, плюшевый медвежонок лежал у нее на подушке. Не успела Эрмин выйти из комнаты, как девочка уже спала.

Глава 10

Жизнь под одной крышей

Валь-Жальбер, особняк Шарденов, в тот же вечер, вторник, 19 декабря 1939 г.

Спускаясь к родителям на первый этаж, Эрмин задержалась на лестнице, вытерла слезы платком и, как учил ее преподаватель пения в Квебеке, медленно и глубоко вдохнула и выдохнула, чтобы унять волнение. Охваченная горем, смешанным со страхом, она прежде всего не хотела расстраивать детей. «Приближается Рождество, — подумала она, и сердце ее тревожно сжалось. — Незачем им знать, что Дюка убили. Мукки очень любил этого пса. Боже мой, если эти мерзавцы примутся за собак, я еще выдержу, но они могут причинить зло тем, кто мне очень дорог».

Навстречу ей по лестнице поднимался Жослин. Он вопросительно и с тревогой посмотрел на нее.

— Отец, ты пришел узнать, как дела? — спросила она.

— Конечно, я очень беспокоюсь. Что с ней? У меня создалось такое впечатление, будто тебя это вовсе не удивило.

— У Кионы было что-то похожее на обморок, как и в первый вечер ее пребывания здесь. Но это происходит не случайно и я хотела поговорить об этом с тобой, отец.

— Я готов, пойду только переоденусь, — сказал он.

Почувствовав облегчение после его слов, Эрмин решительно спустилась вниз. В коридоре она встретила экономку.

— Мирей, приготовь мне две тарелки супа и немного холодного мяса. Я поем наверху. Киона тоже. Я ей обещала, что буду с ней все время.

Когда Эрмин вошла в гостиную, Луи сидел у матери на коленях и все еще плакал.

— Наконец-то! — проворчала Лора. — Сокровище мое, он ужасно расстроился и не перестает повторять глупости.

— Какие глупости? — спросила Эрмин, глядя брата по щеке. — Не надо так переживать, Луи, Кионе уже лучше.

— Да вот, «я не хочу, чтобы ангел умер!», — рассерженно сказала Лора, бросая гневный взгляд на дочь. — Ангел! Как тебе это нравится? Да

она всего лишь ребенок — неухоженный, болезненный с рождения, ее надо отдать на воспитание в религиозное заведение.

— Лучше бы ты помолчала, мама, — посоветовала ей Эрмин. — Если бы ты знала, почему у Кионы случаются обмороки, ты бы не осмелилась так говорить.

Эрмин склонилась над девочками, которые пытались собрать пазл с изображением северного леса и его обитателей. Мукки с горестным видом бросал шары.

— Дорогие мои, я должна вернуться к Кионе. Сегодня вечером вы поужинаете с бабушкой и дедушкой, бабушка уложит вас спать. Если я смогу, то приду почитать вам сказку. Пока Мадлен нет, вы должны вести себя как можно лучше.

Мари и Лоранс кивнули, а Мукки пристально посмотрел на нее, не произнося ни слова. Он был чувствительным ребенком с хорошо развитой интуицией.

— Почему Киона заболела? — наконец спросил он. — У нас, на Перибонке, с ней было все в порядке.

— Я тебе когда-нибудь объясню, — с нежностью в голосе ответила ему Эрмин. — Но будь спокоен, Бог ее хранит, я в этом уверена. Луи прав, Киона — наш ангелочек.

— Бог нас всех хранит, — добавила Лора бесстрастным голосом. — Когда мы страдаем или испытываем страх, надо всей душой молиться Господу, и Он нас услышит.

Вскоре Мукки вспомнит слова своей бабушки, и они даже помогут ему, а пока, не задавая больше вопросов, он вернулся к своим шарикам. Теперь Эрмин мучилась догадками вместо него.

«Все верно, Мукки правильно заметил, что Киона раньше не падала в обморок, — растерянно думала она. — И раньше она никогда не являлась нам, даже когда мы жили в Квебеке. Можно подумать, что именно здесь происходит что-то новое или особое, что делает ее более восприимчивой к предчувствиям. Но что это?» Не обращая больше внимания на Лору, Эрмин вернулась к себе в комнату, твердо решив поразмыслить над этим. Она увидела прелестное зрелище: Киона спала, прижавшись щекой к своему плюшевому медведю. «Вот было бы хорошо ее сфотографировать», — подумала она. У нее был маленький фотоаппарат, но он лежал в кабинете матери. Во всяком случае, снимать им можно было только на улице при дневном свете. «Не важно, я не забуду, какое ты чудо, моя маленькая сестренка».

Погруженная в созерцание девочки, она не услышала скрип

открываемой двери. Лора, оставив детей под присмотром Мирей, бесшумно вошла в комнату.

— Эрмин, — сказала она вполголоса. — Нам надо поговорить, и прямо сейчас, пока твоя протеже спит. Пойдем в детскую. Много времени это не займет.

— Хорошо, мама.

Они оказались друг против друга при мягком свете ночника. Веселый беспорядок царил на ковре, но ни та ни другая не обратили на это внимания.

— Эрмин, я буду кратка, — начала Лора. — При всей моей доброй воле я отказываюсь держать Киону в доме во время праздников. У меня есть идея: мы поселим ее в доме Бетти. Маруа всегда рады заработать несколько долларов, а у их дочери Мари будет подружка по играм. И не делай страшных глаз, я знаю, что ты сейчас в сложном положении, ты потрясена отъездом мужа и нападением, которому подверглась, не говоря уже о потере ребенка, этого бедного Виктора, личика которого я даже не видела. Ты можешь привести мне уйму доводов, я все равно буду стоять на своем! Согласись, что для меня оскорбительно видеть ребенка Талы и Жослина в этих стенах, под одной крышей с моим Луи. Пойми, для меня это слишком тяжело! Я не так молода, как ты, но очень люблю своего мужа, и когда я вижу Киону, то каждую секунду она напоминает мне о том, что у Жослина была любовная связь на стороне.

Лора перевела дыхание и умолкла. Эрмин воспользовалась паузой, чтобы высказать свое мнение. Тон ее голоса не оставлял никакого сомнения в том, что раздражение ее достигло предела.

— Мама, ты просто эгоистка! Понимаешь? Эгоистка! Ты думаешь только о себе! Я тебе все простила, так же как и отцу, даже то, что вы меня бросили в детстве. А теперь ты, не колеблясь, намерена выгнать из дома ни в чем не повинную девочку. Как ты можешь переносить на Киону свою ревность? Или у тебя провалы в памяти? Отец тебя не обманывал. Когда он познакомился с Талой, ты собиралась замуж за Ханса Цале. Даже если я каждое утро буду напоминать тебе об этом, ты сделаешь вид, что всю жизнь была верной спутницей отца. Хватит, мне это надоело! Киона всего лишь ребенок, которому нужны любовь и безопасность.

— Она меня пугает, — сказала Лора.

— Ты ее, можно сказать, толком не видела, — возмутилась Эрмин. — Послушай, мама, ты все преувеличиваешь, и это меня просто выводит из себя. Чем она может тебя пугать в ее-то возрасте?

— Я не знаю, но Луи от нее уже в полном восторге. Он считает, что

она ангел, посланный нам на Рождество. И Жослин не такой, как раньше: он все время мне перечит. У меня такое впечатление, что эта девочка разрушит мою семью, которую с таким трудом удалось восстановить. В привязанности, которую она вызывает в людях, есть что-то ненормальное. К сожалению, я должна тебе сказать, в первую очередь речь о тебе: ты даже не отдаешь себе в этом отчета, но, похоже, любишь Киону больше собственных детей. Тебе должно быть ясно, что прежде всего именно по этой причине ее надо удалить отсюда. Близнецы скоро это поймут, и Мукки это чувствует.

— Бога ради, мама, замолчи! Просто подло упрекать меня в этом! — почти закричала Эрмин.

Она вспылила еще и потому, что действительно чувствовала себя виноватой. Однако ожесточенно защищалась:

— Ты лжешь. Я люблю своих детей, я готова умереть ради них. К Кионе я испытываю совсем иное чувство. Как она не похожа на всех остальных детей! У меня было намерение сказать вам всю правду этим вечером, только теперь я не смогу: я должна быть рядом с ней.

Доведенная до иступления Лора воздела руки к небу.

— Не похожа! Кроме смешанного происхождения, что в ней такого необычного? Помнится, когда младенцем она лежала в больнице, у нее была чудесная улыбка, однако во многих маленьких девочках есть свое очарование.

— Мне очень хотелось бы, чтобы ты согласилась присмотреться к ней и поговорить с ней, когда она проснется, — заметила Эрмин. — Она очень изменилась за пять лет. Мама, если у тебя хватит честности оценить ее по достоинству, ты увидишь, что Киона не по годам развита и на редкость умна. Она прекрасно говорит на нашем языке и на языке монтанье. И не только это. В любом случае она не пойдет жить к Маруа. Если ты будешь продолжать упорствовать, Онезим отвезет меня в Роберваль завтра около полудня: времени как раз хватит, чтобы собрать чемодан с моими и детскими вещами. Ты больше не та нежная и великодушная мать, прекрасная дама в черном из «*Château Roberval*», которая признала меня девять лет назад и стала заботиться обо мне. Я полагаю, что деньги, которыми ты владеешь, вскружили тебе голову. Боже мой, ты так богата, а наша страна с трудом приходит в себя после страшного кризиса!

— Не вижу никакой связи, — отрезала Лора. — Ты тоже получаешь приличный доход. Что плохого, если живешь в достатке? Могу напомнить тебе, что я стараюсь помогать тем, кому повезло меньше, чем мне.

Эрмин, хоть и не без раздражения, согласилась: ее мать занималась

благотворительностью, этого отрицать она не могла.

— Я знаю, мама. Без тебя Шарлотта ослепла бы, и ты помогала многим нуждающимся. Но я имею в виду другое великодушие — великодушие сердца.

— Чего ты хочешь? Да, я ревнивая, и все тут! — оборвала ее Лора. — Хорошо, я принимаю те обвинения, которые ты бросила мне в лицо, но только не уезжай, Эрмин. Ты не можешь лишить детей рождественского праздника. Я постараюсь совладать с собой — только ради тебя, дорогая, — чтобы доказать тебе, что, несмотря на все мои недостатки, я тебя люблю.

Лора с горячностью принялась приводить свои доводы. Эрмин слушала, заранее зная, что мать в конце концов сдастся и обнимет ее, и все будет спокойно до очередного приступа гнева, до нового и неизбежного проявления властности, вернее, самовластия.

В соседней комнате Луи бесшумно подошел к кровати, на которой спала Киона. Он ускользнул из-под надзора Мирей под предлогом, что ему надо сходить в уборную. Если бы его спросили, почему он должен непременно снова увидеть красивую девочку с золотистыми волосами, он не смог бы ответить. Он до сих пор не знал ни кто она такая, ни откуда появилась, ни почему его старшая сестра Эрмин, похоже, так ее любит.

Для мальчика Киона являла собой чудесную тайну. Лора часто читала ему волшебные сказки, а так как он был ребенком мечтательным и тихим, то порой смешивал реальность и вымысел.

— Я уверен, что это ангел Санта-Клауса, — с нежностью сказал он, обходя на цыпочках большую кровать.

От стоящей в изголовье лампы с абажуром из розовой ткани шел рассеянный свет, но его было достаточно, чтобы блестели волосы, щеки и длинные ресницы Кионы. Луи обнаружил также великолепного плюшевого медведя. Казалось, что девочка лежит в уютном гнездышке, а на губах у нее играла легкая улыбка. Луи не знал, что, оказывается, можно улыбаться во сне. Он увидел в этой улыбке еще одну примету волшебства.

— Ангел, — позвал он тихо-тихо. — Ты взаправду спишь?

Расхрабрившись, он протянул руку и коснулся щеки Кионы. Ее кожа показалась ему горячей и шелковистой. Мальчик в восторге дотронулся и до медвежонка. Он мог бы еще долго смотреть на девочку, но тут в комнату вошел Жослин.

— Луи, немедленно выйди отсюда! — сделал ему выговор отец. — Ее нельзя будить, она больна. Где Эрмин? Где мама?

— Я не знаю, папа.

Киона открыла глаза и приподнялась на локте. Сначала она увидела Луи, а затем этого человека, как ей представлялось, великана — дедушку Мукки и близнецов. Оба смотрели на нее темно-кариими глазами. Но если мальчик казался ей дружелюбным, то Жослин пугал.

— Где Мимин? — слабым голосом спросила она. — Я хочу Мимин!

— Не беспокойся, она где-то здесь, — заверил ее Жослин, как можно более ласково. — Сейчас я ее найду, ничего не бойся. Как ты себя чувствуешь?

— Мне плохо, месье, — ответила вполголоса девочка, не в силах отвести свои золотистые глаза от глаз этого человека, который подошел к ней неслышными шагами.

Словно загипнотизированный, Жослин старался навсегда запечатлеть в памяти сияющий образ своей внебрачной дочери, преисполненной детской грации и нежности. Несколько секунд было достаточно, чтобы Жослин ощутил на себе то чарующее воздействие, которое Киона оказывала на Эрмин.

— Как ты прекрасна! — воскликнул Луи.

Им было невдомек, что сердце девочки учащенно бьется, что ее дыхание прерывается, а слабую грудь сжимают спазмы. Внезапно для Кионы все покрылось мраком, и она откинулась назад, чуть слышно вскрикнув от ужаса.

Однако Эрмин услышала и, вбежав в комнату, бросилась к кровати.

— Отец, что ты ей сказал? — закричала она. — Боже мой, я обещала не покидать ее — и оставила одну! Луи, иди к детям.

Плача от нервного возбуждения, Эрмин смочила носовой платок водой из графина, стоявшего на ночном столике. Лора тоже зашла в комнату.

— На этот раз я позвоню врачу! — воскликнула она. — Ее надо поместить в больницу. Вы только представьте, а вдруг она заразная! Луи, иди вниз! Жослин, уведи его и попроси Мирей накормить его ужином вместе с Мукки и близнецами.

— Нет, Лора, займись этим сама, — отрезал ее муж. — Я останусь: здесь мое, а не твое место.

Эрмин баюкала Киону, увлажняя ее лицо мокрым платком. Она смерила своих родителей с головы до ног жестким взглядом.

— Луи, иди вниз и веди себя хорошо. Предупреди Мирей, что она должна присматривать за вами там, внизу. Мама, отец, я больше не могу скрывать от вас правду. Вы должны выслушать меня! После того, как Киона придет в сознание.

Ждать пришлось недолго. Веки девочки дрогнули, она открыла глаза,

увидела Эрмин, да так и осталась лежать, свернувшись клубочком, прижавшись к ней.

— Малышка моя, — тихо сказала Эрмин. — Мои отец и мать считают, что ты больна, и боятся за тебя. Поэтому лучше мне объяснить им, что происходит. Ты опять что-то видела?

— Моя мама скоро вернется в Роберваль, — пробормотала Киона. — Но прежде она будет выхаживать кузена Шогана. Он жив.

— Хорошая новость, — ответила Эрмин, которую ничуть не заботили недоуменные лица Жослина и Лоры.

— Что значит это шушуканье? — спросила Лора. — Жослин, я ничего не понимаю, это просто нелепо.

Жослин Шарден тяжело вздохнул и сел на кровать. Казалось, он был удивлен меньше своей жены. Эрмин воспользовалась молчанием и начала рассказывать о событиях, свидетельницей которых она стала после того, как Киона поселилась в Робервале. Она описала появления девочки, засвидетельствованные также Мадлен и детьми, затем объяснила истинную причину отъезда кормилицы.

— Боже мой! — простонала Лора, опускаясь на стул. — Если бы мне это рассказал кто-то другой, а не ты, Эрмин, я бы этому не поверила. Но в твоих устах это звучит так убедительно! Ты говорила об этом с монахиней, бывшей матерью-настоятельницей монастыря, и эта святая женщина тебе рассказала о случаях билोकации, которые были зарегистрированы Церковью. Господи, я потрясена, ну просто потрясена! Итак, девочка только что видела, как умер Дюк. Бедный пес!

— Мама, Киона полностью пришла в себя, и ты можешь расспросить ее. На самом деле такого рода странные предвидения случались у нее и в нашем доме на берегу Перибонки. Но проявления билोकации впервые случились в Робервале и здесь, в Валь-Жальбере. Раньше Киона просто была моим ангелом, могла утешить меня своей прекрасной улыбкой. Тала мне сказала, что ее дочь обладает способностью вселять душевный покой, но теперь происходит что-то совсем другое.

— Что ты думаешь об этом, Жослин? — с сомнением в голосе спросила Лора.

— Я лично думаю, что все мы только пешки на шахматной доске, которыми распорядится судьба, и то, что нам представляется выходящим за пределы обыденного, только должно укреплять нашу веру. В конце концов, о многих чудесах рассказывается в Библии, а ученики Иисуса Христа видели, как он ходил по воде.

Изумленная Эрмин широко раскрыла глаза, а Лора не осмелилась

иронизировать над столь ошеломляющими доводами своего мужа.

— Вы знаете, что я рос в весьма набожной семье, — снова заговорил Жослин. — В нашем доме верили и в дьявола, и в волшебство, и в чудеса. Шардены родом из Пуату во Франции. Деревня, в которой провели детство мои прадеды, была расположена возле огромного болота, изрезанного оросительными канавами. Странный край, в котором люди в старину боялись колдовства.

Лора вздрогнула, сбитая с толку низким и скорбным звучанием голоса, каким Жослин говорил о своих предках.

— Жослин, чего ради ты нам все это рассказываешь? — спросила она, стараясь говорить убедительно. — Только напугаешь ребенка, незачем его еще больше расстраивать.

— Население Квебека — это по большей части потомки эмигрантов. Мои предки обосновались вблизи Труа-Ривьер в конце восемнадцатого века. Вот как давно это было!

— Продолжай, отец, — подбодрила его Эрмин.

Киона притворялась равнодушной и играла с голубым бантом на шее своего плюшевого медведя. Однако она внимательно слушала Жослина, и ей казалось, что она ощущает резкий аромат болотных цветов.

— Вечером, за столом, мой отец нам часто рассказывал о своих деде и бабке, которые оставили свой домишко на болоте в Пуату, пересекли Атлантический океан, чтобы обосноваться в Канаде, — продолжал Жослин. — Ты должна понимать, Киона, что бабушка и дедушка моего отца и были теми самыми знаменитыми предками, которые эмигрировали из Франции. Мою прабабушку звали Алиетта. Ее тоже посещали предчувствия и видения из будущего. Она знала о целебных свойствах растений, но люди в том краю на это косо смотрели, и в тот день, когда она в порту Ля-Рошель села на корабль, идущий в Новый Свет, Алиетта почувствовала себя в безопасности: ее перестанут называть колдуньей. Она пообещала мужу, что здесь, в Квебеке, будет вести обычную жизнь. Она много работала и стала очень набожной, как будто прося прощения у Господа за то, что раньше свято верила в природу, полную загадок и тайн. Я рассказал вам об этом, просто чтобы вы знали — способности Кионы далеко не уникальны, вовсе нет!

Жослин замолчал и покачал головой. Во время этого короткого рассказа черты его лица сделались более резкими, и он не сводил глаз с Кионы. Эрмин показалось, что отец как бы помолодел и по-своему излил им душу.

— Отец, ты мог бы нам все это рассказать намного раньше, —

заметила она. — Хорошо, что я хоть что-то узнала о своих предках. Когда Октав Дюплесси расхваливал красоты Франции — а он уроженец Бруажа, то для меня его слова звучали словно мои собственные воспоминания. Я счастлива, что у нас в роду есть выходцы из Пуату.

— По-моему, Бруаж не так уж далеко от Пуату, — заметил Жослин.

Лора хранила молчание. Она сразу же догадалась, какая связь может существовать между знаменитой Алиеттой и Кионой. Эрмин тоже поняла это.

«Какое редкое сочетание! — подумала она. — Меня больше не удивляет, что Киона унаследовала способности и индейского шамана, и доброй французской колдуньи». Ей в голову пришла до того необычная мысль, что она вздрогнула: «А что, если встреча Кионы с отцом и привела способности в действие? В первый же вечер пребывания в Робервале Киона увидела своего отца на улице. Может быть, это послужило толчком для всех необъяснимых явлений, обмороков и странных видений? Как узнать правду? Увы, я могу только предположить, что здесь существует какая-то связь».

— Мимин, я очень хочу есть, — жалобно проговорила Киона.

— Конечно, уже давно пора было поужинать, — сказала Эрмин. — Мирей не смогла принести нам еду, потому что занята с детьми. Отец, мама, вы не могли бы спуститься вниз? Благодарю вас за то, что выслушали и поверили мне.

Лора растерянно улыбнулась и встала, то же самое сделал и ее муж. Эрмин проводила родителей до дверей комнаты. Мать направилась к лестнице, не сделав никаких замечаний, что было совсем на нее не похоже. Жослин задержался.

— Не сохранилось портрета Алиетты, — сказал он тихо, почти неслышно, — но мне часто доводилось слышать, что у нее были великолепные золотисто-рыжие волосы и что ее улыбка согревала страдающие сердца. Такие вот сюрпризы преподносит нам жизнь!

Он бросил ласковый взгляд в сторону кровати и вышел. Взволнованная признанием отца Эрмин сложила руки и шепотом прочитала короткую молитву:

— Боже, помоги мне! Дай ей избавление! Я не хочу, чтобы дитя страдало! Она всего лишь маленькая девочка!

— Мимин, ты молишься Иисусу? — спросила Киона.

— Я прошу его защитить тебя, — ответила она.

— И он это сделает?

— Я в этом уверена, — заявила Эрмин. — А для начала он быстро

вернет твою маму в Роберваль. Она тебе очень нужна.

Киона приняла эти слова с радостным вздохом. Спустя пять минут в комнату влетела Мирей с подносом в руках.

— Я не могу разорваться на части, — пробурчала экономка, — но ваш ужин готов. Суп и два больших куса туртьера. А еще ванильный крем. Приятного аппетита.

Этому ужину, который Эрмин разделила с Кионой, суждено будет стать дорогим воспоминанием.

Поселок-призрак засыпало снегом, однако в комнате было тепло, и в розовом свете лампы молодая женщина и ее сводная сестра выглядели еще красивее. Они ни о чем не говорили, только обменивались улыбками, в которых читались удовлетворение и согласие.

С первого этажа до них доносились отзвуки разговоров, взрывы смеха Луи и близнецов, а также ворчливый голос Жослина.

— Мимин, ты не бойся, — сказала вдруг Киона. — Я больше не буду болеть. Но я хочу спать.

— Тогда, спи, дорогая, — с нежностью в голосе сказала Эрмин. — А я буду охранять тебя.

— И Иисус тоже? — тихо спросила Киона, зевая.

— И Иисус, и все небесные ангелы. А может быть, и моя прародительница Алиетта, о которой недавно говорил отец. Спи, дорогая.

Валь-Жальбер, суббота, 23 декабря 1939 г.

Жизнь Лоры и Кионы под одной крышей в конце концов наладилась, однако проходила она в атмосфере взаимного недоверия. Хозяйка дома намеренно избегала девочку, а та старалась не попадаться ей на глаза.

В субботу после полудня, поскольку небо прояснилось, Эдмон и Мари Маруа пригласили всех пятерых детей устроить большой снежный бой. К ним присоединились Эрмин и Шарлотта, которой дали отпуск до 26 декабря. Присутствие Шарлотты, заменившей Мадлен, помогло разрядить семейную обстановку.

В гостиной оставались только Жослин и Лора, поскольку Бетти еще и пригласила весь маленький отряд к ним на обед.

— Признайся, не так уж трудно оказалось приютить малышку на несколько дней, — сказал Жослин, стараясь подкрепить свои слова убедительным доводом. — Больше она в обморок не падала, стало быть, не будет и видений. Благодарю тебя, Лора, за то, что отнеслась к этому с таким

пониманием.

— Дорогой мой, я была вынуждена смириться с неизбежным, — ответила она. — И наша дочь засыпала меня таким количеством обидных упреков, что у меня просто опустились руки. Ну и характер! К счастью, Луи уже считает Киону совершенно нормальным ребенком. Было бы еще лучше, если бы Эрмин согласилась снять с нее этот маскарадный костюм и одевать ее по-человечески.

— Какое это имеет значение! — проворчал ее муж. — Тала вшила защитные амулеты в ее тунику. Лучше пускай носит их при себе. Мы столько всего узнали, что я уже поверил в сверхъестественное.

— Жослин, опомнись! В конце концов, ты ставишь себя в смешное положение, даже если у тебя и была прабабушка, которую подозревали в колдовстве. Я уж не знаю, что и делать. Лучше бы вы с Эрмин читали научные книги. Ученые не признают подобных явлений.

Лора вышивала салфетку просто для того, чтобы чем-то занять руки. Жослин протянул ей книгу, которую просматривал.

— Этот том составлен из подборки религиозных журналов, — сказал он. — Я его обнаружил в библиотеке в твоем кабинете. Ты сама его купила или же он из дома Шарлебуа в Монреале? Так или иначе, в нем говорится о некоторых паранормальных явлениях. Я только что прочитал захватывающую статью о падре Пио^[47]. Этот священник спас жизнь одному генералу во время войны в 1917 году. Того разжаловали после какого-то поражения, и он собирался покончить жизнь самоубийством, однако некий монах-капуцин помешал этому. Затем он исчез так же внезапно, как и появился. Я тебе излагаю все вкратце. Позднее этот спасенный генерал случайно увидел какую-то фотографию и узнал в падре Пио этого самого монаха. Это, без сомнения, случай биллокации, что только подтверждает рассказ Эрмин.

— Ну, хватит с меня! — заявила Лора. — Ты распустил хвост, как павлин, от гордости, что подарил миру что-то вроде будущей святой или будущей колдуньи. Тебе даже не важно, что тебя обрекли на воздержание! Думала: вот, накажу его, но нет, не вышло! Все ваши истории гроша ломаного не стоят. Я очень рада, что у нашего Луи нет никаких сверхспособностей. Мне не довелось наблюдать, как растет Эрмин, потому я хочу получить эту радость от сына. Когда он плачет или шалит, я счастлива — он самый обыкновенный ребенок, а такой ребенок не внушает страха. Признай хотя бы, что у Кионы странный взгляд. Иногда у меня возникает ощущение, будто меня гипнотизирует дикий зверь!

— Господи! Лора, да не говори ты глупостей, — вздохнул Жослин. —

И прошу тебя, не так громко — у Мирей острый слух. К тому же мне не нравится слово «колдунья». Моя прабабушка была скорее ясновидящей.

— Час от часу не легче! — проворчала Лора. — Слышишь? Собаки залаяли. Возможно, это Симон возвращается. Если это он, мы сейчас кое-что проверим.

— Что именно? — удивился Жослин.

— Насчет Дюка. Девочка сказала, что собаку застрелили. Если через несколько минут мы его увидим в загоне, значит, Киона все придумывает.

Она не была единственной, кто рассуждал таким же образом. Возле дома Маруа Эрмин и Шарлотта в окружении детей наблюдали за прибытием Симона, стоявшего на полозьях саней. Вел упряжку голубоглазый хаски с черно-белой мордой. Это был Кьют, великолепный пес, подаренный Жослином Тошану по случаю Рождества шесть лет тому назад. Дюка не было.

Симон заслужил торжественную встречу. Выбежала Бетти, радуясь, что видит своего старшего сына. Эрмин заметила, что он приехал один, и ей пришлось скрыть свое разочарование.

«Зря я надеялась на возвращение Мадлен, — подумала она. — Может быть, она теперь вообще не вернется, а останется со своими».

— Привет честной компании! — закричал Симон. — Стоять, Кьют!

Упряжка остановилась. Шарлотта, одетая для снежного боя — в теплых брюках и толстом шерстяном жакете — бросилась к жениху, чтобы запечатлеть поцелуй на его щеке, что заставило Бетти улыбнуться.

— У меня свежие новости для Мимин! — заявил он. — Но сначала я бы охотно выпил чашку чая.

— Тогда быстрее в дом, — вмешалась его мать.

Киона спустилась по ступенькам крыльца и направилась к Кьюту. Следом за ней шел Мукки. Мари Маруа и девочки вошли в дом и вскоре уже играли там в куклы.

— А где Дюк? — с беспокойством спросил Мукки.

— Он умер, — ответила Киона. — Ты не грусти, Мукки, я тебе дам поиграть с моим плюшевым медведем, я назвала его Дюки.

— А откуда ты знаешь, что он умер? — спросил ошеломленный Мукки.

— Я видела во сне, — произнесла Киона чуть слышно. — Помнишь, Тошан говорил, что пес старый? Раз так, ничего не поделаешь.

Потрясенный Мукки зашмыгал носом. С высоты своих семи лет он вдруг осознал, как не хватает ему отца. Не говоря больше ни слова, он подбежал к матери и прижался к ней. Эрмин поцеловала его в лоб.

— Мам, а ты знала, что Дюк умер? Как тяжело будет папе, когда он вернется с войны, а Дюка нет!

— Симон сообщил мне об этом, — ласково сказала она. — Не плачь, дорогой.

Эрмин сгорала от желания услышать рассказ Симона, но не хотела вести разговор при детях. Бетти это поняла и позвала всех детей в гостиную.

— Под елкой лежат карамельки, которые я сделала вчера вечером, — сказала она. — Идите, разрешаю вам их попробовать.

Эрмин тотчас подошла к Симону. Вид у него был безмятежный, и это ее немного удивило.

— Эрмин, новости хорошие, кроме одной, о бедном Дюке, в которого угодила пуля. Я теперь знаю имена нападавших на тебя: это Закария Бушар, гнусный мерзавец, к тому же склонный выпить, и Наполеон Трамбле. Бушар без колебаний пускает в ход свое охотничье ружье.

— Это ценные сведения. А где Мадлен и Тала? — с беспокойством спросила Эрмин.

— Я высадил Талу на авеню Сент-Анжель, пообещав ей, что привезу вас: Киону, детей и тебя. Мимин, я не могу сказать тебе почему, но твоя свекровь настаивает на том, что ты должна провести сочельник в Робервале. А твоя Мадлен осталась выхаживать брата. Шоган ранен, но не опасно.

Эрмин закрыла лицо руками. Несмотря на то, что присутствие Симона успокаивало ее и родители были рядом, никогда еще она не чувствовала себя такой несчастной и одинокой.

— Это невозможно, — ответила она. — Если я уеду от матери на Рождество, она мне этого никогда не простит. То, что Тала хочет, чтобы дочь была с нею, мне понятно, но почему я тоже должна ехать туда с детьми?

Лицо Симона оставалось бесстрастным, затем он сделал уклончивый жест.

— Мимин, твоя свекровь знает больше, чем я! Я был на постоялом дворе в Перибонке, когда это произошло.

— Что именно? Что там произошло? — спросила она, готовая от нетерпения, как ребенок, затопать ногами. — Послушай, идем в конюшню. Бетти не сможет надолго занять детей. А что Киона? Где она? Я не заметила, чтобы она входила в дом.

Эрмин бросилась к окну. То, что она увидела, успокоило ее. Шарлотта и Киона лепили снеговика около саней, под присмотром хаски с голубыми

глазами.

— Давай скорее! — воскликнула она. — Я не могу больше ждать. Ты должен мне все рассказать.

Они быстро прошли в конюшню, где было относительно тепло благодаря тому, что там находились лошадь и корова, от их подстилок исходил довольно резкий, но столь знакомый им обоим запах.

— Постараюсь быть кратким, — начал Симон. — Какое счастье, что я не женат на индианке! Как только мы добрались до пристани в Перибонке, Тала и кормилица вынудили меня передать упряжку им. Твоя свекровь дала мне понять, что это дело меня не касается и я не должен рисковать и ехать с ними дальше. Но мы же больше не враждуем с монтанье! Я уступил, однако на душе у меня было беспокойно, потому что я дал тебе слово разузнать об этих типах. К счастью, я встретил в гостинице одного старого рыбака, тоже метиса. Я предложил ему выпить карибу, и после двух-трех стаканчиков он мне выложил все, что знал о поджоге хижины. «Это дело рук придурковатого Закарии Бушара, — признался он мне, глядя в глаза. — И его дружка Наполеона Трамбле. У них зуб на семью Дельбо».

Эрмин вся обратилась в слух, прекрасно представляя себе эту сцену.

— Речь идет о мести, как и было сказано в записке на вашей двери. И ты права: Трамбле — сын того самого золотоискателя, который изнасиловал Талу.

Симон закусил губу, выговорив слово «изнасиловал», которое редко произносил вслух. Оно показывало в истинном свете всю подлость содеянного, и одно его звучание пробуждало в сознании жестокие, отвратительные картины.

— Прости, Мимин, — резко сказал он. — Если бы кто-то тронул женщин, которых я люблю — мою мать, сестру, Шарлотту, тебя, — я бы свел с ним счеты. Когда я думаю о том, что старый Лапуант хотел совершить насилие над девочкой, своим собственным ребенком, я...

— Симон, дальше! — взмолилась Эрмин, которую раздражали эти отступления.

— А дальше я попытался узнать больше, но мне удалось выведать только одно: Бушар и Трамбле не собираются посвящать полицию в свои планы. Они хотят только, чтобы Тала и Тошан ответили за все. Я думаю, у них серьезные проблемы с деньгами и они знают, что ты богата.

— Конечно, — вздохнула Эрмин. — За исключением небольшого числа привилегированных, к которым принадлежат мои родители и я сама, из-за кризиса, поразившего страну, нищета толкает некоторых людей на безумные поступки. Но это еще не повод для того, чтобы стрелять в лошадь

или бедную невинную собаку. Симон, кто убил Дюка?

— Тала утверждает, что Закария Бушар. Твоя свекровь рассказала о том, что произошло, когда мы встретились в Перибонке. Оба эти типа были пьяны. Они решили напасть на Шогана, которого в конце концов выследили, но собаки были выпряжены, и Дюк бросился на них, Кьют тоже, они защищали Мадлен, которая вмешалась и встала между ними и своим братом. Тала объяснит тебе лучше, чем я, но можно сказать, что она бежала оттуда сломя голову. Нам пришлось во весь опор мчаться обратно в Роберваль. И она отправила меня, наказав привезти тебя и детей. Для меня это не проблема. Мы можем ехать туда хоть завтра утром.

— Что ж, если я хочу узнать все, как есть, у меня нет выбора! — вздохнула Эрмин. — Мне придется объявить об этом маме, и думаю, что грянет буря!

Валь-Жальбер, на следующий день, воскресенье, 24 декабря 1939 г.

Лора не кричала, не плакала и не вздыхала. Совершенно невозмутимо она отбирала из своих обширных запасов те продукты, из которых можно будет соорудить роскошный праздничный ужин. Озадаченная олимпийским спокойствием своей хозяйки, Мирей наполнила две корзины аппетитными съестными припасами.

Экономка тем не менее выразила свое мнение Шарлотте, которая помогала ей упаковать кое-что из провизии:

— Мадам готова на все, лишь бы индианочка больше не крутилась у них под ногами. А Эрмин проявила характер и не уступит матери. Боже правый, у меня было бы меньше работы, и я на это не буду жаловаться. Без Мадлен выходит так, что мне часто приходится заниматься пятью малышами.

Шарлотта со смехом согласилась. Она ликовала: Симон едет в Роберваль, но скоро вернется, он пригласил ее поужинать со своей семьей, а потом они все вместе поедут на полуночную мессу в Роберваль.

— Очень мило со стороны Лоры и месье Жослина одолжить свою машину Жозефу, — сказала она, блаженно вздохнув.

— На дороге будет большое движение, хотя ее здорово занесло снегом, — сказала Мирей. — Ладно, проверю еще раз, что у меня в корзинах. Банки с гусиной печенкой. Смотри-ка, какой прекрасный подарок! Подумать только, мадам выписывает их из Франции, они безумно дорогие. Торт с засахаренными фруктами, две бутылки хорошего вина,

банки с фасолью, коврижки и черная икра. Представляешь, Шарлотта, это в наше-то время! Идет война, многие в Квебеке живут в нищете, а мадам заказывает черную икру! Вот полакомится свекровь Эрмин! Готова поспорить, что она сроду не ела такого. Шикарно!

— А ты, Мирей? — спросила Шарлотта. — Ты пробовала черную икру?

— Есть то, что выдавили из рыбьего брюха? Боже правый, лучше сало с горохом.

Эрмин сидела в гостиной, ее не волновало, какую еду брать с собой. Ведь речь шла о переезде в другой дом, и руководила всем этим Лора.

— Вам понадобятся еще два матраса, поскольку у Талы только один, — говорила она. — И одеяла. Я не хочу, чтобы мои внуки страдали от холода в рождественскую ночь. Онезим отважился пускаться в путь в такой день, но я ему за это щедро заплатила. Будет на что купить еще один подарок сыну.

— Мама, мне очень жаль, что мы перевернули весь дом вверх дном, — высказала свое сожаление Эрмин. — Мы могли бы устроиться у Талы в кухне, а что касается еды, у меня будет время, я могла бы сходить в мясную лавку.

Лора, явно в хорошем настроении, отрицательно покачала головой. Жослин с суровым видом присутствовал при этих приготовлениях к важной операции.

«Боже мой, — думал он, — моя жена готова вывернуться наизнанку, лишь бы избавиться от Клоны еще до вечера. Так что в сочельник мы будем втроем с Луи, что ж, тем хуже для мессы!»

— Мама, ты вправду не сердись? — снова спросила Эрмин. — Ты мне обещаешь, что потом не будешь корить меня за то, что вас оставили одних в праздничный вечер?

— Дорогая, меня это не расстраивает, — прервала ее Лора. — Я все продумала, и незачем сто раз повторять одно и то же. Мы устроим дивный ужин 31 декабря, и тогда я вручу тебе подарки. Поскольку в твоём распоряжении два средства передвижения — упряжка и грузовик Онезима — ты можешь взять с собой пакеты с подарками для детей.

Мукки, Киона, Мари и Лоранс вместе с Луи играли в детской. Они были очень взбудоражены мыслью об этой непредвиденной поездке.

— И вполне нормально, что ты проведешь рождественскую ночь со своей свекровью, — рассуждала Лора.

— Знаешь, Рождество ничего не значит для индейцев, — заметила Эрмин.

— Но Тала, как мне помнится, крещеная. Кроме того, ты сможешь спеть в церкви. Прихожане будут в восторге.

Эрмин обняла мать и поцеловала ее в щеку.

— Мама, мы уже отказались от этой затеи, но, признаюсь, я все равно рада, что буду петь. Надеюсь, Тала согласится пойти в церковь. В любом случае дети пойдут.

— Остерегайся Закарии Бушара, он палит, не задумываясь, — предупредил ее Жослин. — Нам известно его имя. Если он боится полиции, то должен где-то отсидеться и переждать. Хочешь ты того или нет, но этого человека и его сообщника необходимо посадить в тюрьму.

— Там будет видно, отец, — вздохнула Эрмин. — Пока что не разглашайте то, что рассказал мне Симон.

Кто-то грузно шагал в башмаках на деревянной подошве по коридору. Заросший недельной щетиной Онезим Лапуант, атлетического сложения, в толстой куртке, подбитой мехом, и в шапке заглянул в гостиную.

— Мадам Шарден, я готов. Надо бы ехать, а то снова снег пошел и валит без передышки. Сделаем, как решили. Я повезу матрасы, вещи, которые лежат на крыльце, чемодан и троих ребятишек.

— Совершенно верно, — согласилась Лора.

— А мы с Симоном поедem впереди на санях, — добавила Эрмин. — Киону я беру с собой. Без сомнения, мы приедem раньше вас: собаки в отличной форме^[48], а Кьют — очень хороший вожак.

Все получилось как нельзя лучше. Симон запряг собак и под дружный лай подкатил к дому. Жослин с нежностью обнял дочь.

— Желаю тебе доброго Рождества, дорогая, — с теплотой в голосе сказал он. — Ты боялась огорчить маму... Да она на седьмом небе!

— Что касается меня, то я с удовольствием поужинаю в Робервале. Так что все довольны. Киона просто сгорает от нетерпения, я думаю, ей очень недоставало Талы.

Эрмин ошибалась в одном: ее брат Луи был несчастен, ведь его товарищи по играм покинут его еще до того, как им раздадут подарки. Лора тщетно пыталась его уверить, что Санта-Клаус придет и ради него одного, но мальчик в это не верил. Прошлым летом Мукки все ему объяснил: доброго рождественского деда с белой бородой, одетого во все красное, не существует. Но беда была не в этом, а в том, что уезжала Киона.

— Я хочу с вами в Роберваль, — заявил он, чуть не плача.

— Мамочка нас зовет, — закричала Лоранс. — Мы скоро вернемся, Луи, мы будем здесь на Новый год.

Прижав своего плюшевого медведя к груди, Киона с сочувствием

смотрела на Луи. Она испытывала бессознательную симпатию к этому мальчику. Они играли вместе и жили под одной крышей, но фактически не общались. И сейчас, растроганная его печалью, она подошла к нему, с улыбкой взглянула на него и поцеловала в щеку.

— До свидания, — сказала она очень нежно. — Не грусти.

Луи оторопело посмотрел на нее. Порылся в кармане штанишек и извлек оттуда шесть разноцветных шариков из агата.

— Киона, я их тебе дарю. Не потеряй. Это мои самые красивые шарики.

— Спасибо, — серьезно ответила она. — Я их не потеряю, обещаю тебе, Луи.

Не оборачиваясь, девочка вышла из детской.

Мукки последовал за Кионной. Он попрощался с Лорой, заявив с серьезным видом:

— Я скоро вернусь, бабушка. Луи будет плакать, ты должна пойти и утешить его.

— Я сейчас же пойду к нему, Мукки, — ответила Лора. — Слушайся маму.

При отъезде присутствовали Мирей и Шарлотта, а также Жослин. Эрмин устроилась в санях, одетая в анорак с капюшоном, шерстяные брюки и меховые сапоги. Симон занял свое место на полозьях сзади. Собаки волновались. Они приняховались, ворчали и показывали клыки.

— Вперед! — закричал Симон. — Ну-ка, Кьют, ходу!

Шел снег — легкий и редкий. Мороз был сильный, но те, кто жил возле озера Сен-Жан, переносили морозы и покруче. Онезим дал упряжке уйти вперед, пока проверял уровень масла в моторе. Шарлотта решила подойти к машине. Она, как правило, сторонилась своего брата, но сегодня была так счастлива, что все старые разногласия, казалось, рассеялись бесследно.

— Желаю тебе доброго Рождества, Онезим! — сказала она. — Я ужинаю у Маруа. Мы с Симоном помолвлены.

— Знаю! — громко заметил он. — И мне очень нравится этот парень. Ты бы зашла ко мне в начале января, поговорим о бумагах. А потом мы с Иветтой переедем, и я отдам тебе ключи от дома.

— Спасибо, такой план меня устраивает.

Она приподнялась на цыпочках и чмокнула брата в бороду. Он заворчал, поскольку не умел выражать свои чувства иначе.

— Ладно, поеду и я, — добавил он. — Береги себя, Шарлотта!

— Непременно.

Шарлотта бегом вернулась в дом и захлопнула дверь. У нее было достаточно времени, чтобы не торопясь нарядиться к вечеру.

На дороге между Валь-Жальбером и Робервалем, в тот же день

Собаки быстро бежали, распушив хвосты. Сидя в санях рядом с плотно прижавшейся к ней Кионной, Эрмин могла любоваться пейзажем. С самого детства она наблюдала, как зимы следуют одна за другой, а снег был обязательным явлением для этого долгого холодного времени года, когда жизнь во всех ее формах словно замирала на несколько месяцев. Но это было только кажущееся впечатление. Когда свирепствовали морозы, все равно подо льдом жива была тонкая струйка воды, которая стойко следовала своему течению до самой весны. Если некоторые животные впадали в спячку в ожидании более теплой погоды, то лоси, волки, рыси и олени продолжали бродить в поисках пропитания.

И снег никогда не бывал совершенно одинаковым. Эрмин заметила это в тот день, когда крупные мягкие хлопья покрыли каждую частичку пейзажа своим ватным убранством. Ветви кустов и лапы елей вдоль дороги были опущены чисто-белым снегом с голубоватыми отблесками.

— Симон! — воскликнула она. — Ты заметил, какой сегодня красивый снег? Настоящая картинка с почтовой открытки.

— О Мимин, какая ты романтичная! Я вижу только снег, сильный снегопад.

— Ты права, Мимин, здесь все такое красивое! — поддержала ее Киона.

— Да, конечно, дорогая!

Эрмин мечтательно улыбнулась, снова посмотрев на серое небо и чащу леса.

«Тошан передал мне свою любовь к лесу и природе, к этому вольному воздуху, — подумала она. — Я напишу ему о том, что сейчас чувствую, он будет мной гордиться. Кто знает, может быть, со временем я стану индианкой, светловолосой индианкой».

Эта идея ее позабавила. Она с чувством прижала к себе Киону, словно для того, чтобы разделить с ней свои восторги.

— Кстати, Мимин, — прокричал ей Симон, — ты боялась, что твоя мать устроит скандал в связи с твоим отъездом, а я не слышал воплей и не видел, чтобы тарелки летали.

Эрмин повернулась и широко улыбнулась своему неожиданному

вознице.

— Симон, ты хочешь, чтобы я тебе все рассказала? Я думаю, мама почувствовала облегчение, когда увидела, что я уезжаю. Двум хозяйкам трудно ужиться под одной крышей. Плюс еще и Мирей, которая тоже любит командовать. А я страшно рада, что проведу Рождество в доме Талы.

Эрмин была готова еще поболтать, но тут Киона схватила ее за руку.

— Мимин, посмотри вон туда. Волки!

— Где?

— Там, — уточнила девочка, показывая пальцем влево от дороги.

— Так оно и есть, — проворчал Симон.

Кьют уже учуял запах диких зверей. Он ощетинился и ускорил бег. Остальные четыре собаки старались не отставать. Дрожь охватила молодую женщину. Она увидела трех диких животных, неподвижно стоящих среди елей. Их желтые глаза неотрывно следили за упряжкой, мчащейся на полной скорости.

— Они, должно быть, вышли на охоту, — заметил Симон. — На снегу видны лосиные следы.

Киона высвободилась из рук Эрмин и выпрямилась. Она смеялась, словно загипнотизированная волками.

— Не размахивай руками, — посоветовала Эрмин.

— Они не злые, — заверила Киона. — Мамочка и Тошан любят волков, они говорят, что это наши братья, братья индейцев.

— Да замолчи ты, — взорвался Симон. — Давай, Кьют, жми вовсю!

Собаки взвизгивали, шерсть у них стояла дыбом, и они все больше набирали скорость. Полозья саней скрежетали по подмерзшему снегу, бубенчики громко звенели. Упряжка пролетела мимо волков. Чуть погодя волки прыгнули вперед и бросились в погоню.

— Эти мерзкие твари не отстанут! — пробурчал Симон. — Чего им от нас надо?

— Не знаю, Симон, — ответила Эрмин, пытаясь побороть зарождающийся страх.

Она замолчала, охваченная тревогой, а в памяти всплыло приятное воспоминание из их детства, когда однажды вечером в полнолуние они с Симоном тайком отправились слушать волчий хор в зимнем безмолвии.

— Они есть хотят! — закричала Киона.

— Так пусть найдут что-нибудь, чем поживиться! — ответил Симон. — В декабре дичи хватает.

Стая ворон перелетела через дорогу, согласно хлопая крыльями. Киона снова громко рассмеялась, а затем порылась в плетеной корзине, в которой

лежала еда.

— Мимин, давай отдадим им наши сэндвичи, — предложила она. — Это твоя мама их так называет. Сэндвичи! С сыром и маслом, а еще с паштетом.

— Дорогая, главное — сиди и не двигайся. Я не хочу, чтобы ты вывалилась из саней.

Эрмин повернулась так, чтобы следить за волками, Симону поворачиваться было опасно, потому что он стоял на полозьях, широко расставив ноги и уцепившись за дугу саней.

— Они, конечно, не решатся нас догнать, но они у меня за спиной! Ничего страшного, не из-за чего впадать в панику!

Не дожидаясь согласия Эрмин, Киона бросила сэндвичи в снег. Результат оказался действенным: трое волков стали драться между собой за эту нежданно свалившуюся на них манну, а затем быстро проглотили ее. Этого оказалось достаточно, чтобы они остановились.

— Отлично, они повернули назад, — тихо сказал Симон. — Если Онезим следует за нами по пятам, они удерут тотчас, как только слышат шум мотора.

Эрмин вздохнула с облегчением. Она погладила Киону по голове.

— Вот видишь, эти волки хотели есть, — с хитрым видом сказала Киона. — Теперь они смогут поохотиться на лося.

— Тебе совсем не было страшно? — спросила Эрмин. — А все-таки редко случается, чтобы волки бежали за собачьей упряжкой. Если я расскажу об этом отцу, он мне не поверит. Однако Симон тому свидетель.

— Да, не волнуйся, Мимин, я не буду тебе противоречить! Сегодня вечером расскажу Шарлотте, что меня чуть не съели.

Решив, что лучше всего посмеяться над этим, оба молчали о том, как им было страшно. Киона неотрывно смотрела на Эрмин. В рассеянном свете заснеженного пейзажа золотистые глаза девочки вызывали в памяти глаза волка.

«Бог мой, какую шутку сыграла с нами судьба, послав миру такого незаурядного маленького человечка! — недоумевала Эрмин. — Унаследовав что-то от своего прадедушки-шамана, а что-то от своей прабабушки-колдуньи, Киона являет собой живую загадку. Возможно, сестра Аполлония была права, сказав, что лучше было бы вверить ее какому-нибудь религиозному учреждению».

Но она тут же упрекнула себя за эту мысль. Кроме того, Тала никогда не согласится расстаться с дочерью, а тем более навязать ей такую судьбу.

— Я вижу колокольню церкви Нотр-Дам! — во все горло закричал

Симон. — Скоро будем на месте.

Город, уже ярко освещенный, был покрыт красивым ковром свежесвыпавшего снега, а ветер, который дул над бескрайним замерзшим озером, делал еще более причудливым танец снежинок. Эрмин испытала чувство радости, близкое к эйфории, причину которого она едва могла бы объяснить.

— Вот оно, Рождество! Рождество! — повторяла она, дрожа от нетерпения.

Этим вечером она сплет от всей души для тех, кого любит, для тех, кто придет отпраздновать Рождество Христово.

— Я уверена, что моя елка по-прежнему такая же красивая, — ликовала Киона. — Я так счастлива, Мимин, да, я счастлива!

Эрмин рассеянно согласилась. Она спешила в маленький дом на авеню Сент-Анжель, ей хотелось согреться в окружении своих детей. Чтобы не печалиться попусту, она заставила свое сердце на время смириться с невыносимым для нее отсутствием Тошана, а также не оставляла смутную надежду, что встретит в церкви Овида. И от этой надежды она не могла полностью отрешиться, несмотря на свое решение больше с ним не общаться.

Глава 11

Праздничный вечер

Роберваль, воскресенье, 24 декабря 1939 г.

Услышав лай собак, Тала настезь распахнула двери. Эрмин помахала ей рукой, а Киона спрыгнула с саней и кинулась в объятия матери.

— Вот и мы! — воскликнула молодая женщина. — Тала, ты просто совершила подвиг. Заставить меня покинуть Валь-Жальбер накануне Рождества! Дети скоро будут. Их привезет на грузовичке наш сосед Онезим. Нам было не так-то просто тронуться с места.

— Входи скорее, дочка, — ответила индианка. — Добро пожаловать, Симон! Отныне будем друзьями. Хотите горячего кофе?

— Очень любезно с вашей стороны, но я тороплюсь, — заявил он. — Обещал родителям и невесте скоро вернуться. Да и собакам надо поразмяться. С этого дня и до конца зимы у Эрмин будет образцовая упряжка для гонок.

Молодая женщина взяла корзинку и кожаный чехол с вечерним нарядом. Она поцеловала Симона в щеку.

— До свидания и еще раз спасибо, что довез. Я позвоню с почты и сообщу маме, когда соберусь возвращаться.

Эрмин отметила спокойствие Талы и ее сияющую улыбку. Прекрасная индианка совсем не походила на женщину, которая только что встретила лицом к лицу с врагами, после таинственного путешествия.

— Дай я тебя обниму, — сказала она невестке. — С тех пор как мы с тобой познакомились, я усвоила манеры белых людей.

Свекровь нежно обняла ее, что приятно удивило Эрмин.

— Тала, как я рада, что мы приехали! — с улыбкой сказала она.

— Я тоже рада, я с нетерпением ждала вас, — откликнулась та.

Обменявшись любезностями, они посмотрели вслед Симону и направились в дом. В старинной кухне семьи Дунэ, где витал дивный аромат рагу, было жарко. Киона любовалась елочкой с зажженными огнями.

— Мама дала мне с собой гору вкусной еды, — сказала Эрмин. — Надеюсь, ты не в обиде...

— Нет, вовсе нет... Эрмин, мне надо с тобой поговорить, но чуть позже, — сказала Тала, понизив голос и кивнув на дочь. — Мне жаль, что я причинила тебе столько хлопот тем, что поехала с Мадлен. Как вы съездили в Валь-Жальбер?

— Киона скучала по тебе. Но об этом мы также поговорим позже.

Раздался звук автомобильного клаксона. Онезим Лапуант поставил свой грузовик возле дома. Показались соседи, пришедшие помочь с разгрузкой. Первыми вошли дети. Мукки, Лоранс и Мари с радостными воплями бросились к бабушке. Эрмин помогала Онезиму переносить в гостиную пакеты, чемодан, две тяжелых корзины, туго скатанный ковер и два матраса, а также одеяла, простыни и подушки.

— Ну вот, теперь устроимся с удобствами. Тем лучше! — с удовлетворением выдохнула Тала.

Индианка выглядела довольной. Она налила Онезиму кофе, смущаясь оттого, что оказалась рядом с таким гигантом. Он пил медленно, с любопытством разглядывая обстановку, которая скорее напоминала вигвам, чем кухню добропорядочной хозяйки.

— Теперь пойду на бульвар Сен-Жозеф, — наконец сказал он. — Весь к вашим услугам, дамы!

Как только он ушел, Эрмин взялась за работу. Она хлопотала, стремясь как можно лучше устроить детей.

— Тала, я попробую натопить гостиную. Спать я буду с Мукки и близнецами. Дров у тебя достаточно, так что воспользуемся ими.

Свекровь еще раз доказала, что поддерживает ее от всего сердца. Четверо детишек болтали у рождественской елки, так что женщины могли без помех и суеты обо всем поговорить.

— У Кионы, пока она гостила у нас, бывали недомогания! — пояснила Эрмин. — Она теряла сознание и приходила в себя, потрясенная видением. Я знаю, что Закария Бушар убил нашего храброго Дюка. Тала, расскажи мне, что тебе известно.

— Пока нам можно не беспокоиться, — отвечала индианка. — Сообщник Бушара Наполеон Трамбле ранен. Эти люди на праздники вернулись к своим семьям. Они живут к северу от Перибонки. Знаю, они пытались дознаться у Шогана, где я сейчас, но он скорее умрет, чем выдаст меня. А мой племянник сбежал от них. Затем дошло до сведения счетов, в тот вечер, когда я прибыла к своим вместе с Мадлен. Бушар угрожал ей, собака бросилась на него, и он выстрелил. Двое моих родичей скрутили его, чтобы он не мог больше причинить вреда. Дюк погиб. Но мне не хочется вспоминать об этом. Мне удалось убедить их, что я вернусь в леса.

Думаю, они теперь откажутся от своих планов.

Эрмин обдумала несколько сумбурный рассказ Талы. Она не совсем понимала, почему ее свекровь так легкомысленно воспринимает ситуацию.

— Надеюсь, что все так и есть, — вздохнула она. — Мне тоже хотелось бы забыть об этой печальной истории. Ведь сейчас Рождество! Смотри, я спрятала подарки для детей под покрывало.

Гостиная скоро прогрелась. В печке потрескивали дрова. Постели были готовы. Молодая женщина поставила на табурет маленькую лампу с красным абажуром, отбрасывавшим нежный свет.

— Тала, ты пойдешь на вечернюю службу? — спросила Эрмин. — Услышишь, как я пою. Я звонила кюре. Спою «Аве Мария» Гуно и «Minuit, Chrétiens»^[49].

— Смотря во сколько начнется! — ответила индианка.

— О, мы пойдем к первой мессе. Не хочу, чтобы дети поздно ложились спать!

— А, тогда я с вами! Я ведь крещеная, и мне надлежит посещать церковь. Я обязана в память об Анри. Он мне приснился, и это меня успокоило.

«Тала определенно оправилась! — подумала молодая женщина. — Я и забыла, какой она бывает очаровательной!»

Чтобы не нарушать гармонию этого дня и предстоящего вечера, Эрмин решила не затрагивать темы, способные огорчить ее или Талу. «Завтра я успею рассказать Тале, что я придумала насчет моего отца и Кионы. И она наверняка догадается, кто именно на меня напал. Иначе она бы не стала настаивать, чтобы я с детьми приехала сюда. Да, завтра... И лучше не заговаривать о Тошане; она ведь даже не спросила, не связывался ли он со мной письменно или по телефону...»

Свекровь вышла из комнаты, сказав, что нужно утихомирить детей, громко смеявшихся в кухне.

— Я скоро приду, Тала. Скажи им, что я одеваюсь, чтобы идти в церковь...

Дверь закрылась. На Эрмин, сидевшую на матрасе, вдруг нахлынула тоска. Вместо того чтобы достать платье или причесаться, она разрыдалась. «Тошан! Где ты, любовь моя? Ты так далеко и так редки от тебя весточки! Господи, если бы в Европе не объявили войну, если бы Виктор выжил, то сегодня мы бы все собрались здесь, в нашем доме в лесу перед громадной елкой, которую ты бы срубил для наших детей. Ничего бы не изменилось, Мадлен тоже была бы здесь, и главное — ты, ты! И я бы даже не вспомнила о другом мужчине! Другом, не похожем на тебя! Спокойном, преданном,

застенчивом. Ты, мой дорогой, походишь на Уиатшуан — бурный, неуправляемый, дикий, необузданный. Если бы я вышла замуж за Овида Лафлера, то, возможно, не было бы этих страданий».

Она вытерла слезы, вспоминая лицо любимого мужа.

— Ну и чу! — упрекнула она себя вполголоса. — Я должна держаться стойко и мужественно! Мукки, Лоранс, Мари и Клона имеют право спокойно и красиво провести рождественский вечер.

Она с досадой вздохнула, поднимаясь на ноги. Подбросила дров в печку, сняла брюки и вязаные свитера. Натянула чулки и взглянула на выбранное ею черное бархатное платье. Резким движением Эрмин вынула шпильки, и по спине заструился поток светлых волос.

«Я даже не повторила программу! — с сожалением подумала она. — Хотя еще есть немного времени...»

Из кухни доносились радостные крики и чуть хрипловатый голос Талы. Эрмин забылась, рассматривая свое лицо в карманное зеркальце.

В дверь постучали.

— Нельзя! — откликнулась она. — Я еще не привела себя в порядок!

Тем не менее дверная ручка повернулась и стучавший заглянул в комнату. Раздосадованная Эрмин тщетно пыталась чем-то прикрыться.

— Я ведь сказала, нельзя! — сердито повторила она. — Мукки, если это ты, ступай прочь, я еще не одета!

— Именно это я и хотел увидеть!

Низкий голос был до боли знаком Эрмин. Она никак не могла поверить в свою догадку, но сердце в груди гулко колотилось. На пороге внезапно появился Тошан. Здесь перед ней. Эрмин мгновенно узнала его гордые черты, темный пылающий взгляд, идеально очерченный рот. Горечь и сомнения смыло бурной волной.

— Тошан, ты здесь?! — выдохнула она. — Но...

Одной рукой он затворил дверь, а другой притянул ее к себе. Прикосновение его тела вызвало у нее радостную дрожь.

— О, моя перламутровая жenuшка! — прошептал он ей на ухо и поцеловал в шею. — Эрмин, дорогая, моя обожаемая жена!

Он обнял ее и крепко прижал к себе. Она прильнула к нему, забыв обо всем, в безумном счастливом порыве повторяя:

— Ты, ты, наконец-то! Я уже совсем изнемогла, от тебя не было никаких вестей... О Тошан, любовь моя!

Их уста слились в долгом поцелуе. Переводя дух, Эрмин чуть отстранилась, не размыкая объятий.

— Где твоя форма? — спросила она. — О, ты коротко подстригся, а я и

забыла. Как глупо! Ты детей видел?

— Только заглянул, чтобы сказать «Тс-с!». Им не терпится присоединиться к нам, но пока ты полуголая, я не могу отойти от тебя! Эрмин, какая ты красивая! Я столько дней провел в чисто мужском обществе, и вот ты — твоя кожа, отливающая перламутром, нежное гибкое тело... запах твоих волос... Дорогая!

Они вновь обнялись. Ощувив, как руки Тошана скользят вдоль ее спины, Эрмин затрепетала от удовольствия, а затем взметнулась волна желания — первобытного, неистового, пьянящего желания. Ей хотелось опуститься прямо на пол, чтобы слиться с мужем. Но он, ощутив этот прилив страсти, слегка отстранился.

— Позже! Ночью! — тихо произнес он с восторженной улыбкой. — Не будем терять ни минуты из отведенного нам времени! Одевайся быстро, иначе я окончательно потеряю голову!

— Но ты не уходи! — умоляюще протянула она, натягивая платье. — Скажи на милость, каким чудом ты оказался здесь в Рождество? Твоя мать, должно быть, глазам своим не поверила!

Тошан неотрывно смотрел на нее, его переполняла нежность.

— Мама знала. Я предупредил ее телеграммой, вчера, и она ждала меня.

Молодая женщина расчесывала волосы. Взмахнув гребнем, она воскликнула:

— Теперь я понимаю, почему Тала была такая радостная и сияющая! Так поэтому она потребовала, чтобы я срочно прибыла сюда с детьми?

— Ну да, так и есть. Я хотел сделать тебе сюрприз.

— Какой чудесный сюрприз! Но мне через два часа нужно петь в церкви! Вот жалость, ты ведь не сможешь пойти туда со мной!

— Любимая женушка, да я не расстанусь с тобой даже на миг. Знаешь, я хотел было появиться в конце мессы — как в тот рождественский вечер восемь лет назад, когда ты пела в церкви Сен-Жан-де-Бребёф. Но это означало, что мне пришлось бы дожидаться еще два-три часа, а это выше моих сил!

Эрмин была почти готова, она бросилась мужу на шею и обвила ее руками.

— О любовь моя, я никогда не забуду то Рождество тридцать первого года, — серьезно сказала она. — Жозеф Маруа схлестнулся с маминим садовником, этим жутким Селестеном, который хотел ударить тебя ломом. А я наконец отыскала тебя, ты был жив, тогда как я уже оплакивала твою гибель. И наавтра мы с тобой сбежали.

— На санях! У Дюка, казалось, выросли крылья, так стремительно он мчался, — добавил Тошан, обуреваемый воспоминаниями.

«Боже, придется сообщить ему, что его пса прикончил проклятый Закария Бушар, — вспомнила она. — Но не сейчас! Ничто не должно омрачить нашу встречу».

Она закружилась, взметнув черный бархат скроенного по последней моде — подкладные плечи и широкая юбка — платья, идеально облежавшего ее высокую грудь.

— Я все еще тебе нравлюсь? — спросила она кокетливо.

— Будто не знаешь! Когда мне дали увольнительную, я думал, у меня сердце остановится, так был счастлив. Но своим отпуском я обязан тебе: офицер, который аплодировал твоему выступлению в зале Капитолия в Квебеке, выдал мне специальное разрешение. Давай-ка подпиши для него, не откладывая, свою фотографию, я ему передам.

— У меня даже не было времени отправить письмо! Или написать! — призналась она. — Прошу тебя, не заговаривай о своем отъезде, мне хочется думать, что ты здесь на несколько недель или месяцев!

Он стиснул ее в объятиях, движимый все тем же желанием не расставаться с ней до конца своих дней, забыть о возвращении в часть. Его несколько удивило, что Эрмин оказалась такой живой и веселой, тогда как он опасался, что она будет задумчивой и печальной.

— Похоже, тебе идет на пользу жизнь в твоём заброшенном поселке, — ласково подступил он. — Ты нуждаешься в отдыхе, в безопасности. В гарнизоне я нередко пытался представить, что ты делаешь в этот час, думал, что ты читаешь в гостиной в материнском доме, в тепле, в надежном месте, в окружении семьи.

Молодая женщина отвернулась, чтобы не выдать себя. Тошан пока понятия не имел о той буре ненависти, которой противостояли Тала с Эрмин. «Не буду ничего ему говорить без согласия его матери, — подумала она. — Мы ему расскажем о наших проблемах завтра, не сейчас! А еще нужно будет поговорить о Кионе, о ее перемещениях и о видениях. В сущности, я тоже применяю на практике умолчание! Тошан, которому я поклялась в верности, знает о прошлом своей матери меньше, чем я, меньше, чем мои родители...»

— Давай поспешим! — сказал он, обнимая ее за талию.

В кухне их встретил хор нестройных восклицаний. Мукки кинулся к отцу и прижался к нему. Лоранс и Мари, более сдержанные, несмело попросили поцеловать их.

— Идите сюда, мои красавицы! — воскликнул Тошан. — О, да у вас

одинаковые платья! Готов поспорить, что это позабавилась ваша бабушка Лора, сшив вам одинаковые одежды.

— Нет, папа, она купила эти платья! Бабушка Лора шьет куда хуже, чем бабушка Тала.

Девочки вскочили, чтобы поцеловать отца. Киона, сидя у рождественской елки, наблюдала за этой сценой, прижимая к груди плюшевого медвежонка. Эрмин заметила, что сводная сестра смотрит на Тошана с мечтательной улыбкой.

«Может, она переживает, что у нее нет отца и ей некого целовать, не за кем ухаживать. Но ведь это ее брат, — подумала молодая женщина. — Она должна уделять ему больше внимания».

Тала медленно приблизилась к сыну. Он протянул к ней руки.

— Мама, ты прекрасна, как наш лес осенней порой, и я так рад тебя видеть! Мне кажется, что в разлуке прошли годы. М-м-м, как вкусно пахнет! Я проголодался.

— Садись, сын, я положу тебе рагу — как ты любишь, с говядиной, картошкой и луком. Эрмин привезла продукты, и я поручила ей готовить ужин, я в готовке ничего не смыслю.

Тошан окинул взглядом кухню. Он отлично чувствовал себя в обстановке, родной для Талы и ее соплеменников.

— А ты, Киона, как твои дела? Понравилось тебе жить в городе? — спросил он молчавшую девочку.

— Мне очень нравится здешний дом, но все же мне бы хотелось вернуться в лес! — без колебаний объявила она.

Тошан пропустил ее ответ мимо ушей, так как в этот момент Мукки выкрикнул, что может без запинки назвать все буквы алфавита и умеет считать до двадцати.

— Меня научил дедушка Жослин! — поделился малыш. — А еще мы с ним кормим собак. Папа, Дюк умер!

Эрмин с Талой встревоженно переглянулись. Расстроенный Тошан внимательно взгляделся в их лица.

— От чего он умер?

— От старости! — отрезала индианка. — Или, может, хворь его одолела. В его возрасте уже не выздороветь.

— Бедный Дюк! — вздохнул Тошан, не скрывая горестных чувств. — Какой был храбрый пес! Я боялся, что мне придется его прикончить, когда он совсем сдаст.

— Дети, идите мыть руки, — распорядилась Эрмин, пытаясь сменить тему. — Пора отправляться в церковь. Папа пойдет с нами. Тошан, ты

поешь, а я пока поднимусь в спальню за сумочкой.

Она была рассержена. Мукки омрачил радость первых минут долгожданной встречи. Тала двинулась за Эрмин.

— Дочка, Тошана отпустили всего на два-три дня, — тихо сказала она. — Стоит ли волновать его, поверяя ему наши неприятности? Чую сердцем, тут ничего не изменишь. Прошу, давай сохраним все в тайне. А еще нужно постелить вам отдельно. Вы имеете право побыть друг с другом наедине. Я переночую с детьми. Все же праздник!

— Хорошо! — согласилась Эрмин. — Пожалуй, Тошан разгневаётся, узнав, что мы его обманываем, скрываем эту скверную историю, но я все понимаю, Тала, и поддерживаю твоё решение. Не бойся.

— Спасибо, моя хорошая!

— Тала, но что было бы, если бы я отказалась приехать в Роберваль? Ведь могла разразиться страшная буря, и тогда мы были бы вынуждены остаться дома.

— У меня был свой человек там у вас, — призналась Тала. — Твоя подруга Шарлотта. Симон, её жених, оказался здесь, когда пришла телеграмма. И я велела ему рассказать все Шарлотте, а та должна была предупредить твою мать. Я не сомневалась, что Лора, узнав, что Тошан пожелает в Роберваль, поддержит меня и поможет тебе с отъездом.

Ошеломленная Эрмин рассмеялась. Лора и Тала, без слов, на расстоянии, объединились, заботясь об их с Тошаном семейном счастье и о детях. Теперь понятно и изобилие съестных припасов, и поспешность отъезда...

— Хочется кричать о чуде! — наконец промолвила она. — Я подумала, что мама ещё никогда не была такой покладистой. Тем более — накануне Рождества! Тала, дорогая, огромное спасибо...

Она пылко обняла свекровь и чмокнула в щеку.

— Для меня, Тала, теперь и вправду наступил праздничный вечер, долгожданная передышка! Это Рождество...

Роберваль, воскресенье, 24 декабря 1939 г.

Служба закончилась, — в церкви Сен-Жан-де-Бребёф, великолепно освещённой по случаю Рождества, собралось много прихожан, но никто не покидал своих мест. Прошел слух, что будет петь знаменитая Эрмин Дельбо, выросшая в Валь-Жальбере. Сидя возле Бетти, Шарлотта, наконец увидев момент, высматривала в толпе собравшихся знакомые лица. Она

увидела Терезу Ларуш, державшую галантерейный магазин «Времена года», ее сопровождал супруг Жерар. Весьма уважаемая в Робервале чета. Потом она разглядела семейство кузнеца Дюфура с их девятью отпрысками и булочника Коссета, признанного тенора, пришедшего поддержать церковный хор. Она также узнала одну из прежних подружек Симона, некую Катрин. Девушка тотчас опустила голову. Справа от нее Жозеф Маруа смотрел на своего сына Эдмона, на лице которого застыло трогательно набожное выражение. Старый рабочий гордился мальчиком, чье духовное призвание придавало простой семье определенный престиж — во всяком случае, так ему казалось.

— Бетти, смотри, в первом ряду справа сидит Тошан с детьми, — сказала Шарлотта. — Даже Тала пришла, но они прибыли с опозданием, я видела, как они тихонько пробирались на свои места. Не стала тебя отвлекать.

— Ну ты и скрытная, Шарлотта! — упрекнула ее Бетти. — Я бы порадовалась за Эрмин, если бы ты мне сказала, что ее мужу дали отпуск. Поговорю с ней, когда будем выходить из церкви. И все же какой красавец ее Тошан!

— Нашли где говорить о таких вещах, — сухо оборвал ее Жозеф. — Мне стыдно за тебя, Элизабет!

Такое обращение свидетельствовало о том, что супруг в ярости. Сконфуженная Бетти осеклась и зарделась.

— А ты не кричи! — парировала она.

В относительной тишине, поскольку многие перешептывались, кюре с добродушной улыбкой провозгласил:

— Дорогие прихожане, сегодня вечером мы имеем счастье принимать уроженку здешних мест Эрмин Дельбо, которая становится все более популярной. Она любезно согласилась спеть здесь для всех нас после первой рождественской мессы. Не сомневаемся, что в это нелегкое время золотой голос Соловья из Валь-Жальбера послужит нам бесценным утешением.

Эрмин в своем удивительно элегантно и простом платье из черного бархата тут же поднялась и направилась к алтарю. Ее светлые волосы колыхались. Она рассеянно улыбалась в ответ на одобрительный гул, сопровождавший ее проход. Затем грациозно поклонилась. Скрипач из Роберваля подошел к ней и, встав позади, сыграл первые такты «Аве Мария» Шарля Гуно. Полился чистый голос Эрмин; вначале гимн звучал тихо, с хрустальной нежностью, потом более объемно, с неизбывной ясностью.

Тошан закрыл глаза, потрясенный его звучанием. Он успел забыть, как фантастически прекрасен этот голос, ему не часто доводилось слышать пение жены, и уже давно ее голос не раздавался под церковными сводами. Каждый звук отдавался в нем, воскрешая образы прошлого.

«В вечер нашей свадьбы в пустыни Святого Антония Эрмин пела так же — с чувством, с изумительной теплотой, — вспомнил он. — Она была еще совсем юной, но уже красивой — цветок, распустившийся среди зимы, снег и солнце, моя драгоценная перламутровая женушка...»

Пение Эрмин растрогало не только Тошана. Эрмин, вероятно, еще никогда так проникновенно не исполняла эту арию. Бетти почувствовала, что слезы текут по ее щекам. Шарлотта повернулась к Симону, рассчитывая увидеть его нежный взгляд, улыбку на устах, но жених бесстрастно и пристально разглядывал певицу.

У Талы мурашки пробежали по спине. От природы пылкая индианка еще совсем юной открыла для себя христианскую веру. Анри Дельбо перед свадьбой посвятил ее в церковные таинства.

«Христианская вера дала мне совершенно новые ощущения, причем это было в деревенской церквушке, затерянной в лесах, я ничего не понимала — восковые свечи, алтарь, статуи святых... — вспоминала мать Тошана. — Однако я была счастлива и горда, исполняя желание мужчины, который дал обет защищать меня и хранить мне верность». Она посмотрела на сына, родившегося от этого союза, — Тошан Клеман Дельбо — и материнское сердце дрогнуло. Она так его любила, но знала, что однажды он может отвергнуть ее, так как несколько раз солгала ему.

Эрмин, посоветовавшись с кюре, решила спеть не «Святую ночь», а «Adeste Fideles»^[50], этот гимн лучше подходил ей по тесситуре. И вновь зазвучал ее высокий голос, сильный и одновременно легкий. Кюре восхищенно кивал. Мукки, Мари и Лоранс сидели, раскрыв рты. Им нередко приходилось слышать, как поет мама, но в церкви, в аромате ладана, в отблесках свечей в витражах, пение было еще прекраснее.

Исполненной ликования Кионе казалось, что она парит. Тошан и Эрмин воссоединились, мать держала ее за руку, а церковь, заполненная незнакомыми людьми, выглядела очагом тепла и гостеприимства. На девочке была грубошерстная накидка, сшитая Талой, чтобы прикрыть индейский наряд. На ее искрящиеся золотистые волосы был накинут капюшон, так что она ничем не выделялась среди робервальских детей, кроме тех, которых нарядили в воскресные костюмы. В двух рядах от Кионы сидел мужчина в черном костюме, белой рубашке и черном галстуке. Он то и дело оборачивался и хищно впивался взглядом в

привлекательное лицо Элизабет Маруа. Арману показалось забавным такое поведение.

«Смотри-ка, этот тип не отрывает глаз от мамы! Прямо как нарочно, чтобы позлить отца, который становится все более несносным. Да ведь я его знаю, он работает на авиабазе! — сообразил юноша. — Везет же людям! Если бы я имел дело с самолетами «Кёртис», я бы тоже...»

Бетти заметила, что на нее обращают внимание. Она покраснела и надолго уткнулась в молитвенник. Вконец растерявшись, она осознала совершенную ею ошибку, подумав: «Я же в церкви, и завтра Рождество! Хоть сквозь землю провалились! Я навлекла позор на семью. Жо прав, упрекая меня! Господи, не смею и молить тебя, чтобы ты простил женщину, совершившую прелюбодеяние...»

Эрмин допела гимн. Сидевшая среди прихожан маленькая девочка захлопала. К ней присоединился Мукки, затем сестры-близнецы. Шарлотта не могла удержаться и последовала их примеру. И по церкви прокатилась нарастающая волна аплодисментов.

Озадаченный кюре хлопнул в ладоши, чтобы восстановить тишину, но ему это удалось лишь через несколько минут.

— Спасибо! Огромное спасибо! — сказал он громко.

Эрмин с улыбкой обвела взглядом прихожан и присоединилась к Тошану. В его глазах светилась такая любовь, что она, не совладав с порывом, бросилась в его объятия.

— Пойдем скорее домой! — сказала она. — Тала, тебе понравилось?

— Да, моя девочка! Это было дивно, в гармонии с радостью, переполняющей нас в этот праздничный вечер. Но нам пора домой.

На церковной паперти Эрмин обнялась с Шарлоттой, та выглядела чем-то огорченной. Симон бросился к Тошану. Они с чувством расцеловались.

— Ох, дружище! — вскричал Симон. — Мы с тобой не виделись года два, не меньше. В последний раз — когда я навещал вас в хижине на берегу Перибонки. А почему ты не в форме?

— Симон, я предпочитаю ходить в штатском, оно не бросается в глаза. А ты когда пойдешь в армию? Все же жизнь здесь приятнее, чем в Цитадели. И в наших краях есть немало парней, по крайней мере, холостых.

— Но это не мой случай, — поспешил парировать Симон. — Мы с Шарлоттой собираемся пожениться. У меня нет ни малейшего желания пересекать Атлантический океан, чтобы биться врукопашную с немцами. Это не для меня.

— Симон, ты бы так не говорил, если бы больше знал о том, что происходит в Европе! — оборвал его Тошан. — Но я не занимаюсь вербовкой. Поступай как знаешь.

Неподалеку от мужа Эрмин беседовала с Бетти. Та была чем-то взволнована и отвечала, нервно поглядывая по сторонам. Жозеф вновь сделал ей замечание:

— Бедняжка Бетти, ты крутишься, как флюгер! Да что с тобой стряслось?

В этот момент высокий мужчина в черной фетровой шляпе толкнул бывшего рабочего и удалился, даже не извинившись.

— Да, этот от вежливости не помрет! — возмутился Жозеф. — Будь я годков на десять помоложе, я бы не поглядел, кончилась служба или нет, догнал бы и поучил приличным манерам!

— Да он, наверное, не нарочно, — пролепетала Бетти, на которой лица не было.

— Бетти, у тебя все в порядке? — спросила Эрмин. — Вид у тебя такой, будто вот-вот грохнешься в обморок.

Молодая женщина была уверена, что узнала «двоюродного брата», спешно покинувшего дом Маруа через черный вход. «Та же осанка, та же походка вразвалку и ледяной взгляд, — подумала она. — Однако благоразумнее будет не подавать виду». Бетти, будто пытаясь в чем-то убедить, схватила ее за руку и умоляюще посмотрела на подругу. Это было немое признание.

— Ну что же, до свидания! — сказала Эрмин. — Сейчас холодно, куда холоднее, чем днем. Счастливого Рождества всей вашей семье!

Ей страстно хотелось лишь одного: оказаться на авеню Сент-Анжель и затвориться в доме вместе с мужем, детьми и Талой. Это желание отвлекало ее внимание от мелких деталей. Она не заметила ни нахмуренного лица Симона, ни недовольной гримасы разгневанного Жозефа, ни встревоженной Кионы, внимательно разглядывавшей всех троих.

— В путь! — со смехом крикнула Эрмин. — Я проголодалась!

Облачившись в пальто со складками, молодая женщина сияла от радости. Ничто не омрачит предстоящих часов. Ее удивляло лишь то, что ее так сильно влекло к Овиду Лафлеру.

«Что-то я чересчур нервничаю в последние дни. Господи! Как я могла хоть на миг сравнить его с моим Тошаном?!» — твердила она, обещая больше не поддаваться надуманной привлекательности этого скромного миража.

Тем же вечером в Валь-Жальбере

К ужину Лора надела длинное вечернее платье, купленное в Шикутими, ее очаровали изящество кроя и ткань — фиолетовый муслин. Капризный Луи был в светло-сером вельветовом костюме. Устроившись на диване, мальчик уже сладко зевал. Жослин также надел костюм, он был тщательно причесан и выбрит.

В большом ярко освещенном доме царило чудесное тепло. Мирей накрыла на стол — всего три прибора, но зато серебро и тонкий фарфор.

— Какая тишина! — заметила Лора, разглядывая свое отражение в зеркале, висевшем в простенке между окнами.

— Хочешь, поставлю пластинку? — спросил Жослин. — Одну из французских новинок, которые ты рвалась послушать?

— Нет, эти пластинки для Эрмин.

— Хочу рождественские песни, — потребовал Луи. — Прекрасная елка и божественное дитя!

— Во всяком случае, божественное дитя — это не ты, — отрезал отец. — Мне надоело видеть твою кислую физиономию. Мы с мамой очень рады, что ты с нами. Так что улыбнись нам!

Глядя светлые волосы сына, Жослин подумал о Кионе. Он скучал по своей девочке. Конечно, он редко говорил с ней, но даже просто видеть ее и слышать ее голос было огромным счастьем. Лора подошла к нему. Для своих сорока четырех лет она была поразительно красива. Серьги со стразами и такое же ожерелье усиливали матовое сияние кожи. Светлые локоны с платиновым отливом подчеркивали безупречный овал лица и сверкающие сапфирового цвета глаза.

— Лора, ты великолепна!

— Спасибо, Жослин! С годами ты становишься все более галантным.

Она рассмеялась, польщенная, счастливая тем, что нравится обаятельному мужчине — своему мужу.

— Если господа готовы, то можно подавать на стол, — провозгласила Мирей. — Суп-пюре готов...

Не успела она договорить, как все лампы и электрические гирлянды погасли. Если бы не рдеющий огонек в печи, темнота была бы полной.

— Что случилось? — забеспокоился Жослин. — Ведь сейчас нет бури?!

— Мирей, зажги свечи! — воскликнула Лора. — С тех пор как мы поселились здесь, я не припомню неполадок с электричеством. Мне это не

нравится.

— Явно должно быть какое-то объяснение! — произнес муж.

— Мама, мне страшно! — захныкал Луи, боявшийся темноты.

Экономка, чиркнув спичкой, зажгла свечу. Лора взяла сына на руки, чтобы успокоить.

— Смотри, Луи, вот уже светлее. Мирей сейчас зажжет свечи повсюду.

— А я проверю пробки! — объявил Жослин. — Я, конечно, не слишком разбираюсь в этом, но Арман показывал мне, как функционируют эти новомодные штуки.

— О да, и правда новомодные! — вставила экономка. — Электрический ток — это просто отлично, кругом светло, но если что-то ломается, тут уж умничать бесполезно...

Когда зажгли дюжину свечей белого воска, стало наконец почти так же светло, как прежде. Успокоившийся Луи разглядывал рождественскую елку, украшения на которой при свечах заиграли новыми красками.

— Елка стала еще красивее! — заявил он. — Мама, видишь, как все сверкает!

Лора кивнула, обнимая сына, и придержала мужа за рукав.

— Прошу, останься с нами! — умоляющим тоном сказала она. — А что, если эти перебои со светом — ловушка?.. Мы здесь одни. Маруа в Робервале. Вдруг вокруг дома бродят те люди, которые напали на Эрмин?

— Да нет, собаки бы залаяли. Лора, не тревожься из-за пустяков. Мне кажется, что старушка — фабричная динамо-машина — приказала долго жить. Завтра или в понедельник Жозеф ее починит. Может, даже сегодня вечером, если Маруа уже вернулись.

— Господи, нельзя же провести рождественский ужин в таких условиях! — воскликнула Лора. — Вот ведь не везет. Тошан прибыл специально к Рождеству, так мне пришлось отправить туда чуть ли не все праздничные припасы, а теперь извольте — повсюду темень. Это уж слишком!

Она чуть было не расплакалась, но к ее разочарованию примешивалось вполне конкретное дурное предчувствие, вынуждавшее ее цепляться за руку мужа.

— Не уходи, если ты пойдешь в погреб, на тебя могут напасть. Лучше поднимись и захвати мой револьвер.

Луи услышал последнее слово. Он прижался к матери.

— Мама, мне страшно! — воскликнул он.

— Ну перестань, ты же маленький мужчина! — воскликнула Мирей. — Тут нечего бояться. Идем со мной в кухню, зажжем новые свечи.

Поужинаешь с родителями, после десерта пойдешь спать. А завтра утром найдешь под елкой подарки.

Экономка увела ребенка. Лора дрожала от страха.

— Жослин, говорю тебе, то, что происходит, ненормально. Проверь все окна и входную дверь, и дверь в погреб тоже. Мне очень тревожно.

Растроганный слабостью жены, Жослин нежно обнял ее и осторожно поцеловал в лоб. К великому удивлению, она его не оттолкнула.

— Лора, дорогая, ты напоминаешь мне ту юную девушку, которая в страхе бросалась ко мне, стоило в лесу хрустнуть ветке, — ласково сказал он. — Люди испокон веков боятся темноты, но тебе ведь приходилось жить в хижинах без электричества, мы проводили там ночи при свете тлеющих углей.

— Я всегда интуитивно чувствовала опасность, — убежденно ответила она.

Жослин, покачав головой, хотел было отстраниться, но Лора вцепилась в него изо всех сил.

— Веди себя разумно, — сказал он. — Я с тобой. Мы поужинаем, а потом я схожу посмотрю, не вернулись ли Маруа. Жозеф и Арман не откажутся осмотреть электропроводку. Согласна?

— Да, но мне хотелось, чтобы ужин сопровождался музыкой, а теперь ничего не выйдет.

— Кстати, Лора, еще цела губная гармошка, на которой я играл по вечерам в Труа-Ривьер, в нашем гостиничном номере. Я бережно сохранил ее, ведь она свидетельница нашей любви.

Лора мило улыбнулась, но в глазах ее стояли слезы. Жослин погладил ее плечи сквозь тонкий муслин. Он вкрадчиво спросил:

— А как насчет рождественского перемирия? Это такая попытка — спать рядом и не прикасаться к тебе.

— Я — за, — лукаво шепнула Лора.

Роберваль, авеню Сент-Анжель, в тот же вечер

Едва войдя в дом на авеню Сент-Анжель, Эрмин сменила свое элегантное бархатное платье на более простой костюм из голубой шерсти и распустила волосы. Она помогла Тале приготовить ужин из разнообразных блюд. Рагу по-индейски соседствовало с бутербродами с икрой, а фуа-гра — с пирогом с патокой, который Мирей испекла утром.

Тошан перенес один матрас из гостиной в кухню и положил его рядом

с тем, на котором обычно спали Тала с Кионой.

— Я расстелю на полу покрывало, и мы поедем все вместе. Вот будет забавно, правда, дети? — предложила Эрмин.

— Да, мама! — воскликнул Мукки. — А тебе, папа, так нравится?

— Разумеется, нравится, — ответил Тошан.

Его захватила радость, царившая в этом скромном жилище. Мари и Лоранс сели возле него по обе стороны. Эрмин смотрела на эту картину со счастливым смехом.

— Мама передала шампанское, но нам не обязательно его пить, у нас есть черничная наливка, которая мне нравится куда больше, — сказала она, доставая бутылки.

— А я бы хотела попробовать шампанское, — заявила Тала. — Выпьем за моего сына.

Они молча отпили по глотку изысканного напитка, и каждый вспомнил о Лоре.

«Надеюсь, мама не слишком грустит без меня и детишек, — думала Эрмин. — Она без колебаний пожертвовала своим удовольствием ради моего счастья. Дорогая мамочка, характер у нее не сахар, зато сердце золотое!»

«Ничего не имею против моей тещи, — думал Тошан. — Нельзя отрицать, что характер у нее крутой, но при этом она добрая! Однако пока рядом с ней Шарден, я не могу показать, что хорошо и вполне искренне отношусь к ней...»

«Лора, пью за твою победу! — признала Тала. — Жослин никогда меня не забудет благодаря Кионе и нескольким ночам нашей любви! Лора, ты шип, пронзивший мое тело, но, несмотря ни на что, я тебя уважаю!»

Киона баюкала медвежонка, уплетая пирог. После возвращения в Роберваль к матери она не испытывала той странной усталости, что предшествовала видениям. Да и сами видения прекратились. Она успокоилась. Ей хотелось быть обыкновенной девочкой.

После ужина Эрмин велела детям надеть пижамы, и они блаженно заснули, успокоенные присутствием взрослых.

Осоловевшая от черничной настойки и шампанского, Тала была неразговорчива и мечтательна. Вскоре она прилегла возле Кионы и задремала.

Эрмин молча убрала остатки трапезы, пока Тошан подкладывал дров в печку. Им не терпелось остаться наедине. Они улыбались друг другу, посмеиваясь над собственным нетерпением.

— Я не буду выключать елочные гирлянды, — тихо сказал Тошан.

— Нужно принести подарки детям, — напомнила ему Эрмин.

— Я сделаю это позже; мне не хочется спать, — сказал он, не сводя с нее глаз.

— Ну так иди же...

Она протянула ему руку. Они миновали ледяной коридор и закрылись в соседней комнате, где было гораздо холоднее, чем в кухне, но это не имело никакого значения.

— Любовь моя, — выдохнула молодая женщина, — мне так хотелось расспросить тебя о жизни в Квебеке, но не было времени. Тала тоже не проявила никакого любопытства.

— Тем лучше, — заключил он. — Сегодня вечером здесь нет солдата Дельбо. Есть лишь я, Тошан, Метис, следопыт, который взял в жены прекрасного Соловья.

Лучившаяся счастьем Эрмин спустила юбку, обнажив перламутровую кожу между поясом для чулок и трусиками. Сняв свитер, она тряхнула светлыми волосами. Тошан притянул ее за талию и принялся покрывать округлые бедра поцелуями.

— Радость моя, да ты вся дрожишь! Я сейчас тебя согрею.

Он поднял ее на руки и перенес на ложе. Она чувственно изогнулась. Все страхи и переживания отступили. Даже воскресив грустные воспоминания, Эрмин не смогла бы разрушить очарование этого волшебного мига. Она вся обратилась в ожидание и желание, обостренное разлукой.

— Мне не холодно, — сказала она. — Я слишком счастлива, что ты здесь. Поверить не могу.

Тошан лег рядом, любуясь ею. После долгого молчания, прерываемого поцелуями, он произнес:

— Просто ума не приложу, как мне заставить себя вернуться в Квебек. Дорогая моя, ты такая красивая, нежная, мягкая. Как я гордился тобой в церкви. Я твердил себе: эта великолепная женщина, которая так великолепно поет, — она моя! А я так часто оставлял ее одну, когда решал, что поступлю по-своему. Эрмин, на самом деле я тебя недостойн. Я ведь даже пытался препятствовать развитию твоего певческого призвания — из гордости и из эгоизма.

— Любимый мой, к чему сейчас все эти *mea culpa*^[51]! — возразила она. — Сегодня Рождество, мы вдвоем, а все остальное не имеет значения. Ты, кажется, собирался согреть меня?..

Он обольстительно улыбнулся и начал ласкать ее от сосков до чуть выпуклого живота, шелковистой коже которого вновь достались более

дерзкие поцелуи. Его пальцы скользнули под ее шелковые трусики, окаймленные кружевом, поиграли золотым руном ее лона. Он восхитился нежным ароматом и прижался щекой к бедру. Дыхание ее участилось. Ее руки скользили по его спине. На нем все еще была рубашка, и она шепотом попросила его раздеться.

— Я тоже... Я хочу целовать тебя... везде, ощущать твою горячую плоть, золотистую, как свежее испеченный хлеб. Тошан, я так тебя люблю!

Он стремительно вскочил и снял с себя одежду. Эрмин созерцала его без смущения и стыдливости, совсем не так, как в их первую ночь под лиственницами восемь лет назад.

В следующий миг большое смуглое тело Тошана опустилось на молочно-белое перламутровое тело молодой женщины. Он тут же вошел в нее, движимый единственно желанием погрузиться, чтобы стать единым целым, поймать на ее прекрасном лице предвестия наслаждения.

Так прошла половина ночи. Трижды они разделили ослепительный экстаз, приглушая сладостные стоны и восторженные возгласы. Они не могли оторваться друг от друга. Наконец около двух часов ночи Эрмин, поднявшись на локте, прошептала:

— Все-таки нужно положить подарки под елку. Я сама, ты, наверное, слишком устал.

— Я вовсе не устал, — ответил он, зевнув.

— Отдохни, любовь моя, я сама.

Накинув розовый шелковый халат, она, ступая на цыпочках, осторожно, в два приема перенесла подарки. Затем она скользнула под ворох одеял и покрывал, сбившихся во время любовной схватки. Тошан обнял ее и уткнулся лбом в ее плечо.

— Теперь я понимаю, что нет ничего в мире лучше, чем лежать в постели с женщиной, которую любишь телом и душой. Быть может, я понял это слишком поздно. Не знаю, когда унтер-офицер сочтет, что мы достаточно подготовлены, но бродят вполне правдоподобные слухи, что нас отправят во Францию или Великобританию на самолете. Один батальон или несколько... Первые канадские части прибыли в Европу восемнадцатого декабря. Наше правительство приняло срочные меры для увеличения численности войск. Некоторые парни в Цитадели утверждают, что война стимулирует национальную промышленность, все ресурсы направляются на военные цели. Этот конфликт будет затяжным и нелегким, это ни для кого не секрет. Моя дорогая, боюсь, что мне долго, очень долго не дадут увольнительной.

Эрмин покорно кивнула. Благодаря Жослину, не выпускавшему из рук

газету «Ля Пресс», она была в курсе новостей и не питала никаких иллюзий. Тошан был солдатом, он сделал выбор.

— Наши незримые пути расходятся, — мечтательно сказала она. — Помнишь, на нашем первом свидании, на лугу возле мельницы Уэлле, ты говорил мне о незримых путях, по которым мы следуем, эти пути ведут нас туда, где мы должны оказаться... Я часто об этом думаю, особенно когда мы в разлуке. Не важно, где я — в Квебеке или в Нью-Йорке. Или когда ты находишься в Вальдоре или в своем любимом лесу! В Европу на самолете полетит Властелин Лесов... это наша приятельница Бадетта так окрестила тебя, когда впервые увидела.

Тошан подавил стон. Он опасался, что совершил большую ошибку, отказавшись от семейной жизни на берегу Перибонки, оставив одних жену и детей. Однако он за них в ответе — это он понял лишь теперь. Он упрекал себя за приверженность к справедливости, которая подтолкнула его пойти сражаться. Он действовал с юношеской горячностью. Был ли он прав?

— Не будем говорить об этом, — решил он. — Мой поезд уходит в среду утром. У нас еще целых два дня: понедельник и вторник. Не стоит отравлять их сожалениями. Я хочу радоваться тебе, детям, маме.

Голос его стих, он задремал. Эрмин погасила лампу и обняла мужа, покрывая его щеки и лоб легкими поцелуями.

— Спи, любовь моя! — чуть слышно сказала она. — Я горжусь тобой. Храни тебя Бог!..

Валь-Жальбер, на следующий день, понедельник, 25 декабря 1939 г.

Жозеф Маруа недоверчиво поглядывал на жену. Со вчерашнего дня Бетти вела себя так, будто была в чем-то виновата, и он не мог понять, в чем дело. Ужин после рождественской мессы проходил в гнетущей обстановке. Без добродушного Эдмона, который долго рассказывал о своем духовном призвании, без шуток Шарлотты трапеза была бы и вовсе не веселой. Кроме того, к ним заглянул их сосед Жослин и попросил помочь: у них в доме испортилась электропроводка. Бывший рабочий быстро нашел причину неполадки и приступил к починке.

В Рождество у него из головы не выходила двусмысленная фраза, которую несколько часов назад обронил Арман: «Мама так прекрасно выглядела вчера вечером в церкви! Это заметил не только я». Ядовитое жало, скрытое в последних словах, медленно делало свое дело. «Арман

произнес это не просто так, и Бетти сразу зарделась. К тому же она теперь стала такой кокеткой».

В полдень сели обедать. Мари, худенькая восьмилетняя девочка, поставила на стол паштет в горшочке, гренки и салатницу с маринованной красной капустой. В духовке подрумянивался пирог. Арман, уже сидевший за столом, закурил сигарету. Жозеф поднялся с возмущенным видом.

— Прекрати курить, мы садимся обедать! — заорал он. — И смотри мне в глаза, прямо в глаза! Ты к чему тогда сказал про свою мать? Не держи меня за идиота! Кто именно это заметил?

Мари Маруа, привыкшая к внезапным вспышкам гнева отца, затаилась у плиты. Бетти пыталась ее успокоить, глядя по голове.

— Жо, но это была всего лишь шутка! — уверяла она. — Не бойся, малышка, сегодня Рождество!

— Замолчи! — взорвался ее муж. — Ну, Арман, я весь внимание.

Молодой человек — неглубокий по натуре, порой склонный к меланхолии — никоим образом не намеревался скомпрометировать мать.

— Папа, на нее косился один механик с авиабазы. Это все выеденного яйца не стоит, — ответил он посмеиваясь. — Мне это польстило. У моих корешей матери не блещут красотой.

— Чтоб тебя! — выругался Жозеф.

Он вспомнил, как его толкнул некий тип в фетровой шляпе, одетый во все черное. Тогда он решил, что это какой-то хам, и не стал наводить справки, а теперь ему казалось, что он уже встречал его раньше.

— Это мой кузен, — пролепетала Бетти с перекошенным от страха лицом, — один из двоюродных братьев, которому удалось устроиться на авиабазу. Это по материнской линии, Жо! Я с ними почти не поддерживаю отношений. Наверное, это он следил за мной в церкви. Может быть, этот тип хочет помириться.

Она старалась, чтобы ее голос звучал твердо и естественно, но в глазах сквозил страшный испуг и губы кривились в нервной усмешке.

— Я слышала, что он обосновался в наших краях, — добавила она, — но не хотела говорить, потому что это не имело значения. Я ведь не собираюсь возобновлять отношения ни с ним, ни с другими. И потом, ты никогда не любил моих родителей.

— Но прежде ты никогда ничего от меня не скрывала, — холодно бросил муж. — Как зовут этого твоего кузена?

— Поль Трамбле. А вот и опоздавшие!

Со смехом вошли Шарлотта, Симон и Эдмон, запорошенные снегом. На улице мело. Жозеф решил, что позже разберется в этой истории.

Несмотря на свой взрывной характер, праздники он старался чтить.

— Лора пригласила нас на обед, — сообщила Шарлотта, — Луи скучно, ему хочется пообщаться с тобой, Мари. Бедняжка, кажется, вчера вечером, когда отключилось электричество, он сильно испугался.

Девушка прошла насчет раздражительности Лоры и обилия свечей, зажженных Мирей. От ее миловидного личика и темных кудрей в доме словно пахло весенним ветром. Успокоенная ее присутствием, Бетти снова обрела хладнокровие. Впрочем, лишь внешнее.

«Господи, что я натворила! — молилась она в душевном смятении. — Как я посмела изменить Жо? Это не повторится никогда. Господи, прости меня, грешную!»

Но едва слышный внутренний голос твердил, что именно она навлекла несчастье на свой семейный очаг. На Элизабет Маруа, терзаемую угрызениями совести, надвигался один из самых страшных кошмаров ее жизни.

На улице Сен-Жорж в доме семьи Шарден, на ковре в няниной комнате плакал маленький мальчик. Он держал белоснежного плюшевого мишку с шелковистой шерсткой. Это был один из подарков, полученных этим утром. Уже два раза мама звала его спуститься к обеду. Но есть Луи совсем не хотел. Огромный дом казался ему пустым и безжизненным. Накануне он лег спать с тяжелым сердцем, и отец утешал его.

— Ну иди же, мой дорогой. Мукки, Мари и Лоранс скоро вернутся, и вы будете вместе играть.

— А Киона тоже вернется? — спросил Луи.

— Нет, Киона не живет с нами. Но не волнуйся, ты скоро ее увидишь. Я собираюсь в самое ближайшее время пригласить ее к нам.

Луи в это слабо верил. Ангел Киона покинула его, унеся с собой шарики, которые он ей подарил. Без нее, без ее улыбки, без ее золотистых глаз он чувствовал себя потерянным.

— Киона, — произнес он, шмыгая носом. — Вернись, Киона!

— Луи, поторапливайся! — крикнула Лора, уже собиравшаяся подняться за ним. — Мирей уже подала еду.

Он отер слезы руками и положил мишку на кровать. Внезапно ему почудилось, будто кто-то дышит совсем рядом. Он удивился, но решил, что это либо мать, либо отец. Он набылчился, желая показать, что дуется.

— Луи, — произнес мелодичный голос, — не плачь, Луи.

Он поднял глаза, задыхаясь и дрожа от радости. Перед ним стояла Киона в своей одежде из расшитых голубым бисером оленьих шкур. Ее волнистые волосы были распущены. Она улыбалась.

— Смотри, Киона, у меня есть плюшевый мишка! — воскликнул он. — Ты вернулась не понарошку? Папа вчера говорил, что нет. Как здорово!

— У меня в Робервале есть такой же мишка, как у тебя. А мама подарила мне этот браслет.

Луи с восхищением заметил на запястье Кионы два витых золотых обруча.

— Я часто буду возвращаться, — тихо донеслось до него.

В няниной комнате больше никого не было, но дверь осталась открытой. В коридоре раздались шаги, появилась Лора с озабоченным выражением лица.

— Мой маленький, ты что, хочешь томиться здесь весь день? Луи, сегодня Рождество. Я пригласила к нам Маруа, чтобы ты смог поиграть с их дочкой. Идем, мое сокровище. Не стоит плакать. Вижу, что здесь кто-то плакал, правда?

— Мама, я больше не плачу, — заявил Луи, потрясенный тем, что произошло. — Кионе не нравится, когда я плачу.

— А кому это может нравиться! — раздраженно бросила Лора. Однако, чтобы не задеть чувствительного мальчика, он сочла нужным добавить: — Киона права. Она славная девочка. Давай скорее. Папа проголодался.

Лора вытащила Луи на лестничную площадку. Мальчик в нетерпении огляделся. Он внимательно осмотрел коридор первого этажа, гостиную, где возле зажженной елки стоял накрытый стол. Кионы нигде не было. Как ни странно, он не стал задавать родителям вопросов. С наивной убежденностью своих пяти лет он посчитал, что это волшебство.

«Киона приходила тайком только ко мне, ни к кому другому!»

Ему рассказывали, что у крылья у ангелов сотканы из света. Он представил, как Киона взлетает в небо сквозь снежные хлопья. Его устраивало такое объяснение. Оставалось лишь ждать ее возвращения...

Глава 12

Грустное возвращение

Роберваль, среда, 27 декабря 1939 г.

— Мимин, дорогая, поезд вот-вот тронется. Иди домой, к детям!

— Нет, я хочу быть с тобой до конца, — вздохнула Эрмин. — Боже мой, как мне будет тебя не хватать! Мне очень нравится, когда ты, как и Киона, называешь меня Мимин. Тошан, я готова отдать все на свете, чтобы ты еще побыл здесь.

Крупными хлопьями падал снег. Ледяной ветер гулял по перрону робервальской станции. Тошан обнимал жену за талию, плотно прижимая ее к себе. Он чувствовал, как Эрмин, несмотря на теплую меховую куртку, дрожала от холода.

Пассажиры, толпившиеся у состава, садились как придется, в любой вагон. Кричали «до встречи», «прощай», махали руками. Эрмин страстно обняла мужа, словно желая насытиться, пока он еще здесь.

— Мы были очень счастливы в эти дни и эти ночи — сказал он ей на ухо. — Держись, дорогая, может, мне удастся вернуться раньше. Не отчаивайся! Уделяй побольше времени детям и продолжай петь!

Эрмин, не в силах смириться с его отъездом, едва сдерживалась, чтобы не расплакаться, как ребенок.

— Нам так и не удалось поговорить! — пробормотала она. — Мне столько надо было тебе рассказать, а время пролетело так быстро.

Тошан кивнул, с любовью глядя на нее. Как прекрасна Эрмин! Белоснежную кожу лица подчеркивал отороченный черным мехом капюшон, розовые губы на холоде стали ярче, в голубых глазах читалось трогательное волнение.

— Если бы можно было взять тебя с собой! — с нежностью в голосе сказал он. — На время занятий я бы прятал тебя в своем шкафчике, а вечером бы отпирал и переносил на походную кровать. Это было бы мне утешением после всех изнурительных упражнений, которые нас заставляют делать: ползать по снегу, бегать, вести рукопашный бой, переносить боеприпасы. Но здесь тебе намного лучше, да и дети рядом.

— Я знаю, милый. Главное, береги себя и вспоминай обо мне. И не

забудь, я должна знать, когда тебя отправят в Европу.

Голос Эрмин дрогнул. Она ждала какого-нибудь чуда. Подумала, ужаснувшись собственной мысли: «Как бы мне хотелось, чтобы сломался паровоз или чтобы по радио объявили, что война закончилась. Или даже чтобы Тошан сломал ногу! Лишь бы он остался со мной, с нами!»

Начальник станции дал свисток и махнул флажком. Тошан разомкнул объятия. Они с Эрмин в последний раз поцеловались.

— Я не прощаюсь, дорогая! — воскликнул он, отступая к вагону. — Помни, что ты мне пела утром. «Ничего не бойся, ты в сердце моем до самой моей смерти».

— Нет, не говори так! — воскликнула она. — До свидания, любимый, до свидания!

Состав потихоньку тронулся. Тошан махал рукой из окна. Эрмин беззвучно и горестно плакала, не в состоянии пошевелиться и помахать в ответ.

«Я не прощаюсь, любовь моя! — думала она. — Да, мы были счастливы. И мы с Талой позаботились, чтобы ничто тебя не тревожило».

Эрмин плакала, не пытаясь сдержать слез. Поезд ушел, и муж больше не мог ее видеть. «Ты не знаешь, кто убил нашего славного Дюка. Закария Бушар. Ты даже не подозреваешь, сколько я пережила после того, как на меня напали. Но Тала права — так намного лучше. Ты бы метался, решая, продолжать служить в армии или защищать нас».

Она медленно удалялась от станции, погруженная в свои мысли, и незаметно для себя оказалась на бульваре Сен-Жозеф. «Время летело поразительно быстро. Как нам было хорошо, когда все мы, собравшись на кухне, болтали и ели те блюда, которые готовила твоя мать. Конечно, дети не отходили от тебя. Вы сражались, закидывая друг друга снежками, а вчера мы все вместе прогулялись к озеру. И ты, мой милый, пускал блинчики по воде — к удивлению Мукки. Мари и Лоранс, преисполненные гордости за отца, хлопали в ладоши. Да, твоя мать была права — ни к чему было портить тебе радость. Нашу радость!»

Вечером, после ужина, они вновь получили возможность побыть вдвоем, и это было чудесно, а Тала проследила, чтобы ничто не нарушило их уединения. Эрмин очень хотелось рассказать Тошану о том, что ее мучило, но она всякий раз останавливалась. «Все-таки я обмолвилась, упомянув Киону. Сообщила о том, что пригласила ее в Валь-Жальбер, но и только!»

Тала решила, что не стоит упоминать при Тошане о загадочных видениях Кионы и ее странностях. «Это слишком встревожит его, —

уверяла ее индианка. — И кроме того, Эрмин, мы будем вынуждены рассказать об этих людях, которые хотят отомстить».

Голова раскалывалась от мыслей, слезы Эрмин высохли. Тем не менее, когда она вошла в дом, ей вспомнилась встреча с Тошаном после разлуки, полный нежности вечер сочельника, и горло перехватило. Навстречу ей выбежал Мукки.

— Мамочка, ну как? Папа уехал?

— Да, мой маленький, — тихо ответила она, снимая куртку.

Ее обступили Мари и Лоранс, прижались к ней. Это принесло настоящее утешение: ее обожаемые дочери становились все более ласковыми с нею. Подошла Киона.

— Вы все возвращаетесь в Валь-Жальбер? — спросила она с серьезным видом.

— Да. Перед тем как отправиться на станцию, я зашла на почту и позвонила своим родителям. Онезим Лапуант приедет за нами в середине дня.

Тала протянула Эрмин чашку чаю. У индианки явно испортилось настроение, в уголках рта залегли горькие складки.

— Девочка моя, знаю, тебе это будет неприятно, но мы тоже уезжаем, — заявила она Эрмин. — Киона и я. В этом городке нам обоим оставаться небезопасно. Я доверяю только лесу. Мне будет лучше среди сородичей монтанье. Не обижайся, ты сделала все, что могла, но Киона будет в большей безопасности где-нибудь в другом месте.

— Где? — прервала ее Эрмин. — В другом месте! Что тебе взбрело в голову? «Где-нибудь в другом месте» — это бессмысленно! Да еще в начале января, в самые холода? Тала, прошу тебя, не уезжай!

Ей хотелось добавить: «Не разлучай меня с Кионой!»

— Я знаю, где укрыться, и я не передумаю. Не задавай мне вопросов. Могу сказать только одно — вдали от наших лесов я слабею. И Киона тоже.

— Мимин, не сердись, — ласково сказала девочка. — Я рада, что уезжаю отсюда. Я возьму с собой плюшевого мишку Дюки и агатовые шарики, которые подарил Луи.

Эрмин поняла, что рождественская передышка закончилась. Тала похлопала ее по плечу.

— Не беспокойся, я буду сообщать тебе новости, — заверила ее свекровь.

— Как?

— Придумаю!

— Но как же Тошан? Что, если он пробудет всю зиму в Цитадели и

снова получит увольнение, а тебя здесь не будет, — сказала Эрмин, дрожа от негодования. — Не говоря уже о том, какой опасности подвергается Киона. Болезнь, голод, холод.

— Ошибаешься, дочь моя. Я хорошая мать, а уезжаю, чтобы защитить ее.

И тут Киона сделала нечто неожиданное. Бросившись к Эрмин, она обвила своими ручонками ее шею. Она пристально посмотрела на нее с присущей ей светлой улыбкой. «Боже мой, такое впечатление, что это я — ребенок, а она — взрослая!» — подумала Эрмин, озадаченная тихой силой, исходившей от взгляда девочки.

— Не грусти, Мимин! Я должна уехать!

Эти слова еще долго будут звучать в голове Эрмин. Ей было безмерно грустно, когда она складывала одежду, когда упаковывала ее в рюкзак, и всю дорогу до Валь-Жальбера в машине Онезима. Ей виделась Киона, стоявшая у окна и посылавшая ей воздушные поцелуи. В один день молодая женщина перенесла расставание с мужем и любимой младшей сестренкой, и это казалось ей чрезмерной жестокостью.

Когда Лора и Жослин, несмотря на пронзительный ветер и колючий снег, вышли встретить их на крыльцо, Эрмин разрыдалась и бросилась в объятия отца.

— Боже, как тяжело! — пожаловалась она.

Дети помчались в гостиную, где их радостными криками встретил Луи. Мирей сочла, что самое время принести блюдо дымящихся глазированных оладий.

— Входи же в тепло, бедняжка ты моя, — сказала Лора. — Идем!

Родители мягко поддерживали ее, желая выказать сострадание и любовь. Эрмин наконец почувствовала, что она в надежном месте, в окружении своих. Здесь она могла плакать, страдать или забыться сном. Это было ее гнездо, ее убежище.

В нескольких километрах к северу Тала и Киона сидели в вагоне поезда, который шел в направлении, противоположном тому, куда уехал Тошан. Индианка бесстрастно взирала на белый пейзаж за окном, затушеванный вьюгой. Глаза девочки были закрыты. Ее не пугали ни дальние места, ни расстояния, о которых говорили взрослые и которые они определяли по карте. Мать могла везти ее хоть на край света: Киона теперь знала, как преодолеть любой путь. Достаточно было очень сильно захотеть, дожидаться едва уловимого зова тех, кто в ней нуждался, и подумать о них еще более сосредоточенно. И тогда ничто не сможет помешать ей оказаться рядом с ними.

По возвращении из Роберваля Эрмин старалась держать себя в руках. Родители были рады видеть ее в ровном настроении, но им была неизвестна истинная причина этого. Она хотела уберечь Киону, и только поэтому перестала плакать и сетовать на судьбу, стараясь не взывать мысленно к девочке.

Каждый день после полудня, закрывшись в своей комнате, она повторяла оперные арии. Вокальные упражнения успокаивали ее, приносили своего рода упоение. Самые высокие ноты освобождали ее от земных забот. Довольные домочадцы слушали гаммы и любимые арии Соловья, как любил ее называть Жослин.

Эрмин решила, что стоит поддерживать форму на случай, если весной ей предложат какие-нибудь контракты. Нужно было зарабатывать на жизнь, хотя солидное состояние Лоры позволяло ни о чем не беспокоиться. С началом войны снова заработал металлургический завод, который ее мать унаследовала от Фрэнка Шарлебуа, так что финансовые проблемы практически перестали волновать Шарденов.

В этом никто бы не усомнился, попав в их роскошное жилище, затерявшееся в обезлюдевшем рабочем поселке. Каждый год Лора покупала новые безделушки и мебель или заменяла люстры, не расставаясь со старыми. В летние месяцы по ее указанию была оборудована новая современная ванная комната, повсюду, где ей захотелось, установили дополнительные светильники. Вот в таком уютном коконе должна была пройти зима и для детей, и для взрослых.

В этот день Мирей вместе с Шарлоттой занялась приготовлением изысканного ужина. В кухне было очень жарко, и обе то и дело с ликованием поглядывали в окно: снова пошел снег.

— Если не перестанет валить снег, нас занесет по самую макушку! — пошутила экономка. — К счастью, у нас всего вдоволь. Мадам так предусмотрительна!

— А мне здесь нравится, — заявила Шарлотта. — Есть где укрыться от непогоды, мы придумали славное меню, и сегодня вечером придет мой жених. Я так счастлива! Лора для меня теперь как мать родная.

Она ладонями разгладила свой передник в цветочек и, довольная, вздохнула. Каштановые локоны, высокая грудь, тонкая талия и очаровательная живость делали ее весьма привлекательной.

— А все-таки удивительно, — сказала вдруг Мирей. — Я всегда

думала, что ты выйдешь замуж за Армана Маруа. Я знаю, что ты давно влюблена в Симона, но ведь Арман тебя просто обожает.

— Симон меня тоже обожает, — смеясь, возразила Шарлотта. — И потом, ты ничего не понимаешь в любви! Ты все время твердишь, что не хотела выходить замуж.

— Шарлотта, одно другому не помеха! Я же не слепая и не глухая. Не в укор тебе будь сказано, ты извела Армана, обращаясь с ним свысока. Ты на него даже не смотришь.

Шарлотта, поджав губы, принялась еще усерднее месить песочное тесто для традиционного пирога со свининой. Ее раздражала болтовня Мирей. Она сожалела о том, что Симон не выказывает страсти. Он держался почтительно — даже чересчур, на ее взгляд. Она мечтала о страстных поцелуях, о затаенном желании, а довольствоваться приходилось банальными знаками внимания и редкими поцелуями в щеку.

— Нет, ты только выгляни на улицу! — воскликнула экономка. — Эрмин с хозяином собрались собак кормить. Боже правый, они уже все в снегу. Лолотта, поставь чайник — когда вернутся, им захочется горячего чая.

— Мирей, не называй меня Лолоттой. Хватит с меня! И довольно трепаться об Армане, а не то уйду и будешь возиться одна у плиты.

— Поняла, — ворчливо бросила экономка.

Эрмин и Жослин, надев снегоступы, обогнули дом, направляясь к загону для собак, они несли старые железные котелки с теплым мясом и размоченным хлебом. Эрмин первая заметила, что Кьюту, великолепному хаски с голубыми глазами, совсем плохо.

— Папа, посмотри, как его трясет! Надо перевести его в какую-нибудь конуру.

— Собаки этой породы не боятся ни холода, ни снега, — заметил Жослин. — Должно быть, он заболел.

— Кьют, красавец ты мой! Кьют! — позвала она, открывая решетчатую калитку загона. — Иди ко мне, иди!

Однако пес, собравшись с силами, отполз подальше. Когда она подошла к нему, он зарычал, оскалив зубы.

— Отойди от него, дорогая! — посоветовал ей Жослин. — Когда собаке плохо, она может быть опасной. Завтра ему станет лучше. Дай-ка мне пройти.

Эрмин смотрела, как отец давал собакам корм и наливал воду. Иногда она с тревогой оглядывала окрестности, где царила гнетущая тишина.

— Папа, давай побыстрей, — сказала она. — Мне надо с тобой

поговорить.

Жослин запер загон и подошел к ней.

— Пойдем в дровяной сарай, — предложил он, поняв, что предстоит разговор наедине.

Эрмин казалась весьма озабоченной. Она взяла отца за руку.

— Вы с мамой видели, как мне было грустно, когда я вернулась из Робервала. Конечно, тяжело было разлучаться с Тошаном, но тут дело в другом. Тала с Кионой тоже уехали. Я не знаю ни куда, ни почему.

— Как, в середине зимы? Да это просто безумие! И ты позволила Тале увезти малышку? Тебе надо было сразу же сказать мне об этом, я бы сделал все возможное, чтобы образумить эту женщину! Признай, моей дочурке просто не дают нормально жить! Если так будет продолжаться, я потребую установить над Кионой опеку, дам ей христианское имя и она будет ходить в школу. Мне даже не удалось толком поговорить с ней — твои дети не отходили от нее ни на шаг. А я-то считал, что она в надежных руках, живет в благоустроенном доме!

Побледневший Жослин покачал головой. Эрмин почувствовала, что он любит свою внебрачную дочку — по-настоящему любит.

— Я в отчаянии, папа! — тихо ответила она. — Я доверяю Тале. Она позаботится о Кионе лучше всех нас, вместе взятых. К тому же, я думаю, она хотела удалить Киону от тебя. За те три дня, что я провела в Робервале, у Кионы не было видений и она не ощущала тревоги. Я даже спрашивала себя: что, если все эти явления вызваны ее переездом сюда, в Валь-Жальбер, под крышу дома, в котором живешь ты? Нечего пожимать плечами! Эти видения начались после вашей встречи на бульваре Сен-Жозеф. Помнишь?

— Я не маразматик! — резко сказал Жослин. — Я никогда не забуду тот момент, когда встретил свою дочь, которую в прошлый раз видел еще младенцем. Она была такая красивая, сияющая в свои пять с половиной лет! А какие у нее умные глаза! Будто в душу мне заглянула! Господи! Тала могла подождать до весны, так нет же! А ты будешь и впредь платить за домик сыну Мелани Дунэ?

— Я заплатила за год вперед. Это недорого, и потом, будет где остановиться в Робервале, если, волею судеб, Тошану еще раз дадут отпуск.

— Все равно это деньги, брошенные на ветер! — взорвался ее отец.

Они еще немного поговорили перед тем, как вернуться. Лора заметила, что Жослин чем-то сильно расстроен, но расспрашивать его не стала.

— Чай подан! — объявила она, словно возвещая о каком-то событии. — И я воспользуюсь этим, дорогая, чтобы вручить тебе

рождественский подарок.

— А почему не вечером, за ужином? — удивилась Эрмин. — Мама, что там у тебя?

Мари и Лоранс похихикивали, а Мукки и Луи подпрыгивали от нетерпения возле лежавшего под елкой свертка, перевязанного ленточкой.

— Открывай скорей! — продолжала Лора. — Я потом расскажу, как мне это удалось. И кто мне помог.

Эрмин устроилась на софе. Размеры и форма свертка наводили на мысль о пластинках. Она развернула бумагу и извлекла стопку пластинок на 78 оборотов. Имена певцов и певиц были ей совершенно незнакомы.

— Я тебе благодарна, мама, но...

— Это наш дорогой Октав Дюплесси прислал мне их из Франции! Это французские песни, которые сейчас очень популярны! Твой импресарио звонил мне в начале осени — он тогда только прибыл из Парижа — и мы вдвоем задумали раздобыть их для тебя. Октав в безумном восторге от Эдит Пиаф! У нее, похоже, совершенно исключительный голос и такая манера исполнения, что просто мурашки по коже! Дорогая моя, действуй, надо ее послушать! Во Франции ее прозвали «крошка Пиаф».

— Почему? — спросила повеселевшая Эрмин.

— Октав мне пояснил, что она уличная певица, маленького роста, а «пиаф» на арго значит «воробышек». Одна песня прогремела на всю Францию — «Мой легионер».

— Наш квебекский соловей сейчас узнает, как поет парижский воробей, — пошутил Жослин.

Слова отца заставили Эрмин улыбнуться. Она сама поставила пластинку на проигрыватель, спеша оценить талант «крошки Пиаф». Услышав, о чем идет речь, на пороге комнаты появилась Мирей и наострила уши. После аккордов вступления зазвучал голос, и все замолкли.

Были сини глаза у него,
У него был веселый нрав.
На руке татуировка была,
Лишь два слова: «Я прав!»

Я не знала, как его зовут,
Но со мною провел он ночь.
Лучезарным утром легко
От меня уходил он прочь ^[52].

Лора, смущенная содержанием песни и тем, с каким вниманием слушали ее дети, закашляла. А Мирей, прикрыв глаза, слушала с наслаждением.

— Боже мой, какая женщина! — воскликнула экономка. — Она затмит Болдюк, по крайней мере, в моем сердце.

Эрмин, несмотря на странное и необычное возбуждение, охватившее ее, несмотря на подступившие слезы, не стала сразу высказывать свое мнение. А вот другая песня ее просто ошеломила. Слова и особенный тембр голоса певицы унесли ее в новый мир. То же самое относилось и к ее родителям, и к Мирей, и к детям. Это была песня «Клошары». Первый куплет очаровал Лору, однако припевом она была шокирована.

Мы, малышки, клошарки, бедняжки,
Без гроша в кармане, нищие бродяжки.
Это нам, клошаркам, похвастать нечем.
Любят нас случайно, на один лишь вечер!^[53]

— Нет, это невозможно, останови пластинку, Эрмин! Я-то думала, это настоящие классические песни! Мне и у Болдюк не все слова по душе, но тут — дальше ехать некуда! Уши надо оборвать этому Дюплесси! Тоже мне, насоветовал.

— Я с вами не согласна, мадам, — твердо сказала Мирей. — Да я перед этой французской певицей снимаю шляпу!

— У нее необыкновенный голос, — заметил Жослин. — Но я согласен с Лорой: слова странные.

Он показал глазами на сидящих на ковре четверых детей. Все еще не проронив ни слова, Эрмин выбрала другую пластинку.

— Жан Саблон! — объявила она. — Ой, мама, спасибо. Когда я в прошлый раз была в Квебеке, мне попалась замечательная статья о нем. Представляешь, в тридцать первом он пел в «Казино де Пари» вместе с прославленной Мистенгет, и вот уже два года живет в Соединенных Штатах. Кроме того, Жан Саблон встречался с нашей дорогой Болдюк в Монреале, потому что очень высоко ее ценит. Я обожаю эту песню. Послушайте.

Меня для всех вас нет как нет,

Никто не скажет мне «Привет!».
Кто мне вослед подарит свет
Надежды? Я не знаю.
Из тысяч маленьких примет
Ловлю ваш взгляд — на мой в ответ:
Но нет меня как нет.

На этот раз довольная Лора улыбнулась. Она покачивалась в ритме песни, и Мирей тоже отдалась очарованию завораживающего голоса Жана Саблона. Пластинка увлекла даже Жослина. Все, включая экономку, уселись поудобнее.

Потом Эрмин поставила пластинку Рины Кетти. Ей было знакомо имя этой певицы, огромный успех которой принесла песня «Я буду ждать». Лора прокомментировала:

— Октав мне сказал — по телефону, опять же, — что песня «Я буду ждать» — это обработка одной итальянской песни, а та, в свою очередь, родилась из арии Мадам Баттерфляй, которую ты так замечательно исполняешь, ну, где эта бедная японочка поет, как дожидается возвращения своего американского солдата.

— Я теперь тоже жду возвращения моего солдата, — тихо заметила Эрмин.

Но тут зазвучал приятный, с солнечным акцентом, голос Рины Кетти.

Буду ждать тебя
День и ночь.
Буду ждать, вдруг вернешься ты.
Даже упорхнувшая птица
В родное гнездо возвратится.
Время проходит, мчится
Бьется печально,
Сердце губя.
И все же я буду ждать тебя.

Потрясенная Эрмин расплакалась. Мари и Лоранс потихоньку подошли и прижались к матери, стали гладить ее по волосам, чтобы успокоить. Задумавшийся Мукки не шелохнулся. Что до Луи, он был просто в восторге. Для него слова песни имели свой точный смысл: он

будет ждать возвращения Кионы, так же как ее старшая сестра будет ждать возвращения своего мужа Тошана, которого мальчик никогда не видел, но о котором часто слышал.

Окончание этого музыкального дня было прервано появлением Шарлотты.

— Куда ты подевалась? — удивилась Мирей. — Ты сбежала, как только я подала чай.

— Воспользовалась случаем, навестила Симона, — грустно сказала Шарлотта. — В этот час он задает корм животным в хлеву, так что я не побеспокоила Маруа. Но лучше бы я осталась с тобой. Ладно, поднимусь к себе, что-то я себя неважно чувствую.

Эрмин хотела было отправиться следом за Шарлоттой, но тогда мать бы обиделась: Лора уже держала наготове новую пластинку.

— Дорогая, вот эта тебе очень понравится. Если Эдит Пиаф нас разочаровала, то, к счастью, с Нинон Валлен такого не случится. Это оперная певица, сопрано. Я читала, что ее «Последний вальс» — настоящий маленький шедевр.

— Мама, — сказала Эрмин, — не будь так сурова к «воробышку». Мне не терпится снова послушать эту невероятную певицу. Я пока ничего не сказала о ней, потому что пережила своего рода откровение. У этой певицы уникальный голос, который проникает прямо в душу. Она не притворяется, а проживает каждое спетое ею слово! Думаю, она станет еще более знаменитой.

— Вот как! — сказала Лора, и ее глаза широко раскрылись от изумления. — Возможно, если она подберет себе не такой вульгарный репертуар.

— Он у нее не вульгарный, а популярный! — отрезала Эрмин. — Если бы ты слышала, что рассказывал мне Дюплесси о Париже и некоторых его кварталах, ты бы лучше поняла. Мы послушаем Нинон Валлен вечером. Схожу посмотрю, как там Шарлотта, она, похоже, чем-то очень расстроена.

— Да очередная сердечная размолвка! — заметил Жослин. — Хуже всего то, что эта девушка просто страсть как любит бегать к своему жениху, даже не одевшись как следует. Если она заболит, то причину и искать не надо. Накинет на плечи шаль да в ботиночках по снегу. Хоть тут и недалеко, одеваться надо как следует. Дети, это и вас касается!

Мукки и Луи вежливо протрубили «да». А тем временем Эрмин поднялась по лестнице и уже в коридоре расслышала рыдания. Она вошла в комнату Шарлотты: девушка лежала ничком на кровати и плакала навзрыд.

— Лолотта, что с тобой? — спросила Эрмин, беря Шарлотту за руку.

— Не называй меня так! Я больше не ребенок и хочу, чтобы ко мне обращались как к женщине.

С этими словами она встала и с потерянным видом посмотрела на Эрмин. По ее искаженному лицу можно было понять, что она в страшном отчаянии.

— Прости меня, Шарлотта! Постараюсь исправиться. Расскажи мне, в чем дело. Мне не нравится, что ты в таком состоянии. Это из-за Симона?

— Да! Мирей меня довела: она в очередной раз стала твердить о том, что лучше мне выйти замуж за Армана. Чтобы успокоиться, я захотела повидаться с Симоном, которого я люблю. Он был в хлеву, задавал сено Шинуку. Симон такой милый. Я бросилась ему на шею, поцеловала в губы, а он... он меня оттолкнул! Эрмин, только откровенно, Тошан мог бы поступить так?

— Бывало такое, когда он злился на меня. А вы с Симоном не поссорились?

— Да нет же, совсем нет! И еще: он так холодно посмотрел на меня, уверяю тебя. И он мне сказал, что я должна вести себя как серьезная девушка, мне, мол, не хватает сдержанности. В одном Мирей права: уж Арман бы меня не оттолкнул! Он был бы просто счастлив, если бы я вздумала поцеловать его в губы. Наверное, Симон меня не любит!

У Эрмин тоже были кое-какие сомнения на сей счет, но она решила, что сейчас не время их высказывать.

— Он же решил на тебе жениться. Зачем ему это, если он тебя не любит? Шарлотта, не воспринимай это так трагически. Жозеф с Бетти воспитали всех своих троих детей в строгости, в страхе перед грехом. Если тебя это успокоит, я могу переговорить с Симоном. Хорошо?

— Согласна. Да, я выйду за него замуж, даже если не нравлюсь ему. Когда мы будем жить вместе и каждую ночь спать вдвоем, он в конце концов привяжется ко мне. У нас будут дети, так что он не осмелится бросить меня, как бросил других своих невест.

— Ну, это были не совсем невесты, — заметила Эрмин. — Я знаю Симона. Когда ты станешь его женой и матерью его детей, он ни за что тебя не бросит. Вытри слезы, Шарлотта. По совету Октава мама подарила мне французские пластинки. Тебе надо послушать Эдит Пиаф, как она поет «Мой легионер».

Чтобы развеселить девушку, да и ради собственного удовольствия, Эрмин напела вполголоса:

Были сини глаза у него,

У него был веселый нрав.
На руке татуировка была,
Лишь два слова: «Я прав!»

— Очень мило! — заметила Шарлотта. — Мимин, обожаю, когда ты поешь! Ты разучишь эту песню?

— Если мама прежде не выбросит пластинку! — пошутила Эрмин. — Она так смутилась, что эту песню услышали дети. Кстати, есть одна песня, которую я непременно хочу перенять — у Рины Кетти. Такая красивая, волнующая — «Буду ждать тебя».

— Тогда давай сейчас же спустимся, чтобы и я могла послушать, — загорелась вдруг Шарлотта. — Это отвлечет меня от мыслей.

Взявшись за руки, они вышли из комнаты, сбежали вниз по лестнице и присоединились к Лоре и Жослину. Живые и грациозные, внешне они были совершенно непохожи: одна — блондинка с молочно-белой кожей, другая — шатенка с матовым цветом лица. Уже ночь наступила на дворе, а снег все так же шел и шел. На кухне гремела кастрюлями Мирей, и в теплом воздухе витал соблазнительный аромат рагу со свининой.

Стоял последний день 1939 года, последний день хрупкого покоя в стенах этого богатого особняка.

Понедельник, 1 января 1940 г.

Эрмин сдержала свое слово и на следующий день, еще до полудня, надела снегоступы, закуталась потеплее и направилась к дому Маруа. Погребенный под плотным снежным покровом, Валь-Жальбер, как никогда, напоминал поселок-призрак. В голове Эрмин звучало множество новых мелодий. Накануне, уложив детей спать, они еще раз прослушали пластинки «воробышка» Пиаф, Жана Саблона, Рины Кетти и Нинон Валлен.

— «Меня для всех вас нет как нет, никто не скажет мне „Привет!“», — напевала она, поглядывая на здание приходской школы для девочек.

Случай ей благоприятствовал. Симон сгребал лопатой снег с крыльца. Он приветствовал ее улыбкой, но больше не промолвил ни слова.

— Доброе утро, Симон. Пришла пожелать тебе счастливого Нового года, года твоей свадьбы.

Молодой человек отставил лопату и в знак приветствия слегка

приподнял шерстяной картуз. Со скорбным видом посмотрев на нее, он сказал:

— Думаю, Мимин, этот тысяча девятьсот сороковой год никому не принесет счастья. А насчет свадьбы еще ничего не решено.

Похоже, опасения и сомнения Шарлотты были не беспочвенны.

Эрмин окинула взглядом правильные черты лица этого взрослого мужчины.

— Что-то у тебя не очень радостный вид, — заметила она. — Спрашивается: почему? Соберись! Если бы я опустила руки, то дни напролет лежала бы на кровати и плакала. Тошан снова уехал, а в Европу их отправят, возможно, не раньше весны, так как из-за льда суда не могут уйти из Квебека.

— Пройдем туда, я тебе все объясню, — пробормотал Симон.

Она пошла вслед за ним к хлеву. В детстве они прятались там, задумывая какую-нибудь шалость или рассказывая друг другу о сокровенном. Шинук фыркнул и заржал: так он обычно приветствовал Эрмин.

— Хорошая лошадка, узнала меня, — с радостью заметила она, поглаживая его по шее.

— Мимин, — начал Симон, — у нас эти праздничные дни получились какими-то не очень радостными. Я не знаю, в чем, собственно, дело — черт возьми! — но у матери что-то не ладится. Отец все время грубит ей, оскорбляет ее. Вчера вечером я даже думал, что он ее ударит. Он снова начал пить.

— О Боже, — вздохнула искренне огорченная Эрмин, — бедная Бетти!

Жозеф Маруа, когда напивался, становился опасным, как разъяренный дикарь. Бывший рабочий был способен на самое худшее. В прошлом его детям доставалось от него: за малейшую провинность им грозила порка.

— А при чем тут Шарлотта? — добавила она. — Вчера ты обидел ее, оттолкнул. Разве она должна расплачиваться за скверный характер Жо?

Молодой человек тут же отвернулся, но она успела заметить смущение на его лице.

— Мне так неприятно видеть ее несчастной, — продолжала она. — Ты вправе отменить вашу помолвку, ты не раз так поступал. Ну а она из случившегося сделала вывод, что ты к ней не испытываешь никаких чувств.

— Но это не так, есть у меня к ней чувство! — воскликнул он. — Шарлотта прелестная, ласковая, веселая и умная. Лучшей жены для меня не придумаешь. Но, на мой взгляд, она ведет себя чересчур настырно.

Понимаешь? Не пристало порядочной девушке бросаться на меня, лезть целоваться. Я предпочитаю сам выбрать момент. И потом, у меня тяжело на душе, когда я вижу, как страдает мать.

Взволнованная Эрмин сочувственно положила руку ему на плечо. Она действительно воспринимала его как старшего брата, которого у нее не было.

— Я зайду к вам, навещу Бетти, — сказала она. — А ты сегодня же появишься у нас и успокой Шарлотту. Сегодня Новый год, можешь поцеловать ее как следует — никто не осудит. Приведи с собой Мари — пусть поиграет с детьми.

— Там видно будет! Я не решаюсь оставить мать наедине с отцом. Арман сейчас там, но после полудня он пойдет пешком в Роберваль. Его же не привяжешь к дому — он идет на танцы.

Смятение, которое читалось на его лице, было искренним. У Эрмин снова возникло навязчивое ощущение, что в последний месяц все идет наперекосяк, но тут же отругала себя за то, что впадает в пессимизм. Жозеф Маруа никогда не был образцовым любящим мужем. Он считал, что в порядке вещей демонстрировать свою власть, даже злоупотреблять правами главы семьи.

В то же время ей на память пришел так называемый кузен с его странными повадками, который, похоже, бежал из дома Бетти, словно совершивший преступление грабитель. Она даже была уверена, что узнала его, когда выходила из церкви в рождественский сочельник.

— Может, твои родители поругались, а теперь все еще сердятся друг на друга, — возразила она спокойно. — Не можете же вы с братьями всегда быть рядом с ними. Ну, помирятся они в конце концов.

Симон пожал плечами. Поддавшись какому-то произвольному порыву, Эрмин поцеловала его в щеку, а он на несколько мгновений с глубокой нежностью прижал ее к себе.

— Мимин, не оставляй меня, ты же мне сестренка, хоть и не кровная, — с благодарностью произнес он.

Она почувствовала, что в его карих глазах вот-вот заблестят слезы, и это ее обеспокоило. Симон был не из слезливых, и впервые он показал ей свою привязанность.

— Что с тобой? — спросила она. — Только не носи всякий вздор, выкладывай все по правде!

— Пропади все пропадом! — усмехнулся он, отпуская ее. — Ничего со мной. Меня торопят с женитьбой, чтобы я жил отдельно от родителей. Ступай, передай наилучшие пожелания маме — она будет рада.

Эрмин не стала настаивать на продолжении разговора. Она повернула за угол, а оказавшись на крыльце под навесом, заваленным свежавыпавшим снегом, сняла снегоступы и постучалась в дверь. В ответ раздался звон посуды, и тут же вышел Жозеф. Лицо у него было багровое, взгляд — бешеный.

— Добрый день, Жо! — пробормотала она.

— Добрый день, — прорычал он, спускаясь по ступенькам. — Иди, посплетничай обо мне с моей женой!

Эрмин вошла в дом. Картина была удручающая: перепуганная Мари забилась в уголок и громко плакала. Ее мать, стоя у плиты, тоже плакала. Пол был усеян осколками битой посуды.

— Боже мой! Ну и дела! — вздохнула Эрмин. — Бедняжка Бетти! Мари, девочка моя, иди ко мне!

Эрмин не выносила вида испуганных или несчастных детей, а потому решила принять неотложные меры.

— Мари, тебе надо одеться и пойти играть с Мукки и близнецами, — распорядилась она. — И позавтракать можешь у нас. Если мама разрешит.

— Согласна, — пробормотала Бетти.

И подбодрила девочку:

— Да, Мари, родная моя, делай, что тебе Эрмин велит. Надевай пальто и ботинки и иди к ней домой. И не волнуйся — все теперь будет хорошо.

— Где Арман? — спросила Эрмин. — А Эдмон?

— Жо отправил их на завод навести порядок в турбинном зале. Это в первый день нового года! Я имела глупость высказать свое мнение, а он обозлился, и его было уже не унять.

Мари с припухшими от слез глазами уже оделась. Она поцеловала мать и помчалась во двор. И тут Бетти выкрикнула в отчаянии:

— Мимин, у меня нервы не выдерживают. Жо как встал, так и начал пить. Два стакана карibu, да еще стакан хереса. Ты же знаешь, что ему это на пользу не идет!

— Я поговорила с Симоном в хлеву. Он мне рассказал, что Жозеф не дает тебе покоя. Но в чем дело? Бетти, мне ты можешь открыться. Это из-за твоего кузена?

Эрмин, которой надоело жалеть то одного, то другого, решила действовать прямо. Но эти слова очень встревожили Бетти, и пунцовые щеки выдавали ее почти как открытое признание.

— Моего кузена? Что ты выдумываешь? — заявила она с дрожью в голосе. — При чем тут это? В Рождество Арман пошутил, что какой-то мужчина, пока шла месса, глаз с меня не спускал, но когда Жо узнал, что

это мой кузен, он об этом и думать забыл.

Элизабет Маруа села за стол. Налила себе чаю в чашку, избежавшую ярости мужа. Эрмин в недоумении смотрела на нее. Ее бывшая опекунша все еще была очень красивой, хотя легкие морщинки залегли над верхней губой и в уголках глаз.

«Бетти старше меня на девятнадцать лет, — думала она про себя. — Бетти и мама одного возраста, где-то месяцев десять разница, и они обе привлекательны».

— Хватит на меня так смотреть, — вздохнула Бетти. — Нынче я выгляжу далеко не идеально. Я родила четверых и уж не помню, сколько было выкидышей. Жозефу хотелось иметь большую, прекрасную семью, а я его разочаровала.

— В таком случае моя мать тоже должна была бы вся известись, — сказала Эрмин. — У нее только я да Луи. Однако все же мужчина не может корить за это свою супругу!

— У Жо на меня все права, — возбужденно заявила Бетти. — А сейчас, Мимин, я хотела бы заняться обедом. Недосуг мне просто так болтать.

Эрмин взвесила все за и против. Она представила себе испуганное лицо Мари и злобное бешенство во взгляде Жозефа.

— Бетти, Симон не осмеливается оставлять тебя один на один с Жозефом! — сказала она. — Прошу тебя, подумай о своей дочери, об Эдмоне, он ведь такой впечатлительный.

— Никогда мой муж ничего плохого мне не сделает!

— Прекрасно, что ты уверена в этом! Но, судя по этим осколкам, тут есть о чем тревожиться. Я-то зашла поздравить вас с Новым годом.

Они поздравляли друг друга, когда вошел Симон. Он сразу увидел разбитую посуду на полу. Не говоря ни слова, взял метлу и совок, собрал осколки.

— Мимин, передай Шарлотте, что сегодня днем я не приду, — со вздохом сказал он, закончив убирать. — Разве что и мама пойдет со мной.

— Конечно, приходите оба на обед! — воскликнула Эрмин. — Я вам поставлю новые пластинки. Бетти, если бы ты только слышала песню Рины Кетти «Буду ждать тебя» и «Мой легионер», которую поет «воробышек» Пиаф, француженка, у которой исключительный голос!

Симон кивнул в ответ. Эрмин уходила с тяжелым сердцем. Она снова надела свои снегоступы и медленно двинулась по ледяному миру, лежащему под снежным покрывалом. Низкое, подернутое серой пеленой небо предвещало новый снегопад.

«Похоже, Рождественский Дед^[54] решил показать, почему фунт лиха!»
— мысленно сказала она.

С грустной улыбкой Эрмин вспомнила ту пору, когда была еще совсем юной и, чтобы позабавить Эдмона, в то время совсем еще маленького, в сочельник рассказывала об этом самом Рождественском Деде. Когда она дошла до родительского дома, ей пришла в голову мысль взглянуть, как там собаки.

«Надеюсь, Кьюту стало лучше, — подумала она. — Я тут занимаюсь сердечными делами Шарлотты, душевным состоянием Бетти, а о моем Кьюте совсем забыла!»

В загоне она увидела большую темную фигуру — это был Жослин в вязаной шапочке поверх седеющих волос.

— Эрмин, Кьют издох, — грустно сказал он. — Час от часу не легче!

Она поспешила подойти к нему. Закоченевший, с раскрытой пастью хаски лежал у его ног. На нижней губе — заледеневшая коричневая слюна.

— О нет, — простонала она. — Нет, нет! Его тоже убили! Как и Дюка! Папа, это ужасно!

— Дорогая, ты несешь вздор. Просто собака была больна. Кому нужно ее убивать? Я посмотрел вокруг — нет никаких следов!

— Вот видишь! Раз ты осмотрел место, значит, у тебя были подозрения.

— Я и вчера это делал, только далеко не заходил, — ответил отец. — Кьют был в отличной форме. Это крепкая порода, и кормили мы его как положено.

Эрмин встала на колени и погладила собаку по голове. Другие собаки держались поодаль.

— Смотри, отец, сколько он слюней напустил, и цвет их какой-то необычный. Его отравили!

— Да кто же?

— Те, кто сжег хижину Талы и кому не удалось разделаться с Шинуком, — с жаром убеждала Эрмин. — Те, кто убил старого Дюка, собаку Тошана. Они знают, где нас найти, и они на этом не остановятся! Я уверена, что Тала поэтому отсюда и сбежала. Она хотела спрятать Киону. Папа, мы должны быть очень бдительными!

Жослин поднял ее с колен и властно прижал к себе.

— Не бойся, дорогая! — сказал он. — Повторяю тебе, что Кьют мог умереть от остановки сердца или какой-нибудь проблемы с желудком. Он же был обжора, мог проглотить какую-нибудь щепку. Но если это может тебя успокоить, мы будем намного осмотрительнее. А пока, раз нет

никаких доказательств, бесполезно извещать полицию. И кажется, снова пойдет снег, будет сильный снегопад!

— Надо похоронить Кьюта, — сказала Эрмин, сдерживая слезы.

— Невозможно, Эрмин, земля промерзла. Быстро возвращайся в тепло, а я отнесу труп в садовый домик. Как только представится возможность, я найду какое-нибудь решение.

— Тогда запрети на всякий замок — я не хочу, чтобы дети видели его таким.

— Я прослежу за этим, дорогая! И успокойся! Ты так же легко теряешь голову, как и твоя мать. Вечером перед Рождеством Лора пришла в ужас, когда отключился свет. Она такое вообразила, что нелегко было ее успокоить. А на следующий день пришли Жозеф и Арман и все починили за три минуты. Какая-то безделица, пробка, что ли, перегорела.

Эрмин об этом происшествии не слышала. Зато представила будку, откуда шли провода. Она прекрасно знала, что ее родители и Мирей не запирали там дверь на ключ, чтобы Арман мог складывать дрова, а появлялся он по меньшей мере через день.

— Но, папа, ведь кто угодно мог испортить проводку! — возмутилась она.

— С какой целью? — возразил Жослин. — Ничего особенного не произошло.

И с какой-то долей смущения он вновь подумал о происшествии, потому что темнота и слабый свет свечей подарили ему восхитительную ночь любви.

— Поразительно! — снова заговорила Эрмин. — Тала утверждала, что эти люди, Закария Бушар и Наполеон Трамбле, провели все праздники у себя дома, а я могу поклясться, что они до сих пор бродят где-то здесь.

Вместо ответа отец поцеловал ее в лоб.

— С Новым годом, мое ласковое и прекрасное дитя. Не тревожься — я с тобой!

— Спасибо, папа!

Эрмин чмокнула его в щеку и отошла, бросив последний взгляд на бездыханное тело хаски. Внутренний голос говорил ей, что это всего лишь начало какого-то долгого кошмара.

Цитадель, Квебек, среда, 17 января 1940 г.

На душе у Тошана было тоскливо. Дни казались ему нескончаемо

долгими. С суровыми морозами замедлился ход жизни в гарнизоне. Полностью покрытая льдом река Святого Лаврентия представлялась громадной суровой и бесплодной пустыней. Казалось, жизнь остановилась, особенно по вечерам, когда снег, как в этот день, просто сыпался с неба.

— Лучше идти в армию в начале весны, — вздохнул Гамелен, его сосед по казарме. — Я вот спешил отправиться в Европу ради того только, чтобы поколесить по белу свету, а застрял здесь. О чем ты думаешь, Дельбо?

— Ни о чем, — проворчал Тошан.

Он покривил душой. Отпуск был таким коротким! Он снова и снова перебирал в памяти чудесные часы, проведенные рядом со своими. Не раз у него возникало шальное желание покинуть гарнизон, сесть на первый же поезд, чтобы снова увидеть жену и детей, а главное, во что бы то ни стало добраться до их дома на берегу Перибонки. Ему не хватало леса, раскидистых деревьев, тишины нетронутой природы.

По сути, он ничего не понимал в этой войне, о которой твердили с утра до ночи. В Европе тоже свирепствовала зима, более лютая, чем обычно. Чужие страны, о которых он ничего не знал, вели кровопролитные сражения.

«Я совершил серьезную ошибку, — твердил он себе по ночам, страдая от бессонницы. — Я захотел стать солдатом в надежде, что буду сражаться за справедливость, за то, чтобы защитить свою семью, а мне, возможно, придется провести несколько месяцев в Квебеке. А Эрмин тем временем томится в одиночестве. Если бы меня, по крайней мере, отправили в Европу, я бы чувствовал, что от моей службы есть польза. Так нет же, каждая ночь усиливает ощущение полной пустоты, бездействия!»

Он мечтал о ней, о своей морской богине с гладкой и нежной перламутровой кожей. Разлука казалась ему почти нестерпимой.

— Эй, Дельбо, у тебя есть новости от твоей блондинки? — выкрикнул Гамелен.

— Да, от твоего Соловья? — пошутил другой солдат, крупный парень с бритой головой.

— Оставьте меня в покое!

Он получил весточку от Эрмин, письмо, дышавшее нежностью и потаенной страстью. Она сообщала ему о смерти хаски, который, по мнению Жослина, умер от болезни; рассказывала о том, чем занимаются Мукки, Мари и Лоранс. В Валь-Жальбере тоже очень холодно.

«У нас была ужасная снежная буря, — писала она. — Но меня она не напугала, я, скорее, испытала чувство безопасности, потому что мы

действительно были отрезаны от мира. В те дни, когда стихия разгулялась, словно стремясь смести нас с лица земли, я пела, слушала пластинки и играла с нашими дорогими малышами. Мирей жарит столько блинов и оладий, что я растолстею. Любовь моя, я в отчаянии из-за смерти Кьюта. Думаю, что после твоего возвращения надо будет завести двух псов, таких же храбрых и верных, как Дюк и Кьют».

Эти строки озадачили Тошана. Он хорошо знал Эрмин, а потому задавался вопросом, почему она чувствовала себя в безопасности, когда была отрезана от всего мира. «В бурю она обычно нервничает, боится, что случится какая-нибудь неприятность».

— Дельбо, сыграешь с нами партию в кости? — спросил Гамелен.

— Нет, играйте без меня.

Тошан закурил сигарету. Он закрыл глаза, чтобы сосредоточиться на дорогих сердцу картинах, которые помогали ему переносить разлуку. Эрмин в черном бархатном платье в церкви Сен-Жан-де-Бребёф. Ее чудесный голос, сияющие лица их детей. Кухня на авеню Сент-Анжель, елка с зажженной гирляндой, довольный смех Талы, склонившейся над томящимся на медленном огне рагу, безмятежные разговоры, рука жены в его руке. А ночью — их сплетенные тела, трепещущие от полного счастья — счастья любовного экстаза.

Неожиданно, после того, как он воскресил в памяти разноцветные воспоминания, он с удивительной четкостью увидел Киону. Она смотрела на него своими золотистыми глазами, и выражение ее лица было столь трагическим, что он заморгал и вытянулся на своей узкой походной кровати.

Сердце у него неистово колотилось. Тошан потряс головой. Стало зябко, его охватил неясный страх. «У меня действительно было такое впечатление, что она здесь, рядом со мной, — обеспокоенно размышлял он. — Должно быть, на мгновение я заснул». Он долго приходил в себя, так его потрясло выражение отчаяния на лице сводной сестры.

«Завтра попробую дозвониться до Эрмин, — решил он про себя. — Может, что-то случилось с моей сестренкой».

Валь-Жальбер, четверг, 18 января 1940 г.

Ветер дул всю ночь и с такой силой, что намел сугробы вокруг домов и стволов деревьев. Но примерно через час тучи поредели, показалось синее небо.

— Может, после полудня и солнце проглянет, — сказала Эрмин матери.

Лора надула губы. Она покрывала лаком ногти на левой руке.

— Если погода повернет на сильные холода, будет намного хуже, — ответила она наконец. — Признайся, что жить в Робервале было бы не так грустно. Зима отнимает у меня энергию и силы. Шарлотта застряла в Шамборе, Бетти не показывается уже две недели, мы вправе рассчитывать только на приход Армана или Симона. В довершение всего твой отец не смог похоронить Кьюта. Мне не по себе от мысли о том, что мертвый пес лежит в садовом домике. Хорошо, что детям есть чем заняться!

Эрмин не ответила. Она стояла у окна и смотрела на сад, погребенный под снегом незапятнанной белизны.

«Папа был прав, и я тревожусь без причины. Кьют, должно быть, заболел. В любом случае, сейчас ни у кого не хватило бы духа пройти несколько миль даже для того, чтобы мстить. Хотела бы я знать, где сейчас Тала с Кионой? Конечно, у своих родичей, где им не грозят ни холод, ни голод».

Постоянно вспоминая Киону, Эрмин мирилась с ее отсутствием. Она заставила себя заниматься повседневными делами, играть гаммы на фортепиано, петь вокализы, а перед полдником читать вслух, от чего дети были в восторге. По вечерам она часто играла в шашки с отцом, слушая Эдит Пиаф или Жана Саблона. Закончив работу, к вечерним посиделкам присоединялась и Мирей.

— Эрмин, — сказала Лора, — будь любезна, накрась мне ногти на правой руке. Какой красивый лак!

— Твой муж, мама, этого не ценит!

— Жослин подтрунивает надо мной, но на самом деле счастлив оттого, что я за собой слежу. И надо же чем-то заниматься, когда нет возможности выбраться из дома!

— Хоть бы Мадлен вернулась, — вздохнула Эрмин. — У меня нет от нее никаких известий.

— Говорю это без всякой злобы, но индейцы иной раз ведут себя странно, пренебрежительно. Твоя кормилица не дает о себе знать, а свекровь с дочкой в такие холода вернулась в леса. Что до твоего мужа, так он тебя тоже бросил, и хотя я восхищаюсь его мужеством, считаю его решение безрассудным.

Жослин в конце концов рассказал Лоре об отъезде Талы и Кионы. Она разыграла удивление, но на самом деле ей стало легче. Теперь она могла прижаться ночью к мужу, и между ними снова установились весьма

нежные отношения.

— Мама, каждый, будь то индеец или белый, поступает согласно своим убеждениям... Ну вот, твои ногти выглядят просто великолепно. Пойду помогу Мирей. Она следит за четырьмя детьми, а это не всегда легко.

Экономка встретила ее бодрой улыбкой. Мукки, Лоранс, Мари и Луи завтракали в кухне. Здесь было царство живительного тепла.

— Дети, ветер стих, а снег уже не валит хлопьями. Мне кажется, что и солнце пробьется. После полудня мы ненадолго выйдем на прогулку, ходим к Бетти.

Поднялся радостный гул. Эрмин села на свое место за столом, взяла кусочек картошки из тарелки Лоранс и шкварку из тарелки Мукки.

— Но надо будет всем тепло одеться, — с улыбкой добавила она.

— Да, потому что Рождественский Дед в этом году очень сердитый! — сказал Луи, кладя вилку. — А что, Мимин, он правда такой сердитый?

— Правда, дорогой! — заверила его Эрмин.

Луи уже ничуть не робел перед своей взрослой сестрой, которая, со своей стороны, старалась лучше узнать его. Она испытывала к нему глубокую нежность, безусловную любовь, отличную от тех материнских чувств, которые питала к своим детям. Луи был одной крови с нею, бельгийский корешок от Лоры и франко-квебекский побег рода Шарденов из Пуату, поселившегося в Труа-Ривьер более века назад. За несколько пролетевших недель Эрмин осознала всю глубину своих чувств к Луи.

— Мимин, а можно я возьму погулять своего мишку? — спросил Луи.

— Возьми, если хочешь, — тихо ответила она.

Он называл ее Мимин, как Киона, и это еще больше радовало ее.

Два часа спустя Эрмин вывела свой маленький отряд из дома. Она решила, что по улице Сен-Жорж они смогут прогуляться и без снегоступов. Появилось солнце, и его свет придавал заснеженному пейзажу сказочное сияние. Снег был глубокий, довольно тяжелый, но это только забавляло детей, и они утаптывали его, прокладывая узкие тропинки и оставляя глубокие следы, дно которых отсвечивало синевой.

— Мама, здесь звериные следы! — ликуя, закричал Мукки, когда они оказались около приходской школы. — Большого зверя! Может быть, медведя!

— Не думаю, малыш! — ответила ему мать. — Никакой медведь не придет в Валь-Жальбер, и напомню тебе, что зимой медведи спят.

— Мама, можно мы поиграем на крыльце школы? — попросила

Лоранс.

— Нет, идемте навестим Маруа.

Эрмин вскоре пожалела о своем решении: огромная гряда черных туч застлала горизонт, поднялся ветер. Она уже собиралась повернуть обратно, когда из дома Маруа вышел Эдмон и помахал ей рукой.

— Тебе лучше вернуться домой, Мимин. Видишь, что на нас надвигается с озера? Опять повалит снег! Симон с Арманом уехали работать в Роберваль. Там они и заночуют.

Эдмон смущенно улыбался. Эрмин продолжала идти вперед, дети — вслед за ней. Она дрожала от ледяных порывов ветра.

— Да я, собственно, хотела узнать, что там нового у Бетти с Мари, — сказала она. — Не беспокойся, мы успеем укрыться от непогоды. Я не задержусь.

— Тогда заходите! — сказал он. — С мамой тут случилась неприятность, а отец отдыхает после обеда. Я собираюсь вскоре перебраться в интернат при семинарии. Если вам хочется посудачить, я могу побыть с детьми.

— Спасибо, Эд.

Этот рослый юноша, худощавый, с тонкими чертами лица, унаследовал от матери ее белокурые волосы и изящество. В те времена, когда Эрмин было десять лет от роду, она качала его в колыбели и кормила кашей. Ей захотелось погладить его по щеке, но она удержалась.

— Мимин! — воскликнула Бетти. — Вот сюрприз! Ну что за погода! А ты у нас смелая!

Эрмин сразу же заметила на лице подруги темный синяк под левым глазом. Она была поражена.

— Стукнулась о дверь, — пояснила Элизабет в ответ на немой вопрос Эрмин. — Позавчера. Неприятно, но я помазала мазью и теперь совсем не болит. Ты же меня знаешь: несусь сломя голову.

— Бетти, а это не Жо?..

— Боже правый, странные у вас мысли — что у Симона, что у тебя. Сейчас мой муж смирный, как агнец божий. И это, Мимин, уже принесло свои плоды. Кажется, я беременна.

Поблекшая и похудевшая, Элизабет Маруа ничуть не походила на довольную жизнью супругу. Более того, в обычные времена она не заговорила бы ни с того ни с сего о том, что беременна, постеснялась бы. Мари, которая раскрашивала какую-то картинку, встала из-за стола и скрылась в гостиной. С гостьей девочка едва поздоровалась.

— Бетти, что-то в этом доме не так, — твердо сказала Эрмин. —

Эдмон пожелал переехать в интернат, Мари даже не поцеловала меня, а ты вообще какая-то странная...

— Да нет, ничего подобного! Как там Лора и Жослин? Арман мне рассказал, что твой хаски издох. Очень жаль. Есть новости от Тошана?

Эрмин отрицательно покачала головой. Она не осмелилась продолжать расспросы и ничем не могла принудить Бетти сказать правду. «Ей надо соблюсти внешние приличия! — размышляла она. — Так что, если даже Жозеф и ударил ее, она в этом не признается».

— Жду от него письма, — бесстрастно сказала она. — Но столько снега навалило, что почта задерживается.

— Скажешь тоже! Онезим так переделал свой грузовичок, что сегодня утром отвез Симона и Армана в Роберваль. Он поставил на капот отвал, которым расчищает дорогу, а на колеса — цепи. Этот парень, должно быть, родился механиком. А есть и такие, что пешком ходят, в снегоступах.

Притворная игривость Бетти вызывала у Эрмин досаду, и она предпочла вернуться к детям.

— Я пойду, — сказала она. — Лучше попасть домой до снегопада.

Улица Сен-Жорж казалась безлюдной, однако со стороны приходской школы доносились возбужденные крики. Она увидела Эдмона, который затеял игру в кошки-мышки. Здесь же был и Ламбер, сын Онезима, крепкий мальчуган пяти лет. У детей были красные от мороза щеки и радостно горящие глаза.

— Мамочка, как весело! — громко выкрикнула Лоранс.

Эрмин посмотрела на небо. Солнце скрылось, и угрожающе накатывалась череда туч. В воздухе уже кружились первые хлопья снега.

— Вижу! — ответила она. — Но нам надо быстро идти домой — пора полдничать. Эд, отведи Ламбера домой. Спасибо, что присмотрел за детьми.

Мукки, Луи и близнецы сбежались к ней. Никто не обратил внимания ни на плюшевого мишку, который валялся на ступеньках приходской школы, ни на чуть заметное движение за одним из окон большого здания.

Глава 13

Луи Шарден

Валь-Жальбер, в тот же день

Мирей только что подала чай в гостиной. Дети уже перекусили, и их отправили играть в нянину комнату.

— Мадам, задернуть шторы? — спросила экономка у Лоры. — Скоро ночь.

— Задерни, если хочешь.

— Давайте немного подождем: мне так нравится смотреть, как падает снег, — запротестовала Эрмин. — Ветер стих, может быть, будет не так холодно.

Жослин понимающе улыбнулся дочери. Она все еще испытывала то ощущение полной безопасности, о котором писала Тошану. Задумавшись, она с удовольствием представила себе, что столь знакомый пейзаж окрести его холмами, оврагом, лугами скрыт белым покровом и мраком, и вокруг нет ни единой живой души, кроме последних обитателей Валь-Жальбера, собравшихся дома у огня. А это навело ее на мысль о Бетти.

— Мне кажется, Жозеф бьет свою жену, — сказала она, так как уже не могла удерживать подозрения при себе.

— С чего ты взяла? — возмутилась Лора. — Эрмин, не выдвигай бездоказательных обвинений.

— Наш сосед — не самый покладистый человек, — добавил Жослин. — Однако я его уважаю и он часто доказывал, что любит и ценит жену.

Эрмин со вздохом поставила чашку. Она уже пожалела, что заговорила об этом. В любом случае это ничего не изменит: ее родители не из тех, кто вмешивается в чужую жизнь.

— Я говорила с Симоном, — все же продолжила она. — Он утверждает, что с самого Нового года Жозеф ходит сердитый, а расплачивается за это Бетти. Я только что заходила к Маруа. У нее на лице большой синяк. А может, я ошибаюсь: она утверждает, что ударилась о дверь.

Это было выше ее сил. Все совпадало: беспокойство Симона и

Эдмона, грусть их сестренки Мари, загадочные слова Эдмона.

— Конечно, так и есть, — откликнулась Лора. — Ты ошибаешься, дорогая. Прежде всего, с какой стати Жозеф стал бы ее бить? Она примерная супруга, несравненная хозяйка и заботливая мать.

— Я соглашусь с Лорой, — добавил Жослин.

— Жо снова начал пить, — возразила их дочь. — А как выпьет, становится буйным, и я тому свидетель. В нем пробуждаются самые низменные инстинкты.

Ее родители обменялись скептическими взглядами. Они ценили Маруа как соседей, и у них не было никакого желания менять свое представление об этой почти образцовой семье.

— Эрмин, — снова заговорила Лора, — ты только вспомни. Жозеф не пьет после того злосчастного вечера, когда у Бетти случился выкидыш и она чуть не умерла. Мы с Мирей помогли ей, чем могли, а доктор ее спас. Жо так корил себя за то, что запил и в итоге его не оказалось дома. После этого он исправился. Это было в сентябре тысяча девятьсот тридцатого. Симон даже боялся, что отец покончит с собой.

Тут потребовалось ввести в курс дела Жослина, который ничего не знал об этом трагическом происшествии.

— Мы тогда только что приехали в Валь-Жальбер, — вспоминала Лора. — Мирей утверждала, что это дикий край. Люди удивленно таращились, наблюдая за нашим вселением, а мы выгружали все эти ящики.

Эрмин слушала с волнением и некоторым удивлением, этот экскурс в прошлое ее развеселил. Ей казалось, что Бетти, должно быть, тяжело переживает случившееся, но Лора ничего такого не сказала. На самом деле, все упиралось в гнусную интригу, колесики которой могли завертеться в любой момент.

Никто не видел и не слышал, как Луи, в одних носках, спустился по лестнице. Мальчик прокрался на цыпочках, совершенно бесшумно. В руках он держал шерстяную шапочку, на нем была непромокаемая курточка на шерстяной подкладке. То, что он собирался предпринять, казалось ему простым, а главное, увлекательным.

— Ноно, я уже иду! — сказал он решительным тоном.

Ноно был важной фигурой в жизни юного Луи Шардена. Речь шла о плюшевом мишке, которого он получил в подарок на Рождество. Ноно был братом Дюки, медвежонка Кионы. А теперь, забытый на крыльце приходской школы, он, должно быть, дрожал от холода.

Мальчик мог бы расплакаться, крикнуть во весь голос, что он забыл

свою плюшевую игрушку, но он заранее знал, что скажут взрослые. Отец сообщит, что идет снег, дует ветер, уже ночь, а за Ноно они сходят завтра. Накануне мать уже отчитала его за то, что он слишком рассеян и с каждым днем становится все более и более своенравным. Поэтому Луи решил справиться с задачей сам, он не стал ничего говорить Мукки, который не дал ему поиграть своих оловянных солдатиков. И вообще, через несколько дней «большие», как он про себя их называл, умножат число запретов. Ему запретят выходить на улицу без Симона или Армана, запретят давать собакам сухари, лазать в дровяной сарай или еще что-нибудь.

Тихонько, словно волк, идущий по следу, Луи засеменил по коридору. Из гостиной долетали обрывки разговоров. Мать говорила тихо, а отец смеялся. Беглец задержался у входной двери, подумав, что, возможно, Эрмин согласится спасти Ноно. Но он испугался, что, если попросит об этом сестру, родители и ей тоже не позволят выйти.

Осторожно, с бьющимся сердцем, Луи надел сапожки, затем сумел повернуть защелку, откинуть щеколду — и все это практически бесшумно. Он боялся, что из кухни выглянет Мирей, однако экономка тихонько напевала, убирая посуду. Мальчик вышел на крыльцо, и у него перехватило дыхание. Он быстренько надел варежки и поглубже натянул шапочку. Уверенный в том, что вернется через несколько минут, он позаботился о том, чтобы дверь не захлопнулась. Толстая бурая портьера, служившая для защиты от сквозняков, прикроет его побег.

«Они даже не заметили, что я вышел! — радовался он. — А Мукки подумает, что я пошел в туалет».

Луи бросился вперед по тропинке в снегу, которую они протоптали днем. Крупные хлопья снега опускались на его лицо. Уже стемнело, но ничто не могло остановить мальчика. Все вокруг было так знакомо. Прошлой зимой Лора позволяла ему ходить к Бетти — даже вечером.

Вскоре он, страшно гордый своим подвигом, поднялся по ступенькам на крыльцо приходской школы, в то же время желая поскорее вернуться домой, к свету и теплу.

— Ноно! — жалобно проговорил он.

Плюшевый мишка пропал. Луи тщательно осмотрел все вокруг, ощупал руками крыльцо, но медвежонка не было.

— Его украл Ламбер! — пробормотал он.

Он не любил шумного насмешливого Ламбера, сына Онезима. Луи вполне мог бы подумать о том, что игрушку подобрал Эдмон, но до того расстроился, что ему было уже не до рассуждений, он горько заплакал. И тут произошло нечто необычное: массивная двустворчатая дверь

приходской школы приоткрылась и появился какой-то мужчина.

— Ты это потерял? — спросил он, помахивая плюшевым медведем.

— Да, месье!

— Так ты Луи Шарден?

— Да!

Мужчина ловко ухватил его поперек туловища, зажав ему рот своей большой рукой в кожаной перчатке. Потом для Луи все стало черным — черным, как ужас, который его парализовал, сделал слабым и уязвимым.

Поль Трамбле с трудом поверил в ниспосланное чудо, когда увидел приближающегося ребенка и узнал в нем Луи, сына богачки Лоры Шарден. С полудня он прятался в приходской школе, правда, не затем, чтобы похитить пятилетнего мальчишку. Кашу заварил его отец, Наполеон, которого он считал придурком. На самом деле он был сообщником Закарии Бушара, последнего Поль Трамбле считал еще более глупым: скотиной в человеческом обличье.

За каких-то пять недель Поль Трамбле подчинил сообщников, и два жаждущих мести недалеких человека, которым перевалило за пятьдесят, доверили ему руководство операцией. Эта парочка не могла выдумать ничего, кроме как поджечь хижину, прикончить лошадь и собак, поколотив мимоходом нескольких индейцев. К счастью для них, вмешался он. Поль пекся вовсе не том, чтобы наказать Талу, истинную виновницу. Здесь наклевывалось дельце получше.

«К чему вам убивать эту старуху? — с уверенностью в голосе сказал он им. — Загребите в тюрьму на долгие годы. Вот ее невестка Эрмин, на которую вы бездарно напали, — а вы и есть бездари — богата, а ее мать, Лора Шарден, еще богаче. Деньги покрывают любые злодеяния!»

Самым приятным в этой истории было соблазнение Элизабет Маруа, которая за несколько свиданий предоставила ему все нужные сведения о семье Шарден. Благодаря ей в его распоряжении оказался ключ от приходской школы, который мэр вручил Бетти: школу закрыли, но раз в месяц она там прибиралась.

Поль Трамбле строил из себя робкого воздыхателя, разыгрывая пылкую страсть. Он отлично справился с задачей.

«Что толку в том, чтобы поджигать эту громадную хибару Шарденов, — размышлял он, найдя плюшевую игрушку. — Не факт, что это получится. Здание из кирпича, построено на совесть. Да и глупо уничтожать отличные вещи, которых полно внутри. Мой отец видит не дальше кончика собственного носа. Я померзну здесь еще одну ночь, а завтра явлюсь к Шарденам. Потребую встречи с Эрмин Дельбо, и она у

меня запоет по-другому, не так, как в церкви. Она дорого заплатит, чтобы я не выдал ее свекровь полиции!»

И вот, глядя на приближающегося Луи, он подумал, что Лора Шарден заплатит еще дороже, чтобы он вернул ей пятилетнего сына.

* * *

Эрмин больше не заговаривала о Бетти. Лора вспоминала вслух, что она, носившая траур по мужу, почувствовала тогда в «*Château Roberval*».

— Боже мой, Жослин! Когда я увидела Эрмин на эстраде, белокурую и тоненькую, когда я впервые услышала, как она поет, у меня под вуалью потекли слезы. Это была моя дочь, моя маленькая доченька, которую я наконец-то нашла. А вечером она постучалась ко мне...

И в этот момент раздался телефонный звонок. Эрмин вскочила и побежала в кабинет. Звонил Тошан.

— Любовь моя, ты, наконец-то! — закричала она. — Как я счастлива!

— Дорогая моя Мимин, я бы тебе чаще звонил, если бы мог, — ответил он.

Ей казалось, что низкий голос мужа с его нежными интонациями звучит совсем рядом, и от этого чуть не заплакала.

— Как ты там? — спросила она. — Ты получил мое письмо? Да! Тем лучше! В Квебеке тоже очень холодно?

— Не суетись, у нас есть немного времени. Твое письмо я ношу с собой. Да, здесь страшно холодно. Река Святого Лаврентия превратилась в огромный каток. Как ты, как дети, мама, Киона? Все здоровы? Как там Киона?

Обычно Тошан, казалось, почти не обращал внимания на свою сводную сестру. Эрмин забыла, что хотела сказать, услышав, что он упорно хочет продолжить разговор о ней.

— А почему ты спрашиваешь? — осведомилась она.

— Ты не смейся надо мной, но вчера вечером она мне привиделась, и у нее было отчаянное выражение лица, испуганный взгляд. Я озадачен. Ты навещала Талу после моего отъезда?

Эрмин заколебалась, стоит ли продолжать лгать. В конце концов, Тошан далеко и еще не скоро узнает о том, что его мать вместе с Кионой скрылась в лесах. «Свекровь вынуждает меня обманывать мужа, — подумала она. — Неправильно она поступила, скрыв происшедшее от собственного сына».

— Эрмин, что ты от меня скрываешь? — довольно-таки сухо спросил Тошан.

— Видишь ли, выпало слишком много снега, и я не смогла выбраться в Роберваль. Милый, расскажи немного о том, чем ты занимаешься.

— Ничего особенно интересного. Строевая подготовка, обращение с оружием — я тебе об этом уже рассказывал. Но здесь, как и у вас, зима частично парализует нашу жизнь. По вечерам, если я не против, Гамелен организует карточные игры, но я держусь от этого подальше: предпочитаю что-нибудь почитать или подумать о тебе.

Польщенная Эрмин не смогла удержаться от улыбки.

Она прошептала мужу нежные слова. Вторжение Мукки заставило ее замолчать.

— Мапочка, можно мне поговорить с папой?

— Да, дорогой, но только недолго.

Мукки рассказал отцу, что он играет в оловянных солдатиков.

— Папа, они у меня воюют. Скажи, а когда ты вернешься?

Тошан поговорил немного с сыном, посоветовал ему вести себя хорошо. Эрмин теряла терпение, но, когда она получила трубку, вошла Лора.

— Луи куда-то спрятался! — воскликнула она. — Лоранс утверждает, что он пошел в туалет, но я его звала, он не отвечает. И нет его там — Мари проверила. Я готова поспорить, что он сидит где-нибудь и дуется.

В присутствии матери Эрмин трудно было продолжать разговор, и она попрощалась с Тошаном.

— Прошу тебя, пошли к Тале Симона! — настаивал он. — Это видение длилось секунду или две, но оно не дает мне покоя.

Эрмин пообещала, удрученная тем, что приходится лгать человеку, которого она так сильно любит. Она положила трубку. А Лора уже обыскивала кабинет.

— Луи, лучше выходи! — ворчала она. — Я не люблю таких шуток! Это ты, Мукки, виноват. Ты мог бы дать ему поиграть одного из твоих оловянных солдатиков.

— Мама, я тебя уверяю, что Луи здесь нет, — прервала ее Эрмин. — Он, должно быть, где-то наверху. Как-то я его нашла под кроватью Шарлотты. Он любит прятаться в разных шкафах.

Раздраженный новой затеей сына, Жослин громко потребовал, чтобы тот объявился — иначе его накажут. С порога кухни высказала свое мнение Мирей:

— В сущности, ваш маленький Луи поступает так, как ему вздумается:

говорит одно, а делает другое. Насколько я его знаю, он вполне мог забраться на чердак или, как сказала Эрмин, в комнату Шарлотты. Я там его раз застала, он копался на туалетном столике, перебирал флаконы, пудреницу.

— Луи! — позвала Эрмин. — Луи, быстро сюда, а то останешься без десерта.

— Непременно! — громко подтвердила Лора. — Твоя сестра правду говорит, послушай ее и выходи из своего укрытия.

Мари и Лоранс, держась за руки, сбежали вниз по лестнице. Вид у них был озабоченный.

— Мы всюду искали, — сказала Мари. — Луи наверху нет.

— Я поднимусь на чердак, — заявил Жослин. — Меня это уже совсем не забавляет. Лора, Мирей права — мы слишком разбаловали сына. Он уже не маленький, чтобы капризничать!

И тут у Эрмин возникло странное впечатление. Она чувствовала себя подавленной, неспособной двигаться. Всю оставшуюся жизнь она будет помнить эти минуты. Мирей, уперев руки в бока, так что передник обрисовывал ее довольно-таки округлый живот, с возмущенным видом смотрит на всех. Лора — в сером платье с жемчужным ожерельем на шее, ее лицо выражает досаду на то, что ее заставляют ждать. Мукки молчит, застыв, его черные волосы блестят в свете люстры. Мари и Лоранс сидят на нижней ступеньке лестницы, уставившись в какую-то точку в коридоре. Обе в коричневых бархатных платьицах и клетчатых передниках с оборками, светлоглазые, с кругленькими мордашками и золотисто-русыми локонами, они представляли собой прелестную картину.

Эрмин пронзило ощущение опасности, сердце учащенно забилося. Она отчаянно взмолилась: «Боже милостивый, сделай так, чтобы папа спустился вместе с Луи! Почему он пропал? Он очень любит прятаться, особенно если разобидится, но я боюсь, что он в опасности!»

Несмотря на свои благие намерения, она вспомнила, что Киона явилась Тошану. «А что, если она хотела его предупредить? — спрашивала себя Эрмин. — Да нет, в таком случае она явилась бы мне или же Мукки».

— Луи! Луи! — кричал Жослин на чердаке. — Луи, хватит, сейчас же выходи!

Лора поднесла руку ко рту. Она была мертвенно-бледной.

— Здесь что-то не то, Луи всегда слушался отца! — выдавила она. — Он в самом деле пропал! Боже, Луи, мальчик мой, сокровище мое!

Все еще причитая, она бросилась наверх. Мирей, встревоженно посмотрев на Эрмин, сказала:

— Это необычно, что малыш не отвечает. Если его нет на чердаке, то спрашивается, где он может прятаться. О, он вон там, я уверена! Взгляни на портьеру — она колышется!

Эрмин почувствовала чудесное облегчение. Ноги снова стали ее слушаться, и, рассерженная и в то же время готовая умилиться, она бросилась к тяжелому полотнищу. Луи спокойно мог уместиться между створкой двери и портьерой.

— Я тебя нашла, несносный мальчишка, — сказала она.

Едва она отодвинула портьеру, по ногам прокатилась волна ледяного воздуха. Луи там не было, ветер задувал в приоткрытую дверь. Разочарование Эрмин было столь же сильным, как и только что испытанная радость.

— Нет, его здесь нет, а дверь не заперта! — воскликнула она. — Боже мой, неужели он вышел на улицу? Не может быть!

Она отодвинула портьеру и немного прошла вперед, чтобы выглянуть на крыльцо. Вихрь снежных хлопьев закружился в полосе света, падавшего из коридора. Стояла почти непроглядная ночь, однако на снегу у крыльца были видны какие-то неясные следы, оставшиеся, возможно, после их дневной прогулки.

— Не может Луи оказаться на улице! — В голосе Эрмин сквозила паника. — Мукки, прошу тебя, поищи в доме. Он, должно быть, нашел такое потайное место, что не хочет вылезать оттуда. Мари, Лоранс, помогите Мукки! Не пропускайте ни одного укромного местечка!

Дети поспешили выполнить приказание. На верхней лестничной площадке они столкнулись с Жослином и Лорой.

— Хорошенько ищите, как вам мама велела, — сказал им явно взволнованный Жослин. — Мы еще не все шкафы осмотрели. Ничего не понимаю!

В подтверждение слов мужа Лора кивнула. Она уже начала волноваться, потому что чувствовала, что Луи в доме нет. А это значило, что он пропал, и от этой пугающей мысли ей казалось, будто она стоит на краю пропасти. Снизу донесся голос Эрмин:

— Папа, мама, входная дверь была незаперта. Возможно, Луи вышел. Пойду посмотрю, вдруг он крутится возле собак.

Они быстро спустились в прихожую. Эрмин спешно оделась, натянула сапоги, повязала шарф и накинула куртку. Очень бледная Мирей не переставая крестилась.

— Бедный наш Луи! Господи Иисусе, куда же он ушел?

Жослин надел куртку и теплые ботинки, достал фонарик из ящика

комода.

— Я пойду с тобой, Эрмин, — предложил он. — Всемогущий Боже, надо его поскорее отыскать! Но что на него нашло?

Лору колотила нервная дрожь. Сердце ныло, отмеряя глухие удары. Каждую секунду она ждала, что сверху раздадутся крики детей. Мукки завопит «Луи здесь!», и она снова сможет свободно вздохнуть. Иначе и быть не может. «Какие мы счастливые! — думала она. — У нас замечательный дом, есть деньги, есть красивые вещи. А еще с нами живет Эрмин и ее дети. Я не понимала, как же мы счастливы».

Она разрыдалась. Мирей похлопала ее по плечу.

— Не надо, мадам, нет стоит так переживать. Луи где-нибудь недалеко. Вы же его знаете, он все время стремится доказать, что он такой же шустрый, как Мукки. Это такой возраст, когда не хочется, чтобы тебя считали маленьким. Он мог украдкой выбраться на улицу и побежать к Маруа. Ведь в прошлом году вы ему это разрешали.

— Ты права, Мирей, мой малыш решил прогуляться в одиночку, — всхлипнула она. — Они его приведут, нет, они просто должны привести его, а не то я сойду с ума.

Эрмин и Жослин растворились в хмурой снежной ночи. Лора, в одном платье, бросилась на крыльцо, и тотчас ее пробил озноб. Экономка заставила ее вернуться в дом и набросить на себя шаль, но не смогла помешать хозяйке снова выйти на крыльцо. Первой вернулась Эрмин, лицо у нее было растерянное.

— В загоне Луи нет! — крикнула она матери.

— Тогда, дорогая, ради Бога, сбегай к Бетти и Жо! Мирей думает, что Луи, должно быть, без спроса пошел к соседям.

— Я подожду папу, он осматривает дровяной сарай и подсобку. Она была незаперта, так что Луи мог спрятаться и там.

У Лоры стучали зубы. Во рту у нее так пересохло, что она была не в состоянии ответить. Вернулся Жослин, бросил на жену отчаянный взгляд и воздел руки к небу в горестном жесте бессилия.

Прошло около сорока минут с тех пор, как Поль Трамбле покинул приходскую школу. Закаленный атлет, привыкший к деятельной жизни на природе, он шел по колее, оставленной Онезимом в начале дня. Снег медленно засыпал ее, но она все еще отчетливо проступала. На спине он, словно мешок, нес Луи, ухватив его одной рукой за запястья. Охваченный ужасом мальчик беспомощно раскачивался. Мужчина угрожающе предупредил:

— Только дернись, я тебе пальцы на ногах отрежу. Сначала пальцы, потом — ухо. Так что лучше веди себя спокойно.

Луи никогда не приходилось сталкиваться с насилием, ни словесным, ни физическим. Жослин его часто бранил и даже как-то шлепнул, но об этом Луи давно забыл. Что касается матери, то она иногда на него покрикивала, а уже через минуту начинались ласки и поцелуи.

«Я не послушался — и вот!» — твердил про себя ребенок. Это была единственная мысль, высветившаяся в охваченном паникой мозгу. Нельзя было нарушать запрет, а тем более уходить из дома.

«Еще метров сто, и можно отправляться в Шамбор, — думал Поль Трамбле, ускоряя шаг. — Тяжелый этот мальчишка!»

Он прошел около километра в темноте, и ему стало жарко. На берегу озера у дороги, ведущей из Роберваля в Шамбор, стояла машина. «Похоже, никто в семье не заметил его исчезновения! — пробормотал он вполголоса. — Мне везет. Я не слышал, чтобы его звали».

Он опустил Луи на землю около машины и крепко его встряхнул.

— Не вздумай брыкаться в кабине. Понял? Сиди спокойно, и я ничего плохого тебе не сделаю.

Луи, вытаращив от страха глаза, утвердительно кивнул. В следующее мгновение он уже лежал ничком на вонючих одеялах в кабине грузовичка. Заработал мотор. Кляп мужчины вынул.

— Мама! — простонал Луи. — Мама!

Он плакал навзрыд, подсакивая на ухабах. Он понимал, что его похитил один из тех чужаков, которых опасалась Эрмин. За последний месяц Луи из некоторых услышанных разговоров уловил, что им угрожает какая-то опасность, но рождественская елка, песни и пироги, мысли о Кионе и мишке Ноно заставили его забыть об этом.

— Мама! Я потерял Ноно! Мама, хочу к маме!

Ему представилась Лора, такая красивая с тонкими светло-русыми волосами. Луи захотелось прижаться к ней, почувствовать запах ее духов. Потребность увидеть мать заставила бешено забиться его сердце.

Эрмин постучалась к Маруа, моля Бога не обмануть ее надежды. Сейчас Бетти откроет ей, и окажется, что Луи здесь, где светло и тепло. Да, придется объясняться, будут тяжелые вздохи и разговоры, но Луи-то будет здесь. Эрмин уже готовилась стиснуть его в своих объятиях. Она цеплялась за эту хрупкую последнюю надежду.

— Стучи сильнее — они не слышат! — брюзжал Жослин, который от страха стал ворчливым.

Жозеф с опаской приоткрыл дверь, но поспешил впустить пришедших.
— Что случилось? — удивился он.

Бетти гладила белье. Сидя у огня, Мари подрубала какую-то тряпицу, а Эдмон читал.

— Луи не у вас? — спросила Эрмин.

— Сама видишь, что нет! — резко сказал Жозеф.

— Боже мой! — чуть слышно проговорила она, готовая расплакаться. — А я так надеялась найти его здесь!

Она едва держалась на ногах, и ей пришлось ухватиться за руку отца.

— Мой сын пропал, — объяснил Жослин. — Да, пропал! Мы обыскали весь дом, сарай и сад. На всякий случай решили проверить — вдруг ему захотелось пойти к вам.

— Да куда, по-вашему, малыш вообще мог уйти? — в замешательстве спросила Бетти. — Он вас разыгрывает. Он спрятался.

С глухим ударом распахнулась дверь, и в комнату, припорошенная снегом, влетела Лора с искаженным от страха лицом. По пути от одного дома к другому она два раза упала, и на нее, бледную, с растрепанными волосами, с покрасневшими на морозе руками, жалко было смотреть.

— Ну что?! — пронзительно воскликнула она. — Здесь мой маленький Луи? Умоляю вас, Бетти, скажите мне. Эрмин? Жослин? Надо его искать. Жозеф, помогите нам. Чем больше нас будет, тем скорее мы его найдем.

Вид у Лоры был настолько трагическим, что Жозефу стало не по себе. Жослин приобнял жену. Эрмин смотрела на родителей, не зная, как их успокоить, поскольку и сама она испытывала невыносимую тревогу.

— Знаете, у детей часто бывают странные причуды, — сказал Жозеф. — Луи мог придумать какую угодно глупость. Конечно же, я вам помогу. Эдмон, возьми фонари и оденься. Жаль, что Симона и Армана сегодня вечером нет дома.

Эдмон закрыл книгу, Эрмин заметила, что это Библия. Робкая впечатлительная Мари перебралась поближе к Бетти.

— Ничего не бойся, — успокоила мать дочку. — Луи не мог уйти далеко.

— И все-таки я предупрежу Онезима, — сказал Жослин. — А тебе, Лора, лучше бы вернуться домой. Эрмин, проводи мать, а то она, несчастная, дрожит как осиновый лист.

Эрмин вдруг подумала о своих собственных детях, которые остались с Мирей. Мукки и сестры-близнецы, должно быть, сильно встревожены.

— Да, мы вернемся домой, — сказала она тихо. — Идем, мама!

— Ноги моей не будет в доме, пока не найду Луи! — крикнула

Лора. — Я тоже хочу его искать, я не могу сидеть сложа руки. Он мог заблудиться в лесу за домом или сломать ногу в каком-нибудь брошенном доме. Нас все равно мало, прошу вас, сообщите мэру и всем мужчинам в поселке.

Жозеф пожал плечами.

— Постараемся, но от этого добровольцев не прибавится, потому что все разбежались еще двенадцать лет назад.

Бетти встала. Она была бледна, ее просто трясло. Не говоря ни слова, она сняла с вешалки свое пальто и протянула Мари ее одежду. Затем обулась и повязала голову платком.

— Лора, если я не помешаю, поищем вместе. Я иду с вами.

— Отлично! — ответила Эрмин. — Спасибо, Бетти, ты очень добра к нам.

Посреди улицы Сен-Жорж они разделились. Снег по-прежнему падал. Жослин, Жозеф и Эдмон направились к дому Онезима; остальные спешно двинулись в противоположном направлении.

— Я не понимаю, — вздохнула Лора, — почему Луи ушел тайком? Непременно должна быть какая-то причина. Что ему взбрело в голову?

— Мама, я молюсь всем сердцем, чтобы он сам рассказал нам об этом и как можно скорее, меньше чем через час! — ответила Эрмин. — Как подумаю, что еще сегодня днем они все четверо играли там, около школы... И Ламбер там был.

— Может, Луи уже сам вернулся и сидит дома с Мирей? — заметила Бетти.

Они ускорили шаг. У Лоры сжалось сердце, когда она увидела освещенные окна своего дома, этого красивого и богатого дома, где родился Луи. «Дитя вновь обретенной любви, дитя чуда! — сказала она про себя, вытирая слезы. — Нам с Жослином был дан еще один шанс. Мы снова были вместе, и Бог даровал нам безмерное счастье стать родителями. На этот раз мы смогли в полной мере насладиться первыми годами жизни нашего сына, и вот сегодня вечером он пропал. Нет, это было бы слишком несправедливо, Луи вернется, его найдут!»

Эрмин чувствовала себя абсолютно бесполезной и бессильной. Ей хотелось разогнать нависшую тьму, прекратить бесконечное падение хлопьев снега, увидеть своего братика живым и невредимым. Она представила, как он собирался днем на прогулку: розовощекий, со светлыми пушистыми волосами под вязаной шапочкой. В руках мишка, его дорогой Ноно.

— О Боже! — воскликнула она, когда они были в нескольких метрах

от крыльца. — Мама, я уверена в одном: когда я вела детей домой с прогулки, Луи держал руки в карманах пальто. Плюшевого медвежонка не было. Он где-то его забыл. В таком случае, возможно, он решил вернуться за ним и постарался сделать это так, чтобы его не заметили!

Лора обернулась к Эрмин: лицо у нее было бледное, беспомощное.

— Ты так думаешь? — спросила она.

— Конечно, это надо проверить. Бетти, проводи маму в дом. Мирей приготовит вам чай. И успокойте детей. Я добегу до приходской школы. Луи мог поскользнуться и что-нибудь повредить себе. Какая же я идиотка! Мне надо было раньше об этом вспомнить!

Она бросилась к школе, луч фонарика заплясал по толстому снежному ковру. У нее было единственное желание: отыскать брата, дотронуться до него, сжать в своих объятиях, успокоить. Эрмин все твердила себе, что прошло не так уж много времени и Луи, может быть, плачет от страха в темноте и холоде.

— Иду, иду, дорогой мой! Я отведу тебя домой, мой братик, мой Луи!

Но она тщетно обежала вокруг большого дома. Она звала, рылась в снегу в поисках плюшевого мишки.

— Боже мой, смилуйся! — взывала она. — Защити его! Такого маленького мальчика — потерявшегося, несчастного — нельзя оставлять одного. Снег будет идти всю ночь.

В ужасе она замолчала: к утру Луи замерзнет от холода. Представив, что такое может случиться, она жалобно застонала, как гибнущий зверь.

Шамбор, тем же вечером

Это был неприметный дом из толстых еловых досок и с крытой дранкой крышей на окраине поселка Шамбор. Старая печь обогревала комнату, которая была заставлена ящиками и бидонами. В ней находились трое мужчин и ребенок, который, мало чего соображая, шмыгал носом.

— Поль, олух, кто тебя просил похищать этого сопляка?! — орал Закария Бушар. — Тебе надо было всего лишь шантажировать певицу, ничего другого.

— Глаза твои завидующие! — ворчал Наполеон Трамбле на сына. — За такое дело можно и сесть.

— Все умнее, чем поджигать хижину индианки или убивать собаку, — возразил Поль. — Лучший способ отомстить этим людям — это вынудить их отдать деньги, кучу долларов. А киднеппинг срabатывает. Газеты читать

надо! Шардену побоятся обратиться в полицию и заплатят столько, сколько потребуется, чтобы вернуть своего сына. После этого я все брошу и смотаюсь в Штаты.

Луи с ужасом озирался, наблюдая за незнакомцами. Он не знал, о какой собаке они говорят, но смутно понимал, чего хотят эти люди. Ничего толком не зная о родительских деньгах, он все же мог отличить бедного от богатого. На одной из улиц в Шикутими, еще до Рождества, он видел скверно одетого старика, который просил милостыню. Его отец дал нищему банкноту в один доллар.

— Черт подери, этот малыш нам ни к чему в нашем деле! — воскликнул Наполеон Трамбле. — Кончай заниматься своим проклятым киднеппингом, ты должен был взять сына Дельбо! Я мщу за своего отца, у меня зуб на эту индианку. А та нужна, чтобы эту индианку найти.

— Я хочу в туалет! — захныкал Луи.

— Сейчас схлопочешь по морде! — пригрозил Закария Бушар, самый злой из троих.

Мальчик попятился, крича от страха. Закария Бушар с его тяжелым лицом, изборожденным глубокими морщинами, и черными глазами походил на людоеда из страшных сказок.

— Оставь его! — резко сказал Поль. — Слушай, вон там, в другой комнате, есть ведро. Завтра я отвезу тебя к одной своей подруге, но сегодня спать придется здесь, так что лучше облегчись сейчас, а потом мне придется связать тебе ноги. И запомни, если ты закричишь или попытаешься убежать, я тебе отрежу пальцы на ногах либо ухо. Нож у меня в кармане!

Луи беззвучно расплакался. Он уже помочился в штаны.

Валь-Жальбер, в тот же вечер

Эрмин ничего не нашла у приходской школы — даже плюшевого мишки. Она решила, что его замело снегом. С ноющим сердцем и сжатым, словно тисками, горлом она вынуждена была вернуться в дом с плохими вестями. Бледная, потерянная Лора сидела в гостиной. Бетти держала ее за руку. Мари Маруа, Мукки и сестренки не осмеливались ни слова сказать, ни шевельнуться. Все четверо пристроились на диване и ждали, им было не по себе от необъяснимого исчезновения Луи.

Мирей стала чаще выходить из кухни в коридор, чтобы посмотреть на дверь главного входа, словно эта дверь была единственной виновницей

трагедии. Экономка бросала скорбные взгляды на Лору. Увидев возвращающуюся Эрмин, она знаком спросила ее, как дела.

— Ничего, ничего нет! — ответила Эрмин. — Если бы наш славный Дюк был жив, он бы пошел по следу Луи. Пес так любил наших детей!

Она чуть было не добавила, что Закария Бушар — человек без совести, отвратительный негодяй, просто скотина, но промолчала, охваченная жутким предчувствием.

«А если эти люди причинили вред Луи? — подумала она. — Нет, глупость, они не могли этого сделать! Нет, Луи, должно быть, заблудился, когда искал своего плюшевого мишку, своего Ноно».

Эрмин сдерживала себя, чтобы не разрыдаться от горя. Если мать заметит, что и она впала в отчаяние, то тут же сдастся.

— Держись, мама! — сказала она. — Жозеф, Эдмон, Онезим и папа — это отличная команда. Они его найдут.

— Да нет же! Я никогда больше не увижу свое сокровище, — твердила Лора скорбным голосом. — Или принесут его мертвого!

Мукки сдержал стон, а потом сквозь плач выкрикнул:

— Это все из-за меня! Это я его довел, потому что он пытался взять у меня оловянных солдатиков. Но я не хотел, чтобы он умирал! Mamochka...

Он подбежал к Эрмин, обхватил ее за талию дрожащими руками и прижался к ней.

— Ты не виноват, дорогой, — тихо сказала она. — Вы с Луи часто ссоритесь. Мукки, ты не помнишь, был ли у Луи его Ноно, когда мы вернулись с прогулки?

— Mamochka, я уверена, что не было, — поспешила сказать Лоранс.

— Тогда все обстоит именно так: он решил выйти из дому, чтобы найти его, — заключила Эрмин. — Но куда же он пошел потом? Я пыталась найти хоть какие-нибудь следы, но идет такой сильный снег, что все сразу заносит.

Лора безостановочно мерила шагами расстояние от одного окна до другого. Она заламывала руки, чуть слышно бормоча что-то. Наконец проговорила достаточно громко низким голосом:

— Бог дал, Бог взял! Знаешь, Эрмин, это Бог наказал нас с твоим отцом! Мы бросили тебя, когда ты была совсем маленькой, и потом удовлетворились тем, что ты нас простила. Однако я недостаточно молилась, недостаточно благодарила Господа — и вот у меня отняли сына, моего ребенка, моего Луи! Нет, я этого не переживу!

— Мама, помилуй, не говори таких вещей! Дети и так уже достаточно напуганы.

— Сейчас я им дам поужинать, — вмешалась стоявшая неподалеку Мирей. — Пойдемте, мои маленькие! Мари, идем с нами. Боже правый, нелегкое это дело — иметь двух прелестных Мари в одном доме. Бетти, надо придумать какое-нибудь прозвище вашей дочке или твоей, Мимин.

Экономка изобразила на своем лице слабую улыбку, отлично понимая, что не время заниматься таким второстепенным вопросом.

— А мое индейское имя! — закричала Мари Дельбо. — Я хочу, чтобы меня звали Нуттах! Да, да, мне больше нравится Нуттах! Мама, ты не против? Во мне есть индейская кровь, и я хочу быть Нуттах, а не Мари!

— Да, почему бы и нет? — не раздумывая, сказала Эрмин. — Но сейчас не будем об этом говорить. Бабушка плохо себя чувствует. Я вас прошу, будьте умницами!

С довольным видом девочка пошла вслед за Мирей. Эрмин поспешила к Лоре и нежно обняла ее.

— Мама, держись! Я не верю в то, что с Луи случилось что-нибудь плохое. Мы его найдем.

Лора высвободилась и потерянно посмотрела вокруг. Потом сказала совсем тихо, скороговоркой:

— А что Киона? Где твоя Киона? Если она ясновидица, если она перемещается в пространстве волшебным образом, пусть придет сюда и скажет нам, где мой сын. Ты меня поняла, дочка? Она должна нам помочь!

— Киона! — повторила Эрмин. — Конечно, она могла бы явиться нам, если бы Луи был в опасности. Возможно, это значит, что с ним все очень хорошо.

— Очень хорошо? — возмутилась Лора, простирая руки к небу. — Как это у тебя получается, что ребенок пяти с половиной лет чувствует себя хорошо по такому холоду и при таком снеге?

— Мимин права, надо сохранять надежду, — слабым голосом сказала Бетти. — Дети все выносливые, а Луи крепче других. Дорогая моя Лора, как я переживаю!

Эрмин взгляделась в расплывшиеся черты лица их соседки и подруги. Ее уже тяготила подавленность и молчаливость Элизабет. «Зачем Бетти вызвалась пойти вместе с нами? — спрашивала она себя. — Она похожа на призрак, призрак прежней нежной и энергичной Элизабет. Я уже несколько раз видела, как она читает молитвы, чуть шевеля губами, и крестится, как будто все пропало!»

Заслышав шум с улицы, Эрмин вскинулась.

— Это они!

Ее мать поспешила в коридор и открыла дверь. Первым вошел

усыпанный снегом Эдмон. Жозеф и Жослин еще о чем-то говорили под навесом, укрытые от непогоды. Похоже, итог беседы был отрицательным...

— Луи! — всхлипнула Лора, обращаясь к вошедшим. — Вы не привели Луи? Жослин, где наш сын?

Муж взял ее за плечи. Эрмин присутствовала при этой сцене.

— Дорогая моя Лора, мы не нашли Луи, но у меня есть основания полагать, что он жив. Ты должна успокоиться, поскольку то, что я тебе сообщу, невыносимо.

— Вот, посмотрите, что мы отыскали в приходской школе! — прервал его Жозеф Маруа.

Он извлек из-под куртки плюшевого медвежонка. Потрясенная Лора вскрикнула.

— В связи с этим я должен задать пару вопросов моей супруге! — добавил Жозеф. — Медвежонок был в одном из классов приходской школы, там, где еще стоят парты и учительский стол. Игрушку нарочно оставили на виду, а рядом послание.

— Какое послание? Говорите же, Жозеф. Или ты, папа, — умоляла Эрмин, не в силах дожидаться внятного ответа.

— Да, Жослин, может, ты нам объяснишь? — взмолилась Лора. — Боже правый, какое послание? Говори же!

— В приходской школе кто-то побывал, и этот кто-то вошел, открыв дверь ключом, не взламывая замок, — ответил Жослин. — Листок бумаги был свернут трубочкой и засунут под ленточку плюшевой игрушки. Смотри, Лора, здесь написано: «До завтра».

— Значит, Луи похитили! — воскликнула Эрмин. — Господи, не могу в это поверить! Но кто мог знать, что именно этим вечером Луи выйдет из дома один?

Все собрались в гостиной, даже Мирей и дети, которые пришли, заслышав голоса. Жозеф встал перед своей супругой.

— Элизабет, насколько мне известно, господин мэр доверил ключи от приходской школы тебе. Как вышло, что эти ключи оказались у некоего третьего лица? Очевидно, этот тип скрывался в здании. И ты доверила связку ключей негодяю, способному похитить ребенка!

Жозеф удержался от крепких слов, которые могли бы передать бурлящий в нем гнев. Он сжал кулаки.

— Да что ты такое придумал, Жо? — сказала Бетти. Ее щеки пылали, а голос звучал неуверенно. — Ключи лежат у меня в ящике буфета в кухне. Я туда целый месяц не залезала. Должно быть, их выкрали!

— Вас обокрали здесь, в Валь-Жальбере? — удивилась Мирей.

Лора пыталась следить за разговором, но уловила лишь одно: Луи стал жертвой похищения, а следовательно, он жив. Почувствовав сначала огромное облегчение, она, которая еще две минуты назад боялась, что случилось самое страшное, теперь была поражена этим преступным действием, осознав, чем это грозит ее сыну.

— Как, — воскликнула она, — моего сына похитили? Его могли ударить, оглушить. Жослин, что они с ним сделают? Им нужны деньги, да? «До завтра»! Почему они это написали?

— Значит, нам скоро позвонят по телефону, — предположил Жослин, и его лицо исказила тревога.

Он продрог, измотался, пока они бродили от дома к дому. Эдмон советовал не расширять зону поиска. Он полагал, что ребенок в возрасте Луи не мог уйти далеко от знакомой ему территории.

— Могу поклясться, не трогала я эти ключи! — со слезами в голосе повторяла Бетти. — У нас кто угодно мог взять их из ящика и потерять.

Тут Эрмин припомнила так называемого кузена из Сен-Фелисьена, который покидал дом Маруа через черный вход. Но она не стала задавать вопросов, боясь вызвать еще больший гнев Жозефа.

Лора внимательно рассматривала клочок бумаги, оставленный похитителями. Она вертела его между пальцев.

— Только это позволяет мне надеяться на то, что я вновь увижу моего мальчика, — сказала она твердо. — Надо дождаться завтрашнего дня, однако я не знаю, выдержу ли я удар. Но все вы будьте свидетелями моей клятвы: если тронут моего сына, если я больше не увижу его живым, то те, кто причинит ему зло, заплатят кровью!

Испуганная Лоранс заплакала и подбежала к Эрмин. Мукки тоже был взволнован, но держался.

— Дорогие мои, — нежно сказала им мать, — вам следует подняться в нянину комнату. Поиграйте там. Я уверена, что с Луи все в порядке, хотя, должно быть, ему очень страшно. Я приду, чтобы уложить вас спать.

— А если кто-нибудь нас похитит? — возразил Мукки. — Какой-нибудь бандит может залезть по стене и разбить стекло. Мамочка, я боюсь, я хочу остаться внизу.

— Ну, мамочка! — умоляла Мари.

— У меня есть идея! — заявила Мирей. — Малыши, приглашаю вас к себе в комнату. Мы вместе послушаем Ла Болдюк и немного поболтаем.

Лора вернулась в гостиную, с отсутствующим сомнамбулическим видом села на диван. Жослин предложил Жозефу и Эдмону виски.

— Это пойдет нам на пользу, — заверил он. — Лично мне просто

необходимо подкрепиться. Боже мой, разве мог я подумать, что какой-то негодяй расхаживает по поселку и готовится похитить нашего маленького Луи! — Его голос дрогнул, и его качнуло, когда он открывал шкафчик маркетри^[55], где выстроились крепкие алкогольные напитки.

— Жослин, бедный мой Жослин, мы жестоко наказаны, не так ли? — сказала Лора.

— Не говори так, прошу тебя! — воскликнула Бетти. — За что вам выпало такое испытание?

— Ни для кого не секрет, что у нас есть состояние, — заявила Лора. — Два года назад меня оскорбили на улице, в Монреале. Я возвращалась с завода, принадлежавшего Шарлебуа. После кризиса, который потряс страну, повсюду такая нищета, что нам просто завидуют, так как мы живем в достатке. Однако я готова отдать все свои деньги тем, кто похитил Луи. Я предпочту жить в хижине в лесу, чем потерять сына.

Лора согнулась пополам и, наконец, разрыдалась. Она сотрясалась в конвульсиях, судорожно сжимая подол платья и пронзительно вскрикивая.

— Мама, — ласково сказала Эрмин, обнимая ее, — не волнуйся, я уверена, что это те же, кто напал на меня. Они потребуют выкуп, и, я тебя уверяю, мы снова увидим Луи!

— Я на вашем месте сейчас же позвонил бы начальнику робервальской полиции, — заметил Жозеф. — В такого рода историях не надо строить из себя умников.

— А если они, получив от вас деньги, причинят зло Луи? — ахнула Бетти. — Такие случаи бывали! Вспомните историю с маленьким Линдбергом, сыном знаменитого летчика. Родители заплатили выкуп, но ребенок был мертв.

Такое рассуждение и Эрмин, и Жослину показалось неуместным. Жослин залпом выпил свой виски.

— Элизабет, ты что, сдурела? — рассердился Жозеф.

— Боже мой, я совсем забыла! — сказала Лора. — Я же следила за этой драмой, о ней писали в газетах. Жослин, а вдруг они убьют нашего сына?

— Не убьют, не та ситуация, — возразил ей муж. — Линдберг был очень знаменит. Помнится, не меньше двухсот человек признались в том, что причастны к похищению. А ты, Лора, хоть и богата, но не мелькаешь на страницах газет и журналов.

— Зато Эрмин уже знаменитость! — возразил Эдмон.

Молодая женщина испуганно посмотрела на него.

— В таком случае почему похитили Луи, а не Мукки? — спросила она.

— Могли и ошибиться, — предположил Жозеф.

Такая вероятность взволновала Эрмин. Но не успела она заговорить об этом, как раздался телефонный звонок. Лора кинулась к телефону. Эрмин и Жослин бросились следом. Она сняла трубку. Пробормотав что-то похожее на «да», она разрыдалась и протянула трубку дочери.

— Это Тошан, — сказала она и, пошатываясь, пошла из кабинета. — Идем, Жослин, пусть она поговорит!

Эрмин молча поблагодарила Бога: никогда еще ей не было так необходимо услышать голос мужа.

— Это ты, дорогая? Все хорошо? — тут же принялся расспрашивать Тошан. — Мне показалось, твоя мать плачет.

— Похитили Луи, — сказала она напрямик. — Сегодня вечером. Сначала мы думали, что он шутки ради спрятался, но оказалось, что все не так. Кто-то его похитил. О Тошан, это ужасно. Мы страшно беспокоимся.

На другом конце провода Тошан принял сообщение близко к сердцу, хотя никогда не видел Луи. Находясь вдали от собственных детей, в гарнизоне, он пришел в смятение.

— Разве такое возможно? Что на самом деле произошло?

Она поспешила описать обстоятельства исчезновения Луи вплоть до обнаружения плюшевого мишки и короткой записки.

— Извини, но мне это кажется нелепым! — прокричал Тошан. — Если я все правильно понял, кто-то в разгар зимы оказался там, в Валь-Жальбере, и, словно по нелепой случайности, твой брат решил пойти искать свою игрушку! Даю слово, за вами следили. В любом случае немедленно сообщите в полицию!

Эрмин, дрожа, взвесила все за и против. Нервы у нее и так уже были на пределе, а после пережитой драмы она решила открыть правду.

— Тошан, — сказала она, и голос ее зазвучал тверже, — ты можешь на меня сердиться и плохо думать обо мне, но я тебе солгала. Твоя мать тоже тебе лгала. Прощу тебя, выслушай меня, не перебивая. Тогда ты сможешь лучше оценить ситуацию. Я нарушаю данное Тале обещание. Что ж, тем хуже, это не может длиться вечно. Слишком много умолчаний и ненужных тайн.

— О чем ты говоришь? — растерянно спросил он.

Она принялась излагать ему всю историю. Не вдаваясь в подробности, она упомянула о том, как Талу изнасиловали на берегу Перибонки в ту давнюю пору, когда Тошану было столько лет, сколько сейчас Луи. Она упомянула Магикана, брата индианки, который отомстил за честь сестры, застрелив преступника. Она не опустила ни одной важной детали,

рассказав о нападении, жертвой которого стала сама, и тут были названы имена.

— Все взаимосвязано, — сказала она, наконец переводя дыхание. — Поджог дома, та бумажка, на которой было написано о мщении — все это дело рук Закарии Бушара и Наполеона Трамбле. Я еще не знаю, кто из них приходится родственником тому золотоискателю, который изнасиловал твою мать, но это опасные типы. Они ранили твоего двоюродного брата Шогана, убили Дюка, нашего отважного пса, а теперь, я уверена, похитили моего брата. Завтра они потребуют выкуп, и мне уже кажется, что они просто перепутали детей. Они хотели забрать Мукки, чтобы легче было надавить на меня, твою жену, невестку Талы.

Эрмин слышала прерывистое дыхание Тошана, но даже не подозревала о том, какая буря бушует у него внутри. Вне себя от гнева, он не отрывал разъяренного взгляда от стены, на которой был закреплен телефонный аппарат.

— Тошан! — встревоженно окликнула она. — Прощу тебя, ответь!

— Ни к чему. Глупо было лгать мне, держать меня в неведении, — заявил он глухо. — Если бы я знал, что затевается, я бы не уехал, не пошел в армию. А моя мать должна была доверять мне! Только представить, что эти подлецы могли... Нет, я даже думать об этом не хочу! Если бы они тебя тронули, то тем самым подписали бы свой смертный приговор.

— Я в отчаянии, милый! — с горечью сказала она. — Тала не раз умоляла меня ничего тебе не рассказывать, она хотела избавить тебя от переживаний.

— Лучше бы мне действительно не испытывать такой ненависти, возмущения и беспомощности. Я далеко и бессилён вам помочь.

Он подавил в себе крик негодования и печали. Она беззвучно заплакала.

— Тошан, если бы можно было вернуться назад! — сказала Эрмин, и ее голос дрожал от отчаяния. — Без тебя я чувствую себя потерянной. Я даже не знаю, куда уехала Тала. И об этом я тоже должна была молчать. Они с Кионой покинули Роберваль, чтобы спастись от этих людей.

— Киона! — повторил ее муж. — Она промелькнула в моем сне. У нее было трагическое выражение лица, вот почему я тогда позвонил.

— Так ты знал, что у нее есть такая возможность...

— Какая возможность?

— Приходить к нам, как по волшебству. По крайней мере, возникнуть перед нашим взором и предупредить нас об опасности или утешить.

— Нет, этого я не знал. Но это меня не очень-то и удивляет. Когда я

был маленьким, мать мне рассказывала о способностях шаманов, особенно моего деда-монтанье. Это значит, что у Кионы, возможно, такие же способности. Бедняжка! В душе мне ее жаль, но если это знамение, надо его учитывать.

Потрясенный Тошан закурил сигарету. Обеспокоенная тем, что не слышит его, Эрмин различила обращенные к нему слова, произнесенные насмешливым тоном.

— Эй, Дельбо, столько висишь на телефоне, того и гляди прирастешь!

— Отстань, Гамелен! — огрызнулся Тошан.

— Любовь моя, — сказала она, — прости меня! Мне стыдно за то, что я тебе лгала. Когда ты был здесь на Рождество и мы остались одни, у меня было желание все тебе рассказать, но не хватило духа. Я, глупая, думала, что все уладится само собой. Дорого заплатил Луи за мою слепоту! Я так боюсь, что больше его не увижу!

Связь прервалась. После неприятных потрескиваний Эрмин разобрала последние слова мужа:

— Я перезвоню завтра.

— Тошан, — тщечно взывала она, — не оставляй меня одну, вернись!

А где-то там, в Цитадели, насквозь продуваемой жестокими ветрами Великого Севера, Тошан Клеман Дельбо восстанавливал свое индейское «я». Ему казалось, будто он среди чужих, он пленник в этом застенке. Конечно, у него сложились хорошие отношения с некоторыми солдатами, прибывшими, как и он сам, из дальних краев, из лесов и с гор. Но признания Эрмин подточили его патриотический порыв, его жажду справедливости и желание сражаться за правое дело. Он ощущал потребность жить. Ему хотелось сбежать, вновь оказаться на берегах озера Сен-Жан, сойтись в рукопашной с врагами своей матери, с теми, кто осмелился запугивать и причинять страдания обожаемой им женщине.

В поисках возможного союзника Тошан направился в офицерскую столовую. Ему во что бы то ни стало нужно было получить увольнение на законных основаниях, а иначе придется дезертировать. Ему нужна была свобода, а какой ценой — не важно.

Эрмин вернулась в гостиную. На лицах родителей, Бетти и Лоры она прочла один и тот же вопрос: «Что обо всем этом думает Тошан?»

— Связь была плохая, — сообщила она им. — Нас прервали. Но я поставила мужа в известность о происходящем, сказала, что, по моему мнению, Луи похитили эти двое, Закария Бушар и Наполеон Трамбле. Нам остается только молиться.

— Дорогая моя, как бы мне хотелось, чтобы ты ошиблась! — воскликнула Лора. — Это же гнусные мерзавцы! Бедный мой маленький Луи, он, должно быть, в ужасе. Боже мой, лишь бы они ничего с ним не сделали!

Бетти чуть слышно произнесла имя Трамбле. Никто, кроме Жозефа, не обратил на это внимания. Жозеф, взглядевшись в мертвенно-бледное лицо жены, бросил:

— Элизабет, что ты там бормочешь? Ты произнесла «Трамбле»? А ну-ка, скажи мне, ведь твой проклятый кузен носит такую же фамилию?! Смотри мне в глаза, когда я с тобой говорю! Поль Трамбле! Черт, я ничуть не удивлюсь, если он в сговоре с этими двумя негодьями, которые едва не убили нашу лошадь.

Тяжелая тишина повисла после слов Жозефа. Эрмин насторожилась, и все же жалела Бетти, которой явно было не по себе. Она принялась неуклюже защищаться.

— Что до Трамбле, то их в наших краях что елок в лесу. А мой кузен — порядочный человек.

— Мы в этом не сомневаемся, — резко сказал Жослин. — Вы правы, мой бедный друг, мы не можем обвинять всех Трамбле в Квебеке.

— Папа, да оставь ты маму в покое! — сказал Эдмон, который чувствовал себя неловко. — Чего зря ссориться? Мимин права, лучше молиться. Всю ночь напролет.

— Конечно, сын! — уступил Жозеф. — Но молиться будем дома. Жослин, я приду с раннего утра — вдруг понадобится моя помощь.

Бетти встала, бросив на Эрмин беглый взгляд — взгляд перепуганного зверька. И в тот же момент появилась Мирей в окружении детей.

— Мари, мы уходим! — прогремел Жозеф. — Одевайся.

— Жо, — попросила Эрмин, — сделайте одолжение. У нас такое несчастье! Бетти и Мари могли бы переночевать у нас. Если все мы будем вместе, то и детям будет спокойнее. Прошу вас, Жо! Они быстро поужинают и пойдут спать наверх.

Предложение Эрмин было продиктовано отнюдь не внезапным порывом. Она хотела оставить свою соседку и подругу на ночь как для того, чтобы защитить ее от неоправданного гнева мужа, так и для того, чтобы была возможность с ней поговорить.

«Бетти должна рассказать, что она знает! — думала она. — Похоже, она чуть жива! Я почти уверена, что Поль Трамбле в родстве с Наполеоном Трамбле».

Ей вторила Лора надтреснутым голосом, она даже крепко схватила

Жозефа за руки.

— Согласитесь же, дорогой сосед. Моей дочери пришла в голову хорошая идея. Мы сможем помолиться все втроем за спасение моего дорогого сыночка Луи.

Эдмон натянул на себя куртку, надел шапку и слегка подтолкнул отца к выходу.

— Идем, отец. Нам еще надо скотину покормить, ведь Симона и Армана не будет сегодня дома.

Жозеф бросил на жену недоверчивый взгляд, немного поколебался и пожал плечами.

— Согласен! — пробурчал он.

По Бетти было видно, что она почувствовала облегчение. Она все так же, оцепенев, сидела на стуле, опустив голову и положив руки на колени. Она пыталась осознать свою беду. Поль Трамбле воспользовался ею, ее простодушием, ее робкой радостью, ее любовью. Как говаривала ее бабушка, пустили волка в овчарню.

«Если что-то случится с Луи, я покончу с собой, — подумала она. — Все по моей вине!»

Глава 14

Властелин лесов

Валь-Жальбер, четверг, 18 января 1940 г., в тот же вечер

Эрмин сидела возле Мукки, который благонаравно вытянулся на постели, уставившись большими темными глазами в потолок. Фарфоровый ночник в форме ветряной мельницы наполнял нянину комнату ясно-голубым сиянием. В семье всегда называли эту комнату так, хотя теперь она служила детской.

— Мама, ты уверена, что никто не сможет войти в дом? — тихо спросил малыш.

— Не бойся ничего, дорогой, дедушка проверил все двери и окна. Я скоро лягу с вами.

— Мне бы хотелось, чтобы папа был здесь, с нами, — признался мальчик. — Он сильный и храбрый!

— Я знаю, что ты скучаешь по нему. Я тоже! А теперь спи давай, как твои сестры.

Лоранс и Мари, донельзя утомленные этим трагическим днем, заснули, едва опустив голову на подушку.

— Мама, Луи не умрет? — успел выговорить Мукки, взяв Эрмин за руку. — Я плохо с ним обошелся. Может, если бы я дал ему поиграть моих оловянных солдатиков, он бы не ушел!

Растроганная Эрмин провела рукой по гладким черным волосам сына и с несказанной нежностью шепнула:

— Мукки, я тебе уже говорила, ты не виноват! Но хорошо, что у тебя хватает мужества признать свои ошибки. Не кори себя. Мы от всего сердца будем молить Господа, и Луи вернется.

— Клянусь, если он появится завтра, я отдам ему все свои игрушки! Скажи, ведь папа одобрил бы это?

— Не волнуйся! Папа будет гордиться тобой. Ему нравится, когда дети не жадничают и хорошо себя ведут. Он тоже скучает по тебе и по любимому лесу. Ты помнишь нашу приятельницу Бадетту?..

— Отлично помню!

— Так вот, когда-то давно Бадетта столкнулась с твоим отцом в

Квебеке в театре «Капитолий», в тот вечер, когда ты выбежал ко мне на сцену. Ты так прелестно выглядел в индейской одежде! И Бадетта, которая пишет истории для взрослых, восхитилась красотой Тошана. Она воскликнула: «Настоящий властелин лесов!» Я часто вспоминаю это прозвище, ведь твой отец был по-настоящему счастлив лишь в лесу, на берегу славной речки Перибонки. Он многим пожертвовал, поступив на службу в армию, но это было необходимо, чтобы защитить нас и других людей.

Мелодичный голос матери убаюкивал Мукки, веки его слипались. В конце концов он заснул. Посидев возле него еще несколько минут, Эрмин на цыпочках вышла из няниной комнаты, с тревогой взглянув на опустевшую кровать Луи. «Где же ты, братик? — с горечью подумала она. — Тебе, должно быть, очень страшно! Хоть бы похитители хорошо с тобой обращались!» Она вновь ощутила, как тесно связана с этим маленьким мальчиком. Несмотря на то, что они так мало знали друг друга, она ощущала, что они странно близки. «Как бы мне хотелось прижать его к сердцу, сказать, что я люблю его! — думала она. — Мы найдем его, иначе и быть не может, и тогда я наверстаю упущенное. Я докажу ему, что старшая сестра готова оберегать его всю жизнь!»

Несмотря на то что дом был хорошо протоплен, Эрмин знобило. В прошлом году Лора провела в комнаты центральное отопление, но это не мешало растапливать печи на кухне и в гостиной. Спустившись вниз, Эрмин застала Бетти и Лору за молитвой — головы опущены, ладони сложены. Жослин же предпочел виски.

— И все же это сотворили какие-то безумцы, — сказал он дочери. — Ну, я до них доберусь! Поверь, Эрмин, револьвер заряжен, и я просто жажду пустить его в ход.

— Папа, нам бы лучше договориться и с помощью полиции засадить этих бандитов в тюрьму на долгие годы. Это ведь не вестерн, где сводят счеты, не думая о законе. Когда-то Тала заставила брата отомстить за нее. И вот результат! Мы еще долго будем расплачиваться за это. Не хмурься, в глубине души я чувствую, что права! Бушар и Трамбле хорошо подготовились. А Луи, который в сумерках добрался до приходской школы, должно быть, помог им выиграть время! Так все и вышло. Но у них явно был сообщник.

Бетти вздрогнула и начала молиться еще усерднее. Казалось, это уже исступленная мольба. Эрмин не терпелось расспросить ее, но в присутствии родителей она не могла начать разговор.

— Господа велят подавать суп? — спросила Мирей, бесшумно

возникшая на пороге.

— Нет, я не в силах что-либо съесть сегодня, — отказалась Лора. — Завтра! Дождемся известий о Луи. Если еще не поздно, я позвоню своему банкиру. Эти люди получают все, что требуют, пусть даже это будут последние деньги, мне все равно.

— Вы бы лучше предупредили шефа полиции Роберваля, — веско произнесла Эрмин. — Кому ведомо, что ты готова отдать все свое состояние, чтобы вернуть моего брата? Те, кто захватил Луи, не могут знать об этом; значит, вряд ли это изменит их планы.

— Обращаться в полицию слишком рискованно, — заметил Жослин. — Решение я приму завтра — в зависимости оттого, что потребуют эти ублюдки.

— Это чудовища! Гнусные негодяи! — воскликнула Лора. — Неужто придется ждать до завтра?! Это просто пытка! А тем временем мой мальчик страдает. Он, должно быть, страшно напуган. Стоит мне представить, что он в руках этих подонков, и я готова разгромить все!

Мирей грустно кивала, на лице ее была написана тревога.

— Мадам, я, как и вы, вне себя!

— Нет, бедняжка Мирей, нет и нет! Как ты можешь разделять мои чувства, ведь ты не мать ему! Это мой ребенок, сыночек, сокровище, кровиночка! У меня его отобрали, понимаешь? Они вырвали его у меня!

Она разрыдалась, не в силах сдержать эмоции.

Жослин нежно обнял ее.

— Успокойся, дорогая, не срывайся! Бедняжка Мирей разделяет твою горе! Она не заслужила такого сурового обращения. Мы очень скоро увидим нашего мальчика, не теряй надежды. И в сущности, раз эти люди хотят получить от тебя деньги, можно не опасаться, что они будут плохо обращаться с Луи. Это ведь их разменная монета.

— Прости, Мирей, — произнесла Лора, протягивая руку экономке. — Ты ведь знаешь, на меня находит, но на самом деле я вовсе не такая скверная!

— Я не сержусь, мадам, — пробормотала экономка. — Я все же пойду подогрею бульон — неплохо бы всем подкрепиться. И потом, нужно же чем-то занять себя, иначе мне останется только плакать.

В этот момент Бетти вскочила, держась за живот, и невнятно выговорила:

— Я сейчас, извините!

Было очевидно, что она направилась в туалет.

Поведение соседки лишь укрепило подозрения Эрмин. Она решила

дождаться Бетти под дверью. Оттуда доносились характерные всхлипывания. Приятельница плакала горючими слезами.

— Открой мне, — тихо попросила Эрмин. — Бетти, тебе станет легче, если ты поделишься с кем-нибудь.

— Нет, Мимин, ступай! У меня тошнота и понос.

— Ничего у тебя нет. Открой!

Бетти вышла в слезах, с покрасневшим лицом.

— Я пойду домой, — жалобно протянула она. — Я не в силах помочь вам. Завтра утром я заберу Мари.

— Прошу, останься! — попросила Эрмин, взяв ее за запястье.

Она отвела подругу в кабинет и закрыла за ними дверь. В ее синих глазах читалась поразительная решимость. В ней не осталось ничего от скрытной девочки-подростка, это была женщина, готовая сражаться за тех, кого любит.

— Бетти, ну хватит! Я не выдала твоего так называемого кузена, но я не идиотка! Вспомни, когда мы говорили о нем в стойле, ты страшно нервничала. И у меня тотчас возникли подозрения насчет того, какие отношения связывают тебя с ним! Жозеф, должно быть, тоже почуял что-то неладное. Это чувствовалось по его поведению. И все из-за Поля Трамбле! Я видела его после рождественской мессы. Он не отрываясь смотрел на нас, и это он толкнул твоего мужа. И еще ключ, да, ключ от школы! Ты утверждаешь, что его выкрали из твоего дома. А что, если его прихватил твой любовник? Тогда понятно, почему в одном из классов школы валялся плюшевый мишка, принадлежащий моему братику. Бетти, мне не хочется доставлять тебе неприятности, но с меня хватит! Дети для меня священны, и мысль о том, как страдает малыш Луи вдали от нас, сводит меня с ума. Я не стану молиться часами, поскольку знаю: это ты приложила руку к нашей беде. Нам нужно спасти Луи, и если тебе что-то известно, в твоих интересах сказать мне об этом прямо сейчас. Когда за дело возьмется полиция, я уже не смогу тебя защитить.

Блуждающий взгляд Бетти остановился на Эрмин. Бетти сначала помотала головой, будто все отрицая, потом попыталась ускользнуть.

— Пусти, ты меня напугала! — с трудом выговорила она. — Мимин, неужто ты правда считаешь, что я могу навредить вам?

— Думаю, ты, как и Луи, угодила в ловушку, — уточнила молодая женщина. — Если ты стала жертвой обмана, я готова тебя простить.

— Да, увы, это так, мне так худо! — простонала смирившаяся Бетти. — О, Мимин, милая, прости меня! Можешь презирать меня, ненавидеть, и будешь права. Но если твой братик погибнет, поверь, я

покончу с собой! Как ни крути, я предала все, во что верила, я пропала...

Хорошенькая Элизабет дрожала, как в лихорадке. Уставившись в пустоту, она принялась бить себя в грудь. Эрмин усадила ее в кресло и опустилась рядом на табурет.

— Не сходи с ума, Бетти, расскажи мне, что произошло. Уверена, нам удастся прояснить ситуацию.

— Поль Трамбле появился в Валь-Жальбер в июле, — начала Бетти неполногласно. — Он прогуливался, а я вешала постиранное белье. Мы перемолвились словечком насчет заброшенного поселка и закрытого комбината. Я спросила, зачем он тут оказался, он сказал, что в Робервале недавно, устроился, мол, работать механиком на авиабазу и ему захотелось посетить Валь-Жальбер. Ему рассказывали о нашем поселке. Ну, это неудивительно. Он был такой вежливый-разлюбезный, да к тому же красавчик. И он мне глянулся, это уж точно! Через три дня он опять объявился, а потом еще раз, на следующей неделе. Заявлялся, когда Жозеф был в отлучке. Мне бы заподозрить неладное, дак нет, я решила, что это случай. И потом, я ведь не думала о худом, так рада была его снова повидать! Если б ты слышала, как он осыпал меня комплиментами, когда мы встретились во второй раз! А уж улыбка... Наверное, такие умеют охмурять женщин! Ты не думай, Мимин, я не ищу себе оправданий, но после свадьбы я за двадцать с лишком лет от Жозефа ни разочка не слышала, что я красавица. Да и про всякие нежности он давно забыл.

— Представляю, как Трамбле вскружил тебе голову таким ухаживанием! — осторожно заметила Эрмин.

Хоть ей и не терпелось узнать больше, она опасалась, что Бетти замкнется в себе.

— Конечно, Поль не выходил у меня из головы, — продолжила та смущенно. — Я начала прихорашиваться, причесываться, наряжаться. Мне было не зазорно, будто это игра какая. Думала, что ежели он на дерзости отважится, то завсегда смогу его окоротить. Так мы встречались несколько недель, а потом в сентябре, ближе к закату, он повел меня на мельницу Уэлле. Жозеф как раз отправился в Шамбор с Мари и Арманом. Я себе казалась такой молодой да пригожей, и я не устояла. Мимин, мне так хотелось ласки!

Бетти замолчала, тихо всхлипывая. Щеки ее зарделись.

Эрмин, сочувствуя ей, выдержала паузу, вслушиваясь в отзвук слов, почти лишённых смысла. Ей трудно было представить подругу влюбленной до беспамятства, отдающейся среди бела дня незнакомцу. Это так несвойственно добродетельной и рассудительной Элизабет Маруа!

— Я оказалась наивной дурухой, — заговорила Бетти. — До меня только теперь дошло: он меня не любил — просто использовал. Помню, когда он приходил в последний раз, я как раз вернулась из приходской школы. Ключи были у меня в кармане, и он видел, как я положила их в ящик буфета.

— А когда это было? — спросила Эрмин.

— Ну, когда ты засекла, как он вышел из кухни через заднее крыльцо во двор. Я ему сказала, что в школу пойду теперь нескоро, ведь праздники на носу. Да и холодина там, в этих каменных хоромах.

Они переглянулись. Заплаканная Бетти тотчас поникла, в синих глазах Эрмин она прочла осуждение.

— Ты меня презираешь, да? Что ж, имеешь право, я сама себе отвратительна. Ради этого человека я отреклась от веры, предала мужа, которому поклялась в верности перед лицом Господа. Я ничем не лучше тех девиц, что продают свое тело...

— Нет, Бетти, я вовсе не презираю тебя, я просто удивлена, — ответила молодая женщина. — Должно быть, у этого Трамбле неплохо подвешен язык! Но, если поразмыслить, разве порой эта история не выглядела странной?

— Он охотно болтал со мной, и это мне нравилось. Теперь-то я вспоминаю, что он задавал массу вопросов о вас, словом, о тебе и о Лоре. И я так гордилась. Я могла рассказать ему, что когда-то была твоей опекушкой. А ты теперь знаменитость, и денег у тебя не меньше, чем у твоей матери. Господи, срам-то какой!

Эрмин ощутила глухое раздражение. Она всегда безоговорочно доверяла Бетти, воспринимала ее как вторую мать. Молодая женщина почувствовала, что ее предали.

— А как же Жозеф? И твои сыновья? — сухо спросила она. — Ведь они много времени проводили и дома, и в деревне. Разве они ничего не заметили? Ни о чем не догадались? Как же тебе удавалось скрывать свою связь с этим человеком?

— Он был такой оглядливый да скрытный! Но я побаивалась. Мимин, если бы Жозеф прознал об этом, он бы меня прикончил! Может, так было бы лучше... Ежели мои сыновья узнают, что я наделала, то жить мне незачем!

— Не говори так. Подумай о Мари, ей ведь нет еще и восьми. Что с ней станет без тебя? А Эдмон — он ведь собирается стать священником! Бетти, как же ты могла так низко пасть?!

— Даже не знаю. Морок какой-то, только сейчас у меня совесть

пробудилась. И потом, я выкладывала все Полю и мне даже не пришло на ум, что он что-то замышляет против вас. Я будто ослепла, считала его героем. Холод ли, пурга — все ему нипочем, говорил, что может идти часами без передыха.

Эрмин встала и принялась расхаживать взад-вперед по кабинету, скрестив руки на груди.

— Он украл у тебя ключи от приходской школы. Значит, мог прятаться там и шпионить за нами, — едва слышно сказала она. — Уверена, что это он отравил Кьюта... Какая низость! Сколько глупостей ты натворила — у тебя ума как у младенца!

Внезапно у нее возникло чудовищное подозрение. Она с ужасом уставилась на Бетти.

— А ребенок, которого ты носишь? — прошептала она. — Кто его отец — Жозеф или тот, кто отнял у нас Луи?

— Мимин, я с самого Рождества молю Господа: пусть ребенок будет от Жозефа.

Пунцовая от стыда Бетти истово перекрестилась. Она не осмеливалась признаться Эрмин, что отказывала мужу в близости в первые месяцы своего романа с Трамбле. Потом, встревожившись, она покорно сносила недолгие наскоки Жозефа.

— Если подвести итог, — подчеркнула Эрмин, — то выходит, что Поль Трамбле тебя соблазнил, чтобы раздобыть сведения о нас. А ты лишь нынче вечером поняла, куда он метил. Упоминал ли он о Наполеоне Трамбле? Может, это его отец или брат?

— Нет, ни разу!

— В таком случае почему ты так уверена, что Луи похитил именно Поль Трамбле? Раз ты его любишь, то должна защищать, ведь так?

— Да все на него указывает — и пропажа ключей, и бесконечные расспросы! И потом, он теперь и глаз сюда не кажет, я ему ни к чему. Боже, как же тяжело на сердце!

Щедрая и отзывчивая от природы Эрмин была тронута страданием Бетти. Ее подруга не только горько сожалела о случившемся, но страдала телом и душой. Тот, кого она самозабвенно полюбила, кому отдалась, изменив мужу, всего лишь использовал ее в своих целях.

— Мне жаль тебя, Бетти, — грустно сказала она. — Надеюсь, нам удастся разрешить дело, не впутывая тебя. Мне так близки и Симон, и Эдмон, и Мари, что хочется избавить их от позора и скандала. К тому же это никак не поможет мне продвинуться дальше.

В дверь кабинета дважды коротко постучали. Это была Мирей.

— Вас зовет мадам! Бульон подан.

— Мирей, мы сейчас.

Экономка медленно двинулась прочь.

— Мимин, пожалуйста, прости меня! — взмолилась Бетти.

— Не сейчас. Пока не прижму Луи к груди, я не способна простить. Если бы у тебя достало мужества отвергнуть этого человека, пожаловаться Жозефу, ничего бы не случилось. Ничего! Впрочем, может, и не так. Эти люди, похоже, злобно ополчились против нас. Но, по крайней мере, ты бы не была в это замешана. Лучше, чтобы мои родители вообще не узнали об этом.

Молодая женщина вышла из кабинета. Она больше не могла видеть удрученную Бетти, сжавшуюся, с заплаканным лицом. Ей хотелось бы превозмочь себя и утешить ее, но это было выше ее сил.

«Господи, молю тебя, будь милосерден к моему братику! — мысленно воззвала она. — Не оставь его, пусть он вернется к нам целым и невредимым!»

Шамбор, в тот же вечер

Луи дрожал от холода даже под одеялом. В закутке, где его уложили на раскладушку, было темно. Мальчика не стали связывать; страх надежно удерживал маленького узника.

— Помни, если хоть пошевелишься, отрежу тебе ухо и отправлю его твоей матери! — пригрозил Поль Трамбле.

Мальчонка уж и вздохнуть не смел. Он замерз и сильно проголодался. Все было скверно и мрачно. Единственное, что он посмел сделать, это совсем тихо позвать маму, хотя смутно предчувствовал: ему уже не суждено увидеть родителей, их прекрасный теплый и светлый дом, мама уже не приласкает его, не поцелует перед сном.

— Мама, мамочка, заberi меня отсюда!

Он не открывал глаз, чтобы его не накрыли сгущавшиеся вокруг тени. Сквозь дощатую переборку доносились голоса. По сравнению с четким произношением родителей и Эрмин говор этих людей казался ему неразборчивым.

— Мамочка, приходи скорей!

В ответ на его призывное бормотание раздался какой-то шум, будто легкий вздох, какое-то движение. Луи застонал. В комнате кто-то был. Мальчик в страхе сжался в комок, стуча зубами. Он растерял остатки

самообладания и бурно разрыдался.

«Но они меня накажут за то, что я плачу! — подумал он. — Надо успокоиться!» Луи, несмотря на охватившую его панику, все же попытался взять себя в руки. Он уткнулся лицом в провонявший матрас, чтобы заглушить рыдания, и мысленно призвал на помощь тех, кто его так любил, кто никогда не сделал ему ничего дурного. Лица родных и близких предстали перед ним, неся спасительный покой: темноволосый Мукки с его матовой кожей и заразительным смехом; Лоранс и Мари — светлоглазые, розовые, изящные; раскрасневшееся полное лицо Мирей; Эрмин, любимая старшая сестра; высокий и сильный отец — Луи обожал его темную бороду, пронизанную серебряными нитями, и низкий голос. И наконец, Лора, в ореоле светлых вьющихся волос, ее розовые губы, целующие его.

— Мамочка!

Он содрогнулся, ощутив легкий толчок. Раздался странный стонущий звук, сменившийся мурлыканьем. Кошка прижалась к голове мальчика, задев его усами. Удивленный ребенок задержал дыхание. Потеревшись о его волосы, кошка пробралась под одеяло и свернулась в клубок рядом с ним. Он уже видел бродячих кошек в Валь-Жальбере. Старый кот Онезима тоже изредка бродил возле приходской школы. Луи, оправившись от испуга, осторожно погладил незваную гостью. Бедная кошка совсем отощала — кожа да кости, шкурка была влажной, но ее довольное мурлыканье и теплое соседство успокаивали. Спустя пару минут Луи спал. Вскоре во сне он уже двигался и тихо смеялся. Луи очутился возле жаркого костра. Рядом была Киона с лучащимся нимбом над головой, ее кожа в свете пламени выглядела золотой. Девочка вся светилась. Он был так рад ее видеть! Она улыбалась ему своей неповторимой нежной и светлой улыбкой.

— Не бойся, Луи, — сказала она. — Мне бы хотелось повидать тебя, да не могу, я больна. Смотри, вот твои агаты, я всегда буду хранить их.

Луи попытался ответить, но из уст не вылетело ни звука. Киона протянула ему своего плюшевого медвежонка Дюки.

— Ты потерял Ноно. Я дам тебе своего мишку. Но обещаю больше не бояться! Я все время думаю о тебе. Мой брат отправится тебя искать.

Ошалевший от радости, Луи схватил мишку и прижал его к груди. Радость и восхищение были так велики, что он проснулся. Различив полосу света, он уселся на своей раскладушке. Рядом стоял старший из похитителей. Он сказал:

— Я укрыл тебя потеплее, а то завтра у тебя из носа потечет. Выспись как следует. Сын мой, может, и нагнал на всех страху, но он голова! Здесь

ничё с тобой не стряется!

Это был Наполеон Трамбле. Луи уткнулся лицом в согнутый локоть.

— Да, я сплю... — тихо произнес он.

— Ты хороший парнишка!

Человек вышел и закрыл за собой дверь на ключ. Мальчик снова расплакался. Мгновением раньше ему казалось, что в его руках мишка Дюки. Но тут он представил себе Киону, какой она была во сне, и попытался вспомнить, что она сказала.

«Но кто этот ее брат? — удивился он. — Я такого не знаю...»

Квебек, Цитадель, в тот же вечер

Тошан смотрел в глаза офицеру, тому, что дал увольнительную на праздники. Это был мужчина лет сорока, тот самый, чья жена жаждала раздобыть фото певицы Эрмин Дельбо с ее автографом.

Скоро должны были звать на ужин, но их разговор состоялся неподалеку от офицерской столовой, в смежной комнате, которая чаще всего служила курительной.

— Слушаю вас, Дельбо! — сказал офицер.

— Господин лейтенант, не знаю, как вы воспримете мое ходатайство, но мне нужно уехать первым же поездом! — твердо заявил Тошан. — Так что мне опять нужна увольнительная, на этот раз на несколько недель. Мне совершенно необходимо уладить очень важное семейное дело. Я должен быть с родными.

На лице офицера появилось суровое выражение. Он даже нахмурился, вид у него был крайне озадаченный.

— Мне жаль, но это, разумеется, невозможно. Дельбо, вы ведь не на курорте! Мы уже говорили о вашем зачислении на службу. Вас никто не обязывал записываться в этот полк, но теперь это дело решенное. И несмотря на всю симпатию к вам и восхищение, с которым я отношусь к вашей жене как к артистке, я не могу делать вам поблажки. По крайней мере, речь ведь не идет о смерти?

Тошан не отрывал глаз от собеседника. В его пылком с поволокой взгляде мелькнула неистовая решимость.

— Если вы не дадите мне разрешения, я дезертирую. Конечно, я сделал ошибку, предупредив вас, так как вы можете посадить меня под арест. Но у меня нет выбора. Я признаю, что совершил серьезную ошибку, записавшись в армию в начале зимы. Здесь ничего не происходит, и вам это

также хорошо известно. Пока не сойдет лед, никто не двинется в Европу. Залив Святого Лаврентия скован льдом, и немецкие подлодки не рискнут приблизиться к нашим берегам. Лейтенант, я прошу вас об одолжении, и у меня есть на это серьезная причина. Похитили младшего брата моей жены.

— Боже всемогущий! Похищение ребенка — неужто это правда? — удивился офицер, нервно потирая подбородок.

— Да, я только что узнал об этом, позвонила жена! Я не в силах оставаться здесь. В опасности и мои собственные дети, и все, кто мне дорог. Моя мать родом из племени индейцев монтанье. Муж ее умер, поэтому я единственный, кто может ее защитить. Весной я вернусь, даю слово.

Лейтенант кивнул.

— Когда ты женат на знаменитости, дорогой Дельбо, многое просачивается в прессу. Я в курсе относительно вашей матери. Однако поймите, мне вовсе не важно ваше происхождение. Понимаю, что вы воспринимаете это иначе, но это не меняет сути проблемы. Я не могу предоставить вам увольнительную сроком на три месяца. Другие солдаты тоже захотят съездить домой, не важно, под каким еще предлогом. Здесь ничего не происходит, в этом я с вами соглашусь, и нашим новобранцам остается лишь строевая подготовка, которая все же вовсе не бесполезна, поверьте мне.

Тошан, исполненный решимости, дрожал от нетерпения. У него в ушах еще звучал голос Эрмин, в котором сквозила мучительная тревога. Ему представлялось трагическое лицо Кионы, умоляющий взгляд ее золотисто-карих глаз.

— Понимаю вашу реакцию, — решительно сказал он. — Забудьте то, что я вам сказал. Я покидаю часть. Как только я сделаю то, что должен, я вернусь и буду готов принять любые последствия моих действий.

— Успокойтесь! Позвольте мне хоть немного подумать! Дайте мне час. Один из членов вашей семьи похищен; я обязан доложить об этом выше. Думаю, что на вашем месте я действовал бы так же. И еще одно, Дельбо: на местности из вас вышел бы превосходный солдат. Я наблюдал за вами, вы действуете решительно, незаметно и эффективно. Предвижу, что вы способны выдвигать разумные инициативы. Откровенно говоря, я надеюсь, что, если мне удастся добыть вам эту увольнительную, вы сдержите слово. Зайдите ко мне после ужина.

Тошан тихо поблагодарил лейтенанта. Благодаря унаследованной от матери способности глубоко чувствовать чужую личность он понял, что этот человек искренне стремится ему помочь. Тошан направился к себе в

казарму. Гамелен с мрачным видом сидел на койке.

— Ты уже поужинал? — спросил Метис. — Мне надо поговорить с тобой. Хорошо, что ты здесь один.

Верзила, прикуривая сигарету, с любопытством посмотрел на него.

— Ну и чё тебе надо, Дельбо? Я нынче зол как черт!

— Я тоже, Гамелен, причем куда сильнее. Умеешь хранить тайны? Ты бы мне здорово помог.

— Ну, а то! Ты ведь меня знаешь! Я честный малый! Ну, говори!

— Моя жена и ее родители попали в беду. Луи, брата Эрмин, похитили. Ему пять с половиной лет. Я знаю, кто похитил, и должен лично разобраться с этим делом, поскольку здесь замешаны мы с матерью. Если мне дадут увольнительную, то понадобятся хорошие собаки и прочные сани. Я заплачу. Где ты оставил свою упряжку и все прочее?

— Очуметь! Просто не может быть! — воскликнул ошеломленный Гамелен. — Дельбо, ты мой кореш! Конечно, бери и собак и сани. Свою упряжку я оставил у тетушки Берты. Она живет в Робервале на улице Менар. Я не слишком богат, но что мое — то твое. И я не то еще готов сделать для прекрасной златовласки с озера Сен-Жан. Помню, как я вез ее в Перибонку, пять лет назад, кажется. Вначале она была закутана, и я не видел ее лица. Я малость рассердил ее, но потом до меня дошло, что это твоя жена, и тут уж я расстарался, поверь моему слову!

— Она мне рассказала об этом, — подтвердил Тошан. — Благодаря тебе я провел счастливое Рождество.

Мужчины пожали друг другу руки. Потом Гамелен поднялся, дружески ткнув Тошана. Несколько лет назад они встретились на льду озера в сумасшедшей гонке на собачьих упряжках — от Роберваля до пристани Перибонки и обратно. Тогда выиграл Метис, как прозвали Тошана. Но теперь невезение было забыто. Бывших соперников сблизило пребывание в Цитадели, имевшее мало общего с их повседневным существованием. Их объединяло ощущение беспредельных просторов, заснеженных лесов, гонки по родным местам под лай собак и свист ветра.

Гамелен мечтательно прищурился. Он припомнил блистательное появление Соловья из Валь-Жальбера в старой хижине на набережной Роберваля.

— Твоя жена — истинная дама, воспитанная, прелестная, — сказал он. — И потом, она понимает юмор!

Растроганный Тошан кивнул, продолжая укладывать вещи в рюкзак. Ему тоже представилась очаровательная фигура обожаемой им женщины в черном бархатном платье в церкви Сен-Жан-де-Бребёф.

— У меня нет выбора, — добавил он тихо, будто говоря сам с собой. — Спасибо тебе, Гамелен!

— Знаешь, я правда хотел бы сопровождать тебя!

— Мы отправимся вместе в Европу! — заверил Тошан, прикоснувшись к плечу друга. — Я расскажу твоей тетушке, как ты поживаешь...

— Скажи ей, что мне сильно не хватает ее пирогов со свиной. Но надо бы тебе разжиться доказательством, что ты именно от меня. погоди, ты должен узнать, как зовут моего коренника: Лино! Красный Лино!

— А почему Красный? — полюбопытствовал Тошан.

— Это матерый пес, его голыми руками не возьмешь, — пояснил Гамелен. — Он уже в полгода сцепился с взрослым самцом, подрав его до крови. Я и назвал его Красный Лино. Если ты упомянешь об этом при Берте, у нее развеются все сомнения насчет того, что ты от меня. Она поймет, что я в курсе и что ты прибыл от меня. Собаки мои чрезвычайно выносливы. Мой двоюродный брат раз в неделю должен их выезжать. — Гамелен расплылся в ностальгической улыбке, продолжая превозносить достоинства своей упряжки. Вдруг он осекся и удивленно спросил Тошана: — А где же твои собаки? Ты их продал?

— Ну нет, ни за что! — решительно отрезал красавец Метис. — Но те, кто преследует мою семью, прикончили Дюка, а может, и Кьюта, хаски.

— И как Бог допустил?! — воскликнул Гамелен, почесывая бритую голову. — Такие отличные псы! Слушай, Дельбо, валяй, своди счета. Даже если офицер не даст тебе разрешения, все равно отправляйся!

— Да я не передумую, просто надеюсь, что удастся получить официальное разрешение. Ладно, пойдем ужинать, — с улыбкой сказал Тошан. От дружеского участия Гамелена у него потеплело на сердце. — Я передам от тебя привет озеру и лесам, — мечтательно добавил он.

Валь-Жальбер, пятница, 19 января 1940 г.

Было шесть утра. Эрмин часть ночи продремала в няниной комнате, так как ее спальню заняли Бетти с дочкой. Стоя возле окна, она вглядывалась во тьму, будто ожидая увидеть бегущего к дому чудесным образом спасшегося Луи. «Господи, ну и мрачный же выдался вечер», — подумала она. Вспомнила, как родители расхаживали взад-вперед по гостиной под скорбным взглядом Мирей. Лора то рыдала и молилась, то проклинала весь мир. Мрачный, подавленный Жослин пытался утешить

супругу, которая то отталкивала его, то бросалась к нему в объятия.

«А Бетти тихо плачет — смертельно-бледная и полная раскаяния, — подумала Эрмин. — Я была с ней сурова, но все же мне непонятно, как она могла пойти на поводу у этого пришлого типа, которого совсем не знала. Но я-то оказалась в ловушке. Если я расскажу родителям или полиции о том, что знаю, я разрушу семью Маруа, которая мне совсем не чужая... Нет, я не могу так поступить!»

Она подумала о Симоне, с которым всегда водила дружбу, о набожном Эдмоне, о милой Мари. И тут чья-то рука робко легла ей на плечо. Это была Бетти, бледная, с заострившимися чертами лица.

— Я глаз не сомкнула. Мимин, если бы ты знала, как мне жаль!

— Ну, мне-то удалось заснуть, но я часто просыпалась и наконец решила спуститься. Сварю-ка я кофе.

Бетти, уловив перемену тона, несколько приободрилась.

— Дорогая Миминочка, — воскликнула она, — если бы я могла поправить причиненное мною зло, вернуться назад!

— Перед твоим приходом я как раз вспоминала детство. Вы с Жозефом приютили меня, дали погреться у семейного очага, и я никогда этого не забуду. Я была счастлива, несмотря на перепады настроения твоего муженька. Бетти, пока мы с тобой наедине, нам нужно придумать, как сообщить о Поле Трамбле, не вмешивая в это тебя. Я все еще не могу поверить, что ты так наивно завела с этим типом шуры-муры, как говорят в здешних краях, но предавать тебя я не стану!

— Как тебя благодарить, Мимин? Я не заслуживаю снисхождения, но я так признательна тебе из-за детей!

— Да разве я могу тебя осуждать? — возразила Эрмин. — Ты поверила, что эта любовь способна перевернуть твою повседневную жизнь; ты не догадывалась, что Трамбле тобой манипулирует. Сложность в том, что у нас нет доказательств его вины. Всё, чем мы располагаем, — это подозрения, предчувствия. Как можно его обвинять, если ты не была свидетелем его проделок? Я и так и сяк прокручивала эту ситуацию, но не нашла выхода!

Эрмин ласково взяла Бетти за руку и провела ее в кухню. Обычно в утренние часы здесь уже хлопотала Мирей. Но экономка поздно легла и еще не проснулась. Женщины взялись за дело вдвоем, стараясь не шуметь. Наконец они уселись за стол возле дымящейся кофеварки.

— Может, родителям удастся быстро разобраться с похитителями... — задумчиво произнесла Эрмин. — Тогда никто не узнает, что ты знакома с Трамбле.

— А ключи от приходской школы? — возразила Бетти. — Насчет этого я, кстати, не соврала, я так и не обнаружила, что он выкрал их. Ты видела, как отреагировал Жозеф? Он сразу меня заподозрил. Мимин, я боюсь его. В прошлый раз он меня ударил. Ты верно догадалась, я вовсе не стукнулась о дверь. Он приревновал меня и напился. На следующий день после Рождества Арман, как на грех, распустил язык, сказал, что в церкви какой-то мужчина заглядывался на меня. Это правда, Поль дерзко на меня пялился. Боже, все насмарку! Да еще и забеременела. Жо уже решил, что ребенок не от него!

Бетти дрожала, на лице ее был написан ужас. Эрмин, сжавшись, погладила ее по щеке.

— Ты и так наказана. Успокойся! Я небольшой специалист по адюльтеру, но понимаю, что выбора у тебя нет, тебе придется лгать.

— О, Мимин, что ты говоришь! — зарделась Бетти. — Адюльтер!

— Бетти, в Евангелии есть слово «прелюбодеяние», а другого я не знаю. Иисус ведь простил грех Марии Магдалине. Я думала об этом ночью.

— Ради бога, замолчи! — испуганно проговорила Бетти. — Вдруг кто услышит! Это я допустила это: я виновна, поддаюсь низким инстинктам, и это я, которая в юности славилась благоразумием! Это послужит мне уроком. В будущем я остерегусь осуждать близких. Я ничуть не лучше, чем Иветта, жена Онезима. Я с ней не водилась, ведь она до свадьбы погуливала.

Эрмин нехотя откусила бисквит с корицей. Ей вспомнился тот вечер за кулисами Капитолия и жаркий поцелуй Октава Дюплесси. Несмотря на страстную любовь, которую она питала к Тошану, импресарио сумел за несколько секунд воспламенить ее тело. И признание Пьера Тибо в середине декабря не оставило ее равнодушной. Она была польщена тем, что так ему нравится.

— Ну что ж, Бетти, женщины слабы, — с улыбкой заметила Эрмин. — И я понимаю, что твоей семейной жизни недостает тепла и романтики.

— Он стареет и делается все более сварливым. А еще он скаредный и подозрительный — и отродясь был таким. Когда Симон предложил отвезти меня в Роберваль на машине, он устроил сцену, что, мол, я разбазариваю его деньги. По сравнению с ним Поль показался мне таким предупредительным! Но при нашей последней встрече глаза у него горели недобрым огнем. Не могу описать, что я пережила. Я сказала себе: «Бетти, так и есть, он уже сыт этой историей, ты его больше не увидишь!» Так оно и вышло. Неплохо он тут попасся...

Бетти разрыдалась, в глазах стояла беспросветная тоска... Эрмин не

могла смотреть на это душераздирающее зрелище. Она встала и, обойдя вокруг стола, склонилась и обняла приятельницу.

— Возьми себя в руки, — тихо сказала она на ухо Бетти. — Иначе мои родители что-нибудь заподозрят. Будь мужественной ради Мари, ради сыновей. И не расхаживай перед Жозефом с таким виноватым видом. Если он дознается, что ты наделала, я опасаюсь самого худшего. Сегодня должны позвонить те, кто похитил Луи. И все сдвинется с места.

Тут их застала врасплох Лора. Она посмотрела на них с подавленным видом и уселась возле Бетти.

— Жослин еще не проснулся. Он плакал во сне. Господи, за что это испытание?! Такое впечатление, будто мы с мужем прокляты. Нам пришлось оставить тебя, Эрмин, а теперь у нас отняли сына.

— Мама, не начинай! — резко оборвала ее Эрмин. — Мы отдадим этим людям все, что те потребуют, и Луи вернется к нам. Я позвоню Шарлотте, как только она появится в ресторане. Мне хочется, чтобы она была здесь, с нами. Может, хозяин отпустит ее...

— Поступай как знаешь, — ответила Лора, наливая себе кофе. — Я вздохну свободно, лишь когда узнаю, как там мой мальчик.

Время текло медленно. Бетти с дочерью заторопились домой, пообещав вернуться после обеда. Телефон молчал, что отнюдь не снижало царившего напряжения. Дети, видя серьезные лица взрослых, за завтраком вели себя очень тихо. Мирей снова взялась за работу, часто шмыгая носом.

— Шарлотта приедет вечером, — сообщила Эрмин в полдень. — Один сослуживец подбросит ее до проселочной дороги. Наконец-то мы ее увидим. Конечно, она поражена.

— А кто остался бы равнодушным? — с горечью произнесла Лора. — Боже все милостивый, я так больше не могу! Если эти типы не свяжутся с нами, я обращусь в полицию Роберваля.

— Нам следовало сделать это еще вчера, — бросила молодая женщина. — Мы здесь сходим с ума от беспокойства, ходим по кругу, не смея действовать. Что, если это ошибка? На самом деле Тошан тоже обещал позвонить. Если зазвонит телефон, не бросайся в кабинет. Пусть лучше папа снимет трубку, ему удастся держать себя в руках.

— Ты меня переоцениваешь, дочка! — уныло возразил Жослин. — Если вдруг это окажется твой муж, он будет разочарован, услышав мой голос.

— О, папа, при таких обстоятельствах старые ссоры должны отойти на второй план.

Эрмин, снедаемая нетерпением и отвратительным страхом,

продолжала размышлять. Не сказав ни слова родителям, она решила связаться с авиабазой. «Как я раньше не подумала?! — упрекнула себя она. — Ведь знала, что Поль Трамбле в самом деле там служит. У них явно должен быть его адрес!»

Это показалось ей слишком прекрасным, чтобы быть правдой. Ответили ей быстро, но нужной информации она не получила. Подтвердили, что Поль Трамбле действительно работал механиком на протяжении полугода, но уволился 31 декабря. На вопрос, где он жил, ей ответили, что, должно быть, в пансионе или у родственников.

Несмотря на досаду, Эрмин все же уверилась, что любовник Бетти действительно причастен к похищению Луи. В противном случае он не стал бы бросать работу.

В тишине прекрасного дома что-то назревало. Лора несколько раз поднимала трубку, чтобы проверить, работает ли телефон. Жослин решил пройтись до приходской школы и еще раз обследовать помещение.

— Может, найдутся какие-то следы, забытая вещь... — пояснил он. — Так тяжело сидеть взаперти, уставясь в пустоту.

— Дедушка, можно я пойду с тобой? — спросил Мукки. — Пожалуйста, я надена снегоступы. Я буду тебя слушаться.

— Нет, малыш! — ответил тот. — Я уже немолод. И если кто-нибудь попытается причинить тебе зло, боюсь, я не смогу тебя защитить.

Эрмин стало жаль отца, который резко сдал и выглядел как старик, с согбенной спиной и горестным и унылым лицом.

— Папа, прошу, не говори так! — воскликнула она. — А ты, Мукки, нужен здесь, в доме. Доверяю тебе сестер. Присмотри за ними, придумай, во что бы поиграть, чтобы повеселить их.

Мальчик кивнул с недовольным видом и повел близняшек в нянину комнату.

— А вот папа достаточно сильный, он бы взял меня с собой, — проворчал Мукки. — Он властелин леса, мне мама говорила...

Роберваль, тот же день и час

Поезд — железное чудовище — следовал своей дорогой по рельсам, что вели в занесенные снегом края.

Тошан, стоя на платформе вокзала в Робервале, дышал холодным воздухом январского дня. Когда ледяной ветер обдал его лицо, он подумал, что охотно остался бы здесь вдыхать терпкий аромат гор, знакомый до

боли. Разреженный и явно неощутимый для большинства людей, этот воздух наполнял каждую клеточку его тела неброской нежностью его родных краев, поросших хвойным лесом. Он провел в дороге более пятнадцати часов. Он дремал или мысленно выстраивал то, что узнал от Эрмин. Его обуревали противоречивые чувства. Он воображал юную красавицу Талу во власти бесчестного, обуреваемого похотью мерзавца. Эта давняя история с изнасилованием волновала его, будто это было вчера. Сжимая кулаки, он курил одну сигарету за другой.

«Я был тогда ребенком и совершенно не замечал страданий матери и ее унижения. Другая женщина явно рассказала бы мужу, но не Тала. Она хотела сохранить семейный очаг и покой моего отца». Тошан был полон сострадания к матери, униженной физически и морально. Тут он вспомнил Анри Дельбо, высокого, сильного, со светлыми волосами и бородой, с красноватым лицом. От этого молчаливого, честного, работающего человека он унаследовал силу, верность, вкус к независимости и свободе. И еще этот человек завещал ему участки земли по берегам Перибонки.

И ныне, возвращаясь в окрестности озера Сен-Жан, Тошан был готов сражаться, чтобы доказать матери, что любит ее вопреки всему, что их разделяет. Он вскинул рюкзак на плечи и отправился на поиски улицы Менар. Берта, старая тетушка Гамелена, приняла его холодно. Смерив его взглядом с головы до ног, она пробурчала:

— Я тебя признала! Ты Метис, что женился на Соловье из Валь-Жальбера! Заходи, грейся! Я уж тут истосковалась одна с утра до вечера...

— Я от вашего племянника Гамелена. Он передает вам горячий привет! — ответил Тошан.

Пришлось пить теплый горьковатый кофе с куском фруктового кекса в придачу и рассказывать о повседневной жизни гарнизона. Берта, обрадованная появлением гостя, впитывала каждое слово. Наконец он заговорил о собаках и упряжке.

— Мой Гамелен готов поделиться последней рубашкой! — воскликнула она. — Можешь запрягать собак, им нужно размяться. Тебе повезло с увольнением. Хотела бы я, чтобы мой племянник был тут!

— Думаю, к весне он появится, мадам! — заверил Тошан. — Но что до меня, то я не в увольнении, я выполняю служебное задание.

С этими загадочными словами он, попрощавшись с пожилой дамой, удалился. Собаки Гамелена были в огороженном загоне. Завидев приближающегося человека, одна из них, с густой серой шерстью и косо поставленными глазами, угрожающе зарычала, показав клыки. Пес, похоже, был свиреп.

— Это ты, Лино, Красный Лино? — тихо окликнул его Тошан. — Мы подружимся, вот увидишь!

Он терпеливо уговаривал собаку, показывая ей упряжь. Затем отворил ворота загона. Берта наблюдала за ним в маленькое окошко. Она подумала, что ей нечасто доводилось видеть такого красавца, разумеется, племянник не в счет. Она увидела, как он оглаживает Красного Лино и всю свору.

Тошану потребовался час, чтобы подготовить упряжку и установить контакт с собаками. Когда он был готов двинуться в путь, старушка, закутанная в плотную шерстяную шаль, показалась на крыльце.

— Давай кати, парень! — пошутила она. — То-то порадуешь женушку нынче вечером!

Провожаемый игривым взглядом Берты, Тошан двинулся по дороге, огибавшей озеро. Он вскоре переключился на свои мысли, охваченный великолепным ощущением, которое рождали в нем скрип полозьев по подмерзшему снегу и ветер, бивший в лицо. Оглянувшись на стаю ворон, пролетевшую мимо, он довольно улыбнулся.

— Давай, Лино, вперед, вперед! — восторженно крикнул он.

Нахлынули воспоминания, связанные в основном с такими гонками под сенью громадных елей по тропам, проложенным его предками монтанье.

В тринадцать лет Тошан уже умел править собачьей упряжкой и вести сани, ни разу не перевернув их и ничего не задев. «Если бы я мог пересечь озеро и, добравшись до постоянного двора на берегу Перибонки, очутиться в моем лесу! — думал он. — Рядом с тобой, перламутровая Эрмин, красавица моя!»

Он представил, как она сидит перед ним, разделяя его радость, в розовой или голубой вязаной шапочке на светлых волосах. «Сейчас тебя нет рядом, но спустя какой-нибудь час я смогу обнять тебя!»

Перевалило за полдень. Тошан обогнал машину, потом лошадь, запряженную в двухколесную тележку. Его мысли понемногу приняли иной оборот. В Валь-Жальбере его ждет не только Эрмин с детьми, там будет также Жослин, с которым Тошан поклялся более никогда не встречаться.

— Но судьба решила иначе! — громко произнес он.

Теперь он выехал на дорогу, ведущую к деревне. Сердце забилось чаще. Он различил вдали туманный силуэт водопада — гигантскую скульптуру изо льда, мощно прокладывавшую себе дорогу.

— Это Уиатшуан, который так любит Эрмин! Потише, Лино!

Коренник замедлил бег. Отступить Тошану было некуда, но в тот момент, когда предстояло встретиться лицом к лицу с тестем после пяти

лет холодной войны, он хотел найти в себе мужество простить.

Мирей накормила детей, пока Лора и Жослин спорили в кабинете. Звонил мужчина, говоривший приглушенным хриплым голосом. Эрмин он показался довольно знакомым. Выведенная из себя, но в то же время успокоенная, она вышла на крыльцо. Слишком возбужденная, чтобы включиться в спор родителей, она перевела невидящий взор с деревьев в саду на колоколенку приходской школы.

«В конце концов я возненавижу это здание, каким бы красивым оно ни было, — думала она. — Здесь меня оставили, больную, когда мне был всего год. Я росла здесь, и меня считали сиротой... А вчера мой братик исчез именно в этих стенах; ему даже не дали взять его плюшевого мишку... Словом, если все пройдет хорошо, послезавтра нам вернут Луи. Слава тебе, Господи!»

Молодая женщина обратила внимание на лай собак, донесшийся с улицы Сен-Жорж. Она мысленно повторяла слова похитителей. Они утверждали, что с ребенком хорошо обращаются и не причинят ему никакого вреда, если родители не станут обращаться в полицию, а обеспечат выкуп в пятьдесят тысяч долларов. Новые указания поступят завтра.

В конце аллеи показалась собачья упряжка. Эрмин решила, что это Пьер Тибо. Но тот, кто правил собаками, казался выше, а его лицо было медно-золотистым.

— Тошан! — Эрмин была совершенно поражена.

Он снял шапку и шарф и помахал ей рукой. Она вдруг поняла, до какой степени уповала на это чудо.

— Тошан, это ты, ты! — громко выкрикнула она, скатываясь со ступенек с риском поскользнуться. Но он уже несся к ней, раскрыв объятия, и ей оставалось лишь прильнуть к нему.

— Любовь моя! — бормотала она сквозь слезы. — Ты приехал! Спасибо, спасибо...

— Папа!

Мукки услышал разноголосое тьяканье, доносившееся с псарни. С простодушной детской уверенностью он сообщил сестрам, что приехал папа. Мирей пожалала плечами, пытаясь его удержать, но мальчик уже выскочил в коридор.

— Папа!

Потрясенный Тошан обнял сына. Эрмин, смеясь и плача, растерянно смотрела на мужа. «Мой властелин лесов! — думала она. — Я-то считала, что ты где-то за сотни миль, а ты здесь, с нами!»

Как бы в ответ на ее мысли вышел Жослин. Увидев зятя в нескольких метрах, он провел по бороде дрожащей рукой. Тошан покинул Квебек и Цитадель, поспешив им на помощь. Это было свидетельство такой щедрости и благородства, что Жослин просто оторопел. Невероятное событие, открывшее путь к спасению, к примирению.

— Добро пожаловать, дорогой зять! — пробасил Жослин Шарден.

Потом у него перехватило дыхание, он побледнел как смерть, силы оставили его.

Глава 15

Примирение

Валь-Жальбер, пятница, 19 января 1940 г., в тот же день

Эрмин опустилась на колени рядом с отцом, лишившимся чувств. Она пыталась приподнять его голову, встревоженно повторяя: «Папа! Папа!»

Тошан осторожно отстранил ее. Подхватив Жослина под руки, он уложил его поудобнее. Лора, увидевшая из окна кабинета, что происходит, бросилась к мужу, обезумев от тревоги.

— Господи, Жослин! — пронзительно вскрикнула она. — Жослин!

Она узнала зятя, но даже не пыталась понять, что произошло. Дрожа всем телом, она опустилась на колени рядом с Эрмин.

— Тошан, что случилось? Что с ним? Мукки, беги, скажи Мирей, чтобы она принесла виски или коньяк. И еще нужно позвонить Робервальскому доктору! Эрмин, поторопись! У отца со вчерашнего дня крошки во рту не было, он пил только кофе, и все... Боже, какой он бледный!

— Пульс у него слабый, но сердце бьется! — сказал Тошан. — Должно быть, это обморок. Нужно занести его внутрь.

— Он открыл глаза! — воскликнула Эрмин, боявшаяся отойти от отца. — Папа, скажи что-нибудь!

Жослин прищурился. Первое, что он отчетливо различил, было лицо Тошана.

— Прости, мой мальчик! — пробормотал он в замешательстве. — Не знаю, что на меня нашло, в ушах какой-то шум, меня знобит и все кружится перед глазами.

— Ты меня страшно напугал! — простонала Лора, похлопывая его по щекам. — Вид у тебя жуткий: ты бел как полотно. Не лежи на земле. Сядь, прошу тебя.

— Погоди, у меня все еще кружится голова, — пробормотал он.

Тошан подложил ему под голову свой рюкзак и выпрямился. Эрмин тихо поблагодарила его. Она сознавала необычность ситуации: отец и ее муж перебросились несколькими словами без всякой враждебности.

Экономка осторожно спустилась по ступенькам, держа флакон и

носовой платок. Мукки нес следом пакетик конфет.

— Месье нуждается в сахаре, — заявила Мирей. — Я предупреждала его нынче утром. Переживать всю эту сумятицу на пустой желудок неразумно. И вот результат. Эрмин запретила Мари и Лоранс выходить, но они знают, что приехал отец, и я не поручусь, что они усидят на месте.

Она поднесла Жослину немного подслащенного шерри. Он закашлялся. Лора приникла к груди мужа, пытаясь прослушать биение его сердца. Она громко рыдала, не в силах справиться с нервами.

— Я думала, что у тебя отказало сердце! Жослин, никогда не покидай меня! Я подумала, что он умер, что у него был удар. Боже, как это жутко!

Жослин нежно погладил ее по спине, но по-прежнему был мертвенно-бледен и дрожал. Глядя на эту чету, Тошан более не ощущал той лютой ненависти, которая на протяжении пяти долгих лет заставляла его держаться подальше от Валь-Жальбера. Оказавшись перед этим стареющим мужчиной, глубоко огорченным похищением сына, гордый Метис понял, что пора заключить мир.

«Моя мать и Жослин не думали, что их краткая связь будет иметь такие последствия! — подумал он. — Но что, если судьба дергала за веревочки ради того, чтобы родилась Киона?! Правду говорила Эрмин: можно ли сожалеть о том, что родилось такое дитя: она вся соткана из света и добра!»

Тошан вдруг пожалел, что пренебрегал общением со своей единоутробной сестрой, поскольку Киона была дочерью Шардена. Теперь он пришел к тем же выводам, что и Тала с Эрмин. Конечно, у Луи и Кионы общий отец, но если их родство остается тайной, то какое это в сущности имеет значение?

— Я помогу вам перебраться в тепло! — сказал он властным тоном, обращаясь к тестю. — Лора, успокойтесь! Это всего лишь недомогание от усталости и голода. Вам, Жослин, нужно немного перекусить. Вот только мне сложно будет перенести вас в одиночку, разве что на спине, но это не слишком удобно.

Тошан уверенно поддержал Жослина. Тот, едва встав на ноги, пошатнулся и всем телом налег на зятя.

— Мне правда неловко, — смущенно сказал он.

— Да ничего страшного, — возразил Метис.

Так они продвигались, едва ли не в обнимку — под изумленными взглядами Лоры и Эрмин. Мирей и Мукки следовали за ними.

Через пять минут Жослина уложили на диван в гостиной, укрыли шерстяным одеялом. Лора, успокоившись насчет состояния мужа, взяла

Тошана за руки дружески и тепло.

— Тошан, спасибо, что вы здесь, с нами! Если бы вы знали, до какой степени ваше присутствие несет успокоение! Мне кажется, будто у меня есть старший сын, который примчался на помощь...

— О да, спасибо! — подхватил Жослин, в его глазах блеснули слезы.

— Я поступил, как мне подсказывали душа и совесть! — мягко ответил Тошан.

Он как будто хотел еще что-то добавить, но в комнату ворвались Мари и Лоранс. Они терпели, сколько могли, узнав, что дедушка плохо себя чувствует, но им не удалось усидеть на месте.

— Папа! — крикнула Мари, подбегая к отцу.

Лоранс не решалась подойти, но Эрмин ласково подозвала ее:

— Милая, иди скорее сюда!

Тошан обнял дочек, поцеловав их по очереди в лоб.

— Папа, я столько всего нарисовала после Рождества, — шепнула Лоранс. — Мама хотела отправить тебе мои рисунки, но ты можешь сейчас на них посмотреть.

— Ну да, конечно, — растроганно произнес он. — Только давай чуть позже, хорошо?

Тошан вспомнил поведение Лоранс в их доме на берегу Перибонки. Сестры-близнецы как благоразумные девочки большую часть времени проводили в играх и разговорах, но Лоранс порой оставляла эти занятия и бралась за цветные карандаши, что очень сердило пышущую энергией Мари.

— Я так счастлив, что снова с вами, мои хорошие! — нежно произнес Тошан.

По-прежнему обнимая девочек, он потрепал по щеке Мукки, который не отлипал от отца ни на секунду. При виде обожаемых им детей Тошана захлестнула волна нежности. «А если бы похитили одного из них?! — подумал он. — Я бы сошел с ума от ярости и боли!» Он переживал происшедшее с Луи так же остро, как Лора и Жослин, которым выпала эта пытка.

К нему подошла Мирей.

— Я так рада вас видеть, — любезным тоном сказала она. — Вы проделали долгое путешествие за столь короткий срок! Что вам принести: кофе, вина, чаю?

— Просто стакан воды! — ответил он с чарующей улыбкой. Ему очень нравилась экономка.

Тошан, недавно покинувший мужской мир Цитадели, был несколько

смущен роскошью обстановки, о красоте и гармонии которой он уже успел забыть. Но Мукки и близнецы забрасывали его вопросами, так что он постепенно оправился от неловкости. Эрмин не сводила с него глаз. Конечно, он сильно изменился с тех пор, как юношей с черными волосами, заплетенными в косы, появился в этом доме и был зачарован его атмосферой. Он значительно окреп, не утратив изящества. Эрмин очень нравился новый облик Тошана — в военной форме, с короткой стрижкой. Она также ощущала, что его характер переменялся. Некогда непримиримый, рубивший сплеча, Тошан теперь стал более дипломатичным.

— Папа, — спросил Мукки, — ты правда вернулся? Мне было страшно без тебя. У тебя есть оружие? А эти собаки — ты их купил?

— Нет, мне их одолжил мой друг Гамелен! Давай, оденься потеплее! Поможешь мне их распрячь и накормить.

Немного погодя Тошан, ступая пружинисто и бесшумно, вернулся. Он придерживал за плечо сына. Эрмин, погруженная в свои мысли, едва шевельнулась. Мало-помалу она осознала, что Тошан и впрямь здесь, в Валь-Жальбере.

— Дочка, — шепнула Лора, — ты могла бы нас предупредить о приезде Тошана.

— Я сама не знала, мама! Но меня тронуло до глубины души, что он сделал все, что в его силах, чтобы оказаться здесь так скоро. Явно он прибыл ночным поездом...

— Я чувствую, что вполне оправился, — заявил Жослин. — Я должен помочь зятю запретить собак, иначе они передерутся с нашими псами!

— Папа, отдохни! — запротестовала Эрмин. — Тошану совсем не трудно, он привык. А ты лучше съешь оладьи, которые принесла Мирей. Ты должен набраться сил. А потом мы вместе, без детей, все обсудим.

Все они волновались и страстно желали лишь одного — чтобы Луи вернулся как можно скорее. Это стояло на первом месте.

— Я позвонила своему банкиру в Монреаль. — Лора говорила тихо, чтобы не услышали Мари и Лоранс, болтавшие у окна. — Он посоветовал мне продать дом, принадлежавший Шарлебуа. Но такую сделку не провести за несколько часов. Мне не набрать всей суммы наличными. К счастью, я могу одолжить недостающую часть. Деньги можно будет забрать в робервальском банке в понедельник или во вторник. Мне придется ввести в курс дела управляющего Клутье.

— Но мы не знаем, как будет происходить обмен, — вздохнул Жослин. — Бедный мой Луи! Все дни вдали от нас, среди этих мерзавцев!

Эрмин испытывала противоречивые чувства — от надежды до недобрых предчувствий. Когда вернулся Тошан в сопровождении сияющего Мукки, она отправила детей играть в нянину комнату. Те нехотя повиновались.

— Это ненадолго, — сказала она. — Чуть позже мы с папой поднимемся к вам.

Экономка скрепя сердце собиралась удалиться в кухню, но Лора знаком велела ей остаться.

— Мирей, у нас нет от тебя секретов. Тошан, садитесь; ты тоже, Эрмин. Нам нужно определиться. Человек, похитивший Луи, звонил вскоре после полудня. Заверил, что с Луи хорошо обращаются. Мы хотели поговорить с мальчиком, но он отказал нам. Это чудовище. Велел нам поскорее приготовить выкуп. Пятьдесят тысяч долларов, ровно столько, сколько требовали от Линдбергов! Я как раз вспомнила об этом, когда Бетти завела речь о той трагедии. Я следила за ходом дела по газетам. Но несчастные родители ведь так и не увидели своего сына живым. Мальшу и двух лет не было! Боже, какое гнусное преступление!

Голос Лоры дрогнул. Эрмин продолжила ее рассказ, опустив лишь одну-единственную деталь. Она никому не стала рассказывать о связи Поля Трамбле и Бетти. Когда она закончила, Тошан задумчиво произнес:

— Этот человек мог легко забраться к Маруа и стащить ключи от приходской школы!

— Забраться через черный ход, что ведет во двор к хлеву, — подчеркнула Эрмин, стремясь защитить Бетти. — Тут важно другое. Мы знаем имена трех типов. Поль Трамбле, должно быть, сын Наполеона Трамбле, они живут где-то в этом районе!

— Не беспокойся, Эрмин, где бы они ни были, я их найду, — заверил Тошан. — Я для того и приехал. Гамелен одолжил мне свою упряжку, и я смогу легко перемещаться. Я знаком со многими людьми, живущими близ озера, мне будет нетрудно получить нужные сведения. Никому не позволю обижать мою семью, тем более похищать невинное дитя. Пока что не будем ничего сообщать полиции. Лора, не плачьте, я верну вам Луи! Я выезжаю завтра утром.

— Как, уже? — спросила Эрмин. — Не лучше ли дождаться понедельника; может, к тому времени мы больше узнаем о том, куда нужно доставить выкуп.

— В понедельник может быть поздно, — возразил Тошан. — Я не питаю доверия к этому Трамбле. В настоящий момент ему кажется, что он всемогущ, он чувствует себя в полной безопасности. Нужно застичь его

врасплох. Во всяком случае, ты, Мимин, поедешь со мной. Луи никогда меня не видел, и мне бы не хотелось напугать его.

Лора растерянно смотрела на зятя. Тошан казался уверенным в себе, и все же она робко возразила:

— Но как вы отыщете Луи? Мы понятия не имеем, где его могут держать!

— Я привык охотиться, я чую, где прячется дичь, умею подкрасться незаметно, — вежливо парировал Тошан.

Мирей перекрестилась, уверенность красавца Метиса с бархатными черными глазами произвела на нее впечатление. Жослин отбросил одеяло и сел.

— Тошан, я был неправ, теперь я сознаю это и от всей души прошу у вас прощения. Если вы вернете мне сына, я буду вам вечно благодарен. И надеюсь, что Луи, если Господь сохранит ему жизнь, вырастет таким же храбрым, честным и милосердным, как вы.

— Пусть он также познает цену прощения, — ответил Тошан. — Мне не чужд такой недостаток, как злопамятность, вам тоже. Прошлое есть прошлое, и оно не должно нам мешать строить светлое будущее для наших детей и тех, кого мы любим. Правда, Мимин?

Это домашнее прозвище отдалось в сознании молодой женщины ласковым эхом. Она склонилась в объятия мужа, слегка стыдясь того, что ощущает такую огромную радость в то время, как ее братишка Луи находится в руках похитителей. «Но я имею право радоваться! — подумала она. — Тошан сказал, что возьмет меня с собой. По крайней мере, я буду ощущать, что действую, борюсь за Луи. Было бы здорово его освободить, обнять и утешить...

Обсуждение, напоминавшее настоящий военный совет, продолжалось. Лора вскоре выдвинула безупречно логичный довод:

— Если вы отправитесь завтра вдвоем, мы не сможем сообщить вам, где и как похитители потребуют передать выкуп.

— Я найду почтовое отделение и позвоню вам оттуда, — ответила Эрмин. — Давайте доверимся Тошану.

— Но в каком направлении вы вначале двинетесь? — забеспокоился Жослин. — Озеро Сен-Жан большое. Как понять, куда вам следует направляться?

— Я положусь на свой инстинкт, — спокойно ответил Тошан. — Я надеюсь спасти вашего сына, кроме того, нужно остановить эту троицу. Моя мать и Киона имеют право жить спокойно.

Эрмин расстроилась, услышав горячо любимое имя из уст мужа. Ей

стоило немислимых усилий не допустить появления девочки в Валь-Жальбере, хотя ей очень ее не доставало. «Где же ты, моя светлая сестричка, моя золотая^[56]? — думала она. — Впрочем, Тала прекрасная мать, и мне не о чем беспокоиться».

Лора и Жослин согласились с планами зятя, хотя так и не поняли, на чем основана его уверенность.

— Мимин, давай поднимемся к детям, — вдруг предложил Тошан. — К тому же мне нужно переодеться.

— Конечно! — горячо поддержала Лора. — А Мирей пусть приготовит вам поест. Тошан, вы вернули мне мужество. Спасибо, спасибо от всего сердца!

Эрмин и Тошан вошли в нянину комнату. Мукки расставил на ковре армию оловянных солдатиков.

— Смотри, папа, здесь война. Деревянные кубики — это горы.

Мари протянула отцу вязаный из красной шерсти квадратик, а Лоранс — свои знаменитые рисунки.

— Папа, Шарлотта научила меня вязать, — хвасталась Мари, отталкивая сестренку, чтобы быть поближе к отцу. — Видишь, я начала вязать шарф для тебя. Лицевыми петлями!

— Неужто ты, обычно такая нетерпеливая, научилась вязать?! Поздравляю тебя, дорогая! Когда шарф будет готов, я буду его носить не снимая.

— А мои рисунки, папа?! Дедушка с бабушкой говорят, что я делаю успехи.

Тошан внимательно рассмотрел рисунки Лоранс на плотной белой бумаге. Ему понравился тот, где среди елей мчалась собачья упряжка.

— Здорово у тебя вышли животные, — отметила Эрмин. — Пейзаж Лоранс рисовала по картинке, но собак — по памяти.

— Признаю, что для шести лет это очень здорово, ты способная, Лоранс, и ты, Мари, тоже.

— Мари-Нуттах! — уточнила девочка. — Я хочу, чтобы меня звали моим индейским именем, как Мукки! А когда я вырасту, то велю, чтобы меня называли Нуттах.

— Это тебе решать, — ответил Тошан. — Но Мари-Нуттах тоже хорошо.

— У Мукки тоже есть для тебя сюрприз, — ласково сообщила Эрмин.

Обрадованный мальчик выступил вперед. Он раскрыл книгу и четко, без запинок прочел три строчки громким голосом.

— Ты умеешь читать! — восхищенно воскликнул Тошан. — Bravo,

мой сын! Сможешь пойти в школу в этом году.

— Меня мама научила. Как бы я хотел, чтобы она была моей учительницей!

Тошан постарался настроить детей на предстоящие занятия. Он провел с ними больше часа. Обещая офицеру вернуться весной в Цитадель (хотя он не был уверен в том, что их отправят в Европу), он опасался, что будет долгие месяцы разлучен со своей драгоценной семьей. Он понимал, что эти мгновения позже превратятся в дорогие воспоминания, так что пока выпитывал про запас улыбки и забавный говор ребятишек.

Эрмин с нежностью смотрела на них, подавляя нетерпеливое желание остаться с мужем наедине. Впрочем, вскоре они наконец затворились в комнате по соседству, где уже провели столько тайных ночей.

— Любовь моя, — прошептала она, — мне не хотелось устраивать спектакль перед родителями, но мне так важно ощутить, что ты совсем близко, поцеловать тебя...

Он пылко обнял ее и приник к ее нежным горячим губам. Руки его скользили вдоль ее великолепного тела, чей потаенный вкус был ему хорошо знаком.

— Да, о да! — выдохнула она. — Я хочу все забыть, хоть на несколько минут потерять голову и ни о чем не думать. Только о тебе, любовь моя. О Тошан, я так тебя люблю!

Сбросив одежду, она опустилась на кровать. Слегка удивленный такой пылкостью, Тошан тотчас покорился желанию, заполонившему каждую клеточку его существа. Вначале это был пир для зрения. Дивная нагота жены вызывала у него восторг. Без малейшей стыдливости Эрмин потянулась к нему затвердевшими сосками трепещущих грудей. Он покрыл их поцелуями, а затем погрузился в ее лоно. Они хранили молчание, упрямо предаваясь счастливой игре, которой сопутствовало смутное чувство, что они нарушают неписанные правила, занимаясь любовью среди бела дня, в доме, где царила трагическая атмосфера. Завершив стремительную страстную схватку, они не стали разнимать объятий, ошеломленные и притихшие. Первой заговорила Эрмин.

— Только бы дети ничего не слышали, — заметила она тихо.

— Все вышло так неожиданно. И потом, это ведь не грех! Нет ничего более естественного. У нас, индейцев, это вовсе не запретный сюжет.

Эрмин, погрузившаяся в сладостную истому, не ответила. Он коснулся губами ее лба.

— Я схитрил перед твоими родителями, — вдруг признался он. — На самом деле Берта, тетушка Гамелена, сама того не подозревая, снабдила

меня весьма интересными сведениями. Ей скучно, и она любит почесать языком с прочими робервальскими кумушками. Появление Поля Трамбле в городке не осталось незамеченным. Он расспрашивал мадам Ларош из галантерейной лавки о тех, кто недавно прибыл в город, но она не знала о том, что Тала поселилась на авеню Сент-Анжель. И соответственно ничего не сказала. Моей матери повезло. Я также узнал, что этот человек, похоже, довольно привлекателен внешне, он бахвалился в мясной лавке, что помолвлен с девушкой из поселка Дебьен. Завтра мы отправимся прямо туда.

— Именно там живет сын Мелани Дунэ, — сказала Эрмин. — Он сможет нам помочь... Тошан, я должна тебе кое в чем признаться, но обещаю мне хранить тайну. Это слишком серьезно.

Она шепотом рассказала ему, как Полю Трамбле удалось обольстить Бетти, явно с целью выудить у нее сведения о семье Шарден.

— Лично я, — добавила Эрмин, — уверена, что он импровизировал, пытаюсь нанести удар побольнее. Короткое замыкание накануне Рождества, которое так обеспокоило маму, и потом смерть Кьюта. Я уверена, что бедного пса отравили, и это дело рук Трамбле.

— Да, одно верно, — сказал Тошан, — он смог укрыться в приходской школе, и это дало ему полную свободу действий. Каждый раз, нанося удар, он имел возможность быстро скрыться.

Эрмин отметила про себя, что Тошан, похоже, вовсе не был шокирован поведением Бетти.

— Я очень привязана к ней, но этого я ей не прошу, — сказала она. — Такая серьезная и благочестивая женщина!

— Хорошенькая женщина и стареющий муж — ворчун, скупердяй, который не прочь приложиться к стаканчику! — поправил Тошан. — Идеальная добыча для опытного мужчины с хорошо подвешенным языком. Мимин, я объясню тебе мой замысел. Поначалу Наполеон Трамбле хотел отомстить моей матери и, вероятно, попросил Закарию Бушара помочь ему в этом деле. Это старые охотники-следопыты, закаленные и опытные. Они подожгли хижину и оставили послание. Но на этом они не успокоились, затем последовали стычки с моими родичами монтанье, одному из них, Шогану, досталось будь здоров. Поль Трамбле, который моложе этих двух придурков, был их советчиком. Мне кажется, он явно считает себя выше их, ведь он лучше образован, поскольку смог устроиться на авиабазу.

— Должна признать, что на дороге на меня точно напали какие-то мужланы, и у них был резкий акцент, — уточнила Эрмин. — И потом, какая жестокость — стрелять в Шинука! Мне показалось, что они все же

очень опасны. Не подоспей храбрый Онезим, не знаю, что бы со мной сделали... Мне было жутко страшно, Тошан!

Он крепко прижал ее к себе, покрывая беглыми поцелуями. Один пришелся в шелковистые светлые волосы, другой в нежную щеку.

— Господь тебя хранил. Твой Бог или великий дух, которому поклоняется моя мать. Если бы я узнал, что тебя изнасиловали или что ты ранена, то дезертировал бы из части и прикончил бы их, где бы они ни прятались.

Голос Тошана звучал сурово и решительно. Он явно не шутил. Эрмин вздохнула.

— Я вовсе не хочу, чтобы ты из-за меня становился убийцей, — сказала она. — Наказание — это дело правосудия. Твоим детям нужен образцовый отец. Пообещай, что не совершишь никаких необдуманных поступков, за которые тебя могли бы посадить в тюрьму. Мне тебя так недостает, уже сейчас! Ночью и днем, мне всегда хочется, чтобы ты был здесь, с нами. Я не упрекаю тебя за то, что ты пошел в армию, но совершенно точно сожалею об этом.

— Я тоже сожалею, — уступил он. — Если бы я отправился в Европу с канадскими частями, покинувшими страну в начале декабря, все было бы иначе. Но прошлым летом я понятия не имел, как все сложится, хотя знал, что надвигается война. Ты помнишь, я оставался на своей земле, чтобы обустроить наш новый дом. Ты была беременна, и я хотел приготовить уютное гнездышко для тебя и ребенка. Между тем четвертого сентября Великобритания объявила, что находится в состоянии войны с нацистской Германией, а десятого сентября ее примеру последовала Канада. Вчера вечером офицер, у которого я просил увольнительную, объяснил мне, что происходило в тот момент. В полку был период ежегодных отпусков. Так что недоставало около двухсот пятидесяти военных всех званий. И чтобы достигнуть эффективной поддержки, нужно было набрать девятьсот человек. После интенсивной строевой подготовки в Цитадели из этих солдат сформировали первый канадский дивизион в рамках Третьей бригады и отправились в Англию на борту «Аквитании»^[57].

Хотел бы я быть среди них в тот день — девятого декабря. Я бы чувствовал, что действительно полезен, что исполняю особое задание. И тогда жертва, которую я принес, расставшись с тобой и детьми, имела бы ценность. Тогда как проведенные в Квебеке недели были жестоким испытанием для моих нервов.

— Но ты мог погибнуть в Европе! — возразила Эрмин. — И я тоже — когда рожала Виктора. Тошан, я все еще оплакиваю смерть нашего ребенка,

но, если бы тебя не было рядом, я страдала бы еще больше. Теперь, раз уж так все вышло, я себя поздравляю. Мы смогли вместе отпраздновать Рождество, а сегодня ты здесь.

Тошан погладил ее по щеке. Он почувствовал облегчение, получив возможность выговориться.

— Офицер, с которым я говорил, понял мою проблему. Он ценит меня. Полагает, что на поле боя я окажусь превосходным солдатом. Именно благодаря ему я смог примчаться к тебе.

— Ты говоришь о том самом офицере, что хотел получить мою фотографию с дарственной надписью? — спросила Эрмин. — Он дал тебе увольнительную?

— Да, именно он. Но я не в увольнении, я на службе, Ми-мин. Осторожно, моя дорогая, я делюсь с тобой важной информацией, которую нужно держать в секрете^[58]. Ни слова обо всем этом ни твоим родителям, ни Мирей. Немецких пленных могут конвоировать в июле в район озера Сен-Жан. Как только река Святого Лаврентия освободится ото льда, вражеские подводные лодки смогут подобраться к нам со стороны Гаспези. Ходят слухи, что повсюду будут шнырять немецкие шпионы, чтобы собрать сведения о портах и городах по течению реки. Короче, если в ближайшие месяцы появятся пленные, мне нужно определить, в какой сфере лесного хозяйства они могли бы работать, а также предусмотреть, что для этого нужно организовать. Я считаю, что для этого офицера (к тому же думающего и симпатичного) решающую роль сыграли мои навыки охотника-следопыта.

— Итак, ты нас покинешь, — сказала изумленная Эрмин. — Что ж, я сохраню твой секрет, а ты — мой, касающийся Бетти. Кстати, если я верно поняла, тебе не нужно немедленно возвращаться в Цитадель?

Вместо ответа он пылко поцеловал ее. Впрочем, поцелуй длился недолго, в дверь постучали.

— Папа, папа! — кричал Мукки. — Идите сюда! Вернулась Мадлен.

— Мадлен? — повторила остолбеневшая от изумления Эрмин. — Вот радость! Тошан, скорее! Быть может, твоя двоюродная сестра привезла вести от Талы и Кионы.

Молодая женщина мгновенно натянула одежду: шерстяные брюки и голубой свитер. Длинные светлые волосы заструились по плечам.

— Спускайся, Мимин, я следом, — сказал Тошан. — Я рад, что окажусь не единственным представителем индейского племени.

Это была безобидная шпилька. Эрмин отметила, что в Тошане, как только он оказался вдали от гарнизона, вновь заговорил голос крови. Она

нежно улыбнулась, в который раз подумав, как ему подходит прозвище Властелин Лесов.

— Тогда не надевай форму! — посоветовала она, уходя.

На лестничной площадке она услышала настоящий концерт, в котором сливались детские крики, смех и голоса взрослых. Мари и Лоранс бурно радовались встрече с кормилицей. Также доносился громкий мужской голос. «Пьер Тибо, — узнала она. — Должно быть, он подвез Мадлен».

Эрмин была права. Посреди гостиной стоял их друг, румяный, коротко стриженный, куртка на меху перекинута через руку, в другой руке ушанка с козырьком. Он спорил с Жослином. При виде молодой женщины он расцвел в радостной улыбке, ей эта улыбка показалась неуместной.

— Эрмин! Как я рад тебя видеть! — воскликнул он. — Я объяснял твоему отцу, что этой зимой я выиграл кучу бабок, когда пересек на гусеничном автомобиле озеро Сен-Жан. Лед теперь вполне прочный.

— Добрый день, Пьер! — сдержанно ответила она, тотчас повернувшись к Мадлен. — А ты в самом деле сможешь вволю наговориться с Тошаном — он здесь!

Она решила быть сдержанной, живо вспомнив о том, как неприлично вел себя Пьер в этой самой гостиной. Он, искренне опечаленный, не сумел скрыть свои чувства.

— Наконец-то ты вернулась! — обрадованно воскликнула Эрмин. — Ну и денек! Сначала появился мой муж, а теперь ты!

Кормилица прижала к себе Мари и Лоранс. Девчушки обнимали ее в приливе нежности, которая могла бы вызвать ревность у их матери, если бы Эрмин сама не была безумно рада встрече с подругой.

— Дети, подвиньтесь чуть-чуть, я так хочу обнять Мадлен! — сказала она ворчливо.

— Моя дорогая Эрмин, — тихо ответила Мадлен. — Я добираюсь сюда с самого рассвета. Мне столько нужно тебе сказать наедине.

— Мне тоже, но Тошан может к нам присоединиться. Он теперь все знает.

— Как хорошо, что мой кузен оказался здесь, — заметила Мадлен. — Я думала, он в Квебеке...

— Я расскажу тебе, что случилось! — пробормотала Эрмин.

Заглянула Мирей — на ней был безупречно белый передник. Прибытие гостей подействовало на нее ободряюще. Лора отозвала экономку в сторону.

— Мирей, отведите поскорее детей в кухню! Я предпочитаю, чтобы Пьер ничего не знал о Луи. Приготовьте чай с печеньем. Мы с Эрмин

накроем стол.

— Да, мадам, понимаю.

Эрмин заметила их переговоры и тотчас догадалась, что взволновало мать. Не стоило предавать огласке переживаемую ими трагедию. «Разумная мера предосторожности, — подумала она. — Не стоит ничего упускать из виду, чтобы огласка не повредила Луи. Но если Пьер столкнется с Маруа на авеню Сен-Жорж, то быстро все сообразит. Боже, что делать?! Тошан тоже может заговорить с ним об этом...»

Конец ее терзаниям положил Мукки. Прежде чем последовать за Мирей, мальчуган остановился перед Пьером Тибо, которого считал лучшим другом отца.

— Папа приехал, чтобы помочь нам, — громко заявил он, — потому что Луи похитили. Вчера!

— Что?! — вскрикнул Пьер. — Это невозможно! Что за чушь ты несешь, Мукки?

— Да нет, это правда. Спроси у бабушки, она все время плачет.

Жослин поднялся с кресла. Ухватив внука за плечо, он резко осадил его.

— Ты мог бы промолчать. Нам необходимо держать язык за зубами. Пьер, прошу, никому не сообщайте то, что вы услышали. Увы, это вовсе не шутка. Речь идет о безопасности нашего сына.

— Сказано — заматано! Я в самом деле огорчен и сочувствую вам. Не буду мешать. Я хотел лишь засвидетельствовать дружеские чувства... Не беспокойтесь, мадам Лора, я буду нем как могила!

— Спасибо, — выдавила смертельно бледная Лора.

Эрмин тем временем смотрела на Мадлен. Кормилица не проявила ни малейшего удивления.

Она хранила вежливое молчание.

«Ей уже было известно, — подумала Эрмин, — иначе она бы как минимум подпрыгнула от удивления. Но кто ей сказал?»

В этот момент появился Тошан, одетый в черный свитер и вельветовые брюки. Короткая стрижка и часы с браслетом довершили преобразование, окончательно сделав его неузнаваемым для Пьера.

— Ого! — воскликнул он. — Как тебя переменяла армия! Встретясь мы на берегу Перибонки, я бы тебя не признал. Мне только что сказали, что здесь творится. Ну и дела!

Мужчины обменялись энергичным рукопожатием. Затем Тошан поздоровался с Мадлен.

— Рад тебя видеть, кузина! — ласково сказал он.

Мадлен молча кивнула, грустно улыбнувшись. Пьеру Тибо было явно не по себе. В прекрасном доме повисла тяжелая атмосфера.

— Ладно, я пошел, — сказал он. — Эрмин и вы, друзья, до новой встречи! Надеюсь, что малыш вскоре вернется в семью.

— Я провожу тебя, — вставил Тошан. — Заодно выкурю сигаретку на свежем воздухе.

Мужчины вышли, к глубокому облегчению Лоры. За последние сутки ей выпало слишком много переживаний, и нервы ее сдали.

— Пойду отдохну, — сказала она. — Простите, я что-то совсем расклеилась.

— Я пойду с тобой, дорогая, — сказал Жослин.

Эрмин проводила взглядом родителей, поддерживавших друг друга на лестнице. Она глубоко сочувствовала им, их глубокому горю.

«Мама стала похожа на тень, — подумала она. — А папа мечется между гневом и отчаянием. Боже, как бы мне хотелось поскорее вернуть им Луи!»

Кто-то осторожно тронул ее за плечо. Это была Мадлен, в ее темных глазах светилась печаль.

— Киона очень больна, — тихо произнесла она. — Но у нее было видение, она видела Луи, и это было так тяжело и страшно, что Тала отправила меня к вам.

— О нет! — переполошилась расстроенная Эрмин. — Но ведь Луи не умер? А что с Кионой? Почему судьба ополчилась против двух маленьких детей, которых я просто обожаю? И ведь они никому не причинили зла!

Молодая женщина порывисто стиснула руки Мадлен. Она ощутила, как исхудала кормилица. Ее изможденное личико утратило юное очарование.

— У меня сердце исстрадалось, так тяжело видеть, как она ослабла, — призналась она. — Я без отдыха сидела у ее кровати. Но она поправится, приходил шаман лечить ее. Есть одно условие: Тала и шаман просят тебя не призывать на помощь Киону, хоть ты и в беде. Это очень важно. Ее душа может сбиться с дороги.

Такие речи могли показаться непосвященному нелепыми или внушающими беспокойство, но Эрмин сразу поняла суть. Она более не сомневалась в странных способностях девочки.

— Я готова защищать Киону. Могу тебе в этом поклясться, Мадлен. А чтобы спасти ее, я готова душу заложить, не то что сердце. Я так ее люблю! А где находился Луи в ее видении? Говори честно, чтобы я была готова к худшему.

— Он сидел в каком-то темном холодном закутке, плакал, звал мать. Киона заверила нас, что видела его, а потом он провалился в глубокий сон. Он болен, у него лихорадка. Так что Тала решила, что у вас несчастье. Вот я и прибыла, как и Тошан...

Эрмин нежно обняла подругу. Это было единственное, что могло поддержать ее, вдохнуть в нее мужество и надежду.

— Завтра мы с мужем отправляемся на поиски Луи! Мне будет спокойнее, раз с детьми останешься ты. Они сейчас тоже очень волнуются. Ты кое-чего не знаешь. Во сне Тошан видел Киону. Он решил, что это знак, и позвонил мне из гарнизона. И едва узнав, что речь идет о похищении, он пустился в путь. Мадлен, скажи, ты помолишься за нас и за моего братика?

— Да, Эрмин. В тени лесов, среди своих, моя вера окрепла. Там у меня было озарение, я поняла, что Господь хотел сохранить меня в своем стаде, и это сильно обрадовало меня. Когда-нибудь я постригусь в монахини, но пока я нужна тебе.

— Спасибо, — сказала молодая женщина, пытаясь справиться со слезами. — Весной, если нам вернут Луи целым и невредимым и Киона выздоровеет, мы отправимся помолиться перед статуей святой Анны де Бопре. Помнишь, ты мне о ней говорила, когда я оплакивала моего маленького Виктора? Мы ведь сделаем это, Мадлен?

— Для меня это будет большой радостью. Если мы обе сможем созерцать ее лик, это будет означать, что Господь внял нашей мольбе, охранив Луи и Киону.

Из коридора бесшумно появился Тошан. Он слышал последние слова двоюродной сестры, которые таинственным образом нашли в нем отклик. Его удивила мысль о том, что жестокая участь объединила этих детей, хотя все усилия их родителей были направлены на то, чтобы разлучить их.

Однако он оставил свое мнение при себе.

— Мы теперь одни, — начал он. — Мадлен, расскажи мне все, что ты знаешь, что видела. Любая подробность может оказаться бесценной.

Они уселись у печки. Снаружи день клонился к закату над застывшим снежным пейзажем. Индианка подробно пересказала все, чему она была свидетельницей. Тошан в бессильном гневе выслушал ее. Перед его внутренним взором мелькали картины: его пес Дюк, сраженный почти наповал Закарией Бушаром; или еще более мрачная: его двоюродный брат Шоган, на которого предательски напали, раненый, он сумел благодаря силе духа и хитроумию ускользнуть от бандитов.

— Эти люди заслуживают той же участи, что и тот золотоискатель, обесчестивший мою мать! — процедил он сквозь зубы. — Знаю, что не

имею права вершить правосудие, но не смогу спокойно дышать, пока они не окажутся в тюрьме... Однако нам недостает существенного элемента. Выходит, что все эти годы они знали? Значит, кто-то рассказал им о том, какую роль сыграла Тала во всей этой грустной истории. Но кто это сделал?

Мадлен в смущении опустила голову и призналась:

— Тошан, это один из нашего племени, горячительные напитки развязали ему язык. Наполеон Трамбле годами дознавался, куда исчез его отец, Фиделиас, тот, что хотел согнать Анри Дельбо с его земель; тот самый, что напал на Талу. Похоже, Магикан кому-то похвастался, что убил Фиделиаса, и это было крайне неблагоприятно.

— Откуда тебе это известно? — удивленно спросила Эрмин.

— Знаю, потому что Закария Бушар во всеуслышание кричал об этом в тот вечер, когда прикончил Дюка. Он утверждал, что кто-то из наших соплеменников назвал ему имя виновника. А так как Магикан умер, то за покойного брата должна расплатиться Тала!

Тошан молча кивнул, погрузившись в раздумья. Он пытался сложить части головоломки. Его интересовала роль Поля Трамбле.

«Он изворотлив и жаден до наживы, — думал Тошан. — Должно быть, он был в курсе отцовских махинаций, поддержанных его сообщником Бушаром. Он, видимо, предложил отомстить иначе, более тонко и с большей выгодой!»

— О чем ты думаешь, Тошан? — спросила Эрмин. — Мне все это представляется обрывочным и лишенным смысла.

— А мне нет! — возразил он. — Это уже не просто сведение счетов, распространенное среди золотоискателей; ситуация усложнилась. Деньги изменили расклад. Поль Трамбле предоставил этой парочке сеять панику, но у него была другая цель; загрести побольше денег. И вот он похитил Луи, который сам шагнул в волчью пасть. Это мог быть Мукки, или Мари, или Лоранс. В любом случае, теперь я знаю правду. Будучи замешанными в дело о похищении ребенка, они утратили возможность оказывать на нас давление. Они уже не могут разоблачить Талу, поскольку преступили закон. Так что, когда твой братишка будет в безопасности, я сообщу об этих типах полиции.

Мадлен слушала Тошана с восхищением. Он казался ей цельной, зрелой натурой, это был человек, возмужавший благодаря жизни, полной трудностей и испытаний. Эрмин в свое время тотчас ощутила эту особенность характера мужа. За сдержанностью и замкнутостью, порой возвышенной, скрывалось инстинктивное понимание людей, которое он

сумел развить, и невероятные способности к логическим умозаключениям. Сообразительный, наблюдательный и упорный, Тошан с каждым днем привлекал ее все сильнее.

Они еще долго говорили. Мирей решила подать чай и фруктовый торт. Дети, изнывавшие в кухне, воспользовались этим и вернулись играть в гостиную.

В окна заглядывала зимняя ночь. Эрмин поднялась и задернула шторы. Она от всего сердца молилась за Луи, оторванного от семьи, и за Киону, слабый солнечный лучик, который хотела поглотить тьма.

Час спустя в дверях появились Шарлотта и Симон. Девушка, зная, что ее жених вернулся к родителям, навестила его по прибытии в Валь-Жальбер. Глубоко потрясенная несчастьем, которое обрушилось на Шарденов, она подспудно стремилась, чтобы ее утешили.

— Мама мне все рассказала, — сообщил Симон. — Я хотел предложить помощь мадам Лоре и Эрмин.

Весь недолгий путь от одного дома к другому Шарлотта прижималась к молодому человеку. Он покорно поддерживал ее, но даже не пытался поцеловать.

— Входите скорее, дети! — воскликнула Мирей. — Господи Боже, ну и денек! Здесь господин Тошан.

— Черт возьми, — шутливо выругался Симон, улыбаясь, — хоть одна хорошая новость!

Тошан тоже был рад видеть старшего сына Маруа, внушавшего ему симпатию. На самом деле они были не слишком хорошо знакомы, но их соединяла спонтанно возникшая дружба. Они пожали друг другу руки, а Эрмин тем временем обняла Шарлотту, дрожавшую от холода и эмоционального напряжения.

— Какой ужас! — со вздохом произнесла девушка. — Бедный маленький Луи! Поверить не могу. Как Лора?

— Сейчас она спит. Мой отец не отходит от нее. Они совсем извелись.

— Понимаю. А как дети? Они, должно быть, потрясены?

— Мы изо всех сил пытаемся их успокоить, и Мадлен находится с ними в няниной комнате. Шарлотта, мы провели такой странный день! Папа почувствовал себя плохо вскоре по приезду Тошана. А немного погодя прибыла Мадлен. Так что я только тебя и ждала... Как славно оказаться всем вместе! Я все твержу себе, что мы найдем Луи и скоро эта драма станет лишь жутким воспоминанием.

— Я надеюсь, Мимин. Что до меня, то я ухожу с работы. В этом ресторане мне было не по себе. И мне нужно заняться нашим будущим

домом. Если бы ты знала, как мне не терпится выйти замуж! Я так редко вижу Симона!

Шарлотта тяжело вздохнула, снимая пальто и шапочку. Эрмин это вывело из себя. Ей показалось, что Шарлотта слишком эгоистична — как можно говорить о предстоящей свадьбе в столь трагических обстоятельствах!

«Хоть бы она поскорее вышла замуж, — подумала она. — Когда она тоже станет матерью, то поймет, как важны дети!»

Но в следующий миг Шарлотта разразилась слезами, увидев сделанную прошлым летом фотографию Луи, которую Лора поместила в рамку и поставила на круглый столик.

— Бедный малыш! — со стоном выдохнула она. — О, Ми-мин, я молилась за него весь день. Отключилась от того, что творилось вокруг. Бетти рассказала мне, что похитители подсунули свое послание под ленточку на плюшевом медвежонке. Какие звери!

Эрмин раскаялась в скороспелом суждении и, взяв Шарлотту за руку, принялась успокаивать ее.

— Лолотта, дорогая, завтра мы с Тошаном двинемся в путь. Он твердо намерен отыскать Луи прежде, чем родители внесут выкуп. Я верю в него. Мама обрадуется, что ты рядом. А мне будет спокойнее, так как ты будешь с родителями. Вы с Мадлен сумеете поддержать маму.

— Когда ты назвала меня Лолоттой, я как бы вернулась в детство, когда мне было восемь лет, — заметила девушка. — Один раз можно, мне даже было приятно. Я была так счастлива рядом с вами! Чем взрослее становишься, тем сильнее страдаешь.

Высказавшись, Шарлотта с упреком посмотрела на Симона, который оживленно разговаривал с Тошаном.

Дебьен, берег озера Сен-Жан, в тот же вечер

Поль Трамбле положил свои длинные мускулистые ноги на стол и потянулся, зевая. Он притворялся спокойным и уверенным, но в душе у него назревала паника.

— Что-то ты нынче утром не так бахвалишься! — заявила Альбертина, тридцатилетняя вдовушка, бывшая его любовницей. — И с чего тебе взбрело в голову похищать этого мальчика? Предупреждаю тебя, мне неприятности ни к чему. Я уже и так хлебнула горя, неделями дожидаясь тебя...

Он с раздражением посмотрел на нее. Альбертина была довольно хорошенькой, с коротко стриженными рыжими кудряшками. Невысокая, пухленькая, живая, она надеялась поскорее вновь выйти замуж. Поль, будучи на пять лет ее старше, манипулировал ею, как и наивной Бетти. Он с утра явился на порог и потребовал, чтобы Альбертина беспрекословно выполняла все его распоряжения. Он не выключил мотор своего грузовичка, будто собирался вот-вот отбыть.

— Альбертина, ты мне нужна. Спрячь ребенка до понедельника. Я тебе объясню.

Дальнейшее заняло всего минуту. Молодая женщина, подойдя к машине, вытащила из кабины мальчика. Лица его было не разглядеть, на брови был надвинут капюшон, а подбородок скрывал шарф. По совету любовника Альбертина поместила мальчишку в нежилую комнатку, где стояла узкая металлическая кровать. Она недоуменно смотрела, как Трамбле связывает его по рукам и ногам веревкой.

Прошло несколько часов. Большую часть дня парочка провела в препирательствах. Мало-помалу Полю удалось убедить Альбертину. Она теперь была готова смириться с ситуацией, но все же не преминула укорить его.

— Когда я с тобой слюбилась, то думала, что ты порядочный и серьезный! — заявила она. — Теперь я увязла в твоих планах. Да и мальчика мне очень жаль! Он провонял и все время плачет. Надо хотя бы переодеть его.

— Помолчи, Альбертина! — оборвал ее Поль. — Уши вянут от твоего бреда! Видишь, я не в настроении? Мой отец и этот ублюдок Закария струхнули, что угодят за решетку. Они считают, что отомстили за себя, когда прикончили дряхлого пса и подожгли хижину. Тем хуже для них, хоть не понадобится делить добычу. Мы отлично заживем, когда окажемся в Соединенных Штатах. Так на что ты жалуешься?

Молодая женщина пожала плечами, продолжая помешивать томящееся на плите рагу. Поль Трамбле каждый раз не скупился на обещания, но она уже сомневалась, что он их сдержит. Альбертина двенадцать лет проработала секретарем на целлюлозно-бумажной фабрике «Сен-Реймон» и охотно покинула бы эти края. Ее семья приехала из Акадии, чтобы работать в Дебьене, поселке, расположенном у озера Сен-Жан, возле реки Метабетчуан^[59].

— Мне бы хотелось жить в Калифорнии, — мечтательно протянула она. — Я бы больше не мерзла. К тому же там можно встретить кинозвезд. Кларк Гейбл, самый красивый мужчина в мире! Ты на него малость

похож... Я тебе льщу!

Любовник не отвечал. Она пристально посмотрела на него. Трамбле курил, прикрыв глаза. Его изрядно портил насмешливый оскал. Поль с его иссиня-черными волосами, бледной кожей и пронзительным взглядом, добивался успеха у женщин, прежде всего благодаря бархатному тембру голоса, в котором сквозила чувственность. Он злоупотреблял присущим ему обаянием.

— Мы отправимся в Калифорнию, если сделаешь по-моему, — помолчав, ворчливо ответил он. — Завтра я позвоню Шарденам и укажу им, куда положить деньги. Риска никакого. Когда похищаешь ребенка, родители скорее дадут разрезать себя на куски, но не станут предупреждать полицию.

До Луи из соседней комнаты доносились невнятные отголоски разговора. После новой поездки в фургоне на протяжении дня у него все поднималась температура. За ночь, проведенную в Шамборе, малыш так настрадался от холода и страха, что разболелся. А на рассвете случилось еще одно событие, оставившее жуткий нестираемый отпечаток в его памяти. Человек, одетый в черное, тот, что разлучил его с матерью и родным домом, вел себя грубо и жестоко. «Бедный котик!» — твердил Луи, ненадолго выходя из забытья.

На рассвете Поль Трамбле вконец разругался с отцом. Закария Бушар вмешался. Крики ссорящихся звенели в морозном утреннем воздухе. Луи, проснувшись, прижал к себе изголодавшегося котенка, свернувшегося клубком под одеялом.

— Вы жалкие оборванцы! — вопил похититель. — В штаны наложили от страха! Деньги лежат у вас под носом. А вы бросаете меня после всего, что я для вас сделал. Тем хуже для вас! Выметайтесь! Отправляйтесь на ваш треклятый поезд, и чтобы я вас больше не видел!

Луи слышал раскаты голоса и звук хлопнувшей двери. Полю Трамбле предстояло в одиночку осуществить свой замысел: безрассудно затеянное похищение, которое его сообщники сочли безумием.

Разъяренный, он ворвался в комнату, где заперли Луи.

— Вставай, пора в путь! — бросил он, схватив мальчика за волосы.

Вспугнутый котенок встрепенулся и, прыгнув, впился когтями в руку Трамбле, оцарапав его.

— Откуда взялось это отродье? — выкрикнул он, резко дернув рукой.

Луи толком не понял, как именно похититель прикончил котенка. Его жалобное предсмертное мяуканье до сих пор стояло у мальчика в ушах. Луи решил, что и ему уготована та же участь. Пережитый ужас

спровоцировал лихорадку.

Когда Альбертина заглянула к нему в полдень, мальчик спал. Она не посмела будить его и унесла обратно чашку с молоком и сухарики. Вдовушка не распознала, что у малыша жар.

Она с раздраженным видом слушала уклончивые объяснения любовника.

— Самое сложное — это решить, где произвести обмен, — говорил он, качая головой. — Нужно найти удобное место, подальше от жилья. В поселке Валь-Жальбер почти никого нет, но это слишком близко к дому Шарденов. Дебьен тоже не подходит. Никто не должен заподозрить, что ты в деле.

— Я бы на твоём месте — с выкупом или без выкупа — отвезла малыша к монахам маристам в Тромп-Сури. Я тебе уже говорила о них. Они возделывают землю у озера в приходе Сен-Андре дель Эпувант. Мать мне рассказывала о тамошней катастрофе. Вода из озера хлынула в речку Метабетчуан, и потоки ила вперемешку со стволами деревьев и всякими обломками вынесло обратно в озеро Сен-Жан... Ну вот, я прекрасно понимаю, что тебе чихать на мои рассказы. Поль, ты можешь остаться здесь. Отвези ребенка к монахам, скажи, что нашел его. Я не успокоюсь. Если тебя арестуют, никто не усомнится, что я твоя сообщница!

Поль Трамбле выпрямился во весь свой рост, смерив любовницу жестким агрессивным взглядом.

— Прекрати нести вздор! Тебе нечего бояться. Я у тебя нечасто бывал; ты столько на это жаловалась. И потом, что плохого, если кузен заглянул в гости?..

— Не делай такие глаза, можно подумать, что ты хочешь меня ударить! — воскликнула Альбертина. — Я рада буду оказаться с тобой в Штатах. Мы оба там сможем работать и быть счастливы. И вполне можно обойтись без этих денег! Я вообще не понимаю, к чему ты в это впутался. Мстить хотел твой отец. Тебе вовсе не обязательно дергать за веревочки. Поль, неужто ты правда все это затеял, чтобы обеспечить мне роскошную жизнь?!

Она напрашивалась на поцелуй, но он резко оттолкнул ее.

— Ну конечно, но здесь еще замешана гордость, — признался он. — Мне было десять лет, когда пропал Фиделиас Трамбле. Шли дни, а о нем ни слуху ни духу. Мой отец с одним из братьев и с Закарией, который был вроде как его партнером, искали его несколько недель. Родственники чего только ни передумали. Бедная бабушка стерла четки, молясь, чтобы Господь вернул ей мужа. Мы впали в нужду, и становилось все хуже. Год

спустя все думали, что Фиделиас сбежал, оставив нас помирать с голоду. Я рос, и была эта тяжкая тайна и стенания бабушки. Это ведь горько, когда нет могилы, куда можно прийти. Закария считал, что Фиделиас, должно быть, утонул в Перибонке или его загрызли волки.

Поль Трамбле снова сел, бледный, с блуждающим взглядом. Налив себе стакан настойки карибу, он продолжил:

— Мой отец жил, постоянно терзаясь. Он долго пытался отыскать Фиделиаса, но его никто не видел... Год назад Закария услышал от одного индейца историю о том, что индеец монтанье по имени Магикан двадцать пять лет назад убил какого-то золотоискателя. Он почуял, что напал на след. Заставил индейца разговориться, платя за выпивку. Выяснил, что несчастного Фиделиаса прикончили и зарыли в землю без отпевания.

Альбертина впервые слышала об этом. Ошеломленная вдовушка уселась за стол напротив Трамбле.

— Так если вы знаете, кто виновен в его смерти, нужно сообщить в полицию!

— Виновник умер от туберкулеза в своей резервации. Но его сестра Тала жила на берегу Перибонки вместе с сыном, который женился на девушке из Валь-Жальбера. И не на простой девушке! На певице, известной в Квебеке, Монреале и Нью-Йорке... А ее мать владеет целым состоянием.

— Это еще не повод похищать малыша! — возразила Альбертина. — Что тут поделаешь? Есть богатые и есть бедные!

— Моя семья всегда жила в нищете, — злобно бросил он. — Я поклялся, что вытаску их оттуда. Мне удалось поступить в коллеж, но потом пришлось оставить занятия, чтобы помогать родителям. Лора Шарден — она-то не страдала во время Великой депрессии! Если бы ты видела, в каком доме они живут! Лучший дом в Валь-Жальбере, из отличного кирпича под великолепной крышей, крытой зеленым гонтом, хрустальные люстры. По вечерам — я видел, когда следил за домом, — там зажигают лампы и дом напоминает замок.

— Ну, ты преувеличиваешь! — возразила молодая женщина.

— Ни капли! Ты знаешь, как разбогатела эта Лора Шарден? Вкалывать ей не пришлось! Достаточно было выйти замуж за богатого промышленника из Монреаля, тот быстро сыграл в ящик, завещав ей все, чем владел. Альбертина, в этом скверном мире справедливостью и не пахнет! Может, это она поднесла ему бульончику в одиннадцать часов, чтобы поскорее от него избавиться. И теперь бьет баклуши, заказывая товары аж во Франции, сдается мне. Шампанское, гусиную печеньку,

роскошные платья...

В темных глазах Трамбле вспыхнул злобный огонек. Он в ярости грохнул кулаком по столу и, скрипнув зубами, добавил:

— Если она хочет получить своего парнишку, пусть раскошеливается! Сперва я хотел заставить спеть ее дочку. Таков был мой план. Пусть платит жена Дельбо, а коли нет, донесу на ее свекровь Талу, которая приложила руку к убийству Фиделиаса. Один бог знает, какова ее роль. Но удача мне улыбнулась. Шарденон мальчишка сам попался мне в руки. Я был бы идиотом, если бы не воспользовался случаем.

Альбертина молча встала. Ее беспокоила одна деталь. Поставив на стол две суповые тарелки, она задумчиво сказала:

— Во всяком случае, ты прекрасно осведомлен насчет этих людей! А как ты все это разузнал?

— Через их соседку. Нетрудно заставить кумушку развязать язык... Давай есть, что ли! Я проголодался.

Поль Трамбле и так уже слишком много наговорил. Он заронил в душу любовницы крупицу ревности. Внешне она никак не отреагировала. Когда они отобедали, Альбертина решила заняться Луи.

— Да ты приляг, Поль. Не стоит возвращать ребенка матери в таком виде: грязный, голодный. Я его выкупаю и покормлю рагу. Я несколько раз к нему заходила, просто сердце щемит, как гляну: малыш лежит связанный у меня в доме!

Подозрительный от природы, Поль помотал головой.

— Нет уж, я не пойду спать, оставив его тут с тобой! С бабами поди знай. Давай нянчись, коли это тебя позабавит. Я подожду. Кажется, я придумал, как забрать выкуп.

Окно в комнатке было плотно занавешено. Снаружи сильно подморозило. Норд-вест задувал между скал, возвышавшихся над речкой Метабетчуан. Проснувшийся Луи решил, что это свирепо воет сотня волков, готовых сожрать его. Вдруг дверь отворилась и на пороге возникла женщина.

— Не бойся, миленький, — вкрадчиво сказала Альбертина.

Мальчика успокоил ласковый голос и блики света, игравшие в рыжих кудряшках молодой женщины. Пребывая по-прежнему в сумеречном состоянии, он спросил:

— Это ты, Мимин?

— Нет, это не Мимин. А кто она?

Женщина подошла к кровати и инстинктивно прикоснулась ко лбу Луи.

— Господи Боже! Да у него жар! — воскликнула она. — Этого только не хватало. Он весь горит. Поль, иди сюда скорее!

Появился Трамбле. Склонившись, он в свою очередь прикоснулся ко лбу ребенка.

— Точно, он болен. Ухаживай за ним получше.

— Я же не доктор! — возразила она.

— Сделай так, чтобы к понедельнику он был на ногах, — бросил он, выходя из комнаты.

Альбертина пожала плечами. Она овдовела через год после свадьбы и не познала счастья материнства. Ее муж умер от туберкулеза, болезни, скосившей в тот год множество жизней. При виде этого прелестного маленького мальчика она прониклась глубоким состраданием: дыхание его было тяжелым, щеки покраснелись. Больше часа она провела, сидя у изголовья, отпаивала мальчика травяным настоем, сняла с него штанишки и грязные трусики. Она осторожно протерла его личико влажным полотенцем, освежающее прикосновение вывело Луи из забытья.

— Ты отведешь меня к маме? — дрожащим голосом спросил он.

— Я бы с радостью, ангелок! — тихо ответила она.

— Я потерял моего Ноно, — пожаловался ребенок. — А еще человек в черном убил котенка!

Он разрыдался, икая и всхлипывая.

— Не шуми! — посоветовала Альбертина, которой стало жаль его. — Увидишь ты свою маму, и Ноно тоже. Ноно — это кот?

Луи помотал головой, не в силах ответить. После того как его напоили и пожалели, мальчик погрузился в беспокойный сон. Тотчас ему приснилась Киона. Она улыбалась. Она показалась ему ангелом с сияющим золотым нимбом. «Не плачь, Луи! — сказала она. — Я с тобой!»

Затем ему привиделся чужак, высокий, с темными волосами. Сидя в санях, он управлял собачьей упряжкой. Человек этот не вызывал никаких опасений; от него даже исходило ощущение силы и доброты.

«Это мой брат Тошан, — певуче произнесла Киона. — Он отыщет тебя, Луи...»

После благотворного видения мальчик спокойно заснул. Альбертина погасила лампу и вернулась в кухню. Поль Трамбле курил, на столе справа лежал исписанный лист бумаги.

— Я нашел решение, — брюзгливо заметил он, заведя ее. — Собери чемодан, возьми только самое необходимое. В Штатах я куплю тебе новый гардероб. Завтра Шардены выложат деньги туда, куда я им укажу. А своего сыночка заберут в Приюте Фей. Если окажется, что, пытаясь добраться до

пещеры, они разбились, так что не собрать костей, тем хуже для них.

Альбертина в ужасе перекрестилась.

— Это не по-христиански! — воскликнула она. — Ты что, хочешь погубить невинного мальчика? Ты способен его прикончить, как убил кошку, которую он зовет Ноно. А как ты умудрился похитить мальчика вместе с этой зверушкой в придачу?

— Эта кошка — грязная паршивая тварь, кожа да кости, оцарапала мне руку утром в Шамборе, — уточнил Трамбле. — Альбертина, если хочешь, чтобы я женился на тебе, то изволь помогать.

Он помрачнел, так как был не слишком уверен, подействует ли этот прием. Вдовушка уже начала сомневаться, стоит ли выходить замуж за такого деспота, который к тому же оказался злоумышленником. Она вспомнила о той соседке, что так исчерпывающе проинформировала Поля. Не питая к нему особого доверия, Альбертина задумалась. Честная женщина не станет судачить с чужаком и не будет выкладывать подробности соседской жизни. Поразмыслив, вдовушка решила, что Поля с ней связывают более серьезные отношения.

Перемыв посуду, она открыла бутылку шерри. Прекрасно известно, что алкоголь развязывает язык, так что часом позже Альбертина уже знала, что соседка по имени Бетти, кудрявая блондинка, готова за Поля утопиться в озере. Трамбле при этом уточнил, что эта безмозглая баба уже в годах, и, чтобы не повредить ее репутации, он сказался ее двоюродным братом.

— Ах, так она тоже? — сухо уточнила Альбертина. — Мало того, что в моей постели завелся пройдоха кузен, так ты еще и с ней переспал?

Он ухмыльнулся, но ничего не сказал. Алкоголь, конечно, затуманил его мозги, однако не до такой степени, чтобы он начал говорить правду.

— Поль, ответь, ты спал с этой Бетти?

По-прежнему молча, он с иронией посмотрел на Альбертину, в глубине глаз горел недобрый огонек. Трамбле понял, что выдал себя и вот-вот проиграет партию.

Глава 16

Приют Фей

Валь-Жальбер, суббота, 20 января 1940 г.

Проснувшись, Эрмин тотчас увидела профиль спавшего рядом Тошана. Было так удивительно обнаружить его здесь, в ее спальне в Валь-Жальбере, что по ее губам скользнула восхищенная улыбка. Их нагие тела напомнили ей о бурно проведенной ночи.

«Мой прекрасный возлюбленный, — думала она, — я никак не могла насытиться, несмотря на усталость, ты вновь и вновь желал меня...»

Пробудившееся благочестие заставило ее устыдиться того, что она испытала такое удовольствие, в то время как ее братик угодил в беду, а родители так несчастны. «Тем хуже, зато это придаст мне сил и мужества!» Она вспомнила, что как-то призналась Тошану в том, что испытывает в такие моменты чувство вины. «Он мне ответил, что нужно жить каждой минутой, каждым часом, как будто это твоя последняя минута на земле, и что отказ от любви еще никому не приносил пользы. Что бы ни случилось, мы никогда не забудем этой ночи!»

Тошан, открыв глаза, с удивленным видом созерцал потолок спальни, плотные занавеси из розового бархата и кружевные фестоны на полках.

— Я сплю или в нашем гарнизоне решили украсить казармы? — пошутил он. — Честно говоря, Мимин, мне это так странно. Мне недостает кашля Гамелена и гама двух десятков солдат, мчащихся к умывальникам. Моя дорогая, как удобно в этой постели, на шелковых простынях! Шелковых, как твоя кожа!.. Нет, твоя кожа шелковистой!

Протянув к ней руку, он обнажил круглую теплую очаровательную грудь. Эрмин вновь натянула простыню, но потом проворно встала.

— Любовь моя, нам нужно выехать как можно раньше, — напомнила она. — Пойду приготовлю кофе и бутерброды. А ты запрягай собак. Тем временем подоспеет Симон, он тебе поможет.

Тошан кивнул в знак согласия. Мирей накануне подала ужин честь по чести. Поскольку Лора и Жослин несколько воспряли духом, к ним отчасти вернулся аппетит. В окружении играющих детей они даже начали робко улыбаться.

— Вот увидите, мадам, — заметила Мирей, подавая десерт, — скоро наш Луи, целый и невредимый, будет с нами!

Симон предложил Тошану сопровождать его. Обсудив дальнейшие действия, молодые люди решили взять две пары саней, подобрав собак в упряжку по силе и характеру.

— Даже не думайте, что я останусь здесь! — возмутилась Эрмин. — Я тоже еду с вами, как и было задумано.

— Я и не собирался отправляться без тебя, — ответил Тошан.

В этот утренний час молодая женщина была настроена решительно, как никогда. Она надела брюки и черный свитер, приготовила анорак и сапоги на меху.

— Поторопись! — бросила она, выходя из спальни.

Вопреки всем логическим доводам Эрмин чувствовала странную уверенность, что они вернутся в Валь-Жальбер с Луи. Столкнувшись в кухне с матерью, державшей чашку с остывшим чаем, она поняла, что та вряд ли разделяет эту уверенность. Об этом свидетельствовали блуждающий взгляд и заострившиеся черты Лоры.

— Мама, ты уже встала? Ты неважно выглядишь, тебе бы поспать еще, — ласково сказала Эрмин.

— Я не спала, так, чуть-чуть дремала. Эрмин, мне надо кое в чем тебе признаться. У меня в спальне припрятана изрядная сумма. Хочу, чтобы ты взяла эти деньги с собой. Люблю, чтобы деньги были под рукой. Не знаю, что собирается предпринять Тошан для освобождения Луи, но мне будет спокойнее, если у вас будет что предложить похитителям в качестве запасного варианта, если все обернется неладно. И прошу тебя, не обращайтесь в полицию. У меня дурное предчувствие: боюсь, что мне не суждено увидеть сына живым. Я думаю, если похитители поверят в наши добрые намерения, то, может быть, это сохранит ему жизнь.

На Лору, бледную, напряженную, как струна, было тяжело смотреть. Руки ее тряслись, а губы посинели. Эрмин обняла мать.

— Бедная мамочка, как ты страдаешь! Умоляю тебя, ложись на нас. Луи останется жив. Тошан ведь действует не наобум. Признаюсь, мы едем в Дебьен. Берта, тетка Гамелена, сказала, что у Поля Трамбле там есть любовница.

— Господи! — охнула Лора. — Почему твой муж скрыл от нас это? Я хочу отправиться с вами. Это не так далеко.

— Мне кажется, что Тошан именно поэтому ничего не сказал, — ответила Эрмин. — Должно быть, он опасался, что ты или папа потребуеете, чтобы мы взяли вас с собой. Но нам нужно быть тише воды, ниже травы, а

появление такой группы не пройдет незамеченным. Мама, успокойся. Тебе лучше остаться здесь. Ты рискуешь все испортить.

На лице Лоры появилось мученическое выражение.

— А если это мой единственный шанс застать Луи в живых? Услышать его последний вздох? — В голосе Лоры звучали трагические интонации.

— Не говори таких вещей! — воскликнула Эрмин. — Я уверена, что нам отдадут Луи в добром здравии.

— Хорошо, я тебе верю, — со вздохом сказала Лора, не смея больше настаивать на своем. — Я подожду, но это так нелегко! Теперь, когда на нас обрушилось такое испытание, я спрашиваю себя: как я могла расстаться с тобой? Судьба дважды вырвала у меня мое дитя! Дважды! Я не могу больше.

Она беззвучно заплакала, закрыв лицо руками. В этот миг появился Тошан. Это грустное зрелище ранило его в самое сердце.

— Лора, я сделаю все, что в моих силах, чтобы вернуть вам сына, — заявил он. — Вы верите в Бога? Тогда молитесь, как это делает Мадлен. Она сказала мне, что ночь напролет не сомкнула глаз. Мне хотелось бы надеяться, что в этом мире еще есть справедливость. Матери не должны так страдать.

На пороге кухни вырос Жослин. Услышав слова зятя, он подавил нервный всхлип. У него будто открылись глаза, он осознал благородство Тошана.

— Спасибо, сын! — непроизвольно вырвалось у него. — Тошан, я вас так назвал, потому что я бы гордился, будь я вашим отцом. Быть может, когда-нибудь вы сможете уделить мне частицу той сыновней привязанности, что вы питали к Анри Дельбо.

— Быть может... — со вздохом произнес Тошан.

Тут в кухню вошла Шарлотта в голубой ночной рубашке. Она явно не выспалась. Мирей, решив выдворить всех из своей вотчины, заявила:

— Будьте любезны, освободите кухню. Отправляйтесь в столовую. Я накрою стол для завтрака.

Это положило конец разговору. Тошан недоуменно взглянул на Жослина, а Лора, взяв за руку Шарлотту, вышла. Почти тотчас явилась Мадлен с детьми. Кормилица была в своем сером платье с белым воротничком, с косами, спускающимися на спину, — казалось, будто она и не покидала дом. Мари и Лоранс чинно стояли рядом. Мукки кинулся к матери.

— Мама, я знаю, что вы с папой отправляетесь искать Луи. Передай

ему от меня этот пакет. Здесь мои оловянные солдатики.

Взволнованная Эрмин обняла сына.

— Спасибо! — шепнула она.

Лора, не в силах усидеть на месте, вышла из гостиной. В руке у нее был любимый плюшевый мишка Луи.

— Его Ноно, — протянула она игрушку Эрмин. — Возьми, он так его любил. Может, это и глупо, но сама мысль о том, что игрушка у тебя, способна меня утешить. Хотя, видит Бог, если бы не эта плюшевая игрушка, Луи сейчас был бы с нами.

Несмотря на то, что нервы у всех были натянуты, завтрак прошел спокойно. Все было сказано накануне, поэтому за столом царило молчание. Даже дети не осмелились переговариваться.

В условленный час явился Симон, и они с Тошаном отправились запрягать собак. Эрмин охотно проводила бы их на псарню, но сочла более благоразумным остаться с родителями до самого отъезда. Озабоченная, она лихорадочно мерила шагами коридор, перекинув анорак через руку и держа наготове шарф и варежки. Телефонный звонок заставил ее подскочить. Она бросилась в кабинет и сняла трубку. Тихий женский голос, в котором сквозили замешательство и страх, скороговоркой произнес:

— Луи Шарден у меня в Дебьене. Прошу, приезжайте, он очень болен. Вы найдете его в доме за лесопилкой, на окнах розовые занавески, а под навесом колокольчик.

— Но кто вы? — спросила Эрмин.

Ответа не последовало. Связь прервалась. Тут подоспели Лора и Жослин.

— Что случилось? — спросил побледневший Жослин. — Дали указания, куда положить выкуп? В понедельник я отправлюсь и отвезу деньги, куда они пожелают.

— Папа, звонила женщина! — объяснила Эрмин. — Но она хочет помочь нам. Это просто чудо! Я знаю, где Луи. Слава тебе Господи! Какая удача!

Она не посмела сказать, что братишка болен. Тревога позвонившей женщины казалась искренней. «Трамбле, должно быть, в отлучке, иначе бы она не посмела звонить сюда! — подумала она. Но мгновение спустя забеспокоилась: — Что, если это ловушка?»

— Дорогая, поезжайте скорее! Ты говоришь, что это чудо. Я жажду увидеть свое сокровище, моего маленького Луи.

— Лора, несомненно, все будет в порядке, — заявил Жослин. — Будь мужественной. Нынче вечером наш сын будет здесь.

Молодая женщина обняла их и, не задерживаясь долее, вышла, чтобы предупредить Тошана и Симона. Четверть часа спустя упряжки выехали на местную дорогу.

Вокзал Сен-Жером, в тот же день

Никто не обратил внимания на рыжеволосую молодую женщину в сером пальто и ботинках, садившуюся в поезд, идущий в Квебек. В этот день на перроне станции Сен-Жером, рядом с поселком Дебьен, было немного народу. Альбертина Пуатвен, вдова Ганьон, с небольшим чемоданом в руках села в вагон, надеясь, что отправление поезда не задержится. На лице ее было несколько кровоподтеков. Она покидала поселок, где родилась, где всю жизнь проработали ее родители, которые, уйдя на покой, поселились близ Сент-Эдвиж.

Этой ночью все ее мечты разбились вдребезги. Поль Трамбле никогда не женится на ней, и ей хотелось бы больше никогда не встречаться с этим человеком.

«В армии нужны добровольцы, — размышляла она. — Я там пригожусь. Или устроюсь работать на военный завод в Квебеке, где производят боеприпасы».

Альбертина приняла решение. Мысль поддержать родину в трудные военные времена пришла ей еще в сентябре. Если бы не связь с Трамбле, она бы определилась еще раньше. Но теперь ее больше ничто не удерживало. Она должна забыть Дебьен и дом, куда она вошла после свадьбы и где потом умирал ее муж. Больше всего ей хотелось стереть из памяти Приют Фей, эту пещеру, угнездившуюся на крутом обрывистом берегу, куда добраться можно было лишь с риском для жизни. Некоторые смельчаки порой решались углубиться в скалистый лабиринт, но Альбертину это никогда не привлекало.

Поезд медленно, толчками двинулся с места под стук колес. Пассажирка кончиками пальцев провела по бровям, по распухшей скуле и носу. Она вздрогнула от боли. «Вот скотина! — подумала она. — Убийца!» Крупные слезы катились по ее щекам. Поль Трамбле что есть силы ударил ее по лицу. Это была ничтожная цена за мучения маленького мальчика, которого она не смогла защитить. «Я-то поправлюсь, а вот мальчик мертв», — с горечью думала она.

Альбертина порывисто достала из сумочки платок и высморкалась. В купе больше никто не подсел, и это было ей на руку. Ей совершенно не

хотелось поддерживать беседу, или чтобы глазели на ее лицо со следами побоев. Прикрыв глаза, она погрузилась в хаос недавних жутких воспоминаний. «Поль продолжал пить. И я так разозлилась! Конечно же, он спал с этой женщиной из Валь-Жальбера. В конце концов он заснул, разлегшись поперек моей кровати. А я пошла еще раз взглянуть на малыша. Боже, он бредил. Жар усилился. И вот я просто обезумела, я так громко плакала, что меня — о ужас! — услышал Поль. Скотина, грязная скотина! Я хотела бежать за доктором, но он мне помешал. Просто псих! Он едва не размозжил мне запястья. Он меня не любит и никогда не любил! Потом он принялся мучить мальчика, встряхнул его, обрызгал холодной водой бедного крошку».

Альбертина приоткрыла глаза, чтобы удостовериться, что никого нет. Она считала себя соучастницей отвратительного преступления и не удивилась бы, увидев полицейского, пришедшего ее арестовать. «Нет, теперь мне не грозит опасность. Полицейские заявятся в Дебьен, но меня там не застанут. Если понадобится, я спрячусь в семейном пансионе. У меня есть заначка. Кто знает, может, Поль способен и меня прикончить. Во всяком случае, Луи Шарден в три утра был практически мертв. Мне не удалось привести его в сознание. А Поль завернул мальчика в одеяло и ушел, навьючив его на спину, будто тюк с грязным бельем». Молодая женщина едва сдержалась, чтобы не застонать.

«В этот момент мне бы поднять на ноги соседей, но Поль угрожал мне, сказал, что если я его заложу, то он обвинит меня в том, что именно я организовала весь заговор, и я кончу дни в тюрьме, там меня и казнят. Похититель маленького Линдберга был казнен на электрическом стуле»^[60].

Спокойная жизнь Альбертины в один день превратилась в хаос, и все из-за того, что она влюбилась в человека, понятия не имея о его истинной натуре. Удрученная горем, она еще раз перебирала свои ошибки. «Убийца! — мысленно твердила она. — Поль оказался преступником. Когда он вернулся, я поняла, что имею дело с безжалостным чудовищем в человеческом облике. Он велел сварить кофе покрепче, и я повиновалась, до такой степени была напугана. Я даже не посмела спросить, где мальчик».

Полный ненависти голос любовника с его холодными интонациями еще звучал у нее в ушах.

— Альбертина, утром ты позвонишь с почты Шарденам. Велишь, чтобы они доставили деньги в понедельник вечером в хижину их соседей Маруа, где варят кленовый сироп. Женский голос должен их успокоить. Кроме того, заверь их, что малыш находится у тебя и вполне здоров, а

точное место они узнают из следующего звонка.

— Не хочу! — крикнула она в слезах. — Если они заявятся сюда с полицией, я пропала!

— Идиотка! Ты будешь уже далеко. Здесь никого не будет. Ты сразу сядешь на поезд, идущий в Квебек, и сойдешь в Ла-Бушетт. Я, получив деньги, встречу с тобой там.

Молодая женщина решила, что он лжет.

— Но, Поль, в понедельник мальчик будет мертв, — сказала она. — Боже, бедные люди!

— Он уже мертв, — возразил Трамбле. — Я спрятал тело в Приюте Фей. Они ничего не получают. Ты покинешь деревню, а я займусь деньгами.

При одном воспоминании об этой сцене Альбертину начало тошнить. Скомкав носовой платок, она дрожала всем телом.

— Это тебе лучше смыться! — выкрикнула она. — Пока тебя не было, я постучалась к Риварам и воспользовалась их телефоном. Прибудут полицейские, и я все им выложу!

Позеленевший Трамбле накинулся на нее. Он бил ее, будто сошел с ума. Она лишилась чувств и очнулась уже днем на полу в кухне. Стояла мертвая тишина.

Грузовичка снаружи не было.

Альбертина, разумеется, солгала насчет звонка. Но, считая, что она несет ответственность за смерть маленького Луи Шардена, стремилась лишь к одному: бежать как можно дальше и как можно скорее. И все же она выкроила минуту, чтобы позвонить с почты Шарденам. Но сообщить этой семье о смерти ребенка было выше ее сил. Она довольствовалась тем, что направила их в свой дом, где они узнают правду.

«Боже, прости меня и помилуй! — молилась она от всего сердца. — По крайней мере, эти бедные люди смогут найти тело малыша! Господи, сжапись надо мной. Я испуплю свою вину, обещаю!»

Она долго плакала, сама не своя от угрызений совести.

Берег озера Сен-Жан, в тот же день

Тошан остановил собак на выезде из Шамбора. Ледяной ветер задувал над озером, над которым низко нависли грозные серые тучи.

Эрмин сошла с саней и сделала несколько шагов. Следовавший за ними Симон тоже остановил собак.

— Боюсь, что ближе к вечеру разразится буря, — сказал он. — А ты

что думаешь, Тошан?

Красавец Метис оглядел окрестности, сохраняя внешнее спокойствие.

— Зимы без бури не бывает, Симон, мы уже скоро доберемся до Дебьена. Но на самом деле мне нужна короткая передышка, чтобы поразмыслить.

Эрмин дрожала от холода. Несмотря на теплую одежду превосходного качества, мороз пробирал до костей. Ей хотелось забраться в сани под одеяла и меха.

— Тошан, ты можешь подумать по дороге! — воскликнула она. — Если эта женщина сказала правду, то нужно поскорее отыскать Луи и вернуть его домой. Наверное, он такого страху натерпелся!

— Что-то слишком просто получается, — возразил Тошан.

— Но почему? — удивилась она. — Я, быть может, наивна, но я верю в эту неожиданную театральную развязку. Невеста Трамбле сжалась над Луи, видя, что он болен. Она же велела, чтобы мы поскорее приезжали, пока она днем одна. Поехали, Тошан, прошу тебя!

— Ты употребила правильный термин: театральная развязка... Я ошибся, надо было предупредить полицию.

— Но я здесь, и, если будет нужно, займусь этим, — предложил Симон. — Хотя я согласен с Эрмин: ни к чему оставаться здесь, на ветру. Собаки тоже ведут себя беспокойно.

Тошан собрал поводья и крикнул:

— Вперед, Лино, вперед!

Эрмин вполголоса молилась, прижимая к себе плюшевого мишку. Из головы не выходил Луи. Чтобы успокоиться в ожидании желанной встречи, она представляла себе, как она обнимает и целует его. Ей не терпелось поскорее преодолеть эти последние километры...

«Господи милосердный, защити его! Я буду его любить и беречь до конца своей жизни». Невольно в следующий миг она страстно воззвала к своей младшей сестре: «Киона, спаси его, помоги нам, Киона!»

У нее возникло пугающее ощущение, что она совершила какое-то святотатство. Ей вспомнились слова Мадлен. «Что я наделала?! — упрекнула себя она. — Не следовало так говорить, я потеряла голову».

Тошан, озабоченный ее состоянием, тронул ее за плечо. Ему послышалось, что она плачет.

— Не бойся, Мимин! Смотри, вон железнодорожный мост, а там ниже — это Жувена. Мы приближаемся к Дебьену^[61].

— Ты здесь уже бывал, Тошан? — спросила она, сдерживая слезы.

— Да я вокруг озера Сен-Жан знаю практически все закоулки, —

ответил он. — Когда после смерти отца я искал работу на стройке, то исколесил всю округу.

— Это в то время у тебя были длинные черные волосы и куртка с бахромой из оленьей кожи! — мечтательно сказала она.

— Мимин, да я не меняюсь — будь я в военной форме или в городском костюме. Не стоит кичиться наружностью. У этого места в устье Метабетчуана особое прошлое. В семнадцатом веке торговец открыл здесь первые почтовые станции. Индейцы жили тут с незапамятных времен. Им приходилось собираться в резервациях, когда колонисты наводнили окрестности озера Сен-Жан.

Эрмин слушала, но сердце ее беспокойно стучало. Наконец они въехали в поселок, ничем не отличавшийся от прочих, расположенных поблизости: деревянные дома, внушительное здание фабрики «Сен-Реймон», церковь, почта и станция.

— Нужно пробраться на зады лесопилки. Дом с розовыми занавесками и колокольчиком под навесом, — сказала Эрмин.

Место производило впечатление. Скалы высились над руслом полузамерзшей реки Метабетчуан, песчаные берега которой были обведены затейливым ледяным узором. Кругом стояли занесенные снегом ели. Тошан и Симон остановили свои упряжки. Эрмин вновь сошла с саней. Она быстро прошла, оглядывая окрестности.

— Нужно кого-нибудь спросить, чтобы узнать, где живут Дунэ, — они могли бы отвести нас.

— Нет надобности, — откликнулся Тошан. — Мы прибыли!

Он указал на окошко с розовыми занавесками. На ветру болтался колокольчик. Кроме громадного здания лесопилки по соседству больше ничего не было.

— Я войду первой, — сказала Эрмин едва слышно. — Поди знай, вдруг вы с Симоном напугаете эту женщину.

— Мы войдем вместе с тобой, — отрезал Тошан. — Если Трамбле подстроил ловушку, тебе не следует идти туда одной.

Симон с серьезным видом кивнул. Эрмин несколько раз постучала, потом в отчаянии налегла на дверь. Дверь отворилась, и они вошли в чистенькую кухню. В доме, похоже, было пусто, но на столе стояли чашки, а также пара стаканов и бутылка, где на дне оставалось немного шерри.

— Печка остыла, — сказал Симон, пощупав стенку. — Тута, кажется, никого нет: в такой холод люди поддерживают огонь!

Тошан присел, разглядывая что-то на полу. Это были пятна крови. Он почувствовал, будто на плечи что-то давит. Но не успел он указать на эти

пятна Эрмин, как она простонала:

— Нет! О нет, нет! Господи! Луи умер, мой бедный братик!

Симон шагнул к ней, чтобы поддержать, она качнулась под неожиданным ударом, но Тошан подскочил первым. Он нежно обнял жену.

— Читайте, читайте! — крикнула она. — Вон, клочок бумаги на буфете! «Тело ребенка находится в Приюте Фей. Простите, мне не удалось его спасти!»

Эрмин душил дикий безумный гнев. Вырвавшись из объятий мужа, она обошла вокруг стола, стуча себя в грудь.

— Мы вчера зря теряли время! — выкрикнула она сквозь рыдания. — Разве можно было доверять этим мерзавцам, подонкам, убийцам?! Признай, Тошан, это наша вина. Ведь Берта говорила, что Трамбле часто навещал девицу из Дебьена; мы могли бы прибыть сюда еще вчера вечером вместо того, чтобы ужинать, успокаивая себя разглагольствованиями. И кроме того, нужно было предупредить полицию. Я всегда знала, кто стоит за всеми нашими несчастьями. Поль Трамбле! И он победил! Луи мертв, бедное невинное дитя! Мой брат!

Она склонилась, застигнутая приступом горя, испуская хриплые стоны, шедшие из глубины ее существа.

— Бедная мама! Она не переживет! — добавила она.

— Мимин, — тихо сказал Симон, — я так вам всем сочувствую! Какое горе!

Молодой человек хотел задать вопрос, но, учитывая обстоятельства, решил воздержаться.

Тошан перечел короткое послание, оставленное Альбертиной. Хоть он никогда не видел Луи, смерть ребенка его сразила. «Это самое гнусное преступление из тех, что совершаются на свете. Но преступник заплатит за это жизнью!» — поклялся он. Он аккуратно засунул листок бумаги в карман и пошел осматривать дом.

Симон и страшно подавленная, бледная Эрмин двинулись за ним. Они осмотрели спальню хозяйки дома. Постель была не заправлена, шкаф распахнут. Все свидетельствовало о поспешном бегстве. В маленькой комнатке, примыкавшей к спальне, они обнаружили следы пребывания Луи.

— Вот его вельветовые штаны, — пробормотала молодая женщина, — и трусики. Бедняга их перепачкал, как он, должно быть, испугался!

Эрмин ощутила смутный страх. Она с невыносимой остротой почувствовала, какую моральную пытку должен был пережить ее брат, вырванный из родного дома жестоким Трамбле.

— Наверное, Трамбле хотел, чтобы мама выплакала все глаза, — дрогнувшим голосом произнесла она. — Как они его убили? Та женщина по телефону сказала, что он сильно болен. Боже, надеюсь, что он хотя бы не страдал!

Взглянув на скорбно поникшую Эрмин, Симон заплакал, он представил себе маленького мальчика, трепещущего от ужаса. Ребенок рос на его глазах.

— Я так любил своего маленького соседа, — запинаясь, проговорил он.

Тошан осмотрел прикроватную тумбочку, где стояли пустой бокал и миска с влажным полотенцем. Ему хотелось успокоить жену, но он не мог найти слов, способных ее утешить. Свершилось непоправимое. Ненависть кипела в его жилах, подогревая жажду мести, куда более сильную, чем та, что испытывали Наполеон и Поль Трамбле.

— Я знаю, где вход в пещеру, — твердо заявил он. — Я пойду искать тело Луи. Симон, останься с Эрмин.

— Ты говоришь о Приюте Фей? — спросила молодая женщина. — Я тоже пойду. Тошан, я должна, ведь я его старшая сестра. Я помогу тебе доставить его тело... Мой Луи, нужно осторожно перенести его, сказать ему, что мы его любим, хоть он нас уже не слышит.

— Но ты именно так и поступишь, дорогая! — с невыразимой нежностью ответил Тошан. — Нужно оплакать дитя, утраченную жизнь, столько обещавшую. Я буду бережен, не беспокойся, но тебе не стоит сопровождать меня. Я уже бывал в этой пещере несколько лет назад. Туда не так-то просто забраться. Очевидно, Трамбле тоже хорошо знакомо это место. Они ведь трусы, держу пари, мужчины из этой семейки спрятались там, чтобы избежать воинской повинности в четырнадцатом году.

Эрмин угрюмо посмотрела на мужа. Она едва ли понимала, о чем он говорит.

— Старый мастер, чинивший повозки, говорил мне об этой пещере, — вступил в разговор Симон. — Это хорошее укрытие. Королевские жандармы не знали, где находится Приют Фей. К тому же там куда теплее, чем в лесу.

— Пожалейте меня, замолчите! — с укором сказала Эрмин. — Луи мертв, а вы спокойно обсуждаете бог весть что. Я выйду из дома, тут отвратительно.

Тошан поймал ее за талию и неотрывно смотрел в ее темноглубые глаза.

— Прости нас, Эрмин! Я разделяю твою горе и от всего сердца

сочувствую твоим родителям, которым предстоит похоронить сына. Но не думай, что мы с Симоном болтаем о пустяках. Нет слов, чтобы описать свершившуюся трагедию, нет слов, способных принести тебе утешение. Так что, да, мы говорим об обыденных вещах, потому что это помогает сдержать яростный крик. Теперь пойдёмте!

На улице они обнаружили, что начала собираться толпа. Рабочий лесопилки видел, как они вошли к Альбертине, и поспешил предупредить соседей. Собачьи упряжки также возбудили любопытство. Старушка вопила, что это ограбление, но никто не принял это всерьёз.

— Какой идиот пойдёт на такое среди бела дня? Но где же Альбертина?

— Кто-нибудь мог бы отправиться в полицию и сказать, что преступник сбежал вместе со своей пособницей Альбертиной? — властно спросил Тошан. — Дело в том, что был похищен и убит ребенок. Я должен отправиться в Приют Фей. Тело спрятано там.

Его слова потрясли собравшихся. Тошан молча взялся за поводья. Эрмин уже села в сани. Предстояло проехать по занесенной снегом тропе вдоль реки.

— В семи километрах отсюда есть большой дом, — громко заговорила одна из женщин. — Компания «Сен-Реймон» селила там мужчин, строивших плотину на Метабетчуане. И наши там тоже были.

Эрмин промолчала, горечь случившегося поглощала ее целиком. Она подняла голову, безнадежно вглядываясь в скалы, в отвесные берега, затянутые инеем. В глубине ущелья, где громоздились каменные глыбы, рокотали бешеные водовороты Метабетчуана, настолько бурные, что даже лютые морозы их не сковали.

Симон не сразу выехал из Дебьена. Седеющий мужчина схватил его за руку.

— Вы старший сын Маруа? Узнаете меня? Я Улисс Дунэ, младший сын Мелани.

— Да, конечно, узнаю!

— А молодая дама — это Эрмин Дельбо? — спросил он. — Не может такого быть, чтобы тута помер этот ребенок! Если я могу чем-то здесь помочь, давайте я поеду с вами. Я хорошо знаю парней, которые поддерживают динамо-машину^[62]! В свое время я жил в доме над турбиной. Но что случилось на самом деле?

Симон не мог оставить вопрос без ответа. Он описал драматические события и мрачную развязку. Его слушали, боясь упустить хоть слово.

Добрых три десятка обитателей Дебьена благословили его, когда он наконец тронулся по следу, оставленному санями Тошана, под лай собак.

Эрмин услышала твяканье, но не отреагировала, ей был безразличен и ледяной ветер, и невероятно суровый пейзаж. Безумная надежда, которую она испытывала еще час назад, сменилась безмерной подавленностью. Находясь в состоянии шока, она еще не могла представить тот момент, когда ей придется сообщить жестокое известие родителям.

«Скоро я прижму к себе Луи, — думала она, — безжизненное тело моего брата».

Ей пришла в голову жуткая мысль. Быть может, Киона тоже погибла — из-за того, что она, Эрмин, призывала ее на помощь. Она начала рыдать, сраженная непереносимой болью. Вскоре сани остановились возле высокого дома, окруженного дворовыми постройками. Красный Лино, коренник, залаял. Вышел тепло одетый человек.

— Добрый день! — поздоровался он. — Мы здесь не ждали путников!

Тошан тихо объяснил ситуацию, щадя плачущую Эрмин. От реки несло холодом, и она дрожала.

— Подумайте хорошенько, господин, — сказал рабочий. — Сперва вам нужно спуститься по большой лестнице, что ведет к динамо. Тама вы увидите прочные мостки. Это галерея, обнесенная перилами. После надо пройти метров восемьсот по тропе. Сбоку в скале увидите пещеру^[63].

— Когда я там был в первый раз, мы проходили другим путем, — заметил Тошан. — Но теперь-то мы идем из Дебьена. Спасибо за советы. Может, кто-то сможет пока приютить мою жену? Напоите ее горячим чаем.

— Ладно, отведу ее к учительнице, — ответил рабочий. — Тут нас две семьи; девять ребятишек, и она всю неделю дает им уроки.

Но Эрмин и слышать об этом не захотела.

— Нет, — взмолилась она, — я с тобой!

— Прошу тебя, подожди меня здесь! Я скоро. Трамбле, должно быть, оставил тело недалеко от входа в пещеру. Ми-мин, если бы ты знала, как мне больно! Будь мужественной, держись, худшее еще впереди...

Она покорно кивнула. Тошан тотчас двинулся в путь. Рабочий плотины предложил Эрмин пойти к ним в дом погреться, но она резко отказалась. Тут подоспел Симон в сопровождении Улисса Дунэ.

— Мадам Дельбо, — сказал тот, теребя Эрмин за рукав, — приношу вам мои соболезнования по поводу вашего братика. Мне рассказали о трагедии. Если бы я мог предположить...

— Спасибо! — с трудом выговорила она.

— Но вы уверены, что тело спрятано именно в Приюте Фей? —

уточнил он.

— Да! — выдохнула Эрмин, силы которой были на исходе. — Так было написано в записке, которую мы нашли. Муж отправился туда. Нельзя, чтобы Луи оставался один в этом страшном месте.

Симон, жалея, взял ее за плечо и отвел в сторонку.

— Мужайся, Мимин! Я представляю, что ты переживаешь, но я хочу, чтобы, пока мы одни, ты мне кое-что объяснила. Я со вчерашнего дня слышу об этом Поле Трамбле. Фамилия у нас довольно распространенная, надеюсь, ошибаюсь. Мерзавец, похитивший Луи, это не тот дальний родственник моей матери? Тот, которого отец отказался пустить в дом?

Эрмин готова была проклясть всех и вся, связанное со смертью Луи, включая Бетти.

— Это именно тот самый Трамбле, — процедила она сквозь зубы. — И это был вовсе не двоюродный брат твоей матери, а ее любовник. Так что теперь ты знаешь правду!

— Ты солгала мне! — пробормотал он. — Ты это с горя... Мама и любовник!.. Мимин, ты знаешь ее лучше, чем я. Она вовсе не из тех, кто позорит себя, она не бежит за мужиками!

— Симон, мне жаль! Спроси у нее сам... О Господи, сколько ж еще ждать?! Нужно, чтобы кто-то помог Тошану. Вдруг он сорвется в реку. Всё ведь может случиться. И я потеряю и его!

Она была смертельно бледна, взгляд ее блуждал, у нее зуб на зуб не попадал. Симон не стал доносить ее новыми расспросами. К этому обвинению он вернется позже. Гораздо позже. Пока что он был в ужасе от того, что предстоит увидеть труп Луи.

Опасное восхождение близилось к завершению. Тошан уже подобрался к самому входу в пещеру — отверстие не больше метра вело в переднюю часть пещеры, куда еще проникал дневной свет. Именно здесь он предполагал обнаружить тело ребенка, но его не было. Соблюдая меры предосторожности, он двинулся по проходу, который вел внутрь пещеры.

Щелкнув зажигалкой, Тошан мысленно похвалил себя за то, что утром подлил туда бензина, и поспешил дальше. Язычок пламени давал возможность осмотреться. Мимо что-то метнулось. Он поднял голову и обнаружил летучих мышей, свисавших с каменного свода вниз головой. Их сложенные крылья образовывали черную накидку.

«Это ловушка. Трамбле направил нас по ложному следу, — пробурчал Тошан себе поднос. — Но где же в таком случае Луи?»

Внезапно он остановился и погасил накалившуюся металлическую

зажигалку. Странное дело: во тьме ему померещился слабый звук. Не теряя бдительности, он затаил дыхание и бесшумно достал из-за пояса охотничий нож.

«Что же это такое?..»

Пораженный, он насторожил уши, уверенный, что различил голоса и совсем слабый запах дыма. Мысленно он прикидывал, что бы это могло быть. Подумав, он решил, что вряд ли враги его матери воспользовались возможностью и устроили ему засаду в пещере. Стремясь понять, в чем дело, он направился дальше, стараясь передвигаться совершенно бесшумно. Глаза его уже привыкли к темноте, и слабого огонька ему было достаточно, чтобы сориентироваться.

«Я бы хотел столкнуться с Трамбле, — думал он. — Пора выяснить отношения. Один из нас не выйдет живым из пещеры!»

Теперь Тошан отчетливо различал голоса. Проход, по которому он спускался, постепенно расширился, и вскоре он очутился в небольшой полости. То, что предстало его взору, ошеломило Тошана. Двое юношей — румяных, с волосами цвета спелой пшеницы, тепло одетые, сидели отдельно, чуть поодаль на полу лежал ребенок. Свет масляной лампы позволял как следует рассмотреть все. «Может, это Луи?» — подумал Тошан. Сердце его отчаянно забилось, так как рука мальчика, прижатая к груди, шевельнулась. Но Тошан с его места мог разглядеть только прядь довольно светлых волос и округлость щеки. Если это действительно братик Эрмин, то он еще жив. Не смея поверить в чудо, Тошан тихо произнес:

— Эй! Не бойтесь. Привет, ребята!

Появление верзилы в чем-то темном потрясло сидевших в пещере.

— Вы из Королевской полиции? — невнятно спросил один из них.

— Нет-нет! — заверил Тошан, уже сообразивший, в чем дело. — А я-то гадаю, куда исчезла веревка, закрепленная у входа в пещеру! Это вы ее взяли?

— Да, мы. Она припрятана вон там...

Приют Фей с началом последней войны служил убежищем для дезертиров и тех, кто скрывался от воинской повинности. Но это Тошан понял чуть позже. Склонившись над мальчиком, он внимательно взгляделся в его лицо.

— А это ваш родственник? — спросил он. — Я разыскиваю ребенка примерно этого возраста.

— Тогда это точно он! Меня зовут Грегуар Лариве. А это мой брат Виржил. Этого малыша мы нашли нынче ночью. Мне тут не спалось, и вот часа в четыре я расслышал звук, будто кто застонал. Я перекрестился,

думал, это чья-то заблудшая душа. Разбудил Виржила, и он тоже услышал стон. Мы взяли фонарь и пошли взглянуть. Малыш лежал там, в пещере возле входа. Представляете, мы просто диву дались! Мы притащили его сюда.

Тошан мысленно вознес хвалу всем богам — и индейцев монтанье, и бледнолицых. Склонившись над Луи, он рассмотрел черты лица, рисунок бровей, изгиб губ и с умилением признал, что ребенок явно похож на Эрмин. Волосы чуть темнее, чем у нее, но вьющиеся и легкие, как у его жены. Тошан дотронулся до пылающего лба. Ребенок, казалось, был погружен в глубокий сон.

— Нужно доставить его в больницу, — решительно сказал он. — Не буду долго объяснять. Сейчас важнее оказать ему помощь.

— Дак мы об нем заботились! — воскликнул Грегуар Лариве. — Он попил карибу, и ему стало малость получше. Он даже сказал несколько слов.

— А он что, родня вам? — спросил второй тип.

— Да. Его похитили позавчера.

— Похитили? — изумился Грегуар. — Да как же Господь это попустил?

И тут произошло нечто удивительное. Луи открыл глаза и увидел Тошана. Он разглядел его золотисто-смуглое лицо и черные как смоль глаза и прошептал:

— Это ты брат Кионы?

Метиса потряс звук этого слабого голоса, произнесшего имя его младшей сестры. Тошан вряд ли смог бы объяснить, почему ему так неудержимо хочется плакать, но еще сильнее — обнять Луи.

— Да, это я, — выдохнул он. — Я тебя искал. Эрмин здесь неподалеку, возле плотины. Не бойся, я отнесу тебя туда. А потом ты увидишь родителей. Тебе больше ничего не угрожает!

Ребенок тихо кивнул, и на лице его расцвела прелестная улыбка. Виржил Лариве зарыдал в голос. Брат толкнул его локтем.

— Ничего не могу с собой поделать, — откликнулся Виржил, весь в слезах. — Мне... мне тоже так захотелось домой!

— Но что вы делаете здесь, в этой пещере? — спросил Тошан. — И где вы вообще живете?

— На ферме возле Сен-Станислас! — ответил Виржил. — Отец велел нам схорониться тут, чтобы нас не отправили на войну. Мы засели в этой пещере с первого января.

— Да вам нет никакой необходимости прятаться, призыва на службу

еще не было^[64]. Вашим родителям стоило лучше навести справки. Возвращались бы вы к себе, парни, будет больше толку. Я солдат, так что уж поверьте! Что хорошего — торчать в этой пещере? Понимаю, что провизия у вас есть, да к тому же здесь не так холодно, как снаружи, но с родительским кровом это не сравнится!

С этими словами Тошан поднял Луи, завернутого в одеяло. Братья из всех сил старались ему помочь.

— Когда мы его обнаружили, малыш был в мешке, — пояснил Грегуар. — Мне это показалось таким странным. Но здесь сквозняки и это защищало его от ветра. Вы правда думаете, что нам можно вернуться домой?

— Выждите часок и ступайте, только обойдите Дебьен стороной, там будет полно народу, — ответил Тошан. — Может ли кто-то из вас посветить мне, пока я буду двигаться к выходу?..

Луи следил за разговором, не особо вникая. Страх его прошел, ведь человека в черном здесь больше не было. Несмотря на жар и тяжелую голову, он наслаждался чувством безопасности, поэтому тихо улыбался, прикорнув на груди Тошана.

— Как, вы собираетесь спускаться с малышом на руках? — забеспокоился Виржил. — Тропа-то совсем обледенела.

— Ну, это не так страшно. Я и не на то пойду, чтобы поскорее доставить его к жене, ведь это ее брат. Спасибо, что присмотрели за малышом. И вот еще, последний совет: если есть зазноба, женитесь поскорее, тогда вас не призовут и не придется отсиживаться в этой дыре.

С этими словами Тошан двинулся к выходу. Он был готов петь от радости, думая о том, какое несказанное облегчение ощутит Эрмин, узнав, что ее брат жив. Он даже упрекнул себя за то, что потратил несколько драгоценных мгновений на треп, как выражалась Мирей.

«Мимин, любимая, не плачь, я несу тебе Луи!» — твердил он.

Эрмин застыла возле повозки, оцепеневшая, не отдававшая себе отчета, что творится вокруг. Симон обнял ее за плечи, чтобы загородить от ветра, но ему показалось, что он обнимает тело, лишённое души, воплощение страдания. Они были не одни; местные рабочие с плотины и их жены ждали вместе с ними. Учительница осталась с детьми. Зная, что произошло, она предпочла оградить детей от жуткого зрелища.

Улисс Дунэ, будто стремясь оправдать свое присутствие, с риском для жизни забрался туда, откуда вода падала на плотину, потом на деревянные мостки, покрытые тонким слоем льда. Он не сводил глаз с тропы, молясь за

покойного мальчика. Он помнил, что мать, нежная и остроумная Мелани была очень привязана к той, которую прозвали Соловьем из Валь-Жальбера.

— О Боже! — выдавил он. — Это они!

Он рванулся назад, чтобы предупредить Эрмин. Она увидела, что он вновь поднимается по длинной лестнице.

— Я вижу их, мадам! — крикнул Улисс. — Он несет ребенка!

Симон едва не выругался. Он крепче прижал к себе подругу детства. Эрмин задыхалась, ужас предстоящей встречи заставил ее содрогнуться. Неутомимый Улисс вновь вернулся на наблюдательный пункт, с ним двинулся рабочий, который встретил Тошана. Потом вдруг разнесся радостный крик, отдавшийся эхом в скалах:

— Он жив! Малыш жив!

— Ты слышала, Мимин? — надрывно крикнул Симон, трясая ее за плечи. — Луи жив! Жив! Черт побери! Как же я рад! Смотри, они уже близко.

Молодая женщина видела лишь то, что Тошан что-то несет, прижимая к груди. Она бросилась вперед, все еще не веря.

— Мимин, Луи жив! — кричал ее муж. — Твой брат — отличный парнишка!

— Луи, дорогой мой! — простонала она, подхватывая ребенка. — Ты жив! Какое чудо! Мы нашли его.

В порыве радости она с трудом выговаривала слова, бормоча, смеясь и рыдая. Она целовала Луи в лоб и щеки, прикосновение к нежной и теплой коже малыша успокоило ее. Ребенок в самом деле был жив, он с усилием вдыхал воздух воспаленным ртом.

— Луи, это я, Мимин, твоя старшая сестра! О мой дорогой!

Сцена достигла такого накала, что столпившиеся вокруг женщины тоже заплакали. Но Эрмин уже вновь встревожилась: брат не отвечал, впав в забытие.

— Нужен доктор! — воскликнула она. — Есть в Дебьене доктор?

— Нет, только санитарка, но она нынче отлучилась. Ее вызвали к роженице.

— В таком случае вам с Симоном нужно поскорее отвезти его в больницу в Роберваль, — сказал Тошан жене. — На собачьей упряжке вы быстро домчитесь. А я пойду звонить Лоре, чтобы положить конец этой пытке.

— Но ты нас догонишь потом? — спросила Эрмин.

— Чуть погодя, — бросил он. — Мне еще нужно кое-что уладить.

Мимин, наслаждайся великой радостью, а за меня не тревожься, я знаю дорогу в Валь-Жальбер.

Молодая женщина поняла, что муж собирается двинуться по следу Поля Трамбле.

— Спасибо, любовь моя, благодаря тебе Луи спасен!

Все свидетели неожиданной развязки поздравляли их. В этих краях еще долго судачили об этой странной истории. Тошан поблагодарил всех и пожал всем руки.

— Нам нужно вернуться в Дебьен, — повторил он. — Ребенок ослаб. Мы сообщим вам новости.

Потом он поцеловал Эрмин, и этот вроде бы незаметный поцелуй заставил стоящих рядом женщин улыбнуться.

Симон усадил Эрмин и ее брата в сани. Мирей дала им с собой термос со сладким чаем, и он сообразил, что хорошо бы предложить им выпить горячего.

— Я и не знала, что у нас есть чай, — сказала Эрмин. — Он теплый; я могу напоить Луи.

Она дала брату отпить глоток и вновь поцеловала его, погладив по голове.

— Просыпайся, дорогой! Это я, Мимин! Скоро ты увидишь маму с папой. А я прихватила твоего Ноно.

Знакомые звуки мягко проникли в затуманенное сознание Луи: мама, папа, Ноно. Он приоткрыл глаза и обнаружил у себя под носом плюшевого мишку. Он тотчас прижал его к себе.

— Ноно со мной. Киона предлагала мне своего, но я не мог его взять. Мама, хочу к маме...

— Да-да, мы скоро ее увидим, отдохни, милый. Ты вел себя так храбро. Теперь тебе нечего бояться. Это никогда не повторится, обещаю.

Эрмин держала Луи на коленях, а Симон старался защитить их от холода, укутывая одеялами. Он достал также две медвежьи шкуры с густым мехом.

— Но ведь это шкуры из саней Тошана, они ему нужны, — возразила она. — Тошан! — окликнула она.

— Он уже отправился, Мимин. С ним поехал Дунэ. Ты никого не замечала, кроме малыша Луи.

Это правда. Эрмин не могла наглядеться на прелестное личико брата, ловя малейшее его движение. Хотя она была бесконечно счастлива, нелегко освободиться от пережитого кошмара. Нервы ее, подвергшиеся тяжелому испытанию, совсем расхотелись. Ей не сиделось на месте, она будто

опьянела, ей хотелось то плакать, то смеяться. Кроме того, возник новый источник тревоги. «Что с Кионой? — думала она. — Луи видел ее... Может быть, во сне! Хоть бы это был сон. Если она явилась ему, это значит, что он звал ее... Что, если она умерла?! Луи вернулся к нам живым и невредимым, но Киона могла за это поплатиться. Господи, нет! Только не это!»

На въезде в Дебьен их шумно приветствовала целая толпа. Тошан, которого мэр выдвинул на передний план, сообщил замечательную новость. Всем хотелось разглядеть хрупкую фигурку Луи, которого держала Эрмин. На ее лице было исступленно-восторженное выражение.

— Мы так молились за вас, мадам, и за вашего брата! — крикнула ей какая-то девочка.

— Да, он спасен, — ответила Эрмин. — Это самый прекрасный день моей жизни! Я думала, что он умер, мне было невыносимо больно... Но он жив! Слава Тебе, Господи! И спасибо всем вам за то, что молились за нас!

Тошан никогда не видел жену в таком состоянии. Подойдя к ней, он погладил ее по щеке и робко коснулся кудряшек Луи.

— Мимин, дорогая, видишь, бывают на свете чудеса! Но поторопитесь, у него все еще держится температура...

* * *

Симон погнал собак с бешеной скоростью по дороге, огибавшей озеро Сен-Жан. Поддерживать разговор было невозможно. Эрмин попыталась успокоиться. «Нужно верить, — говорила она себе. — Раз свершилось чудо, значит все возможно. Как было бы ужасно, если бы я доставила родителям тело их сына! Мне следует радоваться и верить. Мама обретет свое сокровище — Луи, а я увижу моего ангелочка Киону. И она улыбнется мне».

По пути в Роберваль она пылко молилась за всех, кто был ей дорог. Когда сани остановились перед местной больницей, небо затянула плотная серая пелена, предвещавшая, что вечером начнется снегопад.

— Скорее! — крикнула молодая женщина Симону. — Луи весь горит! У него сильный жар!

Едва она произнесла эти слова, на каменной лестнице показалась женщина, она протягивала руки к мальчику. Это была сияющая Лора.

— Луи, мальчик мой! — позвала она. — Эрмин, как он? О Боже, как я счастлива!

Следом за Лорой подошли монахини. Тем временем Лора взяла сына

на руки и принялась нежно баюкать. По ее щекам катились крупные слезы, она их просто не замечала.

— Господи, — прошептала она. — Когда я сняла трубку и Тошан сказал мне, что вы нашли Луи, я думала, у меня от радости разорвется сердце. Я едва не упала в обморок, Жослину пришлось поддерживать меня. Наш дорогой малыш болен, но все же он с нами, он выздоровеет. Твой муж велел нам немедленно ехать в больницу. Онезим довез нас.

Их окружили монахини. Лора никому не доверила нести сына. Симон помог Эрмин встать. На нее будто столбняк напал.

— А где же папа? — тихо спросила она.

— Видимо, объясняется с властями, — предположил Симон. — Черт побери, Мимин, на тебе лица нет!

— Столько пришлось пережить за последние несколько часов! Силы у меня на исходе.

Она не осмеливалась сказать Симону о своих опасениях по поводу Кионы.

— И я немного расстроена тем, что Тошана нет рядом, — добавила она. — Он решил преследовать Трамбле. Надеюсь, он не наделает глупостей.

— Ты что, думаешь, он может убить его? — прошептал Симон. — Нет, я надеюсь, что он устроит ему хорошую взбучку перед тем, как сдать полиции. Тошан не станет устраивать самосуд. У него есть чувство чести, и он умеет владеть собой. Мимин, твой муж — он из породы победителей!

Голос молодого человека звучал так страстно, что Эрмин в конце концов улыбнулась.

— Я правда горжусь им, — признала она. — Симон, прости меня за все, что я тогда наговорила про твою мать. Я была не в себе, думала, что Луи умер. Я обещала Бетти не выдавать ее, но вышло наоборот!

— Если хочешь знать, это меня шокировало! — признался Симон. — И все же я не смею усомниться в твоих словах. Но у меня будет время подумать, пока погоняю собак. Я не осуждаю маму, ведь отец совсем не подарок...

— Этот человек очень хитер, и Бетти оказалась его жертвой. Он использовал ее. Симон, она нуждается в защите. Если Жо проведает об этом, он просто убьет ее на месте. Твоя мать достаточно настрадалась, она чувствует себя униженной, преданной и виноватой.

— Не беспокойся, если кто в нашем семействе и способен ее понять, то это я, — с горечью заметил Симон.

Эрмин не успела спросить, что он имел в виду. В дверях больницы

показался Жослин и позвал ее.

— О, вот и отец! Пойду к нему. Возвращайся в Валь-Жальбер. Мы найдем на чем вернуться. А если нет, то переночуем в гостинице.

— Ладно! Передавай привет родителям. Такое облегчение для всех нас!

Эрмин побежала к отцу. Жослин, казалось, был очень огорчен.

— Не знаю, как благодарить вас с мужем! Мне удалось поцеловать Луи, перед тем как его уложили в койку. Доктор осмотрел его. Ему дали аспирин — таблетки, которые растворяются в воде. Думаю, он скоро поправится.

— Но тогда чем ты так удручен? — удивленно спросила Эрмин.

— Увы, есть кое-что еще! — со вздохом признался Жослин. — В больнице я тотчас столкнулся с Талой, она была сильно опечалена и внезапно доверилась мне. Сегодня утром ей с помощью лесорубов удалось доставить сюда Киону. Малышка в коме. Меня пустили в палату. У меня просто сердце разрывается! Не в силах я радоваться спасению сына, когда моя дочь фактически обречена...

Эрмин, не дослушав, кинулась в приемный покой.

«Она не умерла, она еще здесь... — твердила она. — Если есть высшая справедливость, оба ребенка будут спасены!»

Монахиня показала ей, где лежит Киона.

— На втором этаже, третья дверь справа. Это небольшая палата, где лежат дети. В настоящий момент там, кроме нее, только один мальчик. Его к нам только что доставили.

— Наверное, это мой брат, — бросила Эрмин. — Спасибо большое.

Она даже не заметила, что Жослин двинулся за ней следом. Правда, отец, измученный переживаниями, поднимался по лестнице куда медленнее, держась за перила.

«Неужто Луи и Киона в самом деле одновременно очутились здесь, в одной палате? — думала она. — У Талы и мамы нет выбора, они столкнулись лицом к лицу против своей воли!»

В который раз судьба распорядилась событиями по собственному усмотрению. Ошеломленная Эрмин вошла в палату без стука. Все оказалось именно так, как она себе представляла. Лора была у изголовья сына, Тала — дочери. Они сидели спиной друг другу, склонившись к больным. Чуть помедлив, Эрмин подошла к свекрови, которая не отрывала глаз от светлого личика Кионы. Та чуть отстраненно улыбалась, будто давая всем понять, что она уже далеко от этого мира.

— Мужайся, дорогая Тала! Я с тобой всем сердцем. Но что с ней?

Мадлен предупреждала меня, однако я не думала, что все так серьезно.

— Ее призвал великий дух. — Голос Талы дрожал. — Так что я решила доверить ее бледнолицым, их медицина порой творит чудеса. Я не хочу ее потерять, понимаешь? Я просто умру!

Она заплакала навзрыд. Эрмин мягко положила руку на плечо убитой горем женщины.

— Не могу в это поверить, — возмущенно сказала Эрмин. — Тала, мы должны бороться, сделать невозможное, чтобы пробудить ее. Что сказал доктор?

— Он определил воспаление мозга. Никогда не слышала о подобной болезни...

— Та медсестра, что осматривала Луи внизу, в коридоре, сказала мне то же самое, — сказала Лора, вставая. — Словом, речь идет о сотрясении мозга. Это неудивительно после того, что перенес мой сын! Я вам очень сочувствую, Тала, но мне совсем не хочется ухаживать за сыном в вашем присутствии! При первой возможности я потребую для Луи отдельную палату. Боже, за последние дни я сотню раз была на грани смерти! Эрмин еще не успела рассказать вам о постигшем нас несчастье, но эти люди хотели отомстить вам и только вам, Тала. Они похитили Луи и, должно быть, мучили его, раз он в таком состоянии, без сознания, с высокой температурой. Он едва узнал меня. И это ваша вина! Когда-то вы решили, что можете сами вершить правосудие — и вот результат! На мою дочь напали эти мерзавцы, а сына похитили!

— Мама, говори потише, — решительно перебила ее Эрмин. — И не стыдно тебе досаждать Тале в такой момент? Кионе очень плохо. Я могу понять твой гнев, но не забывай, что Тошан исправил положение, он спас Луи, который мог умереть в той пещере в одиночестве.

— Да, конечно! — уступила Лора, опомнившись.

Бесшумно вошедший Жослин успел уловить суть этого разговора. Поникший, с осунувшимся лицом, он совсем не жаждал оказаться между двух огней — между женой и бывшей любовницей, поэтому решил положить конец этой сцене.

— Дамы, ступайте дискутировать в коридор, — сухо сказал он. — Я останусь здесь, со своими детьми. Лора, Эрмин права, тебе должно быть стыдно!

— И ты, Жослин, смеешь говорить мне такое? — парировала Лора. — «С моими детьми»! Да ты едва знаешь Киону! И вдруг заявляешь о своих правах на нее.

— Я просто сказал правду, — возразил он. — Это мои дети, моя плоть

и кровь. Взгляните на них: оба так хороши во сне!.. Дыхание жизни должно оживить Киону, я молюсь за нее. И за Луи. Лора, Господь вернул нам сына! И что толку укорять и винить Талу?! Разве ее вина, что люди с черной душой мучают невинных детей? Давно пора примириться. Вы только взгляните на них!

Женщины разом повернулись к кроваткам. Дети были разительно похожи: они лежали в одной и той же позе, сложив руки на одеяле и закрыв глаза, белизна постельного белья подчеркивала драматическую неподвижность. Выразительная деталь: и Луи, и Киону, казалось, охраняли два плюшевых мишки, прислоненные к подушке-валику.

— Простите меня, Тала, — прошептала Лора. — Вам как матери в самом деле куда тяжелее, чем мне. Я уже на грани нервного срыва, мне следовало бы избрать другой объект для нападков! Это недостойное поведение...

Индианка молча кивнула и вышла из палаты. Эрмин склонилась над девочкой. Погладила ее золотистые волосы, заплетенные в две косы.

— Ангел мой, дорогая малышка, вернись! Ты не можешь покинуть нас!

Она заплакала, страшась, что больше никогда не увидит дивной улыбки сестренки.

— Сегодня мне было так страшно, — объяснила она родителям. — Я поверила, что братик мертв. Тошан ведь объяснил тебе, мама, как было дело?

— Нет, он только сказал, что вы нашли Луи, что он очень слаб и у него жар. Велел, чтобы мы ждали вас в больнице.

— Все куда сложнее, — сказала молодая женщина. — Ступайте в коридор. Дайте мне несколько минут. Как бы то ни было, мне нужно успокоить Талу. К тому же ей ведь еще неизвестно, что Тошан вернулся.

Перед тем как уйти, Лора подошла к кровати Луи. Он спал, дыхание было ровным, по лицу было видно, что температура спадает.

— Я скоро вернусь, любовь моя! — шепнула она.

Жослин поцеловал сына, а потом прижался губами ко лбу Кионы.

— Ты моя бедняжка! — пробормотал он. — Ты столкнулась со смертью в лесу, в разгар зимы... Если бы я был истинным отцом, я мог бы помешать этому. Вернись, дитячко мое, я буду лелеять тебя, смотреть, как ты подрастаешь...

Эрмин взяла Жослина за руку. В ее взгляде сквозили нежность и понимание.

— Мы и ее спасем, — прошептала она.

Потом они, прохаживаясь по длинному коридору, обсуждали то, что произошло утром. Они заметили, как монахиня вошла в палату, где были дети.

— Они спят, невинные младенцы, — тихо сказала она, выйдя в коридор. — Господа, чтобы не потревожить других пациентов, прошу вас перейти на первый этаж в приемный покой и продолжить беседу там.

— Хорошо, сестра, — ответила Лора, раздраженная сделанным замечанием, — но давайте не будем затягивать разговор. Мне не нравится, что Луи там совсем один.

Они все же спустились на первый этаж, и Эрмин продолжила свой рассказ. Ей хотелось изгнать пережитый ужас. При описании событий, разыгравшихся в Приюте Фей, родители испытали самые разнообразные эмоции.

— Господи Боже! — восклицала Лора. — Представляю, как ты измучилась, пока ждала возвращения Тошана. Я бы не вынесла такого!

— Сволочи! — выругался отец сквозь зубы. — Просто дьявольское отродье! Оставить Луи в пещере на верную смерть! Надеюсь, что Трамбле скоро окажется за решеткой, не то я собственноручно придушу его! Мне не терпится лично поблагодарить Тошана. А тебя, о моя взрослая дочь, я просто обожаю за смелость. Ты перенесла страшное испытание, хотя все сравнительно быстро разъяснилось.

— Да уж, я не скоро позабуду этот денек, это точно, — сказала Эрмин. — Там, в Дебьене, я была просто уничтожена, а затем едва не сошла с ума от радости.

Все трое обнялись со слезами на глазах и вновь вернулись к тому, что довелось пережить.

Тем временем на втором этаже Тала медленно направилась в просторную палату, где оставила дочь. Для индейцев слово «кома» не имело смысла. Тала не знала о греческом происхождении термина, означавшего «глубокий сон». Страшно утомленная, она смирилась. Раз уж доктор бледнолицых признал, что не может вернуть Киону, раз уж шаман племени монтанье также подтвердил, что бессилен вернуть ее душу, то ее Киона, дитя света, которому было даровано таинственное предназначение, погибла.

Угнетенная этой очевидностью. Тала резко остановилась, уткнувшись лбом в переборку. Она не сможет пережить смерти Кионы, это она ощущала каждой частицей своего существа. Губы ее шептали молитву, она призывала духов своих предков и то высшее существо, что решает участь всех созданных им тварей.

Луи, открыв глаза, принялся гадать, где он оказался. Светлые стены, окна с видом на озеро, дневной свет — все это его успокоило. Значит, он больше не узник. Он с облегчением вздохнул и уселся на кровати, взяв в руки плюшевого мишку. Он баюкал своего белоснежного Ноно, и это воскресило в памяти какие-то образы, неясные воспоминания.

«Мимин держала меня на руках, лаяли собаки, я видел старшего брата Кионы; он нес меня...»

Ребенок понял, что он находится в больнице, что вот-вот появится его мать, а за ней отец и сестра. Он повернулся к двери и тут увидел стоящую рядом кроватку, где лежала девочка, которую он тотчас узнал.

— Киона, — тихо окликнул он.

Она не ответила и даже не шевельнулась. Луи осторожно поднялся, удивившись, что вообще может ходить. Он провел целых два дня в кровати, по большей части неподвижно. Теперь мальчик легко добрался до постели Кионы.

— Что с тобой? — шепнул он ей на ухо. — Ты больна? Гляди, мой Ноно со мной. Пусть твой мишка остается у тебя. Да, Киона?

Он робко дотронулся до глаз и кончика носа Дюки, а потом до безучастного лица девочки.

— Киона, меня нашел твой брат. Это было в точности как ты сказала. Я так рад! Я увижу маму и папу.

Тала в коридоре расслышала шепот. Заинтригованная, она приоткрыла дверь и увидела Луи в длинной белой рубашке. Это был очаровательный мальчик со светло-каштановыми вьющимися волосами, ясным взглядом и розовым пухлым ртом.

«Это сын Лоры и Жослина, — подумала она. — Как похож на Эрмин. Но что он делает?» Индианка тихонько наблюдала за мальчиком, не выдавая своего присутствия. Он крепко сжал руку Кионы, пощекотал ее подбородок, заставил медвежонка Дюки танцевать на груди девочки. Он твердил:

— Вставай, Киона! Это я, Луи! Мои агаты у тебя? Ты их не потеряла?.. Киона, ну почему ты спишь?

Он серьезным тоном принялся рассказывать ей о своих злоключениях. О человеке в черном, который увез его далеко от Валь-Жальбера. Рассказал, как плакал, особенно тогда, когда тот убил бедного тощего котенка.

И тогда, из этого нехитрого детского рассказа, Тала поняла, какой ужас он пережил, будучи оторванным от своих.

— А вот ты хорошая, — добавил он. — Ты приходила в мои сны.

Киона, прошу тебя, проснись!

Раздосадованный Луи заговорил громче. Тала решила, что пора вмешаться. Она вошла в палату.

— Малыш, не надо кричать. Ты должен лечь, у тебя коленки дрожат, ты едва стоишь на ногах. Твои родители ненадолго вышли, они скоро вернуться. А я мать Кионы и Тошана.

Луи с интересом посмотрел на незнакомку. Ощувив усталость, он решил подчиниться, но напоследок еще раз поцеловал девочку в щеку.

— Мадам, — воскликнул он, — смотрите, она открыла глаза!

Так оно и было. Ресницы Кионы вновь дрогнули. Наконец ее золотые зрачки уставились на Талу, потом — на Луи. Она широко улыбнулась.

— Я здесь, — просто сказала она.

— О да, ты здесь, девочка моя дорогая, — со вздохом произнесла Тала, глядя дочку по волосам. — Я так счастлива!

— И я, я тоже очень рад! — добавил Луи.

Тала растроганно посмотрела на мальчика. Она торжественно опустила руки на его хрупкие плечи.

— Спасибо тебе, Луи, — сказала она. — Я перед тобой в долгу, и я этого не забуду. Благодаря тебе Киона спасена.

Глава 17

К новой весне

Валь-Жальбер, понедельник, 29 января 1940 г.

Сидя за фортепиано, Эрмин легко касалась клавиш лишь затем, чтобы испытать удовольствие от затухающих в тишине звуков. В хорошо натопленном доме царило полное спокойствие; в зависимости от часа дня здесь витали аромат чая с бергамотом или более отчетливый запах кофе, а то и приятный дымок от жарящегося мяса.

«Все приходит в порядок, — думала она. — Если бы только сегодня объявился Тошан...» Ее муж позвонил утром в четверг из полицейского участка в Шикутими. Поль Трамбле был неуловим, но, по заявлению Лоры и Жослина, Закария Бушар и Наполеон Трамбле были арестованы.

«Остается узнать, что случилось с Альбертиной Ганьон, — припомнила Эрмин. — Почему она хотела заставить нас поверить в смерть Луи? Эта вдова, вероятно, еще одна жертва этого гнусного типа. Но если можно доверять тому, что говорит мой братишка, она была добра к нему».

Тошан очень скоро установил имя сообщницы Трамбле. Жители Дебьена охотно ему рассказали обо всем. По слухам, Альбертина была довольно смелой женщиной, которая нередко сетовала на свое вдовство.

Луи, оправившись от потрясения, рассказал на свой лад все, что с ним произошло. В присутствии всей семьи, включая Ми-рей, мальчик говорил о человеке в черном, о поездке в кабине грузовика и о двух мужчинах, чьи голоса он слышал.

— Но я не понял ничего из того, что они говорили. А потом я стал звать тебя, мамочка.

Лора вновь расплакалась, на сей раз от радости, что этот жуткий кошмар закончился. Между тем слух о том, что малыш Луи Шарден, брат Соловья из Валь-Жальбера, был похищен, докатился до Роберваля. Несмотря на мороз и снегопад, на долгий путь по железной дороге, журналисты кинулись в поселок-призрак. В газетах «Прогресс Сагений» и «Колонвэй» изложили суть дела.

Тошан в телефонном разговоре сожалел об этом. По его мнению, такие статьи могли подстрекнуть других жаждущих поживы. Жослин согласился

с зятем, имя которого отныне произносил с восторженным обожанием.

Погруженная в свои мысли, Эрмин бросила мечтательный взгляд в окно. Шел снег; над садом опустилась завеса пушистых снежных хлопьев. Ее родители отдыхали; Мадлен с детьми были в няниной комнате; Мирей гладила белье. «С той памятной субботы прошло уже девять дней! — подсчитала Эрмин. — Нам действительно стало легче. И потом, Тала снова поселилась на авеню Сент-Анжель; она больше не прячется. Клоне там нравится». Эрмин вновь и вновь переживала тот волшебный момент, когда девочка встретила ее улыбкой в больничной палате.

«Мы открыли дверь и увидели двух ангелочков, сидящих на своих койках. Тала преобразилась, она сияла от счастья. Папа многократно перекрестился, благодаря Господа за чудо. Мама сделала веселую мину. Я ее здорово отчитала. Луи остался жив, так что ей следовало малость усмирить свою ревность и присоединиться к общей радости».

Жослин Шарден произнес короткую речь, обращаясь к Кионе:

— Моя дорогая малышка, я как твой крестный надеюсь присматривать за тобой. Я хочу, чтобы ты это знала. Крестный — это почти отец.

Лора скрипнула зубами; Тала отвернулась, явно раздраженная происходящим. Если этих двух женщин что-то и объединяло, то это было страстное стремление скрыть родственную связь их детей.

«Теперь папа решил навещать Киону каждую субботу в память о том дне, когда она пришла в сознание... — подумала Эрмин. — Боже, как я хочу, чтобы поскорее наступила весна и чтобы закончилась война! Поскорее бы, поскорее!»

В этот момент в гостиную вошел ее отец. Он подошел к фортепиано и положил руки на плечи дочери.

— Дорогая, у тебя такой печальный вид! Уверен, что ты думаешь о своем муже.

— Это правда, папа, но я вовсе не печалюсь. Ничего подобного. После того как я увидела, что Луи и Киона вне опасности, я дала себе слово в будущем быть сильной. Когда все просто и обыденно, мы не сознаем своего счастья. Так что, хоть мне и не терпится увидеть Тошана, я сохраняю бодрое расположение духа. Теперь у меня одно желание — чтобы дети были счастливы под нашей опекой. О папа, помнишь, как я передала Луи пакет с оловянными солдатиками от Мукки? Он так удивился!

— Самое замечательное, что он отказался их брать, настаивал, чтобы они остались у Мукки, — с гордостью уточнил Жослин. — А теперь они вместе играют и не ссорятся, похоже, он уже все забыл.

— Скорее, это мы помогли ему все забыть. После его возвращения все лезут из кожи вон, чтобы доставить ему удовольствие. Даже я не могу удержаться, чтобы при любой возможности не расцеловать его.

Довольный, что оказался наедине с дочерью, Жослин подвинул кресло к фортепиано. Он твердо вознамерился наслаждаться повседневной жизнью рядом с близкими и любимыми.

— Папа, ты можешь помочь мне? — ласково спросила молодая женщина. — Честно говоря, я чувствую, что неправа. Я сказала сестре Аполлонии и сестре Викторianne, что готова спеть в санатории в начале этого месяца. Но мне не удалось туда поехать или хотя бы предупредить их. Надо признать, что в тот день я думала лишь об опасности, угрожавшей Тале и нашей семье. Вчера позвонила туда и пообещала дать небольшой концерт — вечером в пятницу, перед ужином. Только я не знаю, что исполнить. К тому же я с самого Рождества не занималась. Монахини оценят духовные гимны или оперные арии, но я предпочла бы спеть популярные песни, чтобы развлечь больных.

Жослин почесал подбородок с озадаченным выражением, потом рассмеялся.

— Ты лучше спроси совета у Мирей. Она даст тебе послушать пластинки мадам Болдюк. Уверен, что ты будешь иметь успех!

— Да, папа! Но я на это не пойду, и к тому же я не могу петь как она. Несчастливая, кажется, у нее рак. Но, несмотря на это, она отправилась на гастрольи^[65].

Эрмин затаила дыхание. Она боялась, что еще долго не выйдет на сцену.

— Дорогая, мы что-нибудь придумаем! — заверил отец. — И не беспокойся, у тебя такой прекрасный голос, что публика будет околдована. Теперь скажи мне, что ты думаешь о поразительном выздоровлении Кионы? Доктор очень доволен, но в то же время ошеломлен тем, как быстро она восстанавливает силы. Через два часа после появления Луи она уже хотела встать и даже спорила, будто ничего не случилось.

Молодая женщина с досадой вздохнула.

— Папа, но тебе пора бы привыкнуть, Киона необычная девочка. Тала считает, что эти ее особые способности проявились так рано благодаря нам. С самой осени драматические события, чтобы не сказать трагедии, следовали одно за другим: начало войны, смерть моего младенца, затем пожар в хижине, тревога ее матери и встреча с тобой — все это невольно подтолкнуло Киону к тому, чтобы приходить к нам на помощь, утешать нас. И опять же, по утверждению Талы, это могло убить ее.

— Господи, если это и вправду так, то как уберечь ее?! — воскликнул Жослин.

— Теперь все наладилось, и в будущем не должно возникнуть проблем, — ответила Эрмин. — Если Киона предчувствовала, что Луи что-то угрожает, она действовала соответственно. Папа, эти дети за короткий срок так много пережили вместе, что теперь они тесно связаны.

— Это я понимаю, и все же такое большая редкость! Я никак не думал, что у нас с Талой может родиться ребенок, да еще со сверхъестественными способностями. Ладно, давай переменяем тему... Смотри, что, если ты споешь «Вы проходите, меня не замечая» Жана Саблона? И уж никак не избежать «У чистого ручья», поверь...

В конце концов они составили список, и Эрмин записала все в блокнот.

— Мне кажется, что выбор отличный. Папа, я прочту все сначала: «Золотые хлеба», которая так понравилась слушателям в «*Château Roberval*», когда я дебютировала; потом «Где-то за радугой» Волшебника из страны Оз, но по-английски. Тем хуже, если сестра Аполлония скорчит недовольную гримасу! Дальше из Саблона. И еще «Голубку», такая прелестная песня! Затем я продолжу песней Люсьен Бове «Говорите мне о любви». И, по твоему совету, я спою оперные арии. Арию Мадам Баттерфляй, «Арию с колокольчиками» из «Лакме» и под конец «Странствующего канадца» и «У чистого ручья», без этого никак, по твоим словам. Что ж, начну репетировать. Сначала мне нужно послушать пару пластинок.

Дом мало-помалу оживал. Мирей приготовила полдник. Затем спустилась Мадлен с детьми, они уселись на ковер, чтобы насладиться музыкой. Лора не замедлила к ним присоединиться. Все смотрели на очаровательную молодую женщину, которая вполголоса напевала, перелистывая ноты, или играла гаммы. Длинные светлые волосы струились по спине. На ней было синее шерстяное платье, оттенявшее лазурь ее глаз.

Живая и грациозная, она была ослепительна.

— Мамочка, ты самая красивая из всех мам! — наконец заявил Мукки.

— Нет, самая красивая из всех сестер! — воскликнул Луи.

Мадлен хотела сделать им замечание, когда в парадную дверь, которую отныне экономка запирала на два оборота, постучали. Жослин пошел открывать. Он вернулся с письмом с черной каймой.

— Лора, это тебе, — сказал он без всякого выражения.

Она взяла у него конверт и отошла к окну, чтобы вскрыть его. Из чистого любопытства Эрмин взглянула на мать. Она увидела, что та

сдержала крик и стиснула зубы, чтобы не заплакать.

— Мама, что — плохие вести? — спросила она.

— В чем дело? — встревожился Жослин.

— Жослин, прости, что произношу это имя, но не могу сдержаться, — пробормотала Лора. — Ханс Цале скончался в Лондоне от пневмонии. Он записался в армию добровольцем одним из первых, и ему даже не выпало случая доказать свою доблесть. Господи, как это грустно! Нам казалось, что он вовсе не похож на солдата, правда, Эрмин? Простите, я пойду прилягу.

Лора стремительно вышла, зажав в руке конверт. Жослин последовал было за ней, но, увидев слезы на глазах Эрмин, остановился.

— Я знал его хуже, чем вы с мамой, — тихо сказал он, покачав головой. — Думаю, это был прекрасный человек.

— И превосходный музыкант! — вздохнула молодая женщина. — Я не заговаривала о нем, чтобы не раздражать тебя, папа, но как раз сегодня, сидя за фортепиано, вспоминала о нем. Под его аккомпанемент мне лучше пелось.

Эрмин замолкла, крайне взволнованная. Она ярко представила худощавую фигуру Цале с его светлыми, почти белыми волосами и близоруким взглядом из-за очков.

«Я была с ним помолвлена, собиралась выйти за него замуж, но вернулся Тошан, — вспоминала она. — И потом, Ханс с мамой прожили дружно и счастливо два года... Дорогой Ханс, какая несправедливая смерть!»

Жослин тоже представил себе пианиста. Он даже дрался с ним на перроне вокзала из-за Лоры, которую они оба любили. «Конечно, Цале был в ярости, — подумал он. — Я объявился за несколько дней до их свадьбы, и мое возвращение разрушило их прекрасные планы. Бедный парень, вечно ему не везло. Умереть от пневмонии, пойдя в армию добровольцем...»

Эрмин решила подняться в спальню к матери, ее встревожила острая реакция Лоры. Та, лежа на кровати, зашлась в рыданиях.

— Мама, мне тоже очень больно. Ханс был не только нашим другом, это был большой артист. Прошу, не плачь так, больно на тебя смотреть.

— Твой отец остался внизу? — с трудом выговорила Лора. — Он способен ревновать и к покойному. О, моя дорогая! Не могу выразить, что я чувствую. Мне казалось, что я совсем забыла Ханса, но это известие повергло меня в шок. Ему ведь не было и сорока. Несчастный! После истории с похищением я стала слишком эмоциональна. Эрмин, мы его больше никогда не увидим!.. Я любила этого человека! Это не такое сильное чувство, как то, что я испытываю по отношению к твоему отцу, но

я не могу от него отречься.

— Я знаю. Ханс играл существенную роль и в твоей и в моей жизни, — заключила молодая женщина, обнимая мать. — Если бы не война, он остался бы здесь, в Квебеке, и, наверное, не заболел бы. Надеюсь, что в следующие месяцы нам не придется оплакивать близких...

Лора поднялась с кровати, с трудом переводя дыхание. Ее саму удивляла глубина ее переживания.

— Ты имеешь в виду Тошана? — почти шепотом спросила она. — Бог не допустит, чтобы твой муж отправился за океан!

— Я молюсь об этом каждый вечер, — сказала Эрмин. — Мне бы так хотелось, чтобы теперь наша жизнь была светлой! Но я, наверное, оптимистка. Мама, успокойся и скорее спускайся в гостиную. Папа, должно быть, волнуется.

Она вышла из спальни с неприятным ощущением, что ее мать что-то от нее скрывает.

Внезапно на нее нашло затмение.

«Ничто еще не разрешено до конца, — мелькнула у нее мысль. — Поль Трамбле по-прежнему в бегах, он мог уже перебраться в Соединенные Штаты, и Тошану его не поймать. Только его сообщница Альбертина могла бы объяснить нам, что произошло на самом деле. Эта женщина сыграла свою роль, но какую? Этого мы, быть может, никогда не узнаем... А здесь все вовсе не так радостно. Бетти превратилась в собственную тень, Жозеф по-прежнему пьет. Шарлотта утратила свою веселость».

Молодой женщине вдруг показалось, что грозные тени висят над берегами озера Сен-Жан. «Можно считать, что письмо, возвестившее о кончине Ханса, было призвано напомнить мне о благоразумии. Я наслаждалась относительным покоем, но мне следует не терять бдительности, чтобы защитить близких».

Всплыло еще одно воспоминание — о поцелуе, который она подарила пианисту в этой самой гостиной. Тогда было темно, а ей хотелось выказать ему свою привязанность. «Как он был робок! И как деликатен! Боже, сколько я вынесла страданий. А мама действительно имеет право оплакивать его, ведь если бы не вернулся отец, она вышла бы замуж за Ханса».

В расстроенных чувствах она не стала возобновлять репетицию.

Замкнутый Жослин погрузился в газеты.

— Смотри, нашелся кое-кто здравомыслящий! — вдруг громко заявил он. — Во Франции полковник Шарль де Голь разослал восьмидесяти

известным политикам и военным меморандум «Явление механизированных войск» с целью предупредить об опасностях, которые наступление нацистской техники навлекает на его родину. И это только начало, я вас предупреждаю!

— Да, месье, — вежливо согласилась Мирей. — Сюда-то к нам немцы не доберутся!

— Ну, мы еще поговорим об этом, когда наступит оттепель, — ворчливо заметил Жослин. — Залив Святого Лаврентия будет просто кишеть вражескими субмаринами!

Экономка пожалала плечами, а Эрмин с волнением подумала о задании Тошана. Она с дрожью в голосе тихо воскликнула: «Где ты, любовь моя? Ради Бога, вернись!»

Лора вновь появилась в гостиной, бледная, с покрасневшими веками, и первое, что она сделала, — склонившись к мужу, поцеловала его.

— У меня просто сердце разрывается, — шепнула она мужу. — Жослин, у меня сдают нервы! В последнее время мужество мое на исходе.

С несказанным облегчением встретив эти слова, он схватил ее за руки и покрыв их поцелуями.

— Ты что, считаешь меня грубой бессердечной скотиной? — тихо спросил он. — Мне совершенно не в чем тебя упрекнуть, ведь тебе приходится мириться с моей привязанностью к ребенку от другой женщины.

Эрмин, сидевшая возле печки, услышав эти последние слова, успокоилась. Родители становятся более разумными. Чтобы оставить их наедине, она ушла к Мадлен и детям, игравшим в няниной комнате. Как всегда, она оставила на пороге все заботы и страхи. Большая комната была истинным приютом радости и невинного счастья. Лоранс, устроившись за своим столиком, старательно рисовала. Мари с сосредоточенным видом вязала, сидя на кровати. Луи и Мукки играли в шарики на шерстяном ковре теплых оттенков. Медноликая Мадлен с пылким рвением молилась, перебирая четки.

— Эрмин, ты споешь нам «Аве Мария»? — завидев ее, попросила кормилица. — В память того человека, по которому вы с матерью скорбите...

— Хорошо, Мадлен, я спою в память о Хансе. Спасибо за подсказку.

Дети бросили свои занятия, им не терпелось услышать мамино пение. И вот наконец зазвучал хрустально-чистый голос, наполненный чувством, проникающий в душу. Прижав руки к груди, с полными слез глазами молодая женщина пела, вкладывая в исполнение всю скорбь по покойному

другу, всю веру в Господа Бога и Деву Марию.

Она отдалась тому взлету духа, что придавал ее пению ошеломляющую искренность.

Когда звуки стихли, у дома раздались совсем иные голоса — яростный лай и завывания. На Валь-Жальбер обрушилась стихия.

Роберваль, авеню Сент-Анжель, в тот же вечер

Когда в дверь постучали, Тала подскочила от неожиданности. Снаружи лаяли собаки. Даже не выглядывая в окно, на котором уже задернули шторы, она поспешила открыть дверь. На пороге стоял ее сын. На нем была ушанка с козырьком, намотанный на шею шарф закрывал подбородок, но индианка тотчас узнала пронзительный взгляд черных глаз.

— Тошан! — воскликнула она. — Входи скорее.

— Нет, мне нужно загнать собак. Начался буран.

— Знаю, ветер сегодня такой сильный, что скоро будет трудно устоять на ногах. Зайди за дом, там есть сарай, где им будет хорошо.

Она едва справлялась с дрожью в голосе. Тала не видела сына с тех пор, как открылась правда о ее прошлом. Более стыдливая, чем набожная квебекская фермерша, она ощущала почти физическую боль при мысли, что Тошан мог представить, как ее насилует какой-то мужчина.

— Помоги мне, — выдохнул он. — Мама, подожди меня возле сарая, без тебя мне не справиться.

Он с трудом переводил дыхание и, спускаясь со ступенек, едва не упал. Тала встревожилась.

— Что с тобой?

— Я полностью вымотан! — крикнул он, понукая собак.

Через десять минут Тошан уже сидел в кухне у очага. Киона с плюшевым мишкой в руках с интересом наблюдала за братом.

— Здравствуй, Киона, — тихо сказал он. — Я так рад тебя видеть. Я знаю, что ты была больна, мне Эрмин сказала по телефону.

— Мне очень нравится телефон, — откликнулась девочка. — В прошлый раз я говорила с Мимин по телефону из больницы. Так странно: ты слышишь в аппарате чей-то голос, думаешь, что человек где-то рядом, а он часто находится далеко. Она была в Валь-Жальбере, а я здесь, в Робервале.

Тошан, развеселившись, улыбнулся, а потом добавил:

— Но есть люди, которые находятся в одном месте, а их видят в

другом. Например, моя маленькая сестренка. Ведь так?

— Тс-с! — Киона поднесла палец к губам, указывая на вошедшую Талу.

— Я напоила собак и дала им поесть, — сообщила индианка. Теперь могу заняться тобой. Снимай куртку и сапоги, здесь жарко.

— Мама, я лучше устроюсь в соседней комнате, если ты ничего там не трогала после Рождества.

— Все на своих местах, и матрас и постельное белье. Я затопила печку, а то там было холодно, как в погребе. Идем.

Тошан поднялся, не сдержав тихий стон. Тала поддержала его.

— Киона, веди себя хорошо, твой брат устал, — сказала она. — Поужинаем позже.

Девочка кивнула. Она устроилась возле лампы и вновь взяла книгу с картинками. Там были нарисованы животные разных стран в естественной среде. Внизу прелестными раскрашенными буквами были подписаны их названия.

— Обезьяна, леопард, буйвол, лев, — вполголоса называла она. — Зебра, слон, жираф.

Киона, зная, что мать не спешит отправлять ее в школу, научилась читать самостоятельно по старому учебнику, которым пользовалась еще Эрмин. Пока что об этом никто не знал.

Тала помогла Тошану раздеться. Побледнев, он стиснул зубы. Но когда она хотела стянуть с него шерстяную фуфайку, он жестом остановил ее.

— Мама, я ранен! Не бойся, ничего страшного.

Настояв на своем, Тала сняла с него фуфайку и обнаружила на нательной рубашке большое кровавое пятно.

— Что случилось? — растерянно спросила она. — Эрмин сказала мне, что ты разыскиваешь того человека, Поля Трамбле!

— Я нашел его. — Голос Тошана звучал сурово.

— Твой тяжелый груз на санях — это он? Сын, ты что, взялся сам вершить правосудие? Видишь, куда меня это завело? Я причинила страдания твоей жене и ее семье.

Он медлил с ответом. Сначала с явным облегчением вытянулся на матрасе.

— У меня несколько ножевых ран, нужно их продезинфицировать и перевязать! Есть у тебя бальзам, который ускоряет заживление ран? Не могу позволить себе играть в выздоровление. Завтра утром отволоку тело Трамбле в полицейский участок. Надеюсь, они поверят мне на слово. Все вышло случайно, клянусь тебе, мама. Тому свидетели души наших предков

монтанье. Я хотел, чтобы он расплатился за свои ошибки, чтобы он сгнил в тюрьме!

— Тошан, успокойся, — велела Тала. — Мне нужна горячая вода, спирт и перевязочные материалы. Не двигайся. Я тебе верю, сын.

Тала собрала все необходимое в кухне в буфете, прихватила эмалированную миску и чайник с кипятком. Киона, явно заинтригованная, следила за тем, как мать снует туда-сюда.

— Дочка, если ты голодна, положи себе рагу, — предложила индианка. — И спасибо за то, что ведешь себя разумно.

Девочка молча кивнула. За время болезни она многому научилась. Несмотря на воспаление и летаргическую неподвижность, Киона слышала все, что говорилось над ее головой, а также жалобные причитания старого шамана, молитвы Мадлен и просьбы Талы. Слишком ослабшая, чтобы перемещаться силой своего духа, она нашла прибежище в видениях, которые позволяли ей посетить особые миры. Но ее волновал один вопрос. Кто ее отец? У каждого был отец: Тошан был сыном золотоискателя Анри Дельбо, Мимин и Луи были детьми Жослина Шардена, ее крестного...

Ответ ускользал от нее, и это не давало ей покоя, так же как вездесущая смерть. Киона пыталась развить новый дар, граничащий с предвидением, в отличие от присущей ей способности непосредственно постигать различные события и факты. Девочка бесшумно выскользнула из кухни и пробежала по коридору, чтобы попасть в сарай. Собаки Гамелена спали на глинобитном полу, свернувшись клубком и прикрыв хвостами носы. Красный Лино поднял голову и рыкнул, реагируя на вторжение.

— Тс-с! Хороший пес... — шепнула Киона, собираясь погладить его.

Пес лизнул ей руки, готовый следовать за нею.

— Нет, оставайся здесь! — приказала она.

Киона вышла во двор. Стояла полярная стужа, усиленная снежной бурей, которая несла тучи, с каждым шквалом осыпавшие землю ледяными осколками. Сани уже занесло изрядным слоем снега в двух шагах от двери.

— Черный человек, который причинил зло Луи, — задумчиво сказала она, приподнимая уголок полости. Она увидела мертвенно-бледное лицо, на котором застыло упрямое выражение. Киона никогда еще не видела трупов. Она тотчас отступила и ринулась в кухню в паническом ужасе. Сердце часто колотилось. Она заплакала. «Мама запретила мне даже думать о Валь-Жальбере, не то что отправляться туда! А мне бы так хотелось поиграть с Мукки, Лоранс и Мари в няниной комнате. И с Луи!»

Она едва не сорвала с куртки украшавшие ее многочисленные амулеты. Маленькие кожаные мешочки, где лежали косточки

американского лося, волчьи зубы, перья совы — все это должно было воспрепятствовать в использовании ее возможностей, особенно дара биллокации. Именно так это называла Мадлен. Навестить тех, кто ей дорог, чтобы прийти к ним на помощь и утешить, — это и есть биллокация, пребывание одновременно в двух местах. Это слово не нравилось Кионе. А она между тем обещала Тале вести себя благоразумно.

— Тем хуже! — со вздохом произнесла она. — Я обязана слушаться маму.

У Талы в соседней комнате был другой повод для тревоги. Раны Тошана вызывали у нее опасение. Ее сын не жаловался, но все же он страдал.

— Тебе нужно отправиться в больницу! — сказала она, отталкивая его.

— Ну да, с мертвецом в санях! — иронически заметил он. — Если бы мне кто-нибудь прежде помог, то может быть. Мне следовало взять с собой Симона.

— Ты сделал ошибку, отправившись на такое дело! Но ты такой же упрямый, как твой отец, — тот считал, что справится с весенним паводком на реке, и поплатился жизнью. Сын мой, я не хочу опять плакать! Вы с Кионой — это самое лучшее, что у меня есть на этой земле.

Тошан внимательно взгляделся в надменные черты лица матери, не утратившей былой красоты. Он заметил, что в ее волосах появились седые пряди.

— Мама, почему ты лгала мне столько лет? В конце концов, это даже не ложь, но тайна, подтачивающая нас понемногу. Отец имел право знать, что случилось с тобой, он имел право защитить тебя и отомстить в случае необходимости. Фиделиас Трамбле нанес тебе тяжелейшее оскорбление, но если бы ты подала на него жалобу, это помогло бы избежать всех этих драм!

Пылая от смущения, Тала закрепила бинт на торсе сына. Она не осмеливалась смотреть ему в лицо.

— Мама, самое страшное, что ты воспитала меня в ненависти к тем, кого ты называешь бледнолицыми, — продолжил Тошан. — Ты, которая была замужем за белым человеком, а позже полюбила другого — Жослина... Я не мог понять, что ты отвергала конкретного человека! Знаешь ли ты, что в прошлый четверг я приехал сюда, в Роберваль, чтобы расспросить техников на авиабазе? Там работал Поль Трамбле, и я подумал, что смогу навести о нем справки. Меня отлично приняли, а один из летчиков угостил меня кофе. Он показал мне кёртисовские самолеты, которыми располагает база. На протяжении двенадцати лет, благодаря

прогрессу авиации, были созданы топографические карты региона, велись наблюдения за лесами. Я также узнал, что авиаторы помогали нашим соплеменникам, перевозя больных в медицинские учреждения, что помогло спасти множество жизней. Я ведь солдат, хоть и не ношу сейчас форму. Любезность и симпатия людей с авиабазы подсказали мне новый подход к делу. Кроме того, даже в Цитадели мое происхождение почти не вызывало нападок, за исключением одного придурка, обозвавшего меня полукровкой, впрочем, его я быстро поставил на место. А офицер даже позволил мне отправиться к Эрмин. Мою жену похищение Луи привело в отчаяние. Я должен был спасти положение, поскольку с самого начала метили в тебя, да и в меня тоже.

Тошан замолчал, переводя дыхание. Тала погладила его по голове.

— Как ты переменялся, сынок, — сказала она. — Мне жаль твоей прежней прически и, быть может, — твоих прежних убеждений.

— Мама, глупо так упрячиться! — резко бросил он, не на шутку рассердившись. — Ты считаешь себя жертвой, но если бы ты доверилась правосудию бледнолицых, Трамбле не пытались бы отомстить.

— Ты заблуждаешься, Тошан! — в неистовстве выкрикнула Тала. — В ту пору мы с твоим отцом были настолько оторваны от мира, что нам было не добраться в город. А я не испытывала желания рассказывать о своем позоре полицейским, которые могли обвинить меня во лжи, заподозрить, что я выдумала эту историю. Анри тоже мог усомниться в моих словах. Я боялась, что меня обвинят в том, что я заигрывала с этим мужчиной.

— Папа любил тебя, он на тебе женился. Он никогда бы не подумал ничего подобного. Хочу напомнить тебе, что ты вела достойную жизнь, ты крещеная!

Мать знаком велела ему говорить тише. С грустной улыбкой она укрыла Тошана, откинувшегося на подушки.

— Ты, должно быть, проголодался, — сказала она. — Приготовлю поесть. В любом случае, нет пути назад. Нужно думать о будущем. О твоём будущем, сынок. У тебя есть жена, которую я обожаю, мужественная, внимательная. Есть трое очаровательных детей. Отдохни.

Прекрасная индианка неслышно вышла. Обессиленный Тошан закрыл глаза. «До завтрашнего утра я должен рассказать ей все, что знаю», — подумал он.

Тала суетилась у плиты. Киона съела свою порцию рагу и уселась играть на стоявшей в углу кровати. Девочка распустила косички, и золотистые волосы заструились по худеньким плечам.

— Мама, я пойду спать, — важно сказала она. — Не буду тебе мешать.

— Хорошо, дочка, ты права, ложись пораньше. Ты уже поправилась, но все же еще не окрепла.

Киона посмотрела, как мать ставит на поднос еду, предназначенную Тошану. Она понимала, что это не самый подходящий момент, но не могла не задать волновавший ее вопрос:

— Мама, скажи, нельзя ли завтра поговорить о моем отце? Однажды ты рассказала мне, что он умер еще до моего рождения, но мне нужно знать его имя!

— Киона, он умер, — тихо ответила Тала. — И пусть он покоится с миром. Когда ты подрастешь, ты узнаешь все, что тебе следует знать.

Девочка завернулась в большое одеяло, сшитое из множества волчьих шкур. Она уложила рядом плюшевого мишку и сунула что-то под подушку. Она долго рассматривала шесть агатовых камешков, ей нравились сине-зеленые переливы. Это был подарок Луи, и Киона наделяла их волшебными свойствами. Тихо напевая, она смежила веки, шарики лежали рядом.

Тала довольно поглядывала на Тошана, доедавшего ужин. Бокал черничной настойки должен был подкрепить его силы.

— Я мечтал об укрытии и теплой постели, — устало выговорил он. — Я знал, что в материнском доме мне это будет обеспечено. Буря застигла меня на местной дороге. Я уж думал, что мне не удастся добраться до тебя.

— Ты предупредил Эрмин, что заедешь в Роберваль? — обеспокоенно спросила Тала.

— Нет, завтра предупрежу, как схожу в полицейский участок. Я хочу, чтобы она приехала сюда на несколько дней. У ее родителей я теперь чувствую себя более комфортно, мы попытались примириться... Мама, теперь выслушай меня, — твердо сказал Тошан. — Я должен сообщить тебе две новости и спешу сделать это. Первая тебя поразит. Поль Трамбле и его отец Наполеон понятия не имели, что на самом деле натворил Фиделиас — подлец, за которого они так хотели отомстить, который осмелился посягнуть тебя, ранить твою плоть и женскую гордость! Они узнали, что твой брат Магикан спустя семь или восемь месяцев убил его. Они считали, что это немотивированное преступление, и решили, что вся семья виновника должна нести за это ответственность, то есть ты, его сестра, и я, племянник. Для них это был всего лишь поступок пьяного индейца и ничего более.

Мать Тошана, возмущенно ахнув, стала ждать продолжения.

— Нынче утром, на рассвете я настиг Поля Трамбле в его укрытии. Я получил информацию от летчика с авиабазы. Он даже его

сфотографировал, что сослужило мне хорошую службу. По крайней мере, я не сомневался, что это он.

— А что тебе сказал этот летчик? — спросила мать.

— Он описал Трамбле как замкнутого, хитрого типа, доку по части женского пола. Трамбле хвастался, что работает механиком, хотя на самом деле убирал ангары. Он поступил работать на авиабазу в начале лета и расторг контракт в конце декабря. Это совпало с тем разоблачением, о котором я тебе говорил. Затем отец и сын Трамбле, а также Закария Бушар, безмозглый громила, начали свои махинации, действуя по отдельности, то есть Поль вел свою линию.

Тошан вздохнул. Он обещал Эрмин не раскрывать, какую роль в этом сыграла Элизабет Маруа.

— Ты очень устал, сынок. Давай договорим завтра утром, — предложила Тала.

— Нет, я должен закончить. Так вот, я узнал, где скрывается Трамбле, и это меня поразило. Не могу рассказать тебе о своих странствиях во всех подробностях. Я искал его грузовик, один житель Дебьена описал мне машину. Обходил таверны и хижины лесорубов. Я поступил самонадеянно, попытавшись найти его таким образом, но мне было необходимо действовать, чтобы избавиться от шока, который я испытал при мысли, что этот тип убил малыша Луи. Наконец пилот с авиабазы сообщил, что у Поля Трамбле был домишко в Шамборе между озером и станцией.

— Откуда он узнал об этом? — удивилась Тала. — Раз Трамбле замышлял недоброе, то должен был держаться скрытно.

— Видимо, поначалу ему просто нравилось дергать за веревочки, помогая отцу и Закарии Бушару. Затем он сообразил, что тут можно сорвать куш. Кстати, сам Трамбле подтвердил это, нам ведь удалось перебраться парой фраз, прежде чем мы сцепились. Этот дом в Шамборе оказался и впрямь ветхим и запущенным. Мне удалось проникнуть в пристройку, где стоял грузовик. И оттуда бесшумно высадить дощатую дверь, которая вела в комнату, где, похоже, содержали Луи, — холодная смрадная конура. На полу там валялась дохлая кошка, а постель пропахла мочой. Сам Трамбле спокойно спал в другой комнате, не тревожась, что его обнаружат. Его ждало скверное пробуждение: я приставил ему нож к горлу и сообщил, что его папаша и Закария Бушар арестованы и уже выложили, что похищение затеял именно он.

— Тошан, тебе следовало отправиться в Шамбор с полицейскими, — с сожалением заметила Тала. — Что ты мог сделать в одиночку?

— Ты права, тут я действительно допустил серьезную ошибку, —

признал он. — Но мне не терпелось взглянуть на него и заставить его развязать язык. Если бы не моя расторопность, Трамбле не смог бы ответить за свои поступки. Но, поверь, я не хотел его смерти. Только все пошло наперекосяк. Несмотря на нож, приставленный к горлу, он вел себя вызывающе. Я почувствовал в нем страшную ненависть и презрение. Он оскорбил меня и обозвал ублюдком, чтобы разозлить. Я не поддался, но, так как он утверждал, что это законная месть, ведь индеец убил невинного золотоискателя, я открыл ему, что предшествовало этому. Я рассказал, что сотворил с тобой их многоуважаемый Фиделиас и как он тебе угрожал. Тамбле заорал, что это невозможно, что его дед никогда в жизни не мог бы никого изнасиловать, потому что белые люди осуждают насилие, а Фиделиас был набожным и никогда не изменял своей супруге. И тут я отбросил нож и, схватив его за воротник рубашки, рывком поставил на ноги. В ярости я врезал ему. Он нанес мне ответный удар. Силы были равны, и мы оба были вне себя. В такой ситуации все разворачивается мгновенно и непредсказуемо. Он дал мне в ухо, а потом, воспользовавшись тем, что я отступил, подобрал нож и трижды ударил меня. Несмотря на боль, я собрал силы и оттолкнул его. Он наткнулся на табурет, рухнул навзничь, с размаху ударившись затылком о каменный выступ печки, и тотчас испустил дух. Я попытался привести его в чувство, но ничего не вышло, а потом сам потерял сознание. Когда я пришел в себя, то почувствовал, что не могу встать. Только через несколько часов мне удалось подняться на ноги. Нахлынула странная слабость. Наконец я смог выйти из хибары, добраться до саней, которые оставил подальше от дома. Собаки ухом не повели, это хорошо обученные и спокойные псы. Я доволол тело, погрузил в сани, прикрыл одеялом и тронулся в путь.

В ужасе от услышанного, Тала покачала головой. Протянув руку, она дотронулась до лба сына.

— Ты потратил много сил, выслеживая целую неделю этого человека, — сказала она задумчиво. — Уверена, что все эти дни ты недосыпал и питался кое-как. Тошан, ты тоже мог погибнуть, а Трамбле преспокойно избавился бы от трупа. И мы с Эрмин так бы и не узнали, что с тобой произошло. Хвала Великому духу, он спас тебя. Уверена, что в полиции поверят твоему рассказу и тебе не о чем беспокоиться. Но почему он укрылся так близко от Дебьена, от Приюта Фей, где бросил Луи? Это было опасно, ведь летчик знал про эту хибару.

— Не знаю, что ответить, мама, думаю, здесь кроется какая-то хитрость, ведь дичь, которую преследуют, часто решает, что убегать от охотника гораздо опаснее, чем вернуться назад по своим следам и

угнездиться там, где никому не придет в голову ее искать. Я-то думал, что он давно уже где-нибудь в Штатах, в Вермонте, ведь до границы можно добраться за три дня. Его ошибка заключалась в том, что он слишком много болтал перед тем, как похитить Луи и потребовать за него круглую сумму. Это его и погубило.

С этими словами Тошан снова лег и закрыл глаза. У него еще хватило сил пробормотать:

— Все закончилось, мама. Теперь ты можешь жить спокойно... И Эрмин... И моя сестренка Киона.

Растроганная Тала с нежностью укрыла заснувшего сына одеялом. Она бесшумно поднялась и подбросила дров в печку.

Она ощутила, что на нее снизошло глубокое спокойствие и уверенность, что больше нечего опасаться. В этот вечер в доме, построенном бледнолицыми, индианка стерегла сон своих детей, рожденных от двух разных мужчин, которых она любила — одного нежно и преданно, другого страстно.

«Спи, сынок, — подумала она. — Завтра приедет твоя жена и поможет исцелить твои душевные раны, а малыши будут радоваться встрече с тобой. И в разгар зимы расцветут весенние цветы, а счастье заставит нас забыть о холоде и метелях».

Тала на цыпочках вышла из комнаты. В кухне она уселась прямо на пол возле печки, не сводя глаз с Кионы.

Было уже поздно. От ветра содрогались стены и качалась труба на крыше. Все вокруг было во власти разбушевавшейся природы.

В Валь-Жальбере Эрмин не могла сомкнуть глаз. Свернувшись калачиком, она вслушивалась в завывание вьюги и вздрагивала от каждого порыва ветра, бившегося о крышу. Всеми мыслями она была с Тошаном. «Где ты, любовь моя, в эту страшную ночь? Господи, сделай так, чтобы он был в безопасности! Боже милосердный, защити его, — молила она. — Как бы я хотела, чтобы он был здесь, рядом со мной, чтобы я ощутила тепло его тела! Возле него я бы не чувствовала ни страха, ни холода!»

Молодая женщина натянула на себя одеяло, чтобы не слышать оглушительного рева бури. Ей удалось задремать на несколько минут, но тут же ей явилась златовласая Киона с дивной улыбкой на устах.

«Мимин, не бойся, Тошан с нами. Завтра ты увидишь его...»

Но, возможно, это был всего лишь сон...

Валь-Жальбер, на следующий день

Радостная Эрмин дважды постучала в дверь. Тепло одетая, потому что в тот день на улице было страшно холодно, она держала в руках корзинку, накрытую полотенцем. Ей открыла Шарлотта. Ее темные кудри были повязаны платком, а тонкая талия перехвачена передником в пятнах.

— Привет, барышня! — воскликнула гостья, которая, похоже, была в прекрасном настроении. — Ну как, дела идут?

— Еще не готово. Входи скорее. Как мило, что ты пришла. Мне так одиноко в этом старом доме. Никак не могу согреться, хотя затопила печку...

— Я так и думала, — ответила Эрмин. — К счастью, ночная буря прошла без последствий.

Молодая женщина растерянно оглядела комнату. Бледно-желтые дощатые стены за много лет закоптились и потемнели. Вот уже два дня Шарлотта приводила в порядок дом, доставшийся ей по наследству от родителей. Они с Симоном собирались поселиться в нем после свадьбы.

— Онезим помог мне вытащить из этого угла панцирную сетку. Представляешь, Мимин, они с Иветтой прожили здесь больше пяти лет, а в доме все осталось точно в таком же виде, как после смерти отца. Даже полы не покрасили. Мне здесь многое хочется переделать. У меня есть кое-какие сбережения, куплю мебель и новую плиту.

Эрмин поставила корзинку на столик, покрытый клеенкой.

— Как странно видеть тебя здесь... Помнишь, я приезжала сюда за тобой, с Шинуком? Хотела взять тебя на прогулку, но побоялась Онезима. Твой брат славный парень, но в ту пору мы без конца препирались!

Шарлотта кивнула не слишком радостно, продолжая протирать нижнюю полку шкафа.

— Какое счастье, что ты меня опекала, Эрмин, — сказала она с горечью. — Минуты, проведенные с тобой, были моей единственной радостью. Дома у нас было невесело: мама прикована к постели, отец с утра до ночи на фабрике... Когда он возвращался, то пил не просыхая. Бедная мама! Как она настрадалась! Она так горевала, что я практически ничего не вижу! Она умерла, так и не узнав, что после операции ко мне вернулось зрение.

Теперь Эрмин молча покачала головой. Она вспомнила, как Аглая Лапуант недвижно лежала здесь.

— Когда я увидела ее в первый раз, она попросила меня спеть.

Услышав «Золотые хлеба», она расплакалась.

— Знаю, — перебила ее Шарлотта. — Но это все в прошлом. Я обрела зрение, и мне выпала радость сопровождать тебя в Нью-Йорк и Монреаль. Вы с мамой были моими ангелами-хранителями. Лучше скажи мне, почему у тебя такое радостное выражение лица!

— Тошан звонил. Он в Робервале у Талы. Я сейчас еду туда. Симон отвезет меня на санях и сразу же вернется назад.

— Ой, нет! Он должен был прийти сюда. Я как следует расчистила стены, собиралась покрасить их в белый цвет.

— Лолотта, ой, прости, Шарлотта, такие работы лучше делать по весне. Свадьба ведь будет в мае. Куда спешить? К тому же у тебя есть комната в нашем доме.

Раздосадованная Шарлотта топнула ногой. Ей казалось, что никто ее не понимает.

— Симон говорит то же самое. И Бетти тоже. Господи Боже, я же не дура! Я хочу, чтобы мой дом был готов к началу апреля и я смогла бы отделать все по своему вкусу. Кружевные занавески, красный диван, безделушки. А наверху в спальне большая кровать, и на покрывале будут вышиты наши инициалы: Ш и С!

Шарлотта, погруженная в свои мечты, вздохнула с легкой улыбкой. Расчувствовавшись, Эрмин достала из корзинки торт с засахаренными фруктами, бутылочку кленового сиропа и две фарфоровых чашки.

— Отдохни немного, — посоветовала она подруге. — У меня есть новость поважнее: Поль Трамбле больше никому не причинит зла. Он мертв. Я только что узнала об этом. Мне сказал Тошан.

— Господи! Он убил его? — встревоженно спросила Шарлотта. — Это не...

— Нет, это был несчастный случай... Я узнаю подробности сегодня вечером. Начальник полиции принял к сведению показания Тошана, не более того. Во всяком случае, то, что рассказал Наполеон Трамбле, не противоречило показаниям Тошана. Он подтвердил, что его Поль похитил Луи, когда мой бедный братик искал своего мишку. Что он был жестоким и ни перед чем не останавливался. Подумай только, этот Поль Трамбле бродил вокруг нашего дома! Он даже пробрался в дом моих родителей в сочельник и оставил нас без электричества. Должно быть, ему доставляло удовольствие вредить нам по мелочам, прежде чем нанести решающий удар. Кажется, вначале он хотел шантажировать меня, угрожая, что донесет на Талу. Это он прикончил Кьюта, нашего красавца хаски, чтобы доставить удовольствие своему папаше. Поль подбросил ему отравленный кусок

мяса. Если есть справедливость, то, надеюсь, Тошана не заподозрят в убийстве!

При этом Эрмин содрогнулась от негодования. Шарлотта бросилась ей на шею.

— Мимин, все позади! Вы больше ничем не рискуете. Нашему Луи удалось избежать ужасной участи, и теперь можно обо всем забыть! Начинается новая жизнь.

— Новая жизнь! — насмешливо повторила молодая женщина, округлив глаза. — В разгар зимы. Солнце, цветы, зелень — как еще далеко все это!

— Я имела в виду другое, — с загадочным видом возразила Шарлотта. — Не природу. Подумай как следует... Твой муж и отец, похоже, помирились, дети здоровы. Они такие славные, с каждым днем набираются ума. Сюда, в Валь-Жальбер, война не дойдет. А у меня наконец-то появится свой дом, семья. Мне так хочется поскорее родить ребенка. Много детишек. И Симону тоже.

— А ты говорила с ним об этом напрямую? — спросила Эрмин.

— Да, конечно. А ты станешь крестной нашего первенца. Споешь, когда мы будем его крестить в церкви?

— Ладно, обещаю!

Они выпили чаю и съели по кусочку торта. На улице завывал ветер. Молодые клены по обочинам дороги гнулись под его напором.

— Не могу остаться дольше, — сказала молодая женщина. — Мне не терпится увидеть Тошана. Мама с Мадлен присмотрят за детьми. А в пятницу утром все приедут в Роберваль. Я даю концерт в санатории, вечером перед ужином. Надеюсь, что вы с Симоном тоже будете.

— Ну разумеется, мне всегда приятно показаться на людях вместе с Симоном. Такой красавец! Как я его люблю!

Эрмин ласково провела рукой по гладкой щеке своей бывшей подопечной, ставшей ей почти сестрой. Она не смела поделиться с Шарлоттой своими сомнениями относительно Симона. Молодой человек редко восторгался достоинствами невесты или изливал свои чувства. Казалось, он вовсе не спешит к алтарю. «Честно говоря, мне бы хотелось, чтобы Симон говорил о Шарлотте с таким же восторгом и восхищением, как о Тошане», — подумала Эрмин.

Несколько минут спустя она решила, что это все глупости, и нежно поцеловала Шарлотту на прощание. Надев снегоступы, она направилась к улице Сен-Жорж. На душе у нее было радостно. Окружающий пейзаж — симфония льда и нетронутого снега — рождал в ней ощущение счастья.

Даже череда пустых домов под заснеженными крышами не могла внушить ей грусть.

«Мой прекрасный морозный край, — думала она. — Я больше нигде не смогла бы жить! А сегодня вечером мы с моим возлюбленным будем рядом, и мы сумеем согреть друг друга...»

* * *

Два часа спустя Эрмин прибыла на авеню Сент-Анжель. Симон гнал упряжку на приличной скорости. Как и Тошан, он ценил подобное средство передвижения и начал привязываться к собакам.

— Отличные псы! — похвалил он собак. — Ведите себя хорошо, я загляну к приятелю, и мы тронемся в путь. Мимин, ты не рассердишься, если я отлучусь на минутку?

Молодая женщина вылезла из саней и взяла свой чемоданчик.

— Не глупи! — шутливым тоном бросила она. — Я на тебя никогда не сержусь. Но не задерживайся, Шарлотта рассчитывает, что ты сможешь ей покрасить стены в кухне.

— Черт побери! — выругался он. — Я и думать об этом забыл! И вообще, успеем еще покрасить эту хибару!

— Ну вот, таковы мужчины! — воскликнула она. — Вам только приятное подавай! Мне повезло с Тошаном, он не жаловался, когда обустроивал жилье, достойное своей семьи.

— Если бы ему пришлось обихаживать ветхий и грязный дом, он запел бы по-другому, — парировал Симон. — Он строил для тебя новый дом из отличных еловых досок и бревен, еще пахнувших лесом. А мне по указанию Шарлоты придется отмывать половицы... Я хочу работать — в саду, в курятнике и в гараже, но уж никак не заменять уборщицу!

Перепалку прервала Киона, прибежавшая с двумя ребятами.

— Мимин, я так рада тебя видеть! Симон, добрый день! Мы тут сражались в снежки с приятелями.

Эрмин с сияющей улыбкой поздоровалась с мальчиком и девочкой, державшимися чуть позади.

— Им столько же лет, сколько мне, — добавила Киона. — Его зовут Овила Морин, а ее — Роза Кутюр. Я буду в одном классе с ними в школе Нотр-Дам. Завтра утром я отправлюсь туда.

— Тала решила записать тебя? — удивилась молодая женщина.

— Да, Тошан убедил ее.

Киона в повседневной одежде — шерстяных брючках и анораке — выглядела непривычно. Они с приятелями удалились, подпрыгивая на ходу и выкрикивая, что идут играть в снежки.

«Боже, да это форменный переворот! — с удивлением подумала Эрмин. — Ну и отлично. Киона хоть сможет вкусить городской жизни, а то сидела взаперти. Как она счастлива, что можно свободно носиться по улице, завести друзей!»

Тала отворила дверь и пригласила невестку в дом. Симон вошел следом.

— Как замечательно жить, избавившись от страха! — тотчас воскликнула индианка. — Я испытала удовольствие, пройдясь вдоль бульвара Сен-Жозеф, купила сало в мясной лавке. Здесь приветливый народ.

— Я очень рада, — откликнулась Эрмин. — Дорогая Тала, ты становишься истинной горожанкой. А Киона сказала мне, что с завтрашнего дня будет ходить в школу.

Из гостиной, служившей спальней, вышел Тошан в пончо из разноцветной шерсти. Лицо его осунулось, он был явно утомлен. Но стоило его взгляду упасть на жену, как глаза сразу зажглись.

— Мимин, дорогая! — воскликнул он.

Она бросилась ему на шею и страстно обняла. Он застонал от боли.

— Но что с тобой, Тошан? Ты болен? Скажи скорее!

— Не сходи с ума, ничего серьезного, — ответил он.

Симон пожал Тошану руку, глядя на него с нескрываемым беспокойством.

— Ты и правда скверно выглядишь. Ты что, угодил на санях в ручей? Рассказывай, в чем дело.

— Когда я отыскал Трамбле в Шамборе, то схватился с ним. Ему удалось завладеть моим ножом и трижды ударить меня. Кожаная куртка несколько смягчила удары, так что лезвие вонзилось не глубоко. Как заметил начальник полиции, эти раны свидетельствуют в мою пользу. Это была законная самооборона. Думаю, мой рассказ не вызвал у них подозрений. И вообще, убийцы обычно не доставляют властям тело своей жертвы!

— Ножевые ранения! — воскликнула Эрмин. — Боже, Тошан, ты мог умереть из-за этого человека! Это было безумие — отправиться на поиски одному!

Она приникла к мужу, стараясь на этот раз не сделать ему больно.

— Герои не умирают! — пошутил Симон.

— Но зато возвращаются с великолепными шрамами, — вставила Тала.

Радостное настроение, охватившее ее накануне, сменилось ощущением безоблачного счастья. Ее враги были повержены. Не было больше необходимости лгать сыну, и, кроме того, Киона, поглощенная школьными занятиями, будет меньше эксплуатировать свои необычные способности.

Они уселись вокруг стола, и потекла душевная беседа. Тала устроила небольшой пир, подав к чаю оладьи с кленовым сиропом. Примчалась проголодавшаяся Киона.

— Ну что, малышка, наигралась вволю? — спросила Эрмин.

— О да! Роза очень славная, Овила тоже. Они живут в конце улицы.

Девочка, похоже, была совершенно счастлива. Между тем, перекусив, она уединилась у окна. Ее несколько подавляло присутствие Симона, причем уже не в первый раз. Он был слишком несчастным, и, так как он мастерски скрывал причину, никто не мог утешить его, даже Киона.

Валь-Жальбер, в тот же вечер

Шарлотта отступила на шаг, чтобы оценить оттенок мазка белой краски, который она тщательно нанесла на стену. Напевая припев из песни «Мой легионер», которая ей очень нравилась, она выглянула в окно, где уже вечерело.

Я не знала, как его зовут,
Но со мною провел он ночь.
Лучезарным утром легко
От меня уходил он прочь.

— Ну разумеется, Симон тоже уходит от меня прочь. Уверена, что он засел либо у Талы, либо в таверне! — пробормотала она вполголоса.

На ней были полотняные брюки и старый свитер грубой вязки, и все равно руки у нее заоченели.

« Попрошу подарить мне на свадьбу радиоприемник, — подумала она, подбрасывая в печку полено. — Мне бы так хотелось установить здесь паровое отопление, хоть это и дорого».

Привыкнув жить под крылом Лоры и Эрмин, Шарлотта привыкла к

комфурту и благополучию. Но Симон часто возвращал ее с небес на землю, призывая умерить размах начинаний по переделке дома.

— Ну и пусть мой жених немного подуетя, я все равно его обожаю, — нараспев провозгласила она.

Она со вздохом взялась за кисть. Больше всего ее заботила сдержанность Симона. «Мне бы так хотелось, чтобы он прижал меня к себе, — подумала она. — Чтобы страстно поцеловал в губы!»

Девушка представила, что лежит обнаженная на кровати, отвечая желанию возлюбленного. Ее щеки зарделись, а сердце учащенно забилося. Сладостное томление было прервано странным шумом, напоминавшим яростное завывание вьюги. Но эти звуки раздавались в самом доме.

— Что такое? — воскликнула она. Пугающий гул усилился, и она тотчас почувствовала запах гари.

— Боже мой, пожар! — выкрикнула Шарлотта. — Нет-нет, только не это!

За несколько минут старая плита и вытяжная труба раскалились. Нагретый до предела дымоход потрескивал. Онезим, похоже, не прочистил его в конце прошлой зимы.

— Боже, помогите! Помогите! — пыталась она выговорить, но голос ее не слушался.

Она выскочила из дома, чтобы взглянуть на крышу. Из трубы с силой вырывались языки пламени, рассыпаясь снопами искр.

— Что я наделала! — простонала она. — Сейчас весь дом загорится.

Шарлотта в ужасе бросилась в кухню. Она наполнила ведро водой и вылила на плиту в слабой надежде притушить огонь. Плита угрожающе зашипела, и поднялся плотный столб пара.

— Боже, нет! Нет! — взмолилась она.

Охваченная паникой, она продолжала лить воду на трубу, но жуткий гул, сотрясавший стены, только усиливался.

Пожары и их страшные последствия запечатлелись в памяти всех жителей Квебека. Шарлотта в детстве слышала немало жутких рассказов. Валь-жальберская церковь и дом приходского священника полностью сгорели в 1924 году, а шестью годами ранее — гостиница и первый универсальный магазин. Их отстроили заново, но воспоминание об этих разрушительных пожарах не стерлось. То же самое произошло и в Робервале. Монастырь урсулинок^[66] и робервальский «Гранд-отель»^[67], Экономическая школа^[68] стали добычей огня. Такое нередко случалось зимними вечерами, когда, как теперь, стоял сильный мороз.

— Господи, пощади, пощади! — молила она, взбегая по лестнице. Она заглянула в обе спальни, но удушливый дым заставил ее отступить.

— Чердак!

Жара под крышей была невыносимой.

Шарлотта в панике отступила.

«Нужно звонить в церковный колокол, — подумала она. — Да нет же, ведь церкви больше нет, а пожарные из Роберваля доберутся слишком поздно...»

Она в слезах сбежала по ступенькам на первый этаж и столкнулась с Жозефом и Арманом Маруа и мэром.

— Как только я увидел огонь на твоей крыше, я предупредил твоего будущего тестя. Вот-вот загорятся балки. Внутри оставаться опасно.

— Это еще не факт, — перебил его Жозеф. — Слой снега на крыше такой плотный, что, возможно, удастся избежать худшего. Бедняжка Шарлотта, твой растяпа-брат, должно быть, забыл прочистить дымоход!

Шарлотту сотрясала нервная дрожь. Арман с состраданием обнял ее за плечи.

— Выйдем на улицу, поди знай, — сказал он. — Я так за тебя испугался, когда понял, что тута горит! Ведь твой дом стоит на отшибе.

И он увлек ее на обледенелую дорожку. Прибежали несколько мужчин с лопатами. Среди них был Онезим, притащивший лестницу.

— Смотри, — сказал Арман девушке. — Помощь подоспела. И, кажется, пламя уже чуток поутихло. Тебе повезло, что нынче ночью выпало столько снега. Раскаленные уголья падают на крышу, но тут же гаснут. А Симон-то где?

— Понятия не имею, — пробормотала она. — Я была совсем одна. Такой ужас, этот адский гул... Я думала, что все сгорит!

Во рту у нее пересохло, но она не смогла договорить. Она смотрела, как снуют соседи, а ее брат кричит и размахивает руками.

— Держи, глотни виски, и тебе полегчает, — сказал Арман, доставая из кармана плоскую бутылочку. — У тебя зуб на зуб не попадает.

Шарлотта никогда не пила ничего крепкого, но тут она, не рассуждая, последовала совету Армана. Он тоже выпил.

— Ты прав, мне стало лучше, — сказала она, закашлявшись и пытаясь отдышаться со слезами на глазах. — Во всяком случае, ни отец ни мать меня уже не попрекнут за это, а Симону плевать, что со мной будет. Я как раз перекрашивала кухню. Ему бы помочь мне... Я три года махала кистью, теперь плечо болит!

— Три года?! — удивился Арман. — И вправду долго! Лолотта, у тебя голова кругом пошла.

— Я хотела сказать «три часа», — поправились она с нервным смешком.

Жозеф Маруа подошел к молодым людям, его вспотевшее лицо было покрыто копотью.

— Опасность миновала? — спросила Шарлотта.

— От тебя несет спиртным! — возмущенно буркнул в ответ Жозеф. — Мне не нужна невестка, которая любит выпить. Так и случаются пожары, когда в голове мысли путаются.

— Папа, ей нужно было прийти в себя, только и всего, — перебил его Арман. — И нечего читать мораль. Чья бы корова мычала!

Если бы не мэр и другие соседи, пришедшие на помощь, Жозеф вlepил бы своему младшему оплеуху. Он бросил на Армана злобный взгляд.

— Благодарите Господа, — сухо заметил он. — Мы вовремя погасили огонь, перекинувшийся на балки, но нет никакой гарантии, что ночью снова не займется.

— Придется как следует все чистить, — добавил Онезим. — Вроде прошлой зимой я прочищал дымоход, или это было год назад... Но ты, Шарлотта, тоже хороша, столько дров натолкала в печку!

— Это ты виноват! — выкрикнула она. — Вы с Иветтой все запустили.

Они замолчали, услышав приближающийся лай собак. Это подъехал Симон. Он сильно удивился, застав такое представительное собрание. В воздухе стоял едкий запах гари и остывающей золы.

— Ты как раз вовремя! — заорал Жозеф. — Загорелась сажа в печной трубе и дымоходе.

Шарлотта не отрывала взгляда от жениха, пока он с изумлением рассматривал крышу. Наконец он увидел ее среди собравшихся. Она подошла к нему вся в слезах, надеясь, что Симон приласкает ее и утешит. Он похлопал ее по щеке и покрутил темный завиток на лбу.

— Не самая умная мысль — красить стены среди зимы. Надо было подождать, как я тебе говорил. Извини, что я опоздал, но Тала пригласила меня зайти перекусить, а потом Тошану нужно было заехать в мэрию, и мне пришлось везти его туда. Он ранен; Трамбле ударил его ножом, представляешь?! Это мой кореш, и я не мог допустить, чтобы он в таком состоянии тащился пешком. Ты должна понять...

Девушка с досадой отпрянула. У нее возникло странное чувство, что ее унизили на глазах у всех. Арман смотрел на нее каким-то странным

взглядом, в котором сквозило сочувствие.

— Разумеется, я понимаю, — жалобно прошептала она.

Она лукавила. Ей было совершенно непонятно, почему Симон проявлял такую готовность помочь другу и такую холодность в любви.

Пошатываясь, Шарлотта направилась на улицу Сен-Жорж. Двери дома она оставила открытыми настежь. Она покинула тех, кто бросился ей на помощь, даже не поблагодарив.

— Она не в себе, — со вздохом произнес мэр.

— Я закрою, — сказал Онезим. — Завтра утром приду и все как следует осмотрю.

Симон закурил сигарету. Арман выхватил ее у него изо рта и бросил на землю. Он сказал брату чуть слышно:

— Ты бездарь! И на что ты Шарлотте сдался?! Ты трус, и она будет с тобой несчастна. Пойди скажи ей, что ты ее не любишь, или я сам скажу, пока она за тебя не вышла.

— Хуже будет, если я на ней не женюсь, — процедил Симон сквозь зубы. — Отстань от меня. У меня нет выхода.

Арман в ярости удалился. Многие годы он любил Шарлотту. На следующий день Арман Маруа покинул Валь-Жальбер с несколькими долларами в кармане. На сердце у него было тяжело. Он решил пойти в армию. Только мать оплакивала его отъезд. У Бетти было предчувствие, что она больше его не увидит.

Глава 18

В глубине души

Валь-Жальбер, пятница, 2 февраля 1940 г.

Это был обычный вечер для семьи Маруа. Они собрались поужинать пораньше, а потом посидеть вместе при свете лампы. В печке на красных раскаленных углях горело кленовое полено, потрескивал огонь. Ходики рядом с буфетом, казалось, тикали в такт вздохам Жозефа, сидящего неподалеку в кресле. Он курил самокрутку, от едкого дыма которой Бетти мутило. Но она не протестовала, склонившись над вязаньем, для которого требовались очень тонкие спицы. Она устроилась возле стола, где их дочь Мари с грустным выражением лица зубрила домашнее задание по географии. В ярком свете лампы на ее белокурых волосах играли радужные блики. Симон перелистывал последний номер газеты «Прогресс Сагены», который вечером дал ему Жослин Шарден, предварительно прочитав от корки до корки. Это ежедневное издание публиковало новости о событиях в Европе.

— Как тут у нас спокойно! — пошутил молодой человек. — Мне скоро будет недоставать дурацких шуток Армана.

— Не смей так говорить о своем брате! — оборвала его Бетти. — Война отберет его у меня, чувствую это в глубине души.

— Скажешь тоже! Он будет тихо-спокойно жить в Цитадели до мая, а то и еще годик там протянет, как знать, — возразил Симон. — А я теперь должен вкалывать за него.

— Если бы мне было столько лет, сколько ему, я бы тоже пошел в армию, — пробурчал Жозеф. — По крайней мере, перестал бы мозолить глаза. Одной дамочке это очень даже понравилось бы. Правда, Бетти?

— Ну почему ты болтаешь глупости, Жо? — запротестовала его супруга. — Мне вовсе не хочется, чтобы ты уехал, особенно теперь, когда я жду ребенка. Хватит с меня Армана!

Жозеф воздел руки к небу и потянулся своим крупным угловатым телом. Раньше он слыл красивым малым, но старость его совсем не облагородила. Он ссутулился, облысел, глаза запали. А характер и вовсе испортился.

— Пойдем со мной, Мари, — пробормотал он. — Нужно подоить корову и задать корм ей и Шинуку. Симон не любит пачкать себе ручки.

— Ну если бы было так, — возразил молодой человек, — лошадь с коровой уже давно бы подошли. Когда я дома, я за ними смотрю утром и вечером.

Напряжение нарастало. Мари резко захлопнула учебник. Она натянула куртку, надела сапоги и вышла вслед за отцом. Оставшись вдвоем с матерью, Симон подошел к ней и тихо сказал:

— Мама, уже почти две недели я не решаюсь поговорить с тобой, но не могу больше лгать. Я все знаю о тебе и Трамбле. Мне Эрмин призналась, когда думала, что Луи умер. Не волнуйся, я ни за что тебя не выдам.

— Ну нет! Она же клялась мне, что никто никогда об этом не узнает, особенно мои дети! — запричитала Бетти в ужасе. — Боже мой, какой стыд! Хорошенького же ты теперь мнения о своей матери!

Он взял ее за руку и сжал, преисполненный сострадания.

— Не надо стыдиться, мама! Ты всегда старалась изо всех сил, всю себя отдавала семье. Я не сужу тебя, слышишь? Просто хочу защитить от тебя же самой. У тебя такой виноватый вид, что отец в конце концов обо всем догадается. Мне странно, что он не задает тебе больше никаких вопросов о твоём так называемом кузене...

— Тише, он может вернуться! Вдруг что-то забыл.

— Я точно знаю, сколько времени требуется, чтобы подоить Эжени и наполнить кормушку сеном, — перебил ее Симон. — Ты согласна со мной, что папа, как и все, читает газеты? Он узнал о смерти Поля Трамбле и о его роли в похищении Луи. Но ты-то ему сообщила, что этот человек — твой кузен. Неужели отец ничего тебе не сказал?

— В тот день, когда Шардены привезли Луи сюда, в Валь-Жальбер, Жозеф пошел поздороваться с ними. Когда вернулся, только сказал очень жестко, что мои родственнички навлекли на нас бесчестье. Я плакала, твердила, что мне ужасно больно. Еще добавила, что в наших краях очень много Трамбле и этот бандит просто меня одурачил, выдав себя за двоюродного брата. Думаю, Жо удовлетворился таким объяснением.

С этими словами Бетти вытерла слезы. Она избегала встречаться глазами со старшим сыном.

— Хочу признаться тебе, Симон, что сама не могу понять, как я пала так низко... Только, прошу тебя, не обвиняй ни в чем отца. Несмотря на его перепады настроения, он человек порядочный и работающий. Мне не приходилось на него жаловаться. Он всегда был преданным мужем, мог признать, что неправ, если такое случалось. Поверь мне, я его не стою! Я

ему изменила, а ведь я клялась в верности ему в церкви, перед Богом... Но этот человек, этот Трамбле, он сумел вселить в меня надежду, заставил поверить, что я еще хороша собой и молода. Какая же я безмозглая идиотка! Он использовал меня в своих интересах, а я теперь чувствую себя паршивой овцой. Я недостойна ходить на службу и причащаться. Если мои родственники узнают, какую ошибку я допустила, как им станет стыдно! Благоразумной и набожной Элизабет Маруа, которую ты знал раньше, больше нет, слышишь? Эрмин, наверное, ненавидит меня, а Лора, если бы все знала, на порог бы меня не пустила. Ты очень снисходителен, мой бедный сынок, ты простишь мать и заботаешься о ней.

Молодой человек вздохнул и погладил руку, потом запястье матери.

— Я прекрасно представляю себе, что ты пережила, мама, — пробормотал он. — Какое ужасное чувство, что ты не такой, как все порядочные нормальные люди, которые движутся по проторенному пути...

Бетти озадаченно посмотрела на Симона. Она спрашивала себя, почему этот красивый парень в расцвете сил, который обычно делал все, что ему было угодно, произносит такие речи, причем таким грустным голосом.

— Да что с тобой? — удивилась она. — Жизнь тебя балует, у тебя прелестная невеста, у вас уже есть дом и вся обстановка, а еще ты сможешь возделывать земельные участки, которые Шарлотта получит в наследство.

— Ну конечно, мама, все так и будет! — улыбаясь, согласился Симон.

— И я надеюсь, ты скоро сделаешь меня бабушкой, — добавила она наигранно веселым тоном.

Он вздохнул, не ответив. Он не мог открыть матери самое потаенное. Она и так невыносимо страдала.

— Если отец станет изводить тебя, скажи мне, — попросил он. — Твой покой напрямую зависит от твоего молчания. Обещай мне, что до конца будешь настаивать на своей невинности. Ради Эдмона и Мари! Моя сестренка все время боится, что вы с отцом начнете ссориться. Ты видела, как она дрожит, как только повышают голос? Мари — девочка тонкая и неглупая. Лучше всего было бы отдать ее в закрытую школу...

— Господи, откуда у нас такие деньги? — жалобно произнесла Бетти. — И потом, я предпочитаю, чтобы она жила дома. Когда родится ребенок, мне понадобится помощь.

— От кого этот ребенок? От отца или от Трамбле? — спросил он совсем тихо.

Мать заплакала навзрыд. Ее щеки стали пунцовыми, она опустила голову.

— Откуда мне знать? — ответила она. — Я молюсь каждый день, чтобы это оказался ребенок Жозефа. Иначе, боюсь, я не смогу его полюбить, этого бедного младенца.

На пороге подсобного помещения за кухней, которое выходило во двор, кто-то затопал ногами. Бетти бросила испуганный взгляд на дверь, закрытую толстой портьерой.

— Вот и они! — сказала она. — Ты не едешь в Роберваль, сынок? Сегодня вечером Эрмин будет давать концерт в санатории.

— Нет, не еду! — отрезал он. — Шарлотта там, у Талы. У меня нет желания развлекаться.

Вошла продрогшая Мари и бросилась к плите. Потом появился Жозеф с горшком молока в руках, в глубине его темных глаз горел злобный огонек.

— Ну что, вы вдвоем славно потрепались? — бросил он. — Все еще хнычешь, Бетти? Лучше ужин стовить. Я голоден! А ты, здоровый обалдуй, накрой на стол, раз ни на что другое не годишься, кроме как сидеть припиленным к мамочкиной юбке в двадцать пять-то лет!

Симон посмотрел на отца с нескрываемым презрением. Жозеф Маруа воплощал все то, что его сын больше всего ненавидел. Но он послушался, не произнеся ни слова. Он, как и Бетти, считал себя преступником и сутулился под тяжестью собственной вины.

Роберваль, авеню Сент-Анжель, пятница, 2 февраля 1940 г., в тот же вечер

Эрмин готовилась к концерту в санатории. Шарлотта ее гримировала, и им обоим это нравилось. Столько вечеров они провели вот так, вместе, в уборной, среди развешанных блестящих сценических костюмов, пудры, румян и париков!

— Да, хорошее это было время, — вздохнула молодая женщина. — Особенно в «Капитолии». Как я любила Квебек и всех в театре! Помнишь, как мы смеялись с Лиззи? А Октав Дюплесси? До чего он был забавный, как он придирался к нам из-за твоей помады! Утверждал, что мы неправильно выбрали цвет.

— Да, нам было весело! Особенно тебе, потому что я-то должна была потом идти на сцену, полуживая от страха.

Они обменялись заговорщическими взглядами. Бывшая гостиная семейства Дунэ, переделанная в жилую комнату, не отличалась роскошью, но в ней было разлито приятное тепло.

— Я говорю себе, что никогда в моей жизни больше не будет ни театральных кулис, ни ужинов в шикарных ресторанах, ни приемов в дорогих отелях. Я ведь разделяла все это с тобой, Мимин, но теперь лишусь всех этих привилегий. Даже если ты подпишешь новые контракты и поедешь в Квебек, я буду замужем и мне придется остаться дома.

Эрмин запрокинула голову, пока Шарлотта пуховкой наносила ей на лицо рисовую пудру.

— Никто не заставляет тебя выходить замуж! — воскликнула она. — И жалеть не о чем, раз ты любишь Симона. Но тем не менее подумай еще как следует. Я хорошо тебя знаю и боюсь, что тебе надоеет жить почти круглый год в заброшенной деревне, с мужем, который только и мечтает, что обрабатывать свой огород, растить поросенка и доить корову. Ты ведь так ценила бурную городскую жизнь, как бы тебе не зачахнуть!

Шарлотта принялась расчесывать ослепительную белокурую шевелюру подруги и мечтательно заявила:

— Постараюсь родить побыстрее, может быть, уже в следующем году. Буду заниматься домом, готовить и возиться с ребенком.

— Только больше не играй с огнем, сумасбродка! — ответила Эрмин. — Когда мама рассказала мне по телефону о твоих подвигах, я расстроилась. Но не волнуйся, мы поможем тебе обустроиться. Ты почти член семьи. Решено, мы оплатим капитальный ремонт.

— Но это неудобно, — запротестовала девушка, — наверное, Симон не согласится.

— Я сама разберусь! А как Бетти? Я знаю, с маминых слов, что она страшно огорчена отъездом Армана.

— Ну какой же он эгоист! — не преминула заметить Шарлотта. — Мог бы сперва подождать, пока мать родит, а потом уже идти в армию! Как говорит Симон, Арману на всех наплевать, даже на собственную мать, которой осталось три месяца до родов.

Эрмин выпрямилась и внимательно оглядела свое лицо в карманном зеркальце. На ней было черное бархатное платье, которое она уже надевала на Рождество, а белоснежную кожу оттеняло жемчужное кольцо, надетое специально по такому случаю. Но собственная внешность ее мало интересовала, ее волновало другое. Молодая женщина спрашивала себя, что же произошло в прошлый вторник в Валь-Жальбере; что именно побудило Армана уехать так далеко от родного дома. Он принял это решение буквально за несколько часов. Даже учитывая взрывной темперамент, на него это было непохоже.

— Я не жалею о последствиях этого пожара, — добавила

Шарлотта. — Симон задержался в Робервале и вернулся поздно. Разумеется, он не нашел ничего лучше, как обвинить меня. Я ушла, с трудом сдерживая слезы. Наверное, он почувствовал угрызения совести, потому что пришел к твоим родителям и умолил Лору разрешить ему подняться в мою комнату. До чего же я удивилась, когда он вошел! Я рыдала у себя на кровати. Говорила, что мой жених меня не любит, но он...

— Что он?.. — спросила заинтригованная Эрмин.

— Мимин, Симон наконец повел себя как настоящий влюбленный. Он меня утешал, целовал, и на этот раз уже не в щеку. Я была так счастлива. Что может быть лучше поцелуя любимого человека! Он говорил мне такие ласковые слова...

Эрмин умиленно слушала. Ее успокоил рассказ Шарлотты, поскольку она сомневалась, что Симон действительно любит девушку. «Может быть, он слишком робок? — думала она. — Но ведь у него было столько романов...»

Шарлотта отвернулась, порозовев от удовольствия. Поцелуи жениха еще горели у нее на губах, но главное — она помнила его ласки. Девушка уже было отчаялась, что когда-нибудь дождется страстных лобзаний Симона, что его рука будет скользить по ее спине, груди...

— Лора правильно сделала, что разрешила Симону подняться ко мне! — заявила наконец девушка. — Жослин за ужином говорил, будто это неприлично, но твоя мать сказала, что я и так слишком напугана и кому же, как не моему будущему мужу, утешать меня. Я так люблю Лору! Это не Бетти, которая не стала бы закрывать глаза на нарушение приличий!

К большому облегчению Эрмин, которой совсем не хотелось говорить о нравственности Бетти, в дверь постучали. Связь Бетти с Полем Трамбле не стала, слава Богу, достоянием гласности. «Кажется, Жозеф согласился с моей версией случившегося, — подумала Эрмин. — Когда он пришел домой в день возвращения Луи, я попыталась уверить его, что, возможно, этот грязный тип Трамбле и был дальним родственником Бетти, но воспользовался этим родством, чтобы преспокойно вынюхивать то, что ему нужно было в Валь-Жальбере, и, вероятно, украл ключи в тот единственный раз, когда заходил к ним в дом. Конечно, это ложь, но ложь во имя спасения. Жо убил бы Бетти, узнай он правду!»

В комнату вошел Тошан: на нем был серый твидовый костюм, приобретенный в робервальском универмаге^[69], новая белоснежная рубашка и черный атласный жилет.

— Какой ты элегантный! — воскликнула Эрмин.

— А ты просто восхитительна! — вернул комплимент он.

Молодая женщина оглядела мужа: иссиня-черные короткие волосы, кожа, отливающая медью, гордое лицо, на котором было непривычное выражение покоя, — для Эрмин, смотревшей на Тошана влюбленными глазами, не было в целом мире мужчины краше.

— Пойдешь после концерта ужинать в «*Château Roberval*»? — неуверенно спросила Эрмин. — Мама заказала столик, потому что они остановились там на ночь.

— Конечно, как договаривались, — ответил Тошан с улыбкой. — Твоим родителям нужно отдохнуть, и нам тоже. Тем более что теперь меня никто не подозревает. Думаю, не будь я женат на дочери богатого и влиятельного человека, я бы, наверное, провел в тюрьме несколько недель. И моя теща землю бы грызла, чтобы вытащить меня оттуда.

— Настроение у тебя хорошее, это приятно, — заметила Эрмин, поправляя мужу галстук. — Скоро тебя можно будет звать месье Дельбо Добрый.

— Я ведь могу подумать, что тебе нравится, когда я проявляю свой дикий нрав, — пошутил Тошан, целуя Эрмин.

— Ну, не преувеличивай! Полиция тебя не арестовала, потому что судмедэксперт тоже пришел к заключению, что это из-за падения. И потом, бандит, похитивший ребенка, ранил тебя. Только не говори, что здесь все дело в твоих родственных связях! Кроме того, твой арест вряд ли добавил бы славы доблестным полицейским Роберваля!

Свою роль сыграло и еще одно обстоятельство, о котором Тошан не хотел говорить при Шарлотте: он выполнял задание командования канадской армии.

Шарлотта деликатно удалилась, оставив супругов наедине. Еще несколько дней назад она бы страдала, видя, как эти двое любят друг друга. Она могла только мечтать о таком счастливом союзе. «Не всегда у них было все гладко, — думала девушка, закрывая за собой дверь. — Но у нас с Симоном все получится. Я почувствовала, что он хочет меня, и он поклялся, что женится только на мне!»

Эрмин прижалась к мужу.

— Я мечтаю лишь о нашем счастье, — прошептала она ему на ухо. — Скажи, что самое плохое осталось позади...

— Да, эта страница перевернута, — произнес Тошан. — Семейка Трамбле выведена из игры, а у меня есть еще несколько свободных недель перед возвращением в Квебек. Я не смогу часто бывать дома, но от моей драгоценной женушки меня будет отделять всего несколько миль!

— Если бы мы только могли остаться дома, — сказала Эрмин, пожирая

мужа страстным взглядом. — Но нельзя огорчать сестру Аполлонию. За нами через четверть часа должен заехать на машине врач из санатория. Быстрее, Тошан! Где моя шуба и меховые сапоги? У меня ноги заоченели. Ну и пусть! Не буду же я петь в меховых сапогах!

Сияя от счастья, Эрмин залилась смехом.

— Ты присмотри за детьми, — сказала Эрмин. — Монахини были несколько удивлены, узнав, что вся моя семья будет присутствовать на концерте. Чтобы вы не смешивались со слушателями, вам отведут смежное помещение. Так вы будете совсем рядом со сценой, но чуть в стороне от публики. Мне хотелось взять с собой Киону, но твоя мать не разрешила. Я не настаивала.

Тошан закурил. Прикрыв веки, он, казалось, полностью погрузился в свои мысли.

— Мимин, — произнес он неожиданно, вынимая из кармана листок бумаги. — Я чуть не забыл! Вы с Талой так настаивали, чтобы я все эти три дня отдыхал, что я забыл про песню, которую написал для тебя солдат Лебрен. Его интересовало твое мнение... Это славный мальчик, служит в Цитадели. Лебрен сам исполняет свои песни. Он даже должен вскоре записать пластинку. Ну как же я мог забыть!

— Тебе так много пришлось пережить в эти дни, родной, что тебя можно простить. «Прощание солдата»^[70]. Название трогательное!

Эрмин развернула листок и начал вполголоса читать текст песни.

Сядь рядом со мной, подружка моя,
Скажи мне вновь, что любишь меня,
Скажи мне вновь, что будешь со мной,
Что станешь моей судьбой.
А я покидаю мой отчий край
И всем друзьям говорю: «Прощай!»
А волны бушуют и там, и тут,
Немецкие пушки бьют.
Повсюду орудия сеют смерть,
Но, чтобы мир защитить,
О матушка, мы одолеем смерть
И станем как прежде жить^[71].

— Песня мне очень нравится, — объявила Эрмин, — жаль, что я не знаю мелодии. А текст печальный и правдивый. Я могла бы исполнить ее

сегодня вечером... Это было бы актуально, многие солдаты должны чувствовать то же самое.

— Споешь в следующий раз, — предложил Тошан. — Мелодия простая, но у меня нет слуха и я не смогу напеть ее.

Эрмин убрала листок в сумочку, чтобы он не потерялся. Муж с женой вышли к Тале, Шарлотте и Кионе, ожидавшим их в кухне, где царило настоящее веселье.

— О, дети мои! — воскликнула индианка. — Какие же вы красивые! Хорошего вам вечера!

— Мимин, — звонко позвала молодую женщину Киона, — а не может ли Луи приехать поиграть со мной? Мне так хочется его видеть!

— Ничего не могу обещать тебе, дорогая! — ответила Эрмин. — Но Мукки, Лоранс и Мари останутся с нами до понедельника.

Она нежно погладила золотисто-рыжие волосы девочки и поцеловала ее в лоб. На улице послышался сигнал клаксона. Пора было ехать. Шарлотта надела шляпу и пальто. Несмотря на то, что жениха не было с ней рядом, она с радостью ожидала предстоящего вечера.

На месте водителя сидел маститый врач, специализировавшийся на лечении туберкулеза, он тут же завел разговор с пассажирами. Больше всего он расхваливал санаторий, который представлял собой образец современного комфортабельного медицинского учреждения.

— Все с нетерпением ждут вас, — объявил он, когда машина остановилась у здания санатория, многочисленные окна которого были ярко освещены. — Благодарю вас за то, что вы сумели уделить нам немного времени и подарили возможность насладиться вашим талантом! Я счастлив также, что могу сказать слова благодарности уважаемой Лоре Шарден, вашей матери, которая внесла подобающий вклад в наше дело. Санаторий в Робервале призван лечить больных в наилучших условиях, а особенно тех, кто очень нуждается.

— Это все — дело ваших рук! — ответила Эрмин. — Сестра Аполлония, которую я имела удовольствие повстречать в декабре, все мне объяснила. Ко всему прочему санаторий стоит в идеальном месте: на берегу озера, из окон видны горы. Летом пациенты могут наслаждаться живительным воздухом.

Тошан помог жене выйти из машины. Он заметил, как дрожит ее маленькая рука, затянутая в перчатку, на лице ее лежала тень беспокойства.

— Как я волнуюсь! — проговорила Эрмин вполголоса, поскольку Тошан не сводил с нее озабоченного взгляда. — Будь то в Квебеке, в Монреале или здесь, я всегда безумно волнуюсь перед выступлением!

Шарлотта, верная своей роли ассистентки, протянула молодой женщине мятную пастилку.

— Ну, мужайся, Мимин! — прошептала она. — Вспомни, ты пела в санатории на озере Лак-Эдуар без всяких репетиций. Мукки тогда был совсем еще маленьким.

Эрмин сумела взять себя в руки, когда вошла в большой зал, где ее с нетерпением ожидала публика. Здесь же собрался и весь персонал, но Эрмин видела лишь тех, кто занял стулья, поставленные полукругом. Многие пациенты были истощены, на исхудавших лицах, несмотря на усталость, читалось предвкушение развлечения. Когда Эрмин предстала перед собравшимися, по залу пробежал восхищенный гул. Для этих людей, влачивших свое существование в четырех стенах, в постоянном соседстве со смертью, эта молодая певица была воплощением здоровья. Она вся светилась — и волосы медового цвета, и розовые губы, и голубые глаза.

Директор торжественно объявил начало концерта. Пианист, специально приехавший из Сент-Эдвиж, занял свое место.

«Мы репетировали здесь сегодня утром, — думала Эрмин. — О, Сент-Эдвиж! Там живет Овид Лафлер. Возможно, они даже знают друг друга... Странно, стоило мне решить, что следует избегать Овида, как я просто перестала его встречать». Она вздохнула: удивительно, подумала она, что этот молодой учитель мог всколыхнуть в ней подобные воспоминания. Теперь это казалось Эрмин таким далеким и не важным. Мысли ее вернулись к аккомпаниатору. «Нужно спросить, не знает ли он “Прощание солдата”»... Он, конечно, способный молодой человек, но до Ханса ему далеко! Бедный Ханс! Вот уж кто был настоящим артистом! Умереть таким молодым... Но смерть не выбирает. Вот и Поль Трамбле не знал, что доживает последние деньки, когда похитил нашего Луи!»

Сидевшего поодаль Жослина Шардена тоже донимали невеселые мысли.

«Не стоило приезжать сюда с Лорой, — думал он. — Боже мой! Здесь все как прежде! Как будто я вернулся на берега озера Лак-Эдуар в те времена, когда думал, что помру от этой чертовой чахотки. И вовсе не всех больных спасает хорошая еда и свежий воздух. В лучшем случае это может продлить им жизнь, только и всего! Боже, почему ты подарил мне, такому большому грешнику, шанс выздороветь?»

Лучезарное лицо дочери заставило его забыть об этих мыслях, Лора и дети тоже не отрывали от нее взгляда. Тошан и Шарлотта после привычных приветствий заняли места рядом с ними.

Наконец зазвучал чудный хрустальный голос Соловья из Валь-

Жальбера. Эрмин пела «Золотые хлеба» — классический фольклорный репертуар.

Слышал ли ты на холмах,
Как поют, на ветру трепеща,
Золотые посевы, звеня
Спелым колосом, Бога хваля?

Лора задумчиво прислушалась. Эрмин с удивительным мастерством интерпретировала самые различные произведения. Даже на самых высоких нотах ее голос звучал с удивительной нежностью и поистине женской чувственностью. Когда Эрмин начала романс Жана Саблона «О, вы прошли, не взглянув на меня», это проявилось еще ярче.

Аплодисменты, перемежавшиеся криками «Браво!», звучали после каждого произведения.

— Жослин, — прошептала Лора на ухо мужу, — у меня возникла прекрасная мысль: я профинансирую первую пластинку нашей дочери. Она обязательно должна записать ее нынешним летом в Квебеке. Как я раньше об этом не подумала?

— Давай поговорим об этом позже, — оборвал жену Жослин. — Я так люблю «Арию с колокольчиками» из «Лакме»...

В зале с восторгом слушали триумфальное выступление Эрмин. Монахини также были очарованы, особенно сестра Аполлония, которую слегка покорила предыдущая песня, на ее вкус, слишком современная.

Тошан не сводил глаз с Эрмин. Каждый раз, когда она выступала перед публикой, он не мог отделаться от чувства, что недостаточно хорошо знает ее. Та белолицая сияющая женщина, которая стояла на сцене в черном бархатном платье, как будто отделялась от него и детей и полностью отдавалась своему искусству.

«Сначала, после нашей свадьбы, это мучило меня, — думал он. — Я боялся, что потеряю Эрмин, если позволю ей петь на сцене. И я причинил ей столько страданий своими упреками, из-за глупого желания заставить ее покориться моей воле. Но урок не прошел для меня даром».

Взгляд Тошана остановился на прекрасном лице жены, ему захотелось поцеловать ее, поблагодарить за то, что в глубине души она осталась той робкой девочкой, которая покорила его десять лет назад. «Теперь она расцвела, — говорил он себе. — Она сильная, но в то же время хрупкая, она знает, чего хочет, и следует своей дорогой, не жалуясь, даже с

яростным упорством, в тех случаях, когда это необходимо».

Волна любви захватила его, чувство было настолько сильным, что Тошан даже испугался. «Мимин, дорогая моя, мне бы хотелось остаться тем длинноволосым юношей в одежде из оленьих шкур, который похитил тебя однажды зимним утром, — думал он. — Мне бы хотелось унести тебя в леса, далеко от этого мира, от людей, и не разжимать своих объятий до конца моих дней».

Эрмин полностью отдалась пению. Голос повиновался ей, и это настолько успокоило певицу, что она с легкостью, без видимых усилий исполняла самые сложные пассажи. Взгляд ее сияющих голубых глаз останавливался то на одном, то на другом лице в зале. Сияя от радости, она улыбалась каждой волне аплодисментов.

А для пациентов санатория эта молодая женщина стала тем дорогим, необходимым средством, которое помогало найти в себе силы бороться с болезнью. Один вспоминал жену, другой — дочь, третьи, забывая о телесной немощи, начинали мечтать о светловолосой девушке, похожей на ту, что пела для них, и каждое ее движение было наполнено нежностью и состраданием.

Когда же она закончила свой концерт, исполнив «Аве Мария», что не было предусмотрено программой, слезы появились на лицах и слушатели украдкой утирали их. Расплакалась и сестра Викторианна.

— Какой, однако, таланту вашей подопечной! — прошептала она сестре Аполлонии.

Пожилая монахиня согласилась с ней, но поджала губы. Стараясь умерить восторги бывшей послушницы, она заметила:

— Талант очевиден, но зачем она так нарядилась? Это нехорошо!

Сестра Викторианна пробормотала, что так модно. А тем временем Эрмин, взяв с рояля листок бумаги, заговорила.

— Дорогие слушатели, — произнесла она, — надеюсь, сегодня вечером я смогла подарить вам немного радости и грез. У меня тепло на сердце от ваших аплодисментов. В наших холодных краях это очень ценно.

В зале послышались смешки. Эрмин продолжила:

— Прежде чем мы расстанемся, я хочу прочесть вам строки песни, написанной Роланом Лебренем, который в настоящее время служит в Цитадели в Квебеке. Я не знаю мелодии, иначе я бы с радостью спела ее для вас. Но слова еще важнее в это время, когда война не сегодня-завтра обрушится на наши дома.

В наступившей тишине прочла она «Прощание солдата». Потом, повернувшись к пианисту, подала ему знак, и зазвучало вступление

«Прощальной песни».

— Если кто-то захочет подпевать, не стесняйтесь, — с милой улыбкой произнесла Эрмин.

Зачем прощаться навсегда,
Надежду позабыв?
Зачем прощаться навсегда,
Пока на свете жив?
Не говори «прощай», сестра,
Не говори «прощай»!
Мы снова встретимся, сестра,
Не говори «прощай»!^[72]

На этот раз сестра Викторианна вытатила носовой платок, вспомнив тот грустный час, когда приходская школа прекратила свое существование и сестры-преподавательницы из Нотр-Дам-дю-Бон-Консей в Шикутими вынуждены были отправиться в Валь-Жальбер. Сколько было тогда выплакано слез в рабочем поселке! Эрмин намеренно изменила текст, заменив «братьев» на «сестер». Отзвуки ее восхитительного голоса еще долго наполняли сердца присутствующих.

Лора, Шарлотта и Жослин также едва сдерживали слезы, потому что многие в зале, где были в основном мужчины, подхватили припев, и возник импровизированный хор, самым лучшим в его звучании были искренность и неподдельность переживаний.

— Благодарю! Благодарю! — прощаясь, повторяла Эрмин.

Именно в это мгновение ей показалось, что она видит Киону — хрупкая девочка с золотисто-рыжими волосами стояла между рядами. Киона подавала ей какие-то отчаянные знаки. «Но этого не может быть! — удивилась молодая женщина. — Тала вдруг почувствовала себя плохо?»

Однако Эрмин тут же пришла в себя. Никогда бы Киона не смогла одна добраться до санатория, да еще в темноте. Эрмин начала инстинктивно искать глазами Тошана. Он заметил ее беспокойство и подошел к подиуму, где стоял рояль.

— Что происходит? — спросил он шепотом.

— Я видела Киону! Она была вон там, но теперь исчезла! Почему она появилась? Мне страшно...

Эрмин не успела договорить, потому что какая-то бедно одетая пожилая женщина подскочила к ним.

— Убийца! — визжала она, указывая пальцем на Тошана. — Убийца! — Лицо ее исказилось безнадежным отчаянием. — И тебе хватило наглости прийти сюда в то время, когда мой сын лежит в могиле? Бедный мой мальчик! Мой Поль! Полиция заявила, что это был несчастный случай, но разве полицейским можно верить?

Поначалу крики незнакомки посеяли панику среди слушателей. Испуганные монахини жались к стенам. Санитар попробовал было вмешаться в происходящее, но Амели Трамбле, обезумев от горя, оттолкнула его. Она продолжала указывать на Тошана, с трудом сдерживая рыдания.

— Это он убил моего мальчика, моего сына! У меня никого не было, кроме него! Мерзавец! Убийца! Пусть мне вернут моего Поля! Это был хороший мальчик, образованный и внимательный. Ему было всего тридцать пять, и он его убил!

Эрмин застыла. Искаженное мертвенно-бледное лицо этой женщины в жалкой фетровой шляпе, ее жестикуляция и дикие крики производили поистине ужасающее впечатление. Молодой монахине стало плохо. Женщина метала полные ненависти взгляды и выкрикивала оскорбления. Тошан, казалось, окаменел.

— Жослин! Сделай что-нибудь! — воскликнула Лора. — Из-за этой женщины разгорится настоящий скандал!

— Что ты хочешь, чтобы я сделал? — не понимал он. — Смотри, ее пытается успокоить врач. Главное — увести детей.

Но было уже слишком поздно. Плечи испуганного Луи сотрясались в беззвучных рыданиях. Мукки, Лоранс и Мари прекрасно поняли, о чем кричала эта женщина. К Шарденам протиснулась сестра Викторианна.

— Идемте, дети мои, быстрее! Я отведу вас в другую комнату. Эта бедная женщина лишилась рассудка. Мы позаботимся о ней.

— Я пойду с вами, — заявила Шарлотта.

Лора с облегчением посмотрела им вслед и увлекла за собой Жослина.

— Об этом деле написали в газетах, — шептала она ему на ухо. — Людям прекрасно известно, что наш зять невиновен! Сын этой несчастной был опасным преступником.

— Пойди и объясни это матери! — пробурчал в ответ Жослин.

Персонал больницы старался изолировать Амели Трамбле, но она с удивительной энергией снова и снова рвалась к сцене и пронзительным голосом, действовавшим на нервы присутствующим, клеймила Тошана.

— Грязный индеец! — завопила она снова. — Гореть тебе в аду!

— Мадам, прошу вас... — Эрмин наконец пришла в себя. — Это был

несчастный случай. Мой муж не хотел.

Но Амели Трамбле вряд ли слышала эти слова. Ее жалкое существование утратило всякий смысл: Наполеону, ее мужу, еще долго сидеть в тюрьме, а сын, ее единственный сын, которым она так гордилась, был мертв.

Бессвязные жалобы срывались с ее губ, а рука тем временем исчезла в кармане пальто.

— Осторожно, у нее револьвер! — выкрикнул кто-то.

От выстрела задрожали стекла. Все бросились врассыпную, крича от ужаса. Как только Тошан понял, какая им грозит опасность, он закрыл собой жену, но никто не пострадал. Врач, стоявший ближе всего к женщине, сумел отвести руку Амели, и пуля ушла в потолок.

— Господи! — простонала несчастная. — Прости меня, Господи!

Она рухнула на пол, ее тело сотрясали рыдания. Молодая монахиня и врач помогли вывести Амели в коридор. Лора последовала за ними.

— Мадам, — начала она, склонившись к Амели, которую усадили в кресло. — Вы должны меня выслушать! Я понимаю ваше горе, но сын, которого вы оплакиваете, чуть было не погубил невинного ребенка, моего сыночка Луи, которому еще нет и шести лет. Он похитил его, издевался над мальчиком, не давал ему есть и в конце концов бросил одного в пещере, когда у того началась лихорадка. Если бы не мой зять, которого вы осмеливаетесь называть убийцей, я бы никогда не увидела сына. Горе лишает вас рассудка, но произносить подобные обвинения на публике недостойно!

— Что теперь со мной будет? — спросила Амели, дрожа всем телом. — Мне не на кого опереться, я одна-одинешенька!

Тошан, стоявший в стороне, все слышал. Он заметил, как нахмурилась монахиня, и перехватил растерянный взгляд врача. «Еще немного, и симпатии окажутся на стороне этой женщины, — подумал он. — В конце концов, она не так далека от истины. Убей я Трамбле, мне бы ничего не грозило!»

Эрмин, еще не придя в себя от пережитого ужаса, подошла к мужу. «Нам очень повезло, — думала она. — Нас вполне могли убить».

— Киона пыталась предупредить нас, — проговорила она на ухо мужу. — Господи, неужели нам предстоит пережить еще одну трагедию?

— Это моя вина, — вздохнул Тошан. — Мать Трамбле произнесла вслух то, что у других на уме. Этот грязный индеец вполне способен солгать, одурачить всех. Да, можно считать меня виновным. Я не должен был пускаться в погоню за Трамбле в одиночку. Как только я обнаружил,

где он прячется, мне следовало предупредить полицию. Это они должны были арестовать его и отправить в тюрьму. Полицейские не раз спрашивали, почему я так не поступил. По крайней мере, его судили бы. Мне жаль эту бедную женщину. Как ей смириться с тем, что произошло? Она будет проклинать меня всю свою оставшуюся несчастную жизнь.

Во время этих переговоров совершенно потерянная Амели рыдала. В окружении директора санатория, врача и монахини она ожидала приезда полицейских. К Эрмин и Тошану подошла Лора.

— Уедем отсюда, — произнесла она устало. — У меня просто сдают нервы. Теперь эта безумная обвиняет Альбертину Ганьон. Клянется, что та была падка на мужчин и деньги, только и мечтала, как бы обосноваться в Калифорнии. Слава Богу, вам повезло, дети мои. Господь сжалился надо мной и не дал мне увидеть, как один из вас падает, сраженный пулей.

— Этого не случилось, — вмешалась в разговор Эрмин, — но пациенты и персонал больницы не забудут этого концерта. Что я пережила!

— Ты как-то легкомысленно к этому относишься, дорогая! — возмутилась Лора. — Нужно изолировать всю эту семейку Трамбле. Надеюсь, что не появится какой-нибудь их отпрыск, чтобы отомстить за родителей! Что до меня, — добавила она, пристально глядя на зятя, — я бы не имела ничего против, убей вы этого человека!

— И вы тоже считаете меня способным на убийство! — проговорил Тошан сквозь зубы. — Я дал слово блюсти закон, а я слов на ветер не бросаю.

Он повернулся и широким шагом направился к двери. Эрмин догнала его и взяла за руку.

— Сейчас не время бежать, Тошан. Мы должны объяснить своим детям, что произошло в действительности. Шарлотта не осмелится говорить на эту тему, и нам, родителям, придется сделать это самим. Ты знаешь, что невиновен. Не дай себя запутать!

Тошан остановился, что еще раз послужило для Эрмин доказательством того, что он научился справляться со своей необузданной натурой. Однако он не сразу последовал за женой. Как раз в ту минуту, когда начальник полиции входил в помещение, Тошан оказался перед Амели Трамбле, которая поднялась со своего места и теперь с безумным видом оглядывалась вокруг.

— Мадам, — проговорил он, — возможно, я для вас и грязный индеец, однако я хочу сказать, что не убивал вашего сына. Я не сразу обратился в полицию, совершил большую ошибку, что не прошло для меня без последствий. Я оказался один на один с вашим сыном. Мы начали драться,

он нанес мне три удара ножом, я оттолкнул его, и он рухнул на землю, ударившись головой о каменный выступ. Вам, вероятно, это уже говорили, но я хочу повторить это. Мне жаль вас. И, поскольку здесь присутствует доктор, пусть представители закона примут во внимание, что вы действовали в состоянии, близком к помешательству. Я прошу у вас прощения...

Свидетели этой сцены не могли понять, что происходит, в отличие от несчастной Амели. Тошан был искренен, она не сомневалась в этом, и его признание помогло ей покончить с кошмаром. Собственное поведение с каждой минутой казалось ей все более и более абсурдным. Неужели она, всегда мирная и боязливая, достала револьвер своего сына из ящика буфета в том тайном жилище, которое он указал ей месяц назад? Почему, прочтя в газете, что певица Эрмин Дельбо дает концерт в санатории, она решила отправиться туда в надежде, что муж молодой женщины также будет там и она сможет отомстить?

— Я не хотела никого убивать, — пробормотала она. — Хотя мне приходило это в голову. Мне хотелось навредить вам, месье, и вам, мадам! — Амели указала на супружескую пару. — Мой муж Наполеон так поносил вас, и потом, он ненавидел индейцев из-за своего отца, Фиделиаса.

— Всю эту историю мы знаем наизусть, — прервала ее Лора. — Но злодеи в наших краях не обязательно индейцы, и кому, как не вам, это знать... Однако где же Жослин?

Взволнованный последними словами Амели, Тошан подошел к начальнику полиции, желая поговорить с ним. Эрмин же увлекла мать в коридор. Она предпочитала не следить за продолжением этой истории. Ей нужно было сохранять хладнокровие для того, чтобы успокоить детей.

— Дорогие мои, все хорошо, — проговорила она. — Нечего бояться. Папа сейчас вернется.

— Эрмин, я взял на себя смелость объяснить им, что происходит, — уточнил Жослин. — Мукки очень волновался.

— Уже нет, мама! — воскликнул мальчик. — Мой папа не сделал ничего плохого. Человек, который похитил Луи, упал и...

— Да, и эта дама, которая кричала ужасные вещи, очень страдала, чувства захлестнули ее! — тихо проговорила Эрмин. — Это мать Поля Трамбле.

— Я не думал, что у злодеев тоже есть мамы, — удивился Луи, и лицо его стало печальным.

Услышав это, сестра Викторианна не могла не улыбнуться. Шарлотта посадила Луи к себе на колени и поцеловала его.

— И мама защищает своего ребенка даже тогда, когда он делает глупости, большие глупости, — подтвердила она.

Эрмин ласково обнимала Лоранс и Мари, которые снова обрели доверчивый вид счастливых девочек. Она часто замечала, что сестры-близнецы, несмотря на очевидную разницу в характерах, находили защиту от внешних невзгод в своем таинственном мире, в пространстве, которое было расцвечено радостью их собственных игр, перешептываниями и смешками.

— Мы возвращаемся к Тале, — объявила она. — И папа с нами.

Мукки вскарабкался на колени к матери, требуя ласки, и она погладила его по волосам.

— Думаю, ужин в «*Château Roberval*» отменяется, — заметил Жослин. — Ну что ж, тем лучше!

— Вы вполне можете отлично поесть с Луи и Шарлоттой, — ответила Эрмин. — Я знаю Тошана. После того, что произошло, ему захочется побыть одному и подумать. И мне понятно его желание.

Лишь через три часа Эрмин с Тошаном наконец смогли остаться одни. Они лежали у себя в спальне, в доме на авеню Сент-Анжель, где единственным источником света было багровеющее пламя умирающего камина и догорающая свеча. Обнявшись, они тихонько обсуждали события этого тревожного вечера.

— Я думала, мы сможем уехать значительно раньше, — проговорила Эрмин. — Полицейские старались вовсю, чтобы на месте взять наши показания. А мама разыграла великодушную матрону, пообещав выплачивать Амели Трамбле небольшую пенсию... Лишь бы мы только никогда больше не слышали об этих людях!

Тошан потянулся. Он очень устал. А поскольку жаловаться не любил, то молчал о тех страданиях, которые причиняли ему незажившие раны.

— Лора, наверное, нащупала ее слабое место. Эта женщина понимала, что обречена на полную нищету, поскольку ее муж в тюрьме. Знаешь, мне понятен ее отчаянный поступок. Ненависть может повредить рассудок и за несколько минут превратить самого разумного человека в чудовище. Меня самого пугала та агрессия, которая иногда рождалась во мне. Однако хватит об этом. Начальник полиции мне еще раз подтвердил, что я совершенно свободен, на мне нет никаких подозрений. Теперь, когда мы одни, я могу сказать тебе: тот факт, что мне как военному поручено специальное задание, сыграл свою роль.

Они поцеловались, и поцелуй этот был наполнен неизбывной

нежностью.

— Здесь нам, по крайней мере, ничего не грозит, — сказала Эрмин. — Это приятно. Двери закрыты, в комнате тепло. Меня тревожит только одно: мы не сказали Тале о том, что видели Киону...

— И так хватило рассказов, да и дети хотели есть. Мне стало легче, когда вся семья собралась за столом. Ни к чему предавать Киону!

— Что значит — предавать? — удивилась Эрмин, приподнимаясь на локте.

— Моя мать и так потребовала от нее невозможного, попросив забыть свой дар и стать обычной девочкой. Она записала ее в начальную школу. Подруги, занятия арифметикой, чтением и так далее, — все это должно было переключить мысли Кионы, заставить ее перестать видеть вещие сны или лететь к нам на помощь. Но моя сестричка хитрит. Я подозреваю, что она поступает так, как считает нужным, и продолжает развивать свои способности.

Эрмин удивилась, услышав из уст Тошана слово «сестричка», ведь и она могла именно так называть Киону.

— Но это может быть для нее опасно! — заволновалась она. — Она может снова заболеть! У меня до сих пор перед глазами она в коме, такая слабенькая, такая далекая!

— И так быстро выздоровевшая! — резко ответил Тошан. — Я думаю, что Киона значительно сильнее всех нас как в физическом, так и в духовном плане. Я мало уделял ей внимания, недостаточно любил ее, ослепленный старыми обидами. Теперь я понял свою ошибку. Она мне очень дорога, и отныне я буду присматривать за ней и больше с ней беседовать. Должен признаться, что восхищен ею.

— Приятно это слышать, любовь моя. Я же подпала под очарование Кионы прямо с ее рождения.

Они улыбнулись друг другу с заговорщицким видом. С тех пор как их разлучила война, родство с Кионией сближало супругов. Тошан помолчал минуту и заявил очень серьезно:

— Я решил уехать через неделю, ни днем позже. Мне нужно выполнить свое задание, я предупредил полицию, что вскоре покину Валь-Жальбер... Я должен объехать большую территорию и не могу терять времени, ведь офицер в Цитадели полностью положился на меня. И я должен оправдать это доверие. Не волнуйся, я обещал, что регулярно буду приезжать домой к тебе и детям, но я бы предпочел, чтобы ты жила в Робервале. С одной стороны, это ближе, чем Валь-Жальбер, хотя, конечно, несколько лишних миль меня не пугают, а с другой стороны, Мукки,

Лоранс и Мари пора уже отправляться в школу. Ты мне писала недавно, что учительница оставила твой поселок-призрак. А я хочу, чтобы наши дети были образованными людьми. Ты можешь за совсем небольшие деньги обставить и утеплить три комнаты одного этажа того дома.

Молодая женщина раздумывала: предложение было заманчивым, и оно ей безоговорочно нравилось.

— Ты прав, это прекрасная мысль! — согласилась Эрмин. — Родителям станет без нас спокойнее, а мы сможем приезжать к ним по воскресеньям, пользоваться городскими преимуществами, ходить по магазинам. Мне в Валь-Жальбере бывает скучновато. Да и дети будут в восторге, что пойдут в школу.

Они скрепили это решение новым поцелуем, который был уже не столь невинен, как предыдущий. Тошан расстегнул пуговицы на ночной рубашке Эрмин и начал ласкать ее атласную шею. Молодая женщина чуть не застонала от удовольствия и сбросила с себя легкую рубашку.

— Ты не жалеешь, что вышла замуж за грязного индейца? — неожиданно спросил Тошан.

— О Тошан, не говори так! — возмутилась Эрмин. — Я никогда не жалела о нашем браке, слышишь? Никогда! Для меня происхождение человека и цвет его кожи совершенно не важны. Я люблю тебя всем сердцем. Мадлен — такая же моя подруга, как и Шарлотта. Как ты можешь задавать мне подобные вопросы? Если говорить о презрении, то я презираю скорее тех, для кого существует эта разница.

— Значит, Маниту благословил меня! — воскликнул Тошан. — Помнишь, как повел себя Жозеф Маруа, когда я приблизился к его сахароварне? У него не возникло никаких сомнений, раз я краснокожий и у меня длинные волосы. С самого детства на меня сыпались оскорбления, потому что моя мать — индианка. Расизм внушает мне ужас. Мимин, ты сама доброта и терпимость, но многие еще исповедуют убеждения, которые внушают мне страх. Взять хотя бы Гитлера. И я, не задумываясь, сяду на корабль, чтобы отправиться в Европу, или же буду сражаться здесь, в Квебеке, во имя справедливости... Возможно, тебе придется долго ждать меня. И если от меня не будет вестей, не выходи второй раз замуж прежде, чем будешь совершенно уверена, что я мертв. Однажды вечером в Цитадели я слушал, что говорили солдаты. Чего только они ни рассказывали о войне четырнадцатого года! Многие канадцы сражались в Европе и попали в немецкий плен, а здесь решили, что они погибли на фронте. Я не хочу вернуться и застать тебя с другим. Мне невыносима даже мысль о том, что до тебя может дотрагиваться другой мужчина, что он

может целовать тебя.

Эрмин изумленно смотрела на Тошана. Она понимала, что тот искренне обеспокоен.

— Любовь моя, — сказала она нежно. — Этого никогда не случится. Я буду ждать тебя столько, сколько нужно.

— Жизнь человеческая держится на волоске, Мимин. Сегодня вечером, когда раздался выстрел, я вдруг почувствовал себя окутанным каким-то туманом, меня как будто не стало. Я закрыл тебя своим телом, не в силах допустить мысли, что пуля может попасть в тебя, что тебя могут ранить. Все так быстро произошло!

— Так быстро, что я даже не успела испугаться. Я увидела револьвер, и в следующую секунду врач толкнул руку Амели, пуля ушла в потолок.

— Думаю, что на войне, в бою все происходит еще быстрее. Тебя настигает фатальный выстрел, и все для тебя кончено, или ты просто ранен. Ты будешь любить меня по-прежнему, если я вернусь искалеченным?

Эрмин была готова заплакать. Никогда еще ее муж не предавался подобным размышлениям.

— Умоляю, прекрати мучить себя такими мыслями! Ты еще не уехал ни в какую Европу, ты даже не приступил к выполнению своего задания. Мы здесь, дома, и я люблю тебя так, что с тобой ничего не может случиться. Киона будет хранить тебя.

Последние слова вырвались у Эрмин сами собой. Тошан впился в нее пылающим взглядом. Понимая, какие душевные муки переживает ее муж, насколько он ослабел духом, Эрмин выскользнула из его объятий и откинула простыню. Восхитительная в своей наготе, Эрмин встала на колени на кровати. Золотистые отблески пламени танцевали на ее округлых формах, подчеркивая тонкость талии, восхитительный изгиб бедер, крепкую высокую грудь.

— Как ты прекрасна, — прошептал он. — Иди ко мне...

Она нежно выполнила его пожелание, длинные светлые волосы спадали на ее плечи золотой каймой легчайшей вуали. Опустившись на Тошана, молодая женщина двигалась, возбужденная вздохами и глухими сладострастными стонами мужа. Дыхание его становилось все чаще, страстный взгляд останавливался на прекрасной амазонке, делившей с ним наслаждение. Неожиданно она застыла, не в силах справиться с волной охватившего ее экстаза, он же ответил несколькими глухими стонами.

— Я люблю тебя, — прошептала Эрмин, вновь вытягиваясь рядом с мужем.

Тошан, упоенный наслаждением, прижал ее к себе и поцеловал

сначала во влажный лоб, потом в горячие губы.

— Может быть, мы породили новую жизнь, — предположил он.

— Возможно. Маленького мальчика, такого же милого и красивого, как Мукки. Любовь моя, ты мне так дорог. Я чувствую, что теперь ничто не может нас разделить, даже война. Как мне жаль те супружеские пары, которые не так страстно любят друг друга!

Теперь настал черед Тошана удивляться. Он с любопытством всматривался в лицо жены.

— Да, подобных пар множество! — продолжала она, печалась. — Бетти никогда не была счастлива с Жозефом. Иначе она бы не угодила в ловушку, расставленную ей Трамбле. Да и Шарлотта меня волнует. Я часто думаю, не делает ли она ошибку, выходя за Симона. Он стал средоточием всех ее надежд, она его обожает, но, как я себя ни успокаиваю, я не уверена, что ее чувство взаимно. Прости, я надоедаю тебе своими глупостями. Но мне не с кем об этом поговорить. Родители мои одобряют этот союз, Маруа тоже.

— Все, что занимает тебя, важно для меня, — ответил Тошан. — Я редко видел Шарлотту и Симона вместе и не могу сказать, что я об этом думаю. Но тебя действительно это заботит?

Эрмин тесно прижалась к Тошану, наслаждаясь мгновениями полного единения, было поистине восхитительно вот так тихо вести беседу.

— Когда Симон был моложе, он влюблялся в первую же проходившую мимо девушку. Говорил нам о помолвке, превозносил достоинства избранницы и каждый раз бросал ее. Шарлотта доверилась мне. Я знаю, что она хотела отдаться ему, чтобы ускорить свадьбу. Но он отверг ее и даже сделал выговор. Он считает, что не нужно торопиться, говорит, что слишком ее уважает. Но я в это как-то не верю!

Несколько обеспокоенный и заинтригованный, Тошан вопросительно взглянул на жену.

— Возможно, у Симона нет никакого опыта, — продолжала она. — Ты вот не скрыл от меня, что ходил к женщинам. Я думаю, что Симон страдает от робости, боится, что не сможет удовлетворить Шарлотту. Однако недавно он все же ласкал ее и целовал, и это хороший знак.

Тошан, несколько обескураженный, насмешливо улыбнулся.

— Честное слово, ты проповедуешь греховные отношения между женихом и невестой до церковного благословения! Где твои нравственные устои? Монахини не уследили за твоим воспитанием!

— Вовсе нет, месье язычник! Тошан, не шути! Симону ты очень нравишься. Если он доверится тебе, я была бы рада.

— Я могу попробовать вызвать его на откровенность... Но, может быть, нам поспать немного? Завтра я хочу встать пораньше, чтобы было время поиграть с детьми.

С губ полусонной Эрмин слетело еле слышное «да», но Тошан еще долго не мог заснуть, он лежал, уставившись в потолок.

«Я вовсе не расположен вести с Симоном разговоры на эту тему, — думал он. — Но как сказать об этом Эрмин? Она расстроится и ничего не поймет... Опасения ее обоснованны. Шарлотта никогда не будет любима так, как она того желает».

Ровное дыхание жены, спавшей рядом, не позволяло Тошану сохранять ясность мысли. С тех пор как он познакомился со старшим сыном Маруа, он подозревал в нем гомосексуальные наклонности, ему казалось, что Симона больше привлекают мужчины, чем женщины. Тала тоже говорила об этом недавно. Но у индейцев это не считалось чем-то постыдным. «Мне жаль этого юношу, — сказала Тала. — Он несчастен. Он пытается играть роль жениха, притворяется, но Шарлотте придется нелегко, если он будет по-прежнему пересиливать себя».

По взаимному согласию они решили молчать, понимая, что не могут ничего изменить. Тошан прекрасно знал, в кого на самом деле влюблен Симон, и уж об этом Эрмин знать вовсе не следовало. «Он любит меня! — думал он. — И для блага нас обоих я должен держаться от него подальше».

Оконная рама дрогнула под порывом холодного северного ветра. Но Тошана не пугала зима с вьюгами, снегом и льдом. Он вырос в этих суровых краях, и пугали его только ненависть, горе и обиды, так часто таившиеся в глубине сердец, и, не в пример северному ветру, способные разрушить все на своем пути.

Глава 19

Такая прекрасная весна

Роберваль, среда, 12 июня 1940 г.

Эрмин и Шарлотта стремительно шли по бульвару Сен-Жозеф. Одетые в легкие ситцевые платья в цветочек, они наслаждались теплым весенним воздухом, насыщенным ароматами весны, которая наконец вновь пришла в эти места. Одни деревья облачились в новый ярко-зеленый наряд из молодых листочков, другие предпочли пастельное одеяние из белых или розовых цветов, что просто завораживало.

На озере Сен-Жан пенные барашки волн, казалось, праздновали освобождение вод этого настоящего внутреннего моря.

— Мы обязательно должны до школы зайти в магазин «Времена года», — сказала Эрмин. — Мадам Ларуш тебе плохого не посоветует, Шарлотта. С тех пор как я поселилась здесь, мы подружились. Благодаря этой очаровательной галантерейщице я открыла для себя радость наряжаться. Фартук Лоранс, которым ты так восхищалась нынче утром, — как раз та модель, которую посоветовала мне Ларуш.

— И ты думаешь, она согласится сшить мне свадебное платье? Лора хотела купить готовое Шикутими, но мне не очень понравился фасон. Твоя мама видела его в каталоге. Ничего особенного: короткие рукавчики, приталенное и широкая юбка, как теперь модно. Из белого атласа, на мой вкус, скорее строгое, даже слишком. Я бы предпочла все придумать сама. Я знаю, чего хочу. И могу держать пари, что это выйдет дешевле. Я хочу шелковое, расшитое цветами платье цвета слоновой кости: корсаж с узким вырезом, прямая юбка с небольшим треном. И кружевная фата.

— Я уверена, что мадам Ларуш охотно согласится. Как она не устает говорить, ее портняжная мельница полностью подчиняется ее воле. К тому же она поможет тебе выбрать ткань и ленты.

— Вообще-то, Мимин, я знаю ее магазин, он в центре города, но мне не случалось с ней разговориться.

— Ну и зря. Мадам Тереза милая и приятная особа. Она скоро родит первенца. И она сказала мне, что уже выбрала имена: Виатёр, если будет мальчик, и Жислена, если девочка.

Шарлотта улыбнулась и кивнула. Легкий бриз ласкал ее голые щиколотки, юбка струилась вокруг ног, а темные кудряшки взмывали над головой. В сердце девушки, переполненном любовью, пела надежда. Очень скоро она станет мадам Маруа — высокий титул, который сулил супружеское ложе, наконец узаконенные поцелуи и тайну плотских радостей.

Бракосочетание должно было состояться 2 июля, на этот раз дата была назначена окончательно, хотя Симон под любыми предлогами пытался отодвинуть ее подальше. Но в этом 1940 году 15 июля холостяков должны были призвать в армию, так что по всему Квебеку началась настоящая свадебная гонка. Многие молодые люди думали, что это станет шагом к воинской повинности по жребию. Приходы даже организовывали групповые свадьбы^[73].

Эрмин толкнула дверь магазина «Времена года». Лицо Терезы Ларуш, стоявшей за прилавком, мгновенно озарилось радостью.

— Добрый день, мадам Дельбо! — воскликнула она.

— Здравствуйте, мадам Ларуш. Я привела клиентку, которая нуждается в ваших талантах... Моей подруге Шарлотте необходимо свадебное платье. И я подумала о вас!

— Ну конечно же! Мы сейчас же обсудим фасон, — откликнулась галантерейщица. — Шью я обычно только для родственников, но всегда готова оказать услугу. Давайте посмотрим. О, какая у вас тонкая талия, мадемуазель!

Зардевшись, Шарлотта слегка наклонила голову в знак благодарности и огляделась вокруг. На полках были аккуратно разложены рулоны разноцветных тканей. В деревянных шкафах наверняка стояли катушки с нитками и бобины лент. Придаться здесь было не к чему: магазин был очень симпатичным, как и его владелица.

— Для такого дня вам нужно платье, которое подчеркивало бы ваши достоинства, — задумчиво произнесла Тереза Ларуш. — Расширяющееся книзу от бедер и чтобы закрывало щиколотки. Такой фасон лучше подходит для венчания в церкви. Теперь, конечно, можно демонстрировать ноги, но не невесте...

— У меня была другая идея, — откликнулась девушка, — но то, что вы предлагаете, тоже весьма неплохо. Я вам доверяю.

Посетительница и галантерейщица склонились над модным журналом, где были собраны рисунки и выкройки. Эрмин, которую захватил вид оживленного бульвара Сен-Жозеф, купавшегося в лучах солнца, предоставила Шарлотте и мадам Ларуш обсуждать фасоны.

«Последние месяцы зимы были такие спокойные и радостные! — думала Эрмин. — Как хорошо, что я поселилась в Робервале!» Ей нравилось утром отводить детей в школу, а вечером забирать их. К их группке присоединялась и Киона, и каждый такой поход предоставлял возможность поздороваться и поболтать с соседями и торговцами.

Сестры Гаран, державшие почтовую контору, всегда тепло приветствовали Эрмин и, если на ее имя приходило письмо, то Мукки тут же исчезал в помещении, чтобы найти его и протрубить в рожок утреннее или вечернее приветствие.

«Тошан будет очень счастлив, когда вернется и увидит, какие успехи сделали наши школьники, — думала она. — Да и я могу собой гордиться, потому что уроки, которые я раньше им давала, пошли детям на пользу».

Мари делала большие успехи в счете, но Лоранс обгоняла ее в чтении. Девочка продолжала рисовать по вечерам и по выходным.

— Мимин, ну что ты размечталась? — прервала ее раздумья Шарлотта. — Мы как раз обсуждаем мою фату. Мне бы хотелось, чтобы она была кружевной, а удерживалась венком из шелковых цветов, который охватывал бы лоб, как небольшое бандо^[74].

— Зачем вы хотите скрыть свое прекрасное личико? — воскликнула галантерейщица. — Таковую прическу носили лет пятнадцать назад, но сейчас это не модно. Фата может быть прикреплена к венку и при этом не закрывать лицо. Давайте взглянем, что есть у меня на полках.

Там были разложены рулоны прекрасных кружев. В конце концов Шарлотта решила последовать совету Терезы Ларуш, которая была счастлива, что смогла оказаться ей полезной.

— Будете ли вы петь во время церемонии, мадам Дельбо? — спросила она, ловко раскладывая товары на прилавке.

— Да, с удовольствием! Я люблю эту девушку, как младшую сестру. Но надеюсь, что сумею совладать с чувствами. Бракосочетание состоится в церкви Нотр-Дам.

— А вы придете, мадам Ларуш? — спросила Шарлотта. — Вдруг понадобится в последнюю минуту что-то подправить...

— О, да вы не теряете головы, красавица моя! — рассмеялась галантерейщица. — Конечно, я приду полюбоваться вами, и, можете быть уверены, у меня в сумочке будет все необходимое: иголки, нитка... Все предусмотрено. Да я буду счастлива услышать и Соловья из Валь-Жальбера. У ваших родителей все в порядке, мадам Дельбо?

Эрмин улыбнулась.

— Мама радуется весне. Я поеду к ним в следующее воскресенье. Мой

поселок мне по-прежнему дорог, и я тоскую по водопаду. В это время он такой полноводный и бурный из-за таяния снегов. Мне это место бесконечно дорого. Мне часто кажется, что я просто черпаю энергию в безумных водах Уиатшуана.

— Да, зрелище великолепное, — согласилась Тереза Ларуш. — Мой муж меня туда возил однажды, примерно в это время года.

Эрмин улыбнулась в знак согласия и продолжила:

— Ой, совсем забыла... Моему брату Луи начали сниться кошмары. Мама не знает, как ему помочь... А так как вы мне не раз давали хорошие советы, я бы хотела узнать, что вы скажете.

— Это тот мальчик, который был похищен зимой? Бедный малыш! Ничего удивительного, что ему снятся кошмары. Скажите вашей матушке, пусть приготовит ему липовый отвар или ванну на его основе. Это помогает справиться с нарушениями сна и снимает нервное напряжение^[75]. В начале июля цвет уже можно будет собирать.

— Благодарю вас. В Валь-Жальбере много лип. Людям нравится их светлая древесина.

Шарлотта расплачивалась за атлас для своего платья и назначала дату первой примерки, когда Эрмин, взглянув на свои часики, воскликнула:

— Да мы с тобой опоздаем в школу, Шарлотта! Если девочки пропустят проход торговца рыбой, они будут дуться весь день!

— Простите, но я вас задержу на минутку, мадам Дельбо, — проговорила галантерейщица. — Насчет завтрашнего дня ничего не изменилось? Мой муж просил подтвердить. Это важно, потому что наш друг Исидор свободен лишь по четвергам, и вам придется освободить девочек от школьных занятий.

Жерар Ларуш работал в конторе «Клерк Сен-Виатёр», которая вела дела школы Нотр-Дам. А еще, когда конгрегация устраивала пикник на острове Дюма прямо напротив Роберваля, он управлял монастырским баркасом. Увидев однажды утром, как баркас отчаливает от берега, Эрмин подумала, что можно предложить детям прогулку по озеру. Она попросила месье Ларуша найти надежного человека, который предоставил бы удобный баркас на несколько часов.

— С директором школы мы договорились, все остается в силе. И поблагодарите мужа от меня, с его стороны очень любезно порекомендовать мне такого серьезного человека. Я могла бы обратиться к Пьеру Тибо, это один из моих друзей, но он редко бывает в Робервале. Моя гувернантка и свекровь тоже отправятся с нами.

Эрмин более не отваживалась называть Мадлен кормилицей своих

детей. Теперь она называла ее гувернанткой, что более соответствовало тому, чем занималась ее подруга. Никто в городе уже не обращал внимания на двух индианок, которые одевались, как все, и быстро завоевали соседское доверие.

— Значит, договорились. Исидор, друг Жерара, будет ждать всю компанию на набережной в десять утра.

Эрмин и Шарлотта, выйдя из магазина «Времена года», почти бегом бросились забирать Киону и близняшек из начальной школы. Уже перед входом к ним присоединился Мукки.

— Ты опаздываешь, мама! Смотри! Вот он!

— Быстрее, давайте быстрее!

Смотреть, как проходит по улице месье Лизотт, торговец рыбой, было излюбленным развлечением робервальских детей. Он шел по бульвару Сен-Жозеф, ведя чернильно-черного пони, который тянул небольшую тележку, выкрашенную в красный цвет. Рыба покоилась на огромных кусках льда, и месье Лизотт останавливался у каждой двери, предлагая свой товар. Лоранс и Мари побежали за братом, но Киона на этот раз осталась рядом с Эрмин.

— Почему ты не пошла с ними, дорогая? — нежно спросила молодая женщина.

— Мне слишком грустно! — заявила в ответ Киона, чуть не плача. — Катрин, которая сидит рядом со мной в классе, украла у меня агаты, два агатовых шарика Луи. А он просил, чтобы я их не теряла. Теперь их у меня только четыре.

Эрмин поцеловала ее в лоб. В своем клетчатом форменном платье с белым воротничком, золотисто-рыжими волосами, заплетенными в косы, девочка ничем бы не отличалась от подруг, не будь ее кожа такой смуглой.

— Это не причина для слез, — не согласилась с ней Шарлотта. — Луи даст тебе другие шарики, их у него целая шкатулка.

— Это не то же самое, — возразила Киона строго. — И Катрин еще сказала, что мой папа не умер, что он нас бросил, потому что моя мать — индианка.

— Что за глупости! — возмутилась Эрмин. — Ты ходишь в школу уже четыре месяца. Почему Катрин ждала так долго, чтобы сообщить тебе всю эту гадость?

— До этого она сидела за другой партой, — объяснила Киона. — Учительница пересадила Розу и велела Катрин занять ее место. А та сразу же на перемене украла у меня два агата. Я оцарапала ей щеку. А потом она мне все это высказала...

Шарлотта, возмущенная тем, что казалось ей жалобами капризного

ребенка, отошла от Эрмин. «Я в ее возрасте жила в нищете и страдала слепотой. Эрмин не стоило бы слушать все эти рассказы, малышка из нее просто веревки вьет».

Но Эрмин придерживалась другого мнения. Месяцы, проведенные на авеню Сент-Анжель с ее собственными детьми и Кионой, научили ее многому. Сама того не замечая, она много времени посвящала своей сводной сестре, потому что Мадлен стала второй матерью для близняшек и Мукки. Тала и Тошан не обратили внимания на это.

— Не стоит плакать, дорогая. Завтра у вас будет восхитительный пикник на острове. Я наняла баркас у друга месье Ларуша. Луи тоже отправится с нами. Твой крестный привезет его к нам рано утром.

— А ты с нами поедешь? — заволновалась девочка.

— Нет. После полудня я должна посетить доктора Брокера. Мне непременно нужно посоветоваться с ним.

— Мимин, скажи мне, — Киона решила вернуться к волновавшему ее вопросу, — это правда — про моего отца? Он жив или умер? Я молилась, чтобы он пришел ко мне во сне, но никого не увидела...

— Зачем Тале обманывать тебя? — ответила Эрмин. — Потерпи, наступит день, когда она тебе все расскажет. Смотри, торговец рыбой уже приближается. Я, пожалуй, куплю у него лосося на ужин.

Киона подчинилась, опустив голову. Черный пони дружески приветствовал ее своим ржанием, потому что девочка часто угощала его сухариками.

— Добрый день, дамы! — громко приветствовал Эрмин и Шарлотту месье Лизотт. — Читали утренние новости? Угроза подводных лодок становится совершенно реальной. Там, в Квебеке, наши парни ведут наблюдение за рекой, но что можно сделать против подводных лодок, которые направляет сюда Гитлер? Они уже должны были подняться по реке, под водой их не видно, они, как хищники, подкрадываются к нашим кораблям.

Мукки слушал, развесив уши. Он поднял вверх палец, как делал это в школе, когда задавал учителю вопрос.

— Месье, вы правда думаете, что подводные лодки могут доплыть до озера Сен-Жан?

— Кто знает? Когда я ловлю рыбу, то внимательно оглядываю все вокруг.

— Да вы шутник! — сказала Эрмин, улыбаясь. — Спасибо и до новой встречи, — закончила она, уводя детей.

Месье Лизотт с восхищением посмотрел ей вслед. Эрмин не сознавала,

насколько она красива и какими чарами обладает. Она считала себя хорошенькой, следила за своей внешностью. Но все это скорее ради Тошана, который каждый раз при встрече не скрывал своей пламенной любви. Сейчас же, в легком платье, с голыми руками и ногами, перламутровой кожей, сиявшей на солнце, она просто расцвела. Ткань на груди натянулась, светлые волосы волнами спускались ей на плечи, удерживаемые лишь двумя гребнями.

Шарлотта часто жаловалась, что рядом с Эрмин ее просто не замечают. Впрочем, это было правдой.

— Разве такую красавицу можно затмить?! — В шутке проскальзывали агрессивные нотки. — Да тебя, Мимин, можно снимать в кино. И твоего красавца Тошана тоже. Симон мне все уши прожужжал об этом.

— Прекрати! Ты же очень хорошенькая! — ответила Эрмин. — Тошан солдат, не забывай этого, и ему совершенно безразличны выдумки твоего жениха.

Эрмин ускорила шаг. С начала февраля Тошан пропадал в лесах, проходя десятки километров вдоль замерзших рек. Он составлял точный и подробный доклад о лесных верфях и судоходстве. В апреле он вернулся в Цитадель.

Понимая, что на этот раз разлука продлится долго, они провели две ночи в любовном бреде. Молодая женщина думала теперь, что беременна, и ей не терпелось получить подтверждение. «Тошан так обрадуется радостной новости!» — думала она. В своем последнем письме он сообщал, что будет здесь в середине июня. Поэтому Эрмин старалась не покидать Роберваль, разве что на несколько часов. «Завтра все отправятся на прогулку по озеру. Я схожу к врачу, а потом займусь собой...» Эрмин была совершенно счастлива.

Дом их на авеню Сент-Анжель был прекрасно благоустроен. Лора хоть и не была в восторге от решения дочери, проявила великодушие. Оплатив все необходимые работы у Шарлотты в Валь-Жальбере, она настояла на том, чтобы взять на себя также обустройство современной ванной комнаты для Эрмин и ее детей.

— Весна — мое любимое время года! — заявила вдруг Мари, подпрыгивая на месте. — Ненавижу зиму!

— Я тоже! — подхватила Лоранс. — Озеро Сен-Жан сейчас такое красивое! И волны, и лодки, и птицы...

Тала смотрела, как эта веселая компания входит в дом. Окна, на которые еще не натянули москитные сетки, были широко распахнуты, и по

дому гулял ветер, который час от часу становился все теплее. Нужно было пользоваться моментом, пока не появились мухи.

— За стол, дети! — строго приказала индианка. — После обеда я отведу вас в школу. Скажи мне, Шарлотта, что произошло? У тебя такой довольный вид. Мадам Ларуш согласилась сшить тебе свадебное платье?

— Да. Теперь я спокойна. А Симона еще нет?

— К чему мне прятать твоего жениха?! — ответила со смехом Тала. — Однако он звонил и сказал, что зайдет за тобой чуть позже. Он должен что-то сделать для матери. Но что за изобретение этот телефон! Я вздрагиваю от звонка и с опаской снимаю трубку, будто телефон может меня укусить.

Мукки, а вслед за ним и близняшки расхохотались. Киона с опечаленным личиком уткнулась в тарелку. Девочка никак не могла смириться с потерей двух агатовых шариков, которые подарил ей Луи. Она даже сказала Эрмин, что наделила шарики магической силой, но это — секрет.

Поскольку девочка была умна не по годам, она поняла, что ее способности беспокоят и озадачивают взрослых. Особенно ее собственную мать. Тошан прекрасно видел, что его сестра отчаянно хитрит, делая вид, что она такая же, как все дети.

Однако во сне девочке являлись странные образы. Она слышала разговоры взрослых о войне — на улице, возле школы, и сцены, виденные ночью, кажется, были отзвуком этих разговоров. Уже значительно позже Киона сможет обрести веру в себя и сопоставить события, витавшие перед ее внутренним взором.

Так, она видела, как торпеда, пролетев мимо цели, врывается в скалы Сент-Ивон. А из-за другой торпеды вылетели все стекла в деревне в Кап-Ша. Голоса бормотали также, что какой-то немецкий шпион сел на поезд на вокзале Гаспе, или же что подводная лодка поднялась на поверхность между двумя рыболовецкими баржами в Кап-де-Розье^[76].

Валь-Жальбер, среда, 12 июня, вечер

Элизабет и Жозеф Маруа легли спать очень рано. Вытянувшись на кровати, оба они смотрели в открытое окно на холмы. На фоне неба, лилового, как цветы лаванды, кое-где поблескивали звезды и видны были контуры росших неподалеку деревьев. В воздухе была разлита чудесная нега.

— Какая же радость — вновь увидеть весну! — проговорила Бетти,

положив руки на округлившийся живот. — Жо, наш ребенок скоро родится, может, даже в первый день лета^[77]. Сегодня вечером он очень толкается. Помнишь, когда я ждала Симона, ты прикладывал ухо к моему животу, чтобы послушать, как он там двигается? Один раз у тебя даже слезы навернулись на глаза...

— Все это в прошлом. Когда стареешь, теряешь иллюзии. Я вот вспоминаю те времена, когда я отправлялся на целлюлозно-бумажную фабрику, чтобы сделать свою часть работы, очистить пресс. Было это чаще всего ночью. Зимой ли, весной, ты стояла на нашем крыльце и смотрела, как я шел по улице Сен-Жорж. Я не оборачивался, но чувствовал спиной твой взгляд. Мне повезло, у меня была такая хорошенькая женушка, что мне завидовали товарищи! Когда наш сосед Амеде узнал, что дома я называю тебя Бетти, они с юным Эрменежилдом Мореном, которому было четырнадцать, принялись надо мной подшучивать. Вот и его тоже скосила чухотка!

— Жозеф, родной, мы так сильно любили друг друга! И эта любовь осталась неизменной. Я горжусь, что подарю тебе еще одного сына, твоего сына. Арман служит в армии, а Эдмон готовится принять сан священника. Я рада, что у меня будет четвертый сын. А ты?

Бетти робко погладила указательным пальцем запястье мужа — невысказанная просьба ласки. Бывший рабочий был совершенно равнодушен к ребенку, которого жена носила под сердцем. Не будь Симона, Бетти ни за что бы не справилась с домашним хозяйством.

— Тебе действительно интересно, чего бы мне хотелось? — спросил Жозеф. — Мне хотелось бы быть уверенным, что это действительно мой ребенок. Я помалкиваю об этом с самого Нового года, но мыслям ведь не прикажешь. Можешь ли ты поклясться всеми святыми, что отец ребенка именно я? И когда это мы его зачали?

Бетти собрала все свои силы. Когда об этом заходила речь, ее начинала бить нервная дрожь. Сколько раз она пыталась вычислить, когда именно забеременела, вспомнить, в какую из ночей Жозеф снизошел до того, чтобы переспать с ней — как всегда, быстро и грубо.

— Жо, дорогой мой! Сегодня такой чудный вечер! И воздух так пахнет цветами... Умоляю, не говори так! Мне было шестнадцать с половиной, когда ты сделал меня женщиной, и я любила тебя всем сердцем. Мы оба были счастливы. На тебе лежало все: починка и ремонт, домашняя живность, к тому же ты работал на фабрике... А мне так нравилось встречать тебя в безукоризненно прибранном доме, где все на своем месте и обед всегда ждет тебя.

— За все эти годы, Бетти, ты ни разу не говорила мне о каком-то там кузене Трамбле. По мне, лучше бы его вообще не было, этот случай порочит мое имя. Если, конечно, он действительно твой двоюродный брат. Я не поленился добраться до Роберваля и зайти к Берте. Старуха любит поболтать! Ты ведь знаешь ее, она тетка Гамелена, этого рыжего увальня.

Сердце Бетти заколотилось так сильно, что ей показалось, будто она сейчас потеряет сознание. Она глубоко вздохнула, что насторожило ее мужа.

— Берта не дурочка, — не унимался он. — Таковую не проведешь. Этот Поль Трамбле похаживал к вдовушке из Дебьена, пресловутой Альбертине, которая помогла ему выкрасть ребенка. Ну так вот, Улисс Дунэ, который иногда навещает в Роберваль, сообщил Берте одну подробность, которая не дает мне покоя. Эта Альбертина рассказывала соседям в Дебьене, что Трамбле приходится ей двоюродным братом... Что-то, мне кажется, у этого бандита многовато кузин.

Из груди Бетти вырвался жалобный стон. Она снова начала поглаживать живот.

— Я уже было задремала, но ребенок так сильно дернулся, что я проснулась. Что ты сказал?

— Ты что, держишь меня за идиота? — разозлился Жозеф. — Ты все прекрасно слышала, Бетти! Я более двадцати лет сплю рядом с тобой и прекрасно знаю, когда ты спишь и когда лжешь!

Это была настоящая пытка: во рту у Бетти пересохло, страх парализовал ее. Женщина приподнялась на локте: нужно было во что бы то ни стало найти выход.

— Ты пугаешь меня, Жо, вот я и лгу! Допрашиваешь, будто служишь в королевской жандармерии! Думаю, Поль Трамбле мне вовсе не родственник, но он был так красноречив, что завоевал мое доверие и сумел стащить ключи от приходской школы. Он постучался в нашу дверь единственный раз и наврал с три короба. А потом я боялась, что соседи начнут говорить про меня гадости. Клянусь тебе, Жозеф, этот парень в черном самого черта мог перехитрить! А я порой не слишком сообразительна, вот и решила, что лучше ничего тебе не говорить. Потому что я тебя хорошо знаю, ты вспыхиваешь, как порох. Я боялась, что если ты начнешь искать с ним ссоры, то он может причинить тебе вред или напугать Мари, если подстережет ее как-нибудь вечером. Ведь это он похитил малыша Луи Шардена. Ты, должно быть, заметил, как я мучилась из-за ключей в тот вечер, когда его похитили.

Бетти задохнулась от рыданий. Она неловко уткнулась мокрым от слез

лицом в грудь мужа.

— В прошлом году ты снова начал пить. А когда ты пьешь, я всего боюсь. Прости меня! Я тебе солгала, но я не предавала тебя. Да я бы лучше умерла! Наш союз был благословлен священником, мы дали клятву перед Богом, и я не могу ее нарушить.

Жозеф Маруа молчал, слезы жены тронули его сердце, зачерствевшее от скупости, жадности и недоверия. Выгоду он всегда ставил выше чувств. И Бетти это доставляло немало страданий.

«Жо, — думала она, — ты должен поверить мне на слово. Я могу припомнить, сколько раз мне было стыдно из-за твоей мелочности, из-за твоей жадности, из-за стремления заграбастать то, что может принести тебе прибыль! Я ведь помню, Жо, как ты не хотел отдавать Эрмин сломанные игрушки, которыми перестали играть наши дети. Но когда раскрылся ее певческий талант, ты только и думал, как бы на нем нажиться. Ты отказался удочерить ее, однако потом захотел выдать за Симона, хотя они оба этого не желали. Ты вырвал у Лоры те небольшие деньги, что у нее были, когда она нашла наконец свою Мимин, угрожал ей, не знаю уж там чем. Бог свидетель, ты ничем не лучше Трамбле!»

Бетти еще сильнее заплакала. Поль... Бетти с наслаждением шептала имя своего любовника. Возможно, он и использовал ее, возможно, совсем ее не любил, но он дал ей счастье, столько счастья. «Я влюбилась в Поля! Теперь его уже нет в живых. И он не сможет рассказать правду. А я — я больше не увижу его, не смогу поцеловать его в шею, и он никогда больше не будет играть моими кудрями...»

— Ты бы потише себя вела, — недовольно проворчал Жозеф. — Хорошо еще, что Мари осталась у Шарденов, а то девочка решила бы, что я тебя мучаю.

— Это твой ребенок! — воскликнула Бетти. — Я чувствую, что это мальчик. Мы назовем его Сильвестром. Мне нравится это имя. Оно такое же нежное, как нынешняя весна. И он станет учителем. Он будет помогать тебе ставить в лесу соковарню. Я не смогла пойти туда вместе с тобой в этом году, у меня просто не было сил...

— Да замолчи же наконец! — вздохнул Жозеф. — Вся рубашка уже промокла. Как будто выкупался.

Буря необъяснимым образом начала стихать. Бетти поняла это и успокоилась. Жозеф отодвинулся от нее, но не грубо. Бетти, обессиленная, вытянулась на кровати.

— Нарыв прорвался, — прошептала она. — Оно и хорошо. Я видела, что ты злишься на меня. Ты часто бывал беспричинно груб.

— Я думал, ты обманываешь меня, — ответил он. — Как бы там ни было, я все время злился. Вот-вот начнется война, Бетти. Будут лишения, карточки, мы даже не знаем, что еще нас ждет. Хорошо бы купить радио, чтобы быть в курсе происходящего. Шардены-то, конечно, уже купили. У них денег куры не клюют...

Бывший рабочий наотрез отказывался купить машину, грузовичок или хотя бы мотоцикл, потому что не мог расстаться ни с единственным долларом из накопленных денег. Его гордостью был собственный дом и множество земельных участков.

— Ну и купи себе это радио! — ласково проговорила Бетти. — Ведь тебе так этого хочется! По нему и песни передают, это меня развлечет. После того как Арман уехал, никто больше не насвистывает модных мелодий. Симон скоро женится. Если я не разрожусь в день свадьбы, просто счастье.

— Значит, ты не лжешь, этот ребенок от меня? — не унимался Жозеф.

— Ни один мужчина не прикасался ко мне, Жо, кроме моих сыновей, когда я кормила их грудью, но в этом ты не можешь меня упрекнуть.

Жозеф усмехнулся, его смутило это двусмысленное напоминание. У Бетти были красивые груди, заостренные и упругие. На псарне Шарденов залаяла собака. Совсем стемнело. Жозеф схватил руку жены и под одеялом направил ее к своему паху. Он не мог войти в нее, но существовали и другие способы удовлетворения желания.

Бетти исполнила то, чего он желал, ей было неприятно и грустно. Она терпеть не могла лгать, но должна была спасти свою семью и детей.

Роберваль, четверг, 13 июня 1940 г.

Эрмин вышла от доктора Брассара.

Доктор не подтвердил беременности, и это очень ее расстроило. Взгляд ее синих глаз, потемневших из-за этих досадных обстоятельств, блуждал по озеру Сен-Жан. От берега отдалялось восхитительное белое судно «Мистассини», перевозившее пассажиров и туристов из Роберваля в Альма. Над ним, поддерживаемые потоками воздуха, парили чайки, и крылья их практически были неподвижны.

Подол ее платья, стянутого на талии красным кожаным ремнем, затрепетал под порывом ветра. Эрмин всем телом ощутила легкость и воодушевление, причиной которого были дивная погода и скорое возвращение Тошана.

«Доктор может ошибаться, — подумала она, входя в дом на авеню Сент-Анжель. — Задержка достаточно большая».

Она поделилась своими сомнениями с Талой, но индианка лишь нахмурилась, а потом заявила:

— Вряд ли ты ждешь ребенка. Он не ко времени, потому что Тошан в армии.

Эрмин решила не задавать больше вопросов. Будущее покажет. Она постепенно сумела убедить себя, что ее муж, наверное, инспектирует леса. «В своем письме на прошлой неделе он сообщил, что офицер, доверивший ему задание, очень доволен его работой и он будет, вероятно, продолжать начатое», — утешила она себя лишней раз.

Напевая «Мой легионер», Эрмин раздвинула шторы, чтобы впустить в комнату приятный свет закатного солнца. Она сняла парусиновые туфли и босиком взбежала на второй этаж. Ее удивляла тишина, царившая в доме: не было слышно ни как Мари прыгает у себя в комнате, ни как Мукки подражает рычанию рассерженного медведя.

Дойдя до ванной комнаты, Эрмин вымыла руки, ополоснула щеки холодной водой и расстегнула пуговицы на корсаже. Глухой шум на первом этаже заставил ее вздрогнуть. В коридоре раздались тяжелые шаги.

«Кто это может быть? — удивилась она. — Тошан? Но он так не ходит! Я же закрыла дверь на ключ...»

Приведя в порядок платье, она вышла на площадку второго этажа.

— Кто там? — спросила она, перегнувшись через деревянную балюстраду. — Папа, ты?

Только Жослин мог обойти дом и открыть дровяной сарай, который сообщался с домом. Утром он привел Луи, но сейчас она не ждала его прихода. Тут послышался мужской голос:

— Эрмин, я зашел поздороваться с тобой. Это я, Пьер! Я стучал, но, поскольку никто не ответил, вошел через двор.

Молодая женщина, еле сдерживая возмущение, спустилась на первый этаж. Она твердо решила попросить уйти нежданного гостя.

— Что это за странное поведение, Пьер! — возмутилась она, нос к носу столкнувшись с ним на пороге кухни. — Раньше ты был куда вежливее! Если тебе не открывают парадную дверь, значит нужно уйти! Моя свекровь могла отдохнуть после обеда.

Мужчина смотрел на нее бессмысленным взглядом. От него сильно пахло алкоголем.

— Да ты пил! — с изумлением произнесла Эрмин. — Я никогда не видела тебя пьяным среди дня, да и вечером тоже. Что случилось? У тебя

неприятности?

Она уже начала ругать себя, что так нелюбезно его встретила. Пьер смущенно молчал.

— Я сейчас сварю кофе. Зачем же так напиваться?

— Я в последнее время втянулся, — признался он, не сводя глаз с Эрмин. — А ты не догадываешься почему?

Пьер подошел к ней вплотную. Женщина инстинктивно попятилась, но он схватил ее за правое запястье.

— Эрмин, ты прекрасно знаешь причину. Я так и не смог излечиться с Рождества... Да-да, это тяжело — так тебя любить! Я не могу сидеть дома, иду в харчевню и пью.

— Оставь меня, Пьер! — запротестовала она. — Если ты заводишь подобные речи, то лучше уходи. Не стоит задерживаться здесь. Тем более что я одна...

Он замотал головой, и выражение лица у него было столь странным, что в мозгу молодой женщины возник сигнал тревоги. Зря она сказала, что одна в доме. Теперь Пьер беззастенчиво рассматривал ее.

— Я совершенно не хочу уходить, — говорил он, покачиваясь. — Ты такая хорошенькая!

Он переводил взгляд с ее губ на грациозную шею, на которую отбрасывали тень распущенные волосы.

— Мне хотелось тебя повидать, но я и подумать не мог о таком, — добавил он. — Ты все хорошеешь и хорошеешь...

— Пусти меня, Пьер! — приказала Эрмин. — Я тебя предупреждала этой зимой. Ты ведешь себя недостойно. Я считала тебя своим другом, только другом. Я дам тебе сейчас воды, и ты отсюда уйдешь. Нечего разыгрывать передо мной пьяницу. Ты разочаровал меня, и Тошану тоже это не понравится!

— Тошан да Тошан! — разозлился Пьер. — Где же он, твой муженек-дикарь? Я просто места себе не нахожу, представляя тебя в постели с этим полукровкой, в то время как вокруг столько отличных парней.

— Что ты несешь? — возмутилась Эрмин. — Я запрещаю так говорить о Тошане. Он тебе полностью доверял, и тебе не стыдно предавать его? Оставь меня, слышишь?

Пьер отпустил запястье Эрмин, но только для того, чтобы облапить ее, преградив выход из кухни. Отекшее багровое лицо, потухшие глаза — Пьера невозможно было узнать.

— Тебе должно быть стыдно! — презрительно бросила Эрмин. — Убирайся! Оставь меня в покое!

— Я пытался, Мимин, — возразил он. — Я поклялся себе не приближаться к Валь-Жальберу, но, когда узнал, что ты поселилась здесь, я пришел. Это сильнее меня. Да, я выпил для храбрости, ну и что? Зато я здесь, с тобой!

Эрмин покосилась на входную дверь. Пьер это заметил и схватил ее за талию.

— Ну же, один поцелуй, и я уйду, — начал умолять он. — Я все эти месяцы только о тебе и думаю. Я просто заболел. У моей жены будет еще один ребенок, уже пятый. И через год, наверное, еще. Я не могу найти себе места дома среди всего этого тряпья и постоянно собачащихся девок. Ну а ты что делаешь? Близнецы уже подросли. Может, и хорошо, что твой индеец пренебрегает супружеским долгом?

Эрмин в ярости вlepила Пьеру пощечину, но он даже не обратил на это внимания и стиснул ее еще сильнее. Вдруг мужчина впился в нее губами, прижав к кухонной перегородке. Эрмин в панике начала отбиваться. Он обхватил ее голову своими большими мозолистыми ладонями, чтобы крепче поцеловать. Сначала Эрмин сопротивлялась, сжав зубы, но в конце концов ему удалось просунуть между ее зубов свой затвердевший и жадный язык.

— Я люблю тебя, — отрывисто шептал он, переводя дыхание. — Я хочу тебя...

— Грязный грубиян! — закричала женщина. — Ты сделал мне больно своими лапами. Оставь меня, кому говорят!

Эрмин изо всех сил сдерживалась, чтобы не заплакать. Ей никогда не приходилось сталкиваться с таким откровенным мужским желанием, ей казалось, что она все же сможет выставить Пьера, который всегда был преданным и верным другом. Инстинкт подсказал ей, что нужно попробовать поговорить с ним как можно спокойнее.

— Пьер, ради Бога, ничего не затевай! Я замужем, ты женат, у нас семья. Я всегда уважала тебя. Приди в себя. Между нами ничего не может быть. — Она старалась не упоминать имени Тошана, боясь, что вслед за этим посыплются оскорбления. — Ну, подумай! Что бы сказала твоя жена, увидь она тебя в таком положении? Она решила бы, что ты сошел с ума. Пьер, приди в себя и уходи отсюда. Возвращайся домой.

Казалось, он уже готов был ей подчиниться, но тут его помутневший взгляд остановился на вырезе платья, открывавшем ложбинку между грудями.

— До дома мне далеко, это рядом с Ривербендской мельницей, где я познакомился с Метисом. Этому парню повезло. Но я своего не упущу и

сегодня это докажу...

Пьер что-то бессвязно бормотал, нижняя губа у него отвисла. Эрмин не могла понять этой разительной перемены. Стоило ему немного отступить, как она бросилась к лестнице в надежде закрыться на ключ у себя в комнате. Сердце у нее бешено колотилось, она летела вверх по ступенькам, как спасающая свою жизнь лань. Но прежде, чем ступить на площадку второго этажа, она упала, вытянувшись во весь рост. Железное кольцо мужских пальцев сомкнулось вокруг ее лодыжки.

— Зачем ты так, прекрасная моя Эрмин? — рычал Пьер. — Я не сделаю тебе ничего плохого, я хочу только доставить тебе удовольствие...

— Нет! Сжался надо мной! — простонала она, пытаясь встать.

В ужасе она перевернулась на спину и ударила насильника по лицу. Он только усмехнулся и не разжал рук. Свободной рукой он начал ласкать ее бедра.

— Я сильнее тебя, — проговорил он. — И лучше не противься. Это недолго, увидишь. Я хочу, чтобы ты почувствовала себя счастливой, по-настоящему счастливой. А я знаю что говорю. Я пообещал себе взять тебя, и я тебя возьму.

Прижавшись щекой к деревянной балюстраде, Эрмин разразилась нервными рыданиями. Пьер поднял ее, как какой-то тюк, и, бросив на лестничную площадку, взгромоздился сверху. Она услышала щелчок расстегиваемого ремня. Эрмин тут же вспомнила, как Жозеф Маруа расстегивал кожаный ремень, чтобы наказать Симона или Армана. И тут же перед ее взором мелькнула картина: она сидит рядом со своим бывшим опекуном в тележке, в которую запряжен Шинук. Они возвращались из Роберваля, где она, робкая пятнадцатилетняя девочка, пела для постояльцев самой большой гостиницы в городе. «Жозеф тогда тоже выпил. Он привлек меня к себе, обнял за плечи и начал что-то шептать. Я испугалась. Симон предупредил священника... Боже мой, я не могу позволить Пьеру это сделать! Никогда я не изменю Тошану, никогда!»

Но мужчина уже лежал на ней, красный от возбуждения и задыхающийся. Верзила Пьер навалился на нее всей своей тяжестью, чтобы она не могла двинуть ни рукой ни ногой, и вновь впился в ее губы. Он уже задрал подол ее платья, Эрмин отчаянно отбивалась, погружаясь в неизбывный кошмар.

— Я люблю тебя. Ты же красавица! — заявил Пьер, покусывая сосок ее груди через ткань. — Я тебя люблю с давних пор. Это мне следовало на тебе жениться, сохранить тебя для себя.

Расширившиеся от ужаса зрачки потемневших голубых глаз

остановились на насильнике.

— Пьер, Тошан убьет тебя, когда об этом узнает! Я все ему скажу! Вспомни, он был твоим другом! Что станет с твоей женой и детьми, когда ты окажешься в могиле? Ты принесешь несчастье двум семьям, потому что мой муж из-за тебя попадет в тюрьму. Ты этого хочешь? — плакала она.

Ее переполняли гнев и возмущение, она хлестала его по щекам, царапала изо всех сил. Слезы текли у нее из глаз, она не хотела покоряться, но он смеялся и продолжал делать свое дело. Почувствовав прикосновение его члена к своим бедрам, она изо всех сил начала звать на помощь.

— Замолчи! — заорал он. — Можешь ты замолчать, наконец?!

Ей показалось, что кто-то поднимается по лестнице, и она крикнула еще громче. Симон, ничего не понимая, уставился на них, потом схватил Пьера за волосы.

— Свинья! Оставь ее, мерзавец!

Узнав насильника, он лишился дара речи. Тот же, ничего не понимая, продолжал стоять на коленях со спущенными штанами. Алкоголь так и не выветрился у него из головы.

— Все в порядке, Мимин? — спросил Симон. — Как тебе не стыдно, Тибо? И не говори мне, что она этого хотела, я слышал, как она кричала. Не думал, что ты на такое способен. Ты просто сволочь. Приведи себя в порядок и убирайся отсюда!

Эрмин, свернулась в клубок, натянула на ноги подол. Она беззвучно рыдала, прикрывая лицо.

— Я был вне себя, — заявил в конце концов Пьер. — Это несчастье — так в нее влюбиться... Ведь она такая красивая!

Симон указал ему на дверь. В его взгляде не было ничего, кроме отвращения и презрения.

— Ступай прочь и никогда сюда не возвращайся! Что это за любовь такая, если ты хотел обесчестить Эрмин? Какое лицемерие! Уходи отсюда, и как можно быстрее!

Пьер сбежал по лестнице. Хлопнула дверь. Симон склонился над молодой женщиной. Нежно, совершенно по-братски, он провел рукой по ее волосам.

— Мимин, он ушел. Дорогая моя, маленькая Эрмин, благодарю Бога, что он надоумил зайти сюда. Думаю, я появился *in extremis*^[78]... Твоя мать так часто говорит — *in extremis*...

Трогательная интонация Симона и его нежные прикосновения сделали свое дело. Эрмин начала приходить в себя.

— Мужайся, — проговорил молодой человек. — Черт возьми, как мне

противно тщеславие некоторых мужчин! Я никогда бы не подумал, что Пьер может так обойтись с тобой. Все знают, что он изменяет жене. Вставай, Мимин, мне больно смотреть, как ты лежишь тут на полу!

Симон помог ей сесть, но Эрмин не могла поднять глаза, ей было слишком неловко смотреть ему в лицо.

— Ну, в чем дело? — тихонько спросил Симон. — Тибо не удалось добиться того, чего он хотел, все позади, Эрмин!

Симон привлек ее к себе. Она не могла произнести ни слова, сгорая со стыда, что предстала перед ним полуобнаженной.

— Поплачь, Мимин! Я считаю себя твоим братом и рад, что приехал в Роберваль сегодня днем. И знаешь почему? Шарлотта натирала новый паркет, и ей не хватило темного мыла и соды. Я сел на велосипед, решив, что прогулка пойдет мне только на пользу. Когда я проезжал здесь, то подумал, не выпить ли с тобой чаю... Но почему ты одна в доме? Где свекровь? Мадлен?

— Я организовала для них прогулку на баркасе, — начала объяснять она. — Все отправились туда. Стоит такая прекрасная погода! Исидор, друг Жерара Ларуша, должен был отвезти их на остров на пикник. Я же пошла к доктору Брассару. Думала вымыть голову и привести себя в порядок, может быть, Тошан приедет вечером... Знаешь, Симон, если бы Пьер меня изнасиловал, я бы никогда уже не смогла быть прежней, особенно с мужем.

Мысли Симона были где-то далеко, но он утвердительно кивнул. Его ужасали последствия подобного акта насилия.

— Господи... Вставай, Мимин, не век же нам сидеть тут на лестнице. Я спущусь в кухню, приготовлю чай. А ты пока переоденься.

Эрмин поднялась с помощью Симона. На предплечье проступили синяки, на правой щеке алела царапина.

— Что за чудовище этот Тибо! — воскликнул Симон. — Остается лишь надеяться, что Тошан сегодня не появится. Увидь он тебя в таком состоянии, несчастья не миновать.

— Я не буду лгать ему. И пусть хорошенько отделает Пьера, это пойдет тому на пользу. Ничего другого он не заслуживает. А ты не дрался с ним?

— Нет! — резко ответил Симон. — Я никогда не дерусь. Отец приучил меня получать удары, но не отвечать на них. Однако на твоём месте я бы ничего не говорил Тошану.

— Почему это? — возмутилась Эрмин.

— Потому что ему будет больно. Ты — его жена, и он тебя очень любит. Это нанесет удар по его гордости, даже если он заставит Пьера

дорого заплатить за свою ошибку. Он всегда будет помнить, что другой мужчина прикасался к тебе, целовал... Тем более что скоро Тошану предстоит отплыть в Европу. Зачем же ему ехать в другую страну с такой тяжестью на сердце? Мимин, немцы уже во Франции. Люди там покидают свои дома, чтобы убежать от врага, на дорогах дети, такие же матери, как ты, гибнут под бомбами. У нас в Квебеке еще все тихо, но это ненадолго. Так что постарайся забыть о происшедшем. К тому же он был пьян, этот мерзавец!

Эрмин задумалась. Она знала обо всем из газет, но не понимала до конца, какие трагические события сотрясают мир.

— Но если бы не ты, он бы мог... — прошептала она, чуть не плача. — Мне было так страшно! А ты советуешь мне все забыть? Меня как будто изваляли в грязи! Меня тошнит!

Она направилась к ванной комнате и захлопнула за собой дверь. Симон же закурил сигарету и стал медленно спускаться в кухню. У него перед глазами все еще стояла картина, которую он увидел четверть часа назад. Озверевший Пьер, беззащитная, испуганная Эрмин. Симон готов был проклясть все, что имеет отношение к плотской стороне жизни. «Мне бы стоило пойти по стопам Эдмона, — думал он. — Стать священником или закончить свою жизнь в монастыре. Бедная Мимин, я требую от нее невозможного. Ее пытались обесчестить, унизили...»

Думая обо всем этом, Симон поставил чайник. Он сказал Эрмин не всю правду. Дело было не в поручении Шарлотты. Он чинил стул, когда неожиданно решил ехать в Роберваль. Из головы его не выходила Эрмин... Внутренний голос настоятельно звал его в путь. Он заволновался и подчинился этому зову, придумав, что нужно купить темного мыла и каустической соды. Шарлотта, конечно, надулась, но его вел внутренний голос. «Я не мог поступить иначе, — уговаривал он себя. — Не прислушайся я к своей интуиции, этот мерзавец Тибо изнасиловал бы Эрмин. Нас спасло Провидение!»

Молодая женщина спустилась в кухню. На ней были полотняные брюки и рубашка. Она долго простояла под душем и все же чувствовала себя так, будто вывалялась в грязи.

— Ты прав, Симон, я ничего не скажу Тошану, — сказала бледная как мел Эрмин, беря в буфете чашки. — Я вспомнила о своей свекрови. Фиделиас Трамбле добился своего, угрожая ей ножом. Он рассчитывал приняться за старое. Теперь я лучше понимаю, как яростно Тала хотела отомстить. Этот человек заставил ее предать мужа, унизил ее, смешал с грязью. Она не могла больше жить в мире с собой. Я не защищаю

подобный вид скорого суда, но теперь я испытываю ненависть к Пьеру, а ведь я была к нему очень привязана. Нужно верить, что мой ангел-хранитель хорошо справился со своей работой, потому что избавил меня от худшего испытания.

Она отпила глоток чая. Симон последовал ее примеру, не отрывая от нее внимательных глаз.

— Не может быть! — воскликнул он. — Неужто ты веришь в ангелов?

— Да, верю, — подтвердила Эрмин. — Доказательство: ты меня спас. И я благодарю тебя от всего сердца. Сознание мое затуманилось, силы были на исходе, и тут ты пришел мне на помощь.

Внезапно Эрмин заметила печать усталости на лице Симона. Ей показалось, что он похудел и чем-то озабочен.

— У твоих родителей все в порядке? Бетти скоро рожать.

— Отец немного успокоился. Теперь я могу передохнуть, я устал играть роль сторожевого пса. Сегодня утром мама жаловалась, что у нее ломит поясницу. Боже мой, ну почему она решила рожать еще раз?

— Тут не выбирают. Я консультировалась с врачом. Я думала, что беременна, но это не подтвердилось. И потом, я помню, что твоя мама мечтала о большой семье. В наших краях у женщин бывает и по десять детей. Шарлотта мечтает подарить тебе кучу маленьких чудовищ!

— Мне вполне хватит и одного! — возразил Симон. — Но я буду заботиться о нем.

— Конечно! Но Шарлотта утверждает, что ты хотел бы много детей.

— Моя невеста выдумывает. Скажи, разве болтовня способствует высокой нравственности? Я беспокоюсь за тебя. В последние месяцы тебе выпало немало хлопот!

— Я чувствую себя лучше, — сказала Эрмин. — И все потому, что ты мне сказал. Не следует жаловаться на судьбу, когда в Европе творится такое. Странно, однако я только что заметила, что могу говорить с тобой о том, о чем с трудом удастся с Тошаном. Я, наверное, тебе надоела. Мужчины предпочитают беседы о спорте, войне, автомобилях...

— Ну, не все же! Разговоры на другие темы только доказывают, что некоторые особи наделены умом! — пошутил Симон. — И потом, мы с тобой вполне можем поговорить о санях, коньках, об упряжи. Я прекрасно представляю, что мог бы принять участие в гонке на собачьих упряжках!

— Но этим можно заниматься только зимой, — заметила Эрмин. — А что ты будешь делать весной и летом?

— Буду работать в саду, разводить скот. Куплю петуха и кур.

Они рассмеялись, но напряжение не ушло. Эрмин делала вид, что

обрела былое спокойствие, но по-прежнему ощущала на своем лице пьяное дыхание Пьера, прикосновение его рук.

— Судьба иногда играет с нами в странные игры, — произнесла она меланхолическим тоном. — Я была влюблена в Пьера в четырнадцать лет, потому что он меня однажды поцеловал на прощание на улице Сен-Жорж. Я мечтала о нем целых полгода, будто о принце. Сегодня же я увидела просто пьяницу, хама, который считает, что все женщины должны принадлежать ему. А ведь я была так счастлива еще сегодня утром, и вчера тоже! Жизнь казалась на удивление прекрасной: цветущие яблони, легкий бриз на озере, столько ярких цветов после монотонной белизны бесконечной зимы. И зря я была столь беззаботна. Почему не заперла дверь? Может, это предупреждение, Симон? Нужно быть осторожным и все время ждать, что на тебя может обрушиться несчастье?

Симон взглянул на нее со странным выражением. Он было собрался ей ответить, но не произнес ни слова и только пожал плечами.

— Мы были слишком беззаботны, и я, и мои родители, — продолжала говорить Эрмин. — Луи не попал бы в руки Поля Трамбле, сообрази я, что братик забыл своего плюшевого мишку на крыльце приходской школы. А вечером никто не слышал, как он вышел из дома. Это похищение могло обернуться настоящей трагедией. Луи спасся чудом, а Тошан просто смотрел в лицо смерти. Вспомни и заключительный акт этой драмы, когда в санатории Амели Трамбле потрясала револьвером, считая моего мужа убийцей. И тогда я ничего не почувствовала. Как было бы прекрасно, в самом деле, если бы мы были наделены всевозможными паранормальными способностями и дарами!

— Как Киона? — спросил Симон. — Мимин, я же не идиот! Когда она, потеряв сознание, пришла в себя и сказала, что в ее кузена Шогана стреляли, разве не ты заметила, что индейцы придают большое значение своим снам и считают их вещими видениями?

Молодая женщина с облегчением вздохнула. Симон не знал главного: Киона способна перемещаться в пространстве, как в тот раз, когда она появилась у источника.

— Не обращай внимания на то, что я говорю! — оборвала разговор Эрмин. — Киона очень нервничала во время своего короткого пребывания в Валь-Жальбере.

— Но ведь Бушар действительно стрелял в Шогана!

— Да, стрелял, — согласилась с ним Эрмин. — Одно очевидно: никто не знает своего будущего. Я хочу защитить своих детей, хочу, чтобы Тошан был со мной, но вот начинается война. Отец следит за происходящим,

внимательно слушая радио. Если Соединенные Штаты примут участие в конфликте, пламя охватит весь мир. Думаю, если бы не семья, я бы сражалась против фашизма. Конечно, это может показаться смешным, но женщины тоже могут быть полезны, в Красном Кресте, в госпиталях...

Симон бросил на нее взгляд, полный отчаяния, и закурил новую сигарету. Руки у него тряслись.

— В таком случае ты должна считать меня трусом! У меня так нет никакого желания облачаться в военную форму, вооружаться для того, чтобы умереть где-нибудь в Европе, вдали от собственного дома. Арман опередил призыв, и это повергло меня в изумление. Теперь я им восхищаюсь. Я не думал, что он такой храбрый.

— Так значит, ты женишься на Шарлотте, чтобы избежать армии? — тихо спросила его Эрмин. — Ты боишься стать солдатом? Скажи честно, Симон, я не буду ругаться.

— Да нет, не только. Я влюблен в Шарлотту, я хочу разделить с ней жизнь и сделать ее счастливой. И если можно остаться здесь при условии, что я женюсь, то было бы глупо лишать себя этого.

В этом он не солгал. Эрмин не стала докапываться до прочего. Взрывы смеха, доносившиеся с улицы, заставили ее вздрогнуть. Она узнала звонкий хохот Мари и Лоранс.

— Дети идут. Тала с Мадлен тоже, наверное, близко.

Эрмин встала.

— Спасибо. Ты мой друг, настоящий друг, — тихо сказала она, положив руки на плечи Симона. — Главное, ни слова о Пьере...

Едва Эрмин успела произнести эти слова, как Мукки влетел в комнату с белым пером в руке.

— Мама, смотри, его потеряла чайка. Я подобрал перо в озере!

Тут в кухне появились Мари, Лоранс, Киона и Луи, а за ними — Тала и Мадлен.

— Мы вернулись чуть раньше, чем предполагалось, — заявила кормилица. — Поднялся ветер, и волны стали сильно раскачивать баркас месье Исидора.

— Кионе на баркасе стало плохо, — добавила Тала. — Она повеселела только на берегу, после пикника.

С первого взгляда было видно, что девочка чувствует себя нехорошо, она забилась в угол между плитой и буфетом. Луи встал перед ней, как будто готовился защищать ее.

— Что с тобой, дорогая? — спросила девочку Эрмин. — Ничего страшного! Многие страдают морской болезнью. Я сейчас приготовлю что-

нибудь поесть.

В кухне царил веселый беспорядок. Мукки расписывал хлопотавшей матери, как они катались на баркасе, и прыгал вокруг нее. Лоранс и Мари бросились в соседнюю комнату, где оставили своих кукол.

Эта суэта, присутствие таких родных людей, как мать Тошана и Мадлен, помогли Эрмин вернуться к обычной жизни, в мирную повседневность. Она выложила печенье, нарезала булку, а потом открыла банку с черничным вареньем.

— Что у тебя со щекой? — удивилась Тала. — Ты ударилась, девочка?

— Да, ударилась. Ничего страшного. Лоранс, Мари, все готово.

Индианка не отводила от Эрмин пронизательного взгляда. Молодая женщина была очень оживлена и наигранно весела. «Что-то не так, — думала Тала. — Я гадала, почему она не поехала сегодня с нами. Может быть, пришло письмо от Тошана...» Тала не могла понять, чем именно занимается ее сын. Военной формы он не носил, разъезжал на автомобиле, который приобрел в марте, вокруг озера Сен-Жан...

За ужином Киона молчала, казалось, она чем-то обижена. Это опечалило Эрмин. «Почему она так переменилась? Мне так нравится ее прекрасная улыбка! Но теперь ее редко можно увидеть. И кроме того, можно подумать, что присутствие Симона беспокоит ее или смущает».

Молодой человек собирался уходить. Пригладив густые темные волосы, он надел полотняную кепку.

— Привет всей компании! До новых встреч! — громко возвестил он. — Моя невеста надерет мне уши, если я еще немного задержусь. До свидания, дети. Ведите себя хорошо сегодня вечером.

— Конечно, Симон, — весело ответил Мукки.

Луи только махнул Симону рукой. Мальчик втайне надеялся, что Киона не соврала ему и он сможет провести ночь в Робервале. Она утверждала, что отец не сможет за ним приехать.

Киона украдкой взглянула на Симона, который был уже на пороге кухни. Он тут же обернулся к ней и поймал взгляд ее золотистых глаз, в которых бесконечное сострадание смешивалось с благодарностью. Дрожь пробежала по его спине. Он был уверен, что Киона благодарит его и одновременно жалеет. Не зная, как реагировать, Симон поспешил уйти. Авеню Сент-Анжель купалась в лучах июньского солнца, но с озера дул свежий ветер. Старая яблоня в саду стояла в облаке розовых лепестков. «Вот уж действительно, весна так весна, — подумал он, садясь на велосипед. — Работы просто горы! Завтра займусь курятником и загляну к маме».

Ему хотелось забыть то, что он прочел во взгляде Кионы.

* * *

Прошел час после ухода Симона. Тала и Эрмин снимали белье, сохнувшее во дворе с раннего утра. Дети под присмотром Мадлен играли за домом.

— Всем нам нужно солнце и свежий воздух — ведь это время обновления, — сказала индианка. — Дочка, ты была чем-то озабочена, когда мы вернулись. Не было ли известий от Тошана, или, может быть, плохих вестей?

— Нет, Тала. Он должен скоро вернуться.

— Если бы он дезертировал, ты бы мне сказала? Я не знаю, как все устроено в полку, но мне кажется, что солдаты вряд ли располагают такой свободой, как он.

Молодая женщина разгладила тряпку, которую держала в руках, и только потом положила ее в большую корзину. Несмотря на все старания, она никак не могла прийти в себя после того, что пришлось пережить. Когда она начала говорить, голос у нее дрожал, а в глазах стояли слезы.

— Со мной кое-что случилось, Тала. Пьер Тибо пробрался к нам в дом и попытался... он хотел... Ну, ты понимаешь меня. Господи, как я испугалась! Он был пьян и груб со мной. Я пыталась его урезонить, но все впустую. А я думала, если он при — нудит меня, получится, что я предала Тошана, и наша любовь будет навсегда омрачена. Мне жаль, это, должно быть, напомнило тебе то, что ты пережила сама. И мне искренне жаль тебя, хотя все это случилось очень давно. Мне повезло больше, чем тебе: Симон появился вовремя и смог помешать ему. Я ругаю себя, что так из-за всего этого переживаю, потому что все могло быть значительно хуже.

Из глаз Эрмин лились слезы, лицо полыхало, взгляд блуждал. Тала смотрела на нее, не в силах прийти в себя от изумления.

— Пьер Тибо! — прошептала она. — О, моя девочка! Дорогая моя девочка!

Индианка нежно обняла молодую женщину и начала ее тихонько качать, как будто Эрмин все еще была ребенком. Смуглые руки Талы несли утешение.

— Поплачь, любимая моя девочка, — произнесла она после столь странного порыва. — Выплачь свое горе, а стыдиться нечего. Красота — это дар богов, но он и хорош, и плох. Для тех, кто наделен им, он

прокладывает путь света... Но увы! Вдоль обочины там бродят духи, жаждущие ею завладеть.

— Я не могу забыть эту сцену. Я чувствовала себя такой слабой, я била его, но он только смеялся. Теперь я ненавижу этого человека, который был моим другом. Симон считает, что не нужно говорить об этом Тошану, и мне кажется, он прав. Мы с Тошаном так редко видимся! Зачем сеять сомнения у него в душе?

— Возможно, так будет лучше, — согласилась Тала, не разжимая материнских объятий.

Она подвела Эрмин к скамейке — простой доске, положенной на кирпичи. Когда они сели, индианка заставила Эрмин взглянуть ей в лицо.

— Дочь моя, прости меня! Я не послушала Киону. С тех пор как я живу здесь, я отвернулась от невидимого мира, где так много знаков беды и предвестий. Меня соблазнили развлечения, которых здесь множество. Магазины, оживленные набережные, суда, снующие взад-вперед... Но Киона слишком молода и чиста и не может отказаться от своего провидческого дара, от видений из того мира, не может потерять суть своей души. Тень легла на нее после полудня, девочка стала говорить, что ее тошнит, умоляла вернуться домой. Остальные дети были веселы. Я стала ругать Киону, говорила, что нужно быть храброй и терпеливой. После этого она замкнулась во враждебном молчании. Думаю, я совершила большую ошибку. Я просила ее стать такой же девочкой, как другие, завести себе товарищей по играм, хорошо учиться в школе, но сегодня всем своим самочувствием она хотела выразить тот страх, что владел ею, она боялась за тебя, Эрмин.

Эрмин перестала плакать.

— Не кори себя, — проговорила молодая женщина, покачав головой. — Тебе не за что просить у меня прощения. Думаю, у Кионы действительно началась морская болезнь — баркас ведь качало. Почувствуй она, что мне грозит опасность, она бы сделала что-нибудь, чтобы предупредить меня. Ведь тогда, в день концерта, я увидела ее в зале в совершенно безумном состоянии. Но сегодня днем ничего такого не было. Ни за что на свете я не хотела бы, чтобы она увидела это! Ребенок не должен видеть темную сторону человеческих отношений. Вот Луи кажется веселым, но видит кошмары. После того как его похитили, он часто писает в постель по ночам...

— Возможно, я ошибаюсь, но Киона могла попытаться защитить тебя по-другому, послав, например, Симона тебе на помощь.

— Да нет же, он оказался тут случайно, приехал за покупками для

Шарлотты.

— Ничего случайного не бывает, девочка моя. О! Слышишь? Телефон! Что за ужасное изобретение! Я прихожу в ужас от каждого звонка!

— Я отвечу, Тала. Спасибо! Теперь я чувствую себя лучше... Мне нужна была материнская поддержка... А я люблю тебя как мать.

При этих словах индианка ласково улыбнулась. Между этими двумя женщинами было только что подписано новое соглашение, это был внутренний голос, долго вынашиваемое признание. Их связь укреплялась, и со временем она станет нерушимой.

Эрмин побежала к телефону. Жослин тут же узнал ее голос.

— Эрмин, дорогуша, не можешь ли ты оставить Луи у себя? Тебя это не затруднит? Машина сломалась, да и сам Онезим говорит, что очень занят. А твоя мать решила пригласить на ужин Бетти и Жозефа. Бетти с мамой весь день напролет вязали и, кажется, не хотят расставаться. Мама передает тебе массу всяких наказов, но я не буду их повторять. Твой брат не должен ни минуты оставаться один на улице или во дворе, он не переваривает лук, а в кровать ему нужно подкладывать клеенку...

— Я все это знаю, папа, — оборвала его Эрмин. — Вы с мамой можете не волноваться. Я с удовольствием оставлю Луи у себя.

— А ты по-прежнему довольна своей жизнью в Робервале? У вас все спокойно?

— Да, все в порядке. Погода стояла прекрасная! И я просто должна быть счастлива.

Эрмин вспомнила об этих несколько двусмысленных словах на следующий день, когда ей пришлось совершенно неожиданно столкнуться еще с одним испытанием, к которому она вовсе не была готова. Но поскольку большая часть человечества лишена дара предвидения, судьба пользуется этим, чтобы успеть наточить свое оружие.

Киона и Луи играли в шарики в коридоре.

— Ну, я же тебе говорила! — торжествовала девочка.

Глава 20

Прощальная песнь

Валь-Жальбер, пятница, 14 июня 1940 г.

Ночь была на удивление теплой. Как всегда по вечерам в июне, Элизабет Маруа оставила окно в спальне широко открытым. Лежа рядом со своим мужем, она смотрела на небо, отданное в полноправное владение луне, окруженной серебристым сиянием.

— Сейчас, наверное, уже очень поздно, а, Жо? — спросила она.

— Или наоборот, очень рано, — ответил он, посмеиваясь. — Час ночи. Уже пятница.

— Мы с тобой провели неплохой вечер, правда? — спросила Элизабет, и голос ее счастливо зазвенел. — Это радио! Что за изобретение!

Жозеф радостно кивнул. Он взял руку жены и играл теперь с ее тонкими пальцами.

— Решено, я покупаю радиоприемник, такой же, как у Шарденов. Дороговато, конечно, но в наше время нужно быть в курсе международных событий. Знаешь, Бетти, что я понял сегодня за ужином?

— Нет. Скажи, Жо!

— Не так-то много осталось людей в Валь-Жальбере... ну и все, кто остались, они, как и я — собственники земли. И нам повезло, что мы самые близкие соседи Жослина и Лоры. Я таких, как Жослин, люблю, он человек простой и порядочный. Она-то, конечно, не буду врать, часто действует мне на нервы. Но я все равно ею восхищаюсь. Она женщина из прошлого, как будто из тех, кто открывал эти земли. С деньгами у них все в порядке, но я уверен, что она прекрасно справлялась бы с хозяйством, даже если бы их у нее было значительно меньше. Мы с тобой, Бетти, раньше мало думали о себе. Надо что-то менять. Ты была со мной не слишком счастлива. Но теперь я буду заботиться о своей женушке, о своей хорошенькой женушке. Часто говорили, что я скупердяй, да я и правда могу затянуть ремень потуже, чтобы подкопить деньжонок. Но этим летом мы с тобой поедem на поезде в Шикутими, и там ты купишь себе красивое платье.

Бетти растрогалась. Жозеф не часто бывал столь внимателен и любезен.

— Но зачем? — возразила она. — Я сама себе шью вот уже пятнадцать лет, и мне никогда не было стыдно за то, как я выгляжу.

— Тогда я подарю тебе какое-нибудь украшение в честь рождения малыша или малышки. Я бы, конечно, предпочел, чтобы это была девочка. Мари в восемь лет уже помогает тебе по дому... Но знаешь, Бетти, как я напугался! Ну, с этим твоим якобы кузенком. Получи я хоть какое-нибудь доказательство, что ты меня обманываешь, я бы мог убить тебя, потому что очень сильно тебя люблю.

Жозеф всхлипнул и привлек к себе жену. Та положила голову ему на плечо, и Жозеф нежно погладил ее густые белокурые волосы.

— А потом я бы повесился. Но я просто старый дурак, что тебе это говорю.

— Жо, ты делаешь мне больно. Давай не будем больше говорить обо всех этих глупостях. Ведь я люблю только тебя.

Она поцеловала его в щеку, потом в уголок рта. Внизу живота возникла глухая боль, тут же отозвавшаяся в ложбинке между грудями. Однако Бетти не стала волноваться. В последние дни такое с ней случалось довольно часто.

— Мне было сегодня так хорошо у Лоры, — произнесла она в надежде еще немного продлить разговор. — Шарлотта такая красивая с этим розовым бандо на волосах. Наша будущая невестка мне нравится. Она девушка услужливая и милая. Представляешь, Жо, если у них родится в будущем году ребенок, это будет племянник или племянница ребенка, которого я ношу под сердцем.

— Мы здесь с тобой болтаем, спокойно лежа в кровати, а во Франции какая заваруха! Ты слышала, что говорили по радио? Французское правительство покинуло Париж, который провозглашен открытым городом^[79]. Немецкие войска двигаются маршем. Жослин утверждает, что у нас вскоре будет так же. За рекой следят, и наш флот поднят по тревоге.

Бетти поменяла тему разговора. Ее муж и Жослин достаточно уже наговорились о политике за ужином. Но черничная настойка Мирей — настоящее наслаждение — сделала свое дело. Разговор перешел на свадьбу Симона и Шарлотты, а потом заговорили о карьере Эрмин.

— Лора права, — сказала Бетти. — Наша Мимин обязательно должна записать пластинку. Я буду так ею гордиться! Помнишь, Жо, как мы приготовили ей комнату у нас? И она получила в подарок проигрыватель. А это было не так уж дешево в то время! В общем, я довольна нынешним вечером. Я села за стол, и мне всё подавали, как будто какой-нибудь принцессе.

— В твоём положении так и должно быть. Но Симон все время о чём-то думал. Со мной было так же перед нашей свадьбой, я торопился надеть тебе детишек. Но ему ещё придется потерпеть.

— Да, настроение у него улучшится, когда он предстанет перед священником, — пошутила Бетти. — Наша маленькая Мари тоже побывала на празднике, и Луи ей не досаждал.

Бетти рассмеялась. Ничего плохого она теперь не ждала. Жозеф снова доверял ей и был с ней ласков, а Поль Трамбле, единственный человек, который мог выдать её, умер. Дети не пострадают от её безумной выходки. И этот ребенок, которого она скоро родит, он тоже будет Маруа. Чем ближе подходил срок родов, тем больше росла в Бетти уверенность, что она зачала ребенка именно от Жозефа, а не от кого-то другого.

— Ну, пора спать, — произнес Жозеф. — У меня больше нет сил.

Он тут же захрапел, а Бетти, вслушиваясь в знакомые ночные шумы, определяла их для себя. Вот ухает сова, она, конечно же, уселась на колокольне приходской школы. Вот в стойле корова Эжени, несмотря на свой преклонный возраст, дергает цепь, как теленок; вот пьет воду Шинук.

«Спасибо тебе, Боже, что я смогла сохранить свое место в моем доме, среди своей семьи».

Боль возвратилась, настойчивая и глухая. Поскольку предстояли пятые роды, Бетти заволновалась. Ребенок, судя по всему, был большой и вполне мог родиться раньше положенного срока. Ну что ж, в этом случае на свадьбе у Симона она не будет выглядеть толстухой.

Бетти начала массировать себе живот, пока схватки не уменьшились. Но они регулярно возвращались, и так продолжалось до зари. Петух Онезима Лапуанта издал свой победный крик, который, казалось, поздравлял солнце с тем, что оно разогнало тьму.

«Я время от времени засыпала, но тем не менее отдохнуть не смогла, — с сожалением подумала Бетти. — Наверное, это ложные схватки. Иначе они стали бы чаще».

Она бесшумно поднялась и спустилась приготовить кофе. Симон и Мари еще спали. Как хорошая хозяйка, Бетти удостоверилась, что в кухне порядок, все стоит на своих местах. Думая о том, как организовать день, Бетти строила в своей голове различные планы.

«Дом должен быть чистым. Я попрошу Жо позвонить родителям. Лора сказала мне, что мы вполне можем воспользоваться их телефоном, если возникнет необходимость... Мама приезжала, когда родилась Мари, и мне было так приятно видеть, как она склоняется над колыбелью моей девочки».

Она разожгла плиту и поставила чайник. Ранний утренний воздух был свеж. Вдруг по ее ногам стала течь жидкость, скапливаясь лужицей на деревянном полу, который прошлым летом был выкрашен в желтый цвет.

— Бог ты мой, отошли воды! — прошептала она. — Ребенок сегодня появится на свет!

Первой ее заботой было подтереть пол. Но стоило ей закончить уборку, как острая боль пронзила поясницу.

«Такого со мной никогда не было! — подумала она. — Нужно разбудить Жозефа. Он поможет мне постелить чистые простыни».

Бетти была не из тех, кто охает и боится предстоящих страданий, но роды у нее всегда проходило долго и мучительно. Когда она рожала Армана, то из-за душераздирающих криков, вырывавшихся у нее из груди, вся округа осеняла себя крестным знаменем.

— Если повезет, — шептала она, — этот малыш постарается и я рожу его еще до наступления темноты.

Роберваль, пятница, 14 июня 1940 г.

Эрмин проснулась оттого, что кто-то щекотал ей щеку. Перед ее постелью стояла Киона и водила по лицу молодой женщины перышком чайки, которое Мукки принес вчера с озера. Через белые льняные занавески проникали первые солнечные лучи. Киона спала со своим младшим братом, чтобы, если его начнут мучить кошмары, как можно быстрее прийти ему на помощь.

— Который час, дорогая? — тут же спросила Эрмин. — Сегодня вам в школу. Ты уже готова? Не говори громко, разбудишь Луи.

— Сейчас семь часов, — серьезно ответила ей Киона. — Ты же видишь, я еще в ночной рубашке. И я хочу тебе кое-что сказать.

— Тогда присядь здесь. Времени поговорить у нас хватит. Я рада, что Луи сегодня не плакал.

«И не описался!» — подумала она, ощупывая простыню.

— Мимин, у мадам Маруа сегодня родится ребенок, — заявила девочка.

— Откуда ты знаешь? — удивилась Эрмин. — Симон звонил?

Киона пожала плечами, глубоко вздохнув.

— Я тебе сказала и все. Только тебе. Я не виновата, что вижу то, что происходит с другими.

— Ну конечно же не виновата! Прости меня, я еще не совсем

проснулась. Киона, это прекрасная новость. Ну же, улыбнись, прошу тебя! Мне так грустно, когда ты не улыбаешься. После своей болезни ты дуешься, как капризный ребенок, а ведь ты совсем не капризная. И виду тебя мрачный. Когда ты мне улыбалась, мне казалось, что я греюсь в лучах восхитительного солнца, которое пробуждает все живое.

Вместо ответа Киона спрятала лицо на груди у Эрмин. Она не проронила ни слова, но ее худенькие руки пытались обнять молодую женщину.

— Мама запретила мне делать это! — в конце концов произнесла она.

— Тала боится, как бы ты не впала в такое же состояние, как тогда, когда тебя пришлось везти в больницу. Ты была так далеко от нас, мы не могли защитить тебя!

— Но я ведь поправилась, — возразила девочка. — И я не могу запретить себе видеть во сне людей или наяву — их призраки. А тебя я должна защитить, и Луи тоже, и Мукки, и близнецов. Тошана...

— Да уж, работы у тебя, несмотря на возраст, хватает, — решила пошутить молодая женщина. — Тебе ведь всего шесть лет, девочка! Играй, учись и постарайся ни о чем не думать.

— Я хорошо читаю. И не хочу больше ходить в школу, — выпрямившись, возразила Киона.

Девочка села, скрестив ноги, волосы ее, которые от ежедневного заплетания стали волнистыми, струились по плечам. Она была просто очаровательна. Взгляд золотистых зрачков ее глаз, похожих на глаза дикого волка, был удивительно настойчив. «Боже мой, да кто же она на самом деле? — спросила себя Эрмин. — Можно подумать, ей уже десять! Зачем относиться к ней как к остальным? Ни к чему это не приведет. Результат уже сейчас печален: она становится жесткой и отстраненной».

— Я никогда не ругала тебя за то, что ты нам помогаешь, Киона! Вчера на баркасе тебе действительно стало плохо или ты хотела заставить всех вернуться домой, сюда, на авеню Сент-Анжель?

— Я почувствовала, что тебе грозит опасность, как это было в санатории. У меня не всегда бывают видения, Мимин. Но я вдруг начинаю сильно о тебе думать, о тебе или о ком-нибудь, и у меня кружится голова. Мне кажется, что я засыпаю, что иду к какой-то сияющей фигуре, может быть, это Бог белых людей, Бог с крестом, или Маниту...

Эрмин взяла руки девочки в свои и тихонько сжала.

— Не бойся рассказывать мне об этом, дорогая. Мне это интересно. Вчера я говорила Симону, что хотела бы обладать даром предвидения, хотела бы чувствовать надвигающуюся опасность. Как и ты, я могла бы

тогда охранять свою семью и друзей. Это подарок небес, у тебя дар.

— Почему небес?

— О, небо — это то место, куда мы помещаем Бога, святых и ангелов. Религия белых людей отличается от религии индейцев. Однако, когда я встретила Тошана — а меня ведь воспитывали монахи — мне было очень интересно узнать, как он смотрит на природу. Он говорил мне, что духи живут в деревьях, в растениях, в воде и на земле. Он утверждал, что мир пересекают невидимые пути, и у каждого из нас есть свой путь. Мы следуем этими дорогами против своей воли, потому что они ведут нас к тем, кто нам предназначен, или же к тому месту, где мы должны быть. Но это все очень сложно. И это не значит, что нужно печалиться, и, если ты считаешь, что выздоровела, сил у тебя достаточно, делай так, как подсказывает тебе твое сердце... Я слышу шум из комнаты близняшек, быстренько иди к ним!

— Хорошо!

Эрмин решила сама проводить детей в школу. Чаще всего по утрам этим занималась Мадлен. Но грядущий день обещал быть непростым. Эрмин решила ехать в Валь-Жальбер до полудня. Может быть, у Бетти уже родится ребенок. А если еще нет, она сможет оказаться полезной.

— Я позвоню папе, чтобы он приехал за мной и Луи, — сказала Эрмин сама себе.

Дом вскоре ожил: в привычной утренней суе смешивались болтовня, смех и беготня детей по коридорам и этажам, призывы Мадлен к порядку. Тала открывала все окна, чтобы проветрить комнаты и впустить в помещение солнце и живительный воздух с озера. Стены были выкрашены в светло-серый тон и цвет слоновой кости, к которым были подобраны занавески пастельных тонов. Лора купила мебель из резного темного дерева, что вносило в обстановку ноту буржуазности. В этом доме было приятно жить, Тошан признавал это каждый раз, когда возвращался сюда.

Эрмин в розовом шелковом платье и соломенной шляпе, украшавшей ее светлые волосы, убранные в прическу на затылке, сначала отвела Мукки в начальную школу для мальчиков, а потом проводила девочек. Все трое чинно шли рядом по тротуару. Их косы с вплетенными синими лентами, казалось, танцевали у них на плечах. Все девочки были в клетчатых фартуках и белых носочках. Подойдя к дверям школы, Эрмин произнесла:

— Надеюсь, вы будете хорошо себя вести. Сегодня я еду в Валь-Жальбер. За вами придет Мадлен.

— Мама, — запротестовала Мари, топнув ногой, — можно мы вернемся домой одни? Это ведь недалеко. Девочки над нами смеются.

— Отложим это до будущего года. Это не обсуждается, Мари!

— Тогда я хочу вернуться в другой дом, который в лесу. Там интереснее.

Лоранс укоризненно взглянула на сестру: ее жизнь в Робервале вполне устраивала.

— Быстро в класс, — положила конец спорам их мать. — Это и к тебе относится, Киона.

Однако девочка подождала, пока ее обгонят близнецы, и взяла молодую женщину за руку.

— Не сердись, Мимин, — почти шепотом попросила она. — Я бы хотела тебе улыбнуться, но мне так грустно...

Эрмин вздрогнула от этих слов. Она тщетно старалась забыть ужасные картины прошедшего дня, когда их старый друг Пьер показал свое истинное лицо — оказалось, что это грубый человек, который не может совладать с низменными плотскими инстинктами. Признание Кионы только усугубило ее отчаяние. Несмотря на солнце и весенний праздник природы, несчастье постоянно оказывалось где-то рядом.

— Почему же тебе так грустно, дорогая моя? — спросила Эрмин.

— Не знаю, — услышала молодая женщина тихий голос удалявшейся девочки.

— Не знаешь или не хочешь мне говорить? — настаивала Эрмин.

Но Киона уже исчезла в коридоре и даже не обернулась.

Валь-Жальбер, в тот же день

Бетти лежала на кровати под простыней, которая натягивалась на ее круглом животе. Она терпеливо ждала, своим видом она была вполне довольна: белая ночная рубашка с вышитым воротничком.

— Очень мило с вашей стороны, дорогая соседка, что вы так быстро пришли, — сказала она Лоре, которая только что задернула шторы, чтобы свет, попадавший в комнату, не слепил глаза.

— Уже за полдень, — объявил Жозеф, сидевший у изголовья жены. — У меня просто живот подводит от голода.

— Попроси нашу Мари что-нибудь тебе приготовить, — сказала ему Бетти. — В буфете на кухне полно всякой еды.

— У меня есть предложение получше, — вмешалась Лора. — Жозеф, идите обедать к нам с Жослином и Эрмин. Возьмите с собой и Мари, она еще маленькая, чтобы помогать в такой день, да и Луи будет рад поиграть с

ней. Мирей приготовила на десерт пирог с патокой и изюмом. Они ей всегда прекрасно удаются.

Жозеф встал и потянулся всем своим мощным телом.

— Я сижу на этом стуле с самого утра, Бетти, — сказал он в свое оправдание, погладив руку жены. — Но не думай, что я тебя бросил. Я вернусь сразу после обеда. Наш малыш что-то не торопится!

— Не ругайся, Жо, — ответила ему жена. — Просто ты не сидел со мной рядом, когда я рожала наших старших детей. Кроме того, когда схватки станут сильнее, ты будешь смущать меня. Лучше сыгрой в карты с Жослином или прогуляйся до сахароварни. Может быть, когда ты вернешься, я подарю тебе сына или дочку.

Лора взволнованно на него взглянула, но Жозеф покачал головой в ответ.

— Если я тебя смущаю, я буду ждать внизу, в кухне, — успокоил он жену уходя.

Женщины обменялись улыбками. До их слуха донесся шум удалявшихся шагов.

— Бог ты мой, — заметила Лора. — Ваш муж стал тих, как агнец. Какие прекрасные предстоят вам годы, годы воспитания этого малыша! Люди часто сожалеют о прошедшей молодости, но поверьте мне, моя нынешняя жизнь с Жослином и Луи стала для меня настоящим раем. История с похищением сына послужила мне хорошим уроком. Я решила перестать жаловаться и стала значительно мягче. И мы так счастливы! Я даже не думала, что такое возможно.

Она любовалась теплыми пеленками, которые ее соседка связала зимой, — аккуратными стопками они лежали на комод. Рядом были сложены и подгузники, сделанные из старых мягких простынь.

— Приданое готово, — заметила она. — А через несколько месяцев я передам вам кофточки и ползунки Луи. Детей у меня больше не будет, я в этом уверена.

— Почему же? — удивилась Бетти.

— Через два года после рождения Луи природа, дорогая моя, сообщила мне, что я больше на это не годна. Но я не жалею. А вот как вы отважились на роды в таком возрасте?

Бетти нервно засмеялась.

— Но, Лора, на озере Сен-Жан женщины рожают детей тогда, когда Бог дает им эту радость. И не так уж я стара! У моей бабушки с отцовской стороны, Леодивины, было двенадцать детей — пять девочек и семь мальчиков. Она всю жизнь просидела за прялкой и ткацким станком, она

шила, готовила и никогда не жаловалась. Для меня и мамы это был настоящий пример для подражания. Мне было семь лет, когда она умерла. О! Наконец-то опять схватка!

Бетти замолчала, глубоко дыша, руки ее судорожно сжали простыню. На глазах выступили слезы.

— Схватки сильные? — спросила Лора.

— Нет, хорошо бы, чтобы были посильнее и почаще. Начиная с семи утра они одинаковой силы и не частые. Мне бы, наверное, стоило встать и походить. Может быть, это ускорит роды. Жозеф позвонил моим родителям. Они приедут завтра утром на поезде. Если это ложная тревога, хорошо же я буду перед ними выглядеть! Возвращайтесь домой, Лора. Эрмин тут. Она поможет.

— Не беспокойтесь, конечно, я так и сделаю. Иногда мне жаль, что она теперь живет в Робервале, но ей кажется, что так лучше. Ее свекровь должна быть просто счастлива!

— Вы что, завидуете Тале? — осведомилась Бетти, которой захотелось немного посудачить. — Мне не довелось ни поговорить с ней, ни познакомиться поближе. Я видела ее только в церкви Сен-Жан-де-Бребёф на рождественской службе. Она показалась мне высокомерной. У нее суровый вид. Но девочка восхитительна, она вырастет настоящей красавицей. Когда Эрмин пригласила ее сюда, то рассказала мне, что она незаконнорожденная, и к тому же полукровка. Отец и не подумал заниматься девочкой. Жозеф сказал по этому поводу, что нравы у индианок очень свободные.

Выслушивать это было для Лоры настоящей мукой. Вышеозначенным отцом был Жослин Шарден, который удовлетворился ролью крестного, и этого было вполне достаточно, по мнению его жены-собственницы. Бетти ругала себя за сорвавшиеся с языка слова. «Не мне судить кого бы то ни было, — думала она. — Тала повела себя так же, как я, но она, по крайней мере, была вдовой и никого не обманывала».

Воспоминание о наслаждении, которое она испытала с Полем Трамбле, заставило ее невольно вздрогнуть. Прикрыв глаза, она позволила себе погрузиться в мысли, которые были и стыдными, и преисполненными тоски. «Даже если он соблазнил меня, чтобы выполнить задуманное, он не торопился, он умело ласкал меня и был внимателен. От его поцелуев я просто сходила с ума. Я не могла устоять».

Конечно, роженице не пристало вспоминать подобное. Она потрянула головой и открыла глаза.

— Лора, я спущусь вниз выпить настой. Если вы проголодались, есть

вчерашний пирог. Я испекла его для Симона, но Шарлотта пригласила жениха на пикник в каньон. И я решила не мешать нашим влюбленным.

В тот момент, когда Бетти откинула простыню, низ живота пронзила сильная и продолжительная боль. От удивления женщина вскрикнула.

— На этот раз дело пошло, — проговорила она, прерывисто дыша.

— Хотите, я позвоню акушерке из Шамбора, той, что вас осматривала в прошлом месяце? Я отправлю за ней Симона на машине. Добегу до дома и тут же вернусь.

— Нет, я предпочитаю поручить себя заботам мадам Бабен, повитухи из Роберваля. Ну вот, Лора, кончилось. Но схватка была сильнее, чем прежде. Думаю, началось. Скорее бы, Господи!

Бетти лежала, откинувшись на подушки, на лбу блестели капли пота. Она молилась вполголоса, умоляя Деву Марию облегчить ее страдания.

— Остается только терпеть, — произнесла она смиренно через полчаса. — Теперь все идет хорошо, схватки становятся регулярными и все более и более частыми.

На лестнице послышались чьи-то легкие шаги. Очевидно, что это был не Жозеф. В дверь постучали, и женщины услышали голос Эрмин.

— Можно мне войти, Бетти?

— Ну конечно, Мимин!

Молодая женщина открыла дверь, но прежде, чем она вошла, женщины увидели букет небольших желтых роз, перевязанный белой лентой. Цвет роз прекрасно сочетался со светлыми волосами и свежим цветом лица посетительницы.

— Я срезала их у себя во дворе. У семейства Дунэ все росло, что они ни посадят. А с таким солнцем каких только сокровищ мы еще ни увидим в палисаднике!

— Какая ты внимательная, Мимин! — воскликнула Бетти. — Мне будет веселее. Думаю, эти цветы — хороший знак. Лора, раз Эрмин тут, сходите к себе и поешьте. Спасибо, вы прекрасная сиделка!

— Хорошо. Оставляю вас вдвоем. Я расскажу вашему мужу, как идут дела, и скоро вернусь.

Эрмин принесла вазу, наполненную водой, и поставила ее на лестничную площадку. Сначала она занялась цветами, потом удостоверилась, что в комнате все готово к появлению новорожденного. После рождения второго ребенка каждая женщина в этих краях знала, что необходимо в подобных случаях. Однако она не увидела деревянной колыбели, служившей в младенчестве Симону, Арману, Эдмону и Мари Маруа. Вымытая, с безукоризненной белизны бельем и тюлевым пологом,

она дожидалась своего часа на чердаке, накрытая полотном. Жозеф мог принести ее в любой момент.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила Эрмин. — Выглядишь неплохо, это меня радует.

— Он не торопится, как и предыдущие четверо. И знаешь, есть одна вещь, которая меня мучает и которую я не могла сказать твоей матери. А если этот малыш будет похож на Трамбле? Я все утро думаю об этом человеке. Не может ли ребенок быть каким-то ущербным мне в наказание?

— Прекрати говорить глупости! — воскликнула удивленная Эрмин. — Это ваш ребенок, твой и Жозефа. И если это даже не так, нет никакой разницы. Никто об этом никогда не узнает. Нужно думать о будущем, Бетти!

— Да, ты права...

У Бетти перехватило дыхание, и она не смогла больше произнести ни слова. Боль была такая, что она глухо застонала, а ее ноги под простыней задрожали. За схваткой последовало облегчение.

— Боже! — прошептала она. — Дай мне силы выдержать все это! Окажи мне услугу, Мимин. Если Мари придет домой вместе с Жо, отправь ее к своей матери. Она девочка чувствительная, и я не хочу, чтобы она испугалась моих криков.

— Думаю, мама считает точно так же. Мирей ею займется. Бетти, наверное, стоит позвать доктора.

— Доктора? Зачем это? Когда я рожала Симона, да и потом тоже, мне помогли Анни Дюпре и Селин Тибо, и все прошло хорошо. Она была такая умелая, эта Селин! Я что-то давно не видела ее старшего сына Пьера. Ты что-нибудь о нем слышала?

— Нет, ничего! — солгала Эрмин. — Я прекрасно помню тот летний день, когда Арман появился на свет. Я тогда убежала из дома, потому что душа разрывалась от твоих криков. Мне было четыре с половиной года, и я ни о чем еще не подозревала. Я побежала к мельнице Уэлле, и корова преградила мне дорогу. На помощь кинулась сестра Мария Магдалина, она тогда была моим ангелом-хранителем. В тот день она мне сказала, что хотела бы удочерить меня, отказавшись от данного ею обета. Увы! Испанка унесла ее, как и Селину Тибо, как и многих других в наших краях.

Бетти кивнула. Лицо ее опять исказилось гримасой боли — схватки возобновились.

— Пойди позвони повитухе, Мимин. Может быть, она сможет прийти... Но главное, не зови доктора. Мне будет неудобно, если осматривать меня станет мужчина.

— Хорошо. Сейчас!

Лора встретила дочь на крыльце дома Маруа. Она несла большое цинковое корыто.

— У Бетти в комнате я его не увидела. Куда ты бежишь, Эрмин?

— За мадам Бабен. Спасибо, мама! Поставь кипятиться воду.

— Не беспокойся. Дело продвигается?

— Хотелось бы думать! Воды отошли уже давно. А схватки все продолжаются. Если бы здесь могла появиться бабушка Одина, от нее было бы больше пользы, чем от всех этих врачей. Я так легко родила Мукки только благодаря массажу, который она делала, и ее отварам.

— Бабушка Одина, Киона, Тала! Только и слышу про твоих индейских родственников! — сухо заметила раздраженная Лора. — Предлагаю тебе щелкнуть пальцами, и пусть твоя пресловутая бабушка Одина окажется тут, перед нами, переместившись в пространстве!

— Мама, как ты можешь так говорить? У Бетти тяжелые роды, а ты говоришь глупости! На самом деле ты совсем не изменилась.

— Прости меня, родная! Твой отец и Жозеф просто вывели меня из себя! Они сидят за бутылкой шерри и посмеиваются, обещая друг другу подняться на сахароварню, если, конечно, еще смогут идти, не качаясь. А тем временем Бетти мучается, как могут мучиться только женщины. Шарлотта дуется в своем углу, потому что Симон отказывается везти ее в город. Иногда я прихожу в отчаяние от ее убежденности, что она — центр мироздания.

На втором этаже раздался душераздирающий крик. Лора бросилась в дом. Эрмин же решила, что нужно как можно быстрее предупредить повитуху.

Бетти переживала настоящие мучения. Пошел уже третий час. Схватки, которые длились по несколько минут, стали настолько сильными, что терпеть это было уже почти невозможно, но никакого облегчения они не приносили.

— Боже мой, как мне выдержать все это? Господи, помоги мне! — повторяла бледная и несчастная женщина, силы которой подходили к концу.

Лора промокала щеки и лоб своей соседки мокрым полотенцем.

— Терпение, дорогая! — тихо приговаривала она. — Симон сейчас привезет мадам Бабен. Он уже давно уехал...

— Мужайся, Бетти, — успокаивала женщину Эрмин. — Глубже дыши. Ребенок обязательно появится.

— Он слишком крупный, — ответила, рыдая, Бетти. — Так было и с Арманом, и с Мари. Где Жозеф? Пусть он придет!

— Бетти, ваш муж внизу, в кухне, — ответила Лора. — Я вам это уже говорила два раза. С ним Жослин. Эти господа переусердствовали с шерри, но теперь уже протрезвели. Шарлотта присматривает за Мари и Луи у нас дома. Мирей готовит вам крепкий куриный бульон на ужин. Все скоро закончится.

До слуха Эрмин донесся шум мотора. Хлопнула дверца. Она бросилась к окну. Симон увидел ее, вид у него был озабоченный. Тут и Эдмон с повитухой вышли из машины. «Зачем он привез с собой брата? — удивилась Эрмин. — Может быть, его попросил об этом Жозеф...»

Вскоре Маргарита Бабен вошла в комнату с саквояжем в руках. Это была весьма полная маленькая женщина, которой уже перевалило за пятьдесят. Серые вьющиеся волосы обрамляли приветливое лицо. Сначала она жила в Шамборе, но затем переехала на улицу Макру в Роберваль.

— Приветствую вас, дамы! — произнесла она строго. — Наш ребеночек не очень торопится, не так ли? Я должна осмотреть вас, мадам.

Лора и Эрмин обменялись озабоченными улыбками и вышли, не желая смущать Бетти.

Через несколько минут к ним присоединилась и повитуха. Выражение лица у нее было раздосадованное.

— Ребенок еще не показался, — объяснила она. — И его положение меня беспокоит. Однако не в первый раз... Я не хочу вас обижать, дорогие мои дамы, но лучше я пока побуду с ней одна.

Маргарита Бабен оставила двух женщин и вернулась к изголовью своей пациентки. Было слышно, как она расхаживает по комнате, постоянно подбадривая Бетти.

— Глубже дышите, мадам, — говорила она громко. — Не напрягайтесь, дышите, дышите... Однако этот малыш вам дорого дается! Имя вы уже выбрали?

Эрмин слабо улыбнулась: Бетти была в надежных руках.

— Отойдем от двери, мама! Мадам Бабен знает, что делает. Я помню рождение близнецов так, будто это было вчера. И она мне очень помогла. Она милая и знает свое дело.

— Может быть, конечно, она и милая, — проворчала Лора, — но мне не нравится, как она выставила нас за дверь.

Эрмин решила не отвечать и быстро спустилась вниз. В кухне заседал исключительно мужской ареопаг. За столом, перед кофейником, сидели Жослин, Жозеф, Симон и Эдмон. Все курили, за исключением юноши,

готовившего себя к служению Богу. Их обеспокоенные взгляды тут же обратились к Эрмин.

— Придется еще подождать, — сообщила она.

— Мама очень страдает? — спросил Эдмон.

Эрмин посмотрела на него с нежной улыбкой. Из всех трех сыновей Маруа Эдмон был самым нежным и любящим. Его долго звали «маленький Эд», потом — просто Эд, он обожал свою мать и по-братски относился к Эрмин, которая много занималась им, когда он был ребенком.

— Не буду тебе врать, — сказала она, — боли очень сильные, но это хороший знак.

Едва она произнесла эти слова, как дом огласился пронзительным криком, перешедшим в жалобный вопль. Лора налила себе кофе. Жослин взял ее за руку, будто желая подбодрить.

— Сколько нужно мужества женщинам, чтобы вытерпеть такое, — сказал он с горечью.

В ответ никто не произнес ни слова. В кухне повисла тишина, поскольку каждый погрузился в свои мысли. Снова раздался крик, потом еще. Так продолжалось час.

— Уже почти четыре часа дня, — сказал Жозеф. — Бедняжка Бетти... У нее и силы-то, наверное, на исходе.

Вопрос мадам Бабен прозвучал как эхо.

— Кто-нибудь из женщин может сюда подняться? И месье Маруа тоже...

Жозеф бросился в спальню, Лора — за ним. Повитуха встретила их на площадке, и руки у нее были в крови.

— Кто-нибудь должен подержать ее, мне придется наложить щипцы! И стоило бы предупредить доктора Brassара. Месье, мне очень жаль, но я не уверена, что ваш ребенок выживет.

— А Бетти? — закричал Жозеф. — Как она?

— Она почти без сил, поэтому я и приняла такое решение, — оборвала его мадам Бабен.

Жозеф бросился к своей жене, которая бросила на него умоляющий взгляд. Она часто и отрывисто дышала, смертельная бледность заливала ее потное лицо.

— Жо, мне так больно! — прошептала она. — Подойди, прошу тебя, возьми меня за руку!

— Бетти, моя Бетти, мужайся! У тебя все получится. Я с тобой, не бойся.

Повитуха взяла щипцы, бросив на них недоверчивый взгляд. Она не

любила пользоваться этим инструментом, щипцы могли оказаться опасными, если наложить их неправильно.

— Мадам Маруа, держитесь! — строго произнесла она. — Кричите, сколько хотите, но я должна извлечь ребенка.

Лора, стоявшая в стороне от кровати, старалась не смотреть на распростертое на ней тело Бетти. По кровавым пятнам на простынях и на бедрах женщины она поняла, что Маргарита Бабен уже разрешила ей промежность, чтобы облегчить прохождение ребенка. «Спасибо тебе, Господи, что ты позволил мне избежать этого! — думала она. — Ни с Эрмин, ни с Луи мне не пришлось пережить подобное».

Она не вспоминала, как проходили у нее еще одни роды, когда на свет появился Жорж, отцом которого был Фрэнк Шарлебуа. Ребенок не выжил, и Лора предпочитала не вспоминать печальный эпизод из своего прошлого, который тянул за собой тягостные мысли о тех годах, когда она страдала потерей памяти.

— О нет! Нет! — заволновалась Бетти. — Мне слишком больно! Нет!

Из груди несчастной вырвался ужасный предсмертный крик. Те, кто находился на лестнице, застыли от ужаса.

Мари, игравшая с Луи в гостиной Шарденов, услышав его, заткнула уши. Шарлотта вздрогнула.

— Это кричит мама! — проговорила девочка с расширенными от ужаса глазами.

К ней подбежала Мирей, обняла малышку и начала ее утешать.

— Крошка моя, ничего не бойся! — говорила она с наигранной веселостью. — Сегодня вечером у тебя будет маленький братик или сестричка. А женщины всегда кричат.

— Ну конечно же, — подхватила Шарлотта, которая уже представляла себе самое худшее.

— А мне можно пойти к маме? — расплакавшись, спросила Мари.

— Не сейчас, — проговорила экономка. — Смотри, кто к нам идет!

Эрмин стремительно прошла в кабинет, чтобы позвонить. Она говорила отрывисто, что выдавало ее паническое состояние. Шарлотта зашла в кабинет спросить, как дела.

— Что-то не так? — почти шепотом спросила она.

— Да! — прошептала в ответ молодая женщина. — Пуповина трижды обернулась вокруг шеи ребенка. Он родился мертвым. Мама при этом присутствовала и чуть не потеряла сознание. Кровотечение не могут остановить. Доктор сейчас приедет. Слава Богу, в это время года можно легко проехать. Я боюсь, Шарлотта... Мадам Бабен настаивает, чтобы

доктор предупредил священника.

Мари все слышала, стоя в коридоре. Она убежала от Мирей, сказав экономке, что хочет в туалет. Сердце восьмилетней девочки колотилось так, что, казалось, вырвется из груди. Она бегом бросилась к своему дому.

* * *

В Робервале дети выходили со школьного двора. Увидев Мадлен, Киона тут же взяла ее за руку. Лоранс и Мари немного отстали, чтобы поболтать с Роз Кутюр, их общей лучшей подругой.

— Мадлен, — взмолилась девочка. — Отведи меня в церковь. Я знаю молитвы, те, которыми ты меня научила. Я должна помолиться Богу белых!

— Но что с тобой, Киона? — удивилась кормилица. — Ты же даже на мессу не ходишь.

— Это очень важно, — настаивала девочка. — Если у тебя нет времени, позволь мне пойти туда одной.

— Эрмин не разрешила мне оставлять вас ни на минуту. Если ты думаешь, что это действительно важно, пойдем вместе. Но мне кажется, это просто каприз...

Золотистые зрачки Кионы впились в темные глаза молодой индианки. Во взгляде читалось такое горе, что кормилица тут же уступила.

— Хорошо, мы идем в церковь Нотр-Дам, — пообещала она. — Но сначала я возьму Мукки.

Уже через пять минут они входили под священные своды. В этот час в церкви никого не было.

Мадлен приходила сюда на воскресную мессу, но была счастлива вновь оказаться в этом месте, преисполненном благодати, которая была ей столь дорога. Верила она истово, и для нее было огромной радостью вновь увидеть витражи: Иисус на кресте слева от алтаря и высокие медные подсвечники со свечами.

— Не шумите, — приказала она детям.

Призыв этот не относился к Кионе, которая уже преклонила колени перед распятием.

— Почему она встала на колени? — не понял Мукки. — Тала молится Маниту на берегу озера, а не здесь.

— Тихо! Помолчи! — ответила Мадлен.

Положив руки на колени, Лоранс с восхищением рассматривала витражи. Ее внимание привлекло изображение крестного пути. «Когда

вырасту, я тоже буду делать рисунки для витражей!» — думала она. Что же касается Мари, то она болтала ногами, сгорая от нетерпения снова начать играть с красным тряпичным мячом, который подарил ей отец во время своего последнего приезда.

«Мне больше нравится Маниту! Я индианка, а не белая. И когда-нибудь у меня будут такие же черные волосы, как у моей бабушки Талы», — говорила она себе с решительным выражением лица.

Кормилица смотрела на Киону, которая, казалось, застыла в умоляющей позе, в то время как ее лицо было обращено к Иисусу. Вероятно, она очень тихо молилась.

«Бедное дитя! — думала Мадлен. — Как ей найти место в этом мире? Что за духи диктуют ей, что делать? Насылают сны? Или Бог наградил ее удивительными способностями в преддверии особой судьбы? Эрмин мне говорила, что монахини иногда в своих странных видениях усматривали козни дьявола. Я не могу в это поверить. В Кионе есть что-то ангельское, но в последние недели она перестала улыбаться».

Киона постепенно погружалась в иной мир. Она перестала чувствовать холод отполированных каменных плит под своими коленями, пьянящий запах елея. Все ее существо, душа были устремлены в молитву Пресвятой Деве, Иисусу и Богу-отцу.

«Пусть эта дама не умирает, слышишь, Боже? Скажите, что я ошиблась. Если она умрет, в Валь-Жальбере будет много горя. Эрмин станет печалиться, Симон и Шарлотта тоже. И маленькая девочка Мари — тоже, и маленький мальчик, у которого нимб над волосами. Бог белых людей, послушай меня, я молю тебя... Это я, Киона!»

Валь-Жальбер, тот же день

Маргарита Бабен не утирала слез, катившихся по ее щекам. Она тихонько постукивала кулаком по животу Бетти, стимулируя внутренние органы и стараясь остановить кровотечение. Лора должна была завернуть новорожденного — это был четырехкилограммовый мальчик, лицо которого приобрело синюшный оттенок. Она положила его на комод, убрав оттуда теперь уже ненужные пеленки.

Повитуха попросила Жозефа выйти ненадолго из комнаты.

— Вы мечетесь по комнате, как медведь по клетке, — вздохнула она. — Вашей супруге нужен покой.

Жозеф вышел, не понимая ни что происходит, ни где он находится.

Эрмин, которая так и стояла на лестничной площадке, попыталась успокоить его.

— Доктор скажет, что делать, Жо, — проговорила она.

— Он придет слишком поздно, — простонал он. — Моя Бетти истечет кровью. У нее уже нет сил поднять руку. И все это — чтобы на свет появился мертвый ребенок! Хороший был мальчишка...

Голос у него сорвался. Прислонившись к стене, Жозеф спрятал лицо в ладонях и разрыдался, не обращая ни на кого внимания. Мари, которая сидела на последней ступени лестницы, встала со своего места и подошла к отцу.

— Папа, мама ведь не умрет? Нет? — шепотом спросила она.

— Боже упаси! — пробормотал он. — Иди вниз, Мари. Ты самовольно пришла сюда... Иди вниз к своим братьям.

— А где Арман, папа? Он не приехал?

— Я позвонила в администрацию Цитадели, — вмешалась в разговор Эрмин. — В их списках солдат Арман Маруа не числится. Арман, наверное, поступил в какой-нибудь другой полк!

— Вечные его хитрости, — резко оборвал ее Жозеф. — Наверняка разыгрывает из себя патриота где-нибудь в лесной глуши. У нас нет доказательств, что он в армии. Вот уж мне повезло так повезло! Старший — лентяй, сажает цветочки для этой девицы, младший исчез неизвестно куда, а Эдмон разыгрывает из себя ханжу. Что будет с тобой, Мари, когда вырастешь? Будешь танцевать голой в украшениях из перьев, как Жозефина Бейкер во Франции?

— Не нужно говорить такие глупости, Жозеф, — живо возразила Эрмин, преисполнившись жалости к девочке.

— Нет, папа, — ответила Мари. — Я пойду в монастырь, стану монахиней и никогда не заведу детей...

Сказав это, она разрыдалась и скрылась у себя в комнате.

«Боже, сделай так, чтобы Бетти не умерла! — молила Эрмин, и ее молитва поднималась из глубины ее сердца. — Она была мне матерью, всю свою жизнь она была предана своей семье, и мне тоже. Милосердный и чадолюбивый Боже, она ведь совсем еще не старая! Она нужна детям...»

На первом этаже захлопали двери, появился доктор Брассар с саквояжем в руке. Он приподнял шляпу, приветствуя Эрмин и Жозефа.

— Вот эта дверь, — тихо проговорила женщина, бледная от страха.

Симон поднялся на несколько ступеней вверх. Эдмон — за ним. Молодые люди не могли прийти в себя. Всю серьезность происходящего они поняли, лишь увидев входящего в дом приходского священника из Сен-

Жан-де-Бребёф. Эрмин подошла к ним.

— Священник для мальчика? — с беспокойством спросил Эдмон. — Маме ведь лучше, да? Доктор сделает все, что нужно?

— Надеюсь, — ответила Эрмин. — Мы должны положиться на него.

Взгляд ее голубых глаз, в которых стояли слезы, говорил об обратном. Симон ударил кулаком по перегородке.

— Мама не может умереть! — воскликнул он. — Мимин, ну пожалуйста, скажи мне, что все будет хорошо! Вечером мы подадим ей вкусный ужин, все будем рядом с ней.

— Как это было бы прекрасно, Симон! — ответила Эрмин, не в силах скрыть собственных опасений.

Тут открылась дверь, и они услышали суровый голос доктора Брассара.

— Месье, — говорил он Жозефу, — мне очень жаль... Кровотечение... Мы ничего не можем сделать. Мадам Маруа хочет видеть своих детей. Она больше не страдает и тихо умрет.

— Нет! Нет! Бетти! Моя Бетти! — закричал Жозеф. — Моя Бетти!

Под его тяжелыми шагами заскрипели половицы, когда он, покачиваясь, подошел к постели своей жены. Мари вышла из своей комнаты, ее личико превратилось в горестную восковую маску. Эрмин не могла пошевелиться. Она отказывалась принять неизбежное. Симон толкнул ее, проходя рядом, потому что она так и застыла посреди лестницы между вторым этажом и кухней. Лора, вся в слезах, прошла перед ней за Мари.

Теперь все происходило в полном спокойствии. Священник, предупрежденный Эдмоном, медленно, почти торжественно, поднялся на второй этаж. Он счел, что лучше соборовать умирающую до того, как она попрощается со своими близкими.

Маргарита Бабен, вымыв руки в туалетной комнате, теперь укладывала в саквояж инструменты. С выражением глубочайшего горя повитуха в последний раз взглянула на свою пациентку.

— Мне очень жаль, мадам Маруа, — прошептала она. — Да хранит вас Бог...

Сидя на краю постели, Жозеф испуганно смотрел на Бетти. В комнате было жарко и неприятно пахло кровью.

— Ты не покинешь меня, — шептал он. — Нежная моя, хорошая Элизабет! Маленькая моя Бетти! Неужели все кончено?

— Жо, — произнесла умирающая тихо, — я так тебя любила. Подожди, пришел священник. Я должна исповедаться, Жозеф. Оставь нас.

Это ненадолго. Подготовь детей. Я не уйду от вас, не попрощавшись...

Жозеф неохотно вышел из комнаты: гнев переполнял его, потому что у него отнимали драгоценные минуты общения с его супругой.

«Нет, — думал он, — не нужно тебе исповедоваться, женушка. Не было никого на земле лучше моей Бетти».

На лестнице стояли его сыновья, Мари прижалась к Эрмин, а Лора — к Жослину. Смертельно-бледная Шарлотта держалась в стороне. Мирей, которая занималась Луи, посоветовала ей прийти поддержать жениха в этот час жестокого испытания.

— Это конец, — произнес бывший рабочий, сопя. — Ваша мать хочет попроситься с вами, дети мои. С нами нет только Армана, но как его найти-то? Мимин, подожди здесь. Думаю, она захочет видеть и тебя тоже.

— Конечно, — сказала она еле слышно.

Неизбежность этой смерти лишила их слуха и чувств. Все молчали. Из комнаты доносилось неразборчивое бормотание. Наконец на пороге появился священник, осенивший себя крестом. Он со странным выражением посмотрел на Жозефа и попрощался, попросив, чтобы доктор Брассар подождал его на улице, чтобы вместе ехать в Роберваль.

Эдмон громко разрыдался. Симон обнял его за плечи.

— Держись, братик! Постарайся не плакать, когда подойдешь к маме. Мы должны быть достойны ее в эти последние минуты. Она всегда тобой гордилась. Не подведи ее!

— Мне никогда такое не выдержать! — простонал юноша. — Я ее так люблю!

— Идемте, — сказал им потрясенный Жозеф. — Ей недолго оставаться с нами.

Они молча вошли в комнату и встали вокруг кровати. Бетти показалась им очень красивой: восковое лицо, огромные глаза с отсветом мистической экзальтации. Лицо с тонкими чертами обрамляли белокурые завитки.

— Мари, любимая моя девочка, подойди ко мне, — произнесла Бетти очень нежно. — Дай мне свою руку. Я хочу, чтобы ты выросла серьезной и трудолюбивой, чтобы ты помогала отцу по дому и на кухне. Хорошо учись в школе. А я буду заботиться о тебе оттуда, сверху.

Испуганная Мари покачала головой. Нет, такое не могло случиться, ее мать не могла сейчас умереть. Девочка прикусила нижнюю губу, чтобы не разрыдаться.

— Будь храброй, девочка моя, будь достойна того имени, которое я выбрала для тебя во славу Девы Марии. Подойди теперь ты, мой первенец, мой Симон. Я благодарю тебя, сын мой. Ты всегда поддерживал меня и

старался сделать приятное. Я доверяю тебе твою сестру, младших братьев и отца. Ты сильнее, чем думаешь, сын мой, не бойся ничего...

Бетти было тяжело говорить. Ее восхищенный взгляд обратился к Эдмону.

— Дорогой мой, маленький Эд, ты ведь будешь молиться за душу своей матери, правда? Следуй своим путем, дорогой мой. Господи, я уже не увижу, как ты облачишься в сутану...

— Нет, мама! Ты увидишь меня с небес! — возразил он, всхлипывая.

Бетти хотела лечь чуть повыше, но настолько ослабела, что тело перестало ее слушаться. Жозеф обнял жену и усадил в постели.

— Нам будет не хватать тебя, обожаемая моя женушка! — рыдал он. — Я люблю тебя, Бетти! С того дня, как я тебя увидел на новогоднем балу в Шамборе, никого я не любил, кроме тебя.

— Жо, дорогой мой, теперь тебе придется идти по жизни одному... Молю тебя, если ты встретишь хорошую добрую женщину, женись на ней. Нашей Мари нужна мать. Она еще так мала!

— Никогда! — вскрикнул он, пьянея от горя. Лицо его пылало.

Бетти не нашла сил ответить ему. Ее взгляд остановился на ребенке, который лежал на комодке, весь в белом, как забытая кукла.

— Мимин, быстрее! — позвал Симон. — Она отходит...

Молодая женщина быстро вошла в комнату, на лице ее застыло выражение глубочайшего горя. Жослин и Лора тихо проскользнули за ней.

— Бетти, дорогая моя Бетти! — рыдала Эрмин. — Я так тебя люблю, всем сердцем! Да будет с тобой мир и покой, всю свою жизнь я буду заботиться о твоей семье, о семье, которая стала и моей.

Элизабет Маруа опустила веки, печальная улыбка родилась на ее обескровленных губах. Она собрала свои последние силы и чуть слышно прошептала:

— «Прощальную песню», дорогая моя Мимин...

Эрмин поняла просьбу умирающей. Тихо, дрожащим голосом она начал петь припев, который говорил о боли расставания и надежде на будущую встречу на земле или в небесах.

— «Мы снова встретимся, сестра, не говори “прощай”...» Да, мы еще встретимся, моя Бетти, мы встретимся...

Бетти закрыла глаза и угасла за несколько секунд. По ее телу прошла лишь легкая дрожь. Жозеф, не отдавая отчета происходящему, по-прежнему прижимал ее к себе. Лора перекрестилась. Глухой стон вырвался из груди Симона. Эдмон взял Мари на руки. Девочка тихонько звала мать, и это была пустая мольба.

На пороге комнаты бесшумно появилась Маргарита Бабен. С тяжелым сердцем смотрела она на эту трагическую сцену. Теперь ей предстояло подготовить усопшую к похоронам. Шарлотта, которая по-прежнему стояла в коридоре, тронула ее за плечо.

— Мадам Маруа умерла? — спросила она.

— Увы, бедная моя мадемуазель! Вы с ней не попрощались?

— Я не осмелилась, но все время молилась за нее.

Шарлотта, которую занимали личные переживания, старалась успокоить себя. Она как будто застыла, но гнев, от которого ей самой становилось стыдно, кипел в ней. Конечно, она любила Бетти, но ее смерть означала конец самых сокровенных желаний. «Наша свадьба... — думала она, пугаясь собственных мыслей. — Господи, за что мне это? Я была так счастлива, и все рухнуло!»

Однако, когда повитуха прошла в комнату выразить свои соболезнования, она последовала за ней и встала подле Симона.

— Дорогой мой, как мне больно за тебя! — прошептала она, и глаза ее наполнились слезами.

Симон даже не услышал ее: он не мог оторвать взгляда от распростертого на постели тела матери. Жозеф положил ее голову на подушку и покрывал поцелуями лоб. Наконец он встал и подошел к мертвому ребенку.

— Я хочу, чтобы все было сделано как положено, — произнес он. — Да и Бетти так бы хотела... Ее родители приезжают завтра. Они нам помогут. Тело моей супруги будет лежать у нас в гостиной вместе с телом нашего сына Сильвестра Маруа. У них будет красивый гроб из полированного дерева с серебряными ручками. У меня есть на это деньги, и моя Бетти этого заслуживает.

— Можете на меня рассчитывать, — сказал ему Жослин. — Я могу заняться организацией похорон. Я в вашем полном распоряжении.

— Спасибо. Я ценю это.

Мадам Бабен попросила всех выйти. Лора настояла на том, чтобы помогать ей, и это было еще одно тяжелое испытание. Нужно было поменять простыни, обмыть тело и одеть его.

Симону и его брату пришлось поддерживать отца, пока он спускался по лестнице. Эрмин увела Мари, которая продолжала звать мать.

— Подожди меня, Мимин! — простонала плачущая Шарлотта. — Нам лучше вернуться домой. Нужно предупредить Мирей.

— Я это и хотела сделать, — ответила молодая женщина. — Мари, ты ночуешь сегодня у нас.

Девочка спросила, может ли она взять с собой куклу.

— Конечно, дорогая! Беги за ней побыстренько!

Как только Эрмин осталась наедине с Шарлоттой, она продолжила разговор.

— То, что произошло, поистине ужасно, и мы должны найти в себе силы пережить это. Ради Мари, главное, ради Мари. Я не могу прийти в себя. Мне кажется, что все это неправда, что я сейчас проснусь и...

— Мне бы тоже хотелось, чтобы этот кошмар рассеялся, — подхватила девушка. — Я могу теперь поставить крест на своей свадьбе...

Сначала Эрмин показалось, что она чего-то не расслышала, потом пришло презрение и ярость. Нервы не выдержали у обессиленной женщины, и она со всего размаху дала Шарлотте пощечину.

— Уходи! — приказала она. — Иди куда-нибудь в другое место оплакивать свою судьбу! Бетти принимала тебя в своем доме столько месяцев, а последнее время относилась к тебе как к дочери, потому что ты стала невестой Симона. Мама права: ты считаешь себя пупом земли!

Положив руку на горевшую щеку, Шарлотта, не веря своим глазам, смотрела на Эрмин.

— Ничего такого я не думаю! — возразила она. — Но я имею право на счастье, так же как и ты, которая вышла замуж за того, кого любила! Мне очень жаль Бетти, но тебе на это наплевать!

— Больше всего тебе жаль себя! Уходи! Я не узнаю Шарлотту, которую я так любила...

Шарлотта бросилась вон, ее напугала жестокость, с которой говорила с ней та, кого она считала своей старшей сестрой. Небо набухло свинцовыми тучами. Вдали слышались раскаты грома.

Мирей со все возрастающей тревогой всматривалась в аллею. Когда появилась бегущая Шарлотта, она бросилась к ней.

— Ну что? Как там? — стала она тормозить девушку. — Мне удалось уложить Луи после ужина. Приближается гроза.

— Бетти умерла. Ребенок тоже.

— Боже! — простонала экономка. — Какой ужас! Бедные наши соседи...

— Мне так тяжело! — добавила Шарлотта. — Такой ужасный день...

— Все плохо. Я слушала радио месье Жослина. Немецкие войска вошли в Париж. Я плакала, хоть и не француженка... А здесь еще это... И мать, и ребенок...

Экономка перекрестилась, она была так бледна, что, казалось, вот-вот потеряет сознание. Мелкими шажками она двинулась к Лориному креслу-

качалке, стоявшему под навесом. Тело ее сотрясалось от рыданий, то и дело утирая слезы, она раскачивалась на кресле в такт своим всхлипываниям.

— Бог мой, как дорого платят женщины за то, чтобы стать матерями! — воскликнула она. — Тебе нужно, как и мне, Шарлотта, остаться старой девой.

— Не волнуйся, — ответила ей Шарлотта, — именно это меня и ждет!

С этими словами она исчезла в доме Шарденов и заперлась у себя в комнате. Новый удар грома потряс насыщенный электричеством воздух. Прошло еще несколько минут, и полил дождь.

Сидя на берегу озера в Робервале, Киона смотрела на гребешки тяжелых волн, которые гнал перед собой ветер. Тала сидела рядом с ней.

— Небо плачет, мама, — произнесла девочка. — Бог белых людей меня не услышал. Мадам Маруа умерла, ее дитя — тоже.

— Ты точно это знаешь? — не поверила индианка.

— Да. Я видела их во сне, они лежали в гробу. Но я ничего не сказала, потому что сны иногда обманывают... Мама, пойдём домой. Ты должна позвонить Мимин.

— Я так и сделаю, девочка. Эта женщина была ей очень дорога.

Струи дождя пели тихую меланхолическую песню. Киона поднялась и взяла мать за руку.

Глава 21

После грозы

Валь-Жальбер, в тот же день

Жослин только что покинул дом Маруа с маленькой Мари, крепко прижимавшей к груди куклу, будто эта игрушка могла защитить ее от беды. Эрмин знала, что девочке будет хорошо рядом с Мирей. Сама же она предпочла задержаться еще немного у соседней в надежде, что окажется полезной, а также желая оттянуть встречу с Шарлоттой. Они впервые поссорились так жестоко.

Жозеф сидел на верхней ступеньке лестницы, не в силах отдалиться от спальни, где Лора и Маргарита Бабен исполняли печальную обязанность.

— Жо, — тихо окликнула его Эрмин, — я спущусь, поставлю чайник на огонь. Неплохо бы всем попить чайку.

В доме Маруа ей все было знакомо, и она занялась делом под песнь дождя, барабанившего по крыше, прибывавшего пыль на улице Сен-Жорж. Она подумала, что небеса на свой лад воздают последние почести покойной Бетти. Последовательность обычных повседневных дел отвлекала от скорбных мыслей. Между тем сердце Эрмин болезненно сжалось при виде большого чугунного котла, в котором Лора грела воду.

— Бедняжка, — прошептала она.

— Да-да, — подхватил Эдмон, сидевший за столом, подперев голову руками, — мой крошечный братик и часу не прожил на этой земле. Мне никогда не удастся пообщаться с этим ребенком.

Он поднял голову: веки его распухли, нос покраснел. Эрмин сочувственно потрепала его по плечу. Эдмон был такой рослый и серьезный, казалось странным, что ему всего четырнадцать.

— Я молюсь за маму, — сказал он. — Они с Сильвестром попадут в рай...

— Эд, у меня так скверно на душе! Кто бы мог подумать, что на нас обрушится такое несчастье?!

Подросток молча кивнул. Эрмин расставила чашки, достала чайник и сахарницу.

— А где Симон? — спросила она.

— Вышел во двор покурить. Мимин, мне кажется, нужно оставить его в покое. Нам всем необходимо оплакать маму, и желательно без свидетелей.

Замечание подростка глубоко огорчило Эрмин. Семья отводила время на то, чтобы смириться со смертью Бетти, осознать утрату. Она разлила чай, незаметно утирая слезы.

— Я думаю об этом... Симон сказал мне, что пойдет на луг искать Шинука и Эжени, — добавил Эдмон. — Отец велит, чтобы к ночи наш скот был на месте. Надо было бы пойти с ним, но я хочу вернуться в мамину спальню, когда все будет закончено...

— Понимаю, — вздохнула Эрмин.

Она вышла через дверь, что вела на хозяйственный двор. Грудь щемило, в горле стоял ком от сдерживаемых рыданий. Эрмин спустилась по узким деревянным ступенькам. «Именно здесь тогда, в декабре, я видела Поля Трамбле, — вспомнила она. — Он походил на бандита, только что совершившего грязное дело. Наверное, именно в тот день и стащил ключи от приходской школы».

Небо уже очистилось. Вереницы серых туч уносились прочь, подгоняемые теплым ветром. Вновь показалось солнце, расцветившее последние капли дождя. «Рано еще загонять скот», — подумала молодая женщина, окинув грустным взором тропу между лугами, принадлежавшими Маруа. Мокрая трава, пестревшая желтыми цветами, сверкала на солнце, на зеленой изгороди заливались певчие птицы. Возле молодого клена Эрмин вдруг увидела Киону. Девочка строго смотрела на нее, указывая, куда именно направился Симон. Видение длилось какое-то мгновение, могло показаться, что это галлюцинация. Но Эрмин не раздумывая бросилась по тропе. Никогда в жизни она не бежала так быстро, подгоняемая неотвязным чувством. Ее преследовал укоризненный взгляд золотистых глаз Кионы.

— Симон! — крикнула она. — Симон!!!

Тщетно она оглядывала окрестности, юноши нигде не было видно. Вдруг слева в подлеске она различила, что на дереве что-то белеет. Это был он. Его выдала белая рубашка.

— Симон! — вновь окликнула она.

Юноша стоял в развилке ствола старого вяза, там, где в детстве они с братьями строили укрытие, давно снесенное снежными бурями. Эрмин в ужасе выкрикнула:

— Нет! Не делай этого!

На шее старшего сына Бетти была веревка, привязанная другим концом к толстой ветви. Если он спрыгнет с крохотной опоры, все будет

кончено.

Эрмин крикнула громче, протягивая к юноше руки:

— Симон, умоляю! Не прыгай!

— Уходи! — Голос Симона был искажен бесконечным страданием. — Оставь меня, я больше не могу!

Он споткнулся и едва не сорвался вниз. Эрмин в отчаянии смотрела на него.

— И все же, Симон, ты не можешь повеситься! — убежденно сказала она, потихоньку подступая ближе. — Ты не имеешь права умереть. Послушай. Ты только что потерял мать, я понимаю, как это ужасно и невыносимо больно. Но подумай о младшей сестренке, об отце, об Эде... Ты что, хочешь доставить им новые страдания? Умоляю, сними петлю с шеи. Сделай это хотя бы для меня, Симон, я люблю тебя как брата...

Эрмин молитвенно прижала ладони к грубой коре старого вяза.

— Ты не посмеешь покончить с жизнью при мне, чтобы это видение вечно стояло у меня перед глазами! — воскликнула она. — Представь, что чувствовала бы Бетти, увидь она такое? Что, если она видит тебя в эту минуту и плачет... Перед кончиной она поручила тебе заботиться о братьях и сестренке, сказав, что ты сильнее, чем думаешь! Она была права. Так сжался над нами, сними петлю! Я не уйду отсюда. Я останусь здесь, пока ты не откажешься от того, что задумал.

Эрмин не выдержала и зарыдала.

— Но почему? Почему?! — вопрошала она, стоя с запрокинутой головой, чтобы не выпускать Симона из виду. — А Шарлотта? О ней ты подумал? О том, каким это будет несчастьем для нее?

— Для нее это только лучше, — возразил Симон. — Мне вряд ли удалось бы сделать ее счастливой. Мама хоть после свадьбы была счастлива, но мне и этого не дано...

К громадному облегчению Эрмин, он все же снял с шеи скрученную из конопляной веревку.

— Спускайся, поговорим. На тебя просто нашло затмение. Прошу, спускайся!

Симон соскользнул с дерева по веревке, все еще привязанной к ветке. Приземляясь, он подвернул ногу.

— Ой! Щиколотка! Это все из-за тебя! — Лицо Симона искажилось от боли.

— Ты хотел покончить с собой, а теперь ноешь из-за легкого ушиба. Бедный Симон, ну и напугал же ты меня!

Эрмин обняла юношу, который едва не свел счеты с жизнью, ее

поразило соприкосновение с этим живым горячим телом. С Симона слетела напускная бравада, и он заплакал.

— Слава тебе, Господи! — воскликнула она. — А явись я на пять минут позже? А на час? Я бы обнаружила труп. О Симон, как ты мог? В такой момент! Давай присядем. Скажи, что это на тебя нашло? — Усадив юношу рядом, Эрмин принялась гладить его по темным волосам, будто заболевшего ребенка. Пораженный такой нежностью, Симон вытянулся на земле, уткнувшись лицом в ее юбку. Слезы скатывались на розовый шелк.

— Ну-ну, успокойся, — повторяла она. — Знаешь, я думала сойду с ума, тогда, поздней осенью, когда умер мой ребенок, мой Виктор. И все же я вернулась к жизни. Время смягчает боль, Симон. Это страшно несправедливо, что наша дорогая Бетти умерла так рано, такой молодой. Но ты — ты должен чтить ее память, продолжая жить...

— Это младенец утащил ее за собой, ублюдок! — выругался он, с трудом выпрямляясь. — Будь проклят Трамбле. Уверен, что это его ребенок. Этот подонок опозорил мать и в конце концов убил ее!

— Нет, Симон, нам ничего не известно, — возразила Эрмин. — И в любом случае из-за этого не стоит вешаться. Извини, что говорю тебе такие вещи, но множество женщин умирает при родах. Даже в больнице. Еще до рождения Мукки и близнецов я думала о том, какой это риск. Говорила себе, что, быть может, это мой последний день.

Симон резко выпрямился и сел, скрестив ноги.

— В таком случае мужчины, которые хотят детей, это убийцы, проявляющие свою власть над женщиной, — сказал он, закуривая сигарету. — Нет чтобы воздержаться и не заводить потомство!

Он повернулся, и Эрмин увидела искаженное болью лицо, горькую складку у рта.

— Ну, не стоит преувеличивать! Признай, что в районе озера Сен-Жан немало многодетных семей, у которых десять, двенадцать, даже пятнадцать детишек.

— Ну и что! Мне от этого не легче, — бросил он.

— Это в порядке вещей. Но ты должен быть мужественным. Ты нужен Жозефу. Он не всегда был идеальным отцом, но он тебя любит.

Симон помотал головой, слезы вновь покатались у него из глаз.

Он бросил окурок и опять приник к Эрмин. Она изо всех сил пыталась его утешить, хотя сама чувствовала страшную тяжесть на сердце. «Удивительное дело, — подумала она, глядя Симона по волосам, — прикосновение Пьера произвело на меня отталкивающее впечатление, мне было стыдно, а вот обнимать Симона мне вовсе не претит. Если бы у меня

был брат его возраста, я чувствовала бы то же самое. Но какая я глупая — он ведь и вправду мой брат, мы росли вместе, дрались за игрушки, проказничали...»

— Повторяю, ты мне как брат, — нежно сказала она. — Увы, я не знаю, как вернуть тебе уверенность в себе. Мне кажется, даже если тебе напомнить о твоей невесте Шарлотте, тебя это не утешит. Я права?

— Нет, Мимин, — с трудом выговорил он. — Дело в том, что я люблю Шарлотту вовсе не так, как должно. Я отношусь к ней так же, как к тебе. Вы мои сестрички, мои подруги детства. Поэтому-то я и хотел повеситься. Это просто болезнь, чертова болезнь!

Он глухо зарыдал. Ошеломленная Эрмин решила, что поняла, в чем дело. Симон пользовался репутацией волокиты.

«Господи! Может, он заразился сифилисом? — растерянно гадала она. — Может, работая в Монреале, он посещал проституток?..»

— О чем ты, Симон? Что это за болезнь? — В голосе Эрмин сквозило напряжение.

— Я просто ненормальный. Только тебе я могу признаться, Мимин. Может, ты единственная, кто способен понять и не презирать меня. Ну и пусть ты узнаешь правду, все равно мне не жить. В этот раз ты помешала мне свести счеты с жизнью, но ты ведь не всегда будешь рядом. А когда я помру, то буду проклят. Вряд ли Господь отпустит мне грехи.

Молодая женщина никак не могла взять в толк, что же так мучает Симона. Она не на шутку забеспокоилась.

— Скажи мне откровенно, что с тобой, — выдохнула она слегка раздраженно. — Как я могу тебе помочь, если ты не говоришь, в чем дело?! В чем именно ты считаешь себя ненормальным?

— Думаешь, так легко сказать? — Симон снова опустился на землю. — Я это еще в школе заметил, хоть и недолго там проучился... Порой мне хотелось обнять какого-нибудь приятеля, со мною происходили странные вещи. Я не знал, откуда у меня такая потребность, и малость стыдился этого. Ну вот, я притворялся, что мне нравится драться, по вечерам я задираю парней на улице. Потом, помнишь, я уехал в Монреаль, по совету твоей матери? Мне тогда стукнуло семнадцать. Я развлекался, ходил на танцы, девушкам я нравился. Но сколько я ни прижимался к ним во время танцев, на меня это не производило никакого впечатления. Мимин, меня влекло к мужчинам.

Когда я окончательно в этом уверился, то решил, что я чудовище. И если еще не покорился зову плоти, то только из-за мамы. Но теперь ее больше нет на свете...

Эрмин лишилась дара речи. Она ушам своим не верила.

Симон воспользовался паузой и спросил:

— Я ведь тебе отвратителен, правда?

— Нет. — Эрмин собралась с духом. — Скорее, я сильно удивлена. Мне это никогда не приходило в голову...

— Не стоит притворяться, я слышу по голосу, что ты шокирована. Если бы ты знала, как я боролся против дурной склонности! Стремился охмурить как можно больше девиц, знакомился с их родителями, договаривался о помолвке, обещал жениться. Прежде всего я хотел избежать подозрений, которые могли бы возникнуть, если бы я сторонился девушек. Но потом я несколько месяцев проработал на мельнице в Ривербенде и влюбился в одного парня. Он был немного старше. Я старался проводить с ним как можно больше времени. Однажды не удержался: положил ему руку на плечо, нежно, будто лаская. Ой-ой-ой!!! Как он врезал мне по лицу! В тот же день я уволился с работы.

— Симон, мне совсем худо! — воскликнула Эрмин. — Я и не подозревала, что у тебя такие трудности. Стало быть, ты рассказывал про свои любовные похождения, чтобы сбить нас с толку?

— Папаша стер бы меня в порошок, если б узнал, что у него за сын! — усмехнулся Симон.

До молодой женщины постепенно доходила суть его признания. Она была совершенно обескуражена, и все же ей было легче, чем кому-либо другому, принять эту ситуацию. Она почти шесть лет вращалась в артистических и светских кругах, и на многое у нее открылись глаза.

— В Квебеке я знала одного симпатичного молодого человека вроде тебя, — просто сказала она. — Он рисовал эскизы театральных костюмов. Он очень нравился Лиззи, которая ведала гардеробом, но не отвечал ей взаимностью. Однажды в Нью-Йорке я ужинала со своим импресарио Октавом Дюплесси, и он познакомил меня с элегантным господином лет сорока. Позже Октав сказал мне, что этот человек живет с нашим театральным художником. Вернувшись в отель, я рассказала об этом маме, и та мне объяснила, о чем идет речь. Вначале я смутилась, мне было противно, но мама умеет убеждать.

— Лора?! — воскликнул Симон, которого изумил рассказ Эрмин. — Твоей матери известно о таком пороке?

— Да, и, кажется, она вовсе не рассматривает это как болезнь или порок. К примеру, Колетт, известная французская писательница, любит женщин и не скрывает это. Но, соглашусь с тобой, в наших деревнях тем, кто не придерживается традиционных норм, может не поздоровиться.

Эрмин умолкла, задумавшись. Этот разговор заставил ее на несколько минут забыть о смерти Бетти и предпринятой Симоном попытке самоубийства. Она решила защищать его любой ценой.

— Не стоит убивать себя только потому, что ты другой, — заявила она. — Тебе лучше уехать отсюда, поискать работу в большом городе. Например, в Нью-Йорке. А еще лучше во Франции — в Париже...

— Мимин, Париж оккупировали немцы. Об этом недавно говорили в Робервале.

— Ах да! — вспомнила она. — Я думаю о том, где же сейчас Октав. Он так любил французскую столицу, какой говаривал, всей душой! В сущности, война только началась.

Симон кивнул, нервно теребя травинку.

— Уверен, что Арман все понял. Меня он не выдаст, но по глазам видно, что презирает. Уход брата — это тоже моя вина. Ему не хотелось присутствовать на моей свадьбе, ведь он знал, что я не пара Шарлотте. Как раз поэтому я не иду в армию — меня тут же раскусят.

— Да нет, надо подумать! Ты атлетически сложен, отличный спортсмен... Я знаю тебя с самого детства, и у меня никогда не возникало никаких подозрений.

Она вдруг замолчала, взволнованная. Дело было в отношении Симона к Тошану. Она припомнила недавние сцены: похоже, ее муж тогда вызвал у молодого человека странный восторг и едва ли не возбуждение. Вот почему Эрмин в замешательстве принялась разглядывать Симона.

— Ты чего? — забеспокоился он. — Прекрати так пялиться на меня! Для меня так важно то, что ты мне только что рассказала! К тому же ты не сбежала от меня, как от зачумленного. Проявила такую широту взглядов, такое понимание. Могу тебе поклясться лишь в одном: у меня никогда не было связи с женщиной и вряд ли я когда-либо осмелюсь пойти на это...

— Симон! Скажи, ты влюблен в Тошана? — В голосе Эрмин сквозило подозрение.

— Нет, вовсе нет, — солгал он. — Мне только хочется походить на него. Он образец мужественности... Твой муж совершенно исключительный мужчина — храбрый, преданный, потрясающе красивый.

Последние слова для Эрмин прозвучали двусмысленно. Едва сдержавшись, она изобразила улыбку.

— Как же ты настрадался! — заметила она. — Симон, в таком случае ты не должен жениться на Шарлотте. Она имеет право знать правду.

— Ах, нет! Нет! — спохватился он. — Я женюсь на ней, и у нас будут дети. Для меня это единственный способ сойти за обычного мужчину.

Прошу, Мимин, пойми. Ты все верно говорила, и все же мне по-прежнему стыдно. Я исправлюсь. Вечером я поцелую Шарлотту и приласкаю ее. Я сумею любить ее так, как она того заслуживает. А если потерплю неудачу, то покончу с собой...

Эрмин в ярости схватила его за руку.

— У тебя на уме только смерть! — воскликнула она. — Повторяю: есть и другие решения. Уезжай отсюда, путешествуй, ты встретишь людей более широких взглядов. Ты не должен использовать Шарлотту в собственных интересах. Симон, обещай мне, поклянись памятью Бетти. Поклянись, что больше никогда не попытаешься покончить жизнь самоубийством! Иначе твоя смерть будет у меня на совести. Это будет означать, что я не сумела помочь тебе, уберечь.

Эрмин расплакалась. Она с энергией отчаяния боролась за спасение старшего сына Бетти, прекрасного парня с мужественным лицом, который родился иным.

— Это не твоя вина, — убежденно сказала она. — Умоляю, пообещай мне!

— Хорошо, обещаю! — вдруг сдался Симон. — Ты права, то, что я собирался сделать — отвратительная слабость. Но я сойду с ума, если застряну тут на все лето. Свадьба только через год, и мне лучше держаться подальше от Шарлотты...

— Я несправедливо закатила ей пощечину. Она сетовала, что придется отложить свадьбу. Господи, конечно, она меня огорчила, но мне не следовало так поступать.

Симон пожал плечами. Он с нежностью поднес к губам левую руку Эрмин и принялся целовать ее.

— Может, она и заслужила эту пощечину! Не расстраивайся так. Спасибо, что выслушала меня без гнева и упреков. Знаешь, я иногда подумываю о том, чтобы уйти в монастырь. Я правда готов это сделать. Может, Господь простит мой изъяз, если я посвящу ему всю жизнь.

— Да нет в тебе никакого изъязна! — решительно отрезала Эрмин. — А Бог, которому мы возносим молитвы, — он соткан из любви и добра. Ты ведь никому не причинил зла, ты не преступник. Вряд ли по христианской вере можно осудить тебя за это. Для меня единственный грех — это человекоубийство. Или когда мы уничтожаем себя, хотя могли бы прожить еще долго.

— Я понял твою проповедь! — взволнованно произнес Симон, и лицо его прояснилось.

Эрмин, озаренная лучом закатного солнца, заставившего засиять

золото ее волос, улыбнулась ему в ответ. Он подумал, что она прекрасна.

— Ты просто ангел, мой ангел-хранитель, — сказал он вполголоса.

Внезапно ему в голову пришла какая-то мысль, он нахмурил брови, а потом коснулся щеки Эрмин кончиками пальцев.

— Никогда не замечал, насколько Киона похожа на тебя!

— Но ведь это естественно, она моя младшая сестра, и я горжусь этим. Мне жаль, что я не могу заявить об этом на весь мир.

— Сколько тайн в наших семьях! — с сожалением заметил Симон, поднимаясь на ноги и протягивая руку Эрмин. Та бросила унылый взгляд на деревню.

— Все ломают голову, куда я запропала! Мне пора. Не забудь, ты мне обещал!

— Не забуду, но сейчас мне нужно поскорее отыскать Шинука и нашу корову. Боже, можно подумать, что это обычный вечер, но нет... мама умерла... Сколько крови она потеряла... Меня преследует этот запах. Несчастливая! Как это несправедливо!

— Симон, ты должен чтить жизнь, которую она тебе подарила. Я тебя дождусь. Ты всем нам очень нужен.

Он ушел, закуривая на ходу.

Эрмин вновь задумалась о Божьей воле и о клятве, которую дал Симон. Медленно, неспешным шагом она двинулась по дорожке, заросшей желтыми цветами. Теплый ветер и закатное солнце высушили пятна пролитых Симоном слез. Окрестные луга уже набрали цвет и аромат, предвещавшие празднество лета.

Валь-Жальбер, воскресенье, 16 июня 1940 г.

Было еще очень рано. В гостиной Маруа, где, кроме Эрмин, никого не было, двойные, на плотной коричневой подкладке шторы создавали тень. В подсвечниках горели свечи. Гроб, где покоились Бетти с младенцем, занимал все свободное пространство. Похороны должны были состояться на закате. Жозеф тратил деньги без счета. Его супруга погрузилась в вечный сон. Голова ее покоилась на прелестной подушке белого бархата, гармонировавшей с внутренней обивкой тонированного кленового гроба.

«Господи, какая трагедия... — думала Эрмин. — К тому же бедняге Жозефу из-за жары пришлось оплатить бальзамирование».

Несмотря на принятые меры, от тела исходил терпкий одуряющий запах. Эрмин торопилась исполнить намеченное. Она поставила цветы во

все вазы, которые удалось достать. Вскоре должны были подойти люди, чтобы попрощаться с покойной и ее младенцем. Накануне вечером лишь Лора и Жослин сидели у гроба. Шарлотта и Эрмин сменяли друг друга возле Мари. Сраженная горем девочка страдала от сильного жара.

«Какой страшный день и какой нелегкий вечер нам пришлось пережить, — думала Эрмин. — Я больше не могу видеть замкнутое лицо Шарлотты и ее гневные взгляды. Я попросила у нее прощения, но она сделала вид, будто не слышит. Могла бы все-таки понять, что я была вне себя».

Она вновь посмотрела на Бетти. Ей показалось, что черты лица покойной изменились: вместо нежной улыбки, с которой Бетти встретила смерть, на нем было надменное выражение. Что до новорожденного Сильвестра, то его крохотное личико было прикрыто прозрачным тюлем.

— Я больше не могу! — тихо призналась Эрмин. — Хоть бы все поскорее закончилось!

Накануне тело лежало в спальне, но теперь до самых похорон его поместили здесь. Вот уже несколько лет, как церковь в Валь-Жальбере закрылась, так что покойных обычно отпевали в Робервале, а хоронили здесь, на деревенском кладбище. Жозеф не хотел отступать от обычая. Это требовало дополнительных расходов, но они были ему безразличны.

— Все до последнего доллара, что я приберегал нам с Бетти на старость, пусть пойдет ей, — повторял он.

Снаружи становилось все жарче. Эрмин оглядела расставленные повсюду букеты, приготовленные на рассвете. Природе не было дела до людских условностей. Уже в конце весны заброшенные деревенские сады чаровали прохожих обильным цветением. Розы обвивали фасады домов и стены хозяйственных построек; нежные белые лилии источали пьянящий аромат, а множество ромашек и лютиков вплетались в зеленый травяной ковер.

«Милая Бетти, если бы я только знала, что ты так скоро нас покинешь! Если бы ты могла заговорить, то, я уверена, сказала бы, что Господь наказал тебя за то, что ты согрешила. Но это невозможно, Бог милостив. Нам известно, каким опасностям подвергается мать, вынашивающая дитя. И это еще одно доказательство. Я всей душой, каждый божий день буду молиться за тебя, Бетти».

На улице Сен-Жорж раздался шум мотора. Тут же донеслись чьи-то грузные шаги. Жозеф спустился по лестнице навстречу родителям своей жены. Симон доставил их с заутрени.

Старики, тяжело переживавшие внезапную кончину их единственной

дочери, прибыли накануне.

— Элизабет вышла замуж совсем юной, — со слезами в голосе начала Казимира, мать Бетти. — Ей было всего шестнадцать. И мы с тех пор не видались. Коли у тебя ферма, то отпуска тебе не положено. Фернан всегда держал коров. Наш сын Дамас работает на почтовой станции, но нам он славно помогает. Господи Боже, могли ли мы думать, что потеряем Бетти!

Они, перекрестившись, чинно проследовали в гостиную, одетые с ног до головы в черное. Следом пришел Жозеф в траурном костюме. Эрмин тихо кивнула вошедшим и встала возле буфета, чтобы не мешать. На нее нашло странное оцепенение, будто воздух вокруг сгустился. «Я с утра ничего не ела. Даже чаю не пила», — сообразила она. Между тем она упорно оставалась в гостиной возле бывшего рабочего, чье горе разрывало ей сердце. Явились Симон и Эдмон в галстуках, с приглаженными волосами, в руках каждый держал шляпу.

Подъехала еще одна машина. Жослин Шарден привез с вокзала Валь-Жальбера двух братьев Бетти. При виде покойной сестры у них из глаз потекли тихие слезы. Следом явились Онезим и Иветта Лапуант, пришедшие отдать дань памяти соседке. Эрмин выскользнула в кухню, опасаясь, что ей станет плохо. Было слишком жарко, а народ все прибывал. Выйдя на крыльцо, она вдохнула свежий воздух.

— Ты совсем бледная, — заметил ее отец, оставшийся возле автомобиля. — Выпей водички, дорогая!

— Жду не дождусь, чтобы все закончилось поскорее, — призналась она.

В начале улицы показались мать и Шарлотта в траурных одеждах. Они торопились.

— Пришли попрощаться с нашей дорогой Элизабет, — сказала Лора. — Мари попросила разрешения остаться у нас. Бедная девочка не хочет видеть мать в гробу. Если Жозеф заставит ее прийти, то, мне кажется, ее состояние может ухудшиться. Мы оставили ее лежать в постели, у нее сильное потрясение. Мирей не смогла пойти с нами, она присматривает за Луи и за малышкой.

Шарлотта молча проследовала мимо Эрмин в дом. Лицо ее было скрыто вуалью, но твердая поступь и недоброе молчание выдавали ее ярость.

— Мадемуазель на нас дуется! — бросила Лора. — Тут ничего не поделаешь. Она печется только о Мари. Неправильно так себя вести в день похорон бедняжки Бетти.

Приход местного мэра с супругой и нескольких соседей заставил Лору

переменить тему. Все крестились, шептали соблезнования. Эрмин чувствовала себя как во сне. На крыльце под навесом она потеряла сознание и очнулась уже в родительском доме на диване, у ее виска лежал носовой платок, смоченный одеколоном.

— К зиме ты преподнесешь нам младшенького! — с улыбкой воскликнула Мирей.

— Нет, это невозможно. Я была у доктора, и он меня заверил, что я не беременна. Просто я с самого утра ничего не пила и не ела. А еще этот запах в гостиной... Господи, а как же отпевание?

— Отец тебя отвезет, не бойся. Ты не опоздаешь, — заверила экономка, потрепав Эрмин по щеке. — Это он доставил тебя сюда. Будто нам мало переживаний.

Роберваль, в тот же день

Люди в задумчивости выходили из церкви Сен-Жан-де-Бребёф под палящее солнце, яркий свет которого не слишком гармонировал с общей печалью. Солнечные лучи высекали искорки из темных траурных одежд, хорошенько вычищенных по такому случаю. Эти одежды нечасто извлекали из шкафов, да люди и радовались, что это приходится делать редко.

Жозефа Маруа обступили со всех сторон. Бывшего рабочего хорошо знали в этих краях, тем более в Робервале, и теперь на церковной паперти все стремились выразить ему дружеское сочувствие. Вдовец выглядел подобающе: на его печальном осунувшемся лице застыло суровое выражение, чувствовалось, что он сознает значимость своей роли. Ради своей любимой Бетти он старался держаться достойно, вежливо и любезно. Стоявшим рядом с ним сыновьям также доставались соответствующие сочувственные слова и рукопожатия. Эрмин, Лора и Жослин держались рядом, демонстрируя свою привязанность к семье, которой коснулась смерть.

Седовласый господин с заметным брюшком подошел к Жозефу.

— Ну что, бедняга Жо, не признал меня? Амеде Дюпре, твой бывший сосед. Мне вчера сообщили печальную новость, и вот я прибыл. Наверное, ты заметил меня во время церемонии? Мои соблезнования. Господи, бедная Элизабет...

— Амеде! Конечно, я узнал тебя, — ответил Жозеф. — Рад тебя видеть. После того как закрылась фабрика, от тебя не было никаких

известий.

— Я лет десять проработал в Арвиде на алюминиевом заводе, да и до сих пор там вкальваю, но уже в заводской конторе. Анетта не смогла приехать, она на инвалидности... Стой, да ведь это Эрмин!

Молодая женщина приветствовала их любезной улыбкой. В детстве она очень любила этого жизнерадостного соседа, всегда готового отпустить шутку. Амеде пришел в восторг при виде Симона и Эдмона.

— А где младший — Арман? Готов поспорить, что он, как и мой, уже в армии!

Беседа коснулась войны. Жозеф перекрестился, заметив с горечью:

— Моя дорогая супруга не увидит, как война пожирает людские и материальные ресурсы нашего Квебека.

Жослин тихо вступил в беседу. Раздраженный Симон удалился в тот момент, когда мужчина в коричневой фетровой шляпе, расчувствовавшись, схватил Жозефа за руку.

— Мой бедный друг, — сказал он, — я разделяю твою горе. Увы, мне слишком хорошо знакомо, каково это.

Эрмин тотчас узнала вновь прибывшего. Это был Марсель Тибо, отец Пьера. Еще в пору работы на целлюлозно-бумажной фабрике он был тщедушным и облысевшим, с тех пор он сгорбился и стал еще более чахлым.

— Марсель! — удивленно воскликнул Жозеф, сдерживая слезы. — Боже всемогущий, вот уж кого не ждал!.. Жослин, позволь представить тебе Марсея. Он когда-то работал у меня в бригаде. Мы были неразлучны. Он рано овдовел — его жена Селина померла от испанки, и чуть ли не в тот же день он потерял дочь Жанну. Проклятая болезнь!

— Малыш Сабен, мой старшенький, и полдня не продержался, помер... — вступил Амеде Дюпре, пожимая руку Марсея Тибо. — Ах! Помнишь, как мы хохотали в цеху, среди гидравлических прессов, стоял такой грохот, что нам приходилось орать во всю глотку, если хотели что-то сказать!

Эрмин, взволнованно внимавшая воспоминаниям бывших сослуживцев, почувствовала, как Лора дернула ее за руку.

— Сюда заявила твоя свекровь с внуками! Она взяла с собой и свою дочь! Боже, Тала могла бы держаться скромнее! Я так переживаю смерть нашей подруги, что у меня нет желания с ней разговаривать.

— Мама, не говори глупостей! Смотри, Тала стоит в стороне. Это я по телефону попросила ее приехать и привезти детей. Я хочу, чтобы они переночевали здесь, в Валь-Жальбере.

— Их могла бы привезти Мадлен! — возразила Лора, никогда не отступавшая. — Пойду пройдуся.

Эрмин радостно помахала Тале и хотела направиться к ней, но толпа заставила ее отступить. Кто-то взял ее за руку.

— Эрмин, я был здесь, но не посмел к тебе подойти, — шепнул ей на ухо Пьер Тибо.

Она обернулась, намереваясь дать ему пощечину, но он уже отпрянул.

— Уходи! — тихо заявила она. — Бетти умерла, а ты явился, чтобы приставать ко мне в день ее похорон!

— Нет, это не так. Мой отец пустился в путь, как только узнал скверную новость от сослуживца, что живет здесь, на улице Марку. Я трезв как стеклышко и хотел попросить у тебя прощения. Эрмин, мне стыдно за свой тогдашний поступок. Не знаю, что на меня нашло... Я хотел...

— Замолчи! Вдруг нас услышат... — сердито бросила она. — Видеть тебя не хочу. Нету меня к тебе ни дружбы, ни доверия. Ты мне опротивел! Не вмешайся тогда Симон, я бы тебя прикончила.

— Ты что, мужу рассказала? — встревожился он.

— Тебя ждет сюрприз! — злобно пообещала Эрмин.

Он со сконфуженным видом отступил. Эрмин стремительно удалилась, заметив, как яростно сверкнули глаза Пьера. Она с явным облегчением принялась обнимать детей.

— Наверное, Мари очень горюет, — сказала Лоранс. — Мама, мне так хочется хоть немного ее утешить!

— Вы отправитесь в Валь-Жальбер, — ответила Эрмин, — я не могу ночевать в доме на авеню Сент-Анжель, а так как я не хочу разлучаться с вами, то я вас отвезу.

— Я сделаю Мари подарок. С сегодняшнего дня меня зовут Нуттах. Мама, скажи да, прошу! Я хочу носить свое индейское имя!

— Ну ладно! — уступила мать.

Киона, похоже, пряталась за спиной Талы. На девочке было хлопчатобумажное зеленое платье в белый горошек и очаровательная соломенная шляпка. Эрмин, заинтригованная ее стремлением держаться поодаль, направилась к ней.

— Дорогая Киона, хочешь пойти со мной в церковь? Поставим свечку за упокой Бетти...

— Нет, я не хочу! — ответила Киона. — Бог бледнолицых не внял моим молитвам.

Эрмин отвела ее в сторону. Невозмутимая Тала с интересом следила за Лорой, которая в тридцати метрах отсюда что-то с жаром обсуждала с

Терезой Ларуш.

— Ты неправа, Киона, — ответила Эрмин. — Бог делает то, что может. На земле идет столько войн, в них втянуты миллионы людей! Но почему ты так говоришь?

— Я молила его спасти твою подругу Бетти, а он не спас. Я видела ее во сне: она, мертвая, прижимала к груди младенца. Это было так печально, что, проснувшись, я плакала. Я молилась в церкви, чтобы это был всего лишь сон...

Молодая женщина была поражена глубокой грустью девочки. Она прижала ее к себе.

— Киона, — сказала она, — ты не в силах изменить ход судьбы. Бетти всегда рожала тяжело. Возможно, ей было на роду написано, что она умрет в пятницу.

Эрмин неосознанно обращалась к Кионе как к взрослой.

— Я понимаю! — уступила Киона. — Но кто это все пишет? Бог? Твой Бог?

— Я не знаю ответа! Но, знаешь, ты спасла человека, который очень дорог мне. Если бы ты не привиделась мне всего лишь на миг — там, на тропе, ведущей к деревне, то Симон был бы мертв. У тебя было такое сердитое лицо, что я немного испугалась за тебя...

— Да, правда, я рассердилась. Но мне хочется в лес, к бабушке Одине. Мы с мамой завтра сядем на пароход.

— Но отчего же ты рассердилась? В Робервале тебе нравится, ты хорошо учишься. Через месяц мы снова приедем в наш лесной дом. Ну пожалуйста, Киона, скажи, на что ты сердишься, а потом улыбнись мне! У тебя такая чудесная улыбка.

Громадные золотистые глаза девочки наполнились слезами. Она жалобно протянула:

— Мне хочется быть как все, как Лоранс и Мари. Я устала думать о печальном и огорчаться. Почувствовав, что надвигается несчастье, я пыталась предупредить тебя или вызвать Тошана, и в результате заболела. И еще: я знаю, что мой отец жив. Но я в самом деле хочу его видеть. Мама про него ни разу не сказала правду...

Всхлипнув, она замолчала. Эрмин, осознав, что Киона права, сочувственно поцеловала ее в лоб.

— Тебе действительно так нужен отец? У тебя ведь есть сильный и храбрый брат Тошан, Властелин Лесов. У тебя есть заботливая и добрая мать и, наконец, у тебя есть мы: сестрички-близнецы, Мукки, Мадлен и я! Прекрасная большая семья! А еще бабушка Одина, тетушка Аранк^[80],

которая ткет замечательные покрывала, и двоюродный брат Шоган...

Восторженное перечисление вызвало у Кионы слабую улыбку. В этот момент к ним подошел Жослин.

— Киона, дорогая, я только что узнал от твоей мамы, что вы собираетесь завтра уехать! Мне не часто удается поболтать с тобой, но как твой крестный я обязан сделать тебе подарок. Оказывается, ты хорошо учишься, а всякий труд заслуживает награды. Вот золотой кулон на цепочке, надевай. Это вещь, которая очень дорога мне. Обрати внимание...

— Папа, не давай ничего, что может огорчить ее! — воскликнула встревоженная Эрмин. — Можно взглянуть?

Жослин отдал ей подвеску. По его раздраженному лицу было видно, что ему это не хотелось делать. Эрмин внимательно рассмотрела медальон, на котором была изображена Дева Мария в мафории^[81]. На обороте было выгравировано: «Алиет Шарден».

— Папа, что это? — спросила Эрмин. — Здесь нет никакой даты. Такие медальоны обычно дарят к первому причастию или в честь какого-то особенного события.

— Да мне ничего точно не известно, — ответил Жослин. — По словам родителей, моя прапрабабушка заказала это украшение у ювелира из Труа-Ривьер, когда уже довольно долго прожила в Квебеке. Мне оно досталось по наследству, и я решил, что оно должно перейти моей крестнице, которой в следующем году придется изучать катехизис...

— Не знаю, правильно ли это, — заявила Эрмин.

— Но почему? — недоумевал отец.

Жослин, взяв золотую подвеску, вложил ее в левую руку Кионы, сжал тонкие пальчики.

— Зачем мне это?! — выкрикнула она, отбрасывая подарок в сторону.

На крик дочери прибежала Тала. При виде матери Киона пустилась бежать по авеню Сент-Анжель.

— Жослин Шарден, вы просто дурак! — презрительно воскликнула разбушевавшаяся индианка. — Когда же до вас дойдет, что одно ваше появление доставляет страдания ребенку?

Выдав эту реплику, Тала стремительно удалилась. Эрмин искала украшение на газоне рядом с тротуаром. Оно довольно быстро нашлось.

— Папа, я тебя предупреждала! — заметила она. — Если у твоей прабабушки были, как ты нам рассказывал, склонности к прорицанию и ясновидению, то ни к чему вручать Кионе принадлежавшую ей вещь... О нет! Траурная процессия вот-вот тронется. Мы с малышами хотели поставить свечку в церкви, но уже не успеем.

Жослин только пожал плечами.

«Дурак! — с горечью повторял он, следуя за Эрмин. — Похоже, так оно и есть!»

Валь-Жальбер, в тот же день

Жозеф еще не успел отереть слезы, струившиеся по дубленому ветрами лицу. Все было кончено, Элизабет упокоилась на маленьком кладбище Валь-Жальбера. Он мысленно наметил поставить надгробный камень. Пока что скромный холмик земли, увенчанный деревянным крестом, обозначал место, где лежали мать и дитя.

— Пока она находилась в доме, — сказал он Жослину, — я еще как-то держался. Мне казалось, что она где-то рядом. Теперь все кончено. По крайней мере, я смогу навещать ее каждый день.

Симон порывисто обнял отца, желая поддержать его. Жозеф отстранился.

— Я не старик! — возразил он. — Эдмон, прекрати реветь. Не будем позорить нашу Бетти. Теперь надо сообщить Арману. Он не знает, что мать померла... это нехорошо!

На кладбище остались родственники Элизабет, кюре и Шардены. Мирей привела Луи и Мари. Девочка была очень бледна, хотя ей все же стало лучше.

— Я буду приносить маме цветы каждую пятницу, — указывая на материнскую могилу, сказала она Лоранс, с которой особенно хорошо ладила.

Эрмин наблюдала за присутствующими. Она была чрезвычайно взволнована. Шарлотта продолжала избегать ее. «Да пускай себе дуется! — подумала Эрмин. — Мне нужно нынче вечером вернуться в Роберваль, а прежде попрощаться с Талой и Кионой. Если бы я рассказала монахиням или священнику то, что мне известно о Кионе, они бы завопили, что она одержима дьяволом. Если рассказать об этом ученым, они тоже не поверят. Хотя Тошан говорил мне, что индейские шаманы когда-то применяли билોકацию. Боже, какое отвратительное слово! На самом деле, у Кионы есть дар ясновидения и она умна не по годам, хотя еще слишком маленькая, чтобы нести груз таких неслыханных способностей. По сути, ей ни к чему знать о том, кто ее отец. В этом мама права».

Лора со скорбной улыбкой возложила на могилу букет роз. Выпрямившись, она пригласила присутствующих к себе на угощение.

Слово «угощение» некоторых удивило. Ми-рей поспешила прочь. Проходя мимо Эрмин, она тихо заметила:

— Мадам не соблаговолила сообщить мне о пресловутом угощении, но я предусмотрела и уже приготовила все, что полагается.

— Я помогу тебе, — предложила молодая женщина. — Хоть присяду ненадолго. Я совсем дошла.

Мукки посмотрел на мать, двинувшуюся следом за Мирей. Локтем он подтолкнул Луи.

— Ты со мной? — пробурчал он. — Пойдем прогуляемся...

— Нельзя, — ответил Луи. — Меня могут снова похитить, так мама говорила.

— Ну вот еще! Я тебя в обиду не дам! Пошевеливайся, пока никто не видит. Мы только до комбината и быстро назад.

Луи не мог устоять перед предложением обожаемого им Мукки. Он кивнул, и парочка потихоньку улизнула. Как только они решили, что их уже не видно, то понеслись по заброшенной деревне сумасшедшим галопом. Их сопровождал неумолчный рокот водопада, а между крышами домов просвечивала его пенящаяся хрустальная громада.

Мукки и Луи не догадывались, что кто-то идет за ними следом. А между тем Эдмон, увидев, что мальчишки в парадных костюмчиках намереваются куда-то смыться, забеспокоился. Подросток решил убедиться, что дети не наделают глупостей. «И куда они направляются? — вполголоса спросил он. — Могу поспорить, что они полезут на заброшенную фабрику. Надо их перехватить!»

Но пока он снимал куртку, в которой было слишком жарко, искатели приключений скрылись из виду. Они миновали поросшую травой площадь перед целлюлозно-бумажной фабрикой и скрылись где-то возле трубы из красного кирпича.

— Луи, гляди! — крикнул Мукки, оглушенный грохотом падающей воды, от которой его волосы покрылись капельками воды. — Ничего себе расплескался! — Приоткрыв от изумления рот, мальчик восхищался гигантской льющей серебряной колонной Уиатшуана. — Иди сюда, я нашел туннель! — гулко возвестил он из трубы. — Ну что, идем? Как пить дать, найдем сокровище! Я беру палку! За мной!

— Нет, там темно. Это опасно! — сопротивлялся Луи, боготворивший Мукки.

— Мокрый цыпленок! — насмешливо пропел тот. — Вот я не боюсь, потому что я индеец! Идем же, не то водопад проглотит тебя!

Луи опрометью кинулся за пробиравшимся ползком Мукки.

В просторной гостиной Жозеф смаковал виски многолетней выдержки. Шарлотта и Симон сидели на диване, взявшись за руки. Девушка глаз не сводила с жениха. «Господи, если бы она знала!» — думала Эрмин, поднося родителям Бетти черничную настойку.

Мари пряталась от бабушки. Казимира, семидесятипятилетняя женщина с правильными чертами лица, обрамленного завитками седых волос, со скорбным видом взирала на зятя — ее разжалобили морщинки у него вокруг глаз. Ее супруг Фернан что-то шепнул ей на ухо и, наконец, раздраженный колебаниями жены, сам взял слово:

— Дорогой Жозеф, мы должны вернуться вечерним поездом. Казимира никак не на сме лится вам сказать, дело в том, что мы хотели бы забрать Мари. Ей должно у нас понравиться, она ведь была у нас три раза. Мы будем заботиться о ней, и это поможет нам пережить утрату.

— Моя дочь никуда отсюда не поедет! — отрезал бывший рабочий. — До конца месяца она будет ходить в школу. Да притом сейчас война и мне неохота с ней разлучаться.

— Папочка, мне так хочется туда поехать! — робко отозвалась девочка просительным тоном.

— Подумайте, Жозеф, — вмешалась Лора. — Может, для Мари так будет лучше?..

Симон вздохнул. По дороге с кладбища Эрмин предложила ему провести несколько недель на берегу Перибонки. Она считала, что это пойдет ему на пользу. И кроме того, ей потребуется помощь, кто-то должен заменить Тошана. Предложение было заманчивым, но он еще не успел переговорить ни с отцом, ни с Шарлоттой. Вдруг он сообразил: «Если я уеду отсюда, а Мари отправится к бабушке с дедушкой, то папа с Эдмоном на все лето останутся одни. У меня нет выбора, я должен быть в Валь-Жальбере. Мама, если бы она была здесь, с нами... На ней держался весь дом, ее мужественное сердце было полно любви...»

Мирей не обращала внимания на спор. Она неумоимо сновала из кухни в гостиную, внося все новые тарелки с нарезанными фруктовыми тортами и медовыми бисквитами. Еды хватило бы на полтора десятка человек. Три фарфоровых чайника источали терпкий аромат бергамота.

— А где же Эдмон? — удивленно спросил один из братьев Бетти, пятидесятилетний здоровяк с седыми усами. — Я хотел поздравить его с

тем, что он собирается в духовную семинарию.

— Наверное, он на улице с мальчиками, — сказала Эрмин. — Мукки и Луи еще не вернулись, а ведь они, должно быть, проголодались.

Под благовидным предлогом она уединилась на выходящей на улицу террасе. Стараниями Лоры там было очень приятно находиться в летнее время. Она поставила там плетеный диванчик и такие же кресла. Разложенные на них полосатые подушки так и звали присесть отдохнуть.

«Боже, дай мне сил продержаться, — думала Эрмин. — Нужно смириться с потерей Бетти. Я чувствую себя такой уязвимой... И мне так не хватает Тошана. Возможно, в этом году он отправится в Европу. Как же мы будем без него? Господи, я от всего сердца сочувствую Жозефу. Только представить: как ужасно провести остаток жизни без любимой жены!»

Она подавила рыдания и вытерла слезы, туманившие ее дивные голубые глаза. В этот момент на террасе появилась Лоранс.

— Мама, мы с Нуттах были в няниной комнате. Я нарисовала для Мари много-много цветов, а в небе улыбку мадам Бетти. А Нуттах собрала все одежды своей фарфоровой куклы. Она хочет подарить ее Мари вместе со всем гардеробом. Как ты думаешь, это ее хоть немного утешит?

— Конечно, дорогая, и вы молодцы, что подумали об этом!

— Не хочу, чтобы ты умирала! — вдруг воскликнула Лоранс, обнимая мать. — Скажи, ты ведь не умрешь, если у тебя родится еще ребенок?

— Нет, родная, не бойся! Если я соберусь подарить вам братика или сестричку, то уж постараюсь остаться в живых. Я так всех вас люблю — и тебя, и Мукки, и Нуттах, и вовсе не хочу вас покидать!

Минут десять она успокаивала дочку. Под влиянием Талы Эрмин воспитывала своих детей, стараясь не слишком приукрашивать действительность. Индианка утверждала, что лучше дать простые жизненные объяснения, чем окружать недомолвками тайны взрослых, что заставляет малышей бесплодно тревожиться.

На пороге появилась Лора.

— Луи куда-то запропал. Правда, Эдмона и Мукки тоже не видать. Наверное, они вместе! Надо их позвать. После этой истории с похищением я схожу с ума от сущих пустяков.

— Должно быть, Эд отправился с ними прогуляться, — заметила Эрмин. — Они переживают смерть Бетти, и им хочется развеяться.

— Да услышит тебя Господь! — заключила Лора.

Неожиданно из коридора появилась Нуттах-Мари. Она дернула мать за подол.

— Мамочка, ну вот, я подарила свою куклу Мари. Она заплакала, но

все-таки сейчас ей лучше.

— Поздравляю, доченька. Теперь вы с сестрой должны поесть, но ступайте в кухню, чтобы не мешать гостям.

Еще раз оглядев сад, Лора увела девочек. Эрмин тоже направилась в дом в надежде примириться с Шарлоттой. «Я так привыкла рассчитывать на поддержку друзей, моих подруг из приходской школы, — подумала она, — но Мадлен осталась в Робервале, а моя верная Лолотта меня возненавидела...»

Это заключение еще сильнее ее опечалило.

* * *

А тем временем Эдмон Маруа подвергся серьезному испытанию. Подросток, сердившийся на мальчиков и опасавшийся, чтобы с ними ничего не случилось, пытался нагнать беглецов, отважившихся полезть в широкую трубу. Это был один из каналов, некогда проведенных от плотины. Внутри валялось множество древесных обломков, разный хлам, кости мелких грызунов, занесенных водой.

— Мукки, Луи, стойте! Дождитесь меня! — крикнул он уже в третий раз. — Тута очень опасно!

Мукки застыл на месте. В голосе Эдмона звучала отчаянная тревога, к тому же Луи, ударившись коленом о камень, расхныкался.

— Ладно, Эд, мы дальше не пойдем! — откликнулся Мукки. — По правде сказать, здесь совсем темно и ничего не видно.

Эдмон, ускорив шаг, слегка успокоился, наткнувшись на Луи. Пальцами он нащупал его щиколотку. Мальчуган расплакался.

— Эд, я вовсе не хотел сюда лезть. Терпеть не могу темноты...

— Я пройду вперед, — тихо сказал ему подросток. — Не плачь. Мукки, ты где?

— Тут. Эд, возьми меня за руку. Прошу тебя!

— Ну да, ты ведь разыгрываешь из себя вождя племени, куда же твоя храбрость подевалась? — В голосе Эда сквозила ирония. — Всего-то и надо, что вернуться назад. Я пойду гляну, куда ведет эта труба.

Он осторожно продвинулся дальше, стремясь отыскать выход. Вдруг раздался металлический лязг, словно порыв ветра сорвал кусок обшивки канала. Лучи солнца проникли в трубу. Эдмон вскрикнул от ужаса. В нескольких сантиметрах от него зияла бездонная дыра. Еще шаг, и он бы неминуемо провалился. Мальчишки тоже свалились бы, последуй они за

ним.

— Слава тебе Господи! — воскликнул он. — Если бы не ветер, я бы погиб! Говорил же я вам, что это очень опасно.

Хотя Эдмон никогда не работал на целлюлозно-бумажной фабрике, он нередко приходил туда с Арманом или Симоном. Когда дверца люка вновь хлопнула, он узнал турбинный зал. Справа он обнаружил достаточно широкое углубление, которое, похоже, куда-то вело.

— Мукки, держи Луи, — велел он. — Я вскарабкаюсь на закраину, а затем по одному подниму вас, мышата!

Он испытывал к мальчикам живую, почти братскую привязанность. Стремление уберечь их от опасности, вытащить из ловушки позволило ему хоть немного отвлечься от переживаний по поводу смерти матери.

Совершив несколько акробатических трюков, все трое целыми и невредимыми выбрались на площадку. Брюки выходного костюма Эдмона были в плачевном состоянии, пыльные и перепачканные, белая рубашка продрана на локте. Мукки и Луи, с грязными влажными волосами, выглядели не лучше. Вылазка не прошла бесследно для их одежды.

— Что я скажу Мимин и мадам Лоре? — расстроено спросил подросток. — А месье Жослину?

— Да ничего не говори, — пристыженно сказал Мукки, еще не оправившийся от пережитого страха. — Пусть мама накажет меня. Это моя вина, Эд.

— Мой братец Арман в твои годы еще похуже штуки откалывал, — заявил Эдмон. — Ладно, мы придумаем что-нибудь, только ты, Мукки, должен пообещать мне, что впредь не будешь совершать таких глупостей. Ты не станешь отлучаться из дому без разрешения, не будешь брать с собой ни Луи, ни сестер.

— Обещаю! — откликнулся тот.

— Отец меня, конечно, отчитает по полной программе, — добавил подросток, — но мы можем сказать, что вы возились с разной ветошью в чулане за домом, а я вас там обнаружил. Ну а потом мы играли в прятки.

Успокоившийся Луи захлопал в ладоши, но Мукки стало до слез стыдно. Обнимая Эдмона, он тихо сказал:

— Прости меня, Эд. Я расскажу маме и бабушке всю правду.

— Да не стоит, — возразил подросток. — У всех и без того достаточно горя и забот. Расскажем обо всем позднее, когда вы подрастаете и будете такими, как я.

Он взял мальчиков за руки и повел назад, отпустив, лишь когда показалась знакомая зеленая крыша дома Шарденов. Солнце освещало

распустившуюся листву и бело-розовые яблони в цвету. На обратном пути Эдмон Маруа молча молился: «Милостивый Боже, охрани всех детей на земле, убереги их от страдания и страха! Сделай так, чтобы война закончилась и было меньше жертв». Такова была смиренная просьба будущего священника прихода озера Сен-Жан. Однако грядущие годы сулили ему разочарование.

Глава 22

Конец лета

Берег Перибонки, вторник, 13 августа 1940 г.

Эрмин сидела под тентом на лужайке напротив своего дома неподалеку от реки Перибонки. Она читала последнее письмо от родителей, которое доставил брат Мадлен Шоган, тот самый, что когда-то называл ее Канти, та, которая поет. Этот тридцатитрехлетний индеец монтанье купил коня на замену своему скончавшемуся от старости мулу. Необычайно довольный приобретением, он объезжал окрестности, выполняя различные мелкие поручения.

Эрмин отложила на минуту почту и огляделась вокруг. «Почему мне так повезло? — думала она. — Я живу просто в раю, в то время как тысячи людей далеко отсюда терпят тяготы войны».

— Мама, — окликнула ее Мари-Нуттах, — я поймала бабочку тем сачком, что смастерил Симон.

Страшно гордая таким успехом, Мари в коротких штанишках и блузке, открывающих позолоченные солнцем руки и ноги, бежала вдоль сарая. Чуть поодаль Шарлотта развешивала выстиранное белье. Она взяла на себя большую часть хлопот по хозяйству, но по-прежнему дулась на Эрмин.

— Я отправилась в это богом забытое место только ради Симона, — заявляла она Мадлен по крайней мере раз в неделю. — Он от меня так просто не отделается.

Кормилица передала это Эрмин, та лишь пожала плечами, не в силах изменить настроение подруги.

Международное положение было настолько тревожным, что злопамятность Шарлотты отошла на второй план.

— Симон, хочешь узнать последние новости? — спросила Эрмин. — Отец пересказывает все в письме.

Молодой человек оторвался от работы. Он копал грядку, картошки посажено было немного, но зато уродилась она отлично.

— Иду! — откликнулся он. — Чуток передохнуть всегда полезно.

— Тогда давай выпьем чаю. Мадлен, должно быть, уже приготовила.

Эрмин отлично устроилась в шезлонге, рядом со столом. Она часто

шутила, что отсюда ей отлично видно, чем занимается каждый. Отложив лопату, Симон присоединился к Эрмин. Белая хлопчатобумажная майка облегла его торс, оставляя открытыми мускулистые плечи и руки. Каштановые волосы отросли, к тому же он сбрил усы.

«И вправду красавец! — подумала Эрмин, глядя на него. — Я не могу винить Шарлотту в том, что у нее вечно кислая физиономия. Она просто с ума сходит от любви к нему. Он проповедует, что до свадьбы нужно поддерживать целомудренные отношения, а свадьба будет в лучшем случае через год... Это уже комично».

— Расскажи, как там! — сказал Симон, устраиваясь на скамейке.

— Ну, отец все время слушает радио или же штудирует газеты. Он стремится непременно сообщать мне важные новости. Так что мы, по крайней мере, в курсе, что творится в Европе и за ее пределами.

Она отыскивала нужные строчки, когда появилась Шарлотта в очаровательном желтом платье.

— Я вам не помешала? — насмешливо бросила она.

— Да нет, — пожал плечами жених. — Мимин хотела прочесть мне новости, которые уже малость утратили свежесть, у тутошней почты скорость черепашня!

— Вот, слушайте, — перебила его Эрмин. — Первого числа Гитлер заявил, что немецкая авиация должна подавить британскую всеми доступными средствами. А третьего, то есть десять дней назад, итальянские части высадились в Африке, в Британском Сомали. Господи, война охватывает все страны мира. Интересно, где теперь Тошан?

— Ты думаешь, что их отправили во Францию или в Великобританию? — с беспокойством спросил Симон. — Он бы нас все же предупредил!

Это «нас» вызвало у Эрмин раздражение, но она тотчас устыдилась. Слово «нас», вероятно, подразумевало всю семью. Сложив исписанный мелким почерком лист бумаги, она откинулась назад. «Может, через неделю они нас навестят, — подумала она. — Доберутся на пароходе до Перибонки. Это было бы просто замечательно! Разумеется, мама решила предпринять эту поездку потому, что Талы здесь нет. Подумать только, сколько ей пришлось пережить здесь в ту пору, когда Тошану было восемь лет... Симон, хорошо бы вернуть их сюда».

— Она просто ничего здесь не узнает! — заметил молодой человек. — С тех пор все сильно переменилось.

Шарлотта хранила оскорбленное молчание. Подошла Мадлен с тяжелым подносом. За ней следовала Лоранс в платице и переднике.

Девочка несла блюдо с пирожками с черникой.

— Здесь и правда как в раю! — воскликнула Эрмин. — Завтра утром пойдем на речку. Дети смогут поплескаться в воде. А где Мукки?

— Он в доме, — ответила Мадлен. — Кормит котенка.

Речь шла об изголодавшемся котенке, который накануне объявился на лесной опушке. Ребятишки тотчас его подобрали.

— Хорошо еще, что это оказался не медвежонок! — пошутила кормилица.

— Это еще не все, — сказала Эрмин. — Симон, тут есть несколько строк для тебя. Твой отец как будто бы оправился после утраты. Он приходит к моим родителям на ужин, а потом слушает вместе с ними радио! Эдмон ухаживает за коровой, Шинуком и курами. Что касается Мари, то она вернулась от бабушки с бабушкой немного окрепшей. Мама присматривает за ними. Так что я правильно сделала, что взяла вас с Шарлоттой сюда.

Она машинально дотронулась до своего живота, чтобы еще раз убедиться, что не беременна. Доктор Брассар сделал правильное заключение, и она мысленно поздравила себя. «Это было бы не самое благоприятное время для беременности. Смерть Бетти больно меня задела, да и на Тошана нельзя рассчитывать, он вечно носится по горам и долам... Надо бы сказать ему!»

Ее муж в конце июня провел неделю в Робервале. Ошеломленный поначалу стремительным отъездом Талы и Кионы, он посвятил все время детям. Он уехал, пообещав при первой возможности присоединиться к ним на берегах Перибонки. С той поры Эрмин ждала его во всякое время дня и ночи. «Тошан был так счастлив, что я провожу лето здесь, в этих краях, в доме, который он возвел собственными руками... И вообще он тут все расширил и украсил. Он обещал мне, что приедет сюда, но ведь скоро середина августа».

Ее голубые глаза стали невыразимо грустными. Здесь, где они провели столько ночей, исполненных страсти, и столько счастливых часов в кругу семьи, она куда острее ощущала отсутствие Тошана.

— Мимин, твой чай остынет, — заметил Симон. — Ты размечталась? О ком же?

— Я мечтаю лишь об одном человеке. Догадайся о ком!

Шарлотта резко встала, швырнув чашку на землю. Она бегом направилась к домику, где хранились запасы провизии, и с грохотом захлопнула за собой дверь.

— Что за муха ее укусила? — удивился Симон. — Вроде бы я к ней

так внимателен! Мы каждый вечер гуляем, доходим до самой реки.

Мадлен и Лоранс промолчали. В этот момент к столу примчались Мари-Нуттах и Мукки, привлеченные черничными пирожками.

— Приятного аппетита, мои дорогие! — сказала Эрмин. — Не слишком налегайте на эти дивные пирожки. Мне нужно кое-что уладить. Давно пора...

С этими словами она стремительно встала — изящная, в длинной тунике из розового муслина, открывавшей загорелые ноги. Симон умоляюще посмотрел на нее, словно опасался, что она выдаст его.

Она не обратила на это внимания, знаком велев ему оставаться на месте.

Шарлотта не закрылась на задвижку, это означало, что она не прочь объясниться. Она стояла, скрестив руки на груди, с разгневанным лицом.

— Ты не должна так вести себя в присутствии Лоранс, которая остро все чувствует, — сразу пошла в атаку Эрмин. — Я несколько раз просила у тебя прощения за ту пощечину, но ты делала вид, что не слышишь. Когда мы прибыли сюда, я даже написала тебе письмо и сунула под подушку. Ты вроде бы умная девушка! Как ты можешь обижаться на меня столько времени? Сколько раз я должна повторять, что находилась на грани нервного срыва, я была просто убита внезапной кончиной женщины, некогда заменившей мне мать? Скажи откровенно, к чему портить наш отпуск?

— Есть вещи, которые невозможно простить. На пощечину мне плевать, я ее заслужила. Да и на свадьбу тоже плевать. В любом случае, она никогда не состоится.

В домике, старательно изолированном Тошаном, было довольно прохладно. Эрмин спросила с дрожью в голосе:

— Тогда в чем ты меня упрекаешь? Что я сделала такого непростительного?

— После смерти Бетти мне все стало ясно, и ты со своим глупым жеманством мне просто противна. Я видела вас с Симоном на обочине дороги в Валь-Жальбере. Господи, я думала, что умру от горя! Он почти взгромоздился на тебя, прижался лицом к твоему животу. А ты, уверявшая, что ты моя лучшая подруга, ты ласкала его, склонившись. Клянусь, я могла бы убить вас, если бы у меня в тот момент было оружие. Это бесчестно и мерзко! Ненавижу тебя! Презираю! Теперь тебе ясно?

У Эрмин было ощущение, будто ей снится дурной сон. Она округлила глаза, с трудом переводя дыхание.

— Но, Шарлотта, это неправда, ты сошла с ума! — воскликнула она,

топнув ногой. — Я бы никогда не поступила с тобой так.

— Заткнись! — оборвала ее та. — Я полагаю, что ты любишь своего мужа, что тебе всего лишь хотелось утешения, но мне ясно одно: Симон тебя обожает, он любит тебя и только тебя! В тот день для меня все вдруг прояснилось. Если он отказывается целовать меня в губы, преступить запрет, как я ему предлагала, то это из-за тебя, из-за твоей роковой красоты, о звезда, сказочная, возвышенная Эрмин Дельбо! Ты отлично маскируешься, а думаешь лишь о том, как соблазнять и уничтожать других. Представляю, как ты ломала голову насчет меня. Для чего я, зная всю правду, решила последовать сюда за вами? А я просто хотела помешать вашему безмятежному воркованию! И могла непосредственно следить за вами, в надежде застать вас на месте преступления! Вот!

— Ну так что, тебе это удалось, глупышка? — Эрмин привел в отчаяние неприязненный тон Шарлотты. — Ты бы лучше выложила свои обвинения в тот же вечер в Валь-Жальбере! Я прекрасно понимаю, как тебе было больно, как это тебя ранило, и мне жаль тебя. Но, увы, ты мучилась понапрасну. Нас с Симоном связывает лишь дружба, братские отношения и капелька нежности.

Шарлотта пришла в бешенство, лицо ее исказила гримаса.

— Предельная нежность! — взвизгнула она, воздев руки к небу. — У меня до сих пор перед глазами ваши сплетенные тела. Ты страшно меня разочаровала, Эрмин. Обмануть Тошана и украсть у меня любимого мужчину! Какой позор!

Эрмин взяла Шарлотту за руки.

— Вот уже полтора месяца ты терзаешься телом и душой совершенно напрасно. Ты знаешь, что в действительности произошло тогда? Симон ушел из дому, сказал Эдмону, что пойдет искать лошадь и корову. Я вышла во двор и, едва ступив на тропинку, увидела Киону. Это видение должно было предупредить меня, и я почувствовала, что это очень важно. Я обнаружила, что твой жених забрался на старый вяз, на шее у него была веревка. Я пыталась остановить его, выкрикивая то, что могло побудить его отказаться о сведения счетов с жизнью... И когда он наконец внял моим доводам и спустился с дерева, я попыталась его утешить. Он долго рыдал, прижавшись ко мне, словно ребенок. У меня платье намокло от его слез. Симон был в отчаянии, ведь он только что потерял мать. Шарлотта, в тот момент мне вспомнилось детство, ведь я выросла в этой семье. Как ты могла хоть на секунду представить, что мы можем нежно ворковать, как ты выразилась, когда не остывшее тело Бетти еще лежало на окровавленных простынях, а рядом ее бедный мертворожденный младенец? Тебе затмила

взор ревность, ревность тем более опасная, что она делает человека тупым и неблагодарным. Тебе достаточно было подойти к нам и попытаться понять ситуацию!

Шарлотта была в ступоре. Слезы катились по ее курносому личику.

— А ведь ты знала, как крепко мы с Тошаном любим друг друга! — добавила Эрмин. — Как ты могла подумать, что я могу посмеяться над твоими чувствами?

— Но я чувствовала, что меня унизили, уничтожили, — выдавила Шарлотта. — А ты держалась так холодно и отстраненно! Вот я и решила, что мы окончательно рассорились. К тому же я должна была отказаться от замужества. Но Симон умолял меня подождать хотя бы год. Он что, правда хотел умереть?

— Клянусь тебе перед Господом Богом! Могу заверить тебя, он действительно решил, что женится на тебе и ни на ком другом. Он сегодня говорил мне об этом. Он хочет ребенка. Некоторые помолвки длятся по два-три года. Это тебе предстоит доказать ему, что ты вовсе не эгоистична и не капризна. Признай, что он с тобой всегда внимателен и предупредителен, он проводит с тобой много времени. Но он уже жаловался на твое скверное настроение.

Эрмин решила, что не грех еще раз солгать, чтобы сохранить страшную тайну Симона.

— Скажу тебе по секрету, он совсем неопытен в любви. Несмотря на репутацию волокиты, его страшит первая брачная ночь! Я достаточно ясно выразилась? Так что будь терпеливой, не опережай события!

— Да... прости меня! Это такой кошмар — лишиться твоей дружбы... Ты могла бы заставить меня выложить все раньше!

— Наверное, я была неправа, позволяя тебе вести себя так глупо. Но у меня и без этого было хлопот выше крыши. Я днем и ночью думаю о муже, а еще с обучением детей столько проблем. У меня духу не хватало тебя урезонивать. Только что я подумала, что у нас тут маленький рай — вдали от всего, дивная обстановка, чистый воздух и тишина. И к счастью, мы живем в достатке. Мы здесь можем выдержать любую осаду. Но что творится там, за пределами райского уголка? Об этом ты подумала? Вспомни, что сказал мой отец в конце июня. В Атлантике полно немецких подводных лодок. Они подходят к нашим берегам, чтобы уничтожить канадские корабли. В июле две канадских дивизии вошли в состав британской армии, чтобы противостоять возможному немецкому вторжению. Может быть, среди тех солдат Арман или наши робервальские друзья. Ты хоть вспоминаешь об Армане, который тебя так любил? Или

тебе все равно, что с ним?

— Нет, конечно, — тихо возразила девушка.

— Ты так одержима Симоном, своей ревностью и любовью. Очнись! Гитлер поклялся, что завладеет Европой и всем миром. Немецкая авиация способна наносить мощные и эффективные удары. И главная задача наших врагов — помешать Соединенным Штатам доставлять помощь народам, борющимся против нацизма. Вот что тревожит меня с утра до поздней ночи! Нас больше не прикрывают льды залива Святого Лаврентия. Так что, да, мне было не до тебя!

— Если положение ухудшается, а мы до сих пор не женаты, Симона призовут в армию! Он покинет меня, и мы не успеем завести ребенка.

Продрогшая Эрмин открыла дверь. Солнечные лучи тотчас проникли в домик и согрели ее. «Чтобы завести ребенка, — подумала она, — нужно делить постель. Все же больше всего ее огорчает то, что она так и не вкусила вождеденных радостей. Боже, я нагородила столько лжи, пытаюсь утаить секрет Симона! Мне бы так хотелось открыть ей то, что мне известно. Но Симону и без того выпало много страданий...»

— Мимин! — умоляющим голосом сказала Шарлотта. — Позволь, я обниму тебя. Я была не права. Прости меня.

— Давай подождем. Я не готова. Ты возненавидела меня, хотя у тебя не было никаких доказательств моей вины, а ведь я тебя столько лет защищала и нежно любила. Дай мне немного времени...

Эрмин ушла не оглядываясь, эта беседа совершенно лишила ее сил. «Как могла она так меня возненавидеть, поверить в эту идиотскую, ею же выдуманную историю, стремясь причинить себе боль?» — удивлялась она.

Симон вернулся к картофельной грядке, Лоранс и Мадлен убрали посуду со стола. Мукки играл с котенком на свежеподстриженной лужайке. Черный с белой грудкой котенок совершал фантастические прыжки.

«Тошан, любовь моя, вернись! Умоляю!» — тихо взывала Эрмин. Ноги сами привели ее по протоптанной тропе на берег Перибонки. Речка сверкала на солнце, неся свои быстрые прозрачные воды меж песчаных берегов. Желая выплакаться в одиночестве, она прошла чуть дальше, к спокойной заводи, где порой купалась. И здесь она запела, прикрыв глаза и прижав руки к груди. Это была прочувствованная ария Мадам Баттерфляй, проникновенное признание далекому возлюбленному, исполненное надежды на его возвращение. Хрустальные переливы ее голоса возносились все выше, несмотря на ветер и шум реки.

Но у нее не хватило духу допеть последнюю часть арии. Всхлипнув, она опустилась на теплый песок. Плакала она долго, не замечая ничего

вокруг. Ей нужно было излить все горести, накопившиеся с самой осени. Смерть Виктора, невинного младенца, похищение Луи, странная кома, в которую впала Киона, смерть Бетти — воспоминания воскресли в ее памяти, сводя с ума. Под тяжестью всех этих переживаний пошатнулся присущий ей дар упрямой надежды, а быть может, и вера в Бога. Понемногу Эрмин успокоилась, но вместе с тем прониклась внутренней уверенностью, что все еще только начинается... «По сути, моя жизнь напоминает озеро Сен-Жан в ветреный день, когда бушуют волны. Это похоже на испытания, которые нужно пройти, оставшись на плаву, продолжая двигаться. Увы, волны и ветер будут и впредь, но мне бы хотелось, чтобы Тошан держал меня за руку, не давая погрузиться во мрак!» Эта мысль успокоила ее. Ей даже показалось, что муж где-то здесь, совсем рядом. С облегчением улыбнувшись, она живо огляделась, но вокруг был безлюдный пейзаж. Тогда она встала и пошла по тропинке к дому. Когда Эрмин дошла до лужайки, уже никто бы не понял, как она страшится будущего. Ради детей, ради друзей она вновь нашла в себе силы улыбаться.

Между Квебеком и речкой Алекс, суббота, 31 августа 1940 г.

Тошан Дельбо уже в десятый раз сопровождал немецких военнопленных. В этот день он ехал на одном из грузовиков. В числе конвойных был Гамелен и другие солдаты. Операция требовала строгой дисциплины и совершенной секретности, она проходила под наблюдением офицеров английской армии. Долгие часы колонна двигалась по разбитым лесным дорогам.

Метис хорошо выполнил свое задание, разведав местность, но он недооценил последних полученных ими указаний. Отныне ему предстояло надзирать за одним из обустроенных с его помощью лагерей. Теперь он не скоро увидит Эрмин и детей, к тому же его уже тяготило ограничение свободы. Несмотря на серьезность его армейских обязанностей, какая-то часть его личности не утратила связи с природой, деревьями, с этой все еще дикой землей, которую он так чтит и любил.

— Тошан, внимание! — крикнул Гамелен. — Перед нами знаменитая дыра. Если туда угодит колесо... Лучше пусти меня за руль.

Они обменялись улыбками.

— Солнце садится, нельзя медлить, — сердито бросил Тошан, закурив сигарету. — Нужно добраться в лагерь до наступления ночи. Я

прикидываю, когда смогу повидать жену. Я не в восторге от этого нового назначения.

— О-хо! А я рад покинуть Цитадель, — заявил Гамелен. — Мне так осточертел этот вид: река Святого Лаврентия с одной стороны и каменные здания с другой. Мне не хватало леса. Теперь моя очередь подышать свежим воздухом в наших местах! Ты-то нагулялся вволю...

Тошан не соизволил ответить. Он подумал о юном пленном немце, сидевшем в кузове. Уже в Квебеке во время отправки вражеский солдат привлек его внимание: в его бледно-голубых глазах стояли слезы. «Сколько ж ему лет? Наверное, не больше двадцати, на вид просто подросток. Я к этому не готов. У него такой забитый вид. А теперь мы везем его в дикие места, где нет никакой цивилизации. Может, он боится, что его казнят? За глаза легко рассматривать людей как врагов, пока не столкнешься лицом к лицу с безоружным противником». Эта мысль уже несколько часов не выходила у него из головы. Он прекрасно представлял себе, как устроен лагерь для пленных на реке Алекс^[82]. В тамошних бараках могло разместиться до сотни человек. Там было чисто, можно было умыться, спать и принимать пищу в приличных условиях. «Я тревожусь по пустякам, — подумал Тошан. — Этому типу придется работать под покровом леса, я там провел многие годы. Конечно, предстоящая зима покажется ему, как и прочим заключенным, суровой, но у них будет возможность согреться. Если бы я понимал немецкий, некоторые из них, возможно, признались бы, что на родине тоже были лесорубами, и вообще, здесь они в большей безопасности, чем на фронте или в море...»

Гамелен будто подслушал его мысли:

— Английское правительство милостиво обошлось с этими бошами, — воинственно заявил он. — Вроде так их называют французы.

— А ты хотел бы, чтобы они как поступили с ними? — спросил Тошан. — Прикончили их? Военнопленных не убивают. Ты нам не раз рассказывал о своем деде, который провел два года на ферме под Штутгартом во время прошлой войны. Если бы его тогда ликвидировали, ты бы не родился, старина! У нас есть приказ, и нужно его исполнять. Англия не может содержать этих людей на своей территории. Так что у Канады не было выбора^[83].

Мужчины замолчали. Но через полчаса племянник старой Берты вновь взялся за свое:

— И все же, Дельбо, эти парни, которых мы тащим с собой, это же наши враги! Мне казалось, что они более страшные. Если спросить их, что

они думают о жителях Лондона, который бомбили в ночь с четверга на пятницу, они бы не стали сентиментальничать.

— Понимаю, но ведь Лондон бомбили не эти.

— Ты, бедняга Дельбо, становишься романтиком. Тебе повезло, получил хорошее задание, но теперь баста. Придется ходить строем. Лейтенант, который позволил тебе полгода разгуливать по лесам, остался в Цитадели. Тута перед тобой уже никто не станет лебезить, хоть ты и женат на хорошенькой дамочке, распеваящей шансонетки!

Тошан вцепился в руль, стиснув зубы.

— Гамелен, для приятеля ты слишком зол на язык! Предупреждаю тебя, больше ни слова о моей жене. Лучше помалкивай. Я хоть и ношу форму, но в душе немного дикарь.

— Я тебя достаю? Ты шутишь, что ли? — с показным испугом зачастил Гамелен, но мрачный взгляд, который он метнул на Метиса, свидетельствовал об обратном.

Воцарилась относительная тишина, нарушаемая рокотом мотора и лязгом рессор.

К месту назначения прибыли в сумерках. Пленные под надзором солдат вылезли из грузовиков. Суровая красота бескрайнего пейзажа произвела сильное впечатление на этих чужестранцев. Одуревшие от долгого пути, они молча с тревогой оглядывали темную лесную чащу, реку с ее стремительным течением и бараки, где им предстояло жить в ближайшие месяцы.

Тошан увидел того юного немца, который прежде привлек его внимание. Бледный, с дрожащими губами, он потерянно уставился в небо, окрасившееся закатными красками, на пламенеющие облака. Он беззвучно шевелил губами, будто молился. В сердце Метиса возникло глубокое сострадание. Он остро ощутил, как тяжело положение несчастного узника, и на миг прикрыл глаза. «Храни его Господь!» — подумал он.

Запах влажной прогретой за день земли напомнил Тошану о его прежнем одиночестве; когда он бродил в поисках работы, нередко его обдавали презрением или прогоняли прочь из-за цвета кожи, отливавшей медью, из-за длинных волос. Внезапно ему захотелось бежать отсюда, вновь обрести индейскую душу и чудесную молодую жену, безгранично любимую несмотря на колоссальные различия между ними.

Этой ночью Тошан спал плохо, его донимали и комары, и храп Гамелена. На рассвете он окончательно проснулся и стал думать о тех, кто был ему дорог: об Эрмин, Мукки, Лоранс и резвушке Нуттах, о своей матери и Кионе. Он принялся вспоминать их по очереди, со всеми

достоинствами и недостатками. Отчего-то это было мучительно и горько. В этом году он впервые не смог провести вечер у костра на их лужайке возле Перибонки.

Прошло три недели, на протяжении которых Метис становился все более мрачным и подозрительным. Он избегал выискивать взглядом среди пленных юного светлоглазого немца. От Гамелена Тошан узнал, что его зовут Хайнер и даже среди своих товарищей по несчастью он является чем-то вроде козла отпущения из-за своей плаксивости и привычки звать мать по ночам. Последняя подробность добила Тошана.

Когда все началось, он не смог действовать, без раздумий подчиняясь приказам. Это случилось ранним сентябрьским утром. Реку заволокло плотным туманом, скрывшим и кромку елового леса. Почти все обитатели лагеря — немцы, англичане и квебекцы — сидели за завтраком, который, как обычно, состоял из кофе и пресных галет.

Гамелен, Тошан и еще один солдат стояли на вахте, они были вооружены. Вдруг с порога одного из бараков кто-то крикнул:

— Там! Стреляйте!

Заклоченный, ловя ртом воздух, бежал под спасительную сень деревьев, пригнувшись, чтобы не угодить под пули. Тошан с его орлиным зрением, обостренным интуицией, по худощавой фигуре, особенной форме головы и манере двигаться, узнал юного Хайнера.

Гамелен тотчас поднял винтовку.

— Нет, опусти! — сердито крикнул Метис. — Нельзя стрелять в спину!

Другой солдат помедлил, колеблясь. Затягивая время, он бросил окурок и растоптал его.

— Не могу поверить, — проворчал Гамелен. — Вы просто тряпки! Этот тип сбегает из лагеря...

Он хотел открыть огонь, но Тошан заставил его опустить оружие.

— Сжался над ним. Все равно он далеко не уйдет, даже если его не найдут, здешняя зима его прикончит.

В темных глазах Гамелена сверкнул неистовый гнев. Он плюнул.

— Кретин несчастный! Не рассчитывай, что я стану покрывать твой поступок. Я донесу капралу, что ты помешал мне выстрелить в сбежавшего боша.

— Да говори все, что хочешь! Я не стану исполнять обязанности палача.

Их соперничество вновь ожило. Когда-то давно они столкнулись на

льду озера Сен-Жан в сумасшедшей гонке на собачьих упряжках, где каждый делал ставку на свою сноровку. Тогда выиграл Метис. В этот раз он вновь одержал победу, но оценить это было некому.

Четверть часа спустя Тошана вызвали к капралу. Должно быть, он был весьма красноречив — дар, унаследованный от матери, — поскольку вместо порицания получил задание поймать беглеца и незамедлительно доставить его в лагерь. При этом к нему предусмотрительно приставили солдата-англичанина. Со свирепой усмешкой на губах Тошан углубился в лесную чащу, протаптывая путь по земле, где на его глазах рождалось и умирало столько его соплеменников.

Валь-Жальбер, суббота, 26 октября 1940 г.

Эрмин прибыла в Валь-Жальбер, как и каждую субботу по возвращении в Роберваль. Облокотившись на подоконник в гостиной, она любовалась багряной листвой кленов на окрестных холмах. Ели на пурпурно-золотом фоне казались еще более темными.

— Лето не желает умирать, — заметила она. — Хочется, чтобы эти краски не менялись. Господи, я так страшусь предстоящей зимы.

Сидевшая за маленьким столиком Лора вышивала скатерть. После бессонной ночи ей пришлось нацепить очки, и это выводило ее из себя.

— Дорогая, но в этих краях прекрасное бабье лето, — ответила она, помолчав. — Впрочем, что толку мечтать, сейчас осень, и погода может со дня на день перемениться. Ночные заморозки, злой ветер с севера, и листья опадут, а потом придет зима.

— Вот типично женские рассуждения, — запротестовал Жослин. — Напротив, нам следует желать, чтобы поскорее наступила зима. Я жду не дождусь, чтобы лед сковал залив Святого Лаврентия. Это положит конец нависшей угрозе. Я озадачен тем, какой оборот принимают события. Множатся атаки вражеских подлодок против наших торговых кораблей, снабжающих Европу. Наша авиация порой накрывает какую-нибудь немецкую субмарину, но невозможно прикрывать с воздуха все суда. Двадцать два судна из тридцати четырех получили пробоины! Просто побоище. А Гитлер бомбит английские города, не заботясь о мирных жителях. Если бы я был лет на десять моложе, то завтра же записался бы в армию.

Эрмин вздохнула, оставив отца перечислять свои доводы.

В конце сентября она покинула дом на берегу Перибонки, тщетно

прождав там Тошана. Лора посоветовала ей позвонить в Цитадель и навести там справки, но она отказалась сделать это без всяких объяснений. Она верила, что ее муж все еще на задании, и, так как он просил ее держать язык за зубами, боялась допустить оплошность.

«Мне так одиноко, несмотря на участливость родителей, нежность детей и дружбу Мадлен! — с сожалением подумала она. — Я пытаюсь скрыть это, но я и правда страшно боюсь, что Тошан не вернется».

С верхнего этажа донеслись взрывы смеха, будто в противовес ее печальным мыслям. Мукки и сестры играли с Луи. Ребятишки вовсю развлекались в этот приезд, поскольку Эрмин собиралась пробыть в Валь-Жальбере до утра понедельника.

— Отчего ты не взяла с собой кормилицу? Там, наверху стоит такой галдеж!

— Мама, Мадлен осталась в Робервале на случай, если вернется Тошан. Она тогда сразу предупредит меня. И потом, она тоже нуждается в отдыхе. Вспомни, что Луи проводит у нас всю неделю, чтобы посещать школу. А четверо детей на руках — это не всегда праздник.

— Но Киона больше не ходит школу, — заметил Жослин. — Очень жаль, ведь у нее отличные способности к учебе.

Имя девочки, прозвучавшее в гостиной, раздражающе подействовало на Лору и расстроило Эрмин.

— Я не видела ее с июня, — сказала она отцу. — Ни разу. Ее двоюродный брат Шоган регулярно сообщает мне новости. И если это тебя интересует, то Киона счастлива. Она вновь облачилась в одежды из оленьей кожи и целыми днями играет с ребятишками тетушки Аранк. Она свободно разгуливает по лесу и усваивает, на мой взгляд, самое важное.

— Что же именно? — с насмешкой осведомилась Лора.

— Уважение к другому — будь то животное, цветок или человеческое существо! Да, я горжусь, что Тала наставляет ее по части верований предков, а также внушает ей любовь к жизни...

Жослин неодобрительно покачал головой. Но он слегка лукавил, вспоминая краткий период своей жизни, когда шесть лет назад он вновь обрел вкус к жизни в объятиях прекрасной индианки.

— Переменим тему, — заговорила Эрмин. — Я только что встретила Жозефа. Он сказал, что Арман окончательно закрепился в армии. Должно быть, для него стала потрясением весть о кончине матери.

— Да, к тому же эту страшную весть ему сообщили по телефону, — добавила Лора. — В итоге он обещал приехать при первой возможности на могилу нашей бедной Бетти. С Арманом не всегда было легко, но он

мужественный юноша. Подумать только, он скоро будет служить на подводной лодке. А Симон собирается последовать его примеру. Жозеф сказал тебе об этом?

— Нет! — удивилась молодая женщина. — Симон хочет пойти в армию? Поверить не могу. А где Шарлотта?

— Я оплачиваю работу в этом доме, которую не спешат выполнять, — сказала Лора. — Вчера она спала там, в своем домике — под предлогом, что ей надо свыкнуться с будущим хозяйством. Это еще одна ее прихоть. Но дата бракосочетания будет отодвигаться до бесконечности. И мы даже не можем сдать этот дом. Кому захочется поселиться в полупустой деревне?! Я воспринимаю ее как приемную дочь, ты знаешь это; и все же я ожидала от нее большей благодарности...

Эрмин стремительно вышла из гостиной, не на шутку взволнованная. «Симон не должен уезжать, — твердила она, ускоряя шаг. — Он не так уж нужен в армии. Ведь все шло хорошо. Мы с Шарлоттой в конце концов примирились, а он вроде бы успокоился».

Она ворвалась в жилище своей бывшей подопечной. Девушка сидела за кухонным столом. Перед ней стояла чашка чая. Она отняла платок от заплаканных глаз.

— Мимин, — сказала она, шмыгнув носом, — ты уже все знаешь, да? Симон записался добровольцем. В нем вдруг разыгрались патриотические чувства. Все, что угодно, только бы подальше от меня. Господи, ну что я за дура! Мужчина, которого я люблю, никогда меня не полюбит! Я ему не нравлюсь, я уверена в этом!

— Что произошло? — спросила Эрмин, усаживаясь напротив.

— Я забыла о твоих советах, — со стоном выдохнула Шарлотта. — Позавчера мы ужинали здесь вдвоем. Все было так очаровательно, домик как новый. Стоял прекрасный вечер, и мы решили немного пройтись по дороге. Я решила вновь попытать счастья: прильнула к Симону, обняла его и дотронулась там, внизу. Если это тебя шокирует, тем хуже, но я хотела переспать с ним. Я умоляла его об этом, обещая, что, если он пожелает, я скоро рожу ему ребенка. И тут он оттолкнул меня, сказал, что это невозможно, потому что он уходит в армию. В общем, нагородил кучу нелепостей, мол, он должен последовать примеру Армана, чтобы почтить память Бетти. Признай, что если бы он хоть капельку любил меня, то остался бы здесь!

— Но еще не слишком поздно, можно заставить его передумать, — смущенно сказала Эрмин.

— Нет, уже поздно, Симон уехал этим утром. Он подсунул под дверь

письмо. Попросил предупредить его отца. Бедный Жозеф, ему этого тоже не понять... Возьми, прочти!

Шарлотта протянула смятый конверт, Эрмин достала оттуда такой же помятый листок бумаги. Подруга объяснила ей, почему послание так выглядит: она его сперва выбросила, а потом достала и расправила.

— Мне тебя жаль!

Эрмин разобрала несколько строк, явно написанных в спешке.

Моя дорогая Шарлотта,

я не могу больше оставаться в Валь-Жальбере. Как я уже сказал, я отправляюсь в Квебек, чтобы поступить на армейскую службу. Если мне откажут, буду искать работу там или в другом месте. Будь добра, передай отцу и Эрмин, что я так решил.

Ты не в ответе за мой выбор. Теперь ты свободна. Я не смог бы дать тебе счастье.

Симон

— Представляешь, Мимин, теперь я свободна. И что мне делать с этой свободой? У меня было столько планов, и у него тоже! Огород, курятник... А еще в будущем году он хотел купить корову. Я уже представляла, как я, совершенно счастливая, нянчу нашего ребенка в нашем домике. Но теперь не будет ни домика, ни младенца!..

Голос ее надломился. Она вновь заплакала, будто брошенное дитя. Конечно, Шарлотта бывала капризной и эгоистичной, но Эрмин любила ее всем сердцем. Она встала и обняла подругу.

— Шарлотта, послушай меня, не перебивая! — серьезно начала она. — Ты имеешь право знать правду. Сообщая это тебе, я нарушаю обещание, данное Симону, но, знаю, он меня простит. Мне не хочется, чтобы ты томилась, теряясь в догадках. У Симона есть проблема, нелегкая проблема... Надеюсь, это не слишком поразит тебя.

Девушка, бледная как смерть, судорожно вдохнула воздух.

— Но в чем же дело? Он болен?

Эрмин говорила долго. Она была свехосторожна и взвешивала каждое слово. Она подчеркивала страдания Симона, его страх и стыд при мысли, что он иной, чем все, его физическую неспособность заниматься любовью с женщиной. Так же, как в разговоре с ним, она приводила различные примеры, настойчиво защищая молодого человека.

— Шарлотта, тебе всего двадцать лет, ты хороша собой, образованна, очаровательна, — сказала Эрмин, завершая рассказ. — Не стоит портить

лучшие годы. Ты увлеклась Симоном еще совсем юной и с тех пор преследовала единственную цель: выйти за него замуж. Но ты ошиблась. Он вовсе не идеальный мужчина. Это не его вина и не твоя...

Шарлотта, уязвленная услышанным, перестала плакать. До нее с трудом доходила новая версия событий.

— Так он поэтому оттолкнул меня, да? Ты в этом уверена? Но это невозможно! Какой ужас! Эрмин, я не такая, как ты. Ты принимаешь это как есть, а для меня все это отвратительно. Я и понятия не имела, что такое бывает! Боже, какое разочарование!

— Могу себе представить. Но Симон пытался покончить жизнь самоубийством именно потому, что не мог долее выносить свое отличие. Если я кажусь тебе сумасшедшей или слишком терпимой, тем хуже, но я люблю его как старшего брата, которого у меня никогда не было. Молю тебя, Шарлотта, улыбнись! Поразмысли как следует над тем, что ощущал Симон. Мне нередко казалось, что у тебя это скорее навязчивая идея, чем настоящая любовь. Ты решила для себя, что это он и никто другой, но со времени вашей помолвки ты редко выглядела спокойной и цветущей. Может, ты когда-нибудь найдешь свое счастье в других краях? Холодность Симона принесла тебе лишь разочарование. Верь в свое будущее. Ты еще встретишь того, кто наполнит твою жизнь радостью. Быть может, он уже спешит к тебе...

Шарлотта с трудом выдавила разочарованную улыбку.

Эрмин сжала ее руки.

— Мужайся! — пылко воскликнула она. — Мы обе должны быть сильными! Война, похоже, затянется надолго. Нужно продержаться. Ты потеряла жениха, у меня пропал Тошан. Мне тоже сейчас нелегко.

— Знаю! Но почему Симон ничего не сказал мне? Я предпочла бы узнать правду гораздо раньше. Несмотря на все, что ты мне рассказала, я все же не понимаю. Это отвратительно! Ведь мужчины созданы, чтобы любить женщин...

— Шарлотта, не будь столь категоричной. Ему действительно было очень сложно все понять. А обсуждать эту тему с тобой он и вовсе был неспособен. Он явно страшился твоей реакции. Поставь себя на его место. Ему было стыдно. Не кори себя, тут ничего не поделаешь. И не стоит оставаться в этом доме, где ты строила столько несбыточных планов. Возвращайся к маме. Она сурова и требовательна, но она дорожит твоей привязанностью. По сути, вы похожи. Да и дети настойчиво спрашивают о тебе. Нам не стоит отчаиваться. Давай послушаем вечером мои французские пластинки, особенно Эдит Пиаф, которая тебе так нравится.

Мирей приготовит глазированные оладьи и чай с бергамотом.

— Ты права, такой вечер точно поможет немного забыться. Спасибо, Мимин! Может, это и странно, но мне стало легче. Я больше не чувствую себя глупой курицей, отвергнутой женихом.

— Симон всегда считал, что ты очаровательна, — заверила Эрмин. — Ты навсегда останешься для него самой дорогой девушкой на всем белом свете. Но теперь поскорее отправляйся в прекрасный дом семьи Шарден, ведь это и твой дом.

Это заявление прозвучало ложно-торжественно, Шарлотта вновь грустно улыбнулась.

— А ты со мной не пойдешь?

— Я немного прогуляюсь по деревне, чтобы успокоиться. В последнее время у меня разгулялись нервы, — призналась Эрмин, — и отъезд Симона не улучшил положения...

Они расстались на площади, где когда-то стояла церковь, а рядом — дом священника прихода Валь-Жальбер.

— Дойду до водопада, — решила Эрмин. — Уиатшуан мне как друг.

Шарлотта взволнованно заключила ее в объятия. Конечно, ее разочарование пройдет нескоро, потребуются недели, даже месяцы, но все же она получила жизненно важный урок, узнав, что не все на свете делится на черное и белое, существует целая гамма оттенков серого, а в человеческих отношениях есть области, окутанные тайной.

Оставшись одна, Эрмин вздохнула с облегчением. Напряжение, пронизывавшее каждую клеточку ее тела, немного спало. В тот день на ней было темно-коричневое платье с отрезной талией и широкой юбкой. Ткань шуршала и струилась, как ее светлые волосы, выбившиеся из прически. Платье, купленное накануне в Робервале, понравилось ей осенним колоритом. «Если бы я была опавшим листом, ветер поднял бы меня и унес далеко-далеко, навстречу моей любви...» — думала она.

В это время года, после летней жары, водопад умерял свой причудливый нор. Похожий на сверкающую хрустальную колонну, из которой незримый волшебник высек тысячи искр, вечно рокочущий водопад из глубины веков, казалось, призывал Эрмин: «Приди ко мне, дитя снегов, приди, о Соловей из Валь-Жальбера...»

Она остановилась, зачарованная. Сердце гулко билось в груди. Пурпурно-золотой пейзаж, купавшийся в переливающихся волнах света, напомнил ей о Кионе. «Сестричка, мне следовало гораздо раньше понять, что Создатель сотворил тебя из дивных оттенков угасающего лета...»

Охваченная неодолимым порывом, она запела арию из «Кармен», в

этой французской опере она выступала два года назад. Ей поручили партию Микаэлы, робкой нежной девушки, которая отправляется в горы, чтобы спасти любимого. Но его притягивают чары цыганки, красавицы Кармен.

Эрмин вложила всю душу, все свое мастерство в эту арию, требовавшую необычайной вокальной мощи и в то же время утонченной чувственности. Она пела с полузакрытыми глазами, ее единственными слушателями были водопад и охранявшие его скалы. Между тем ей показалось, что в солнечном луче вдали, среди елей, отчетливо высветился чей-то силуэт. Мужчина стоял недвижно, как статуя. Молодая женщина продолжала петь, решив, что стала жертвой оптического обмана.

Но фигура шевельнулась. Человек взмахнул рукой и гибкой кошачьей походкой двинулся по обрывистому склону.

— Тошан? — прошептала она.

Это было невероятно, попросту невозможно. Голова мужчины была повязана пестрым платком. На нем были мягкие сапоги и куртка из оленьей кожи.

— Тошан! — крикнула она.

Он стремительно спустился по заросшей тропе, и у Эрмин не осталось сомнений. Ее пронзило невероятно острое ощущение счастья, и она помчалась навстречу любимому. Они сомкнули объятия, губы их слились, и все вокруг померкло.

— Любовь моя! — со стоном выдохнула Эрмин. — Я было подумала, что это прекрасное видение, но ты реальный.

— Ах, моя перламутровая женушка, я больше не мог, я должен был тебя увидеть, прикоснуться к тебе, увериться, что ты меня по-прежнему любишь.

— *Sijet'aime!* — пропела она. — Все куда серьезнее, Тошан. Тебя невозможно отделить от меня. Без тебя, без ощущения твоей силы я просто чахну. О да, я люблю тебя!

Тошан отступил на шаг, чтобы посмотреть на нее. При виде ее золотистых волос на фоне сияющего осеннего пейзажа у него возникло незнакомое чувство.

— Что я сделал в прошлой жизни, чтобы заслужить столь блистательную и прекрасную жену? — вполголоса спросил он.

Он вновь приник к губам Эрмин, подарив ей бурный, пылкий, нескончаемый поцелуй. Потом он взял ее за руку и повлек за собой. Они двигались в торжественном молчании, словно исполняя таинственный обряд, который до них совершало столько пар еще на заре человеческой истории.

Желание пьянило их, придавая любому движению легкость и нежность. Мать-земля, этот обширный край снегов и солнца, принадлежащий индейцам, служила им ложем, а золотая листва — пологом. Их жаркие безмолвные объятия напоминали первобытный танец, завершение которого опьянило их уверенностью в том, что их плоть, кровь и чувства спаяны воедино.

— Тошан, надеюсь, ты все же не сбежал из армии? — В голосе молодой женщины сквозила тревога.

Поцеловав ее левый сосок, он прижался щекой к ее плечу.

— Я пока не знаю. Но я помешал тому, чтобы немецкого пленного, совсем юношу, пристрелили, как зверя, выстрелом в спину. Мне пришлось покинуть лагерь, чтобы догнать этого несчастного. Может, солдату-англичанину, от которого я украдкой смылся, удастся его вернуть... Если нет, то с наступлением зимы у этого «врага» есть все шансы погибнуть от холода. Пойми, Эрмин, я правда хочу воевать, защищать свою страну, борясь с фашизмом, только я не могу нарушить законы, завещанные мне отцом и матерью... Я навестил моих родичей монтанье. Там я оставил форму. Провел бессонную ночь в поисках незримого пути, которым я должен следовать, и получил ответ. Что бы ни сулило мне будущее, мне необходимо вернуться на несколько дней к тебе.

— Ты преподнес мне дивный подарок, — сказала она, погладив его по щеке. — Но в военное время дезертиров сурово наказывают. Что будет, если тебя арестуют? Тебя не расстреляют? Тошан, скажи мне правду, нельзя так рисковать.

— Нет, не расстреляют, меня отправят в Цитадель, я получу взыскание или выговор. Может, я добровольно явлюсь к начальству и, поверь мне, сумею оправдать свои действия. Оправдаюсь и перед твоими родителями, поскольку рассчитываю этим вечером оказаться в твоей спальне. Самое главное — то, что я здесь, с тобой, хоть на несколько дней. Война, затеянная бледнолицыми, подождет...

— Тошан, ты слегка тронулся, — сказала Эрмин сквозь смех и слезы, свернувшись клубочком в его объятиях. — Но это самое веское доказательство твоей любви, которое я когда-либо получала. Надеюсь, отец поймет это, и мама тоже. Мне столько нужно рассказать тебе, но позже...

Он прижимался к ней, наслаждаясь утонченным терпким ароматом ее тела, покрывая легкими поцелуями ложбинку между грудями.

— Хочу насытиться тобой про запас, — сказал он ей на ухо. — Сколько раз я представлял себе этот момент! Я колебался, прислушиваясь к доводам логики и рассудка. Твердил себе, что лучше вернуться в лагерь на

реке Алекс. Но у бабушки Одины меня кое-что побудило нарушить армейский закон, чтобы повидать тебя. Наша общая сестра...

— Киона!

— Да, Киона. Как-то утром она явилась мне и, глядя прямо в глаза, руки за спиной, сказала сурово: «Мимин очень несчастна! Ветер доносит до меня ее вздохи, в каплях дождя я чувствую ее слезы! Ты должен идти!» И я пошел.

— Она правда так сказала? Ты так говорил, когда мы встретились.

— Ты знаешь почему? Я, как и Киона, внемлю зову наших предков, племени моей матери. Их слова полны поэзии, иной, чем исполненная мудрости поэзия белых людей.

Эрмин ненадолго смежила веки, чтобы вызвать сияющий образ Кионы, уникального ребенка, опекающего их. Жуткие события последней зимы могли бы завершиться куда более трагически, если бы не ангел с золотисторыжими косами, чья власть позволяла угадать незримую границу между земным миром и другими измерениями, быть может, небесными.

— Я больше ничего не боюсь, любовь моя, — сказала она. — Боюсь только потерять тебя...

Тошан нежно поцеловал ее в лоб. Он не ведал, что несет завтрашний день и сколько времени удастся ему провести с женой и детьми, но он урвет у судьбы бесценные часы радости. Он замер, в молчании следя за медленным бегом облаков, отбрасывавших тени на синие воды озера Сен-Жан.

ОБ АВТОРЕ

Французская писательница Мари-Бернадетт Дюпюи — одна из самых популярных авторов семейных саг в мире. На сегодняшний день издано более 20 ее книг и 2,5 млн экземпляров ее романов уже нашли своего читателя. Трогательные и интригующие, книги Дюпюи — это романтика в лучшем своем проявлении!

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.

---

notes

Примечания

См. вторую книгу трилогии «Нежная душа. Сиротка». Отношения между Эрмин и Тошаном были натянутыми, и Эрмин решила приехать к Тошану и помириться с ним. *(Здесь и далее примеч. автора, если не указано иное.)*

Квебекский театр, где Эрмин дебютировала в опере. В этом же здании располагалось Управление кинематографии.

Мукки значит «ребенок». Первого сына Тошана окрестили Жослином, в честь отца Эрмин, Жослина Шардена, но дома называли Мукки.

4

Женское имя, означающее «дождь» на алгонкинском, одном из диалектов языка монтанье.

Первое здание, построенное по проекту Дж. Ливленда Кейди и открытое 23 октября 1883 г., находилось на Бродвее между 39-й и 45-й стрит. Оно пострадало от пожара в 1892 г., а после реставрации использовалось до 1966 г.

Музыка квебекского композитора Каликса Лавалле (1842–1891), слова сэра Адольфа-Базиля Рутье (1839–1920). «О Канада» впервые была исполнена в 1880 г. на празднике в Иванов день в провинции Квебек. Эта популярная песня часто исполнялась и на английском языке, а 1 июля 1980 г. стала национальным гимном Канады.

Канти значит «Та, которая поет». Так прозвала Эрмин Мадлен.

Одина — бабушка Тошана, мать Галы. См. первую книгу трилогии «Сиротка».

Блаженная Катери Текакуита (Текакуита — «та, которая колеблется, но идет вперед» на языке ирокезов) (1650–1680) родилась на берегах реки Могавк, теперь на территории штата Нью-Йорк. Это первая индианка Северной Америки, причисленная к лику святых.

Ривербендская целлюлозно-бумажная фабрика находилась на территории населенного пункта Альма у озера Сен-Жан и принадлежала компании «Прайс».

Карибу — популярный в Канаде (Квебеке) алкогольный коктейль сложного состава, куда входят бренди, шерри водка и портвейн. (*Примеч. перев.*)

Магикан — индейское имя, означающее «волк».

Тута (фр. *icitte*) — словечко из лексикона квебекцев. (Примеч. перев.)

Строительство этой церкви началось 15 марта 1930 г. на бульваре Сен-Жозеф. Она названа в честь канадского мученика отца Жана де Бребёфа, канонизированного 29 июня 1930 г. Построена в готическом стиле, длиной 47,25 м и 16,8 м шириной. Первым кюре был отец Жорж-Эжен Трамбле, назначенный на эту должность 24 августа 1930 г. епископом Шикутими.

Суперинтендант — заведующий церковным округом. (*Примеч. перев.*)

Суперинтендант Жозеф-Адольф Лапуант покинул свой пост в ноябре 1926 года. Целлюлозно-бумажная компания в Шикутими построила для него в 1919 году роскошный особняк на улице Сен-Жорж. Возле приходской школы в подлеске еще сохранились развалины этой резиденции.

Ла Болдюк, или мадам Болдюк (настоящее имя Мари-Роз-Анна Травер, 1894–1941), канадская певица и композитор, в своем творчестве сочетала традиции ирландской и квебекской музыки.

Замок Фронтенак (фр. *Château Frontenac*) — гранд-отель в стиле средневекового французского замка (шато) в городе Квебек. «Замок» был построен и открыт в 1893 г. В 1943 г. на Квебекской конференции, проходившей в отеле, вели переговоры Рузвельт и Черчилль. Замок Фронтенак назван в честь Луи де Бюада (1620–1698), графа Фронтенак, который считается отцом-основателем Канады. (*Примеч. перев.*)

Санаторий Роберваля», газета *Le Colon*, статья от 14 октября 1937 г.

Перевод М. Квятковской.

В настоящее время Маштеуиатш.

Адвокат дьявола (лат. *advocatus diaboli*) — неофициальное название одной из должностей института канонизации и беатификации католической церкви. Официально эта должность называлась укрепитель веры (лат. *promotor fidei*). Она была введена в 1587 году папой Сикстом V и официально отменена в 1983-м Иоанном Павлом II. (*Примеч. пер.*)

Рождественский гимн (1884) французского композитора Огюсты Холмес (1847–1903). *(Примеч. перев.)*

Перевод М. Квятковской. (*Примеч. перев.*)

Труа-Ривьер (фр. *Trois-Rivières* — «три реки») — пятый по величине город в провинции Квебек. Труа-Ривьер — это также крупнейший населенный пункт и столица историко-культурного и административного региона Мориси в самом сердце Квебека. Население — 126 тыс. человек. (Примеч. перев.)

Пещера естественного происхождения, сегодня открыта для посещений.

La Paloma («Голубка») — песня кубинского композитора Себастьяна Ирадье (1863) в ритме хабанеры. Одна из самых исполняемых песен в мире. Перевод с испанского Т. Сикорской. (*Примеч. перев.*)

индейцев круг — геометрическая фигура, которая управляет вселенной, они придают ему особое значение.

Агнесса Галан, известная как Агнесса из ордена Иисуса или Агнесса де Ланжак (1602–1634), была монахиней-затворницей Доминиканского ордена, прославившаяся своими добродетелями и милосердием.

Жан-Жак Олье де Верней (1608–1657) — французский священник Парижской епархии. Он способствовал проповеди евангелие среди канадских индейцев.

Альфонс Лигурийский стал служителем культа в двадцать семь лет и проповедовал Евангелие среди сельской бедноты. Он создал Общество Пресвятого Искупителя, члены которого именовались редемптористами.

«Мари Шапделен» — роман, написанный в 1913 г. французским писателем Луи Эмоном, который в то время жил в Квебеке. (*Примеч. перев.*)

Musher (*англ.*) — погонщик собачей упряжки. (*Примеч. перев.*)

Реальное лицо — директор коллежа Нотр-Дам с 1939 по 1945 гг.

«О Tannenbaum», слова Эрнста Аншютца (1824 г.).

Пер. М. Квятковской.

Одна из самых знаменитых французских песен, которая впервые была опубликована в 1874 г. в сборнике «Рождественские песни Лотарингии».

Тадуссак — первое французское владение в Северной Америке. В первые годы колонизации там была создана пушная фактория. Поселок Тадуссак признан самым старым в Квебеке — он отметил свое четырехсотлетие в 2000 г.

На канадском диалекте ругательство, соответствующее русскому «Черт побери!». (*Примеч. перев.*)

Пирог с начинкой из патоки, сахара-сырца и изюма.

Джуди Гарленд (*Judy Garland*, 1922–1969) — американская актриса и певица, лауреат многочисленных премий, а также двукратная номинантка на премию «Оскар». Мать актрисы Лайзы Миннелли. В 1999 году Джуди Гарленд была включена Американским институтом искусства в список 100 величайших звезд кино. (*Примеч. перев.*)

Перевод М. Квятковской.

Бранное слово, происходящее от выражения *tort a Dieu* (бог тому виной). (*Примеч. перев.*)

Историческое лицо, Паради был мясником в Валь-Жальбере в 1920-е годы.

Популярная песня, которую написал адвокат и журналист Антуан Жерен-Ляжуа (1824–1882). Пользовалась большим успехом у жителей Канады.

Перевод М. Квятковской.

Действительный факт. Падре Пио — священник и монах итальянского происхождения из ордена капуцинов, в миру Франческо Форджоне (1887–1968), родился в Пьетрельчине, Италия. Стал знаменитым как первый священник и один из немногих людей в мире своими стигматами. Канонизирован католической церковью в 2002 г. под именем святого Пио из Пьетрельчины.

Расстояние между Валь-Жальбером и Робервалем — 11 км. Ездовые собаки бегут со средней скоростью до 30 км/ч на маршрутах длиной около 40 км. На больших расстояниях средняя скорость уменьшается до 16–22 км/ч. Даже при неблагоприятных условиях собаки все же выдерживают среднюю скорость 10 км/ч.

«Minuit, Chrétiens» («Святая ночь») — рождественский гимн А. Адана на стихи П. Карпо, традиционно исполняемый в полночь при наступлении Рождества. (*Примеч. перев.*)

Adeste Fideles («Придите, верующие») — хорал XIII века, авторство которого приписывают св. Бонавентуре. (*Примеч. перев.*)

Здесь: самообвинения (*лат.*)

Перевод Н. Кончаловской.

Перевод Н. Кончаловской.

Персонаж местной легенды. (*Примеч. перев.*)

Вид инкрустации. (*Примеч. ред.*)

На индейском наречии Киона означает «золотой холм».

«Аквитания» — пакетбот «Cunard line», построенный «John Brown & Company» в 1913 г. в Шотландии. За тридцать шесть лет эксплуатации корабль пережил две мировых войны, и каждый раз по прекращении военных действий становился пассажирским пароходом.

Исторический факт: в июле 1940 г. немецкие военнопленные были конвоированы в лагеря вокруг озера Сен-Жан, но это долгое время держали в секрете. См.: Sague-payensia, juillet 1998.

В 1896 г. Луи Дебьен построил в этом месте, на бывшей почтовой станции, лесопилку. Производство объединило вокруг фабрики несколько семей, и этот поселок стали называть по имени главного предпринимателя Дебьена.

Бруно Гауптман был арестован в 1934 г. и приговорен к смертной казни за похищение и убийство сына Линдберга. Судебный процесс над ним широко освещался в прессе как «процесс века». Он был казнен на электрическом стуле 3 апреля 1936 г.

Почтовая станция была основана Пьером Бекаром де Гранвилем в 1676 г.

Местные так называли турбину.

По информации, любезно предоставленной Туристическим обществом Дебьена.

Призыв неженатых мужчин был объявлен 15 июля 1940 г. Это породило волну свадеб.

Ла Болдюк скончалась от рака 20 февраля 1941 г. в возрасте сорока шести лет.

то случилось 6 января 1897 г. и повлекло за собой смерть семи монахинь.

Речь идет о пожаре 1908 г.

Этот пожар случился 21 января 1919 г.

Этот магазин принадлежал Олива Жирару и с 1949 г. стал называться «Олива Жирар нувоте».

Песня написана солдатом Роланом Лебреном, который родился в Амки 10 октября 1919 г. в семье музыкантов. В 1940 г. он записал свой первый альбом и вскоре стал хорошо известен квебекской публике. Его песни говорят о любви, о тоске по дому. Их передавали по квебекскому радио во время войны, они звучали даже в Европе.

Перевод М. Яснова.

Перевод К. Беяева.

Так, в парке Жарри в Монреале сотни невест и женихов пошли под венец в надежде избежать обязательной воинской повинности. Некоторые молодые люди предпочли бежать в леса. Их совершенно серьезно будут называть «патриотами».

Бандо (фр. «bandeau») — лента, повязка. (Примеч. ред.)

Ванны с липовым цветом прекрасно снимают нервное напряжение, помогают при бессоннице и повышенной возбудимости. Это чудодейственное средство при уходе за легковозбудимыми детьми.

Описанные события произойдут в начале 1942 г., впоследствии что будет названо сражением на реке Святого Лаврентия.

По французской традиции, датой смены одного сезона другим считаются дни равноденствия и солнцестояния. (*Примеч. ред.*)

В нужный момент (*лат.*)

Немецкие войска вошли в Париж 14 июля 1940 г.

Индейское имя, означающее «звезда».

Мафорий (*греч.*) — верхняя одежда; длинное женское покрывало, спускающееся с головы до пят. (*Примеч. ред.*)

Этот лагерь располагался в Сен-Людже-де-Мило.

Исторический факт: во время Второй мировой войны 35 тысяч военнопленных были переданы Канаде.